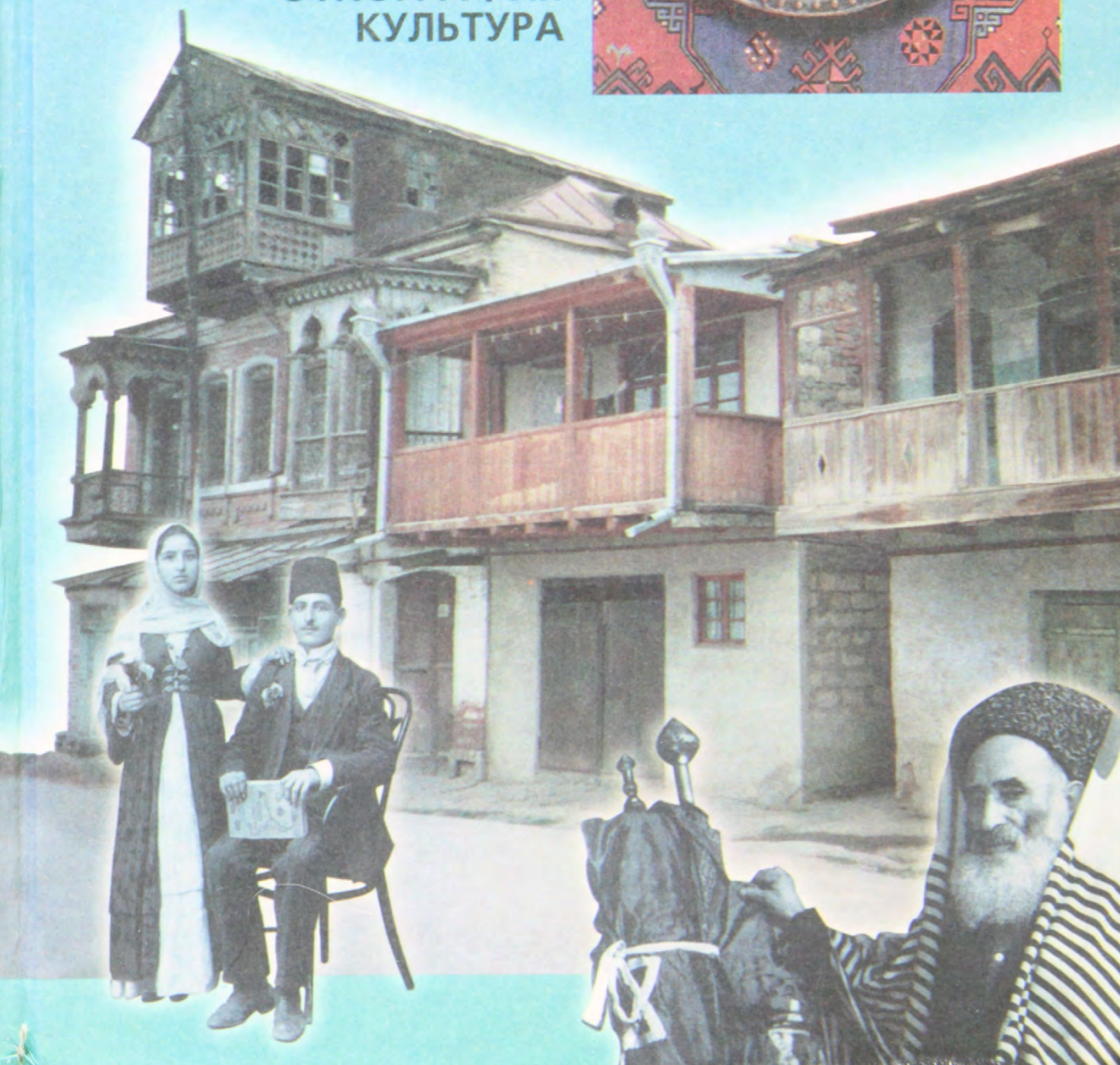
ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
КУЛЬТУРА

Г-же Галине Бенъяминовне
Мухасановой,
с большим уважением как к
ученой по теме этой книги.

И. Бегун (издатель)
Декабрь 2000

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

ИСТОРИЯ,
ЭТНОГРАФИЯ,
КУЛЬТУРА

Составление и научная редакция *В. Дымшица*
Перевод с иврита *Ю. Мурадова*
Вступительная статья *М. Членова*

Под общей редакцией *И. Бегуна*

ДААТ/ЗНАНИЕ
ИЕРУСАЛИМ - МОСКВА
1999

ПРООН
Программа развития ООН
в Российской Федерации

ББК 85.113(2)1

ПРООН
Программа развития ООН
в Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), которую я имею честь представлять, работает на всей территории Российской Федерации — от Камчатки до Брянской области. Мы смогли воочию убедиться, насколько многообразна Россия, представляющая собой уникальное сообщество многих народов и культур. Все народы, живя бок о бок и в содружестве друг с другом, призваны в то же время хранить и передавать следующим поколениям свои национальные традиции и культуру.

Программа развития ООН, которая осуществляет ряд проектов, способствующих этому процессу, приветствует издание данной книги. Надеемся, что она будет интересна не только ученым, но и широкой читательской аудитории.

Филипп Эль-Уайель
Постоянный Представитель
ПРООН в России

В работе принимали участие братья Заур и Акиф Гилаловы (разделы «Экономическая жизнь» и «Демография и расселение»).

В книге использованы фотоматериалы из архива Музея диаспоры (Израиль), а также фотографии экспедиций Иерусалимского Университета на Восточный Кавказ 1994—1997 гг. (из личного архива В. Дымшица, СПб)

ЗАР

Участники работы сердечно благодарят владельцев фирмы ЗАР за щедрую поддержку, благодаря которой издание книги стало возможным

ISBN 5-86993-003-0

© ДААТ/Знание. 1999.
© ЗАР. 1999.

Таир (Талхум) Гилалович Гуршумов и община горских евреев в Москве

Эта книга посвящена светлой памяти Таира Гилаловича Гуршумова (1948—1997), яркого представителя общины горских евреев, трагически погибшего два года назад.

Таир Гилалович родился в пос. Красная Слобода (Куба, Азербайджан). Он был старший сын в семье колхозного бухгалтера Гилала Пинхасовича Гуршумова. В школьные годы Таир проявлял незаурядные способности, его статьи уже тогда публиковались в республиканской прессе. После школы он учился на историческом факультете педагогического института в Баку. По окончании института он работал директором школы в Баку, одновременно занимаясь журналистской деятельностью. Спустя несколько лет Таир Гилалович получает назначение на руководящую работу в Комитет Народного Контроля республики. В 1979 году он переезжает в Москву, где работает в системе Госплана СССР. Его избирали делегатом на XXVI съезд КПСС.

В начале 90-х годов Таир Гилалович организует торговую ярмарку в Восточном округе столицы. Большой хозяйственный и руководящий опыт помогли ему превратить крохотный на 15 лотков рынок в большой оптово-розничный торговый центр, где трудятся тысячи людей и который ежедневно посещают десятки тысяч покупателей.

Своей отзывчивостью и добротой Таир Гилалович снискал себе искреннее уважение очень многих людей. Его благотворительность была многогранной — от помощи в нуждах простым людям до финансирования проектов общественного и культурного значения. Важным делом жизни Таира Гилаловича стало создание в Москве религиозной общины горских евреев в начале 90-х годов. Московская Хоральная синагога выделила для ее нужд специальное помещение и благодаря щедрой финансовой поддержке Таира Гилаловича такая община была создана. Вот уже несколько лет по обычаям горских евреев проводятся субботние и праздничные богослужения, обряды брит-мила, бар-мицвы, свадебные хупы и другие церемонии.

Одно из значений имени Таир — светящий, дающий свет. Благородный свет, который зажег Таир Гилалович Гуршумов, не погас с его уходом из жизни. Его сыновья Заур и Акиф умело руководят экономической деятельностью и уделяют большое внимание помощи общине и иной благотворительной деятельности. В скором времени состоится открытие религиозного учебного центра «Бейт Талхума» (дом Талхума), названного в честь Таира Гилаловича. Здесь молодежь будет учить Тору, познавать основы еврейской мудрости, чтобы крепла вера отцов, укреплялись традиции, и так продолжилась жизнь еврейского народа, верным сыном которого был Таир Гуршумов.

Братья Гилаловы (Гуршумовы) поддерживают многие общественные и культурные проекты, на их средства издается литература для просвещения горских евреев. С их помощью строится синагога горских евреев в Москве, возводится синагога в поселении Тират-Кармель в Израиле, где проживают тысячи новых репатриантов — выходцев с Кавказа.

Данная книга была опубликована благодаря щедрой финансовой поддержке братьев Заура и Акифа Гилаловых (Гуршумовых), которые также приняли активное участие в подготовке к ее изданию.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Горские евреи — исконное еврейское население Восточного Кавказа. Район их традиционного проживания — северный Азербайджан и Южный Дагестан, откуда они расселились по всему Северному Кавказу, кроме того, в настоящее время горские евреи живут в России за пределами Кавказа и в Израиле. Наиболее значительные общины горских евреев находятся в Азербайджане, в городах Баку, Куба и Огуз (до 1991 г. — Варташен); в Дагестане, в городах Дербент, Махачкала (старое название — Петровск) и Буйнакск (старое название — Темир-Хан-Шура); в столице Кабардино-Балкарии городе Нальчике. Горские евреи говорят на нескольких близких говорах еврейско-татского диалекта татского языка, принадлежащего к западной ветви иранской группы языков. Кроме горских евреев на татском языке говорят также проживающие на Восточном Кавказе таты-мусульмане (они, собственно говоря, и есть «таты», в том числе по самоназванию) и таты-христиане или, как их еще называют, армяно-таты, поскольку они являются приверженцами армянской григорианской церкви.

В этой книге речь пойдет именно о горских евреях, об их истории, этнографии, культуре. В ее основу была положена монография о горских евреях известного специалиста по еврейским общинам Восточной Европы профессора Иерусалимского университета Мордехая Альтшулера. Для данного издания текст книги М. Альтшулера был полностью переработан и значительно расширен, а некоторые главы написаны заново, с учетом современных данных, полученных в последние годы в ходе этнографических экспедиций на Восточный Кавказ, а также дополнен рядом материалов из наиболее интересных публикаций о горских евреях.

Валерий Дымшиц

КТО ТАКИЕ — ЭТИ «ГОРСКИЕ ЕВРЕИ»?

Предисловие к книге «Горские евреи»

Книги бывают самые разные — серьезные и совсем лишенные этого ценного качества, направленные на выяснение истины или, наоборот, стремящиеся эту истину, елико возможно, затемнить. Но, с любой точки зрения, все они объединяются одной очень существенной целью — они должны отвечать какому-то интересу, должны заставить читателя взять в руки книгу, вместо того, чтобы, скажем, предаться разговору с друзьями, походу в ресторан, кабаре, театр или в другое развлекательное заведение и т. д. Иными словами, книги должны отвечать на реальный интерес — тогда они будут пользоваться спросом. Неудивительно, что огромное количество книг пылится на складах, а особенно пылились ранее, при советской власти, когда издавалось множество мало кому нужных книг, отвечавших на социальный, идеологический заказ правившей КПСС.

Настоящая книга, безусловно, стремится ответить на вопросы, которые интересуют весьма определенного, но вместе с тем постоянно увеличивающегося в количестве читателя. Это, прежде всего, сами горские евреи и те люди, большей частью, евреи, но не горские, которые с ними сталкиваются.

Первый серьезный ответ на их вопросы попытался дать известный израильский историк, профессор Иерусалимского Университета Мордехай Альтшулер, опубликовавший в 1990 г. в Иерусалиме пространную монографию под названием «Евреи Восточного Кавказа. История горских евреев с начала XIX в.». Книга была написана и издана на иврите, еврейском языке, который, к великому сожалению, слабо известен среди еврейской диаспоры бывшего Советского Союза, в том числе и среди горских евреев. Многие рванулись к этой книге, и... вынуждены были отойти от нее. Во-первых, язык... Во-вторых, книга была написана, как принято говорить, академическим языком и стилем, изобиловала большим количеством исторического статистического, демографического материала, что вообще составляет отличительную особенность превосходных в профессиональном отношении работ этого автора, но затрудняет их путь к широкому читателю. Короче, книга Альтшулера, на которую столь велик, казалось бы, был спрос в среде самих горских евреев и тех евреев, которые интересуются своим народом и его творческим наследием, оказалась недоступной для многих желающих ее прочесть. Точный перевод, очевидно, не мог бы снять той академичности, которая

препятствовала бы ее распространению среди широкого читателя, и, в первую очередь, среди горского еврейства. И вот родилась эта несколько странная идея, породившая книгу, которую вы, читатель, сейчас держите в руках. Двое русских евреев, один из которых — Иосиф Бегун, известный в прошлом активист еврейского движения, отдавший многие годы свободы для того, чтобы добиться прав на культурное возрождение советского еврейства, а второй — Валерий Дымшиц, исследователь из Петербургского Еврейского Университета, участвовавший несколько лет тому назад в экспедиции в районы традиционного проживания горских евреев, решили издать книгу о горских евреях, положив в основу «адаптированный» перевод книги М. Альтшулера, получив от него благосклонное разрешение на это, дополнив ее большим числом других литературных источников и снабдив все это, где можно, своими собственными наблюдениями, комментариями и выводами.

Двигало этими людьми то, что вообще-то о горских евреях известно очень немного. С одной стороны, этот предприимчивый, энергичный, сбитый в какие-то очень местные, очень «свои» объединения, народ известен многим людям, бывавшим на Кавказе, знакомым с повседневной жизнью северокавказских республик, сегодня повергнутых в трагедию и платящих по счетам недавнего советского и уже отдаленного царского колониального прошлого. Горские евреи неизменно присутствуют на страницах жизни Кабарды, Чечни, Дагестана, северного Азербайджана. Кое-где их называют татами, и сами они в какой-то нелегкий период своей жизни пытались называть себя эти именем, произведенным от названия языка. В последние годы они стали частью городской жизни там, где раньше лишь единицы расплывались в многоголосом хоре уличного шума — в Москве, в Петербурге, в Тель-Авиве и Вене. Далеко не везде глаз стороннего наблюдателя выхватывает их как нечто целое из толпы и определяет их тем странным названием, под которым они вошли в историю — «горские евреи», евреи-горцы. Чаще всего их с кем-то путают. Для москвичей они — «азеры», часть огромной массы, заполнившей в последнее десятилетие рыночные пространства России. Для немцев или австрийцев — часть турок, которые давно стали привычным элементом среднегерманского ландшафта. В Израиле они занимают место где-то посередине между «русим», многосоттысячной массой выходцев из Советского Союза, и «сфардим», не менее многосоттысячной массой выходцев из стран Востока. И нередко на всех этих пространствах можно услышать вопрос — кто такие эти «горские евреи»? Где народились, откуда пришли, почему ушли? И наконец, основной вопрос, который часто можно было услышать — а евреи ли они? Уж больно непохожи на привычных всем украинских или литовских евреев с их идишем, привычными фамилиями и именами, местечковым бытом.

Все эти вопросы задавали мне не только посторонние люди, интересовавшиеся неожиданно возникшим перед их глазами кавказским народом, но и, главным образом, сами горские евреи, которых последние события их богатой треволнениями судьбы совсем сбили с толку. Простые люди, привыкшие

с уважением относиться к своим собственным авторитетам, людям, происходившим из известных и заслуженных семей, добившихся известного положения в системе иерархических ценностей советского общества, пытались честно понять, что означают призывы некоторых из их лидеров, представителей творческой интеллигенции и советской номенклатуры, перестать ощущать себя евреями и осознать себя татами, представителями единого «арийского, иранского» народа, чьи предки исповедовали много разных религий, а в наше прогрессивное время сбросивших с себя вообще ярмо невежества и религиозного угнетения.

В 1985 г. судьба забросила меня в Дербент, столицу горского еврейства, третий город в ту пору в РСФСР после Москвы и Ленинграда по численности еврейского населения. Случайный знакомый, в домике которого я переночевал, бывалый автомеханик, горский еврей, на старости лет промышлявший шашлычным делом, говорил мне, русскому еврею из Москвы, так:

— Что у тебя на душе, милый? Говори, все говори! Для меня приезд таких людей, как ты — большая радость. Ты — моя кровь, моя нация — я тебя обязан любить.

А немного погодя, как бы уточняя свое отношение к европейским евреям, ашкеназам, говорил следующее:

— Наши на ашкеназах довольно охотно женятся, но чаще всего выходят замуж девушки за ашкеназа, потому что у ашкеназов мужчины очень хорошие, а женщины неприятные. Вообще, вы, ашкеназы — народ необщественный. У нас — если свадьба, похороны — все идут, а у вас... *(махнул рукой)*. Рабочего человека среди ашкеназов нет. Не обижайся, это я так — среди своих говорю.

Действительно, отношения между ашкеназами и горскими евреями — как между двумя соперничающими постоянно братьями в одной семье. С одной стороны, ашкеназы явно смотрятся в этом союзе как старшие братья, пробившие для горских евреев своего рода «окно в Европу», а в последнее время — зачинатели массового исхода в Израиль. С другой стороны, больно непохожи они на горских евреев во всем, что касается жизни в ее повседневности. Потому что очевиден не только факт принадлежности этого небольшого народа к евреям, но и не менее очевидно то, что горские евреи — кавказский народ, даже более точно, восточнокавказский, принадлежащий к мусульманской части этого региона. И когда лидеры т. н. «татского движения» говорили о своем народе как о кавказском, они не кривили душой. О том же говорил и покойный ныне знаменитый горско-еврейский этнограф Михаил Мататович Ихилов, человек, который один из очень немногих представителей горско-еврейской интеллигенции пытался многие годы противостоять поддержанной официальными властями Дагестана кампании по «татизации» и «деиудаизации» этой небольшой части еврейства. Он утверждал единство еврейского и кавказского начал в жизни народа, отмечая, что, будучи интегральной частью еврейства, горские евреи могут с равным основанием претендовать на то, чтобы считаться одним из коренных народов Дагестана.

Действительно, в этом есть доля истины, так как любая еврейская этническая группа всегда имеет эти две прочные связи: с еврейством, как с целым, которому она принадлежит, и со страной или географическим регионом, в котором она формировалась. Ашкеназы — не только часть еврейства, но и, несомненно, восточноевропейский народ, чья бытовая культура пронизана чертами, понятными без слов любому русскому, поляку, украинцу, румыну. Сефарды до наших дней, через 500 лет после изгнания, вполне могут называть себя «пиренейским» народом, сохраняя не только еврейско-испанский язык ладино, но и чарующую мелодику испанских песен, детали одежды, а главное, почти непонятное ощущение привязанности к исторической родине, которая полтысячелетия назад обрекла их на изгнание и странствия по чужбине. Мы узнаем индийцев в современных кочинских евреях, переселившихся в Израиль, видим среднеазиатские черты у бухарских евреев, где бы они ни жили. Эфиопские евреи, перебравшиеся сейчас в еврейское государство, и внешним видом, и культурой напоминают нам гораздо больше эфиопов, нежели, например, горских евреев. Так уж устроена еврейская цивилизация, просуществовавшая две тысячи лет в диаспоре и сейчас медленно, но верно собирающаяся на земле далеких предков, в Земле Израиля. Эта цивилизация, как и все другие великие цивилизации — христианская, исламская, индийская — была по сути многоэтничной, состояла из множества разных народов, объединенных ощущением к единому целому. Многоэтничность придавала цивилизации ту необходимую вариативность, благодаря которой сама цивилизация могла выжить. Если в результате исторических перипетий или трагедий, так часто случавшихся в жизни еврейского народа, исчезала какая-то одна этническая составляющая еврейства, остальные продолжали жить и нести на себе величие и груз традиции. Так исчезло, ассимилировавшись в крупнейшем народе мира, китайское еврейство. Исчезновение его, конечно же, трагедия, как исчезновение любого народа, большого или малого, обогащавшего своим присутствием палитру человеческой культуры. Но эта трагедия не стала роковой для еврейства, которое несло свой облик, воплощенный в различные этнические костюмы.

Один из этих «костюмов» создан горскими евреями. Авторы книги справедливо указывают, что «горские евреи представляют собой ветвь, хоть и весьма обособленную, персидского еврейства». Персия, Иран в широком смысле этого слова, в еврейской традиции назывался словосочетанием «Парас-у-Мадай», в котором угадываются названия двух разных в прошлом стран, Персии и Мидии, т.е. в самых общих чертах современных Ирана и Азербайджана. Иран-Парас мыслился в древности, конечно же, шире, чем сейчас, и включал в себя, кроме современного государства с этим названием, также и Афганистан, и среднеазиатские земледельческие долины в современных Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Киргизии и даже, возможно, какие-то части Восточного Туркестана, входящего в состав современного Синьцзянь-Уйгурского автономного округа Китая. Евреи не только жили в этой большой области издревле — свиток Эстер дает нам намек на ранние стадии

еврейского поселения в Персии — но и создавали на протяжении тысячелетий свои внутренние субэтнические подразделения. К персидскому еврейству относятся не только так называемые «джиди», евреи современного иранского государства — несколько десятков тысяч их до сих пор живут в Тегеране, Исфагане и других крупных городах страны. К ним же следует причислить и т. н. бухарских, или среднеазиатских евреев, до недавнего времени живших в Советском Союзе, а сейчас в массе эмигрирующих из стран Центральной Азии в Израиль и США. Совсем недавно, на наших глазах, в топке афганской войны исчезло еврейство Афганистана, также часть персидского еврейства в широком смысле этого слова. Немного раньше, сто лет тому назад, еще существовали еврейские группы в Синьцзяне, видимо, частично ассимилировавшиеся в результате ассимиляции с местным уйгурским населением, а частично влившиеся в бухарско-еврейские общины Самарканда или Ташкента. Разнообразные фольклорные сюжеты о еврейском элементе, участвовавшем в их создании, окружают сведения о происхождении ряда мусульманских народов региона, таких, например, как пуштуны, крупнейший народ современного Афганистана, несущий знамя исламского фундаментализма, или небольшие народности Восточного Закавказья, до сих пор живущие своей замкнутой жизнью в горных аулах.

Все еврейские этнические группы этого региона говорили, а некоторые говорят и по сию пору, на различных иранских языках, чаще всего близких к фарси, или персидскому языку, как таковому. Таковы диалекты джиди, еврейско-таджикский язык бухарских евреев и татский язык горских. Но откуда взялось само слово «тат»? По мнению исследователей, этим словом тюркские скотоводы-кочевники называли подчиненное ими земледельческое население, чаще всего иранского происхождения. В чистом виде либо как компонент в составе других этнонимов (тат-ар, тад-жик?) мы встречаем это слово в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, в Монголии, даже в Венгрии мы находим его в форме «тот» в венгерском языке для обозначения словаков. Как правило, люди не применяют название «тат» по отношению к самим себе, что свидетельствует косвенно о его уничижительном оттенке. В лингвистике укоренилось название «татский язык», калька с персидского «тати», которым обозначают как особый язык на Восточном Кавказе, родственный фарси с характерным явлением «ротации», так и ряд диалектов фарси в самом Иране, не родственных кавказскому татскому, но также родственных фарси. По названию языка и утвердилось в российской этнографической школе с конца XIX в. и наименование ираноязычного населения Азербайджана татами. К нему относятся группы мусульман, чаще суннитов, чем шиитов, к которым относится подавляющее большинство азербайджанцев, живущих на Апшеронском полуострове и в северной части Азербайджана, включая несколько мусульманско-татских аулов в южном Дагестане. Отдельно выделялись два аула в центральном Азербайджане, населенные татоязычными армянами. И наконец, на татском языке, на особой диалектной группе его, говорят и горские евреи. В составе горско-еврейского татского языка

выделяются кайтагский диалект (северный Дагестан и остальные районы Северного Кавказа к западу от Дагестана), дербентский диалект (Южный Дагестан), кубинский диалект (Северный Азербайджан) и, возможно, шемахинский диалект, остатком которого является говор поселка Огуз (Варташен). Интересно, что сами горские евреи не любят называть свой язык «татским», хотя это название им известно. В литературе отмечено бытование лингвонима *джухури*, т. е. «еврейский», но сегодня, а скорее всего, и раньше, чаще можно услышать просто наименование *фарси* для их языка. Не случайно использование именно этого названия, высоко престижного на всем Востоке, в отличие от полупрезрительного *тати*. До войны этноним *таты* в литературе чаще всего применялся к татам-мусульманам и татам-христианам. Горские евреи и в русскоязычной, и, конечно, в зарубежной литературе раньше татами почти не назывались.

Но вот совсем нѐдавно, уже в наши дни, каких-то 25—30 лет назад, возникла так называемая «татская» проблема. Авторы достаточно подробно описывают отношения между горскими евреями и ашкеназами, непростые в силу понятных исторических обстоятельств. Читатель сможет также прочесть про то, как более ста лет назад горским евреям приходилось убеждать царские власти не распространять на них ограничительное антиеврейское законодательство Российской империи, так как «они совершенно не похожи на евреев», черты оседлости. А затем стряслась трагедия Холокоста, задевшая горских евреев гибелью Богдановки, Менжинска, колхоза им. Шаумяна в Крыму. А вот Нальчик уцелел. Благодаря только тому, что в очередной раз горско-еврейской «колонке» удалось доказать немцам, захватившим город, что они не евреи вовсе. И в этом их поддержал не только Селим Шадов, о котором пишется в книге. Были и другие заступники. Вот что писал об этом известный русский востоковед немецкого происхождения Поппе, перешедший во время войны к немцам:

«В ноябре я был вызван в Нальчик в Кабардинский регион, где возникла проблема так называемых горских евреев. Они были евреями по религии, но этнически иранцами. У немцев были две точки зрения: СС, верная своим идеям, хотела уничтожить горских евреев. Армейские офицеры возражали против этого плана и говорили. что нужно вызвать меня как эксперта, чтобы разобраться в этом вопросе. В Нальчике я встретил профессора Боннского университета Дитерса, хорошо известного как специалиста по кавказским языкам, и капитана Теодора Оберлендера, коменданта Нальчика, который очень симпатизировал горским евреям и возражал против их уничтожения. Оберлендер был бывшим министром Веймарского правительства, а после войны стал министром в правительстве Аденауэра, а затем профессором Боннского университета. Я написал меморандум, что горские евреи в законах царского правительства считались не евреями, а горцами. Я также подчеркнул, что их настоящее название — таты, и что в научной литературе говорится, что таты — народ иранского происхождения, говорящий на иранском языке. Я также поддержал идею, чтобы руководители татов пригласили немцев

на вечеринку с вином. песнями и танцами. Все участники, включая оберштурмбанфюрера СС Пестерера, приняли в этом участие и согласились с тем, что таты — не евреи. Пестерер сказал еще: "Нас не интересует их дурацкая религия, если они хотят исповедывать иудаизм, нас это не касается. Мы против евреев по расе". Я был счастлив, что оказался способен помочь спасти татский народ от уничтожения. В противном случае татов могла постичь участь крымчаков из Крыма. Крымчаки также были иудаистами, а в расовом отношении тюрками, но были истреблены немцами».

Действительно, крымчаки, еврейская этническая группа в Крыму, потомки евреев Крымского ханства, не смогли спастись, не нашлось никого, кто бы подсказал спасительную в той трагической ситуации идею «откреститься» (почти в прямом смысле слова) от евреев. Большинство их погибло в пожаре Катастрофы, а те, кто уцелел, пытаются сейчас, уже слишком поздно, сконструировать себе какую-то мифическую нееврейскую генеалогию, возводя себя не то к скифам, не то к таврам. А повезло караимам, те успели вовремя заявить, что они не евреи, а потомки неких тюрок, принявших иудаизм где-то в средние века. А потом уже и не иудаизм, и не в средние века, а просто исповедывавшие отдельную религию, «библиизм», основанную на Библии в такой же степени, как на ней основаны иудаизм и христианство. Другое дело, что сейчас караимов, не говоря уже о крымчаках, почти не осталось. Они стремительно ассимилируются с разными народами Восточной Европы, и их самобытность очень слабо поддерживается искусственно сконструированной родословной. Но Бог в том им всем судья. Еврейское наследие — нелегкое наследие. Тянуть его веками — особый жребий, и, как показывает долгая история еврейства, определяется его упорной верой в свое избранничество. Эта избранность коренится в самом происхождении еврейского народа, она была пронесена через долгие века, несмотря на страдания, а подчас и массовую гибель. Но — по человечески — может быть понято стремление сбросить с себя такое избранничество. И это происходит и происходило не раз в истории, не исключая и героев этой книги, горских евреев.

После войны, конечно, все знали о том, что произошло на Северном Кавказе и в Крыму. Но вспомним, что про Холокост вообще не полагалось говорить в Советском Союзе. Те, кто чудом спасся, предпочитали молчать об этом долгие 40 с лишним лет, пока гласность не развязала их воспоминания. Тем более разумнее было молчать тем, кто спасся благодаря удивительному чуду, как в Нальчике, особенно когда в дело были замешаны совсем сомнительные люди типа Селима Шадова или Николая Поппе. И горские евреи молчали. Но не желали, чтобы что-либо подобное повторилось бы. Основания к такому опасению, как мы все хорошо знаем, имелись — конец 40-х годов явил миру и советским евреям кампанию борьбы с безродным космополитизмом, уничтожение советской еврейской интеллигенции, «дело врачей». И в этой трагической ситуации у некоторых лидеров маленького еврейского кавказского народа появляется искушение отбросить еврейское наследство и обеспечить себе этим хоть какую-то передышку, а может быть, и спокойную жизнь

на несколько поколений. Никто не в состоянии предсказать, что через сколько-то лет начнется борьба евреев за эмиграцию из Советского Союза. Никто не в состоянии предсказать, что через еще сколько-то лет и сам Советский Союз развалится, что на Северный Кавказ придет братоубийственная война в Чечне, горящий рядом абхазский конфликт, рост исламизма в Дагестане, которые заставят большую часть горских евреев покинуть насиженные веками места и бежать, кто в Израиль, а кто и в Москву, где будут стучаться они не в райкомы КПСС и не в мечети, а в синагоги. Но это все — впереди.

А тогда, в 50—60-е годы, начинает раздаваться проповедь, вначале в Дагестане, где жил цвет национальной интеллигенции: мы никакие не евреи, мы таты, часть единого иранского арийского народа, пусть не путают нас с евреями и пусть разрешат нам менять национальность в паспорте. И проповедь такая, конечно, имеет успех в условиях советской действительности. Она падает на унавоженную почву государственного антисемитизма, она удобна дагестанским властям, которые числят татов, но не горских евреев, в числе коренных народностей своей республики. Она, наконец, удобна тем, кто боится наступления модернизации и проникновения разрушающих веяний в горско-еврейский адат, на котором зиждется обычай маленького народа. А здесь приходят свои собственные писатели, инженеры, партийные работники и, указывая на девушку из Москвы в мини-юбке, обращаются к своему народу и говорят:

— Вы хотите, чтобы ваши дочери были вот такими?

И все согласно кивают и говорят — нет, конечно, не хотим.

— Тогда запомните, чтобы этого не было, мы должны стать татами и перестать быть евреями.

И переставали быть ими. А чтобы доказать, что это так, раздобыли еще «справку» в Институте этнографии Академии Наук СССР в Москве о том, что так называемые горские евреи на самом деле являются лишь частью единого татского народа, а к евреям отношения никакого не имеют. Позорная история эта, конечно, для советской этнографии, но чего скрывать, имела место и она. Чего ни сделаешь, чтобы угодить режиму государственного антисемитизма.

И многие, очень многие, пошли в милицию менять паспорта, а заодно некоторые еще заходили и в ОВИР, чтобы оставить там, на всякий случай, просьбу о воссоединении с родственниками в Израиле.

И вот прошло 25 лет. Все переменилось. Опустели почти все насиженные горско-еврейские очаги. Почти опустела Махачкала, сильно уменьшился в численности еврейский Дербент, около 1500 человек осталось в некогда многолюдной Колонке в Нальчике, опустел Варташен-Огуз, говорят, держится только Куба, да сколько еще продержится она? Возникли новые горско-еврейские центры в Пятигорске, в Москве, в Петербурге. Ну и, конечно, в Израиле, где теперь обитает уже большинство горских евреев и где дети, родившиеся и выросшие в еврейском государстве, болтают уже не на татском и русском, а на иврите. Там больше не вспоминают о «татах», героях Советского

Союза, а почитают в качестве героя генерала Йекутиэля Адама, израильтянина горско-еврейского происхождения, павшего на фронтах одной из многочисленных арабо-израильских войн. Но многие из Израиля приезжают снова, уже с израильскими паспортами, в Дербент, или в Баку, или в Москву, или в Пятигорск и пытаются там продолжать жить той жизнью, к которой привыкли. И у многих из них, простых людей с Кавказских гор, застыл в глазах немой вопрос:

Кто мы такие? И что это с нами такое случилось?

Наверное, книга «Горские евреи» поможет им если не ответить на этот вопрос, то хотя бы отчасти понять, как это можно сделать.

М. Членов
Кандидат исторических наук,
профессор Государственной
Еврейской Академии им. Маймонида,
г. Москва

Введение

Долины и предгорья Восточного Кавказа были густо населены с древнейших времен. Восточный Кавказ — ключевой регион в истории Евразии, важнейшая стратегическая точка, своего рода «сухопутный Гибралтар». Именно здесь находится единственный проход, по которому большие массы войск (прежде всего, конницы) могли проникнуть из Ирана и Центральной Азии в Европу и наоборот. Все остальные пути преграждают пустыни и горы. Понятно также не только военное, но и торговое значение этого региона, по которому издревле проходили караванные пути. Еще во времена Сасанидов Иран начал контролировать эти «Кавказские, или Каспийские, Ворота», о чем напоминают стены древней Дербентской крепости, построенной еще в доисламское время, при Хосрое Ануширване. Тогда же в предгорьях Восточного Кавказа появилось оседлое персоязычное население, предки нынешних татов. Не исключено, что тогда же здесь появились и евреи.

Разнообразен этнический и конфессиональный состав населения Восточного Кавказа, так как тысячи лет он служил мостом между юго-восточной Европой и Азией, по которому проходили различные народы, оставляя свой след не только в культуре, но и в составе местного населения. В то же время труднодоступные горы Кавказа служили убежищем для народов, вытесненных завоевателями с равнин. Горные хребты, отделяя одну долину от другой, приводили к изоляции жителей этих долин, так что они на протяжении многих веков сохраняли свою самобытность, свой язык.

В этом этническом и языковом калейдоскопе издревле присутствуют и евреи. Миграционные волны приводили сюда разное в этническом и языковом отношении еврейское население. Кроме того, процесс этногенеза происходил внутри самих еврейских общин. Так сформировалась на Восточном Кавказе особая этническая группа — горские евреи.

Самоназвание евреев Восточного Кавказа — «джухур». Окружающим народам они были известны преимущественно как «джухут» — термин, имеющий пренебрежительный оттенок.

Территория этногенеза горских евреев — горы Северного Азербайджана и Южного Дагестана в полосе между Кубой и Дербентом. Здесь они

жили в аулах, входивших в состав Кубинского ханства, а также в аулах исторических провинций южного Дагестана: Кайтаг, Табасаран и Кюра. Кроме того, горско-еврейские поселения существовали в Азербайджане в Шемахинском ханстве и в северо-западном Азербайджане, в Шекинском ханстве.

Из мест своего первоначального расселения горские евреи переселялись на юг — в Баку, и на север — в Северный Дагестан, в Чечню, в Кабарду, на Кубань и в Ставрополье. Соответственно, специфика каждого из регионов наложила свой отпечаток на историю и этнографию еврейских общин.

Таты и горские евреи

Всякий раз, как только речь заходит о горских евреях, начинается путаница между понятиями «горские евреи» и «таты». Даже в специальной литературе, иногда из-за недостатка знаний, иногда сознательно (стремясь поставить под сомнение принадлежность горских евреев к еврейскому народу) смешивают татов и горских евреев.

Известно, что часть татов-мусульман действительно ведет свое происхождение от горских евреев. Однако на сегодняшний день нет никаких оснований утверждать, что горские евреи и таты — это один народ. Прежде всего, сами горские евреи и таты ощущают свою принадлежность к разным, хотя и взаимосвязанным, этническим общностям.

Необходимо внести ясность в этот вопрос. Нет никакого сомнения в том, что, несмотря на значительную культурную, языковую и, может быть, историческую близость, горские евреи и таты-мусульмане представляют собой два различных этноса. Абсолютное большинство татов-мусульман проживает в Азербайджане [1], причем таты записаны в паспортах (и, следовательно, в переписях) как азербайджанцы, а горские евреи, как правило, как евреи. Иначе дело обстоит во входящем в состав Российской Федерации Дагестане: здесь таты считаются одним из местных народов, причем основную массу татоязычного населения Дагестана составляют горские евреи, татов-мусульман в Дагестане почти нет [2]. В советские годы весьма активно насаждалось представление о том, что все носители татского языка вне зависимости от вероисповедания составляют единый татский народ — один из многих народов Дагестана. Горские евреи в Дагестане начали массово записываться в паспортах «татами», дабы избежать национальной дискриминации

---

[1] Современная численность татского населения в Азербайджане неизвестна, так как в паспортах таты записаны азербайджанцами и не учитываются при переписях. Тем не менее, можно утверждать, что это число весьма велико, так как еще в начале XX в. численность татов-мусульман в одной только Бакинской губернии составляла 125 тыс. человек.

[2] В Дагестане таты-мусульмане живут только в шести небольших деревнях около Дербента. В середине 1920-х гг. численность татов в Дагестане не превышала 4 тыс. человек.

в качестве евреев. Так, во время переписи 1979 г. свыше 20 тыс. горских евреев предпочли назвать себя татами. Таким образом, можно утверждать, что запись в паспорте «тат», во-первых, могла появиться только в Дагестане, а, во-вторых, скорее всего, свидетельствует о горско-еврейском происхождении владельца этого паспорта.

В результате такого своеобразного решения «горско-еврейского», а заодно и «татского» вопросов статистические данные по численности горских евреев и татов оказались заведомо фальсифицированы, а этнонимы «горский еврей» и «тат» перепутаны.

Определенную роль в этой исторической путанице сыграло и то, что печать и литература на татском языке сформировалась именно среди горских евреев и на основе татско-еврейского диалекта, причем пишущие на этом языке называли себя татскими, а не еврейскими или, скажем, горско-еврейскими писателями.

Сам по себе этноним «таты» впервые появился в VIII в. Таты — не столько этноним, сколько социальный термин. Тюрки-завоеватели называли татами оседлые народы, говорившие на иранских языках, и, шире, всякое покоренное ими оседлое земледельческое население. Этноним «таты» встречался на Кавказе, в Крыму, в Средней Азии, Сибири, в Венгрии, в Иране. В настоящее время, кроме Восточного Кавказа, он используется для именования ираноязычного населения Южного (Иранского) Азербайджана. Слово «тат» также отчетливо слышится в этнониме «таджик», обозначающем ираноязычное население Средней Азии. Что касается Восточного Кавказа, то там таты проживают на Апшероне и в районе Шемахи, причем в этих регионах они сильно тюркизированы, и в предгорьях Кавказа на севере Азербайджана (район Кубы), где они все еще сохраняют языковую и культурную самобытность.

Для тюрков термин «таты» обычно имел негативную коннотацию. Как писал Б. В. Миллер, с точки зрения тюрков:

> *сами таты индифферентно относятся к своей национальности <...> считая наименование «тат» <...> малопочтенным.*[3]

Впрочем, сам Б. В. Миллер замечает далее:

> *никакого презрительного отношения к своему языку <...> я у татов не усмотрел.*[4]

Характерно, что и в настоящее время, несмотря на активную политику отуречивания татов, многие таты, особенно в горных районах, где они в большей степени сохранили свою самобытность, недовольны тем, что в паспортах

[3] Б. Миллер, 1929. С. 3.
[4] Б. Миллер, 1929. С. 5.

они записаны азербайджанцами, лишены возможности сохранять язык, культуру и т. п.

Несмотря на то, что горские евреи говорят на татском языке, в своих собственных глазах и в глазах других народов горские евреи несомненно являются отдельным этносом. Принадлежа к разным конфессиям, таты и горские евреи практически не вступают в браки друг с другом. Таты и горские евреи проживают в одном регионе, но мне не известно ни одно поселение (не считая больших городов типа Баку или Махачкалы), в котором бы они жили совместно.

До революции все авторы, писавшие о горских евреях, четко отличали их от татов-мусульман. Впервые идею «единого татского народа» сформулировал в 1928 г. Б. В. Миллер в своей работе «Таты, их расселение и говоры». В то же время в этой работе сам Б. В. Миллер, говоря о «так называемых» горских евреях, вынужден отметить, что:

> *еврейская группа татов* <термин Б. В. Миллера>, *единственная сознающая свою национальную обособленность* <от азербайджанцев> *(правда, пока, по религиозному признаку).*[5]

Он же, посвящая в этой своей небольшой монографии отдельную главу горским евреям, пишет в ней так:

> *Еврейско-татская группа единственная, себя национально выделившая из остальной массы татоязычного населения и положившая начало своей письменности на этом языке.* <...> *Между тем таты-мусульмане, как мы видели, до революции не выделяли себя из общей массы закавказских мусульман, а после революции проявляют тенденцию выдавать себя за тюрков.*[6]

Идея, намеченная Б. В. Миллером, была подхвачена не только советским официозом, но и частью горско-еврейской интеллигенции. Удивительно, но даже в наше время появляются публикации типа изобилующей фактическими неточностями книжки Б. Ш. Нувахова «Таты России», в которой можно прочесть, что «горские евреи по своим антропологическим характеристикам не имеют ничего общего с древними евреями (?!)», что надуманно причислять «татов-иудаистов к еврейской нации лишь на основании их приверженности к иудейской религии», что все разговоры о «так называемых» горских евреях являются результатом сионистской пропаганды и т. п. Полемизировать по существу тут незачем, но не очень понятно, что заставляет писать до

---

[5] Б. Миллер, 1929. С. 3.

[6] Б. Миллер, 1929. С. 18.

Последнее утверждение, как уже было сказано, по нашим наблюдениям скорее справедливо для татов Апшерона, но не для татов-горцев.

сих пор такие книги «в защиту» горских евреев и одновременно не замечать «в списках не значащийся» и потому исчезающий реальный этнос, то есть татов-мусульман.

Источники по истории горских евреев

Сочинения по истории горских евреев весьма немногочисленны. Практически любой, кто пишет о горских евреях, не может выйти за пределы десятка основополагающих статей. Объясняется это не только скудостью горско-еврейской литературы (посещавшие Кавказ в XIX в. исследователи отмечали, что у горских евреев почти не сохранилось каких-либо письменных свидетельств об их прошлом, так что приходится обращаться к преданиям и легендам), но и тем, что множество исторических свидетельств и документов до сих пор не собраны.

Кроме того, авторы многих книг и статей о горских евреях не пытаются критически проанализировать свои источники. Так, в зависимости от выбранной идеологической позиции, одни историки пишут сочинения, в которых горские евреи объявляются частью татского народа, другие же отрицают всякие черты сходства между горскими евреями и другими горскими народами, в частности, татами.

Воспоминания и записки о горских евреях, принадлежащие перу путешественников, посещавших Кавказ — важный источник изучения истории и быта этой очень своеобразной части еврейского народа. Впервые о больших еврейских поселениях в районе «Каспийских ворот», то есть Дербента, упоминает путешественник XIII в. фламандец Гийом Рубрук. В числе первых, весьма кратких, упоминаний о горских евреях можно указать на сочинение «Северная и Восточная Тартария» (Амстердам, 1725), составленное голландцем Николасом Витсеном. Специально пишет о горских евреях Иоган-Густав Гербер, который в начале XVIII в. служил артиллерийским капитаном в русской армии и участвовал в военном походе Петра I на Восточный Кавказ в 1722 г., а позже, в 1728 г., был членом комиссии по демаркации границы между Россией и Оттоманской империей. Другим русским офицером, который также кратко сообщает о горских евреях, был Даниил Тихонов (1764—1806), участвовавший в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и в персидской кампании в 1796 г. О горских евреях также упоминают в своих сочинениях известные географы Гмелин и Клапрот.

После присоединения Кавказа к России в начале XIX в. заметно возросло число путешественников, посетивших Восточный Кавказ. Первый исследователь, который специально приехал на Кавказ с целью собрать сведения о горских евреях, был известный коллекционер еврейских и караимских рукописей ученый караим Авраам Фиркович (1785—1874). Впрочем, сообщения Фирковича о горских евреях (как и другие его сообщения) несколько фантастичны, и ими следует пользоваться с осторожностью.

Еще один источник информации о горских евреях — официальные публикации русской администрации. Русские чиновники готовили отчеты об экономическом положении, обычаях, религии, истории народов Кавказа. Материалы о горских евреях рассыпаны в большом числе периодических изданий, выходивших во второй половине XIX в. на Кавказе. Множество статистических данных имеется в выходившем в 1852—1913 гг. «Кавказском вестнике», а также в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» и «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края».

Важный источник информации о горских евреях — еврейские газеты на русском, иврите и идише, выходившие в свет в России и за границей во второй половине XIX в. Первая статья о горских евреях появилась в еврейской печати в середине 1860-х гг. и принадлежала путешественнику Иуде Черному, который на протяжении последующих пятнадцати лет опубликовал несколько статей о горских евреях.

Начиная с 1880-х гг., еврейская пресса в России начала проявлять повышенный интерес к горским евреям. Вызвано это было публикацией в 1880 г. книги очерков «Воинствующий Израиль (Неделя у дагестанских евреев)», написанной русским путешественником и плодовитым бульварным беллетристом Василием Немировичем-Данченко (1844—1936). В форме литературных очерков Немирович-Данченко описал образ жизни горских евреев, представших в его сочинении воинственными и романтичными горцами, которых он противопоставляет русским евреям — «торгашам». Книга Немировича-Данченко не имеет научной ценности, но она произвела большое впечатление на еврейскую интеллигенцию.

По мере окончания Кавказской войны и расширения экономических связей России с Кавказом в этот регион стало прибывать все больше русских евреев. В еврейских газетах стали публиковаться статьи этих «корреспондентов с мест» о своих кавказских единоверцах, их лидерах, их экономическом положении и т. д. В 1881—1890 гг. в еврейской периодике было помещено 38 статей о горских евреях, в 1901—1910 гг. — 46 статей, а за 4 года перед первой мировой войной — еще 10 статей. Большинство из них было написано русскими евреями, в них нередко чувствуется, с одной стороны, идеализация «гордого племени», а, с другой, критика горско-еврейских обычаев с позиций «цивилизованного еврейства». Общее число публикаций о горских евреях на русском, иврите, различных европейских языках к 1917 г. составляло свыше 220 наименований.

До 1880-х гг. в еврейских газетах почти не публиковались статьи самих горских евреев. Но в конце XIX в. уже появляются первые публикации, в которых сами горские евреи рассказывают о жизни своего народа.

В советское время, начиная с середины 1920-х гг., когда появилось большое число еврейских изданий на идише и на русском языке, в них также много писали о жизни горских евреев, о проблемах их землеустройства. В это же время на Кавказе появились газеты горских евреев. Но уже

в 1930-х гг. упоминания о горских евреях в прессе становятся все реже, и перед второй мировой войной вовсе исчезают со страниц советской периодики.

Большая часть газетных и журнальных публикаций о евреях Кавказа, как до, так и после революции, либо содержала случайные, хотя и интересные, наблюдения, либо была посвящена отдельным сторонам жизни горских евреев. Всего лишь несколько ученых занималось систематическим изучением их истории и этнографии, а безусловным пионером в этой работе выступил еврейский путешественник Иуда Черный (1835—1880).

Иосиф-Иуда б. Яков Черный родился в Минске в 1835 г. Его отец, человек состоятельный, дал сыну традиционное еврейское воспитание, но, в то же время, поощрял изучение им русского и немецкого языков. Отец И. Черного разорился и умер, когда будущий путешественник был еще подростком, так что ему с юных лет пришлось самому зарабатывать себе на пропитание. Он скитался по городам Украины, давая уроки русского и немецкого. В Одессе Черный познакомился с маскилами — поборниками еврейского просвещения.

Первая встреча И. Черного с горскими евреями произошла в 1857 г., когда его пригласили в Темир-Хан-Шуру (ныне — Буйнакск) в качестве репетитора в еврейскую семью. Горские евреи, столь сильно отличавшиеся от других евреев по своим обычаям, истории, образу жизни, заинтересовали его настолько, что он решил посвятить себя изучению этой своеобразной части еврейского народа. Черный отправился в Дербент, оттуда стал ездить по аулам, собирая этнографические и фольклорные материалы, записывая предания, легенды и воспоминания горских евреев.

Черный был не только исследователем, но и публицистом: не раз выступал в печати, обращался в еврейские организации, призывая улучшить экономическое положение горских евреев. В 1864 г. по материальным соображениям Черный был вынужден покинуть Кавказ и вернуться в родной Минск. Но и в Минске Черный не мог забыть о горских евреях. Он продолжал бороться за их права, пытался добиться создания для них школ.

Черный обратился в «Alliance Israelite» в Париже и в Общество по распространению просвещения между евреями в России (ОПЕ) в Петербурге и получил финансовую помощь для новой поездки на Кавказ. Но его возможности по сбору информации были ограничены, поскольку он не имел соответствующего разрешения от властей. В получении этого разрешения большую помощь Черному оказал Соломон Бейм, руководитель общины караимов в Одессе. Благодаря его ходатайству, кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич выдал Черному разрешение на поездку по Кавказу для сбора материалов.

Получив это разрешение, Черный в марте 1867 г. объехал дагестанские аулы Чир-Юрт, Карабудахкент, Буйнак, Дашлагар, Дюргели и Дженгутай. В июле того же года он морем прибыл из Петровска (ныне — Махачкала) в Дербент, посетил несколько селений в Кайтаге и Табасаране

(южный Дагестан), а оттуда направился в Закавказье, в еврейские общины Кубы и Варташена. Кроме пожертвований от еврейских организаций, Черный получил вспомоществование от нескольких частных лиц и от казны. На эти деньги он смог нанять проводников и добраться до некоторых отдаленных аулов. Все же суммы, которыми он располагал, были очень незначительны: Черный путешествовал, испытывая большие материальные трудности.

Свыше десяти лет Черный занимался сбором информации и материалов, копировал документы из частных архивов, надписи с могильных плит, записывал рассказы старожилов. Хотя главное внимание он уделял горским евреям, но интересовался также грузинскими, бухарскими и иранскими евреями. Собранные материалы по истории, этнографии и статистке евреев Кавказа и, в частности, горских евреев он публиковал в русской, русско-еврейской и ивритской периодике, планировал издать обработанные материалы в шести томах на иврите, русском и французском.

Во время очередной поездки на Кавказ Черный заболел и, почувствовав, что состояние его ухудшается, в 1879 г. вернулся в Одессу. Ожидая скорой кончины, Черный составил завещание, в котором завещал все материалы своей единственной сестре. В завещании он подчеркнул, что если Общество по распространению просвещения между евреями в России (ОПЕ) захочет купить материалы, они должны быть проданы ему за сумму не свыше 600 рублей.

Иуда Черный скончался 15 апреля 1880 г. от чахотки, не дождавшись публикации результатов своего многолетнего труда.

После его смерти материалы были переданы в ОПЕ, в специальную комиссию под руководством известного востоковеда и гебраиста Авраама Гаркави, которая рекомендовала издать материалы, касающиеся евреев Кавказа. Но из-за скудости средств в 1884 г. в Санкт-Петербурге на иврите была опубликована только малая их часть под названием «Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю И. Я. Черного». Эта книга является важнейшим источником для изучения истории горских евреев. Но еще больший материал, не вошедший в книгу и не изданный, был со временем утрачен в конце 1920-х гг. после роспуска ОПЕ.

Иуда Черный был не этнографом или историком, а путешественником в том специальном значении этого слова, которое еще имело смысл в середине XIX в. Он не знал татского языка, поэтому в его работах с неизбежностью было допущено много ошибок, отмеченных последующими исследователями, прежде всего И. Ш. Анисимовым. Тем не менее, именно пионерские исследования Черного заложили основы изучения евреев Восточного Кавказа. Сам он скромно, но с достоинством сформулировал цель своих экспедиций так:

С целью исследования истории этого забытого почти всеми учеными народа, я предпринял путешествие по Кавказу и Закавказскому краю, в надежде,

что труды мои не останутся без пользы, как для правительства, так и для любителей истории и этнографии.[7]

В конце XIX в. расширились исторические и этнографические исследования на Кавказе. Одним из инициаторов исследования горских евреев был иранист и кавказовед профессор Всеволод Федорович Миллер (1848—1913). Во время поездки на Кавказ в 1883 г. Миллер посетил места проживания горских евреев и заинтересовался историей их появления. В своих работах он заложил основы изучения еврейско-татского языка.

В августе 1887 г. на проходившем в Ярославле VII Археологическом съезде Миллер выступил с докладом «О происхождении и языке горских евреев», где высказал гипотезу, что именно предки горских евреев передали свою веру хазарам. С подобной же лекцией он выступил в октябре 1887 г. в Москве на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества, во время которой он познакомил публику со своим учеником Ильей (Элиягу) Анисимовым (1862—1928), который проиллюстрировал доклад Миллера еврейско-татской разговорной речью.

Илья Шеребетович Анисимов (Элиягу б. Шербет Нисим-оглы) родился в 1862 г. в ауле Тарки. Его отец Шербет б. Нисим или Нисим-оглы (т.е. сын Нисима) учился в Воложинской иешиве, затем в Иерусалиме. Он был раввином в Тарках, где открыл еврейское училище, позднее в Темир-Хан-Шуре. Своего второго сына Илью он отправил учиться в Петровск, в русскую школу, которую власти открыли для детей горских народов Дагестана. Там Илья хорошо выучил русский язык и, несмотря на сопротивление родителей, уехал учиться за казенный счет в гимназию в Ставрополе. В гимназии его фамильное прозвище Нисим-оглы постепенно превратилось в фамилию Анисимов. По окончании гимназии Илья Анисимов поступил в Императорское техническое училище в Москве, став первым горским евреем с высшим образованием.

Свою первую статью, опубликованную в 1881 г. в русско-еврейском журнале «Рассвет», он посвятил горско-еврейской общине Кубы и свадебному обряду у горских евреев. Именно эта статья заинтересовала Всеволода Миллера и послужила тому, что маститый профессор пригласил к себе учиться молодого горского еврея и содействовал тому, что Московское археологическое общество в 1886 г. командировало Анисимова на Кавказ для исследования горских евреев. Анисимов позже писал:

Летом 1886 г. я был командирован на Кавказ Императорским московским археологическим обществом с целью собирания археологических сведений по Дагестанской области и между прочим отыскания преданий и памятников, могущих служить к разъяснению истории кавказских евреев. Еще за два года перед тем я имел честь быть приглашенным председателем

[7] Черный, 1878. С. 309.

этнографического отдела Императорского Общества естествознания, проф. Вс. Фед. Миллером сделать в заседаниях отдела сообщение о быте кавказских горских евреев, которых я в Москве был единственным представителем. Знакомство мое с глубокоуважаемым председателем этнографического отдела, проф. Вс. Фед. Миллером, обратившимся ко мне за сведениями о языке моего племени, вызвало во мне горячее желание снова приняться за это дело и подробнее изучить современный быт и прошедшую историю моих соотечественников. К сожалению, ни в том, ни в другом отношении не было более или менее точных сведений; не были известны ни численность горских евреев, ни их занятия, ни история их переселения на Кавказ. У меня были кое-какие сведения о численности горских евреев, доставленные мне главными раввинами Северного и Южного Дагестана (Рабби Яковом Ицхаковичем и Рабби Хаскелем Мушаиловым), но они были не полны и требовали проверки на местах. В такой же проверке и пополнении нуждались и те сведения о быте моих единоверцев, которые я сохранил в памяти с детства. В виду этого я чувствовал необходимость предпринять поездку на Кавказ и посетить ***все места****, в которых живут мои соотечественники. Благодаря ходатайству Вс. Фед. Миллера, я получил вышеупомянутое поручение от Московского археологического общества. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, я принял на себя и поручение этнографического отдела Общества любителей естествознания исследовать быт и собрать статистические сведения о моих соотечественниках и чрез ходатайство Общества пред кавказской администрацией получил открытые листы, значительно содействовавшие успеху моей поездки.*[8]

Во время поездки, которая продолжалась три месяца, Анисимов посетил 88 населенных пунктов, в которых проживали горские евреи. Вернувшись в Москву, он выступил с докладом перед этнографическим отделением Общества и в 1888 г. опубликовал обширную статью, являющуюся по существу монографией, «Кавказские евреи-горцы». Эта статья, хотя и не лишенная недостатков, на которые указали рецензенты при ее выходе в свет, до сего дня служит важнейшим источником о жизни горских евреев в конце XIX в. Ко времени публикации этой работы Илье Анисимову было всего 26 лет.

В дальнейшем И. Анисимов не смог посвятить себя исследованию истории и культуры своего народа. Закончив в 1891 г. Императорское техническое училище, Анисимов поступил на работу в управление водоснабжения г. Москвы. Позже он вернулся на Кавказ, но тут выяснилось, что препятствием для приема на государственную службу служит его еврейство. Анисимов стал искать работу и поступил в частное Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество барона Ротшильда, занимавшееся торговлей нефтью.

Он поселился в селении Балаханы под Баку. В 1892 г. Анисимов написал оттуда письмо своему учителю профессору Вс. Миллеру, в котором жаловался

[8] Анисимов, 1888. С.178—179.

на житейские трудности и просил выслать ему книги по этнографии. По совету Вс. Миллера Анисимов сделал попытку вернуться к исследовательской работе. В 1904 г. он переехал в Грозный, где начал работать над изданием второй, расширенной редакции своей статьи, которая так и не увидела свет. Анисимов также начал составлять грамматику татско-еврейского языка, собирал фольклор горских евреев. По рекомендации Вс. Миллера в 1912 г. он поступил на работу в Лазаревский институт восточных языков в Москве. После смерти Вс. Миллера, которая совпала с началом первой мировой войны, Анисимов вернулся на Кавказ и поселился в Петровске. В эти годы он становится одним из наиболее заметных общественных деятелей среди горских евреев.

Умер Илья Анисимов в 1928 г. в Москве.

После установления Советской власти богатый материал, собранный им за многие годы, пропал. Но и то, что он успел опубликовать, является огромным вкладом в изучение горских евреев.

Всеволод Миллер, который был председателем секции этнографии Московского общества любителей природы, этнографии и антропологии, привлек внимание своих коллег к проблеме антропологического описания горских евреев. Член Общества Р. фон Эккерт в 1880-х гг. провел антропологические обмеры 819 представителей различных народностей Кавказа, в том числе десяти горских евреев. В 1889—1891 гг. военный врач И. Пантюхов обследовал в Кубинском уезде новобранцев, среди них и горских евреев. Также в начале XX в. антропологические исследования среди горских евреев проводили К. Курдов и С. Вайсенберг. В 1920-х гг. на Кавказе под руководством профессора Николая Ансерова (1894—1944) были проведены широкомасштабные антропологические исследования, в рамках которых были исследованы 302 горских еврея из Кубы. Результаты этих исследований были опубликованы в 1929 г.

В 1907—1909 гг. этнографию горских евреев Кубы изучал выдающийся русский этнограф А. А. Миллер (однофамилец В. Ф. и Б. В. Миллеров). Собранная им коллекция в настоящее время находится в собрании Российского Этнографического музея, Санкт-Петербург.

Исследования евреев Кавказа проводил и Феликс Шапиро (1879—1961), известный деятель еврейского образования в Азербайджане и автор иврито-русского словаря. Он прибыл в Баку в 1913 г. и был назначен инспектором еврейских школ. Его очень заинтересовали горские евреи и он побывал в нескольких еврейских общинах Закавказья. В этих поездках его сопровождал Д. Лившиц, который записывал также музыкальный фольклор жителей еврейских селений. Некоторую — очень небольшую — часть того, что им удалось собрать, они опубликовали в виде статей в периодике.

Материалы по горско-еврейскому фольклору кроме И. Ш. Анисимова и Вс. Ф. Миллера собирал также смотритель Варташенского училища М. Бежанов. В 1922 г. А. З. Идельсон опубликовал исследование, посвященное синагогальному пению у горских евреев.

В послереволюционные годы большой вклад в изучение татско-еврейского языка внесли лингвисты Нафтали-Цви Анисимов, племянник И. Ш. Анисимова, составивший «Грамматику татского языка» (М., 1932 г.) и Борис Всеволодович Миллер, сын В. Ф. Миллера. В 1925 г. при Обществе обследования и изучения Азербайджана была создана «Татская комиссия», которая изучала язык, историю, этнографию и верования говорящих на татском языке евреев, мусульман и христиан. Эта комиссия пригласила в 1928 г. в Азербайджан Бориса Миллера, который изучал жизнь горских евреев и татов. В 1929 г. он опубликовал небольшую монографию «Таты, их расселение и говоры», в которой рассматривал горских евреев и татов в качестве одной этнической группы, различающихся только вероисповеданием.

В 1927 г. при ЦИК Азербайджана была создана Комиссия по делам нацменьшинств, которая также собирала данные о положении национальных меньшинств, в том числе о горских евреях, для планирования практической работы. Однако эта комиссия, насколько известно, ни разу не опубликовала данных о горских евреях.

В 1936 г. ленинградский этнограф Иосиф Пульнер опубликовал в журнале «Советская этнография» статью, в которой подчеркивал важность исследования культуры горских и грузинских евреев.

После окончания Великой отечественной войны горский еврей Миши Ихилов защитил в Институте этнографии АН СССР в Москве диссертацию о горских евреях. Для подготовки диссертации он несколько лет провел на Восточном Кавказе, где собрал обширный этнографический и архивный материал. В своей диссертации он занимался изучением жилища и костюма горских евреев, их ремесел, сельского хозяйства, обычаев, семейных отношений.

Защита диссертации проходила в декабре 1949 г., но текст диссертации не был опубликован, хотя в ней автор, как и требовалось, писал о «реакционной роли религии и ее связи с шовинистической идеологией сионизма». В своей диссертации Ихилов делал вывод о том, что материальная и духовная культура горских евреев все больше сближается с культурой соседних народов в рамках формирования единой социалистической народности Дагестана, что у горских евреев нет почти ничего общего с евреями других регионов СССР. Позже, в 1950—1960-х гг. Ихилов опубликовал несколько статей о горских евреях, также отвечающих духу советской идеологии тех лет. В послевоенный период исследованием литературы горских евреев занималась Галина Мусаханова. В 1994 г. Ю. Мурзаханов составил аннотированный библиографический указатель «Горские евреи».

В последние годы в Израиле было проведено несколько небольших социологических исследований горских евреев, их обычаев, а также процесса вживания в израильское общество. Горским евреям посвятили свои исследования также израильские ученые: историк М. Альтшулер и лингвист М. Занд. В 1984 г. в Иерусалиме Б. Б. Маноах издал небольшую популярную книгу об истории горских евреев «Пленники Салманасара», а в 1989 г. в Тель-Авиве

израильский исследователь Ицхак Давид выпустил в свет огромный двухтомный труд «История евреев на Кавказе», в котором содержится наиболее полная подборка материалов и документов по истории горских евреев.

В 1994 и 1997 гг. группа исследователей из Центра еврейского искусства при Иерусалимском университете (д-р Ализа Коэн-Мушлин, Б. Хаймович и др.) совместно с исследователями из Петербургского еврейского университета, среди которых был и автор этих строк, осуществила экспедиции на Восточный Кавказ для изучения памятников традиционной архитектуры и искусства горских евреев. Полученные материалы позволили всесторонне описать своеобразный комплекс материальной культуры горских евреев и увидеть его взаимосвязь с традициями искусства народов Кавказа, с одной стороны, и других групп еврейской диаспоры, с другой.

В 1998 г. в Еврейском музее Амстердама прошла большая выставка, посвященная восточным еврейским общинам бывшего СССР, в том числе горским евреям. Выставка была подготовлена на основе фондов Российского этнографического музея.

1. Социально-политическая история горских евреев

ГЛАВА 1

От возникновения общины до присоединения Кавказа к России

Происхождение общины горских евреев

На вопрос о происхождении горских евреев как особой этнической группы в составе еврейского народа нет однозначного ответа. В самом общем виде можно сказать, что горские евреи — потомки нескольких миграционных волн, докатывавшихся до Кавказа из северо-западной Персии.[1] Формирование общины горских евреев происходило постепенно за счет того, что к уже существовавшим еврейским общинам Восточного Кавказа все время присоединялись новые группы переселенцев из Ирана.

Еврейская община Кавказа — одна из самых древних общин еврейской диаспоры. Не удивителен тот интерес, который вызывали у историков еврейские поселения Кавказа: в них долгое время видели потомков десяти потерянных колен Израилевых. Так в XVI в., когда христианская Европа жила в страхе перед турецким нашествием, в Италии распространились слухи, что в горах Кавказа потомки десяти колен создали огромную армию и готовятся выступить в поход для освобождения Земли Обетованной от завоевателей-мусульман. Даже в XIX в. неоднократно появлялись публикации, отождествлявшие горских евреев с потомками десяти колен. Между прочим, первый исследователь горских евреев Иуда Черный также был склонен разделять эту идею.

Среди горских евреев существует предание, согласно которому они — потомки десяти потерянных колен. Подтверждение этому преданию евреи Кавказа пытаются найти в Библии, в частности, в стихе из Второй Книги Царей [2] «...царь Ашура взял Шомрон, и изгнал он Израиль в Ашур, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан и в городах Мидийских.» (2 Царей, 17, 6.) Под городами Мидийскими многие комментаторы понимали Восточное Закавказье, тем более, что территория нынешнего Южного (Иранского) Азербайджана действительно входила в состав древней Мидии.

Другое предание, также распространенное среди евреев Кавказа, гласит, что они — потомки евреев, угнанных в вавилонский плен Навуходоносором

---

[1] В литературе встречаются упоминания об участии в формировании горских евреев мигрантов из других этнических еврейских групп: сефардов, ашкеназов, грузинских евреев, курдистанских евреев. Вряд ли этот вклад можно считать достоверным или, во всяком случае, существенным.

[2] В христианской Библии — Четвертая Книга Царств.

в VI в. до н. э., точнее, тех изгнанников, которые не вернулись в Сион в 538—458 гг. до н. э. и поэтому не видели Второго Храма.

Естественно, и та и другая версия вполне легендарны, не имеют никакого подтверждения и интересны, прежде всего, как факт исторического сознания самих горских евреев.

Как бы то ни было, предки горских евреев пришли на Кавказ из Персии, а значит принадлежат к одной из ветвей вавилонской диаспоры. Формирование еврейской диаспоры происходило на своем первоначальном этапе по двум основным миграционным векторам — восточному и западному. Исторически первой в диаспоре сложилась восточная по отношению к Иудее еврейская община Вавилонии. Она возникла в результате депортации населения, сначала из Израиля Ассирийским, а затем из Иудеи —Вавилонским царством. Впоследствии вавилонская диаспора неоднократно увеличивалась за счет многочисленных беженцев, особенно после разрушения Второго Храма. На протяжении всего первого тысячелетия новой эры вавилонская община была сначала одним из важнейших, а затем и главным духовным центром еврейского народа: достаточно хотя бы упомянуть то, что в ее среде был создан Вавилонский Талмуд.

Вавилонская (как она называлась по традиции, хотя речь шла уже об ахеменидском, парфянском, затем сасанидском Иране, и, наконец, о Халифате) община явилась порождающей, материнской общиной для большинства общин и этнических еврейских групп Азии. Их образование явилось по существу вторичной диаспорой, рассеяньем вавилонской общины. Это справедливо и для горских евреев. Историческая память горских евреев сохранила воспоминания об их связях с Вавилонией.

Так, например, Ф. Шапиро пишет о главном раввине Еврейской Слободы в Кубе рабби Исхаке Раввиновиче (Ицхаке Рабиновиче):

> *...а фамилия его, рабби Исхака — Раввинович — связана с тем обстоятельством, что происходит от аморая Равви. В роду Раввиновичей часто повторяется также имя Абай и фамилия Абаев. Имена Абайе и Равви — представителей одной и той же талмудической школы, в разных трактатах Талмуда обычно встречаются рядом. Род Раввиновичей и Абаевых действительно почитается среди горских евреев, как особо знатный. Рабби Исхак и однофамильцы его — дербентский раввин, редактор горско-еврейской газеты Михаил Раввинович, а также старожил Слободы Ноах Абаев, глубоко убеждены, что талмудисты Абайе и Равви являются прямыми их предками.*[3]

Память о том, в какую сторону уходили предки из Иудеи, до сих пор проявляет себя в том, что в большинстве синагог арон-кодеш (или, как он называется в восточных общинах, гейхал) находится у восточной или западной

[3] Шапиро, 1983. С. 88—89.

стены в зависимости от первоначального направления миграции. В отличие от ашкеназов, у горских евреев синагоги ориентированы на запад.

В качестве наглядного воплощения этой исторической памяти приведем один пример: в Баку ашкеназская синагога и синагога горских евреев расположены на двух соседних улицах, при этом первая ориентированна строго на восток, а вторая — на запад, в то время как Иерусалим относительно Баку расположен на юго-западе.

Община горских еврев без всяких сомнений происходит от персидских евреев, предки которых в свою очередь пришли в Персию из Междуречья, и сохраняла связь с евреями Персии на протяжении столетий. Эмиграция евреев из северо-западного Ирана (провинция Гилянь) на Восточный Кавказ продолжалась на протяжении всего Средневековья и вплоть до XVIII—XIX вв. На связь с Персией указывает очень многое, от татско-еврейского языка, принадлежащего к западноиранским языкам, до особенностей ритуальной утвари, напоминающей утварь персидских евреев, и традиционных ремесел: так же как для евреев Персии ими у горских евреев были кожевенное производство и крашение тканей.

Появление некоторых общин можно точно датировать, основываясь на документах и исторической памяти народа. Именно в результате миграции из Гиляни в конце XVII в. возник еврейский квартал в Варташене (с 1991 г.— Огуз). Один из кварталов Еврейской слободы — «махалля Гиляки» — основан выходцами из Гиляни в конце XVIII в. В то же время еврейские поселения в Кайтаге и Табасаране (южный Дагестан) намного старше: о времени их возникновения можно только строить догадки. Потомки мигрантов разных эпох давно объединились в один народ, хотя определенные различия в их обычаях, занятиях и образе жизни сохранялись еще долгое время.

Конечно, общность происхождения во многом сближает общину горских евреев с еврейскими общинами Персии и Средней Азии. Кроме того, в их этнографии много общих черт с окружающими их народами. Это касается социальной организации общины, жилища, кухни (естественно, с поправкой на кашрут), костюма, искусства, фольклора, музыки и музыкальных инструментов, обычаев, обрядов, поверий и суеверий, а также, во многом, и языка. Попав на Кавказ, посторонний наблюдатель не всегда и не сразу сумеет отличить еврея от представителей других кавказских народов.

В литературе можно встретить самые различные гипотезы о происхождении горских евреев. Высказывается предположение, что предки горских евреев, переселившись из Ирана и Византии или придя вместе с арабскими завоевателями, приняли язык местных жителей — татов. Встречается утверждение о том, что часть коренного татского населения была иудаизирована, или, наоборот, что предками нынешних татов были евреи, впоследствии перешедшие в ислам. Наконец, велик соблазн связать происхождение горских евреев с хазарами, ведь территория Дагестана в VI—X в. входила в состав

Хазарского каганата, часть населения которого в VIII в. стала исповедовать иудаизм. Все эти гипотезы носят, к сожалению, умозрительный характер. Единственное, что можно утверждать достаточно обоснованно: горские евреи представляют собой, хотя и весьма обособленную, ветвь персидского еврейства.

История горских евреев до начала XVII в.

К сожалению, многовековая история евреев Кавказа все еще изобилует белыми пятнами. В этой главе кратко рассказано то немногое, что известно об истории этой общины с древнейших времен и вплоть до начала XVII в.

Точное время появления евреев на Кавказе теряется во мгле веков. Первые исторические документы, в которых упоминаются кавказские евреи, относятся к началу новой эры. О существовании еврейских поселений на Кавказе в III—IV вв. свидетельствуют по крайней мере два независимых друг от друга источника.

В иерусалимском Талмуде упоминается раввин Шимон Сафра из города Тербента, и можно предположить, что этот Тербент — не что иное, как Дербент, который в конце III в. был процветающим городом.

Другой источник — «История Армении» армянского историка V в. Фавстоса Бузанда. Рассказывая о военных победах персидского царя Шапура II (309—339) над Аршаком III, царем Армении, Бузанд подробно пишет о пленных, которых персидский царь увел с собой из Армении. По этим данным с Кавказа в Персию было угнано около 70 тысяч еврейских семей. Хотя это число и выглядит сильно преувеличенным, тем не менее, оно свидетельствует о том, что в IV в. на Кавказе была крупная еврейская община.

С самого начала своей истории евреи Кавказа были в орбите персидского влияния. Начиная с IV в. Закавказье (в том числе Кавказская Албания, территория которой тогда доходила до Дербента) попало под контроль Персии. Под ее властью Восточный Кавказ находился около трехсот лет. Регион Дербента имел важное стратегическое значение: для Персидской империи это была естественная преграда на пути воинственных северных кочевников. Жившие здесь народы и племена по этой причине пользовались особыми привилегиями, полученными от персидских царей.

Персидские цари-огнепоклонники из династии Сасанидов, как правило, терпимо относились к иноверцам, но в то же время известен целый ряд царей, притеснявших евреев. Например, царь Иездигерд II (438—459) и его преемник Пероз (459—483), который в еврейских памятниках именуется не иначе как «Пероз Злодей», запретили евреям соблюдать субботу, закрывали синагоги, обязывали евреев обращаться к судьям-персам и даже отнимали еврейских детей у родителей и отдавали их на воспитание жрецам. Преследуемые евреи бежали на окраины империи, в том числе на

Кавказ. В Кавказской Албании действия царской власти вызвали недовольство населения: разразилось восстание, которое длилось около 30 лет. Сасаниды так и не сумели восстановить полный контроль над этой территорией. Кавказ благодоря этому стал прибежищем для христиан и евреев со всей Персидской империи. Среди евреев Кавказа до сих пор бытует предание, что часть их предков прибыла сюда из Персии в первые века новой эры из-за преследований, которым они подвергались за приверженность к своей вере.

Таким образом, уже в раннем средневековье Восточный Кавказ обладал значительным еврейским населением. Средневековая летопись «Дербентнаме» свидетельствует, что до прихода арабов большая часть жителей Табасарана (область на юге Дагестана) исповедовала иудаизм.

В начале VII в. на Восточном Кавказе появляются хазары — воинственные тюрки-кочевники. Они захватили территорию севернее Каспийских ворот (нынешний Дербент). В третьем десятилетии VII в. хазары захватили большую часть территории, которую сейчас занимает Азербайджан. Вскоре, однако, они должны были отступить за Дербент под ударами наступавших с юга арабов. В последней четверти VIII в. в тех районах Кавказа, которые оказались под властью хазар, было много поселений евреев. Хазары отличались религиозной терпимостью, в то время как арабы огнем и мечом обращали в свою веру жителей Кавказа, в том числе — евреев.

Арабские историки сохранили много свидетельств о евреях Кавказа. Мас'уди пишет о евреях в области Зергеран (ныне аул Кубачи, южный Дагестан), ибн-Хаукаль — в хазарском городе Семендере (около аула Тарки).

В 722 г. в Табасаране и Кайтаге поднялось восстание местного населения против арабов, которое поддержали хазары. Евреи тоже приняли участие в этом восстании. Но хазары неожиданно прекратили поддержку, и восстание было жестоко подавлено. Те евреи, которые не захотели принять ислам, бежали к хазарам.

В VIII—IX вв. Хазарский каганат, в котором получил распространение иудаизм, притягивал к себе множество евреев из Ирана и Византии, и можно предположить, что в тот период еврейская община Кавказа была достаточно большой. Миграция продолжалась около двух веков. Согласно одной из гипотез, имеющей много приверженцев, именно предки горских евреев принесли иудаизм хазарам.

Нет сомнений в том, что евреи Кавказа вступали в брак с обратившимися в иудаизм хазарами, поэтому не исключено, что в жилах нынешних горских евреев течет немало хазарской крови. Вообще велик соблазн связать происхождение горских евреев с хазарами. К сожалению, все гипотезы о хазарском элементе в генезисе горских евреев носят умозрительный характер.

Продолжали существовать еврейские поселения и в тех регионах Кавказа, которые находились под властью арабов. Так, в арабских хрониках X в. зафиксировано, что в 922 г. арабы разрушили синагоги в Дар-Эль-Бабунг

(скорее всего, это нынешний Дербент), и в ответ на это хазары разрушили мечети в своей столице Семендере, то есть Хазарский каганат выступал как бы гарантом безопасности евреев, живших на Кавказе под властью арабов.

В конце X в. хазары потерпели ряд серьезных поражений от войск киевского князя Святослава, наступавшего с севера, и хорезмийцев, атаковавших каганат с юго-востока. Территория каганата сильно сократилась. Большинство новых адептов иудаизма, вера которых не имела прочных исторических корней и была довольно шаткой, достаточно скоро приняли ислам, но евреи и часть хазар-иудеев, придерживаясь своей веры, продолжали жить в мусульманских феодальных государствах Кавказа вплоть до их завоевания татаро-монгольскими ордами в XIII в.

Арабский историк XIII в. Ибн аль-Кутфи пишет, что в домонгольский период на Кавказе было немало еврейских мудрецов, изучавших Тору. Он упоминет о «рабане аль-Таври, еврейском враче и астрологе, жителе Табристана (Табасарана), который известен как еврейский мудрец и знаток Торы».

Хотя Хазарский каганат и прекратил свое существование в X в., но контроль арабов над бывшими хазарскими землями вдоль побережья Каспийского моря и в долинах Дагестана был слабым, там по-прежнему ощущалось заметное влияние хазар. В этот период в Кайтаг вернулось множество его бывших жителей, в том числе евреев, которые ранее бежали от арабов на территорию Хазарского каганата.

В 1220—1240 гг. татаро-монголы прошли разрушительным походом через Восточный Кавказ и включили его в свою империю. Сведения о евреях Кавказа в этот период дошли до нас в сообщениях европейских послов, отправленных к монголам. Посол Римского Папы монах Плано Карпини (1182—1252), побывавший в 1245 г. на территории, контролируемой татарами, среди других кавказских племен упоминает некое племя брутахиев, исповедующее иудаизм. Посол французского короля монах-францисканец Гийом Рубрук (1215—1270), который побывал в этом регионе в 1254 г., также свидетельствует, что в окрестностях Дербента живет множество евреев.

Сменившие хазар татаро-монголы поначалу проявляли веротерпимость. Но эпоха сравнительного благополучия и безопасности для евреев быстро пришла к концу. В 1291 г. к власти в Орде пришел Газан-хан (правил до 1304 г.), который принял ислам. И опять началась долгая эпоха преследований и гонений.

Со второй четверти XIV в. Восточный Кавказ служит ареной опустошительных набегов различных завоевателей, от которых тяжело страдает местное, в том числе еврейское, население. В середине XIV в. Восточное Закавказье разоряют полчища Узбек-хана. В то же время войны чередуются с периодами относительной стабильности. В конце XIV в. на территории Азербайджана сформировалось самостоятельное государство со столицей

в Ширване, под властью которого находился почти весь Восточный Кавказ. Однако государство ширван-шахов вскоре пало под ударами жестокого эмира Самарканда, великого завоевателя Тимура (1336—1405).

В начале XVI в. военачальник Исмаил сумел объединить разрозненные племена и взял власть в Ширване в свои руки. Во главе воинственных и преданных ему кызылбашей он вошел в Тавриз и в 1501 г. провозгласил себя шахом. Но после 40-летнего периода войн с Ираном Ширван капитулировал, превратившись в маленькое исламское ханство в составе великой Персидской державы. Весь Восточный Кавказ оказался вскоре вновь под контролем Ирана.

Начиная с 1514 г. Кавказ стал ареной ожесточенных войн между шиитским Ираном и суннитской Оттоманской Портой. Многие жители долин и равнинной прибрежной зоны уходили в горы в поисках убежища от разорения, насилия и гибели. Не составляли исключения и евреи. Большие общины распадались, расселялись по маленьким разрозненным аулам в горных труднодоступных местах и зачастую не могли поддерживать связь между собой. Бегство евреев из больших городов, рассеяние крупных общин — все это стало причиной культурной и духовной деградации еврейского населения.

История горских евреев в XVII—XVIII вв.

Еврейское население Кавказа в середине XVII в. возросло за счет очередного бегства евреев из Ирана. На это обстоятельство как на причину появления еврейских поселений в Дагестане указывает Иуда Черный:

> *По случаю разных преследований и угнетений ширванских и персидских владетелей, они* <горские евреи> *принуждены были искать пристанища в Дагестанских горах, где и жили долгое время, в Джугут-Катте, развалины которого сохранились доныне у подошвы горы, омываемой небольшой речкой Нукерой, на расстоянии одного часа верховой езды от селения Маджалиса, в Кайтаго-Табасаранском округе.*[4]

Феликс Шапиро в своей статье «Горские евреи» приводит такое сказание об этих событиях со слов Ханукаева, синагогального старосты в Петровске:

> *...мы записали сказание о происхождении Карчагского прихода*[5]. *Ханукаев показал нам древнееврейскую рукопись своего кубинского предка,*

[4] Черный, 1878. С. 309.

[5] Квартал Карчаг и Карчагская синагога — в Красной (ранее Еврейской) слободе — еврейском предместье Кубы. Названы по аулу Карчаг, откуда горские евреи переселились в Кубу и Дербент.

озаглавленную «Исход Израиля из Персии и Мидии». Рукопись открывается словами: «Изложенное здесь я слышал от моего, блаженной памяти, отца, который слышал это от своего отца, а тот от своего и т. д. А вы, дети мои, берегите это сказание в своих сердцах и передавайте его из рода в род.

В году 5406 по сотворении мира (1646 г.) в Персии появился второй Аман-нечестивец. Он оклеветал нас перед царем, будто мы, скудная горсть затерявшихся в Мидийских горах сынов Израиля, навязываем свой Закон персам, численность которых равна числу звезд на небе и песчинок на берегах морей... По множеству грехов наших Адонай вложил в сердце царя веру в слова Амана, и по всем городам страны был издан указ, чтобы мы, сыны Авраама, Исаака и Якова, изменили — упаси нас, Господь, от этого! — вере предков...

Краска стыда покрывает наши лица, когда мы вспоминаем, что многие из наших братьев и сестер позорно переступили порог... Но большинство предпочли тюрьму, меч и изгнание... Среди них были и мы.

И подобно тому, как наши предки, покинув Египет, блуждали по пустыне сорок лет, перешли Чермное море, пересекли Иордан и пришли в Ханаан, воздвигли Святой Храм и счастливо зажили в стране, текущей молоком и медом,— мы долго странствовали, пересекли море, реки и обрели покой в стране гор, возвышающихся до небес... и построили здесь Дом Бога. Пинхас бен Нисон».

Владелец рукописи уверял нас, что упомянутое в ней море — Каспийское, горы — Кавказские, а Дом Бога — Карчагская синагога в Кубе...

Текст написан на внутренней стороне старинного переплета книги, напечатанной в Венеции в 1579 году. Ханукаев прибавил, что первоначально рассказ был записан на пергаменте, но оригинал давным-давно утерян.[6]

С середины XVII в. горские евреи все чаще упоминаются в сочинениях европейских географов. Немецкий дипломат Адам Олеарий, посетивший Дагестан в 1630-х гг., свидетельствует о торговле табасаранских евреев в Шемахе. Голландский путешественник конца XVII в. Николас Витсен сообщает, что евреи жили в Бойнаке, в лезгинских аулах. Согласно Витсену только во владениях каракайтагских уцмиев [7] их численность достигала 15 тыс. человек.

[6] Шапиро, 1983. С. 77—78.

[7] Уцмий — один из титулов владетельного князя в Дагестане.

В XVII—XVIII вв. резко возрастает давление на горских евреев: войны, набеги и гонения приводят к целому ряду миграций, определивших судьбу горско-еврейских общин в течение следующих двухсот лет. Это прежде всего миграции из малых общин в большие, из горных аулов в предгорные и равнинные поселения, из сел в города, из областей традиционного проживания в новые регионы. Именно к концу XVIII в. сформировались две наиболее крупные и исторически значимые горско-еврейские общины — община Еврейской Слободы около Кубы и община Дербента. Другим результатом гонений стало обезземеливание горских евреев. Оставаясь формально, в отличие от грузинских евреев, лично свободными, горские евреи в этот период все больше попадают в зависимость от феодальных владетелей, страдают от их поборов и произвола. Учащаются случаи насильственного обращения в ислам целых общин. Жители многих мусульманских аулов до сих пор помнят о своих еврейских предках.

В условиях постоянных нападений на свои поселения горские евреи постоянно меняли места своего проживания, продвигаясь все дальше на север Дагестана и в сопредельные районы Северного Кавказа. В поисках защиты от набегов они вынуждены были искать покровительства у мелких феодальных владетелей, оказываясь от них в полукрепостной зависимости. Положение отдельного еврейского семейства и общины в целом зависело от отношения к ним конкретного князя. Вот как описывает эти процессы Иуда Черный в статье «Горские евреи Терской области»:

> *Жестокие гонения горцев вынудили евреев <...> спасаться бегством в горы и леса Дагестанские; многие из них прибегнули к кумыкским князьям и были приняты ими на различных условиях в Андреевской деревне* [8]*, находящейся на урочище Ачи-Коль, при реке Акташе (в 12 вер. от укр. Хасав-Юрта). Это было около 1618 года, вероятно, при Казаналине и Айдемире — двух сыновьях Султана-Мута, первых из тогдашних кумыкских владетелей. Образ жизни, положение и занятие евреев в Джугут-Катте и Ширване оставили мало следов в памяти их нынешних потомков, потому что все книги и письменные документы были разграблены и истреблены горцами. Что же касается до положения их в Андреевской деревне, от начала переселения туда до занятия кумыкской плоскости русскими войсками в 1819 году, то они там были в зависимости от князей и уздеией кумыкских, у которых искали защиты от воинственных коренных жителей страны. Так, евреи не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать домов, а проживали во дворах кунак-баев (хозяев или патронов), во всех своих делах как-то: по убийствам и по ранениям, по взысканию долгов, по покражам и т. п. они добивались материального удовлетворения не сами лично, но чрез своих кунак-баев и покровителей, одним словом, они со своими семействами*

[8] Русское название аула Энденри.

и имуществом находились в полном подчинении своим покровителям, ибо лишь те из них, у кого были сильные и добросовестные защитники, могли безопасно жить между туземцами, успешно вести свои торговые дела. Евреям воспрещалось ездить верхом, носить хорошую одежду, особенно шелковую, и вообще им причинялось много страданий от местных жителей; их синагоги были несколько раз разрушены и ограблены. Когда они хоронили умершего, мусульмане раскапывали в ночное время могилу и обирали что было на мертвеце. Если вор подкапывался под дом еврея, обворовывал его, и забывал там свой топор, то на утро приходил отец вора и требовал у еврея возвращения топора, оставленного его сыном ночью; еврей должен был беспрекословно исполнить это требование, но не смел заикнуться при этом о возвращении ему украденного его имущества, из боязни навлечь на себя еще большие неприятности от родственников и друзей вора, повредить на будущее время своей торговле, наконец из страха покушения на свою и целого семейства жизнь.[9]

В условиях произвола со стороны мусульманских властей происходило насильственное обезземеливание горских евреев. К концу XVIII в. еврейские общины были в основном лишены своих земель, и евреи-земледельцы принуждены трудиться на арендованной земле. Евреи поголовно принадлежали к податному населению, причем как иноверцы платили кроме обычных налогов дополнительные. Кроме того, феодалы часто заставляли евреев выполнять всевозможные натуральные повинности, работать на барщине и т. п., что фактически ставило горских евреев в положение крепостных.

В первой половине XVIII в. Восточный Кавказ стал ареной военного соперничества между Ираном, Оттоманской Портой и Россией. Оттоманская империя при Ахмеде III (1703—1730) пыталась воспользоваться начинавшимся распадом Персии и временным ослаблением России (в результате ее поражения на первом этапе войны со Швецией) и укрепить свои позиции на Восточном Кавказе. Оказывая военное давление, турки в то же время старались опираться на местных правителей. В 1721—1722 гг. Кубинское ханство было оккупировано турецкими ставленниками казикумухским Сурхай-ханом и мюшкуринским муллой Хаджи Даудом, которые стали жестоко притеснять евреев и армян.

Россия тоже не хотела уступать и, закончив Северную войну, двинула войска на Кавказ. В 1722 г. русская армия во главе с Петром I совершила поход в прикаспийский регион. Все три соперничающие в регионе державы, разумеется, старались перетянуть местных феодалов на свою сторону. В результате ряд ханов воспользовались покровительствовом со стороны России и серия антииранских восстаний на Кавказе (в 1707—1712, 1720, 1721 гг.) ослабила влияние Ирана в регионе. Кубинский хан перешел в русское подданство.

[9] Черный, 1878. С. 309—310.

Продвижение России на Кавказ и потеря Ираном своих позиций на Восточном Кавказе обострили отношения между Россией и Оттоманской Портой, войска которой в свою очередь двинулись на север.

Неминуемая, казалось, война между Россией и Оттоманской империей была в последнюю минуту предотвращена: в июле 1724 г. был заключен Куштинский договор, согласно которому был признан контроль России над узкой полосой вдоль Каспийского моря, в то время как остальная часть Закавказья отходила под протекторат Оттоманской империи. Власть обеих империй была шаткой, во многом зависела от местных правителей, которые лавировали между ними.

Обзор положения горских евреев в этот первый, недолгий период владычества России на Восточном Кавказе дал в своих записках артиллерийский офицер петровской армии Иоганн Густав Гербер (умер в 1734 г.). Специальная глава «Жиды [10]» в его сочинении «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 году» посвящена горским евреям. Этот короткий текст как первое развернутое историко-этнографическое описание горских евреев заслуживает особого внимания. Гербер писал:

Жиды также находятся в различных местах сих стран, например между хайтаками [11], в Ширване, Рустау [12] и Кубе и проч. Они говорят тем языком, в которой стране живут, а раввины их разумеют также и по-еврейски.

В Шамахии [13] некоторые из сего народа отправляют купечество. Прочие питаются в деревнях пашней и скотоводством. Они прежде торговали армянскими и грузинскими невольниками, но сие при Российском владении запрещено.

Живущие между хайтаками должны по велению узмая [14] с прочими тамошними народами отправлять и военную службу. Они платят как армяне сверх обыкновенной подати карачь [15], или подушные деньги. Сверх того употребляют их во всякую грязную и трудную работу, в которую употреблять музулмана нельзя. Им больше не оставляют, как чем бедно себя пропитать могут. Когда жид куда-нибудь поедет, и ему кизильбаш

---

[10] В XVIII в. слово «жид» в русском языке было этнонимом и не имело оскорбительных коннотаций.

[11] В Кайтаге.

[12] Рустов — большое татское селение около Кубы. Гербер имеет в виду не только сам Рустов, но и всю его округу. Речь идет, скорее всего, о селении Шюдюх около Рустова, в котором в XVIII в. существовала еврейская община.

[13] В Шемахинском ханстве.

[14] Уцмий.

[15] Харадж.

или иной какой музулман попадется на встречу, то он должен свернуть с дороги в сторону, и когда потребуют, то также сойти с лошади; буде же он того не сделает, то вольно музулману его бить до тех пор, что едва жив останется, и жид не смеет о том жаловаться.

Они сами объявляют, что по большей части произошли из колена Иудова, а некоторые из Вениаминова, напротив того, многие не знают, к которому колену принадлежат. Раввины их также ничего больше не знают, как токмо то, что предки Музулом Пади-шахом, или царем Музулским [16], *то есть Ниневитским уведены в полон из Иерусалима и разосланы по Мидии и по здешним странам.*

Они прежде были многолюдны, но для многих нападков, чиненных от тамошних жителей, завсегда умалялись, и не могут паки размножиться. Впрочем управляют ими в деревнях собственные их старшины.[17]

В этом очерке, несмотря на его краткость, намечены основные проблемы и особенности истории и этнографии горских евреев. Отмечается характерное для горских евреев раздвоение исторического сознания: с одной стороны, горские евреи — интегральная часть еврейского народа (*из колена Иудова*), с другой, потомки потерянных десяти колен (*царем... Ниневитским уведены в полон*) [18].

Гербер точно очерчивает территорию расселения горских евреев (южный Дагестан, район Кубы, Ширван, Шемаха), описывает их занятия (земледелие, скотоводство, торговля).

Он показывает, что евреи на Кавказе, как и в других мусульманских странах, подвергались не только ограничениям и поборам, продиктованным законами Омара (харадж, запрещение ездить верхом и т. п.), но были также объектом постоянного угнетения и произвола, чему есть немало свидетельств и в более поздних источниках. В то же время Гербер упоминает участие евреев в военной службе, что объясняет отмеченную позднейшими исследователями привычку горских евреев к оружию.

В 1730-х гг. Россия уходит из Восточного Закавказья. В тот же период, с приходом в Иране к власти Надир-шаха (1688—1747), на Кавказе возобновилась военная активность персов против Оттоманской империи. Иранская армия проводила карательные походы против тех ханов, которые тяготели

---

[16] Мосульским. Мосул — город в северном Ираке, там, где в древности находилась Ассирия.

[17] Гербер, 1760. С. 305—307.

[18] Характерно, что такое раздвоение исторического сознания, точнее, сосуществование исторической и эпической традиций, бытует у горских евреев до сих пор. Так, староста еврейского квартала Огуза (Вартшена) говорил мне о том, что именно асирийцы поселили его предков на Кавказе, и тут же сообщил, что они переселились в Варташен из Гиляни (Персия) в конце XVII в.

к суннитской Турции. Войска Надир-шаха полностью разорили Ширван, Шемаху и Дербент. Кубинское ханство практически утратило независимость и перешло под власть Персии. Десятки аулов были сожжены, торговля почти прекратилась. Население страдало от набегов, убийств, насилия, грабежей.

Именно с походов Надир-шаха в истории горских евреев начинается длительный период религиозных гонений и насильственного обращения в ислам, закончившийся только с победой русских войск над Шамилем. Карательные отряды Надир-шаха вырезали еврейское население, огнем и мечом насаждая ислам. В 1733—1735 гг. были полностью уничтожены еврейские селения Кулгат и Кала-Черах. В 1734 г. отряды Надир-шаха захватили аул Кусары, который располагался в 12 км северо-западнее Кубы, на берегу реки Кусар-чай. Они обязали живущих там евреев «принять магометанство, и кто откажется — будет зарезан, как скот, и кровь его будет пролита на землю, как вода». Многие евреи этого селения бежали в Кубу. Напоминанием о кровавых походах Надир-шаха была знаменитая «чудотворная книга», которую видели и Иуда Черный и Феликс Шапиро. Вот что пишет об этой книге Шапиро:

О легендарной «чудотворной книге» слышал еще И. Черный. Книга эта почитается как святыня, и сказания о ней широко распространены среди горско-еврейского населения. О ней нам довелось слышать и от тюркского населения Кубы и аула Кусары. Наследственный владелец книги, главный раввин Слободы, рабби Исхак Раввинович заверял нас, что ни он, ни предки его никогда ее не показывали и не разрешали ее фотографировать. Мне он это разрешает из «уважения и уверенности, что знание Торы и Талмуда не позволит мне использовать этот снимок во зло и насмешку над Израилем».

...«Чудотворная» книга в старинном кожаном переплет содержит три сочинения средневековых авторов: «Молитвенный ритуал Дня Всепрощения» Моисея Кордоверо (Венеция, год от сотворения мира 5347), «Благо земное» Натана Шапиро (Венеция, 5415) и «Сумерки»...

На титульном листе раввинским шрифтом выведена надпись, составленная на древнееврейском языке с примесью талмудического арамейского:

«Книга была рассечена мечом, и случилось это в Кусарах. В день шестой двадцать седьмого числа месяца Элул, в году 5494 (1734) пришел туда Надир-шах после того, как он вырезал множество евреев села Кулькат, а остальных ограбил и увел в плен. Уцелели немногие, те, кто укрылись в овчарнях под соломой, в печах и в горных расщелинах. По множеству грехов постигла их Божья кара. Все это было в день шестой до восхода. После того мощь персидского воинства еще не ослабела, и с яростью

бросились они на евреев Кусаров, чтобы расправиться с ними, как они расправились с израильтянами Куль-ката. Проникли они в Кусары утром после молитвы Шахарит, когда все выходили из синагоги, когда собирались группами — кто за очередным разделом Торы, кто за псалмами Давида, кто за Зохаром, кто за Талмудом и прочее. В это время прадед моего прадеда, праведный мудрец Рувим бен Самуил (да будет благословенна и свята память о нем) сидел во дворе синагоги, а вокруг него сидели рядами его ученики.

Главный начальник, ехавший впереди, ринулся со своим воинством на синагогу, дабы покончить с ними, как он делал раньше, и броситься потом на город, на женщин, детей. Господи, помилуй и поступи с ними по усмотрению Своему. Увидев рабби Рувима, сидящим с книгой в руках, начальник отряда понял, что это глава общины. Выхватил меч из ножен и поднял его, чтобы опустить на голову святого. Рабби уклонился от удара и, подняв книгу, подставил ее под меч. Меч врезался в книгу и рассек ее. Тогда страх объял начальника. Сменив гнев на милость, он сказал: "Книга — это знамение свыше. Каюсь, не причиню вам больше зла".

Великий владыка повелел всем своим военачальникам и рабам, тысячникам и сотникам, чтобы не вредили они никому в Кусарах, даже курице. А великий рабби обрел благоволение в глазах начальника, и он благодарил рабби и сказал: "Слава вашему Богу, который удержал мою руку и не дал мне пролить кровь невинных. Все свершилось так, рабби, по благочестию твоему".

Так, благодарение Богу, были спасены люди и их добро. Воинство персидское воротилось в обиталище свое, а жители Кусаров продолжали пребывать в мире и покое.

А случилось все это в году 494 шестого тысячелетия. Гершон, сын Рабби.»

Рабби Исхак, по его словам, является праправнуком Гершона. В беседе на тему о происхождении горских евреев рабби Исхак как-то сказал: «Находятся люди, которые стремятся доказать, что мы нечистокровные сыны Израиля. Я бы этих клеветников отослал к Надир-шаху... Он знал, кого истребляет, он также узнал, пред чьим Богом и чьей Торой он должен сложить оружие».[19]

Предание о разрушении воинами Надир-шаха аула Ахты сохранилось в памяти жителей соседних лезгинских деревень. Евреи Ахты в массе своей отказались принять магоментанство. В деревню прибыл карательный отряд:

[19] Шапиро, 1983. С. 88—89.

кони давили копытами детей; взрослых связывали по рукам и ногам и бросали в бурную реку. Часть жителей Ахты все же согласилась принять магометанство. Столь же трагическая участь постигла и евреев аула Джалган в окрестностях Дербента, «кровь которых лили, как воду. Очень немногие из них приняли магометанство».

Надир-шах построил в этом районе ряд крепостей. Одна из самых важных крепостей была возведена севернее Дербента, на территории Кайтага. Для ее строительства Надир-шаху нужна была рабочая сила — и он пригнал евреев из аула Араг.

Жестокость персов вызвала на Восточном Кавказе ряд восстаний, как против иранских военачальников, так и против их ставленников — местных ханов. В этих восстаниях активное участие принимали и евреи. Так, когда в 1752 г. восстание против уцмия Кайтага было безжалостно подавлено, около 800 еврейских семейств бежало в Засулакскую Кумыкию, находившуюя под контролем России. Феодалы Кайтага требовали от тамошних кумыкских князей и от русских властей возвращения беглецов, но так ничего и не добились. Именно с этого момента возникают первые горско-еврейские поселения на Северном Кавказе.

Таким образом, вторая четверть XVIII в. была периодом разрушений и преследований: население целых аулов вырезали, сгоняли с насиженных мест. Евреи погибали, не желая менять веру и переходить в ислам; они участвовали в восстаниях — и погибали при их подавлении. Целиком исчез ряд еврейских аулов.

Одним из способов выживания в тот период был поиск покровительства у сильной, стабильной власти. В третьей четверти XVIII в. усилилось Кубинское ханство, которое быстро стало региональным гегемоном Восточного Кавказа. В правление Фатали-хана (1758—1789) были несколько ограничены привилегии и властные полномочия мелких феодалов, укрощена их агрессивность в отношении иноверцев. Фатали-хан вел завоевательную политику, и вскоре Дербентское, Бакинское, Ширванское, Шекинское, Сальянское, Талышское ханства, а также юг Табасарана, то есть северо-запад Азербайджана и юг Дагестана, были присоединены к Кубе. В результате большинство горских евреев оказалось под властью Фатали-хана. Еврейская община Кубы, и без того немалая, пополнилась евреями, переселившимися из окрестных селений, из Баку и из Гиляни, и стала самой большой еврейской общиной Восточного Кавказа. Евреи нуждались в покровительстве местных ханов, а сами ханы были заинтересованы в податном еврейском населении, в международной торговле еврейских купцов. Эти отношения, сложившиеся в XVII—XVIII вв., во многом напоминали отношения феодалов и еврейских общин в средневековой Европе.

Фатали-хан доброжелательно относился к еврейской общине, не позволяя обижать и притеснять евреев, защищал их от нападок и наветов. До сих пор среди горских евреев бытует предание о Фатали-хане как о справедливом правителе, защищавшем евреев.

Несмотря на сравнительно благожелательное отношение кубинских ханов к евреям, они все равно подвергались унижению и угнетению. При наследнике Фатали-хана Шейх-Али-хане в дополнение к налогам, которыми было обложено все население, евреи должны были платить дополнительные подати.

И все же расцвет Кубинского ханства был временем относительного покоя для горских евреев. Например, во время правления Фатали-хана произошел спор евреев селения Аба-Сава с жителями соседней лезгинской деревни из-за земли. Судьей выступил сам хан, который решил его в пользу евреев и выдал им купчую на спорную землю. Купчая с подписью самого Фатали-хана, в которой говорилось, что земля дается общине в вечное владение, по свидетельству И. Черного, хранилась у старейшин еврейской общины Дербента.

Не сохранившаяся до наших дней деревня Аба-Сава возникла в 1630-х гг., когда многочисленная еврейская община Дербента была вынуждена покинуть город. Большинство осело в 10 км от города, в основанном ими же селении, которое назвали Аба-Сава. Самый древний могильный камень, найденный на местном кладбище И. Черным, относился к 1687 г. Селение это с годами заметно выросло. В 1760-х гг. Фатали-хан разрешил поселиться в Аба-Сава евреям селения Рустов, расположенного недалеко от Кубы. Когда исследователь И. Черный отыскал место, где когда-то стояло селение Аба-Сава, жители соседних, населенных мусульманами, аулов, рассказали ему, что здесь раньше жили евреи. Черный пишет, что «евреи Аба-Савы занимались земледелием, садоводством, виноградарством, были рыбаками...»

Селение Аба-Сава постигла участь многих еврейских селений. После смерти Фатали-хана, когда возобновилось соперничество России и Ирана за влияние на Кавказе, селение было разрушено и перестало существовать. Вот как это произошло.

В конце XVIII в. в Иране произошла смена власти, в результате чего Восточный Кавказ снова оказался в бурном политическом водовороте. В 1794 г. Лутф-Али-хан, правитель Ирана, был убит, и на престол взошел, провозгласив себя шахом, Ага-Мухаммед, военачальник туркменского происхождения. Он активизировал свои действия на Кавказе, борясь с русским влиянием, подталкивал местных правителей на вооруженные столкновения с царской армией. И опять Иран и Россия, не ограничиваясь только помощью своим вассалам, впрямую начали военные действия. Иранские войска захватили Карабахское ханство и Грузию, а русские полки — Дербент.

Когда в 1796 г. на престол Российской империи взошел император Павел, политика России на Кавказе изменилась: русские войска отступили на север. Войска иранского шаха Ага-Мухамеда, не сумев удержаться на захваченных землях, также отступили на юг. На Восточном Кавказе образовался политический вакуум, регион оказался свободен от иностранного военного

присутствия, что привело к военным конфликтам между местными правителями.

В 1799 г. правитель Дербента и Кубы Шейх-Али-хан выразил желание войти в подданство России, ему было присвоено звание офицера русской армии. Правитель Кази-Кумуха Сурхай-хан счел присоединение Шейх-Али-хана к России предательством. Его войска вошли в Дербент, один из отрядов вырезал население еврейской деревни Аба-Сава. Вот что рассказал Иуде Черному старый дербентский еврей о том, что произошло в 1799 г.:

В один из дней Песаха того года многие мужчины Аба-Савы отправились в море ловить рыбу. Когда они вернулись в деревню, их взорам предстала ужасная картина: все дома были сожжены, во дворах лежали трупы. Женщин, детей, стариков зарезали кинжалами, как скот, многих закололи саблям и пиками, у многих были отрублены головы. Среди трупов лежали живые грудные дети.[20]

Воины Сурхай-хана увели в плен из Аба-Савы около 150 человек, в том числе — сестру того старика, который рассказал об этом И. Черному. Черный, побывав в долине, где стояла Аба-Сава, пишет, что от деревни остались только руины. Те жители Аба-Савы, которым удалось спастись, переселились в Дербент. Шейх-Али-хан, который считал себя гарантом своих подданых, выделил беженцам из Аба-Савы землю в пределах Дербента.

И еще он совершил праведное дело — потребовал у Сурхай-Хана вернуть угнанных в плен людей; но вернулись не все — многих уже успели продать в рабство, многих убили.[21]

Таким образом на рубеже XVIII—XIX вв. возродилась еврейская община в Дербенте. Она была меньше той, что существовала здесь раньше. Евреи Дербента долго еще хоронили своих умерших на кладбище в Аба-Сава. Самое позднее надгробие на этом кладбище, обнаруженное И. Черным, датировано 1827 г.

Итак, на протяжении XVIII в. евреи Кавказа подвергались гонениям и притеснениям, страдали от войн и набегов. Они вынуждены были жить в маленьких высокогорных аулах, в труднодоступных для завоевателей местах. Еврейские аулы были оторваны как друг от друга, так и от крупных центров еврейской диаспоры. Все это негативно отразилось как на материальном положении горско-еврейских общин, так и на их духовном развитии.

В результате походов Надир-шаха и позднейших бесчинств местных мусульманских правителей горско-еврейское население начало резко

[20] Черный, 1884. С. 41.
[21] Черный, 1884. С. 41.

сокращаться за счет насильственного обращения в ислам. Многие мусульманские аулы Восточного Кавказа ведут свою историю от предков-евреев. Главный раввин Дербента Яков б. Ицхак Ицхаки отмечал, что жители многих мусульманских аулов Дагестана в прошлом были «нашими братьями по вере — горскими евреями», и что во времена правления ханов они силой были обращены в ислам.

Авраам Фиркович побывал в 1840 г. в селе Джалган; хозяин, у которого он остановился, рассказал, что жители селения происходят из евреев. Надир-шах вынудил их предков принять ислам, но, несмотря на это, у них сохранились многие еврейские обычаи: женщины промывают и высаливают мясо (кошерование), мальчикам делают обрезание на восьмой день, но все эти обряды исполняются тайно.

Вот что писал об исчезнувших еврейских поселениях Вс. Ф. Миллер:

Во многих местах Дагестанской области и Бакинской губернии, по свидетельству И. Ш. Анисимова, где в настоящее время уже нет горских евреев, существуют развалины их аулов, могил, следы оросительных каналов и проч. Туземное мусульманское население отмечает эти места до сих пор названиями, сохраняющими воспоминания о евреях, например: Чуфут-Тебэ (Еврейский Холм), Чуфут-Кабур (Еврейская Могила) и т. п. Таковы местности в селениях Карабдакент [22], Чуфут-Катта [23], Курдеван [24], Кулкате [25] и друг.

Особенной известностью, как прежнее поселение евреев, пользуется ущелье Чуфут-Катта, или Джиут-Гатта, или Дерей-Катта, в котором в недалеком друг от друга расстоянии были расположены лет 300—400 тому назад семь еврейских аулов (Дих-Шолум, Кардаши, Дих-Хаклой, Дих-Урмен и др.)

В селении Курдеван, лежащем в 30—40 верстах от Шемахи, находится, по словам И. Ш. Анисимова, на севере от развалин стены, называемой Гяур-Кала (Крепость Неверных), старинное кладбище, которое туземцы называют еврейским. Горские евреи считают крепость Гяур-Кала своею, и согласно своим преданиям, говорят, что она была разрушена Надир-шахом в начале XVIII в. На кладбище сохранились доселе плиты с еврейскими надписями.

Несомненно, что во многих местностях Дагестана мусульманство вытеснило религию Моисея в населении. Доказательством этому может

---

[22] Около Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакск).
[23] В южном Дагестане.
[24] Около Шемахи.
[25] Около Кубы.

служить то явление, что в некоторых мусульманских аулах хранятся древние еврейские книги Священного Писания. Так в селении Ругжами или Аракан, лежащем верстах в 20-ти от Теми-Хан-Шуры, как сообщили И. Ш. Анисимову, у мусульман хранится одна еврейская книга, перешедшая к ним от их предков евреев. По рассказам очевидца, эта книга висит на снурке, прикрепленном к потолку в сакле одного старика, и считается святыней. Такая же книга хранится в мечети в селении Ахты (Кюринского округа). По рассказам жителей аула, их предки были евреи, которые целыми аулами перешли в мусульманство при завоевании Дагестана арабами.[26]

Последнее утверждение носит совершенно легендарный характер. По этому поводу Б. Вс. Миллер в своей работе «Таты, их расселение и говоры» пишет:

Жители с. Ахты (Кюринского округа, на Самуре) до сих пор (в 1928 г.) как и 40 лет назад, сохраняют воспоминание о том, что их предки были «евреями». Сообщают, что и сейчас там есть лезгины, зажигающие в пятницу вечером свечи. Ахтинцы приняли мусульманство сравнительно недавно, лет 150 тому назад[27]*, и с переменой религии переменили и свою национальность и стали называться лезгинами. У них сейчас имеются две мечети — старая и новая. В старой наверху на камне видна надпись еврейскими буквами, именно «тарих», т. е. сообщение о времени постройки мечети. В этой старой мечети и сейчас еще хранится один экземпляр Торы, а другой имеется у одного местного богача. Ахтинцы прежде чем окончательно расстаться со своей древней религией, в течение долгого времени, наружно исполняя мусульманские обряды, тайно совершали и свои прежние. Мне думается, что относительно всех подобных селений, где еще жива еврейская религиозная традиция, следует предположить сравнительно недавний (как и в Ахти) переход их в мусульманство. Если бы такой переход произошел уже при завоевании Дагестана арабами, т. е. более 1000 лет тому назад,— как сообщали про своих предков ахтинцы И. Ш. Анисимову 40 лет тому назад, то, конечно, никаких подобных следов еврейства (сохранения Торы, зажигания свечей) не могло бы сохраниться. Отметим еще зажигание свечей в интересном по своей этимологии лезгинском селении Хазры (Кусары), в северной части Кубинского уезда.*[28]

Б. Вс. Миллер сообщает также о других следах еврейского присутствия в Азербайджане и Дагестане:

---

[26] Вс. Миллер, 1892. С. II—III.

[27] Скорее всего, несколько раньше, во время нашествия Надир-шаха.

[28] Б. Миллер, 1929. С. 20—21.

Около сел. Карчаг [29] в Кюринском округе находится покрытая лесом необитаемая ныне котловина Дерей-Катта, в которой имеется высокий каменный памятник с еврейской надписью, дата («тарих») которой не сохранилась, но содержание которой сводится к тому, что некий человек с сорока своими учениками «60 лет назад» оттуда ушел. По предположению жителей ближайших селений, в этом ущелье было раньше еврейское поселение, жители которого переселились в Кубу, в Еврейскую Слободу.

Следы «еврейских» поселений имеются и далее на север в Аварии. Как мне сообщил один аварец, в Аварии и сейчас ходит много преданий о том, что раньше в разных селениях жили «евреи», или же сами аварцы говорят, что они «еврейского» происхождения. Таковы, например, предания о сельском обществе Гумбед, Хасав-Юртского округа, о сел. Аракани, по дороге из Темир-Хан-Шуры в Хунзах и других. О районе Бузнаб (недалеко от слияния Аварского и Андийского Койсу), ныне незаселенном пастбищном месте, рассказывают, что там раньше жили «евреи», занимавшиеся дубильным делом.[30]

По словам кубинских евреев, множество мусульманских селений, населенных ныне лезгинами и татами, были прежде «еврейскими»; так например, не менее 25 селений, расположенных от Баба-Дага в направлении Кубы, раньше держались Моисеева Закона. Таково, например, было селение Шудуг (Шюдюх) на юг от Кубы, которое еще и сейчас еще делится на две части, из коих одна до сих пор называется «еврейским кварталом», хотя население последнего сейчас исключительно мусульманское.[31]

Данные Б. Вс. Миллера полностью подтверждаются нашими собственными наблюдениями. Во время экспедиции 1997 г. в еврейском пригороде г. Кубы Красной Слободе, нам рассказали о том, что часть ее жителей — выходцы из татского горного селения Шюдюх, которое евреи покинули в давние времена. О евреях, проживавших в этом месте, писал еще Гербер. Мы отправились в это селение и обнаружили, что один из кланов, на которые делится татское, т.е. мусульманское, население Шюдюха, называется «Исраили». Члены этого клана отчетливо помнят о еврейском происхождении своих предков. Вплоть до 1946 г. на территории села сохранялось еврейское кладбище. Члены клана «Исраили» имеют в своем селе высокий социальный статус. Характерно, что таты-мусульмане Шюдюха считают евреев Красной слободы своими «родственниками», «братьями» и относятся к ним с подчеркнутой симпатией. Существует давнее побратимство между жителями села

[29] В южном Дагестане, недалеко от Дербента.
[30] Б. Миллер, 1929. С. 21.
[31] Б. Миллер, 1929. С. 20.

и Слободы, основанное в том числе и на своего рода разделении труда: евреи Красной Слободы осуществляют сбыт продукции (ковры, фрукты) татов, живущих в Шюдюхе. Очевидно, когда-то (когда именно — неизвестно) часть евреев Шюдюха перешла в ислам, а часть покинула селение и переселилась во вновь созданное еврейское предместье Кубы.

Этнографическая экспедиция московских ученых, посетившая Дагестан в 1946 г., в своем отчете подчеркивала, что раньше число евреев, говоривших на татском языке, было намного больше, и что они жили не только в прикаспийской зоне, но и в горах западной части Дагестана. О своих еврейских корнях говорили участникам этой экспедиции жители многих аварских аулов; здесь также были найдены предметы несомненно еврейского происхождения.

ГЛАВА 2

История горских евреев в XIX — начале XX вв.

Горские евреи в период присоединения Кавказа к России и восстания Шамиля

В начале XIX в. Восточный Кавказ в политическом отношении представлял собой множество мелких ханств, которые постоянно конфликтовали и воевали между собой. Россия умело использовала эти конфликты для усиления своего влияния в регионе. Нападения мусульманских ханств на территории, где проживали христиане, стали поводом для России впрямую вмешаться в события на Кавказе.

После долгих переговоров с ханами Дербента, Кайтага, Табасарана и Тарков в декабре 1802 г. в Георгиевске был подписан договор, согласно которому эти ханы становились вассалами российского императора: они переходили под его покровительство и обязывались воевать на стороне России в случае нападения Ирана. Ханы обязались не решать свои конфликты с помощью оружия, а обращаться для решения спорных вопросов к России, гарантировать безопасность русских купцов и установить единую пошлину. Взамен российские власти установили для ханов годовые оклады. Соглашение было призвано принести Восточному Кавказу мир и стабильность.

Российские власти не ограничивались только дипломатией, царская армия проводила и завоевательные походы. В конце 1806 г. были захвачены Бакинское, Кубинское и Дербентское ханства. Правитель Казикумуха, опасаясь вторжения русской армии, поспешил объявить о своей верности России.

Тем временем те, кто противился присоединению к России, собирали в горах силы для сопротивления, которое возглавили ханы, изгнанные из своих владений. Их поддерживали Иран и Турция. Отряды горцев совершали нападения на подразделения русской армии. Во время этих стычек страдало мирное населения, у которого конфисковывали скот, лошадей, сжигали дома. Во время боевых действий вытаптывались поля. Гибли мирные жители, солдаты занимались разбоем. Экономика региона приходила в упадок.

От тех времен остались свидетельства о бедствиях местных евреев. Так, во время осады русскими в 1806 г. Кубы, ее правитель Шейх-Али-хан несколько месяцев держал оборону города. Много лет спустя в одной из синагог Кубы были обнаружены записи одного еврея, называвшего себя «смиренный ученик раввина Пенуэля», где он записал, как в время долгой осады

евреи страдали от нехватки еды, отсутствия воды, жили в постоянном страхе неминуемой расправы после захвата города.

В результате войн и переговоров к началу XIX в. под контролем России оказалась большая часть Кавказа. Международное положение способствовало тому, что это присоединение получило признание. В мае 1812 г. в Бухаресте между Россией и Оттоманской Портой было подписано соглашение, по которому к России отходила большая часть Закавказья. В октябре 1813 г. подобное соглашение было подписано между Россией и Ираном, в результате которого к России отходили все те территории, которые на момент подписания соглашения находились под ее контролем. Иран отказался от каких-либо претензий на Грузию, Дагестан, Кубу, Ширван, Карабах и Гянджу. Почти вся территория Кавказа, где проживали горские евреи, вошла в состав России.

В во взаимоотношениях с вновь обретенными еврейскими подданными на Кавказе и в Средней Азии русская администрация придерживалась в основном двух принципов. Во-первых, так называемые «туземные» евреи в отличие от евреев-ашкеназов не подпадали под действие ограничительных антиеврейских законов. Во-вторых, русские власти старались менять экономическую и правовую ситуацию медленно, сохраняя, по возможности, местные законы и учитывая интересы местных землевладельцев.

Горские евреи в целом доброжелательно приняли присоединение Кавказа к России, они надеялись, что произвол сменится властью закона и порядком. Но этого пришлось ждать еще очень долго. Россия в первую очередь была заинтересована в военном контроле и сборе налогов: социально-политическое устройство края было надолго оставлено без изменений. Хотя ханы, которым присвоили звания офицеров русской армии, и потеряли политическую власть, но продолжали быть реальными правителями и по-прежнему притесняли евреев. Из-за произвола, который творился в горах и в сельской местности, евреи стремились перебраться в крупные населенные пункты, где российские власти поддерживали некоторый порядок.

В поисках заработка евреи охотно брались обеспечивать различными услугами и товарами офицеров и солдат, служивших во вновь построенных крепостях. С годами эти крепости разрослись в города, и некоторым евреям разрешали селиться в них. Но каждый такой переезд в крепость мог иметь место только с согласия коменданта, а такое согласие давалось не всегда.

Вступая в контакт с русскими гарнизонами крепостей, горские евреи стали понемногу перенимать у них русский язык. Русская армия начала использовать евреев в качестве проводников, интендантов, посредников на переговорах по обмену пленными. Однако, чтобы снискать покровительство российских властей, евреи должны были платить высокую цену. Готовность верно служить России породила недоверие и ненависть к ним со стороны горских племен.

Россия методично проводила политику ликвидации автономных ханств. Русские войска продвигались в горы, организуя там свои военные базы, с этих

баз напрявлялись карательные отряды, которые проводили акции против непокорных аулов, не желавших признать власть русского императора. Постепенно тем или иным способом ханов отстраняли от управления ханствами, заменяя их русскими чиновниками.

Ликвидируя ханства, Россия стала образовывать на их месте округа, в основном в границах прежних ханств. Во главе каждого округа стоял начальник. Округа были разделены на уезды, в которых правили наибы, которых назначал начальник. Наибов набирали из местных беков, преданных России. В состав уезда обычно входило несколько аулов, в каждом из которых служило по нескольку полицейских, следивших за порядком и соблюдением закона. В 1837 г. В. Васильчиков писал:

Окружные начальники объединяют в своих руках всю власть; они определяют перечень и размеры налогов и сборов; им подчинена полиция; они отдают распоряжения о проведении расследований; и начальник же является окончательным судьей, который выносит приговоры подсудимым.[32]

Точных ограничений прав и полномочий окружного начальника не существовало. Поэтому очень многое зависело от личности самого начальника, от его характера, его доброй воли. Из-за этого очень часто соседние аулы, во всех отношениях схожие между собой, но входящие в разные округа, платили сильно разнящиеся по тяжести и по количеству налоги, и это часто было причиной того, что многие евреи переселялись из одного населенного пункта в другой. Окружные начальники и коменданты вели себя зачастую как местные феодалы, заставляя податное население, в том числе евреев, работать на себя.

Но как бы там ни было, следует подчеркнуть, что положение евреев после присоединения Кавказа к России заметно улучшилось. В одном из официальных докладов, представленных местной администрацией российским властям в 1836 г., говорится о том, что:

Армяне и евреи <Ширванского ханства> *благодарны за то, что теперь им не приходится за деньги выкупать у ханов право служить своему Богу.*[33]

Жестокая и коррумпированная власть окружных начальников, карательные акции русской армии, во время которых подвергались коллективному наказанию целые аулы, разрушались дома, поджигались поля, порождали недовольство местного населения, которое разделяли и ханы, ранее бывшие лояльнями к России. То там, то здесь возникали спорадические бунты, совершались набеги на русские гарнизоны. С течением времени это сопротивление все разрасталось, расширялось географически, становилось все мощнее

[32] Сумбатзаде, 1961. С. 45.
[33] Обозрение, 1836. С. 77.

и в результате вылилось в то, что получило название Кавказской войны или восстания Шамиля. Восстание Шамиля стало важнейшим событием в истории еврейских общин Северного Кавказа.

Восстание охватило целиком Чечню и горные районы Дагестана. На этой территории восставшие провозгласили собственное независимое теократическое государство — имамат, которое должно было стать ядром будущего мусульманского государства на территории всего Северного Кавказа.

Восставшие спускались с гор, нападали на аулы и города в долинах и на побережье Каспийского моря. Отряды восставших доходили до Моздока на севере, Петровска (Махачкалы) на востоке, Дербента и Ахты на юго-востоке. Это восстание продолжалось почти без перерывов около 30 лет. Во главе повстанцев стоял исламский духовный лидер, имам. Самым знаменитым имамом был четвертый имам, аварец Шамиль. Имамов окружали слепо преданные им ученики-мюриды. Имамы проповедовали священную войну во имя веры — газават.

Первым имамом был мулла Мехмед из Ягары. Он заявил в проповеди, которую произнес в 1823 г. в своем родном ауле, что первая и главная для каждого мусульманина заповедь — это газават.

На Кавказе газават приобрел национально-культурные аспекты: горцы воевали не только за веру, но и против России, против ее культурных и нравственных ценностей. Народное недовольство только ждало настоящего лидера, которым и стал Мехмед из Ягары.

После его смерти в 1828 г. имамом был избран Гази-Мухаммед из аула Гимры, один из учеников муллы Мехмеда из Ягары. Еще в молодости он отказался жить по адату — обычаям гор, и стал вести жизнь по законам мусульманской религии — шариату. Он призвал к непримиримой войне с неверными и действовал решительнее своего учителя, сумев объединить вокруг себя большие силы. В 1830 г. под началом Гази-Мухаммеда было уже 8 тысяч воинов. Гази-Мухаммед начал нападать на русские крепости и верные России поселения. В своем послании правоверным Кавказа от 1831 г. он объявил войну не только русским, но и всем тем жителям Кавказа, которые не придерживаются «истинной» религии. Все немусульмане, в том числе и евреи, становились врагами.

В октябре 1832 г. русские войска окружили Гимры, родной аул Гази-Мухаммеда. В стычке с русскими Гази-Мухаммед был убит. На короткий период восстание стихло. Но в начале 1834 г. оно разразилось с новой силой под предводительством новоизбранного имама Гамзат-бека.

Имам Гамзат-бек погиб в стычке с русскими войсками в том же 1834 г. И снова востание ненадолго стихло. В 1835 г. имамом был избран Шамиль (1797—1871). Именно Шамиль создал в горах настоящее мусульманское государство, его воины совершали многочисленные нападения на аулы, города и крепости в долинах. Под предводительством Шамиля восстание продолжалось до 1859 г. и прекратилось только после того, как Шамиль был взят в плен.

Годы Кавказской войны были одними из самых тяжелых в истории горских евреев Дагестана. Многие общины были уничтожены, еврейские святыни подвергались осквернению. Во время набегов восставшие обычно захватывали пленных, которых продавали затем в рабство. Пленного можно было выкупить, но для этого требовались огромные деньги, которых не было ни у семьи, ни, порой, у всего аула. Вот как характеризует И. Черный в одной из своих статей эту эпоху:

В смутные и тревожные времена Шамиля евреи страдали от преследований и угнетений своих владельцев и местных жителей и от постоянного нападения на них скопищ Шамиля, которые грабили их, убивали и уводили в плен. В эту тяжелую эпоху, евреи окончательно разорились; многие из них, оставив свои семейства без всяких средств к пропитанию, сами скитались с места на место, по своим собратиям, выпрашивая у них денежного пособия для выкупа своих пленников из рук тиранов. Страдальцы эти, оплакивая постоянно свою горькую участь, поневоле привыкли ко всевозможным несчастьям, связанным с иноплеменным игом, и наконец делались равнодушными к ударам судьбы.[34]

Конечно, во время Кавказской войны немало горских евреев против своей воли вынуждены были поддерживать Шамиля, но подавляющее большинство было на стороне русских. Именно в этот период, спасаясь от мюридов Шамиля, горские евреи селятся во вновь основанных русскими поселениях и крепостях Северного Кавказа. В этот же период резко увеличивается численность еврейской общины Дербента.

Во многих статьях, посвященных истории горских евреев, отмечены кровавые эпизоды Кавказской войны.

В 1831 г. отряды Гази-Мухаммеда подошли к аулу Эндери (Андреевской). Вот что рассказали И. Черному старожилы об этих событиях:

В 1831 году партия Кази-Муллы <Гази-Мухаммеда>, *состоявшая из 7000 человек, напала на Андреевскую деревню; жители передались неприятелю, евреи при этом много пострадали, лавки их и имущество были ограблены неприятелем и взбунтовавшимися андреевцами, несколько евреев было убито и взято в плен. После такого погрома, евреи со своими семействами и хозяйством перешли в крепость Внезапную, заложенную генералом Ермоловым в 1819 году, на возвышенном месте напротив Андреевской деревни, за рекою Акташем. Здесь евреи вместе с русским гарнизоном, выдержали, в самое жаркое время августа месяца, 14-дневную осаду, претерпевая крайнюю нужду в пище и питье. Так как река была занята с обеих сторон неприятелем, евреи поместили свои семейства в вырытых ими ямах, для охлаждения и утоления жажды, и вместе с солдатами,*

[34] Черный, 1878. С. 312.

одинаково с ними изнуренными, молились Богу и оглашали улицы крепости воплями. И теперь еще жители рассказывают, что в последний день осады пошел проливной дождь, все ямы были наполнены водой, так что осажденные были обеспечены на продолжительное время. Евреи приписывают этот случай тому, что Бог услышал их молитвы и умилосердился над ними. За тем, подоспевший отряд генерала Эммануеля заставил Кази-муллу с его партией удалиться. По оставлении Андреевской деревни, евреи разделились на кумыкской плоскости в укеплении Хасав-Юрте, в деревнях: Аксае или Таш-Кичу и Костеке; в чеченском округе — сначала в Старо-Юрте, а потом в укреплении Грозном; в Кабардинском округе — в укреплении Нальчик. По миновании смут, причиненных Кази-Муллою и новых их переселений, некоторые семейства евреев, соскучившись по родине, возвратились опять в Андреевскую деревню и чрез несколько лет составили там еще раз порядочную общину. Но им вторично пришлось испытать нашествие неприятельской шайки, которая, ворвавшись в Андреевскую деревню, убила трех евреев, одиннадцать человек взяла в плен, с их имуществом: кроме того, на общину наложено было 200 рублей серебром ежегодной подати. Генерал-лейтенант Вельяминов, командовавший в то время войсками Кавказской и Черноморской линий, входя в положение евреев сделал распоряжение, чтобы не стеснять их в промыслах, а напротив оказывать им всевозможное покровительство и защиту.[35]

Позже российские власти признали, что участие евреев сыграло большую роль в обороне крепости. В отчете царскому правительству было написано, что евреи в обороне крепости Внезапная проявили мужество, отражая атаки нападавших, воевали плечом к плечу с русскими солдатами.

В том же 1831 г. отряды Гази-Мухаммеда спустились в долину и напали на селение Тарки. «Они сожгли дома евреев, отняли все наше имущество, нам пришлось бежать. Община была рассеяна, евреи небольшими группами селились в соседних аулах...» — расказывал очевидец тех событий.

В ауле Джерах отряд повстанцев захватил в плен 20 евреев и держал их у себя до тех пор, пока родные не выплатили выкуп. Евреи стали убегать из аулов при приближении отрядов Гази-Мухаммеда. В августе 1831 г. отряды Гази-Мухаммеда осадили Дербент. В городе находились незначительные силы русской армии. Мирное население было мобилизовано на защиту города. В обороне Дербента активно участвовали и горские евреи.

В 1843 г. один из отрядов Шамиля под предводительством Хаджи-Мурата захватил аулы Дюргели, Джерах и Дженгутай. Евреи заблаговременно бежали из этих аулов. Воины Хаджи-Мурата ограбили покинутые дома, а сами дома предали огню.

Более всех пострадали от набегов Шамиля евреи селения Тарки, которое имело важное стратегическое значение. Жители Тарков рассказывали Иуде

---

[35] Черный, 1878. С. 311—312.

Черному, что в 1847 г. Шамиль дважды нападал на Тарки. Старожилы вспоминали:

Не успели мы отстроиться, как Шаимиль напал снова, на это раз зимой, он не только сжег наши дома, но и убил 35 человек, в том числе женщин и детей, пятерых увел в плен, и мы до сих пор не знаем, какая судьба их постигла.[36]

Когда на помощь пришли русские солдаты — было поздно. Нападавшие уже ушли, на улицах и во дворах лежало множество трупов. Один из тех, кого увели тогда в плен, раввин Шимон б. Эфраим, вспоминал в старости:

Одиннадцатого швата, глубокой ночью, когда все мы спали в своих постелях, в Тарки ворвался Шамиль со своими воинами... Многих евреев безжалостно убили прямо в постели... Очень многих избили плетками и палками до полусмерти, отняли все, отобрали одежду, унесли бывшие в домах припасы. Дети потом умирали от холода. Парней и девушек увели в плен. В числе пленных были и я с сестрой. На нас надели кандалы и погнали в горы. Там нас посадили в колодки... Три дня и три ночи держали в глубокой яме. На четвертый день нас продали одному мусульманину, у которого мы тяжело работали как рабы — за миску похлебки в день.[37]

Вот что писал о том набеге горцев на Тарки один русский офицер:

Абакар-Дибир <командир отряда повстанцев> *25 января* <1847 г.> *переправился через Сулак с тремя сотнями воинов. Под покровом тумана они появились возле аула Тарки. Это был дерзкий, смелый и очень опасный шаг. Но их целью были не сами Тарки. Рядом с аулом располагалась еврейская слобода — она-то и соблазнила Абакар-Дибира. Хотя горские евреи, когда они имеют при себе оружие, похрабрее своих единоверцев в цивилизованных странах, но все же это народ мирный, торговый, они не привыкли прибегать к оружию и никогда ни на кого не нападали. Поэтому Дибиру было легко одолеть их. Он отобрал у них все, что было, увел в плен 30 женщин и детей.*[38]

Интересы евреев совпадали с интересами российских властей, так как евреи были заинтересованы в стабильности и мире в регионе, что позволяло спокойно вести торговлю. Не удивительно, что выдающийся лидер еврейской общины Кавказа раввин Элиягу б. Мишэль Мизрахи призвал соплеменников содействовать русским всеми силами. Командующий российскими

---

[36] Черный, 1884. С. 24.
[37] Черный, 1884. С. 28.
[38] Волконский, 1882. С. 494.

войсками на Кавказе Михаил Воронцов лично вручил раввину медаль за верную службу России.

Материалы, опубликованные в 1868 г., свидетельствуют, что в армии на Кавказе служило много горских евреев. Многие горские евреи сами приходили к командирам русской армии и предлагали свои услуги в качестве проводников по горным дорогам, и с их помощью русские отряды наносили внезапные удары по повстанцам.

В русской армии горские евреи служили переводчиками и разведчиками. По ночам они в одиночку или во главе небольших отрядов пробирались в неприятельские аулы. Одним из знаменитых разведчиков в полку генерала Бакланова был Аарон из Грозного, который за храбрость, проявленную в боях, получил георгиевский крест. Другого горского еврея-разведчика, служившего в том же полку, звали Эфраим. Аарон из Грозного попал в плен к горцам в известном сражении при Ведено в 1859 г., его убили, подвергнув перед тем жестоким пыткам.

Ненависть к евреям нашла свой выход и во время последнего антирусского восстания в Дагестане, которое произошло во время русско-турецкой войны в августе — октябре 1877 г. Вожди восстания хотели основать государство по образцу того, которое провозгласил в свое время Шамиль. Восстание охватило большую часть Дагестана. Восставшие отбирали у горских евреев дома и имущество.

Религиозная нетерпимость в районах, находившихся под контролем восставших, нанесла сильный удар по духовной жизни горских евреев. По свидетельству И. Черного, в тот период у евреев не осталось ни синагог, ни молитвенных домов: только по субботам они собирались в каком-нибудь большом сарае, где молились вполголоса, без громких песнопений, потому что когда мусульмане узнавали о том, что евреи собрались для молитвы, они толпами врывались в помещение, оскорбляли и избивали молящихся.

Правовое положение горских евреев в XIX — начале XX вв.

Первоначально переход Восточного Кавказа под российскую юрисдикцию ничего не изменил в правовом положении горских евреев: они продолжали целиком зависеть от местных мусульманских феодалов, которые их нещадно угнетали. И. Черный пишет:

Аксаевские евреи рассказывают, что когда они переселились в Аксай, владетелем там был Муса Хасаев, один из аксаевских князей, который жестоко обходился с евреями и не заступался за их обиды: не обращал внимания на то, что многие из них были убиты соседями-мусульманами, не доверял свидетелям из евреев и не допускал их к присяге; словом, чем только

мог, преследовал и притеснял их. Подобно аксаевским евреям, страдали евреи и в Костеке, от костековских князей и тамошних мусульманских жителей. В 1845 г. аксаевские евреи обращались с просьбою о покровительстве и защите к русскому правительству.[39]

Переселение во вновь основанные русскими крепости и поселения было для горских евреев единственным спасением от феодального произвола. Например, так, по сообщению И. Черного, возникла еврейская община Грозного.

Грозненские евреи рассказывают, что они жили прежде в Старо-Юрте; но некий Уда-Мулла напал на них с шайкою хищников, ограбил их имущество, 20 человек убил и многих взял в плен. Это обстоятельство заставило их убежать из Старо-Юрта в крепость Грозную, начальник которой их принял и указал им место дл поселения.[40]

Однако получить разрешение на поселение под защитой русского гарнизона было не просто. Более того, в конфликтах между еврейским населением и землевладельцами русские власти становились, как правило, на сторону последних. Так, например, И. Черный сообщает о том, что генерал Ермолов отказал евреям аула Эндери (Андреевская) в разрешении переселится в русские владения.

По завоевании русскими войсками кумыкской плоскости, евреи подали просьбу о принятии их под покровительство России и этим много себе повредили, ибо навлекли на себя негодование и презрение кумыкских жителей, которые стали сильнее их притеснять и принудили, наконец, в 1822 году, прибегнуть с просьбою к генералу Ермолову, о разрешении им выселиться из кумыкского в чеченский округ, на что Ермолов не согласился, находя невозможным лишить кумыкских князей получаемых с евреев доходов. Таким образом бедные евреи оставалиь в самом жалком положении в Андреевской деревне.[41]

Начиная с 1830-х гг. горские евреи пытаются вырваться из-под власти местных феодалов и просят русские власти уравнять их в правах с мусульманским населением. Так, например, в 1832 г. еврейская община Дербента просит русскую администрацию уравнять евреев в правах с мусульманами и армянами на том основании, что евреи наряду с прочими гражданами города принимали активное участие в его обороне в 1831 г. от отрядов Гази-Мухаммеда.

---

[39] Черный, 1878. С. 312.
[40] Черный, 1878. С. 312.
[41] Черный, 1878. С. 311.

Однако реальный сдвиг в правовом положении горских евреев происходит только в 1860-х гг., когда после окончания Кавказской войны русские власти одно за другим упраздняют ханства на территории Дагестана и заменяют их округами.

Вплоть до первой половины XIX в. судебные конфликты жителей Восточного Кавказа решал религиозный суд, основывающийся на принципах шариата (исламского права) и адата (обычного права). С 1859 г., после подавления восстания Шамиля, власти начали постепенно распространять российские законы и на этот регион. В 1860 г. было принято Установление о судах, согласно которому немусульмане (в их числе — и евреи) не обязаны были представать перед судом шариата, а дела, в которых хотя бы одной стороной был немусульманин, не подлежали юрисдикции религиозного суда. Однако новый порядок встретил упорное сопротивление и вошел в действие далеко не сразу.

В июле 1865 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич распорядился провести перепись, чтобы установить количество, место проживания, размеры и число налогов, которые платят горские евреи. Перепись установила, что на горских евреев не были наложены какие-то особые налоги и подати, за что во время опросов они высказывали благодарность российским властям. 29 января 1866 г. еврейские общины аулов Тарки, Буйнака, Дюргели и Карабудахкента составили обращение к российскому наместнику в Дагестане, в котором говорилось:

> *Мы находимся в неравном положении, когда наши дела разбирают по законам шариата и адата. Иной раз мусульманин убивает еврея и не получает никакого наказания, а когда еврей убивает мусульманина, даже обороняясь — его немедленно судят и высылают в Сибирь. Поскольку мы являемся верными подданными Российской империи, мы заслуживаем достойного отношения и просим ваше высокопревосходительство вывести нас из-под юрисдикции мусульманского суда и подчинить судам России.*[42]

На эту просьбу положительный ответ поступил не сразу. Но постепенно российские суды приняли к своему рассмотрению почти все уголовные дела, касавшиеся горских евреев.

Во второй половине XIX в. общим принципом российского управления на окраинах империи было предоставление «туземным», то есть бухарским, грузинским и горским евреям равных с прочим «туземным» населением прав. В 1872 г. великий князь Михаил Николаевич предоставил горским евреям гражданское равноправие: они были уравнены в правах с прочими покоренными народами Кавказа. Перед российским судом горские евреи были равны с остальными жителями региона. Кроме того,

[42] Черный, 1884. С. 30.

в вопросах семейного и религиозного права еврейские общины получили судебную автономию.

Впоследствии равные с другими горцами права горских евреев подтверждались в 1883 и 1887 гг. И. Анисимов пишет по этому поводу:

В настоящее время горские евреи уравнены в правах со всеми туземцами Кавказа и имеют документы, обеспечивающие их права в торговом, военном и гражданском отношениях. Приведу их содержание:

1) Копия предписания Ставропольской Казенной Палаты Хасав-Юртовскому Слободскому Общественному Управлению от 12 августа 1883 года за № 27597-м «По поводу возбужденного рапортом от 13-го июня сего года за № 1205-м вопроса», в котором Ставропольская Казенная Палата дает знать Слободскому Общественному Управлению, что относительно горских евреев не следует требовать удостоверений полиции в виду того, что ограничение прав по торговле евреев (стр. 128, 130, 131, тома XI, части II Уст. торг. по продолж. 1876 года) не относятся до горских евреев, как коренных жителей Кавказа, которые по торговле пользуются всеми правами и преимуществами наравне с горскими племенами Кавказа и вообще коренными русскими.

2) Копия с отзыва Канцелярии Терского Областного по воинской повенности присутствия Хасав-Юртовскому Окружному Начальнику от 28-го октября 1887 года за № 7573-м.

Доверенные обществ: Аксаевских, Костековских, Андреевских и Хасав-Юртовских горских евреев — Иргана Измайлов, Анох Мелихов, Алхас Алхасов и Юнун Амиржуев — обратились к г. главнокомандующему гражданскою частью на Кавказе с прошением, в котором они ходатайствуют о предоставлении горским евреям, служащим в военной службе, тех прав и преимуществ по службе, какими пользуются все туземцы. Вследствии передачи означенного прошения Господину Начальнику Области, Его Превосходительство, имея в виду, что горские евреи, согласно Устава о воинской повинности 28 мая 1886 года, отбывают воинскую повинность натурою и что поступившие из них в военную службу будут пользоваться всеми служебными правами наравне с лицами других исповеданий, приказать изволили объявить об этом просителям.[43]

Согласно судебной реформе, гражданские и даже уголовные дела горцев, живших в аулах, начали рассматривать в суде старейшин, которые избирались как из числа мусульман, так и евреев пропорционально числу семей в данном ауле. Суд старейшин судил по обычному праву, адату, которое было

[43] Анисимов, 1888. С. 183—184.

одинаковым у всех горцев. В суд старейшин могли входить и входили горские евреи, о чем свидетельствует И. Анисимов. Он пишет, характеризуя состояние правосудия на 1880-е гг. на Восточном Кавказе:

Такому суду подчиняются в настоящее время только те из евреев-горцев, которые приписаны к аулам и не принадлежат к городским сословиям. Последние подчиняются правительственным судам, а первые имеют общее судилище с теми племенами, с которыми живут они в одних аулах. Места судилища в аулах называются «правлениями», а судьи старшинами. Суд производится по адату (обычаю) и (у мусульман) по шариату (законам Корана).

Сельские суды решают тяжбы, не превышающие ста рублей, а более крупные дела отправляются в областной Народный суд, имеющий значение равное окружным судам. Старшины выбираются народом из туземцев — магометан и евреев — по числу дымов и утверждаются правительством. Так, в Тарках (Дагестанской области) приблизительно 50 дымов евреев-горцев на 1000—1200 дымов мусульман и один старшина из евреев на 6—7 из мусульман.

Но все это касалось только аулов: горские евреи в городах, как и прочие их жители, подчинялись российским законам. По словам Анисимова:

Горцы-евреи, принадлежащие к городским сословиям подчиняются только русскому суду и не имеют права требовать суда в Народных судах.

Суд старейшин аула был для евреев предпочтительнее суда мусульманских судей, казиев, рассматривавших дела по шариату. Но некоторая дискриминация евреев сохранялась и в этом случае, поскольку, хотя старейшины судили по адату, шариат также оказывал сильное влияние на их решения. Кроме того, в ряде местностей продолжали действовать шариатские суды.

Российские власти не возражали также против внутриобщинной судебной автономии. Начальник одного из уездов отдал распоряжение, чтобы в случае гражданских процессов евреи сначала пытались бы разрешить разногласия внутри своей общины, обратившись к третейскому суду, и, если им не удавалось прийти к согласию, могли бы обращаться к суду старейшин аула, при котором, как уже отмечалось, должен был быть заседатель-еврей. Вопросы веры, нравов, традиций, забота о сиротах и инвалидах, а также разногласия внутри семьи евреи могли разрешать у своих раввинов, не обращаясь ни к суду казиев, ни в суд старейшин аула.

Иуда Черный, путешествовавший по Кавказу как раз в момент проведения реформы, свидетельствует:

После падения власти Шамиля, последовали распоряжения правительства, имеющие в виду поставить горских евреев наравне с массою кумыкского народонаселения, избавив их от прежних угнетений и тягостных и унизительных налогов. В 1860 г., введены правила для судопроизводства в народных судах, по которым дела евреев изъяты от шариатского разбирательства; потом последовало предписание начальника Терской области, от 30 июня 1866 г., по которому дела евреев с туземцами, в случае ответственности евреев, должны разбираться в слободских управлениях, а не по адату; словом, евреи в юридических правах своих уравнены теперь с туземцами, наравне со всеми участвуют в делах общественных и в слободских управлениях, имеют своих депутатов, с правом голоса, только к совещаниям по делам аульных обществ не допускаются и до сих пор. Дела их разбираются: а) по русским законам: уголовные, исковые, тяжебные и полицейские, возникающие между евреями, русскими и горцами; б) по кумыкскому адату: исковые и тяжебные между евреями и горцами, когда ответчики — туземцы или обе стороны не сойдутся чрез медиаторов; в) по уставам и обрядам еврейской веры: дела, касающиеся до веры и совести, по бракам и разводам, по опеке маленьких сирот и слабоумных, по неповиновению детей родителям и вообще по несогласиям между членами семейства: разбирают их раввины по 4 книгам: Шулхан-Арух, Хошен-Мишпат, Эбен-Эзер и Иоре-Деа, имеющих силу законов по еврейской религии.[44]

Российские власти, с одной стороны, уравняли горских евреев в правах с остальными жителям Кавказа, но, с другой стороны, те же власти проводили политику, при которой положение горских евреев приближалось к положению евреев в других частях Российской империи. Важнейшим элементом русского законодательства о евреях была «черта оседлости». В «Положении о евреях» (1835 г.) были перечислены губернии, разрешенные для проживания евреев. Кавказ в этом Положении не упоминался, и европейских евреев, приехавших на Кавказ, следовало безоговорочно отсюда выселять. Но оставалась неясность в том, как следует поступать с горскими евреями, издавна живущими на Кавказе.

Начальник Кизлярского округа запросил начальство, следует ли выслать из аула Старо-Юрт также и горских евреев, где они поселились после того, как в 1831 г. бежали из аула Эндери (Андреевская) при нападении на него горцев. Этот запрос рассматривался различными российскими инстанциями, и в результате начальнику было направлено распоряжение, в котором говорилось, что:

Из числа евреев, вышедших из Андреевой деревни во время возмущения горцев следует выслать проживающих ныне в Старой Юрте. Но как евреи

[44] Черный, 1878. С. 313.

сии без исключения бедные и, вероятно, по теперешнему зимнему времени не в состоянии будут отправиться, то можно оставить их здесь до весны, и тогда выслать непременно из Старой Юрты.[45]

В то же время в докладной записке Г. Розена, направленной в Сенат, отмечалось:

Не только в Грузии, но и в других частях Кавказа живет большое число евреев, более 12 тысяч душ. Кроме того, живут евреи и среди горцев, как подчинившихся нам, так и не подчинившихся, точное число которых невозможно установить. Этот народ уже многие века проживает в своих аулах в горах Кавказа и пользуется теми же правами, что и другие горские народности Кавказа. Евреи занимаются обработкой земли и скотоводством, ввиду этого невозможно переселить их в районы, определенные для их жительства <то есть, в черту оседлости>.[46]

Отвечая на запросы, министерство внутренних дел России направило на Кавказ распоряжение оставить на месте «туземных» евреев, живущих в своих селениях, применяя, однако, в отношении них те же законы, которые установлены для евреев в черте оседлости. Это распоряжение устранило опасность высылки горских евреев с Кавказа, но оно же ввело для них некоторые ограничения. Однако до конца XIX в. горские евреи не ощущали дискриминации при миграциях в пределах Кавказа.

В 1888 г., когда император Александр III посетил Кавказ, делегация горских евреев встретила его хлебом-солью и высказала признательность России за предоставление равноправия с другими народами Кавказа.

Но уже тогда, видимо, горские евреи стали подозревать, что на них будут распространены дискриминационные законы, действующие в отношении европейских евреев. В 1889 г. главный раввин Дербента Яаков б. Ицхак Ицхаки вручил составленную им «Краткую историю горских евреев» градоначальнику Дербента для передачи в министерство внутренних дел. В этой «Краткой истории» подчеркивалось, что в определенных аспектах вера горских евреев отличается от веры европейских евреев, более того, между горскими и европейскими евреями существуют разногласия и, наоборот, многое сближает горских евреев с их соседями-мусульманами.

Целью этого сочинения было убедить власти в том, что нет никакого основания низводить в правовом отношении горских евреев до положения их европейских соплеменников.

Опасения горских евреев были не напрасны. Не прошло и трех лет после подачи раввином Ицхаки его «Краткой истории», как на повестку дня встал вопрос о праве горских евреев проживать на Кубани и в Терской области.

---

[45] Крихели, 1945. С. 148.
[46] Крихели, 1945. С. 146.

До 1892 г. русским евреям, имеющим право селиться вне черты оседлости, было разрешено жить в Кубанской и Терской областях. 18 июля 1892 г. был издан указ, который ограничил права евреев в этих областях. Отныне здесь могли проживать только те евреи, которые: а) имеют высшее образование или находятся на государственной службе; б) владеют или арендуют недвижимость в этих областях, причем приобрели ее до издания этого указа. Владельцы недвижимости могли проживать в этих областях до тех пор, пока эта недвижимость принадлежала им, а арендаторы — до окончания срока аренды. Этот же указ запрещал евреям вновь покупать или арендовать недвижимость.

14 мая 1893 г. министр внутренних дел направил всем начальникам округов на Кавказе распоряжение о высылке евреев, которым жить там не дозволено. Таким образом, на повестку дня снова встал вопрос о проживающих в этом регионе горских евреях. Разрешено было не высылать тех, кто был записан как постоянный местный житель. Проблема состояла в том, что в Кубанской и Терской областях проживало немало горских евреев, которые по переписи, проведенной на Кавказе в 1866 г., числились постоянными жителями других округов. За прошедшие десятилетия они успели поменять место жительство, но запись осталась прежней. И согласно указу от 1892 г. все горские евреи, жившие на Кубани и Тереке и числящиеся постоянными жителями других округов, подлежали выселению, хотя они жили тут уже не одно десятилетие и владели недвижимостью. Этот указ наносил тяжелый удар по материальному положению горских евреев, многие из которых занимались торговлей за пределами того округа, в котором они числились постоянными жителями.

Очень жестко проводил этот указ в жизнь начальник Терской области, но так было не во всех регионах Кавказа. Военные власти и российская администрация еще помнили об участии горских евреев в подавлении восстания Шамиля и не спешили вводить дискриминационные меры.

28 февраля 1893 г. руководитель гражданской администрации Кавказа генерал-адьютант Шереметьев направил подробные разъяснения властям округов относительно высылки евреев и просил сообщить ему о выполнении. В самом начале распоряжения Шереметьев перечислил категории евреев, которые не подлежат высылке, в том числе евреи, именуемые горскими, или местными, которые с древних времен проживают на Кавказе. При этом подразумевался весь Кавказ, но, видимо, в некоторых уездах Терской и Кубанской областей Шереметьева не поняли — или не пожелали понять. Так, коменданту Хасавюрта было направлено отдельное распоряжение, в котором было однозначно указано, что законы о черте оседлости не распространяются на горских евреев.

В 1895 г. Шереметьев обратился к военному министру с просьбой не распространять антиеврейские законы на горских евреев Терской области и Кубани. В 1899 г. генерал-адьютант князь Николай Голицын обратился к военному министру с просьбой издать особое распоряжение, которое позволяло

бы горским евреям торговать в казацких станицах, как это дозволено представителям других кавказских народностей, которым в станицах запрещали только виноторговлю.

В 1894 г. на Кавказе создали специальный комитет для установления юридического статуса горских евреев. Комитету было поручено собрать данные об их количестве, занятиях и о том, как они влияют на окружающее население. Пункт о «влиянии, оказываемом на окружающее население» свидетельствует о предвзятом отношении российских властей к горским евреям.

Старейшины горских евреев не раз обращались к кавказским властям, составляли докладные записки в Сенат и даже направили в 1899 г. в Петербург специальную делегацию, которая встретилась с наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем, который обещал заняться их делом. В своих обращениях еврейские старейшины подчеркивали, что их предки поселились на Кавказе еще до новой эры, намекая тем самым на то, что горские евреи не несут ответственности за распятие Христа. Лидеры еврейских общин Хасавюрта и Грозного (Терская область) направили прошение министру двора Воронцову-Дашкову, в котором отмечали: «у нас нет ничего общего с европейскими евреями».

Антиеврейские «Временные правила» от 3 мая 1882 г. запрещали евреям арендовать и покупать дома в сельских местностях. В 1886 г. евреи Кубанской области написали жалобу властям в Ставрополь, что вот уже два года нотариусы очень неохотно подтверждают купчие о приобретении евреями недвижимости и земельных наделов в аулах, в которых живут мусульмане. Никакого ответа на свою жалобу они не получили. Скорее всего, евреи самостоятельно справились с проблемой принятым тогда приемом — взяткой нотариусу.

Согласно «Временным правилам» евреям нельзя было производить и продавать спиртные напитки, между тем горские евреи издавна занимались виноделием. Это вопрос обсуждался на самом высоком уровне — в Совете министров. В мае 1884 г. министр внутренних дел и министр финансов пришли к соглашению, что горские евреи могут производить и продавать спиртные напитки так же, как и их соседи-мусульмане. Но местные чиновники все же внесли свою поправку: горский еврей не мог получить лицензию на производство и продажу вина, если он не являлся домовладельцем. И опять евреям приходилось искать обходные пути, попросту говоря, давать взятку.

Вопрос о нераспространении антиеврейских законов на горских евреев Кубанской и Терской областей был включен в повестку дня заседания Государственного совета: это заседание должно было состояться 14 января 1905 г. Но 27 апреля 1905 г. была созвана Дума, а Государственный совет получил полномочия высшего судебного органа и был призван рассматривать только важнейшие государственные вопросы: юридический статус горских евреев к таковым не относился. Военный министр предложил включить этот вопрос в повестку дня Думы, но сделать этого не удалось, и юридический статус горских евреев Северного Кавказа остался по-прежнему неопределенным.

Военный начальник северного Кавказа неоднократно обращался к военному министру, прося ускорить решение вопроса. В одном из ответов на эти запросы от 8 июля 1906 г. военный министр сообщал на Кавказ, что председатель Совета министров Столыпин полагает, что к горским евреям, живущим на Кавказе, следует относиться так же, как к евреям, живущим в Сибири, то есть в пределах округа они могут перемещаться свободно, и ограничения существуют только применительно к пересечению границ округа. Но это мнение было высказано Столыпиным в частном порядке, и военный министр в 1909 г. вновь был вынужден поставить этот вопрос перед Советом министров. Правительство решило, что поскольку вопрос о свободе перемещения евреев следует решать в масштабах Российской империи, не имеет смысла обсуждать положение горских евреев отдельно. И снова чиновникам на Кавказе было велено решать проблемы горских евреев по своему усмотрению.

Власти Северного Кавказа, «правильно» поняв это разъяснение, начали действовать решительнее, ввели дополнительные ограничения, ужесточили контроль, запретили покидать евреям населенные пункты, к которым они были официально приписаны в качестве постоянных жителей. Так как многие горские евреи занимались торговлей, это решение нанесло тяжелый удар по их материальному положению. Так, евреям Тарков не дали разрешения ездить в Мерв (нынешние Мары), расположенный в Туркмении, за Каспийским морем, где они закупали овчины и мерлушки, и это подорвало скорняжное ремесло. Власти Петровска вообще запретили живущим там евреям заниматься торговлей. Евреи вынуждены были обратиться за помощью к городскому голове, который был заинтересован в расширении торговли в городе.

Старейшины горских евреев снова обратились к военному министру с просьбой провести через Думу специальный закон о юридическом статусе горских евреев Кубанской и Терской областей. Но Дума так и не приняла такого закона. До самой Февральской революции горские евреи жили под страхом высылки и были ограничены в правах.

До середины 1880-х гг. горские народности Кавказа не несли воинской обязанности. Горские евреи служили в российской армии на добровольных началах. В конце 1886 г. воинская обязанность была распространена на горские народности, в том числе и на горских евреев. Евреи отнеслись к этому доброжелательно.

В то же время для многих горских евреев призыв в армию стал тяжелым бременем. В мобилизационном уставе царской армии говорилось, что мусульмане, подлежащие призыву, могут получить освобождение от службы, заплатив в казну 250 рублей, но на евреев и армян такое правило не распространялось. Состоятельные евреи не раз обращались к властям Кавказа в Тифлисе с просьбой о праве откупиться от службы в армии, но в результате этих ходатайств был лишь издан приказ, что мобилизации не подлежат горские евреи, женившиеся до издания указа о мобилизации.

В июне 1892 г. был издан новый закон о городском самоуправлении, согласно которому однозначно было определено, что вне черты оседлости евреи не могут быть избраны в органы городского и местного самоуправления; в пределах черты оседлости они могут быть включены в состав местного самоуправления (городской думы), но не путем избрания, а с помощью назначения властями из числа тех, кто отвечает соответствующему имущественному цензу. Все это касалось евреев Российской империи вообще, то есть в первую очередь евреев-ашкеназов. Как же решалась проблема участия евреев в городском самоуправлении применительно к горским евреям?

29 мая 1892 г. главнокомандующий росийскими войсками на Кавказе генерал-адьютант Шереметьев распорядился ввести «простое самоуправление» в городах Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте: вместо городской думы здесь должно было быть избрано собрание городских уполномоченных, 12—15 человек, с полномочиями меньшими, чем у думы. Правила участия евреев в таком собрании были идентичны тем, которые касались дум в городах черты оседлости. Но если в думе могло быть не более 10% евреев, то в это собрание дозволялось назначать не более одного еврея.

В соответствии с этими положениями полицмейстер Дербента составил список из 982 кандидатов, имеющих право быть избранными в собрание городских уполномоченых. В этот список попали 94 представителя еврейского квартала. Начальник округа вернул этот список, мотивировав это тем, что в него включены евреи, тогда как по закону они должны быть в отдельном списке. Внесли исправления, и в декабре 1895 г. провели первые выборы городских уполномоченных Дербента. Среди кандидатов было два еврея: Пинхас Дадашев и купец второй гильдии Шамаил Ханукаев, который и был избран в городское собрание. Результаты выборов передали в управление полиции для утверждения, но их признали недействительными, среди прочего и по той причине, что кандидаты-евреи были избраны евреями-избирателями, в то время как по закону их должно было назначить начальство.

В январе 1896 г. в Дербенте состоялись повторные выборы в городское собрание, но на этот раз горским евреям не было дозволено участвовать в них, их представитель был назначен властями. Такой же порядок был использован позже и при выборах в городское собрание Кубы. То есть горские евреи были при выборах в местные органы власти уравнены в бесправии с европейскими евреями. Старейшины горских евреев обратились к властям Кавказа с просьбой предоставить им, как и их соседям-мусульманам, право избирать в органы городского самоуправления, но их просьба была отклонена.

Действуя в духе все ужесточающейся антиеврейской политики, министр образования издал в 1887 г. приказ о так называемой «процентной норме», то есть об ограничении числа евреев в старших классах гимназий и в высших учебных заведениях. До 1912 г. сверх установленых для евреев лимитов в старшие классы гимназий принимали небольшое число горских евреев; два «сверхлимитных» горских еврея учились в высших учебных заведениях. Но в 1912 г.

году было спущено строгое распоряжение при подсчете «процентной нормы» иметь в виду и горских евреев.

Раввин Дербента Рабинович собрал у себя старейшин горско-еврейской общины города, которые после долгих споров решили направить в Тифлис депутацию — 4 уважаемых представителей общины — с прошением к администрации учебного округа: не учитывать горских евреев при подсчете «процентной нормы». Посланцы общины все никак не могли собраться в дорогу: между ними возникли разногласия. Тем временем приближался новый учебный год, и в согласии с новым распоряжением в реальное училище Дербента был принят всего один горский еврей, а в подготовительный класс этого училища не приняли ни одного горского еврей. Это заставило депутацию поторопиться в Тифлис, где они сумели объяснить, что горские евреи отличаются по юридическому статусу от ашкеназов, поселившихся на Кавказе сравнительно недавно. В результате в 1914 г. «процентная норма» перестала распространяться на горских евреев.

Тенденция распространять антиеврейские законы Российской империи и на горских евреев становилась тем отчетливее, чем больше административное устройство Кавказа приближалось к устройству центральных губерний. Влияние армии, еще помнившей помощь горских евреев в борьбе с горцами, уменьшалось, влияние чиновников росло. Иногда, как это было в деле о «процентной норме», после многочисленных просьб и ходатайств, после посылки специальных депутаций в Тифлис и даже Петербург, горским евреям удавалось что-то изменить в лучшую для себя сторону. Но это, в свою очередь, не способствовало улучшению отношений между горскими евреями и ашкеназами.

ГЛАВА 3

Советский период истории горских евреев

Горские евреи во время революции и гражданской войны на Кавказе

Четыре года революции и гражданской войны были годами разрухи и голода, а для евреев России это были к тому же годы жестоких преследований, массовых кровавых погромов. В то же время тогда возникли еврейские национальные организации, как политические, так и культурные. И та, и другая тенденция были общими в судьбах и ашкеназских, и горских евреев.

Во время первой мировой войны еврейское население Кавказа резко увеличилось, сюда прибыли тысячи евреев-беженцев из прифронтовой полосы.

Известие о Февральской революции было воспринято населением Кавказа с большим энтузиазмом. Временное правительство отменило власть Верховного наместника на Кавказе, регион был разделен на Северный Кавказ и Закавказскую республику, которая включала в себя Азербайджан, Армению и Грузию. Руководил республикой Совет комиссаров, в который входили представители Азербайджана, Армении и Грузии, а возглавлял Совет специальный комиссар Временного правительства. Были назначены комиссары Временного правительства и в Дагестанской, Терской и Кубанской областях. В административных центрах Дагестанской и Терской областей Временное правительство создало исполнительные комитеты, в Закавказье был создан Закавказский объединенный комиссариат. В комитетах и комиссариате активное участие принимали различные общественные и национальные организации и объединения, в том числе и еврейские.

Параллельно с этими органами власти, созданными Временным правительством на Кавказе, как и во всей России, возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в деятельности которых приняли участие социалистические партии.

Но у представителей центрального правительства не было достаточно полномочий и сил, и власть на практике перешла к местным правительствам, объединениям и партиям. Комитеты и комиссариаты не сумели обеспечить поддержание закона и порядка, бандиты, деклассированные элементы, группы вооруженых дезертиров безнаказанно грабили мирное

население. Вновь созданные в этот период национальные и религиозные объединения сыграли важную роль в разразившейся вскоре гражданской войне.

В конце апреля 1917 г. в Баку собрался Съезд мусульман Кавказа, на котором было избрано бюро. Большую активность проявили в это время мусульманские священнослужители, стремившиеся взять власть в крае в свои руки. Они требовали, чтобы суд в регионе основывался на исламе, а школы были только религиозными. Муллы объявили войну всем, кто будет мешать их планам объединения всех мусульман региона под своим началом. С этой целью была создана народная шариатская милиция.

В сентябре того же 1917 г. мусульманские лидеры Дагестана собрали съезд в ауле Анди, на который прибыло несколько тысяч делегатов. На нем Нажмуддин Гоцинский (1859—1925), сын одного из ближайших соратников Шамиля, был провозглашен четвертым имамом Северного Кавказа. Гоцинский был почитателем Шамиля, стремился подражать ему, сочетал в себе политические амбиции и религиозный фанатизм.

Гражданская война была не за горами, но до поры до времени все ее будущие участники соблюдали «правила политической игры»: все партии и группировки ждали Учредительного собрания, которое должно было дать ответы на наболевшие вопросы.

Самоорганизация происходила и в еврейской, в том числе горско-еврейской, среде. Евреи готовились представить Учредительному собранию свои проблемы, которые должны были быть разрешены в демократическом государстве. Вскоре после Февральской революции евреи-социалисты в Баку создали организацию, которая должна была стать представительным органом всех евреев региона, в том числе — горских. Было решено, что религиозные вопросы не будут включены в круг интересов новой организации. Это решение вызвало возмущение грузинской и горской еврейских общин Баку, и на одну из конференций пришла толпа вооруженных мужчин с криком: «Если оскверните нашу Тору, прольется кровь!»; конференция была сорвана. Это обострило противоречия между кавказскими евреями и ашкеназами (большинство активистов социалистических партий в еврейской среде составляли ашкеназы).

Интересно отметить, что ашкеназы-сионисты в Баку сотрудничали с горскими и грузинскими евреями. Они действовали сообща при выборах в городской совет, начали вместе выпускать газету.

Кроме политических в этот период возникали и культурные еврейские организации. В Песах 1917 г. в Елисаветполе был создан Еврейский союз за образование и культуру, в работе которого участвовали еврейские солдаты местного гарнизона и местные евреи, ашкеназские и горские. Одно из решений вновь созданного союза звучало так: «повысить политическую грамотность горских евреев, как солдат, так и горожан».

На Северном Кавказе, в Хасавюрте (Чечня) по инициативе И. Анисимова сразу после Февральской революции было созвано организационное совещание по подготовке Всекавказского съезда горских евреев. Предпола-

галось, что этот съезд выразит доверие Временному правительству и Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, то есть обоим центрам власти, бывшим тогда в стране. Съезд должен был принять решение о создании комитетов во всех местах компактного проживания горских евреев, выработать линию отношений с ашкеназами, грузинскими евреями и караимами. Листовка, выпущенная организационным совещанием в Хасавюрте, предлагала включить в повестку дня будущей конференции вопросы культуры, образования, улучшения материального положения горских евреев. Это воззвание вызвало большой интерес в среде горских евреев, на предстоящий съезд были избраны делегаты.

В организационном собрании в Хасавюрте приняли участие делегаты от шести общин: двое из Грозного — Илья Анисимов, инициатор и председатель, и Шамай Шаулов; трое из Кубы — раввин Ицхак Рафаэлов, Симанду Симандуев и Асаф Пинхасов; двое из Дербента — Юшва Меирович, который был секретарем совещания, и раввин Рафаэль Мушаилов; из Темир-Хан-Шуры — Гершон Бабаев; из Петровска — Захай Худайнатов; из Хасавюрта — раввин Сасон Шаулов и Манувах Анисимов.

Делегаты согласовали повестку дня съезда, который решили собрать в Дербенте 15 июня 1917 г. Съезду предстояло выбрать руководящие органы и обсудить политическую ситуацию в стране, и, как уже сказано, выразить доверие как Временному правительству, так и Совету рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

Третьим пунктом повестки дня стояло объединение всех горских евреев, создание руководящего Всекавказского комитета. Предусматривалось также обсудить меры по улучшению материального положения евреев, причем главным был вопрос о земле. Особо подчеркивалась важность издания газеты для горских евреев. Два пункта были посвящены вопросам религии, помощи раввинам. При Всекавказском комитете предполагалось создание раввинской комиссии, на которую возлагалось принятие решений по религиозным вопросам.

15 июня 1917 г., как и было намечено, в Дербенте начал работу съезд горских евреев. На него прибыло около ста делегатов, которые на протяжении 10 дней основательно обсуждали все пункты ранее утвержденной повестки дня. Съезд принял важное решение о том, что горские евреи не будут отделяться от остального еврейского населения региона, было подчеркнуто, что горские евреи являются неотъемлемой частью еврейского народа. Постановили также не создавать отдельные горско-еврейские комитеты, а объединиться с другими еврейскими организациями. Было принято решение издавать газету на языке горских евреев.

Оживленные споры вызвал пункт, касающийся положения женщин. После долгих споров участники конференции пришли к согласию: женщины получали равные с мужчинами права. Был установлен минимальный возраст для вступления в брак: для женщин — 16, для мужчин —18 лет. Также была

создана специальная комиссия для более обстоятельного рассмотрения религиозных проблем.

Съезд явился первой политической акцией горских евреев, стал событием огромной важности, однако последующие события на Кавказе и во всей России радикальным и трагическим образом сорвали выполнение решений съезда.

После того, как большевики захватили в Петрограде власть, их товарищи по партии предприняли ту же попытку на Кавказе. 26 ноября 1917 г. в Дербент прибыл вооруженный отряд большевиков. Он взял под свой контроль местный Совет, среди членов которого был один горский еврей Ханукаев. Но сторонников у большевиков было мало, и они не сумели надолго удержать власть. После разгона в 1918 году Учредительного собрания большинство национальных политических движений Кавказа призвало к разрыву с Россией.

Казаки Северного Кавказа еще в марте 1917 г. выбрали атамана, но до конца 1917 г. отказывались от сотрудничества с горскими народами, бывшими их традиционными врагами. 1 декабря 1917 г., после прихода к власти большевиков, казаки заключили соглашение с Союзом народов Кавказа и создали правительство Дагестана и Терека. Регион был провозглашен независимым государством, не связанным больше с Россией. Хотя новое правительство и было слабым, но на первых порах сумело предотвратить вражду между разными народностями и вероисповеданиями в регионе.

Но противоречия между казаками, владевшими землей, и горцами, испытывавшими сильную нехватку земли, различия в вере, а также во всем укладе жизни не позволили этому правительству просуществовать долгое время. В январе 1918 г. оно распалось, создался вакуум власти, который был использован различными вооруженными бандами. Людям теперь приходилось думать о спасении жизни и имущества. В населенных пунктах создавали комитеты самообороны, гражданскую милицию. В январе 1918 г. такая милиция была создана в Нальчике, и заместителем ее начальника стал горский еврей Ханан Эфраимов.

Была создана милиция и в Джерахе, в котором проживало около 300 евреев. Вскоре аул захватили, сломив сопротивление слабого отряда милиции, мусульманские боевики. Они обвинили евреев в симпатиях к большевикам и устроили резню, расстреляв многих евреев-милиционеров.

Постепенно влияние большевиков на население росло, они приобретали поддержку благодаря популистским лозунгам скорейшего окончания всем уже опостылевшей войны и обещаниями раздела земли. Казаки и пришлое русское население, «иногородние», очень страдали от постоянных нападений вооруженных отрядов чеченцев и ингушей. Они искали защиты и союзников в борьбе с ними и, найдя их в лице большевиков, помогли советам, находившимся под контролем большевиков, захватить власть. В январе 1918 г. была провозглашена Советская социалистическая

народная республика Терской области во главе с большевиком Самуилом Буачидзе.

В Дагестане же росло влияние мусульманских комитетов и отрядов имама Гоцинского. В январе они захватили Дербент, разогнали городской совет, одним из руководителей которого был горский еврей Ихил Мататов. В феврале отряды Гоцинского напали на Темир-Хан-Шуру, после кровопролитного боя завладели городом и расстреляли большевиков, в числе которых было несколько горских евреев и евреев-ашкеназов.

Власть мусульман в прикаспийских районах Дагестана не была долговременной. В середине апреля 1918 г. отряды Гоцинского безуспешно попытались захватить Петровск, бывший под властью большевистского реввоенсовета. Один из мусульманских отрядов занял оборону в местной синагоге. Большевики долго не могли выбить горцев из синагоги. На подступах к зданию горцы расстреляли группу из 15 большевиков, предпринявших попытку штурмовать синагогу. Большевистский отряд начал осаду. Здание синагоги было окружено, и из него стали выкуривать осажденных, разведя с подветренной стороны костры. Каждого, кто выпрыгивал из окон, расстреливали. Часть горцев погибла в здании, задохнувшись от дыма. Рассказ очевидца этого события свидетельствует о той жестокости, с которой велась гражданская война. Евреи, которые страдали и от «красных», и от «белых», больше всего желали прекращения междоусобицы. Не удивительно, что евреи приветствовали установление терскими и бакинскими большевиками в Дагестане советской власти в мае 1918 г.

В феврале 1918 г. была создана Закавказская федерация, в нее вошли большая часть Азербайджана, Армении и Грузии. Но вскоре эту федерацию стали раздирать противоречия. Азербайджанцы, поддерживаемые вошедшими в регион турецкими войсками, стали бороться с армянами и грузинами. Это привело к вооруженным столкновениям. И здесь вновь большевики применили силу: поддержав армян, они захватили Баку.

В те же дни завязались бои между армянами и азербайджанцами в Кубе. Над жителями Еврейской Слободы в Кубе, являвшейся тогда крупнейшим еврейским поселением на Кавказе с населением около 7 тысяч человек, нависла реальная угроза. Были организованы еврейские вооруженные отряды самообороны, которые защищали Еврейскую Слободу вплоть до установления советской власти.

К середине 1918 г. большая часть населенных пунктов, где жили евреи, оказалась под властью большевиков, которые решительно ликвидировали организации и комитеты, созданые на национальной основе.

Закавказская федерация окончательно распалась: столкновения между азербайджанцами и армянами усилились. Азербайджанцам помогали турки, армяне прибегли к помощи англичан. Власть большевиков в регионе смогла продержаться всего несколько недель. Армянская партия дашнаков с английской помощью сумела ненадолго завладеть побережьем Каспийского моря, но не смогла противостоять объединенным азербайджанско-турецким силам.

1 сентября 1918 г. азербайджанцы и горцы выбили большевиков из Кубы и устроили еврейский погром в Еврейской Слободе. 15 сентября 1918 г. мусульмане захватили Баку и окрестности и начали карательные акции против «предателей», в том числе и против горских евреев. В городе Шемахе были похищены шесть молодых горских евреев и, несмотря на многочисленные усилия, родственникам удалось вызволить только троих. Евреи из Геокчая, Мюджи и Гафтарана бежали от погромов в Баку, а когда вернулись, нашли свои дома разоренными. Тех, кто не успел бежать — убили, оставшиеся в живых после погромов умерли от голода. Еврейские поселения Мюджи и Гафтаран прекратили свое существование. Евреи Дагестана также страдали от налетов вооруженных банд.

Представители горских народов в мае 1918 г. провозгласили создание независимого горского правительства, которое призвало к полному изгнанию русских и большевиков из региона и к созданию мусульманского государства. Войска этого правительства, больше похожие на разбойничьи отряды, чем на регулярную армию, проводили свои кровавые акции и в прибрежной зоне Дагестана. Советской власти в регионе фактически пришел конец. Отряды мусульман, напав на аул Нюгди, грабили и убивали живших там евреев. Против власти большевиков выступали и отряды казаков под предводительством Лазаря Бичерахова, которые совершали разбойничьи нападения на аулы горских евреев, считавшихся сторонниками большевиков.

Горские евреи из аулов вынуждены были уходить в города, где все же соблюдался некоторый порядок. Многие искали убежища в Грузии, в которой власть была более стабильной. Беженцы находили приют у родственников, ютились в синагогах или просто бродили по дорогам.

Но и в городах безопасность была относительной. В августе 1918 г. распался недолгий союз большевиков и казаков. Казаки напали на Владикавказ, административный центр Терской области. Горские евреи присоединились к роте, которая отражала нападение. Евреи знали, что казаки повсюду жестоко расправлялись с горскими евреями.

В 1919 году Северный Кавказ стал ареной наступления войск Деникина. Деникинский отряд, напав на еврейский аул Нюгди, разрушил в нем все дома. Правительственная комиссия, побывавшая в этом ауле в 1925 г., докладывала: от аула остались одни руины, люди живут в землянках, стены которых могут вот-вот рухнуть.

Был в это смутное время короткий период, когда большевики действовали заодно с антирусскими и антиказацкими партизанскими отрядами чеченцев и ингушей против Деникина, который представлял смертельную угрозу для Советской власти. Поначалу это привело к успеху: большевики снова захватили Темир-Хан-Шуру и Дербент. Но потом союз горцев и большевиков распался, они стали враждовать друг с другом. Горские евреи оказались перед дилеммой — на чью сторону стать? По своим традициям и образу жизни они были ближе к горцам, но чувствовали, что только большевистская власть может гарантировать им безопасность.

Евреи оказались между двух огней. Суровые обстоятельства толкали горских евреев к союзу с большевиками. В партизанском соединении большевика Николая Гикало было много горских евреев. Горские евреи участвовали в обороне Нальчика, Дербента, Грозного от нападения «белых».

Пока в 1918—1919 гг. на Северном Кавказе бушевала гражданская война, в Азербайджане на некоторое время наступило затишье после того, как в ноябре 1918 г. в Баку высадились английские войска под командованием генерала Томсона. Англичане потребовали от азербайджанского правительства демократических преобразований. В парламент были включены представители различных партий, и в их числе — один из сионистских активистов, д-р А. Бушман; другой сионистский деятель был назначен старшим помощником министра финансов. Были проведены выборы в городской совет, в которых принял участие Еврейский национальный блок, который возглавляли сионисты. Агитаторы Еврейского национального блока выступили в синагоге горских евреев в Баку, их речи переводились с русского на язык горских евреев. Возобновилось издание еврейской газеты на русском языке «Кавказский еврейский вестник», позже стала выходить газета «Палестина», которая освещала проблемы еврейских поселений в Палестине, дважды в месяц выходил журнал «Молодежь Сиона».

Правительство Азербайджана в сущности признало объединявший все еврейские партии и фракции Еврейский национальный совет официальным представителем еврейского национального меньшинства. На запрос министра юстиции Азербайджана Еврейскому национальному совету о том, на какой язык следует перевести для евреев клятву, которую они должны будут произносить в суде, совет, в котором доминировали сионисты, ответил, что язык евреев — иврит, и поэтому официальная клятва должна произноситься на этом языке.

У Еврейского национального совета были широкомасштабные планы по развитию культуры, в том числе и у горских евреев. Однако когда советская власть победила окончательно, деятельность совета была сокращена до минимума, а позже и вовсе прекращена.

Между двумя мировыми войнами. Политика советской власти в еврейском вопросе на Кавказе

После того, как в марте-апреле 1920 г. Красная Армия заняла территорию Северного Кавказа, в январе 1921 г. были созданы Дагестанская автономная республика и Горская автономная республика.

Горская республика, в которую вошли Терская область и часть Кубанской области, была неоднородна в национальном и религиозном отношении. В июле 1924 года Горская республика официально была упразднена, вместо нее были образованы автономные области на национальной основе. В последующие годы некоторые области получили статус автономных республик

в составе РСФСР. Большинство горских евреев Северного Кавказа оказалось жителями Дагестанской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных республик.

В апреле 1920 г. была ликвидирована независимость Азербайджана, и вскоре он на правах республики вошел в состав вновь созданного СССР.

Историю горских евреев за первые 20 лет советской власти на Кавказе до начала второй мировой войны можно разделить на несколько периодов. В начальный период — с 1920 по 1924 гг. — руководство горскими евреями пыталась осуществлять Еврейская коммунистическая партия Поалей-Цион-ЕКП. Во второй период — с середины 1920-х гг. — основную деятельность по организации горских евреев взяли на себя советские органы, которые уделяли много внимания улучшению их материального положения, решению острого для горских евреев земельного вопроса. С начала 1930-х гг. власти все больше внимания уделяют культурной работе, развитию образования и литературы на языке горских евреев, естественно, в духе советской агитации и пропаганды.

В 1920 г. основным театром военных действий для Советской России стал польский фронт. В июне 1920 г. в Нальчике было объявлено о создании еврейского полка, который намечали отправить на борьбу с белополяками, для «защиты трудящихся евреев от поляков-эксплуататоров». Молодые горские евреи, показавшие себя в отрядах самообороны и умевшие владеть оружием, массами шли добровольцами в «еврейский полк». Многие прибыли из Грозного, Пятигорска, Ставрополя, Владикавказа. Тогда же для отправки на польский фронт в Еврейской Слободе Кубы из числа добровольцев был сформирован отряд, насчитывавший несколько сотен бойцов и называвшийся «Непобедимая горско-еврейская кавалерийская бригада». Когда эта «бригада» прибыла в Баку, ее расформировали, а бойцов влили в состав 45-й конно-кавалерийской дивизии XIV армии.

После окончания гражданской войны и установления советской власти покой на Кавказе наступил не сразу. В Дагестане горцы-мусульмане, подстрекаемые духовенством, подняли вооруженное антисоветское восстание, длившееся около двух лет. На первых порах советская власть на Кавказе была неустойчивой, она опиралась на прокоммунистически настроенных местных жителей, в основном русских и евреев, которые составляли тогда небольшую часть населения.

В сентябре 1920 г. на Съезде народов Востока в Баку один из лидеров ЕКП Зяма Островский представил доклад о проблемах горских евреев. Он же был включен в качестве представителя восточных евреев в созданный Съездом Совет по пропагандистской работе. Таким образом, в первые годы советской власти ЕКП являлась своеобразным опекуном горских евреев. Представители ЕКП объясняли то, что поручили работу с горскими евреями именно Островскому, тем, что только он знает иврит, «а с татами (горскими евреями) можно говорить только на иврите».

Рост влияния ЕКП в среде горских евреев, проводимый этой партией национальный курс, беспокоили еврейский отдел Народного комиссариата по национальным делам и Еврейскую секцию РКП(б) (Евсекция). Евсекция решила усилить работу среди горских евреев и издавать свои информационные и пропагандистские материалы на татском языке.

Коммунистический Бунд (КомБунд) также пытался организовать деятельность среди горских евреев. В августе 1920 г. при отделении Бунда в Баку был создан сектор горских евреев. На собрании Бунда в том же году было решено основать сельхозкоммуну горских евреев. Но ни у Евсекции, ни у Бунда, несмотря на все их старания, не было людей для работы с горскими евреями, и все эти начинания не были реализованы.

Несмотря на то, что ЕКП не была частью РКП(б), на то, что ее члены еще совсем недавно ратовали за репатриацию евреев в Палестину, советская власть, испытывая большие трудности в работе с горскими евреями, вынуждена была поощрять деятельность ЕКП на Кавказе. Когда в 1920 г. ЕКП готовила свой региональный съезд, то вопрос о его проведении обсуждался на политбюро РКП(б). Необходимое разрешение было дано. Это свидетельствует о благожелательном отношении властей к ЕКП, получившей одобрение в самой высокой партийной инстанции.

Во главе бакинского отделения ЕКП стоял Н. Магарик, занимавший высокую должность в народном комиссариате просвещения. Благодаря нему среди горских евреев проводилась большая культурная работа. Особое внимание уделялось молодежи, которая легко увлекалась революционными лозунгами.

Одним из наиболее заметных активистов ЕКП был Гирсил Горский (Рабинович). Вместе со своими товарищами он в 1920 г. организовал ячейку коммунистической молодежи горских евреев Баку, куда входили 10 человек: пятеро чистильщиков обуви, трое сапожников и двое подмастерьев. ЕКП предоставила в распоряжение ячейки квартиру, где был открыт молодежный клуб для горских евреев. Многие подростки и юноши, не высказывая прямо сочувствия или поддержки политическим взглядам коммунистов, охотно записались в него. В клубе был организован кружок для ликвидации неграмотности, проводились культурные мероприятия на еврейско-татском языке.

При клубе образовали кооператив чистильщиков обуви, членов которого прикрепили к различным советским предприятиям и организациям; благодаря этому чистильщки обуви стали получать пайки наравне с работниками этих предприятий и организаций. Это обстоятельство было очень важно в то голодное время и привлекло в клуб многих молодых горских евреев.

Как уже было сказано, в конце 1920 г. ЕКП проводила региональный съезд. Во многих городах и аулах выбирали делегатов на этот съезд, но допускались на предвыборные собрания лишь представители беднейших слоев еврейского населения, «буржуазии» участие в собраниях и в выборах делегатов

было запрещено. 25 декабря 1920 г. в Дербенте начал свою работу съезд горских евреев Дагестана и Терской области. В нем участвовало около 80 делегатов с решающим голосом, но присутствовали также много приглашенных гостей. В центре внимания съезда, который продолжался восемь дней, стояло четыре вопроса: политическое положение, экономические проблемы, культурная работа, положение женщины.

Обсуждение политического положения проходило довольно вяло, делегаты произносили общие фразы о советской власти, о борьбе с контрреволюцией и другие стандартные тогда лозунги. Было сказано о необходимости сближения горских евреев с советской властью путем создания пролетарских советов горских евреев, которые займут место старейшин общин, находящихся под влиянием раввинов. Все это отражало политические взгляды ЕКП, но мало что значило для горских евреев, которые главным образом были озабочены своим экономическим положением.

Когда началось обсуждение этой проблемы, на трибуну один за другим стали подниматься простые рабочие и крестьяне. Они говорили, что еще недавно они не голодали, не нуждались буквально во всем, работали на земле, не скитались по дорогам. Правдиво, со слезами на глазах, они описывали свои невзгоды, жаловались на то, как к ним относятся, на декреты советской власти, которые в одно мгновение превратили их в «непролетарский элемент», с которым власти обращаются, как с преступниками.

Все это происходило потому, что на Кавказе, как и во всей Советской России, так называемые «непролетарские и паразитические элементы» начали призывать на принудительные работы. Эта повинность, однако, не распространялась на горцев-мусульман. А евреев, бывших прежде земледельцами, ремесленниками и купцами, и потерявших в годы гражданской войны основные источники заработка, власти считали непролетарским паразитирующим населением. Многих евреев арестовывали на улицах, на рынках, в домах, обвиняя их в уклонении от исполнения трудповинности. Угроза принудительных работ висела и над головами тех немногих горских евреев, которых власти признали пролетарским элементом, но которые практически не работали. Например, в профсоюзе Нальчика числились 170 горских евреев, но только 20 из них имели работу, остальных власти считали «паразитическим элементом». Съезд получил коллективное письмо от 60 горских евреев, которых арестовали и направили на принудительные работы.

Это отношение к евреям, как к паразитам, позволяло мусульманам в аулах избавляться от тех, кто не покинул свои дома во время гражданской войны. Зяма Островский писал тогда: «В аулах арестовывают группы горских ервеев по 20—30 человек, бывших батраков и кожевников, и под охраной мусульман препровождают в Дербент». Изгнание горских евреев из аулов продолжалось, таким образом, и после установления советской власти.

Хотя на съезде много говорилось о необходимости привлечения горских евреев к производительному труду, никаких практических планов разработано не было.

На съезде обсуждали также задачи культурного строительства. Выступавшие говорили о необходимости создания сети школ с программами на родном для горских евреев татском языке, много внимания уделили периодическим изданиям. В этом вопросе возник спор между большинством делегатов и представителями из Темир-Хан-Шуры, которые, в отличие от делегатов из остальных мест, были выбраны на съезд без вмешательства властей. Возглавлял эту группу из пяти делегатов Гершон Мурадов, и их главным требованием было, чтобы языком обучения в еврейских школах был иврит. Это требование поддержали ряд делегатов из других мест.

Руководству ЕКП удалось с огромными усилиями отклонить предложение делегатов из Темир-Хан-Шуры, предотвратив тем самым срыв съезда. Делегация Темир-Хан-Шуры в знак протеста покинула съезд. Политика советской власти, направленная против иврита, нашла свое выражение и на этом съезде: все протоколы велись на русском и татском.

Было принято решение об издании газеты и пропагандистских брошюр для разъяснения горским евреям политики новой власти.

Важной темой, которую не пропускали ни на одной конференции или съезде на Востоке в первые годы советской власти, было положение женщины. На съезде в Дербенте выступила делегат Нисанова, которая говорила о необходимости освободить женщину из-под власти отца и мужа, о необходимости активно включить ее в жизнь советского общества.

На съезде был избран делегат горских евреев на конференцию, посвященную провозглашению Дагестанской автономной республики.

Хотя большинство решений съезда было декларативным, он активизировал работу новой власти среди горских евреев. Съезд создал условия для расширения деятельности ЕКП среди горских евреев. Он породил оптимистические надежды на то, что горские евреи, которые только теперь пробудились к национальной жизни, добьются от советской власти исполнения своих национальных чаяний, причем даже раньше, чем российские евреи.

Отдел ЕКП по работе с женщинами направил в аулы и города обращение, в котором призывал усилить агитационную работу среди женщин. А самим женщинам, недавно еще совершенно бесправным, предлагалось выбирать делегаток на предстоящий съезд женщин Востока.

Политика ЕКП в женском вопросе начала приносить плоды: в Баку женщины начали работать в детских садах, здесь же был создан швейный кооператив, членами которого стали горские еврейки. В октябре 1920 г. в Баку открылась школа по ликвидации неграмотности среди горских евреек, занятия в ней велись на русском языке. Намечалось открыть в середине 1921 г. еще одну школу, в которой занятия проводились бы на еврейско-татском языке. На демонстрациях во время празднования первой годовщины провозглашения

Азербайджанской советской республики 28 апреля 1921 г. и 1 мая 1921 г. группа еврейских девушек несла плакаты на татском языке, и одна из них даже произнесла речь на татском.

Съезд женщин Востока проходил в июне 1921 г. в Грозном. В его работе участвовали пятнадцать горских евреек. Восемь евреек были делегатками съезда женщин Азербайджана, состоявшегося в то же время в Баку.

Следует отметить, что такая активность женщин вызывала немалое сопротивление в самой еврейской общине. В общественной деятельности участвовали, как правило, незамужние девушки.

Тогда же началось создание первых ячеек союза еврейской коммунистической молодежи на Кавказе (Евкомола). Его лидеры по своим взглядам были близки к ЕКП.

Успех ЕКП и Евкомола породил недовольство в Евсекции, которая потребовала распустить ячейки ЕКП и Евкомола. Но центральная власть в тот период была готова опереться на любое прокоммунистическое движение и поддержало Евкомол. Был образован Совет по пропаганде и агитации среди народов Востока. На инструктора по работе с горско-еврейской молодежью Е. Брагинского была возложена обязанность организовать коммунистические молодежные ячейки в Кубе, Дербенте, Петровске, Темир-Хан-Шуре, Нальчике и других местах компактного проживания горских евреев.

В 1921 г. в Баку было создано Общество культуры и пропаганды среди горских евреев, которое находилось под контролем ЕКП. Усиление влияния ЕКП вызывало растущее противодействие Евсекции КП Азербайджана. Евсекция требовала включения в правление общества своих представителей.

Объектом соперничества ЕКП и Евсекции были еврейские клубы в Баку и других городах. Эти клубы создавались как противовес синагогам, чтобы уводить молодежь от религии. В начале 1921 г. ЕКП создала в Баку клуб Бецалель, а затем клуб им. Борохова. При клубе работала библиотека, драматический кружок, курсы политпросвета. Вся работа велась на еврейско-татском языке. Руководители ашкеназов свою основную задачу видели в воспитании лидеров из числа горско-еврейской молодежи.

К этому периоду относится и проблема противостояния еврейских языков, поскольку Евсекция, которая хотела быть единственной коммунистической организацией евреев Советской России, признавала официальным языком всех евреев только идиш.

В 1921 г. Евсекция создала свое отделение в Еврейской слободе Кубы, самой крупной общине горских евреев. Но евреи Слободы большого интереса к Евсекции не проявили. В 1921 г. Евсекция попыталась основать в Баку «Клуб Октябрьской революции» для горских евреев, но потерпела неудачу. Активисты Евсекции начали внедряться в клубы ЕКП. Им удалось взять под свой контроль деятельность клуба Бецалель, который в 1923 г. постоянно посещали около 80 горских евреев.

В 1924 г. Бунд тоже решил открыть отдельный клуб для горских евреев, в котором работали кружки и на идише, и на еврейско-татском языке. Но, видимо, идиш и язык горских евреев не очень сочетались — клуб просуществовал недолго.

В 1923 г. при комиссариате по национальным делам была создана особая комиссия во главе с М. Павловичем (партийный псевдоним М. Л. Вельтмана) для изучения положения горских евреев и подготовки рекомендаций о мерах, необходимых для улучшения их жизни. Но комиссия не успела закончить свою работу — комиссариат по национальным делам был расформирован в 1924 г. Никаких реальных изменений в лучшую сторону в положении горских евреев в первой половине 1920-х гг. так и не наступило.

После окончания гражданской войны в Москву на учебу или работу стали приезжать молодые горские евреи, демобилизовавшиеся из Красной армии. Многие из них были членами РКП(б). В середине 1920-х гг. поселившиеся в столице горские евреи активизировали деятельность по оказанию помощи своим соплеменникам на Кавказе.

Евсекция, которая по-прежнему не могла смириться с тем влиянием, которое имела ЕКП среди горских евреев, решила использовать для укрепления своих позиций молодежь. Проживающих в Москве молодых горских евреев стали приглашать в клуб Евсекции: в январе 1926 г. в этом клубе был создан кружок по изучению проблем татов — горских евреев.

Эта группа служила как бы связующим звеном между всесоюзными еврейскими организациями — Евсекцией, ОЗЕТом [47] и КОМЗЕТом [48] при ЦИК СССР и горскими евреями. Вскоре члены кружка стали называть себя всесоюзной организацией, которую назвали «Захметкеш» («Трудящийся»).

22 ноября 1927 г. эта организация созвала в Москве Всесоюзное совещание горских евреев, в нем участвовали делегаты из Моздока, Нальчика, Грозного и других городов. Хотя основными в программе совещания значились вопросы культуры, власти были больше обеспокоены отчаянным материальным положением горских евреев. Эта конференция не принесла заметных результатов.

В апреле 1925 г. Евсекция специально обследовала экономическое положение горских евреев и выяснила, что большинство осталось без источников к существованию: люди испытывали ужасную нужду и голод. Выход из положения власти видели в привлечении горских евреев к сельскому хозяйству.

В мае 1926 г. в Нальчике был созван I съезд горских евреев Северного Кавказа, в котором участвовали 56 делегатов (39 мужчин и 17 женщин) из десяти городов: Грозного, Владикавказа, Моздока, Майкопа, Нальчика, Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска и Ростова-на-Дону. Съезд работал три дня, обсуждались три главных темы: еврейское землеустроение, культурная

[47] ОЗЕТ — Общество по земельному устройству трудящихся евреев.
[48] КомЗЕТ — Комитет по земельному устройству трудящихся евреев.

работа и освобождение женщины. Была подчеркнута необходимость большего наделения евреев землей, как главного способа их приобщения к производительному труду. В сфере культуры было принято решение развить систему образования, начать подготовку учителей, издавать литературу на татском языке. Вопрос борьбы с неграмотностью стоял очень остро, достаточно сказать, что из делегатов съезда только один имел высшее образование, 14 — среднее, 24 — закончили начальную школу и 17 с трудом умели читать и писать. Хотя практическая польза от съезда была невелика, власти продемонстрировали интерес к проблемам горских евреев и сумели завоевать их симпатии.

На I съезде горских евреев Северного Кавказа подчеркивалась значимость работы с молодежью. 18 декабря 1926 г. в Моздоке был проведен съезд «беспартийной татской молодежи», который проходил под полным контролем коммунистов и служил в основном пропагандистским целям.

Советская власть в этот период придавала большое значение агитационной работе на родном языке нацменьшинств. Был принят специальный закон, по которому в месте компактного проживания того или иного меньшинства местные советы должны были работать на языке этого меньшинства. В рамках реализации этого закона в Нальчике в 1925 г. кварталы, в которых жили горские евреи, были выделены в отдельный административный район в составе города. Были объявлены выборы в районный еврейский совет, при этом так называемые лишенцы, а также представители духовенства были лишены избирательных прав. Выборы состоялись в начале 1927 г., избирательным правом обладали только 758 человек. Был избран совет из 33 человек, среди них 12 были коммунистами и комсомольцами. Из числа депутатов совета был избран исполнительный комитет из 5 человек, двое из которых были коммунистами. Еврейский совет в Нальчике содержал милиционера-еврея, отвечавшего за порядок в районе, и фельдшера, который руководил местным медпунктом. Национальные советы были ликвидированы у горских евреев, как и у других национальных меньшинств, во второй половине 1930-х гг.

Иначе обстояло дело в Дагестане. Центральным властям в Москве стало известно о грубой дискриминации горских евреев в этой республике. В конце 1926 г. в нескольких населенных пунктах Дагестана даже имели место еврейские погромы. 29 июня 1926 г. отдел по национальным вопросам ЦИК СССР направил в ЦИК Дагестанской республики особое письмо с требованием доложить, какие принимаются меры по улучшению положения горских евреев. Для ответа на этот запрос в Дагестане была создана комиссия для выработки рекомендаций по улучшению материального и культурного положения горских ервеев. И хотя комиссия выработала такие рекомендации, а Совнарком Дагестана утвердил их (правда, только частично), на самом деле даже утвержденные рекомендации остались на бумаге. При этом в Москву была послана депеша об успешном решении проблем горских евреев.

Центральным органам власти была послана жалоба от имени восьми еврейских общин, по следам которой в Дагестан в конце февраля 1927 г. был

направлен из Москвы Зяма Островский, который к тому времени стал членом ВКП(б) и работал инструктором в отделе по национальным вопросам ЦИК СССР. Изучив на месте ситуацию, он пришел к выводу, что в правительстве Дагестанской республики процветает махровый антисемитизм, а горских евреев дискриминируют при приеме на работу: на заводы и в советские учреждения. В своем отчете Островский подчеркнул, что информация дагестанских властей об улучшении положения горских евреев была лживой.

Островский выступил 9 июня 1927 г. на совместном заседании ЦИКа и Совнаркома Дагестана и описал ужасное материальное положение горских евреев. На основе его доклада было принято решение, в котором подчеркивалась необходимость ускорить перевод горских евреев на землю, предлагалось уделять особое внимание их приему на заводы, фабрики и в советские учреждения. Но и эти решения также не были реализованы. Вот что сообщал в 1928 г. в Москву об обстановке после проверки, проведенной Островским, Галилов, старший инструктор народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина):

1. Советские учреждения в Дагестане очень недолго занимались проблемами горских евреев, о которых говорил тов. Островский, позже наступила реакция, стали мстить за хлопоты, которые доставил визит Островского.

2. Люди и учреждения, на которые было возложено решение проблемы, относятся к своей задаче негативно и в лучшем случае — равнодушно, поэтому неудивительно, что указания центра не выполняются.

3. В Дербенте, который является важнейшим центром проживания горских евреев и где они составляют около 27% городского населения, местные власти, как и в прошлом, притесняют евреев, их по-прежнему не принимают на работу в советские учреждения.[49]

Этот, как тогда говорили, «сигнал» был опубликован Ю. Лариным в «Правде».

После этой публикации власти Дагестана наконец стали принимать меры: была создана новая комиссия во главе с Салиным, наркомом Рабкрина Дагестана. Комиссия должна была проверить обвинения Галилова. Не успела новая комиссия закончить свою работу, как в Дербенте прошел погром, к которому приложили руку и местные власти. Москва потребовала срочно доложить письменно о мерах, принятых к виновным в погроме, и о том, что делается для улучшения положения горских евреев.

Местным властям пришлось принять срочные меры, чтобы продемонстрировать, что положение горских евреев меняется. В нескольких аулах были

[49] Альтшулер, 1990. С. 105.

созданы еврейские советы, была выделена земля для евреев-земледельцев в окрестностях Дербента.

В апреле 1929 г. состоялся X-й съезд компартии Дагестана. Как и ожидалось, съезд осудил антисемитизм. В одном из пунктов решения съезда антисемитизм был назван пережитком прошлого, с которым следует беспощадно бороться. В свете этого решения ЦК КП Дагестана направил в местные партийные комитеты особое указание по борьбе с антисемитизмом. В Дербенте были проведены совместные конференции представителей разных национальностей.

Отношение к горским евреям в Азербайджане также не отличалось дружелюбием. Несмотря на то, что евреи составляли половину населения Кубы, Еврейскую Слободу не развивали, представителя горских евреев не было в исполкоме горсовета Кубы. В 1925 году жители Еврейской Слободы обратились к председателю Совнаркома Рыкову с просьбой исправить положение. На страницы центральных газет попало знаменитое дело еврейских невест из Кубы. (Слишком рьяно исполняя закон, запрещавший выдавать замуж девочек, не достигших половой зрелости, власти в Кубе обязывали всех девушек перед регистарцией брака проходить медицинское освидетельствование. Врач, специально прикрепленный к ЗАГСу, был уличен в сексуальных домогательствах.)

Руководство Азербайджана приняло решительные меры, что довольно быстро привело к изменению положения. При горсовете Кубы был организован комитет по культуре горских евреев, на который возложили обязанности содействовать удовлетворению духовных запросов горских евреев и в других населенных пунктах Азербайджана.

В 1929 г. в Еврейской Слободе были проведены выборы районного еврейского совета, председателем которого был избран Атнил Атнилов. Этот совет так и назывался «еврейским» вплоть до 1936 г.

Были приняты и меры по улучшению экономического положения еврейского населения. В этих целях создавались кооперативы, выделялись деньги для развития земледелия, евреев принимали на работу на заводы и фабрики.

Все это способствовало росту популярности компартии среди горских евреев. Десятки горских евреев вступили в компартию и в комсомол. Для примера можно указать, что в 1924 г. во всем Дагестане было всего 37 коммунистов-евреев, среди них ни одного горского. Но уже в конце 1920-х гг. только в Дербенте было 12 членов партии — горских евреев.

В начале 1930-х гг. в СССР закончился нэп и началась широкая коллективизация. Горские евреи-земледельцы вынуждены были вступать в колхозы, ремесленников принудительно объединяли в кооперативы и артели, бывшим торговцам тоже приходилось приспосабливаться к новой жизни.

Иудаизму была объявлена война, которая ожесточалась с каждым годом: были закрыты синагоги, арестованы многие раввины. В частности, чтобы обеспечить полный разрыв с религиозной традицией, еврейско-татская письменность была переведена с еврейской графики на латиницу.

В этот период начали предприниматься энергичные меры по ликвидации безграмотности, которая среди горских евреев была очень высокой. Среди горских евреев Дагестана в 1926 г. только 25% могли читать и писать (у женщин этот показатель был еще ниже — не более 10%). По данным на январь 1931 г. умела читать и писать лишь треть горских евреев (в том числе 17% женщин).

Татский язык был объявлен одним из государственных языков Дагестанской автономной республики, число публикаций на нем существенно увеличилось, хотя почти все эти издания имели узкоприкладное значение или служили целям советской пропаганды и агитации.

Коллективизация и преследование религии в 1933—1934 гг. вызвали энергичные протесты среди горцев Кавказа. Религиозные деятели и противники большевиков объединились под лозунгом единства всех мусульман против советской власти. Во главе восставших встал Мустафа Халилов, который называл себя «заклятым врагом Красной армии и евреев». Восстание продолжалось с марта 1934 г. по октябрь 1935 г. и было жестоко подавленно НКВД и армией. Тогда же началась мощная кампания по выявлению среди интеллигенции лиц с националистическим уклоном. В этой кампании пострадали и многие еврейские активисты, их арестовывали, отправляли в лагеря, приговаривали к расстрелу.

Заметно сократилось число школ, в которых преподавание велось на татском языке, и уже с первого класса детей учили на русском. Татский алфавит опять был изменен: его перевели с латиницы на кириллицу.

Горские евреи на фронтах Великой отечественной войны и в тылу

Вскоре после начала Великой Отечественной войны на Кавказ начали прибывать эвакуированные заводы из европейской части СССР вместе с их рабочими и служащими. В регион потекли тысячи беженцев, среди них было большое число евреев. Горские евреи, расселяя беженцев у себя в домах, старались приглашать именно единоверцев, которых считали своими братьями.

В Дербенте была создана особая еврейская комиссия, задача которой состояла в оказании помощи беженцам-евреям. Один еврей из Польши, который провел несколько лет в эвакуации на Кавказе, вспоминает, как в 1941 г. он прибыл в Дербент:

> *Никого в этом городе я не знал, у меня не было ни денег, ни еды. У первого же встречного я спросил, где находится синагога. В синагоге мне дали адрес человека, который должен был мне помочь. Это был член комиссии по оказанию помощи беженцам-евреям, ему было около пятидесяти лет, он дал мне направление в гостиницу.*[50]

[50] Альтшулер, 1990. С. 108.

Постепенно горским евреям становилось все труднее помогать своим собратьям: чем ближе подходила немецкая армия, тем хуже становилось экономическое положение на Кавказе. Летом 1942 г. немцы начали массированное наступление на Кавказ. Они захватили Кубань, создали плацдарм на южном берегу Терека и собирались совершить победный бросок на восток, к важнейшим нефтеносным районам — Грозному и Баку. Но ценой огромных усилий Красной армии удалось остановить врага. Зимой немцы предприняли новую попытку прорваться к Грозному, но и эти планы были расстроены благодаря победе Красной армии под Сталинградом.

Решением ГКО местное население Северного Кавказа было мобилизовано на рытье окопов, траншей и противотанковых рвов. Так как большинство мужчин были на фронте, эта тяжелая работа легла на плечи женщин, подростков, стариков. Люди мерзли, жили в палатках, питание было скудным. Как тогда было принято, объявили соцсоревнование, победителем его был признан еврей М. Исаков, получивший звание «стахановца»: за один день он прорыл девятиметровую траншею при норме выработки два метра. Газеты писали о почине горской еврейки У. Исаевой из аула Маджалис, которая добровольно вызвалась идти на рытье траншей и в два-три раза перевыполняла норму. Другая горская еврейка Табат Садыкова заявила, выступая на многочисленном собрании, что обязуется вдвое перекрывать дневную норму.

На оккупированной территории Северного Кавказа многие горцы-мусульмане приняли окукупацию с радостью. В 1953 г. один из эмигрантов Давлатбей писал о том, что горцы выступили против Красной армии не из любви к немцам, а из ненависти к большевикам, к советам, которые лишили их веры и свободы, отняли у них язык, силой загнали в колхозы. Муллы с одобрения народа провели несколько молебнов о победе немецкого оружия и вознесли благодарственную молитву за освобождение Кавказа от ига Советской власти.

Банды дезертиров грабили мирное население, расстреливали коммунистов и председателей колхозов. Для противодействия пронацистским бандам были созданы истребительные батальоны, в которых было немало евреев. По свидетельству современника, среди бойцов этих батальонов было немало стариков непризывного возраста, вооруженных винтовками и ружьями старого образца, у некоторых были лошади, а большинство передвигалось по горам пешком, так как лошадей не хватало.

Несмотря на свою немногочисленность, горские евреи внесли большой вклад в дело победы над фашистской Германией. Горские евреи стали записываться добровольцами в Красную армию с первого же дня войны. Однако до сих пор нет даже списка тех, кто воевал, кто погиб в этой войне. Не написана книга, которая отразила бы участие горских евреев в Великой отечественной войне. Мы приведем здесь только несколько рассказов о мужественных бойцах — горских евреях.

В 1941 г. в бою под Истрой Алик Мордехаев раздавил гусеницами своего танка две противотанковые пушки противника, расстрелял прямой наводкой четыре вражеских танка, убил десятки фашистов. Вражеский снаряд поджег его танк. Вместо того, чтобы спасаться, Мордехаев направил горящий танк на штабной блиндаж противника и взорвался, унеся с собой жизни десятка немецких офицеров. За этот подвиг Алик Мордехаев был посмертно награжден орденом Ленина.

Когда во время боев под Сталинградом, в жестоком бою на Мамаевом кургане, погиб командир одной из рот, уроженец Красной Слободы Марк Шамаев принял командование на себя. Бойцы отбивали атаки врага до прибытия подкрепления. Так же геройски действовал Йонатан Соломонов. Когда в одном из боев погиб его командир, он взял командование на себя, и рота, вступив в рукопашный бой, обратила немцев в бегство и на их плечах ворвалась в деревню, отбив ее у врага.

В Дагестане во время войны газеты много писали о враче А. Исаеве, который был заброшен вместе с парашютистами в тыл врага. Исаев был ранен при штурме городка, но до конца продолжал исполнять свой долг врача.

Были на фронте и женщины-еврейки. В штабе 62-й армии служила связисткой Вера Ханукаева, которая прошла с боями до Румынии. Радисткой в боевой части служила Ася Абрамова.

Среди почти 150 евреев-Героев Советского Союза есть два горских еврея: Исай Илазаров и Шалтиэль Абрамов.

Исай Илазаров родился в Хасавюрте в 1920 г. Перед войной Исай работал на обувной фабрике в Дербенте. В конце 1941 г. он участвовал в боях под Москвой. В первом же тяжелом бою получил ранение. После лечения в госпитале вернулся в свою часть и принял участие в битве на Курской дуге. Потом он был еще несколько раз ранен, прошел с боями до Латвии и погиб в сентябре 1944 г. За мужество и отвагу, проявленные в бою под Витебском, Исаю Илазарову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Шалтиэль Абрамов родился в Дербенте в 1918 г., в 1938 г. закончил в Махачкале среднюю школу. Когда разразилась война, он учился в институте нефтяной промышленности в Грозном. В первые же дни войны пошел добровольцем в Красную армию. После офицерских курсов был назначен командиром взвода, с боями прошел от Северского Донца до Берлина. В боях за Познань (Польша) в феврале 1945 г. небольшой отряд Абрамова получил задание прорваться в город. Абрамов отлично справился с этим очень опасным заданием. За этот бой Абрамову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Абрамов, бестрашный боец, гордился тем, что он еврей. Об этом свидетельствует такой факт. В многочисленных публикациях, рассказывавших о его подвигах, указывалось, что он — тат, поэтому его имя не было включено в список Героев Советского Союза — евреев, опубликованный

после войны в журнале «Советиш геймланд». Узнав об этом, Абрамов, который работал в то время преподавателем в Грозненском институте нефти, написал письмо в редакцию журнала и попросил включить его имя в этот список.

О многих подвигах горских евреев в ту страшную войну мы не знаем по той причине, что, описывая их, совесткая пресса называла героев татами. Но и приведенные здесь примеры убеждают, что горские евреи отличались отвагой и мужественно боролись с фашистскими захватчиками.

Горские евреи — жертвы Холокоста

В фашистской Германии перед вторжением в СССР серьезно изучали проблему происхождения горских евреев. Это было связано с тем, что после оккупации Франции, когда нацисты проводили там уничтожение евреев, несколько сот живших там евреев из Грузии, Средней Азии, Ирана и Афганистана выдали себя за неевреев, заявляя, что по происхождению они «грузины и джугуты», придерживающиеся религии Моисея. Их доводы убедили командование оккупационных войск — и таким образом несколько сот евреев сумели спасти свои жизни — их не отправили в лагеря уничтожения.

В конце 1941 г. германский Институт по изучению зарубежных стран опубликовал брошюру с грифом «Для служебного пользования» под названием «Список наций, народов и народностей и племен, живущих на территориях, входивших прежде в СССР», где живущие на Кавказе горские евреи были названы просто евреями. В подобной же брошюре, изданной штабом войск СС в 1942 г., евреи Кавказа также причислялись к еврейской нации. Их определили как «помеси восточных народов, индийцев и множества других неустановленных племен с евреями, которые пришли на Кавказ в VIII в. н. э.» Еще в одной брошюре, выпущенной уже под эгидой СД, утверждалось, что «горские евреи прибыли на Кавказ из России, и они являются в регионе чуждым элементом».

В 1942 г. немецкий МИД получил мнение проф. Эйлера, который утверждал, что иудеи Кавказа, Ирана и Афганистана не являются евреями по происхождению. Но учреждения, на которые было возложено решение еврейской проблемы, категорически отвергли это мнение профессора. Им казалась более верной точка зрения вышеназванного института. Свой вывод они обосновывали тем, что и советские власти относят эти народности к евреям. Проф. Г. Киттель, к которому также обратились за консультацией, ответил, что вопрос сложный и ответить на него можно только проведя исследование на месте.

На Кавказе ходили слухи, что немецкое командование направило в Берлин телеграмму с вопросом, как относиться к горским евреям. И, якобы,

оттуда был получен ответ: «Нет никакой разницы между собакой белой и собакой черной. Собаке — собачья смерть».

Но главным были не эти теоретические споры, а то, как относились оккупанты к горским евреям фактически. И это отношение было различным в разных местах.

В тех населенных пунктах, где горские евреи — группами или отдельными семьями — жили вместе с европейскими евреями, нацисты не проводили между ними различия. Горских евреев расстреливали там вместе с ашкеназами. Но на Кавказе были населенные пункты, где горские евреи жили изолированно, целыми кварталами, и горско-еврейские аулы.

Кроме того, во время кампании по землеустройству горских евреев в Крыму был создан горско-еврейский колхоз имени Шаумяна. Жители этого колхоза не сумели эквакуироваться во время стремительного наступления немцев на Крым осенью 1941 г. Немецкие власти, методически проводившие уничтожение евреев в Крыму, не обратили сначала внимания на горско-еврейский колхоз. Но кто-то из местных жителей счел своим долгом открыть глаза немцам на их «упущение». В штаб немецкой армии в Евпатории в марте 1942 г. поступило донесение, что «в колхозе им. Шаумяна до сих пор проживают 114 горских евреев, которые были переселены сюда в 1939 г. на американские деньги. Колхоз расположен в 4 км восточнее Порфирьевки». Немцы обнаружили, что этот сравнительно новый колхоз еще не был нанесен на карты местности. В колхоз был направлен карательный отряд СД, и еврейский вопрос в колхозе был «решен окончательно». Ликвидация жителей колхоза им. Шаумяна стала первым фактом уничтожения крупной группы горских евреев. Причем немецкие власти знали, что речь идет именно о горских евреях.

23 июля 1942 г. немецкая армия захватила Северный Кавказ, но дальше продвинуться не сумела. Благодаря этому основные центры проживания горских евреев оказались вне зоны оккупации. На оккупированной территории было только два крупных еврейских поселения — еврейский колхоз в Богдановке под Моздоком и еврейский квартал в Нальчике.

Во время боев в Богдановку под Моздоком собрались горские евреи из соседних деревень, они хотели быть вместе со своими соплеменниками в тяжелые дни. Богдановка была захвачена в начале сентября 1942 г. Немецкие солдаты первое время не делали различия между евреями и другими жителями. Но и здесь нашлись местные жители, которые разъяснили немцам, что в деревне много евреев.

20 сентября 1942 г., накануне Йом-Кипура, всех евреев согнали в деревенский клуб. Наутро отобрали крепких мужчин и парней, дали им лопаты и велели вырыть большую яму за околицей. В полдень, когда яма была готова, мужчин расстреляли прямо в ней, а через несколько часов к яме пригнали стариков, женщин, детей. Жители деревни позже рассказывали, что старики при этом громко молились, женщины и дети плакали. Стреляли очередями, потом стали слышны одиночные выстрелы. Видимо, добивали

раненых. В тот день на околице Богдановки было расстреляно около 470 горских евреев. Несколько десятков евреев спасли русские крестьяне из соседних деревень. После освобождения Богдановки спасшиеся евреи установили памятник на месте расстрела, но жить здесь они больше не могли.

Такая же участь постигла большинство горских евреев соседнего с Богдановкой поселка Менжинск. Когда 5 сентября 1942 г. немцы заняли Менжинск, там оставалось около 40 еврейских, несколько армянских и десять субботницких семей. Немцы сначала казались обычными людьми: расселились по домам, были заняты своими делами, не обращали на жителей никакого внимания и лишь иногда заставляли их выполнять различные работы. В середине октября в Менжинск прибежал старик-еврей из Богдановки и принес страшную весть. Он сказал, что карательный отряд из Богдановки намеревается прибыть в Менжинск. О страшной участи, постигшей богдановских евреев, сообщил своим знакомым евреям один из жителей поселка, служивший полицаем. Но это предупреждение пришло слишком поздно — в тот же вечер немцы начали акцию. Они усилили охрану поселка и велели всем евреям и субботникам подготовиться к отправке на работу в другую местность. Разрешили каждой семье взять с собой только 40 кг вещей. Позже объявили, что перевезут только евреев. 19 октября 1942 г. их погрузили на телеги. Во время этой поездки нескольким парням удалось бежать. Всех остальных доставили во двор кирпичного завода у деревни Курская и там расстреляли.

Самой большой общиной горских евреев, оказавшейся в руках нацистов, была еврейская община Нальчика. Она, также как довольно большая горско-еврейская община Моздока, уцелела, хотя несколько евреев погибло от рук оккупантов.

Захватив Нальчик, немцы начали охоту за крепкими мужчинами для того, чтобы отправлять их на принудительные работы, поэтому большинство жителей старались не выходить из домов. Сохранились свидетельства о судьбе одного из жителей Нальчика еврея Баруха Давидова. Он вышел из дома, чтобы добыть пропитание для голодающей семьи. Его остановил немецкий патруль со словами, что он арестован за уклонение от работ. Но когда один из прохожих объяснил немцам, что задержанный — еврей, немцы тут же расстреляли Баруха на месте.

Массового уничтожения евреев, как уже было сказано, в Нальчике не было. Причин тому несколько. Во-первых, немцы находились в Нальчике сравнительно недолго, гораздо меньшее время, чем в Богдановке и Менжинске. Видимо, карательные отряды просто не успели сюда добраться. Кроме того, в Богдановке и Менжинске евреи были «пришлыми», советская власть разместила их на государственных землях, и местное население, считая их чужаками, относилось к ним враждебно. В Нальчике же евреи были коренными жителями. Между тем, немцы, собираясь создать в Кабардино-Балкарии сателлитную республику, не хотели раздражать местное мусульманское население, так что их политика здесь была менее жесткой. 6 декабря 1942 г.

в Кабардино-Балкарии был создан Национальный совет, во главе которого оккупационные власти поставили адвоката Селима Шадова. После войны Селим Шадов рассказывал в беседе с проф. Александром Далином, изучавшим тот период:

Когда меня избрали главой национального правительства Кабардино-Балкарии, я создал комиссию, которая должна была распустить колхозы и раздать землю крестьянам. Тогда ко мне, как главе правительства, обратилась делегация горских евреев во главе с господином Шабаевым. Они сказали мне, что части СС и СД составили списки всех горских евреев, обязывают их носить желтую звезду Давида, унижают их честь и достоинство, и они опасаются, что их, как евреев, ждет физическое уничтожение. По этому поводу я обратился непосредственно к фельдмаршалу фон Клейсту, находившемуся в Кисловодске, и его представителям в Нальчике. Мне подтвердили, что спецчасти СС и СД готовятся к уничтожению горских евреев в Нальчике и окрестных населенных пунктах. Я заявил немецкому командованию, что горские евреи — это таты, они являются такой же, как и прочие горцы, народностью Кавказа и подобны кабардинцам и балкарцам.

Я рассказал, что горских евреев здесь никогда не унижали: есть немало смешанных браков горских евреев с кабардинцами, осетинами, балкарцами, у горских евреев сходные с другими народностями Кавказа традиции, образ жизни, одежда и культура, они говорят на татском языке, который не имеет ничего общего ни с идишем, ни с ивритом, и на этом же языке говорят и другие племена на Кавказе.

Я потребовал тщательно изучить этот вопрос, прежде чем принимать решение об их судьбе. По моему настоянию была создана комиссия для изучения этого вопроса, я представил ей подробную справку с историческими выкладками, доказывающую, что горские евреи — одна из народностей Кавказа. Члены этой комиссии лично посетили квартал горских евреев в Нальчике, убедились в том, что образ жизни жителей этого квартала не отличается от образа жизни соседей.

Был предпринят ряд других мер, направленных на спасение горских евреев от уничтожения. В результате командование СС и СД согласилось, что горские евреи — это кавказская народность — таты и они не отличаются от других племен Кавказа.

Личным приказом фельдмаршала фон Клейста от декабря 1942 г. горские евреи были объявлены кавказским племенем, что отменяло составление на них расстрельных списков. Они освобождались от обязательного ношения желтой звезды Давида. Горским евреям было позволено создать

национальный совет татов из пяти человек, в который вошли Шабаев и Ханукаев. Этот совет тесно сотрудничал с моим правительством, которое не вмешивалось во внутреннюю жизнь еврейской общины. На официальных заседания правительства в качестве гостей присутствовали как немецкие генералы, так и члены татского совета. Мы обсуждали при этом пути борьбы с Советами и освобождение Северного Кавказа от власти большевиков.

Следует особо отметить решающую роль в этом командующего фон Клейста. Он отнесся очень серьезно к моему резкому протесту, проявил человечность и лично решил разобраться в этом вопросе. Он терпеливо ждал результатов работы созданной по моему требованию комиссии. Таким образом, мне удалось спасти от уничтожения более чем стотысячную общину горских евреев Кабардино-Балкарской республики.[51]

В словах Селима Шадова явно чувствуется желание преувеличить свою роль в этой истории, кроме того, число горских евреев, живших тогда в Кабардино-Балкарии, было не 100 тысяч, а во много раз меньше. Но в этом рассказе есть немало правдивых деталей.

Те, кто жил в оккупированном Нальчике, свидетельствуют, что евреи в их городе не носили на улицах желтую звезду Давида. Но насколько в этом велика заслуга главы марионеточного правительства? Репатриировавшаяся в Израиль жительница Нальчика Ципора Ханукаева рассказывала, что ее родственник Ханукаев спас горских евреев, убеждая немцев в том, что они — таты, татары, но не евреи.

Комиссия, которой поручили разобраться с тем, к какой расе относятся горские евреи, занималась вымогательством. Ее члены требовали у горских евреев золото и ювелирные украшения, пообещав, что тогда их не тронут.

На суде, состоявшемся в марте 1963 г. над военными преступниками, служившими в карательных айнзацгруппах, некто Вольфганг Рейнхольдс свидетельствовал:

Я занимался в основном горскими евреями. На основании литературы на русском и других языках, я подготовил справку. В ней я подчеркнул, что это племя татарского происхождения (численностью около 30 000 человек), которое приняло иудаизм в середине XIV в., и что не следует их относить к прочим евреям. Мне известно, что группенфюрер д-р Биркамп (командир «Айнзацгруппы D») придерживался того же мнения, и сообщал в более высокие инстанции, чтобы к горским евреям не применяли тех же мер, что к другим евреям России.

[51] Альтшулер, 1990. С. 122.

Исследователь Р. Левенталь приводит свидетельства бывших жителей Кавказа, которые после войны эмигрировали в США:

> *Немецкие офицеры решили выяснить, являются ли горские евреи такими же евреями, как и европейские. Специально для немцев горские евреи устроили целое представление: приготовили национальные кушания, перед офицерами выступали певцы и танцоры, в конце офицерам преподнесли в качестве подарков ковры ручной работы. Немцы были так довольны всем этим, что разрешили евреям торговать по всей территории, находившейся под их контролем, и освободили их от налога, которыми были обложены «низшие расы» — евреи, поляки и цыгане.*[52]

Даже если эти свидетельства не вполне точны, тем не менее, они показывают, что нацисты колебались в том, как им относится к горским евреям.

Еще одно доказательство того, что большинство горских евреев Нальчика не пострадали во время окупации, можно найти в книге посетивших этот регион в 1958 г. жителей Ленинграда, евреев Г. Печерского и Х. Погорельского. Они пишут:

> *Здесь (в Нальчике) горские евреи сумели спасти свои жизни. Только десять человек были вывезены за город и там расстреляны. Горско-еврейская община каждый месяц вручала немецким властям подношения в виде золотых и серебрянных монет, украшений. Как говорят местные жители, горские евреи выкупили таким образом свою жизнь. Хотя и был уже издан приказ составить в течение трех месяцев список всех живущих в Нальчике евреев, назначенный фашистами руководитель республики кабардинского происхождения сумел убедить немецкие власти в том, что горские евреи не схожи с европейскими, что они происходят от нееврейского племени и отличаются о ашкеназов. Но балкарцы постоянно доносили немецким властям, что горские евреи — такие же, как и остальные их сородичи. Командование колебалось и уже приняло решение об их уничтожении. Но началось наступление советских войск, немцам пришлось в панике бежать, и этот дьявольский план не был реализован.*[53]

Хотя в Нальчике и не было массового уничтожения евреев, тем не менее, горские евреи все время оккупации жили в страхе, и поэтому с огромной радостью встретили возвращение Советской армии, в то время как многие их соседи, сотрудничавшие с фашистами, бежали с отступающими немецкими войсками.

Благодаря тому, что Красная армия остановила немцев на Северном Кавказе, Холокост коснулся только небольшой части горских евреев. О том, что

---

[52] Альтшулер, 1990. С. 123.
[53] Альтшулер, 1990. С. 124.

их ждало, красноречиво свидетельствует приказ, который незадолго до немецкого отступления поступил от Эйхмана командирам айнзацгрупп на Кавказе, и предписывавший «переселить (читай — уничтожить) всех горских евреев на оккупированных территориях».

Горские евреи в послевоенный период

На жизнь горских евреев в послевоенные десятилетия оказали влияние три основных фактора: ассимиляция; дискриминационная, антиеврейская политика советской власти, принявшая в случае горских евреев специфические формы; создание государства Израиль. Участились смешанные браки, которые до второй мировой войны были редким явлением в среде горских евреев. Немало вернувшихся с войны мужчин привезли с собой русских жен. Вначале это вызывало неодобрение общины, особенно людей старшего поколения. Но с годами таких браков становилось все больше. В Дагестане, например, в 1967 г. женились 84 горских еврея, 12 из них взяли в жены русских, в тот же год пять горских евреек вышли замуж за неевреев.

Национальность детей от смешанных браков записывали чаще по отцу. В 16 лет, при получении паспорта, дети из смешанных семей могли по своему усмотрению выбрать национальность любого из родителей. В 1965—1969 гг. в Махачкале паспорта получили 17 юношей, чьи отцы были горскими евреями, а матери — русскими. 13 из них записали себя евреями.

В этот период практически завершился начавшийся еще в XVIII в. процесс миграции горских евреев из горных аулов в города. Многие горские евреи, вследствие общих миграционных процессов в СССР, покинули Кавказ и переехали в крупные города России и других республик СССР. Тем самым заметно ослабла их связь с общиной. Но большинство горских евреев продолжало жить на Кавказе. Хотя и здесь, по мере того, как умирали те, кто получил воспитание до революции, все меньше становилось тех, кто достаточно хорошо владел традицией. Тем не менее, ассимиляция среди горских евреев происходила не так быстро, как среди ашкеназов, хотя гораздо быстрей, чем среди грузинских евреев.

В послевоенные десятилетия заметно изменился уклад семейной жизни. Ранее неколебимый авторитет старших заметно ослабел. Связи в семье становились все слабее, горские евреи уже не жили большими семьями, насчитывающими несколько поколений. Возрос образовательный уровень, все больше становилось среди горских евреев людей со средним и высшим образованием, а также тех, кто достаточно свободно владеет русским языком.

Заметно за эти годы снизилось число синагог в горско-еврейских общинах, в основном из-за мощной антирелигиозной кампании, проводившейся в 1960-х гг.

Антисемитские тенденции, присутствующие в послевоенной политике советской власти, приводили, в частности, к тому, что многие горские евреи

старались сменить национальность в паспорте. Сделать это не представляло большого труда, тем более что в СССР всегда существовала неопределенность относительно национальной принадлежности горских евреев.

Еще в 1930-х гг. высказывалось мнение, что иудеи Восточного Кавказа — не евреи, а таты. Горский еврей Ю. Биньяминов писал в 1932 г., что «горские евреи, или таты,— народность, имеющая смешанную ирано-монгольскую национальность, говорящая на татском языке и исповедующая иудаизм». Власти, однако, предпочитали отличать горских евреев от татов. В Большой Советской энциклопедии, изданной в 1956 г., сказано: «К татам ошибочно причисляют горских еврев, которые, хотя и говорят на одном с ними языке, но являются отдельной народностью».

В конце 1950-х гг. усилилась официальная тенденция считать горских евреев частью единого татского народа. В Малой Советской энциклопедии, изданной в 1960 г., написано, что «верующие таты исповедуют ислам (шииты), армяно-григорианскую и иудейскую религии». Иными словами, горские евреи — часть татской народности. То же самое написано и в Большой Советской энциклопедии издания 1976 г. Затем термин «горские евреи» почти совсем исчезает из публикаций.

Подобным образом советская власть стремились подчеркнуть, что горские евреи не являются отдельной этнической группой, а следовательно, не принадлежат к еврейскому народу. Один из горских евреев, исследовавший этот вопрос в Академии наук Дагестана, на соответствующий запрос ответил, что «горские евреи — это иранская народность таты, которая переняла иудаизм у хазар». Попытку подвести под эту точку зрения «научную базу» сделал М. Мататов в статье, опубликованной в 1981 г. Он писал, что горские евреи — потомки иранских племен, осевших на Кавказе, а утверждение, что они — евреи — является сионистской пропагандой.

В 1982 г. В. Чернин опубликовал в «Советиш геймланд» ответную статью, в которой категорически опровергал точку зрения Мататова. Он доказывал, что утверждения Мататова — примитивны, лишены какой бы то ни было исторической основы. «Самоидентификация горских евреев,— писал он,— отношение к ним, взгляд на них окружающих народностей, тенденция этнических процессов у них и почти полное отсутствие смешанных браков между ними и татами-мусульманами — все это убеждает в том, что перед нами — два разных народа». По мнению Чернина, горские евреи — этническая группа, относящаяся к еврейскому народу.

Горский еврей писатель Хизгил Авшалумов опубликовал в 1986 г. в газете «Советскоя Россия» статью, в которой утверждал, что еще в 1930-х гг. несколько горских евреев-коммунистов обратились к властям с просьбой не писать в соответствующей графе паспорта (как выразился Авшалумов) «таты иудейской веры» или «горские евреи», а писать «таты» — по признаку национального сознания и языка. Абшалумов утверждал, что только сионистам нужно считать татов-иудаистов евреями, чтобы «иметь повод для сионистских провокаций, позволяющих им вмешиваться в нашу жизнь». Власти

придавали этой статье большое значение, ее содержание на английском языке было передано по московскому радио, вещавшему за границу.

Тезису о том, что горские евреи — не евреи, а часть татского народа, дали «обоснование» З. Голутвин и М. Мататов в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории» в ноябре 1986 г. Авторы утверждали, что таты, и в их числе — горские евреи,— потомки ираноязычного населения, переселенного в древности на Кавказ.

Эта точка зрения получила свое выражение и в практических акциях. При последних переписях населения в СССР горским евреям настойчиво рекомендовали записывать себя татами. Некоторые из горских евреев, записавшиеся татами, признавались, что идут на это, чтобы избежать дискриминации при приеме в вузы, при продвижении по службе. Действительно большинство горских евреев, занимавших высокие посты в советских и партийных органах, называли себя татами. Например, в начале 1960-х гг. министром промышленности автономной республики Дагестан был тат Яков Измаилов. В начале 1970-х гг. исполнял обязанности председателя горсовета Дербента Ш. Реувинов, о чьем еврействе вспоминали только для пропагандистских целей, показывая иностранцам, что в СССР нет «еврейского вопроса» и евреев не дискриминируют. Два депутата-еврея в Верховном совете Дагестанской автономной республики Х. Магидов и Н. Абрамов, а также и инструктор обкома партии А. Данилов везде называли себя татами.

2. Экономическая жизнь

ГЛАВА 4
Сельское хозяйство

В отличие от Восточной Европы, евреи на Кавказе являлись только конфессиональной и этнической группой, но не представляли собой особое торгово-ремесленное сословие. Несмотря на то, что среди горских евреев встречались и купцы, и ремесленники, сельское хозяйство было основой традиционной экономики горских евреев. Даже в таких городах, как Куба или Дербент, большая часть еврейского населения занималась сельским хозяйством, либо на пригородных землях, либо в качестве батраков в окрестных мусульманских селах. И. Анисимов пишет:

> *Нетрудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; в) по обрабатывающему производству; в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих собратьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец, в шелководстве и в приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока.*[1]

Налогообложение

Горские евреи принадлежали в основном к зависимому сословию —раятам, положение которых было почти крепостным. Раяты арендовали землю у местных феодалов — беков и должны были не только платить за аренду, но и выполнять для бека многочисленные, часто унизительные, трудовые повинности. При этом положение евреев-раятов было особенно тяжелым, так как, в отличие от раятов-мусульман, евреи в качестве иноверцев должны были платить особую подушную подать, харадж.

Евреи, которые жили на землях беков, должны были выполнять для них различную работу и отдавать часть производимой ими продукции за право

[1] Анисимов, 1888. С. 194.

жить на этой земле и за то, что бек защищает их. Эту повинность евреи продолжали отбывать и во второй половине XIX века, когда защита жизни и имущества жителей Восточного Кавказа была уже прерогативой российских властей. Размеры налогов и повинностей зависели от произвола бека и сильно различались в разных аулах.

Например, евреи Мараги должны были отработать 8 дней в году на виноградниках и мареновых полях, принадлежащих местному беку, в его конюшнях и фермах, убирать урожай пшеницы, стричь его овец, доставлять зерно на гумно.

Евреи должны были ремонтировать дома беков, чинить их крыши к зиме, подправлять заборы, убирать зимой снег, доставлять дрова и пр. Евреев обязывали делать так называемую «черную» работу. Одной из таких работ считалась уборка навоза. Этим подчеркивалось более низкое положение евреев по сравнению с мусульманами.

В дополнение к барщине евреи должны были приносить беку и оброк — отдавать часть производимой продукции, а если они работали в качестве наемных работников — платить деньгами. Например, каждая еврейская семья в ауле Гемейды, члены которой батрачили на рисовых полях у зажиточных мусульман, должна была доставлять беку в качестве оброка 5 килограммов риса. Евреи Рукеля отдавали беку ежегодно по 10 килограммов табака.

Независимо от барщины и оброка каждая еврейская семья должна была ежегодно платить беку налог, от 1 рубля до 2 рублей в год на душу.

Община в целом также должна была платить ежегодные налоги. Так, в Гемейды еврейская община должна была поставлять домочадцам бека одежду, обувь, и в любое время — коней и ослов для их поездок. Свадьба в доме у бека, рождение ребенка, приезд гостя — все это было причиной дополнительных денежных поборов с евреев.

Бек Мугатыря установил, что если еврейская девушка выходит замуж в другой аул, семья жениха выплачивает ему 10 рублей. Если девушка выходила замуж за жителя Мугатыря — бек удовлетворялся 1 рублем. Такие же порядки были во многих других аулах. Если евреи не платили положенного — беки прибегали к угрозам, нередко применяли силу.

Такое положение сохранялось и после присоединения края к России. Российские власти не только не пытались урезонить беков, но и добавляли налоги от себя. В 1830-х гг. комендант Кубы русский полковник Гимбут требовал у еврейской общины, насчитывавшей в то время 680 дворов, ежедневно на различные работы 200 мужчин и 10 женщин. Кроме того, евреи давали ему 50 четвертей шерсти и 50 четвертей зерна. Этот наглый вымогатель требовал у общины расписку, будто все это преподнесено ему в дар. Гимбут обязывал евреев Кубы время от времени очищать от ила протекающую по городу речку Кубинку. Каждый год он собирал по 450 рублей «почтовых», регулярно требовал предоставлять в его распоряжение лошадей с коляской. Он завел новый налог — 40 рублей в год на содержание его

охраны. Одну из синагог в Кубе он превратил в хранилище зерна, а в ответ на просьбу освободить синагогу он наложил на просителей штраф в размере 40 рублей. Когда евреи показали ему полученный от прежнего коменданта документ о том, что они освобождены от части налогов — полковник у них на глазах порвал его. А на евреев за дерзость наложил штраф в размере 200 рублей.

Даже после того, как была отменена должность коменданта, российские чиновники не прекратили эксплуатацию евреев, которых называли «диким» народом и считали, что с ними можно обращаться, как заблагорассудится. И в конце XIX в. грабительские поборы были в порядке вещей, в особенности — в сельской местности. Евреи аула Аглаби, в частности, жаловались на то, что их заставляют работать в доме у пристава, чинить ему крышу, забор, вычищать навоз из хлева в его дворе. Евреи Хошманзиля также жаловались на произвол пристава, который сверх обычных податей и повинностей заставлял их очищать хлев от навоза, рубить дрова в лесу, сажать в его огороде овощи и многое другое.

Надо сказать, что были и российские начальники иного сорта. Например, комендант Дербента писал своему начальству в 1832 г.: еще с 1806 г., когда город был присоединен к России, евреи обязаны, в дополнение к налогам и повинностям, которые возложены на все городское население, ремонтировать и убирать административные помещения, выделять 3—5 человек по жеребьевке, когда идет строительство нового административного здания, рубить в соседнем лесу дрова для отопления казенных учреждений и т. п. В то же время мусульмане и армяне от такой повинности освобождены, и если тех призывают на такую работу, то платят им за это, как наемным работникам. В результате его обращения с евреев Дербента была снята дополнительная повинность.

В 1860-х гг. российские власти стали наводить порядок и в барщине и оброке, который накладывали на евреев беки-землевладельцы. Так, окружной суд Дербента определил, что в аулах в окрестностях этого города 10 домов будут выделять беку одного человека для выполнения работ у него на дому. Правда, в том же постановлении говорилось, что когда бек обратится к населению с вежливой просьбой о помощи и пообещает кормить, жители обязаны откликнуться на его просьбу и отработать у него добросовестно. Если бек попросит помочь ему в строительстве дома или в доставке зерна с поля на гумно или с гумна в город, каждый, живущий на его земле, обязан выполнить эту его просьбу.

При этом оговаривалось, что расстояние, на которое бек мог обязать перевозить зерно, не должно превышать то, которое можно пройти за один день, и одну семью нельзя обязать перевезти более двух пудов.

Это указания ограничивало и общее число дней, которые должны были отработать люди, живущие на земле бека, и количество рабочего скота, которое они должны были предоставить в его распоряжение, а также цели, для которых этот скот может быть использован. Было записано, что бек вправе

потребовать от двух дворов два вола, а если семья не может предоставить ему в распоряжение волов — бек не вправе взять их силой. 30 еврейских дворов обязаны были предоставить беку для его поездок лошадь с телегой, при этом выставлялось условие, что бек едет по заданию властей. Бек обязан был вернуть владельцам лошадь живой и здоровой, и телегу — исправной. Аулы, в которых было менее 30 еврейских дворов, освобождались от этой повинности.

Кроме того, каждый еврейский двор в аулах обязан был отдавать беку каждый год десятую часть собранной пшеницы, три пуда очищенного риса и доставлять беку во двор две телеги дров.

Положение по-прежнему признавало за евреями обязанность выплачивать беку оброк и отрабатывать барщину, но вводило единые нормы для всех аулов, а, кроме того, особо оговаривалось, что сборщики податей не имеют права жестоко обращаться с недоимщиками, и, буде такое случится, бек обязан своих агентов наказать.

Хотя эти нормы стали применять далеко не сразу и далеко не во всех аулах, но постановление суда дало евреям право жаловаться российским властям на незаконные действия беков.

Земельный вопрос

Источником зависимого положения горских евреев являлось их безземелье. Очень немногие горско-еврейские общины или отдельные семьи владели землей. Кроме того, размер земельных владений постоянно уменьшался из-за того, что земли насильственно отнимались у еврейских земледельцев.

Первое, что бросается в глаза в старых еврейских поселениях, таких как Варташен или Маджалис,— скученность домов в еврейском квартале. Это прямое доказательство отсутствия земли у евреев даже для хорошего приусадебного участка.

О том же самом свидетельствуют документы. Так, в 1880-х гг. в Варташене на каждую еврейскую семью приходилось примерно в два раза меньше земли, чем на нееврейскую семью. Так как еврейская семья была в среднем в два раза больше, чем армянская или удинская семья, то количество десятин на душу населения было у евреев в четыре раза меньше, чем у неевреев. Но самое главное: в распоряжении евреев Варташена не было ни одной десятины пахотной земли, а только сады и пастбища.

Не удивительно, что при таком безземелье евреи, во-первых, арендовали землю, попадая, таким образом, в феодальную зависимость от землевладельцев, а, во-вторых, мало занимались хлебопашеством, предпочитая более рентабельные культуры: табак, марену и виноград. И. Анисимов пишет по этому поводу:

Сеянием хлеба занимаются горские евреи исключительно в Кюринском и Кайтако-Табасаранском округах Дагестанской области и в некоторых местностях Бакинской губ. Мне, например, пришлось в этих местах видеть аулы горцев-евреев, которые исключительно заняты земледелием и не имеют ни одной лавчонки или торговца; к ним могу отнести: Джерах, Нюгди-Мюшкюр, Мамрач и др. (Кюринского округа), Гафтаран (Бакинской губ.). В этих местах встречаются троякого рода хлебопашцы; а) те, которые имеют земли, земледельческие орудия, сеют и пашут землю, в) те, которые не имеют земледельческих орудий или достаточного количества людей для обрабатывания полей, отдают другим туземцам свои земли на доли и потом сами жнут и снимают хлеб и с) наконец, которые, не имея ни земли, ни орудий, нанимаются пахать землю, сеять и снимать с полей хлеб за известное вознаграждение. Этих последних очень много в аулах, и они обозначены у меня под рубрикой «рабочих семейств». Второй род хлебопашцев в виде платы обрабатывающим поля и сеющим их хлеб дают в иных местах 1/2 всего сбора, в иных один «саб» (около четверти) за «капан» (десятина = 4 капанам, 1 капан = 3 саб). <...> Хлебопашцев второго рода гораздо больше, почти вдвое, чем первого. Это объясняется тем, что у горских евреев, во 1-х — почти совсем нет земельных владений для посева хлеба, и во 2-х — нет у них и домашних животных, которые облегчали бы им труд возделывания полей.[2]

Конечно, были отдельные семьи и общины, которые работали не на арендованной, а на своей земле, которая была, как правило, не наследственной, а благоприобретенной. У Анисимова читаем:

На вопрос мой имеющим землю, помнят ли они, как, когда и от кого из предков остались им такие-то земли, которые в данное время обрабатываются ими, они, бывало, отвечают, что они куплены ими, их отцами и не далее как дедами. <...> Особенно счастливо наделены <землей> *горские евреи в г. Дербенте, где почти на всех землях разведены богатые виногрдники, и затем города Хасав-Юрт и Грозное, селения Карчаг, Джерах, Нюгди-Мюшкур, Ханчал-Кала, Хошмензюль, Мамрач, Гафтаран и несколько других. Благодаря этому мы и не находим в этих аулах той крайней нищеты, которая господствует в других, не имеющих земли, аулах.*[3]

Но даже и в этом случае владение евреем землей не всегда было официально зарегистрировано, не было соответствующим образом оформленных купчих. Во времена вспышек антисемитизма у евреев силой отнимали

[2] Анисимов, 1888. С. 194—195.
[3] Анисимов, 1888. С. 198—199.

принадлежащую им из поколения в поколение землю. Все же для большинства горско-еврейских общин был характерен недостаток земли. В Еврейской Слободе Кубы только считанные семьи владели пригородными садами, большинство жителей Слободы нанималось в батраки к окрестным сельским хозяевам. В Варташене и Мюджи табак (основная товарная культура) выращивался евреями только на арендованных землях.

К концу XIX в. во многих еврейских общинах сохранились предания о том, что в прошлом их предки владели землей. Об этом говорили евреи Кубы, Арага, Джераха. До завоевания края Россией в начале XIX в. евреи имели намного больше земли, чем в середине XIX в. Часть земли евреи потеряли во времена Кавказской войны. После подавления восстания многие евреи не сумели доказать, что земля принадлежит им. Например, в Дербенте несколько евреев подали российским властям прошение вернуть принадлежащие земли. Власти не пожелали брать на себя хлопоты по восстановлению справедливости. Вот что об этом пишет И. Анисимов:

> *Но во многих местах есть земли, которые числятся за ними* <горскими евреями>, *но которыми фактически они не могут владеть. На такие земли указали мне в городах Дербенте и Кубе и во многих других аулах недалеко от Дербента. Близ Дербента есть местечко горских евреев, носившее наименование Аба-Сава. Оно было разрушено в 1800 году кумыкским шамхалом Сурхай-ханом, и евреи поселились в Дербенте, купив каждый себе землю под сады и дома. Все время земля эта в количестве 1000 капан или 250 десятин считалась собственностью горских евреев, пока у них не отняли ее во время мюридизма* [4]. *Но так как бумаги о принадлежности этой земли горским евреям сохранились* [5], *да и многие из татар не отрицали их право на нее, то, после замирения Кавказа, горскими евреями Дербента было подано правительству прошение об утверждении за ними земли, оставшейся им от их предков. Между тем на эту землю стало изъявлять свои притязания дербентское население туземцев. Эта тяжба, благодаря массе доказательств, была решена правительством в пользу горских евреев. Но, несмотря на это, горские евреи и теперь не могут вступить во владение этой землей, так как мусульманский наследный хан грозит убийством всех евреев, если только они разделят ее между собой и станут возделывать. Несколько раз, говорят, были столкновения, кончавшиеся страшными драками, но администрация бездействует, и мусульмане препятствуют фактическому владению этой землей горскими евреями. Поэтому никто из них не осмеливается приступить к ней, и эта земля или остается необработанной, или отдается в аренду за ничтожную сумму.*

---

[4] Имеется в виду восстание Шамиля.

[5] *Бумаги эти находятся у главного Дербентского раввина Якова Ицхаковича.* (Примеч. И. Анисимова)

Но эта земля все-таки считается святынею у горских евреев, и они раз в год идут поклониться туда могилам своих отцов. Они, по-видимому, ничуть не жалеют о том, что сила не дает им владеть собственностью, говоря, что «видно это есть воля Господня». А между тем — сколько безземельных несчастных горских евреев Дербента, которые все время проводят в заработках в чужих аулах или нищенствуют в Дербенте!

То же самое можно сказать о Кулкате, близ г. Кубы, Джугут-Тебе, близ Кара Купаша (Кайтакский округ), Дарай-Татаул близ селения Карабдакент, о земле, принадлежащей жителям нашего аула Тарки [6], и о множестве других. Многие из этих земель даже сами туземцы называют «джугут», то есть еврейскими, а между тем, не имея никакого права и документов, владеют ими сами, или, хотя и считают земли собственностью горских евреев, но не позволяют им обрабатывать их и вообще пользоваться ими.

Всем, изучившим хорошо Кавказ, известен тот факт, что горские евреи первые начали обрабатывать недоступные клочки Кавказа, сеять на них рис, маис, пшеницу, разводить виноградные и фруктовые сады, культивировать марену, шелковичные деревья, овощные растения, заниматься различными обрабатывающими производствами вроде выделки сафьяна, кож, тканья, вязания и вышивания различных материй и пр. Для доказательства я приведу несколько мест из одной статейки под заголовком «Даг-Чуфут», помещенной в газете «Кавказ» № 77 за 1885 г. Автор, некто Б. Ф., говорит в ней следующее: «<...> Они <горские евреи> *живут небольшими обществами в Дагестанской, Терской и Кубанской областях, ведут свое происхождение от персидских евреев, зашедших в Дагестан в глубокой древности и оттуда уже, вследствие разных невзгод, искавших приюта между кумыками, князья которых ценили высоко их способности в торговом отношении и воспользовались их искусством в разведении марены, виноградных и тутовых садов и сарачинского пшена (риса).*[7]

Подобно Дербенту обезземеливание горских евреев происходило и в Кубе. На примере процесса обезземеливания жителей Еврейской Слободы видно, какую роль в этом зачастую играли корыстные и юдофобски настроенные представители русской администрации. Ф. Шапиро записал со слов евреев Слободы историю того, как у них были отняты их земли:

Все они в один голос утверждают, что предки их, поселившись в Слободе, получили земельные наделы; что все обширные поля, окружающие слободу,

[6] Анисимов — уроженец аула Тарки.
[7] Анисимов, 1888. С. 195—197.

принадлежали им, а только лет 50 тому назад, благодаря происка уездного начальника, некоего Стопчанского, они превратились из владельцев земли в ее арендаторов. Арендная плата все возрастала, и, в конце концов, стала непосильной. Действительно, многие из слободских старожилов хранят у себя «цензовые листы», по которым их отцы и еще они сами платили в управу налог за свой участок земли. Мы видели такие цензовые листы, датированные годами 1843, 1852 и 1857.

Слободские жители обращались за содействием к адвокатам, пытаясь добиться восстановления своих прав на землю.

Причины перехода почти 80% слободских земель во владение кубинцев остались для нас недостаточно выясненными. Разобраться в этом вопросе помогли нам старожилы села Кусары, современники упомянутого злого гения слободских земледельцев — Стопчанского. Кусары находятся в 5—6 километрах от Кубы, и здешние горские евреи в большинстве своем принадлежат к одноименному слободскому синагогальному приходу. Эту маленькую общину возглавляет 85-летний ученый и поэт Иосиф бен Хаим, бывший раввин, лишившийся сана за вольнодумство. Он известен под псевдонимом Шур. И этот Шур, и его односельчане представляли дело об утере слобожанами земли следующим образом:

Многие из евреев Слободы значительно преуспели в земледелии, особенно в виноградарстве и табаководстве. Между ними и кубинцами разгорелась конкуренция и вражда. Стали повторяться случаи взаимных обвинений, ссор, драк и убийств. При этом старожилы вспоминают побоище в пасхальную субботу 1832 г., когда пало 40 «исмаильтян» и 62 еврея.

Одновременно с ростом благосостояния части еврейских земледельцев, другая часть слобожан стала сдавать свои наделы в аренду кубинцам за установленный процент с урожая. Это обстоятельство использовали конкуренты и враги слобожан. В 1837 г. в Слободу был назначен земским начальником некий Стопчанский, выходец из центральной России, привезший с собой традиции и практику тамошнего антисемитизма. И вот его, Стопчанского, кубинцы избрали орудием борьбы со своими конкурентами. Ему донесли, что слобожане сдают свою землю под высокие проценты с урожая, и таким образом заставляют туземцев работать на них, евреев. Стопчанский, рассказывают далее старожилы из Кусар, обратился в Петербург с ходатайством о приравнивании горских евреев в «правах» к европейским евреям, то есть о лишении их права землепользования. Этого он не добился. Зато он в течение 15 лет своего начальствования посредством различных фискальных репрессий добился того, что слобожане были постепенно оттеснены от своей земли, которая перешла к кубинцам. Кусарцы показывали мне в Кубе большой каменный дом,

построенный якобы Стопчанским на деньги, полученные от «признательных» кубинцев.[8]

В 1870-х гг. на Кавказе прошла земельная реформа. Реформа на Кавказе проходила иначе, чем в России, поскольку большинство крестьян здесь не были крепостными в строгом смысле этого слова. Главным здесь было не раскрепощение крестьян, а перераспределение земли. Принципы этой реформы состояли в том, что помещики отказываются от половины своей земли в пользу безземельных крестьян, а в компенсацию за это царское правительство признавало за ними право на остальную землю.

Накануне земельной реформы на Кавказе в 1870-х гг. в собственности евреев было очень мало земли. Иуда Черный писал в 1867 г., что из 13 аулов, в которых живут евреи, только в двух земля — в собственности общины.

Хотя горские евреи во время реформы получали землю, но нередко в отношении них творилась несправедливость. Например, в одном из кумыкских сел в Терской области при распределении земли из списка имеющих права на землю были исключены чеченские семьи, поселившиеся тут недавно (после 1859 г.), но вместе с ними из списков исключили и 142 семьи горских евреев, хотя они были старожилами этого села.

Еще одной важной проблемой, наряду с землепользованием, был раздел воды, необходимой для полива сельскохозяйственных культур. Евреи часто выращивали влаголюбивые культуры, табак и рис, и в условиях засушливого климата Восточного Кавказа их благосостояние зависело от доступа к воде не меньше, чем от доступа к земле. И. Анисимов пишет:

Вода требуется растущим табакам в громадном количестве. День-два без воды — и он вянет и начинает сохнуть; точно так же относится к воде рис, сеянием которого особенно много занимаются горские евреи в Кюринском и Кубинском округах. Пользование сельской водой производится также по обычным правилам. Во 1-х, она проводится из реки или источников каналами через весь аул, где на всем пути построены небольшие мельницы, и она служит для всех двигателем мельничных колес. Во 2-х, каждый околоток или соседство имеет свою канаву, идущую от главного канала, и по которой могут только в известные, назначенные поочередно, дни пускать воду в свои сады, огороды и плантации. Когда одно «соседство» (часть аула) принимает воду и раздает по частям всем своим членам, все другие соседства, или кто-либо из его членов, не должны открывать своей канавы, в противном случае от нарушителя порядка, как от вора, взимается известная штрафная сумма; иногда, если воды много, берут ее сразу 2—3 соседа. Раздача воды по очереди происходит 6 дней, а в 7-ой, именно в пятницу, она поступает в пользу общества, В этот день продают с аукциона пользование всею отпускаемой водой.

[8] Шапиро, 1983. С. 90—92.

Тогда никто из аульных не имеет права брать и капли воды. Пользование в этот день водой обходится от 2-х до 5-ти, 6-ти руб., смотря по времени года. Незаконное пользование водою бывает часто причиной ссор, драк и даже убийств между различными членами соседств или покупателями воды в этот день. Иной, положим, пропустил свою очередь по какому-нибудь случаю и вот видит, что ждать следующей очереди — значит подвергнуть засухе все, что у него в саду, в огороде или плантации; на аукционе же страшно набивают цену, когда чувствуется общей недостаток в воде. Вследствие этого, не долго думая, открывает он свою канаву и пускает к себе небольшую струю воды, расширив или сузив в канаве ход. Между тем, на местах получения воды чувствуется недостаток, и к каналу посылаются рабочие с железными лопатами. Они находят нарушение порядка, и предположив, что, может быть, оно случайное, запирают вход и уходят. Опять чувствуется уменьшение воды, опять находят нарушение порядка — вор вызывается, и происходят споры, драки, доходящие и до кинжалов. Иной же, пожелав разом пустить к себе порядочное количество воды, останавливает и мельницы, отчего происходит целая свалка.[9]

Табак, марена, виноград

Многие безземельные евреи были вынуждены брать участки в аренду. Арендная плата была очень высока: арендатор работал, как правило, исполу. Чтобы оправдать высокую арендную плату, арендаторы стремились выращивать не зерновые, а более дорогие технические культуры. В Тарках, Дербенте, Янги-кенте, Рукеле, Гемейди, Араге, Хошманзиле, Мамраче, Варташене, Дженгутае, Мюджи евреи выращивали махорочный табак. И. Анисимов пишет о том, что выращиваемый горскими евреями табак пользовался спросом:

Табак горских евреев, хотя низшего сорта по семени, выходит очень крепким и недурного качества, так что русский табак, если и бывает в этих местах, почти не употребляется.[10]

Большая часть табака выращивалась на арендованных землях. В частности, говоря о евреях Варташена, Бежанов так описывает условия аренды:

Табак сеют на землях христиан и мусульман на таких условиях: хозяин пашет и удобряет землю, еврей делает грядки, садит саженцы, ухаживает

[9] Анисимов, 1888. С. 203—205.
[10] Анисимов, 1888. С. 205.

до сбора, сушит и делает пучки с корешками. Хозяин дает еврею все это время пшеницу, рис, деньги на мясо и масло, и на лапти; урожай делится между хозяином и евреем пополам.[11]

В 1890-х гг. цены на табак немного выросли, и многие землевладельцы решили тоже перейти на эту культуру. В результате имело место перепроизводство, цена на табак опять упала, и около половины урожая продать не удалось. Власти решили поощрить разведение хлопка, но эта культура на Кавказе не привилась.

Другой — кроме табака — традиционно «еврейской» культурой на Кавказе была марена. Евреи выращивали ее в окрестностях Кубы и Тарков с древнейших времен. Марена — многолетнее растение, корень которого содержит высокий процент ализарина — природного красного красителя. Использовать корень для получения ализарина можно было только на третий-четвертый год после посадки.

Ализарин по важности занимает второе место среди природных красителей после индиго. До XIX в. текстильная промышленность России использовала краситель из Голландии. Начиная с 1820-х гг. потребности России в ализарине стал обеспечивать Восточный Кавказ.

Выращивать марену можно было, используя только ручной труд, для этого не нужен рабочий скот. Поэтому в середине XIX в. марена была самой выгодной культурой, выгоднее зерновых и табака. По словам И. Анисимова:

Сеять марену было выгодное предприятие для каждого. Каждый, имевший несколько сот руб. спешил тогда купить участок земли и посеять семена марены. Через три года она давала уже достаточной толщины корни, которые и пускались в продажу. Корни эти выкапывались не до основания, а около аршина. Затем они присыпались землей и оставлялись до будущего года, когда вновь выкапывались и засыпались землей. Это был вечный кусок хлеба, так как за корнями марены не было никакого особенного ухода, и она сеялась на 15 и даже 20 лет. При цене в 15, 10, 8 руб. хозяин нанимал несколько десятков рабочих и получал хороший барыш.[12]

Российские промышленники скоро убедились, что по качеству краска, получаемая из кавказского ализарина, превосходит голландскую. Они направили на Кавказ агентов, которые стали раздавать щедрые ссуды: многие евреи брали их, чтобы арендовать землю для выращивания марены. За 20 лет — с 1840 г. по 1860 г. — количество выращиваемой марены увеличилось впятеро, а цена на нее повысилась вдвое. Выгоду от увеличения объема производства марены получали не только крестьяне, но и торговцы, которые занимались ее

[11] Бежанов, 1894. С. 111.

[12] Анисимов, 1888. С. 195—197.

перепродажей. Признаки экономического расцвета благодаря марене чувствовались во всех отраслях.

«Мареновая лихорадка» привела в начале 1870-х гг. к ее перепроизводству, цена на нее упала, а поскольку марена — растение многолетнее, нелегко было сразу перейти на другие культуры, так как арендаторы не могли разорвать договоры об аренде участков, не дождавшись урожая. Многие евреи-земледельцы тогда разорились, превратились в недоимщиков и в должников, поскольку не могли уплатить налоги и рассчитаться с землевладельцами и ростовщиками.

Власти пытались помочь крестьянам, в Дербенте был построен завод для производства чистого ализарина на экспорт; но изобретение в 1873 году синтетического ализарина, более высокого качества, чем природный, привело к краху отрасли. Если ранее пуд марены стоил 10—15 рублей, теперь нельзя было продать его и за 30 копеек. Арендаторы бросали поля, не получив с них никакой прибыли. «Мареновый кризис» нанес тяжелый удар всей экономике края. Многие недавно состоятельные люди разорились, крестьяне превратились в нищих. Вот как описывает «мареновый кризис» его свидетель И. Анисимов:

> *Главную причину теперешнего бедствия жителей Кавказа, не только горских евреев, но и других туземцев, объясняют падением цены на марену, разведением которой занимались повсеместно. В настоящее время* <конец 1880-х гг.> *она до того потеряла значение, что ее и не выпахивают из земли.* <...> *Вышла французская краска ализарин, которая могла с большей выгодой и удобством заменять марену, и последняя упала в цене и в продолжении 5 лет с десяти рублей спала до двух руб. Тут почувствовалась невыгодность копать ее, и в настоящее время немало полей Кавказа хранит в своих недрах стволы марены, достигающие все больших и больших размеров в толщину. С падением марены обеднело множество собственников, затративших последнюю копейку за нее, и масса работников осталась без средств к жизни.*[13]

В этот период многие евреи стали выращивать виноград, фрукты. В газетах тогда писали, что евреи весьма успешно занимаются виноградарством. Если мусульмане с десятины виноградника снимали тонну урожая, то у евреев урожайность достигала 17 тонн с той же десятины.

Поскольку до конца XIX в. через Дербент не проходила железная дорога, огромное количество выращенных фруктов и винограда пропадало, гнило на месте, хотя на них был большой спрос в России. Это тоже ударяло по производителям, в том числе горским евреям. Но наибольший удар садоводству и виноградарству нанесли длившиеся три года подряд засухи в самом конце века. Погибли деревья, высохли виноградные лозы. В результате

[13] Анисимов, 1888. С. 199—200.

многие евреи оставили садоводство и виноградарство, стали искать другой источник дохода.

Земледелие зависело от природных условий и не было надежным гарантом существования. Земледельцы постоянно жили под страхом неурожая и голода. Весной 1895 г. прошли затяжные дожди, и газеты писали, что «евреи, занимающиеся выращиванием табака, находятся в отчаянном положении, над ними висит угроза недорода...»

Еврейские крестьяне, разоренные изменениями конъюнктуры и неурожайными годами, бросали поля и отправлялись в города, пополняя собой толпы городских бедняков. Уже к концу XIX в. число горских евреев-горожан превысило их число в аулах.

ГЛАВА 5

Торговля

Торговля как профессиональное занятие занимало большое место в жизни горских евреев, причем ее роль непрерывно возрастала на протяжении XIX в.

Уже в XVIII в. отмечено присутствие еврейских торговцев в Шемахе и Дагестане. Среди евреев-переселенцев из Персии существенную часть составляли купцы, и именно их приглашали селиться в своих владениях шекинские, кубинские и дербентские ханы. Торговая активность еврейских купцов, как свидетельствуют документы, не прекращалась даже во время Кавказской войны, несмотря на то, что странствовать по дорогам в то время было особенно опасно.

Конечно, доля торговцев среди горских евреев была невелика, гораздо ниже, чем среди евреев-ашкеназов. По некоторым данным, лишь в четвертой части всех еврейских общин половина семей кормилась от торговли, в то время как в большинстве общин торговля не играла решающей роли. И. Анисимов так оценивает долю торгового сословия среди горских евреев:

> *Общее количество торговцев выразится средним отношением в городах и аулах 14,05%, или, по числу семейств — из 4090 семейств 575 занимается торговлей. Из этого числа на настоящих купцов-капиталистов приходится лишь приблизительно 5%.*[14]

Среди тех, кто кормился от торговли, существовало три основных слоя, которые отличались друг от друга по имущественному цензу, репутации и положению в обществе. На самой нижней ступеньке стояли коробейники, бродячие торговцы, которые странствовали со своим товаром по аулам и ярмаркам и меняли его на продукты, которые шли им же на пропитание. У более состоятельных торговцев были свои ларьки и магазины. Возглавляли же торговое сословие купцы, которые выезжали с товаром за пределы Кавказа, участвовали в российских ярмарках и даже вели торг с заграницей.

Были районы, где торговля для горских евреев являлась второстепенным и третьестепенным занятием, например, Табасаран. Здесь большая часть

[14] Анисимов, 1888. С. 193.

еврейского населения занималась земледелием. С другой стороны, вплоть до начала XX в. именно торговлей занималось большинство евреев Нальчика и кубанских сел. Горские евреи бродили по казачьим станицам, покупали у станичников шерсть, масло, яйца, кур, соления, шкуры, другое сырье и товары местного производства.

Следует отметить, что крупных купцов-профессионалов среди горских евреев было мало, большей частью это были бродячие коробейники. Безземелье заставляло крестьян искать дополнительные заработки и заниматься опасным в условиях Кавказа ремеслом бродячего торговца. О том, что эти мелкие торговцы не порывали с землей, свидетельствует то, что со своих торговых доходов они продолжали платить оброк бекам-землевладельцам. Характерно, что, как только появились такие выгодные культуры, как табак и марена, многие мелкие торговцы вернулись к земледелию. О том, что торговля была для горско-еврейских крестьян вынужденным занятием, свидетельствует И. Анисимов:

> *Что же касается разносчиков, которые держат в своих узлах или коробах на 30—40 рублей мелочного или мануфактурного товара и вечно промышляют пешком по аулам, нося эти товары на спине при 40—48 градусах жары, то их, кажется, и нельзя отнести к торговцам. Они вечно остаются теми же бедняками, какими были и при начале своего предприятия, и едва успевают прокормить себя и семейство, обыкновенно обремененное множеством детей. Из выведенных выше чисел замечаем, что особенно много этих разносчиков в аулах. Мне удалось собрать о них точные сведения, и оказалось, что большинство их ненавидят это занятие, но, тем не менее, занимается им, не имея ничего другого для прокормления семей.*[15]

В 1860-х гг. большинство евреев Маджалиса занималось торговлей, а в 1886 г. (по свидетельству Анисимова) — только 12 человек (10% работающих евреев). Изменение это произошло из-за возникшей возможности выращивать табак. Согласно данным на 1856 г. в Дербенте и окрестных селах жило 454 еврейских семьи, кормильцы в 44% из этих семей занимались торговлей, в 33% — ремеслами и в 23% — земледелием. В 1886 г. вследствие «мареновой лихорадки» торговлей занимались уже только 6% местных евреев.

В Табасаране в 1850-х гг. торговлей занимались 71% евреев, в то же время 21% были заняты земледелием и 8% — ремеслом. В середине 1870-х гг. сельским хозяйством занимались 67% работающих горских евреев, торговлей — 9% и 24% были наемными рабочими. После «маренового кризиса» в конце XIX в. число евреев-торговцев снова заметно выросло.

Чтобы заниматься торговлей в аулах, еврею не нужно было большого начального капитала: достаточно было купить немного товара, который он мог

[15] Анисимов, 1888. С. 193.

взвалить себе на плечи. Весь свой ларек торговец носил на спине — в мешке или коробе. Торговец покупал в городе и нес в аул куски яркой материи, дешевый персидский шелк, платки, кружева, зеркала, общей стоимостью 30—40 рублей. По свидетельству современника, «торговцы вразнос получают 10 копеек с рубля».

Торговцы выходили из дома в воскресенье и в пятницу возвращались домой — усталые, изможденные, нередко голодные, наслушавшиеся оскорблений, натерпевшиеся унижений, покусанные собаками.

Очень часто можно было видеть евреев-коробейников, ходящих от дома к дому, из аула в аул и криком привлекающих к себе внимание. Основными их клиентами были женщины. Нередко — во всяком случае, до конца XIX в. — коробейник брал плату за свой товар сельскохозяйственными продуктами, продавая их затем в русские крепости и поселения, выраставшие вокруг них. Некоторые коробейники являлись по существу агентами-закупщиками сырья для промышленности, в частности, коконов шелкопряда.

Из-за опасностей, подстерегавших на дорогах, торговцы старались держаться группами, те храбрецы, которые выходили торговать в одиночку, нередко не возвращались. Несмотря на мизерные доходы, коробейники, тем не менее, были постоянным объектом ограблений. Горные тропы и большие дороги Кавказа были полны разбойников. Нередко разбойники не удовлетворялись тем, что отнимали имущество и деньги, они убивали свою жертву.

Кроме коробейников были также горские евреи-лавочники: в большинстве своем они владели очень маленькими бакалейными или мясными лавками: собственный капитал владельца редко превышал 1000 рублей. Согласно данным И. Анисимова, в 1886 г. евреи владели более 200 лавок, большинство из них располагалось в аулах.

В конце XIX в. почти все мясные лавки в Дербенте принадлежали евреям. Это, кстати, служило поводом для антисемитских заявлений, как, например, в городской русской газете. Автор статьи утверждал, что мясники-евреи не продают неевреям хорошее мясо, и «настало время потребовать у евреев дать место и нееврейским мясникам».

Посетивший Нальчик в 1883 году Всеволод Миллер писал:

> *Евреи здесь занимаются не земледелием, а в основном — торговлей и ремеслами. Живут они, по-видимому, не бедно, не хуже европейских евреев научились ссужать деньги за божеские проценты, и местное население не питает к ним ненависти из-за того, что они занимаются ростовщичеством.*[16]

Но прошло всего 10 лет, и стали заметны изменения во взаимоотношениях евреев с окружающим населением. Кабардинские торговцы, открывшие

[16] Миллер, Ковалевский, 1884. С. 543.

свои ларьки, стали убеждать народ не покупать у евреев: в этой конкурентной борьбе они не раз прибегали к антисемитским доводам, утверждая, что все евреи — мошенники.

Такая же картина наблюдалась и в других районах Кавказа в начале XX в. В 1900 г. газета «Каспий» писала, что многие лавочники-евреи вынуждены вследствие недобросовестной конкуренции свертывать свое дело, закрывать лавки и возвращаться в свои аулы. Они могли продолжать торговое дело только там и до тех пор, где не появлялись лавки конкурентов-мусульман.

Российские чиновники также зачастую утверждали, что коробейники-евреи обманывают крестьян, используют их тяжелое положение, скупая у них по дешевке продукты. В русских газетах еврея-коробейника представляли зажиточным купцом, эксплуатирующим земледельца-труженика, говорилось о том, что следует «освободить крестьян от еврейской эксплуатации».

Вот как писал о торговле евреев Варташена Бежанов:

> *Одни из евреев торгуют на базарах, а другие являются разносчиками. Последние особенно удобны для женщин, которые не могут сами ходить на базар и выбирать товары по своему вкусу,— за это они и приплачивают: разносчик обыкновенно свои товары выменивает на пшеницу, коконы и т. п., за фунт коконов (40 коп.) дает один-два куска мыла (т. е. 8—16 коп.). Евреи и еврейки ничего не оставляют без внимания. Еврейки разносят по домам нюхательный табак, ходят для исполнения мелких домашних работ и уходят домой с полными узлами всего, чем может одарить ее щедрая варташенка. Раз еврей или еврейка зашли во двор,— они не выйдут с пустыми руками: хоть хворосту возьмут из сада. Благодаря этому, евреи, не имея ни клочка земли, богаче остальных местных жителей. Ростовщиков немало и между варташенскими евреями: они дают деньги за большие проценты, получают в два-три раза больше того, что дают, да сверх того, сколько у должника своего переберут кур, пшеницы, фруктов!* [17]

Торговцы-евреи не могли конкурировать с торговцами-мусульманами. От этой сопровождаемой клеветой конкуренции особенно сильно страдали мелкие торговцы. Крупных купцов, владевших большими магазинами или ведущих оптовую торговлю, эта конкуренция практически не задевала.

В 1886 г. во владении у горских евреев было 115 крупных магазинов: 56 — в сельской местности, 59 — в городах. Весьма популярной среди горских евреев была торговля тканями. В Кубе перед первой мировой войной 15 из 36 магазинов тканей принадлежали евреям, в том числе 4 — богатому купцу Мишаеву. В Темир-Хан-Шуре горским евреям принадлежали 5 из 27 магазинов тканей.

[17] Бежанов, 1894. С. 111—112.

В Дербенте перед первой мировой войной евреям принадлежали один из двух кожевенных магазинов, три из четырех мучных лабазов, один из четырех винных магазинов, крупный лесоторговый склад.

Некоторые области дальней и транзитной торговли также контролировали крупные еврейские купцы. Горские евреи легко завязывали контакты со своими соплеменниками за пределами Кавказа, они не идентифицировались ни с одной из политических сил, борющихся за власть в регионе, на горских евреев не распространялся закон о «черте оседлости» — все это позволяло представителям этой общины наладитьторговлю с Россией, с Турцией, с Ираном. В 1850-х гг. купцы — горские евреи ездили в Турцию и Иран, привозили оттуда товар, часть которого продавали в Россию.

В Кубе в конце XIX в. три четверти торговых фирм, занимавшихся импортом и экспортом, принадлежали евреям — Писаху Исхакову, Июбу Меирову и Рубину Урилову. Прежде всего, это была торговля знаменитыми кубинскими коврами, которые ткали таты в горных селениях в окрестностях Кубы, а еврейские купцы продавали по всему миру от Берлина до Стамбула. Семья Дадашева из Кубы занималась экспортом сухофруктов и свежих яблок.

Начиная с 1850-х гг. горские евреи стали ездить на российские ярмарки, в основном на Нижегородскую ярмарку. Бывали они и в Москве, и в Варшаве, где продавали марену, шелк, хлопок, пшеницу. Товар доставляли в один из портов на Каспии и оттуда везли по Волге.

Многие купцы владели также большими земельными участками. Самыми богатыми евреями Дербента в 1880-х годах были купцы первой гильдии Ханукаев и Азизов. Ханукаев получил от властей три благодарственные грамоты за вклад в развитие торговли Кавказа с Россией. Самым крупным еврейским купцом в Кубе в начале XX в. был Манувах Агаев.

Эти купцы сохраняли связи со своей общиной, были щедрыми жертвователями на нужды синагоги. В то же время они были основными носителями модернизации, одни из первых строили себе дома на европейский манер. Поскольку еврейские кварталы с плохими санитарными условиями и ветхими лачугами были неподходящим соседством для таких домов, богачи нередко строили себе дома в других районах города. Эти купцы и их дети говорили на русском языке, зачастую носили европейскую одежду.

ГЛАВА 6

Ремесло и промышленность

Восточный Кавказ всегда славился своими мастерами. Между прочим, таты, родственные по культуре горским евреям,— лучшие в этом регионе медники и ковровщики. Но для горских евреев ремесленное производство было исторически не характерно. Среди них были, конечно, и ювелиры, и жестянщики, и медники, были плотники, каменщики, портные, шапочники, сапожники — но все эти профессии не получили широкого распространения в еврейской среде. Характерно, что даже синагогальную серебряную утварь еврейские общины заказывали бродячим лезгинским ювелирам. И. Анисимов замечает, не без сожаления:

> *Так или иначе, приходится заметить, к сожалению, что у горских евреев нет никакого желания заниматься каким бы то ни было ремеслом. Их не привлекают даже и общекавказские, туземные ремесла. Сколько ни приходилось мне слышать о кавказском оружии, но, однако ж, не пришлось видеть ни одного горского еврея не только оружейного мастера, но и простого слесаря.*[18]

Единственное ремесло, которое всегда было характерно для горских евреев,— это обработка кож. Для традиционного общества вообще характерно, когда какое-либо ремесло или занятие целиком контролирует этническое или религиозное меньшинство. Например, в Средней Азии в XIX в. основной специальностью бухарских евреев было крашение пряжи. Кожевенным делом горские евреи занимались издавна. Обработка кож считалась непрестижным занятием из-за вони, которая была непременным атрибутом этой профессии. Таким образом, есть определенный социальный смысл в том, что это занятие, так же как и другие грязные работы, было закреплено в мусульманском обществе именно за горскими евреями.

В середине XIX в. кожевенным ремеслом занимались евреи в Тарках, Аксае, Буйнаке, Дербенте, Янги-Кенте, Темир-Хан-Шуре. Шкуры покупали на местных рынках или непосредственно у крестьян в окрестных аулах. Каждую весну горские евреи, занимавшиеся обработкой кож, отправлялись в горные

---

[18] Анисимов, 1888. С. 206.

аулы за шкурами. На рынках шкуры покупали за деньги, в аулах — меняли. В 1880-х гг. одна шкура стоила 25—50 копеек, а обработанная кожа шла за 1,5—2 рубля.

Кожи, изготовленные горскими евреями, славились на Кавказе. И. Анисимов отмечает:

Специалисты по обработке сырых шкур находят кожи и сафьян, изготовленные горскими евреями, очень порядочными и крепкими.[19]

Обработка кожи начиналась в проточной воде: мастер опускал кожу на камни в мелкую воду и ходил по ней босыми ногами. Один из путешественников так описывает труд кожевника:

Видел я одного еврея, обрабатывающего кожу. Он похож на древнего бога, танцующего босиком в холодной воде. Он одет в короткие штаны, на поясе висят цицит, на плече небольшое полотенце, которым он время от времени вытирает пот, который выступает у него на лбу и крупными каплями стекает с его лица в воду.

Затем следовало мять кожу руками. Делали это на крыше дома или перед входом в дом на улице. И. Черный писал, что из-за обработки кож на улицах еврейского квартала всегда стоит тяжелый запах. Кожу обрабатывали с использованием куриного помета, который кожемяки покупали в аулах либо сами, либо через коробейников. Мусульмане, когда желали оскорбить евреев, называли их обидной кличкой «тавук-пок» (куриный помет).

Поскольку почти весь процесс обработки кожи происходил на улице, то на зиму обработчики кожи должны были искать себе другое занятие. Они нанимались в работники к богачам или шли в коробейники.

Из обработанной кожи шили мягкую обувь, чувяки. Обработкой кожи занимались и женщины. Согласно данным И. Анисимова, в 1886 г. обработка кожи было ведущей отраслью в 17 из 36 поселений горских евреев. В Тарках, Карабудахкенте, Нальчике и Джегунтае этим занимались более 60% еврейских семей.

Шерсть с обработанной шкуры использовалась для производства пряжи, из которой вязали одежду для семьи и на продажу.

Во второй половине XIX в. еще одной сферой производства для горских евреев становится виноделие, хотя еще долгое время оно остается для них не главным занятием. Еще И. Черный отмечал, что на Восточном Кавказе армяне делают вино лучше, чем евреи.

Но с увеличением площадей виноградников многие евреи превратили виноделие в основной источник дохода, покупая для этой цели виноград у мусульман, которые не использовали его для производства вина по религиозным

[19] Анисимов, 1888. С. 205.

соображениям. К началу XX в. евреи уже умели производить вино, которое заслужило похвалы знатоков.

Обычно вино изготавливалось примитивным способом, но в некоторых местах были организованы настоящие заводы. Перед первой мировой войной в Дербенте из трех винодельческих заводов два принадлежали евреям: Бен-Натану Дадашеву и Бен-Ага Дадашеву.

Много вина у горских евреев покупали русские евреи, ведь оно было кошерное. Сохранилась переписка между раввином Яковом Ицхаки и раввинатом Минска, в котором подтверждается, что кошерным является все вино, которое производят горские евреи.

С расширением виноделия связано и бочарное производство, которое евреи также стали осваивать в конце XIX в. В конце 1880-х гг. 8 из 30 бочаров в Дербенте были евреи. Перед революцией в Дербенте было два бочарных завода, оба — во владении семьи Ханукаевых.

Производство мыла также считалось на Кавказе еврейской профессией. В конце XIX в. 13 из 15 мыловаренных заводов в Дербенте принадлежали евреям. В Хасавюрте главными производителями мыла также были горские евреи. Производимое ими так называемое «еврейское мыло» имело низкое качество. Это мыло местное население использовало для стирки белья вплоть до конца XIX в. Позже, когда на Кавказ стали доставлять дешевое мыло лучшего качества из России, немало семей, которые кормились этим промыслом, вынуждены были искать другой источник дохода.

В нескольких населенных пунктах горские евреи владели небольшими фабриками по производству бумаги, соды и извести. В начале XX в. богатые горские евреи стали вкладывать средства в ловлю рыбы в Каспийском море.

Можно привести данные о том, как распределялись доходы по профессиям среди евреев Кубы в конце XIX в., где тогда жило около трети всех горских евреев. Сельским хозяйством занимались 100 семей (35%), торговлей — 86 семей (30%), ремеслами — 37 семей (13%). Остальные были наемными работниками, грузчиками, служителями культа, музыкантами и т. д.

Многие евреи нанимались работать у землевладельцев в качестве сезонных батраков. В Кубе многие горские евреи нанимались в окрестные села во время жатвы. За день работы в разгар лета они получали 25—30 копеек, весной — 15—20 и зимой — 10—15 копеек. Батраками работали большинство горских евреев в Варташене и Мамраче.

Когда в 1890-х гг. строили владикавказскую железную дорогу, многие горские евреи работали на земляных работах. После окончания строительства немалая часть их осталась работать на железной дороге грузчиками и чернорабочими. Грузчик на железной дороге получал мизерную зарплату — 450 рублей в год (данные на 1914 г.), но он мог не выходить на работу в субботу. Поэтому многие евреи предпочитали железную дорогу заводу, хотя там зарплата была выше.

Один из горских евреев Баку писал своему брату в аул: «Работа на нефтеперерабатывающих и других заводах для нас закрыта, потому что там обязательно нужно работать в субботу и в религиозные праздники».

Но многие горские евреи, чтобы не умереть с голоду и прокормить семью, все же вынуждены были работать и в субботу. Накануне революции в Баку на предприятиях нефтяной промышленности чернорабочими работали 150 горских евреев.

Вообще, после «маренового кризиса» множество горских евреев вынуждено было перебраться в большие города, прежде всего в Баку, и искать случайный заработок, работая носильщиками, грузчиками, чистильщиками обуви и т. п.

Чтобы прокормить семью, на работу по найму выходили и женщины. Многие из них в начале XX в. были домработницами в семьях богатых евреев и неевреев.

Особого упоминания заслуживает детский труд. Часто еврейские дети были вынуждены идти работать с 10—12 лет, чтобы помочь родителям. Они работали вместе со взрослыми членами семьи в поле, помогали в торговле, шли работать на заводы и фабрики. На шелкомотальной фабрике в Варташене дети наравне со взрослыми приходили на работу в 4 утра и завершали ее в 7 вечера, при обеденном перерыве в полчаса. По 14 часов дети стояли у чанов с кипящей водой, в которых варились коконы шелкопряда. За эту изнурительную работу дети получали мизерную плату.

Многие семьи едва сводили концы с концами, и поэтому можно понять обращение раввина Темир-Хан-Шуры, который призвал общину купить землю в Дагестане для бедных еврейских семей, которые могли бы заняться земледелием, или помочь нуждающимся переехать в Палестину или Америку. Призыв остался призывом, экономическое положение горских евреев накануне революции продолжало ухудшаться.

ГЛАВА 7

Экономическая жизнь горских евреев в советский период

Наибольший интерес представляет экономическая история горских евреев в 1920—1930 гг., так как, с одной стороны, в этот период в экономическом положении евреев Восточного Кавказа произошли серьезные изменения, а с другой, именно тогда изменение экономического положения горских евреев стало предметом целенаправленных усилий властей.

Что касается послевоенного периода, то еврейское население в СССР перестало рассматриваться как группа со специфическими экономическими особенностями и интересами и, соответственно, по критерию экономической жизни горских евреев в этот период почти нельзя выделить как специфическую группу из остального населения городов Кавказа.

Экономическое положение горских евреев в 1920-х гг.

Во время гражданской войны на Кавказе, как и всегда во время войн в этом регионе, вновь интенсивно пошел процесс насильственного обезземеливания горских евреев. Из многих аулов была изгнана большая часть еврейского населения. Имеются данные о том, что в одном только Дагестане в период гражданской войны у горских евреев были отобраны тысячи гектаров земли. В таких городах, как Моздок, Кизляр, Нальчик и других у горских евреев также отобрали их земельные участки. По разным сведениям во время революции и гражданской войны горские евреи потеряли в общей сложности 4200 гектаров земли.

В 1922—1923 гг. в районах проживания горских евреев была сильная засуха, пропал даже тот небольшой урожай, на который рассчитывали крестьяне, в том числе евреи, которым удалось сохранить свои маленькие наделы. В 1923 г. град побил много плодовых деревьев, и многим евреям, существовавшим за счет выращивания и продажи фруктов, был нанесен большой ущерб.

Представители зажиточных слоев еврейского населения, привыкшие помогать беднякам, не могли теперь продолжить свою благотворительную деятельность, поскольку сами пополнили ряды этих бедняков. Часть из них

потеряла свое имущество во время войны, остальных разорила новая власть.

Многие города и деревни на Восточном Кавказе были разрушены во время боев, и в связи с этим остро встала жилищная проблема. Санитарные условия, которые и раньше были не самыми лучшими, стали совсем невыносимыми. В Дагестане в военный период насчитывалось около 200 тысяч голодающих, среди населения свирепствовали эпидемии. Немало жертв голода и повальных болезней оказалось и среди евреев. Это положение далеко не сразу изменилось и после установления в 1920 г. советской власти.

В городах еврейское, также как и нееврейское, население страдало от безработицы и свертывания торговли. Потеряв традиционные источники дохода, многие евреи уходили в города, где согласны были браться за любую работу, но разоренная экономика не могла обеспечить рабочими местами многие тысячи безработных людей.

В этой отчаянной ситуации руководство еврейских общин Дагестана решило обратиться к московским евреям с просьбой спасти их от смерти.

Сотни семей беженцев после войны пытались вернуться домой, однако, добравшись до своей деревни, обнаруживали, что дом их разрушен, имущество разворовано, а землю прибрали к рукам соседи. Не имея другого выхода, еврейские семьи все же пробовали каким-то образом прокормиться сельским хозяйством. В одной деревне двенадцать недавно вернувшихся семей вырыли землянки для жилья и арендовали у соседей землю и сельскохозяйственные орудия, обязавшись заплатить за каждую десятину около двухсот килограмм зерна и вспахать соседские поля за аренду инвентаря.

Относительно высокий доход приносило выращивание риса. Но в республике в это время шла борьба с малярией, и власти запретили заниматься этой культурой. Пришлось удовольствоваться менее прибыльными культурами. Несмотря на то, что крестьяне работали от зари и до зари, они часто не могли прокормиться из-за бремени долгов.

Неоднократно случалось так, что еврейские крестьяне были вынуждены, после всех затраченных усилий, возвращаться в города, чтобы продолжить существовать в качестве беженцев. Но и в городе прожить было очень трудно. Один из таких новых горожан, житель Кубы, с горечью описал свое положение такими словами: «Мы любим землю, но земли у нас нет. Мы работаем летом на неевреев и берем себе часть урожая, а зимой мы берем осла и едем в горы, в татские и лезгинские деревни, и продаем всякую мелочь, добывая себе еще рубль.»

Эта картина подтверждается результатами переписи, проведенной в городе Куба в 1926 г. Ее результаты показали, что евреи зарабатывают только летом, во время сбора урожая. За свою сезонную работу они получают 500—800 килограмм пшеницы. Зимой же многие из них подрабатывают тем, что

таскают на себе или перевозят на ослах вязанки дров, продавая каждую из них за 30—40 копеек.

Один из наших информантов рассказывал, как еще в начале 1930-х гг. он, работая в Красной Слободе учителем, батрачил вместе с остальными слободскими евреями на жатве в окрестных азербайджанских деревнях.

Немногим лучше было положение тех еврейских крестьян, которые арендовали у городских властей Кубы 2—3 гектара земли и обрабатывали их на своих лошадях. Эти наделы не могли прокормить семью, поэтому их владельцам все равно приходилось зимой наниматься на любую работу, какая подвернется. Тем не менее, эти семьи считались зажиточными.

Во всей республике Дагестан в середине 1920-х гг. насчитывалась всего 21 еврейская семья, владевшая пятью и более гектарами земли, отданной под виноградники. Подавляющее большинство виноградарей имели крошечные участки. Они не могли сами обрабатывать свой урожай, производя вино, поскольку у них не было необходимых орудий труда. Поэтому они были вынуждены продавать по крайне низким ценам снятый урожай. Таким образом, большая часть «удачливых» евреев, владеющих землей или же арендующих ее у властей, были почти такими же бедняками, как и все остальные.

Во времена нэпа часть еврейского населения вернулась к своему традиционному ремесленному труду. Некоторые евреи в Кубе были ювелирами, портными, сапожниками. У всех у них была проблема с сырьем, и поэтому они были вынуждены кочевать от деревни к деревне в поисках заказов. Их положение тоже было незавидным в связи с общим обнищанием населения.

В годы нэпа многие горские евреи пытались зарабатывать на жизнь торговлей. В их числе были также и те, кто до революции занимался исключительно сельским хозяйством. И действительно, во многих случаях торговля оказывалась для евреев единственным способом свести концы с концами. Вот как описывалась в одной из газет работа этих бродячих торговцев:

> *Весь товар такого торговца умещается в небольшой корзине и состоит из медных пуговиц, ниток, иголок и других подобных вещей. С этим товаром он ходит по деревням и выменивает его на картофель и другие плоды крестьянского урожая, а если повезет, продает его за деньги.*[20]

Доходы торговцев были мизерными. Семья считала себя счастливой, если ее кормилец приносил в конце дня 10—15 копеек. Не многим лучше было положение городских торговцев, в частности, жителей Кубы. В середине 1926 г. около 25% евреев Еврейской Слободы зарабатывало на жизнь торговлей, но лишь совсем немногие были хозяевами магазинов, торговавших

[20] Альтшулер, 1990. С. 273.

коврами, специями и кожей. Большинство владели крошечными галантерейными магазинчиками, причем один такой магазинчик принадлежал нескольким семьям. 60% тех, кого причисляли к торговцами, были попросту коробейниками, ходившими по деревням со своим товаром. Даже те из них, кто обладал официальным удостоверением торговца, были очень бедны, хотя и считались «зажиточными» на фоне общей нищеты. В 1927 г. в Дагестане всего 274 еврейские семьи имели разрешение заниматься торговлей, и доход этих «богачей» очень редко превышал 30 рублей в год. Во второй половине двадцатых годов политика советской власти разорила и их.

В конце нэпа власти проводили политику, которая заключалась в полном подавлении частных форм торговли и относительной поддержке торговых кооперативов. В сотнях кавказских деревень открывались кооперативные магазины, в которые поставлялся товар по субсидированным ценам. Одновременно на частных торговцев налагались тяжелые поборы, имевшие целью их разорить. Вследствие подобной политики была полностью разрушена инфраструктура частной торговли, что нанесло огромный ущерб горским евреям, добывавшим себе пропитание хождением по деревням в качестве коробейников. Торговля по-прежнему оставалась для многих из них единственным источником дохода.

В 1932 г. в Кубе, да и в других городах, каким-то чудом сохранялось еще несколько частных лавочек, в то время как еще в 1929 г. торговля кормила не менее 40% евреев в таком крупном центре, как Дербент. Однако на частную торговлю оказывалось все усиливающееся давление со стороны властей, и к середине 1930-х гг. легальная торговля уже перестала быть одним из существенных источников доходов горских евреев.

Количество наемных рабочих, являющихся членами профсоюзов среди горских евреев, было незначительно. Перепись 1926 г. в городе Куба не выявила ни одного еврея — члена профсоюза, а по всей республике Дагестан таковых оказалось всего 494 человека — 2% от всей численности местных профсоюзов, в то время как евреи составляли 13% населения. Но из этого числа на самом деле работали на момент переписи лишь 138 человек. Даже когда промышленность республики начала расширяться, лишь немногие горские евреи работали на промышленных предприятиях. В 1929 г. в дагестанских профсоюзах числилось 893 еврея (2,5% от всего количества членов профсоюзов в республике), в то же время около двух тысяч горских евреев работало в качестве сезонных рабочих.

Результаты обследований, проведенных в Кубе, а также среди евреев Моздока, Нальчика и в республике Дагестан, указывали на то, что в 1926—1927 гг. по всей республике Дагестан в сельском хозяйстве было занято 37,4% горских евреев, в Нальчике — 57,1%, в Кубе — 63,0% и всего 2,9% в Моздоке. Торговлей в республике Дагестан занималось 11% евреев, среди ремесленников доля евреев составила 8,6%. 26,7% евреев Дагестана не имело никаких источников существования. В еврейской общине Нальчика таких бедняков было 17,9%, Кубы — 20%, Моздока — 26,8%.

В конце концов, власти поняли, что необходимо предпринять какие-то шаги для улучшения положения беднейших слоев населения. Поскольку большинство горских евреев были горожанами, естественно было бы поддержать ремесленников. Однако ремесло в районах проживания горских евреев развивалось крайне медленно, а промышленность долго не могла оправиться от потрясений и разрушений, постигших ее в годы гражданской войны. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. основное внимание уделялось восстановлению сельского хозяйства, которое было объявлено прямой дорогой к экономическому оздоровлению общин горских евреев.

Землеустройство горских евреев

«Экономическое оздоровление» общин горских евреев посредством укрепления сельского хозяйства шло двумя путями: во-первых, посредством стимулирования их переселения в сельские поселения Крыма и в Биробиджан, и, во-вторых, путем выселения из городов и отправки в сельские районы на территории Кавказа.

Переселение в Крым

В 1924 г. впервые были получены известия о том, что для евреев имеется возможность переселиться в Крым. Среди горских евреев появился даже слух, что это связано с переселением евреев в Эрец Исраэль, и что туда вскоре отправятся корабли из Одессы.

Для властей готовность горских евреев к перемене места жительства была фактором, способствующим осуществлению их планов. Летом 1925 г. первая группа численностью в двадцать семей была направлена в крымский город Джанкой. В 1926 г. туда прибыло еще 25 семей из Азербайджана, в 1927 г. — еще 50 семей.

Прибывшие первыми сообщили родственникам о том, что они благополучно устроились, и среди горских евреев развернулось движение за переселение в Крым. Оно еще больше расширилось после публичного выступления в Баку известного большевика Семена Диманштейна, руководителя Еврейской секции при Комиссариате по делам национальностей. После его выступления в Баку около двухсот еврейских семей записались в число кандидатов на переселение. Но организаторы смогли отправить лишь 35 семей, что породило большое разочарование среди оставшихся.

Слухи о переезде в Крым распространились по деревням в окрестностях Баку, и выстроились огромные очереди желающих внести свое имя в списки переселенцев. Люди особенно уповали на слухи о том, что каждому вновь прибывшему в Крым выделяется участок земли. Люди мечтали выбраться

из Азербайджана еще и потому, что в их памяти еще были свежи погромы гражданской войны.

Ожидая переезда, крестьяне не стали засевать поля. Все их чувства, все надежды и планы были связаны с обещанным переселением. Однако энтузиазм сразу улегся после того, как выяснилось, что переселять будут не только в Крым, но и в Биробиджан. В 1928 г., в праздничной атмосфере, из Азербайджана уехало 97 семей горских и ашкеназских евреев, из них 81 — в Крым и 16 — в Биробиджан.

В Крыму, на новом месте, однако, не все пошло так гладко, как представлялось заранее. Условия жизни были очень тяжелыми. Сразу же возник антагонизм между европейскими и горскими евреями. Не удивительно, что четверть поселенцев вернулись на свои прежние места проживания, и, как писали газеты того времени, начали «клеветать по поводу условий существования поселенцев в Крыму, для того чтобы оправдать свою неприспособленность к трудностям и к работе». Идея переезда перестала вызывать энтузиазм, и люди стали искать возможностей продолжать жизнь на Кавказе, к климату и условиям жизни которого они привыкли.

Миграция горских евреев из Азербайджана, Дагестана и северного Кавказа в Крым продолжалась в 1929—1930 гг. В этот период туда отправилось еще несколько десятков семей. В 1930-х гг. власти проводили среди горских евреев усиленную агитацию за переезд в Биробиджан. Однако особого энтузиазма эта идея не вызывала, и всего несколько молодых семей решились попытать счастья на Дальнем Востоке. В частности, в 1932 гг. из чеченского округа туда отправилось 11 человек. Провалы в работе по отправке переселенцев пытались списать на трения среди работников ОЗЕТа. Как бы то ни было, переезд на новое место жительства практически не решил проблему плачевного экономического положения горских евреев.

В начале 1930-х гг. в Крыму существовало всего два колхоза, в которых большинство колхозников были горскими евреями. В колхозе, названном именем деятеля Евсекции Абрама Мережина, насчитывалось 75 семей. После ареста Мережина в 1937 г. колхоз стал носить имя Шаумяна. Еще в одном колхозе, «Захметкеш» («Трудящийся») в то время насчитывалось 125 еврейских семей (ашкеназских и горских).

Землеустройство на Кавказе

Перевод горских евреев «на землю» осуществлялся посредством выделения земли новым еврейским поселениям, а также передачей уже существующим общинам дополнительных земель. В разных районах на Северном Кавказе, в Дагестане и в Азербайджане землеустройство осуществлялось разными путями. Рассмотрим процесс землеустройства в каждом из этих регионов по отдельности.

а) Северный Кавказ

Инициатива выделения властями сельскохозяйственных земель горским евреям Северного Кавказа исходила от самой еврейской общины. Как только было получено сообщение о возникновении КОМЗЕТа, в Москву отправились два ходока из Кисловодска. Они обратились с просьбой включить в состав КОМЗЕТа представителя горских евреев и назначить комитет, который исследовал бы экономическое положение горско-еврейских общин.

В мае 1926 г. евреям было выделено 2870 гектаров земель в 25 км от Моздока. Прежде эта земля принадлежала местному землевладельцу. На территории выделенного участка находился колодец, два каменных здания и несколько хозяйственных построек, в которых временно расселились новые жители. В 30 км от этого места власти выделили еврейским поселенцам еще 5150 гектаров. Всего на этих двух территориях должно было разместиться 500 семей, то есть более 2500 человек.

Для начала было выбрано 138 семей переселенцев. Их отправка происходила в два этапа: сначала переселялось 60 семей, которые должны были начать обрабатывать землю осенью 1927 г. Остальные отправлялись вслед за ними весной 1928 г. 60 семей первопроходцев разделили на шесть кооперативов, по тому же принципу организовалась вторая группа, и вместе они образовали ядро будущего поселения «Возрождение».

Осенью 1927 г. первые 63 семьи осели на земле, выделенной возле Моздока, и в начале 1928 г. к ним присоединились еще 14 семей. Полные энтузиазма, горящие желанием улучшить свою жизнь, поселенцы немедленно начали пахать и сеять, однако им удалось обработать лишь половину выделенной им земли. Зима 1927—28 гг. выдалась очень суровой, а весной на посевы напали вредители. В результате урожай получился мизерным, и накануне зимы 1928—29 гг. над переселенцами нависла угроза голода.

Переселенцы жили в каменных домах, которые по проекту были общественным зданиями и не предназначались для жилья. В то время как мужчины работали в поле, женщины и дети, включая 9—12-летних, занимались подготовкой стройматериалов, в основном саманных кирпичей. Недостаток лошадей и нехватка воды очень затрудняли работу. Несмотря на все усилия, поселенцы не успевали заготовить достаточно кирпичей, поэтому были вынуждены взять наемных рабочих-неевреев. Таким образом, их «строительный бюджет» вышел за запланированные рамки. По проекту строительство деревни должно было закончиться осенью 1927 г., и его окончание планировалось приурочить к десятой годовщине советской власти. Но эти сроки не могли быть выдержаны. К концу 1927 г. было построено всего 22 жилых дома, в 1928 г. — еще 32. Каждый дом имел площадь 27—30 кв. м. Из-за недостатка жилья в одном доме селилось по две семьи. Некоторые семьи были вынуждены провести морозную зиму в землянках.

Осенью 1928 г. было решено переправить в новую деревню еще 78 семей, которые, однако, не торопились выполнять решение властей и оставались в Моздоке.

Сельхозкооперативы были пустой формальностью, вскоре каждая семья вела свое хозяйство отдельно, иногда, впрочем, 2—3 семьи объединялись и работали вместе. Летом 1927 г. еврейские колхозники получили в дар от властей 45 лошадей, 2 коровы и 45 коз, также сельскохозяйственные орудия и даже три американских трактора. Среди переселенцев не нашлось специалистов по этой технике, и четверо парней были отправлены в Пятигорск на курсы трактористов. Американская техника не подходила к местным условиям, и эти современные орудия труда использовались далеко не в полную силу. Так как каждая семья заботилась в первую очередь о собственном урожае, трактора и другие колхозные машины хранились в неподходящих условиях.

Поселенцы выращивали кукурузу, подсолнечник, овес, арбузы. Некоторые из крестьян, те, что побогаче, приобрели скот в дополнение к выделенному властями. Через некоторые время в наиболее состоятельных хозяйствах деревни были уже десятки коз и сотни кур.

В 1928 г. КОМЗЕТ основал «Сельскохозяйственное кредитное общество», а в деревне открыл магазин. До этого продукты покупали в армянской деревне, расположенной в восьми километрах от поселения.

Для ремесленников, которые так и не смогли перейти к сельскохозяйственному труду, в поселении было создано несколько мелких кооперативов сапожников и скорняков: власти поставляли им сырье. В конце концов, тяжелый труд поселенцев и поддержка властей привели к некоторому улучшению их экономического положения, во всяком случае, по сравнению с теми условиями, в которых они жили, будучи беженцами в Моздоке.

Успеху поселенцев из Моздока, построивших почти нормальную деревню, в немалой степени способствовала активная деятельность председателя окружного отделения ОЗЕТа М. Ганштака, поэтому поселенцы между собой называли свою деревню Ганштаковкой.

Второе еврейское поселение оказалось в более тяжелой ситуации. Оно не получило поддержки властей. Во главе земельного отдела стоял некто Мацюк. Отдел стал центром пропаганды против поселенцев, распространяя слухи, что евреи занимают землю незаконно. В конце 1927 г. Мацюк не пустил представителей ОЗЕТа на подведомственные ему земли и не дал им возможности произвести замеры. Он пытался не допустить рытья колодцев. Когда, несмотря на его противодействие, на выделенные земли прибыли агрономы, чтобы подготовить их к посевам, он чинил им всяческие препятствия. В конце концов, вмешались центральные органы ОЗЕТа, после чего Мацюк был смещен с должности, и жизнь еврейского поселения начала налаживаться.

Весной 1927 г. началось рытье первого колодца. Предполагалось, что осенью того же года земля будет готова принять первых жителей. Однако колодец

не был готов даже к концу 1927 г. Около половины земель предназначались для людей, которые жили тем временем в очень тяжелых условиях в деревне Джагонай в Армавирском округе. Каждой семье было выделено по 500 рублей от ОЗЕТа и еще по 200 от поселенческого отдела округа, а всего здесь предполагалось поселить 350 семей. Однако, в связи с тяжелыми условиями, лишь 35 семей согласились стать поселенцами. К середине 1928 г. на новой территории проживало 60 семей.

Поселенцы жили в шалашах и возили воду из водохранилища, расположенного от них в 10 км. Единственный действующий колодец с трудом обеспечивал питьевой водой поселенцев и 55 лошадей. На приготовление кирпичей воды уже не хватало. Зима приближалась, а к строительству домов еще не приступили. При недостатке воды поднимать сельское хозяйство не было никакой возможности, и поселенцы являлись фактически наемными рабочими. Их зарплата на самом деле считалась ссудой, которую надо было вернуть из первого урожая. ОЗЕТ из своих фондов платил еще по 10 рублей каждому рабочему и по 30 рублей его семье, но и эти деньги тоже считались ссудой.

Трудности поселенцев вынудили местные власти также предпринять некоторые шаги. Горсовет Грозного выделил в 1927 г. около 300 гектаров 50 семьям горских евреев и организовал их в кооператив. Однако из-за недостатка средств дело стояло на месте, и только после получения ссуды в 3000 рублей в 1928 г., на которую был приобретен инвентарь, они начали обрабатывать землю.

В 1930 г. поселенцы, которые все еще проживали в городе, были объединены в колхоз под названием «Красный Горец». Рабочий совет Кабардино-Балкарии также решил к этому времени переселить «на землю» часть горских евреев, проживавших в городе Нальчик. Однако это решение осуществлено не было. Таким образом, фактически операция по превращению горских евреев в колхозников была проведена успешно только в окрестностях Моздока. В 1927—28 гг. в двух еврейских колхозах около Моздока жило в общей сложности 198 семей горских евреев.

На фоне многих неудач, в атмосфере сваливания вины друг на друга, в декабре 1928 г. в Ростове прошла конференция ОЗЕТа. На ней были высказаны претензии к центральным властям по поводу того, что «наверху» увлечены идеей переселения евреев в Биробиджан и ничего конкретно не делают для евреев Кавказа. Центральные власти, в свою очередь, обвинили местное отделение ОЗЕТа в том, что оно послало поселенцев на выделенные земли, не позаботившись прежде о поставках воды, и, таким образом, провалило всю операцию. На местный ОЗЕТ возложили ответственность за бегство многих поселенцев из колхоза, и предложили более интенсивно развернуть движение за организацию еврейских земледельческих поселений.

К засушливым землям, выделенным поселенцам, провели ветвь оросительного канала, что позволило решить одну из важнейших проблем — поставку воды. Поселенцы могли теперь изготовить строительный материал для

возведения домов, и на 1929 г. было запланировано строительство 162 жилых домов. Во всех домах обоих поселений, в соответствии с отчетом побывавшей на месте санитарной комиссии, «было чисто и убрано; стены и пол оштукатурены, окна вымыты, и везде царит порядок». Большинство из них были покрыты жестяной или даже черепичной крышей.

12 января 1929 г. в Ганштаковке были проведены выборы в местные органы власти. На первое место выдвигались те, кто состоял в компартии или комсомоле. В первый еврейский сельсовет были избраны пять коммунистов и комсомольцев и еще пятеро беспартийных, рекомендованных партией. Партийные инстанции внимательно следили за «идейной чистотой кадров». Несмотря на то, что сельсовет являлся местным советом поселения горских евреев, работу в нем вели на русском языке, и местные жители, не знающие русского, сталкивались с серьезными трудностями.

Местный областной совет был подвергнут критике «сверху» за «ошибки при подборе кандидатов в поселенцы: эти ошибки были использованы врагом». По утверждению Всероссийского телеграфного агентства (РОСТА), в колхоз попали люди, лишенные избирательного права («лишенцы»), которые при помощи переезда на новое место пытались исправить свой социальный статус. У этих людей было отнято право становиться поселенцами, и в результате пострадала сама идея поселений, поскольку «лишенцы» (торговцы, лица без профессии и т. п.) составляли основную прослойку среди тех горских евреев, которые с охотой переезжали в поселения.

В середине 1929 г. местный партийный комитет Терского округа вынес постановление о деятельности ОЗЕТа. Партия требовала проведения в еврейских поселениях «общественной деятельности», а также антирелигиозной пропаганды и борьбы за «новый образ жизни». Это постановление означало замену еврейских праздников советскими, превращение субботы в рабочий день и т. д. В 1930 г., во время коллективизации, давление на поселенцев усилилось. Первые шаги в направлении коллективизации в Ганштаковке были проведены уже в конце 1929 г. Именно тогда здесь был официально создан колхоз под названием КИМ («Коммунистический Интернационал Молодежи»). В него вошли все жители деревни.

Второе поселение стало называться Богдановкой. В ней был создан колхоз «Дружба», в который записалось 85% жителей поселения. Председателями обоих колхозов были горские евреи. В колхозах продолжалась борьба с «чуждым элементом». На татском языке были опубликованы призывы к поселенцам «изгнать из своих рядов вредителей». В результате из Богдановки был изгнан один из лидеров поселенцев, Пинхасов, а все его имущество, включая дом, было экспроприировано.

С образованием колхозов полностью изменился стиль жизни поселенцев, которые находились теперь под контролем и были вынуждены подчиняться строгой дисциплине. Прежде в зимний период многие покидали поселение и возвращались в него весной. Теперь же вышло постановление о том, что каждый, кто не вернется в деревню до 10 марта — срока начала

весенних работ — будет автоматически исключен из числа жителей деревни. В результате численность двух еврейских колхозов сократилась.

Как следствие политики «советизации жизни» колхозники были вынуждены отныне работать в еврейские праздники — все, включая стариков. В результате всего этого в марте 1930 г. в Ганштаковке осталось всего 93 семьи поселенцев, а в Богдановке — 111, по сравнению с 354 семьями в 1929 г.

Сельское хозяйство стало для жителей двух еврейских деревень единственным законным источником доходов. Однако, чтобы прокормиться, необходимы были вспомогательные заработки. Но с момента образования колхозов занятия ремеслом были запрещены, несмотря на то, что заработка колхозников не хватало для того, чтобы свести концы с концами. Поэтому многие поселенцы были вынуждены подрабатывать ремеслом подпольно. Достаточно было колхознику попасться на таком «бизнесе», чтобы его выгнали из колхоза и экспроприировали его имущество. Прибавились и политические проблемы: в начале 1933 г. в Богдановке начали выискивать «кулаков». Таких случаев было множество. Неудивительно, что многие только и мечтали, как бы избавиться от колхозной жизни. Это привело к дополнительному отсеву жителей.

В последующие годы тенденция к сокращению числа еврейских колхозников на северном Кавказе сохранилась. Последние имеющиеся данные относятся к 1934 г., и они указывают на то, что к этому времени в двух деревнях осталось 195 семей, из них в Ганштаковке — 70 и в Богдановке — 125.

Колхозы горских евреев подчинялись системе центрального планирования, в связи с чем их члены были вынуждены заняться, например, разведением свиней. Естественно, вначале многие были недовольны, но постепенно привыкли и даже достигли определенных успехов в новых для себя отраслях. В 1933 г. колхоз Богдановка занял второе место в районе по урожаю пшеницы и кукурузы, а Ганштаковка удостоилась знака отличия за то, что собрала по 7 килограмм урожая на каждый день работы.

Несмотря на значительное улучшение жизненных условий поселенцев по сравнению с начальной порой, утечка кадров продолжалась. В первую очередь колхозы покидала молодежь.

Еврейские колхозы в окрестностях Моздока закончили свое существование во время войны: их жители были уничтожены во время немецкой оккупации Северного Кавказа.

б) Дагестан

Вопрос землеустройства горских евреев в Дагестане был достаточно сложен в силу следующих причин:

— Очень большое число еврейских беженцев, изгнанных во время гражданской войны из своих деревень;

— Острая нехватка земель — большинство населения проживало в горах, где пригодной для обработки земли было очень мало;

— Более сильная, чем где бы то ни было, ненависть местного населения к евреям.

В 1925 г. из Дагестана в Москву прибыла делегация от восьми горско-еврейских деревень. Во главе ее стоял Соби Антилов, бывший красный партизан. Делегация пришла на прием к Калинину и ознакомила его с бедственным экономическим положением горских евреев. Одновременно Самурский, председатель исполкома Республики Дагестан, послал Калинину письмо с просьбой поспособствовать тому, чтобы средства, выделяемые Джойнтом, пошли также на нужды горских евреев.

Делегации удалось обратить внимание некоторых высокопоставленных лиц на свои проблемы: 30 мая 1925 г. состоялось внеочередное заседание Комитета содействия сельскому хозяйству при Верховном Совете СССР. Оно вынесло решение о выделении горским евреям 80000 рублей в виде ссуды на пять лет, и еще 20000 рублей для закупки скота, тоже в качестве ссуды, на три года. Комитет постановил, что максимальная сумма, которая будет выделяться каждому частному хозяйству, составит 250 рублей.

Власти Дагестана, однако, не были согласны, чтобы помощь досталась исключительно евреям, поэтому было объявлено, что ее могут получить как мусульманские, так и еврейские крестьяне.

В состав комиссии по распределению ссуды не включили ни одного еврея. Что касается еврейских беженцев из деревень, собравшихся в Дербенте, то было вынесено постановление о том, что «к ним следует относиться с особой осторожностью и расследовать каждый случай в отдельности». Было решено на первом этапе не выделять им никакой помощи.

Подкомиссия, изучавшая положение жителей аула Араг, вынесла следующее постановление:

> *Еврейское население не пострадало в результате гражданской войны и покинуло это место по собственному желанию, продав свои дома. Оставшиеся на месте четыре семьи заняты не сельским хозяйством, а мелкой торговлей по окрестным деревням. В прошлом они тоже никогда не занимались сельским хозяйством. Однако, их положение очень тяжелое — большинство из них нищие.*[21]

Ссуды, выданные еврейским семьям, находящимся в отчаянном положении, дали короткую передышку, однако они никак не могли способствовать решению основной проблемы — нехватки пригодных для обработки земель. Поэтому программы помощи еврейским крестьянам по месту их жительства с самого начала были сняты с повестки дня. Оставался единственный выход — развитие сельского хозяйства на новых местах. В 1927 г. З. Островский посетил Дагестан в качестве представителя центральных властей, и благодаря его стараниям был создан местный

[21] Альтшулер, 1990. С. 287.

КОМЗЕТ для содействия горским евреям-крестьянам в Кизлярском и Дербентском районах.

Кизлярский район был присоединен к Дагестану в 1923 г. Пустыня, расположенная в его западной части, оказывает сильное влияние на местный климат: зимы очень холодные, лето сухое и жаркое. Сельское хозяйство в этих местах полностью зависит от искусственного орошения. Местное, довольно немногочисленное, население состояло из казаков.

Для еврейских поселений в этом районе местные власти выделили в 1927 г. 4000 гектаров земли в 30 км от Кизляра, где располагалась ближайшая железнодорожная станция. В последующие годы земли, выделенные евреям, были расширены, и к концу 1920-х гг. их площадь составила приблизительно 10 400 гектаров. Эти территории предназначались для 500 семей, и их предполагалось в праздничной обстановке передать поселенцам в мае 1928 г.

На первом этапе, то есть уже в 1927—28 гг., изъявили желание переселится первые 265 семей. Среди переселенцев главы 106 семей были ремесленниками, 66 — крестьянами, 53 — рабочими. Лишь главы 40 семей из 265 были торговцами или лицами без профессии. Весной 1927 г. первая группа переселенцев, состоящая из 190 семей, прибыла в район казацкой станицы Купаи и основала два поселения, которые были названы Ларин и Калинин.

В июле ОЗЕТ направил к поселенцам агронома И. Айзенштата, который одновременно исполнял обязанности представителя как ОЗЕТа, так и КОМЗЕТа Дагестана. Еженедельно он приезжал из Кизляра в еврейские поселения и проводил в них по два-три дня, давая наставления по поводу сельскохозяйственных работ и разбирая местные споры. Он же ходатайствовал по делам еврейских крестьян перед властями.

Новые поселенцы разделились на коммуны, которые, впрочем, долго не просуществовали. К 1928 г. оставалась всего одна коммуна в поселении Ларин, состоящая из 11 семей. Коммунары жили все вместе в двух каменных домах, которые сами построили, и питались в коллективной столовой. Члены этой коммуны были первыми, кто начал работать на тракторе и других сельскохозяйственных машинах. Однако они составляли меньшинство. Остальные переселенцы вели частное хозяйство.

Несмотря на острую нехватку воды, благодаря тяжелому труду поселенцев уже к концу 1928 г. было полностью построено 84 жилых дома и еще 38 находилось в процессе строительства.

На ссуды и денежную помощь ОЗЕТа и КОМЗЕТа было приобретено два трактора и другие необходимые сельскохозяйственные орудия. Оборудования у поселенцев оказалось значительно больше, чем в соседних казацких станицах.

С самого начала поселенцы страдали от предвзятого отношения, как со стороны властей, так и со стороны соседей — жителей расположенных рядом деревень. Они почувствовали это сразу же, как только выявились проблемы

со снабжением водой. Вода для полива поставлялась к ним по ирригационному каналу из Терека. Этот канал проходил через соседние села. Власти Дагестана были обязаны предоставить еврейским поселенцам достаточно воды для полива 1000 гектаров. На ремонт ирригационной системы выделил деньги всесоюзный КОМЗЕТ, однако до самой середины 1929 г. местный комиссариат Республики Дагестан не предпринял никаких мер для начала ремонтных работ.

Вода поступала на еврейские поля в недостаточном количестве. Соседи разрушили плотину на Тереке, что привело к падению уровня воды и снижению эффективности канала, ведущего в еврейскую деревню. Они поворачивали на свои поля воду, предназначенную для еврейского поселения.

Собственно, это была обычная, принятая в тех краях кража воды, и ее причины не обязательно коренились в антисемитизме. Однако было несколько случаев, когда соседи попросту разрушали ирригационную систему таким образом, что сами не получали от этого никакой пользы. Ясно, что единственной их целью было навредить евреям.

Вследствие недостатка воды урожай оказался гораздо меньшим, чем ожидалось. Весной 1928 г. было засеяно 310 гектаров, урожай же собрали только со 115: все остальное было погублено засухой. Урожай на семью поселенцев, состоявшую в среднем из пяти человек, составил 130 кг пшеницы, 90 кг кукурузы и 70 кг картофеля. Уже летом 1928 г. стало ясно, что положение еврейского поселения в районе Кизляра очень тяжелое.

Зимой 1928—29 гг. еврейское поселение постиг жестокий голод. Благодаря энергичному вмешательству агронома Айзенштата городские власти Кизляра решили выделить поселенцам 35400 кг муки по официальным ценам. Это могло бы спасти людей от голода, но многие не имели денег на то, чтобы выкупить положенную им долю.

Кроме того, в поселении не было магазина, и за продуктами приходилось ходить к соседям, которые не стеснялись демонстрировать свою неприязнь к евреям. В конце концов, поселенцы собрали деньги и при помощи ОЗЕТа открыли собственный кооперативный магазин.

К концу зимы 1928—29 гг. многие поселенцы покинули деревню, из 265 семей осталось 87. Дагестанский обком партии вынес специальное постановление о том, что местные власти, а также всесоюзный КОМЗЕТ не уделили должного внимания поселению горских евреев возле Кизляра, а органы советской власти и коммунистической партии не предприняли необходимых шагов для того, чтобы предотвратить антисемитские выходки со стороны жителей соседних деревень. В центральной газете Дагестана появилась статья, содержащая призыв решить проблему еврейского поселения, наказать виновных во вредительстве и усилить партийный контроль над событиями, происходящими вокруг деревни горских евреев возле Кизляра. Было объявлено, что в деревне будет создан собственный, еврейский сельсовет.

27—30 августа 1929 г. специальная комиссия совнаркома Дагестана проверила ситуацию в еврейском поселении и выяснила, что засеять удалось всего 220 гектаров из 1000, но и на них не хватило воды, и лишь с половины этой площади был собран урожай. На основании данных, собранных комиссией 16 сентября 1929 г., правительство Дагестана приняло решение свернуть поселение возле Кизляра, а людей переправить на территорию, выделенную в районе Дербента. Так, после трех лет страданий и голода, закончилась история поселения сотен семей горских евреев в районе Кизляра.

Власти Республики Дагестан принялись усиленно искать новые способы занять евреев сельским хозяйством. Нескольким семьям из Махачкалы выделили небольшие частные участки. В 1929 г. был создан еврейский колхоз имени Сталина. Нескольким десяткам еврейских семей было выделено 380 гектаров земли возле Буйнакска, и они тоже были объединены в колхоз. Однако эти два колхоза очень быстро перестали быть «еврейскими», поскольку, с одной стороны, они быстро оказались разбавлены нееврейскими семьями, а, с другой, часть евреев покинула их.

в) Азербайджан

Если на северном Кавказе и в Дагестане горских евреев, как правило, «землеустраивали» на невозделанных землях, то в Азербайджане расширяли земельную собственность еврейских общин около их исконных поселений.

В сентябре 1925 г. в Баку несколько еврейских семей объединились в поселенческий кооператив под названием «Новая надежда». Многие из них бросили свои прежние занятия и продали часть имущества, чтобы заплатить вступительный взнос. Члены кооператива пытались заняться сельским хозяйством на территории Северного Кавказа, однако быстро выяснилось, что выделять им там землю никто не собирается. Много горских евреев в Азербайджане осталось без заработка, в связи с чем в октябре 1925 г. в Москву была послана специальная делегация. Она просила, чтобы судьба горских евреев Азербайджана была решена в рамках программы строительства новых сельскохозяйственных поселений. Однако эта миссия не увенчалось успехом, и местные власти продолжали возвращение евреев-крестьян на их прежнее место жительства.

В 1925 г. власти Кубы выделили горским евреям те же земли, которыми они владели прежде. 300 гектаров земли были поделены между 160 семьями, но многим из них оказалось не под силу обработать свой участок, как в связи с нехваткой рабочей силы, так и вследствие неспособности платить арендные взносы. Стоит упомянуть, что почти вся земля в окрестностях города была передана местным крестьянам даром, только евреи вынуждены были оплачивать аренду.

Еще один участок земли площадью в 900 гектаров был выделен 250 еврейским семьям, но в их хозяйствах было лишь две лошади на всех. Им не удалось обработать землю, на них был наложен налог в размере 2700 рублей, который они не способны были собрать. Эти действия местных властей вызвали обращение с жалобой в ОЗЕТ, благодаря вмешательству которого налог был отменен.

Участки, выделенные еврейским крестьянам на территории Азербайджана, имели общую площадь в 2000 гектаров и предназначались для передачи 700 семьям, составлявшим 34% от всего количества горских евреев республики.

28 ноября 1926 г. власти республики Азербайджан приняли постановление о том, что народный комиссариат сельского хозяйства должен по возможности положительно отнестись к просьбе евреев Кубы о выделении им земли в окрестностях города. Одновременно народному комиссариату было поручено сотрудничать с ОЗЕТом по вопросу выделения поселенцам необходимых средств.

Но решение народного комиссариата сельского хозяйства Азербайджана о передаче горским евреям земель помещика Тагиева площадью 700 гектаров, расположенных недалеко от Кубы, встретило сопротивление республиканского комиссариата образования, который хотел получить эту землю для строительства на ней сельскохозяйственной школы. Евреям были предложены земли очень далеко от города. Возник конфликт, который пытался уладить представитель ОЗЕТа в Азербайджане Блюминштейн. Но евреи ни в какую не хотели селиться далеко от города. В результате было принято компромиссное решение. Поместье Тагиева было поделено: 300 гектаров получала сельскохозяйственная школа и 400 — евреи Кубы.

В середине 1928 г. 35 еврейских семей, поделенные на семь групп, приступили к обработке земли. Каждая из них получила ссуду от ОЗЕТа в размере 200 рублей. На эти деньги было приобретено 23 лошади, но больше ни на что их не хватило. В результате засеять удалось всего 82 гектара. Лошадям не хватало корма, и 20 из них пали.

В январе 1929 г. 12 семей объединились в кооператив, которому было выделено 237 гектаров необработанной земли и старый трактор. Зимой на поселение перебралось еще несколько семей, и возник второй кооператив, в который вошла 31 семья. Поселенцы просили дать им участок леса, чтобы иметь стройматериал для возведения домов. Они получили участок, но на расстоянии 41 км от Кубы. Не было ни малейшей возможности доставить оттуда лес к месту назначения. На этом участке кооперативам разрешалось срубить всего 350 деревьев, причем таких, которые не подходили для строительства. Тем временем, люди жили в очень тяжелых условиях, в крытых соломой хижинах.

Чуть лучшим было положение еврейских крестьян, которые остались жить в Красной Слободе. В 1930-х гг. они объединились в три колхоза,

а в 1932 г. образовался четвертый колхоз. Эти колхозы были крошечными, вскоре они соединились в один, который прекратил свое существование в конце 1930-х гг., наряду с другими еврейскими колхозами по всей стране.

Еще одно еврейское поселение, курируемое КОМЗЕТом, находилось в Варташене. Основной проблемой горско-еврейских крестьян здесь было безземелье. Им выделили 1000 гектаров на 750 семей. 46 семей объединились в апреле 1928 г. в три сельскохозяйственных кооператива и получили ссуду в 15 тысяч рублей. В течение года эти кооперативы превратились в колхоз «Новый Варташен». Как и раньше, евреи Варташена выращивали табак, а также картофель и пшеницу. С течением времени этот колхоз был объединен с другим и перестал быть еврейским. Тем не менее, многие евреи Варташена до последних лет работали в колхозе.

Похожая участь постигла еврейских крестьян села Гафторан. В начале 1926 г. в бакинском отделении ОЗЕТа появилась делегация евреев этой деревни, представившая жалобу, под которой стояло пятьдесят подписей. В ней говорилось о бандитских налетах соседей, о потере земель и о невозможности обрабатывать те немногие земли, которые остались в распоряжении крестьян.

Положение крестьян Гафторана обсуждалось на заседании ЦК республики, и было решено усилить охрану их деревни, послать им инструктора по сельскому хозяйству и выделить трактор, стоимость которого они должны вернуть в течение трех лет. Однако целых два года это решение оставалось на бумаге. Лишь в 1928 г. 75-ти еврейским семьям Гафторана, а также 100 семьям из деревни Мюджи, была выделена земля. Когда еврейские колхозы начали объединять с азербайджанскими, большинство этих семей покинуло свои деревни.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. деятельность по приобщению горских евреев Азербайджана к сельскому хозяйству, как по месту их жительства, так и на новых местах, достигла рекордного размаха. В 1930-е гг. треть азербайджанских евреев зарабатывала на жизнь работой на земле. Но в связи с началом коллективизации, с одной стороны, и с развитием промышленности, с другой, начался уход евреев из деревень. В последующие десятилетия лишь малая часть горских евреев республики осталась в колхозах.

Еврейские колхозы в Дагестане

В 1930-х гг. по всему СССР стали создаваться еврейские колхозы. Если в бывшей «черте оседлости» это была прежде всего попытка пристроить «лишних людей», местечковых ремесленников и торговцев, сопровождавшаяся насилием над вековым хозяйственным укладом, то в Дагестане, где горские евреи имели давний опыт крестьянского труда, часть таких попыток

была успешна. Кроме того, создавая еврейские колхозы, советская власть решала проблему национальной автономии и полноправия еврейского населения так, как она ее понимала. В конце 1930-х гг. еврейские колхозы были ликвидированы и слиты с нееврейскими. Если евреи-ашкеназы стремились при малейшей возможности перебраться в город, то в Дагестане и после ликвидации еврейских колхозов они продолжали иногда оставаться de facto еврейскими.

Например, в еврейской части Маджалиса был создан еврейский колхоз, который просуществовал до 1938 г. Именно то обстоятельство, что этот колхоз слили с соседним даргинским колхозом, послужило, по словам старожилов, одной из причин миграции евреев из Маджалиса, так как это слияние ущемляло интересы еврейского населения.

История еврейских колхозов в Дагестане связана, главным образом, с Дербентом. Там работа по организации еврейских колхозов проходила достаточно успешно, прежде всего потому, что дербентские евреи издавна имели опыт работы на земле, особенно в разведении виноградников. Весной 1928 г. правительство Дагестана выделило горским евреям пять дополнительных участков земли общей площадью 3090 гектаров в окрестностях Дербента. Эти участки были расположены рядом друг с другом и тянулись вдоль железнодорожной линии Дербент-Баку. Они находились на расстоянии от 7 до 20 км от города. Орошение их осуществлялось при помощи ирригационной системы. По плану, в течение пяти лет здесь должно было поселиться в общей сложности 550 семей. Им передавались дополнительно 60 гектаров земли, занятой виноградниками, часть которой давала очень хороший урожай.

Осенью 1928 г. начались работы по подготовке земель. В течение 1929 г. предполагалось переправить сюда первые 100 семей, объединенных в сельскохозяйственные кооперативы. Во второй половине 1929 г. здесь действительно уже существовало пять кооперативов: им. Смидовича (26 семей), им. Райкова (23 семьи), им. Исмаилова (15 семей), им. Карла Маркса (16 семей) и кооператив под названием «Горец» (20 семей). Поселенцы получили ссуды для первоначального устройства на общую сумму в 76720 рублей.

Однако новые крестьяне сразу же столкнулись с трудностями, связанными с постройкой домов для жилья. И вновь это был намеренный саботаж местных властей.

К счастью, выделенная евреям земля находилась в непосредственной близости от Дербента и рядом с железной дорогой. Люди могли жить в городе и каждый день ездить работать на свои поля и виноградники.

10 июня 1930 г. в Махачкале состоялось заседание комиссии дагестанского ОЗЕТа, которое должно было подвести итоги еврейской поселенческой деятельности в республике и составить планы на будущее. С основным сообщением выступил Яхиль Мататов, который резко раскритиковал провалы поселенческой деятельности, особенно историю с поселением возле Кизляра. Он заявил, что нужно поставить цель: к середине

начинающегося десятилетия перевести «на землю» шестьсот семей горских евреев.

Эта цель никогда не была достигнута, но уже одно то, что она была поставлена, способствовало началу активной деятельности. Была проведена широкая пропагандистская кампания.

В 1930 г. в окрестностях Дербента появился еврейский колхоз им. Смидовича, в котором состояло 100 семей. Кроме этого, еще 158 семей были объединены в 13 сельскохозяйственных кооперативов. Расширение еврейской поселенческой деятельности как раз совпало с началом коллективизации. В августе 1931 г. в Дагестане было уже 22 еврейских колхоза, объединивших 529 семей горских евреев. Одновременно с колхозами продолжало существовать около 400 частных еврейских хозяйств. Сельским хозяйством в то время кормилось не менее 5000 горских евреев.

Большинство еврейских колхозов в окрестностях Дербента были совсем мелкими. Две трети из них специализировались на зерне, остальные — на виноградарстве. Но уже в тот период наибольшей активности еврейской поселенческой деятельности в Дагестане начали проявляться факторы, которые в скором времени нанесли ей тяжелый урон.

В 1931 г. в Махачкале прошла специальная выставка, посвященная сельскохозяйственным поселениям горских евреев. Однако, по выражению одной из местных газет, «большое число районных и городских комитетов партии, комсомола и профсоюзов не обращают ни малейшего внимания на деятельность ОЗЕТа». В газетах появилась статьи на тему о том, что религия мешает деятельности еврейских колхозов, поскольку «даже в период сбора урожая некоторые не выходят на работу в дни еврейских праздников». Одновременно началось давление на частников, которых заставляли вступать в колхозы.

К 1933 году на территории Дагестана существовало уже 27 колхозов горских евреев, объединявших 550 семей. Большинство из них располагалось в окрестностях Дербента. В их распоряжении находилось около тысячи гектаров пахотных земель и 324 гектара виноградников. Некоторые из этих колхозов впоследствии объединились.

Часть горских евреев прежде проживала на берегу Каспийского моря и промышляла рыболовством. Во время гражданской войны эта отрасль хозяйства, так же как и многие другие, была полностью разрушена. Во второй половине двадцатых годов власти республики попытались возродить рыболовство. Предполагалось, что евреи-рыбаки также вернутся к своему прежнему занятию. Большинство из них были объединены в артели. В 1931 г. существовало пять артелей горских евреев-рыбаков, в которых состояло около 400 семей. Впоследствии они были объединены в один колхоз имени Сталина. В 1935 г. в нем было 350 еврейских семей. В конце 1930-х гг. из этого колхоза, также как и из других, начался отток колхозников.

Вторая мировая война внесла большие изменения. Мужчины ушли на фронт, а женщины предпочли переселиться в город, ближе к родственникам.

Лишь немногие семьи остались в деревнях, продолжая работать на земле и выращивать скот. Зима 1941—42 гг. выдалась необычайно суровой, и часть виноградников погибла. Все это привело к массовому исходу из колхозов.

В 1943 г. было принято постановление всячески поддерживать крестьян, которые пожелают вернуться в колхозы. Им предлагались льготы, выделение части колхозного урожая. Многие горские евреи в окрестностях Дербента в связи с этим выразили желание вернуться в колхозы. Несколько колхозов в эти годы были объединены. В четырех колхозах, носивших имена Ленина, Сталина, Молотова и Кагановича, большинство членов были евреями. Председателя одного из них, Авраама Карабудасова, даже «избрали» в Верховный Совет СССР от республики Дагестан. В июле 1943 г. семь евреев — членов колхозов имени Кагановича и Молотова получили звание Героев социалистического труда за высокие показатели при сборе урожая винограда.

Эти четыре колхоза процветали и пользовались хорошей славой, поскольку располагались рядом с Дербентом и давали своим членам хорошие заработки. В 1952 г. два из них, имени Сталина и имени Молотова, были присоединены к нееврейскому колхозу Джалаган. И в этом новом колхозе, который также стал называться именем Сталина, большинство продолжали составлять евреи. В конце 1950-х гг. его председателем был Шабтай Абрамов, а заместителем председателя — Бен-Сира Биньяминов. Два колхозных агронома также были евреями. Занимались в нем в основном виноградарством, но выращивали также и помидоры. Была здесь и молочная ферма. За высокие урожаи трое членов колхоза получили звание Героев социалистического труда.

Колхоз им. Кагановича был в соответствующий период переименован в «Путь коммунизма». Здесь и в соседнем колхозе им. Ленина также большинство членов составляли горские евреи, и основным их занятием было виноградарство. Старикам-колхозникам удавалось, пользуясь тем, что большинство соседей были евреями, соблюдать субботу даже в пятидесятые годы, когда проводилась всесоюзная кампания по борьбе с религией. Можно предположить, что именно это удерживало многих из них в колхозах, хотя основным фактором успеха этих колхозов была экономическая стабильность.

Вскоре колхозники начали продавать вино собственного изготовления. В колхозе имени Сталина в конце 1950-х гг. было налажено производство вина, и он владел тремя магазинами, торговавшими вином, расположенными в Дербенте, Махачкале и Грозном. Колхозы построили для своих членов квартиры в Дербенте, и к концу 1950-х годов в них состояло около 4500 евреев. Около 40% всех евреев Дербента зарабатывали сельским хозяйством, состоя в этих колхозах.

В конце 1960-х гг. по всей территории СССР колхозы начали преобразовываться в совхозы. Еврейские колхозы в окрестностях Дербента были присоединены к совхозам, принадлежащим винному тресту «Дагвино». Отныне

члены колхозов превратились в наемных рабочих, и не могли получить даже частичных выгод от хороших урожаев, которых они добивались. Многие бывшие колхозники вскоре начали покидать совхоз. В 1970-х гг. количество горских евреев-земледельцев и виноградарей резко сократилось. Несмотря на это, в Дагестане до сих пор сохранились еврейские семьи, прямо или косвенно связанные с сельским хозяйством.

Горские евреи в советской промышленности

С началом политики нэпа часть ремесленников-евреев смогла вернуться к своим прежним занятиям. Но обнаружилось, что прокормить этим семью практически невозможно, поскольку власти предоставляли сырье и кредиты в первую очередь кооперативам. Не удивительно, что горские евреи-ремесленники тоже начали объединяться в кооперативы. В 1927 г. в Нальчике были созданы кооперативы скорняков и сапожников, однако вскоре они развалились.

В Дагестане еврейские кооперативы сначала подвергались дискриминации со стороны властей. Однако решение о помощи еврейским кооперативам было принято на всесоюзном уровне, и Исполком совнаркома Дагестана обратился в Союзкооперцию с требованием предоставить кооперативам скорняков — горских евреев такие же кредиты, как и остальным кооперативам. Однако это решение не привело к существенному расширению кооперации среди горских евреев-ремесленников. Советские газеты того времени свидетельствуют о том, что «...в Дагестане проявляется слишком мало инициативы на пути внедрения евреев в промышленность, а также объединения еврейских ремесленников в кооперативы и поставках им сырья».

В наиболее трудном положении оказалось молодое поколение. Молодежи негде было получить специальность. С целью решения этой проблемы в 1929 г. ОЗЕТ открыл в Азербайджане для горских евреев курсы столяров. Когда первые двенадцать юношей окончили их, они обратились в комиссариат, занимающийся вопросами трудоустройства, и попросили дать им работу. Но тот отказался от своих прежних обещаний ОЗЕТу и заявил, что не может трудоустроить столяров. Случаи такого рода отнюдь не подогревали желания еврейской молодежи идти на курсы. В 1930-х гг. годах в связи с расширением промышленности положение изменилось к лучшему, и те, кто получил специальность, смогли устроиться на работу.

К началу 1930-х гг. с частным предпринимательством было практически покончено посредством налогообложения, а также и административным путем. Те, кто желал по-прежнему зарабатывать ремеслом, вынуждены были вступить в кооперативы. Но и кооперативы были уже не те, что прежде. Если в 1920-е гг. они обладали большой долей самостоятельности,

как при планировании, так и при производстве, то теперь положение их членов мало чем отличалось от положения рабочих государственных предприятий. План работ и цены на продукцию спускались «сверху». Рабочее время также регулировалось властями. В подобных кооперативах состояло в 1930-х гг. большинство портных и сапожников — горских евреев. Были созданы кооперативы и для женщин-ковровщиц. В некоторых деревнях, где кооперативы преуспевали, они пользовались большой поддержкой властей.

Постепенно некоторые кооперативы, образовавшиеся в 1930-х гг., превратились в фабрики и заводы, а их члены стали наемными рабочими. В Нальчике в конце 1930-х гг. много евреев работало на обувной и швейной фабриках. На подобных предприятиях было немало горских евреев и после войны. Имеется, например, свидетельство о том, что в конце 1950-х гг. большинство евреев Нальчика работало в кооперативах, а также на швейной, обувной и кожевенной фабрике. В других районах горские евреи также были заняты в легкой промышленности.

Советская власть пыталась в рамках общей политики воспитания «еврейского рабочего класса» создать для горских евреев рабочие места в промышленности. В 1927 г. правительство Дагестана приняло решение о том, что необходимо «позаботиться об увеличении количества рабочих и служащих из рядов горских евреев во всех отраслях промышленности».

Вскоре в районах проживания горских евреев появились дополнительные предприятия легкой промышленности, и уже в начале 1930-х гг. в республике Дагестан сотни горских евреев были заняты на заводах и фабриках. В Дербенте, например, горские евреи составляли 20% от всех рабочих промышленных предприятий, в основном на винодельческих и консервных заводах. Подавляющее большинство горских евреев стали наемными работниками, занятыми в промышленности, сельском хозяйстве, работавшими в государственном и партийном аппарате. Те, кто занимался торговлей, были вынуждены пойти на фабрики и заводы. Накануне войны большинство горских евреев было занято в легкой промышленности и в сфере обслуживания.

Приведем здесь свидетельство одного из горских евреев Дербента. Его отец имел магазинчик, а также небольшой виноградник. В 1928 г. его вдруг обложили огромными налогами и объявили «буржуем». Чтобы удержать магазин, он переписал его на имя одного бедняка, но это не помогло, и его долг налоговому управлению продолжал неуклонно расти до тех пор, пока ему не пришлось продать виноградник, чтобы расплатиться. Он устроился в качестве наемного рабочего на рыбный завод, и продолжал заниматься торговлей нелегально. Эта судьба типична для многих торговцев из среды горских евреев.

В тех или иных формах торговля продолжала оставаться основным занятием для многих горских евреев, особенно в Красной Слободе. После перестройки торговцы вышли из подполья и многие из них сильно преуспели в последние годы.

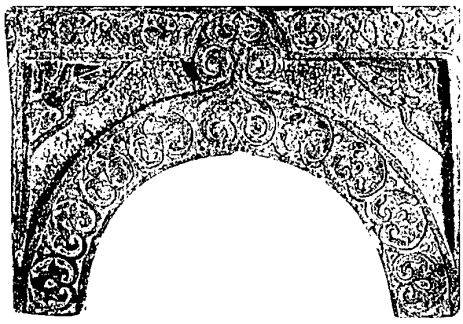
Женщины в это время работали на фабриках и заводах наравне с мужчинами. Уже в начале 1930-х гг. многие из них работали учительницами, акушерками и медсестрами, и количество работающих женщин в среде горских евреев росло.

После второй мировой войны в местах проживания горских евреев открылись техникумы и институты, и широкие слои еврейской молодежи оказались охвачены учебой на дневных и на вечерних отделениях. Несмотря на то, что средний уровень образования горских евреев все еще ниже, чем среди евреев-ашкеназов в странах бывшего СССР, он зачастую превышает средний уровень образования среди остального населения Восточного Кавказа.

3. Демография и расселение

ГЛАВА 8

Динамика численности горских евреев

Оценить динамику численности горских евреев на протяжении последних двухсот лет очень сложно. Учет населения в еврейских общинах фактически не велся, а статистические данные властей далеки от полноты. В начале XX в. исследователь Кавказа Е. Козубский отмечал, что «если о численности всего населения Дагестанской области можно судить хотя бы приблизительно на основе существующих статистических данных, то в том, что касается отдельных народностей, никаких надежных источников и данных не имеется».

Кроме того, при учете населения в конце XIX — начале XX вв. всех евреев в данном регионе записывали в одну графу, следовательно, невозможно получить отдельных данных по численности горских евреев. Много неточностей и в записях актов гражданского состояния, поэтому нельзя делать выводы, полагаясь на них. В советское время при всех переписях населения, кроме переписи 1926 г., горские евреи также учитывались вместе с ашкеназами. Наконец, картину численности горских евреев искажает то, что в последних переписях многие горские евреи были записаны татами.

Созданию общей картины мешает и большая миграционная активность горских евреев: они часто меняли местожительство, переезжали из аула в аул, из города в город. Поэтому нередко данные о количестве горских евреев на Кавказе страдают приблизительностью и неточностью.

Первая половине XIX в. была очень тяжелым периодом в истории горских евреев. Присоединение к России, восстание Шамиля, междоусобные войны — все это увеличило смертность, которая и так была высокой из-за частых эпидемий, вызванных антисанитарными условиями, в которых жили горцы. Можно достаточно уверенно сказать, что в первой половине XIX в. численность горских евреев не только не выросла, но, наоборот, снизилась.

Наиболее полными и близкими к действительности являются данные 1860—1880-х гг. и перепись 1926 г. В 1867 г. Иуда Черный собрал сведения о числе семей горских евреев в различных поселениях, а в 1886 г. то же самое сделал Илья Анисимов.

По данным И. Черного, в 1867 г. на Кавказе насчитывалось 2 780 семей горских евреев. По различным данным средняя семья на Кавказе насчитывала

тогда 5,5—6,5 человек. Еврейские семьи были больше, насчитывая в среднем 8—9 человек. Исходя из этого, количество горских евреев в 1860-х гг. может быть оценено приблизительно в 22—25 тыс. человек.

В «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» проанализирована динамика еврейского населения в еврейских поселениях Джугутлар (еврейский квартал Варташена, Нухинский уезд) и Мюджи-Гафтаран (Геокчайский уезд) в 1873—1885 гг. В Джугутларе средняя еврейская семья насчитывала 9,5 человек против 6,5 человек в среднем по уезду; в Мюджи-Гафтаране — 9,3 человека против 6,7 человек в среднем по уезду. Темп прироста населения составлял 3% и 2,3% в год для Джугутлара и Мюджи-Гафтарана, соответственно, и был выше, чем у других народов региона.

В 1888 г. Анисимов насчитал 21 тыс. горских евреев. Он писал:

> *Число горских евреев составляет 4090 дворов или 21 тысячу душ, живущих в 38 аулах и городах Дагестанской, Терской, Кубанской областей и в губерниях Бакинской и Елисаветопольской.*[1]

По переписи 1897 г. численность горских евреев составляла 31 тыс. человек. В дальнейшем естественный прирост населения на Кавказе, оставаясь на постоянном уровне, у горских евреев был немного выше, чем у окружающего населения. Значит, накануне первой мировой войны численность горских евреев возросла до 33—35 тыс. человек.

Этот рост численности горских евреев остановился с началом первой мировой войны. Снизился естественный прирост, как из-за мобилизации части мужчин, так и из-за ухудшения условий жизни. В гражданскую войну голод, разруха, погромы, бандитские налеты препятствовали росту еврейского населения. В эти же годы возросла эмиграция горских евреев в Турцию, Палестину и другие страны. С этой волной эмиграции Кавказ покинуло не менее 2 тыс. горских евреев. Эмиграция продолжалась и по окончании гражданской войны вплоть до 1924 г. В этот период выехало около 1 тыс. горских евреев. Можно уверенно утверждать, что в эти годы прироста не было, численность евреев даже снижалась. Когда в середине 1920-х гг. советская власть окончательно утвердилась на Кавказе, здесь проживало менее 30 тыс. горских евреев.

Как уже было сказано выше, единственный раз, когда при переписи горские евреи учитывались в качестве отдельной этнической общности, была перепись 1926 г., которая дала численность горских евреев 25800 человек. Около половины всех горских евреев, 11 592 человека, проживало в автономной республике Дагестан. В 1931 г. численность горских евреев в Дагестане составила 12 547 человек. В том же 1931 г. в Кубинском районе проживало 6079 горских евреев.

---

[1] Анисимов, 1888 г. С. 190.

Учитывая среднегодовой прирост населения, который в Дагестане в 1920—1930-х гг. был довольно высоким (около 2%), можно заключить, что перед второй мировой войной на Кавказе жило приблизительно 35 тыс. горских евреев.

В годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство мужчин было мобилизовано на фронт, что привело к заметному снижению рождаемости. Смертность при этом, разумеется, выросла. То есть о естественном приросте на протяжении 4 лет войны говорить не приходится. На фронтах погибли от 1 тыс. до 1,5 тыс. горских евреев. Около 1,5 тыс. горских евреев, переселенных перед войной в Крым или как-то иначе попавших в другие регионы, которые были оккупированы немцами, погибли. Также около 1 тыс. горских евреев было расстреляно нацистами в аулах и городах Северного Кавказа. Так что численность горских евреев к концу войны вряд ли превышала 30 тыс. человек.

После войны горских евреев при переписях уже не учитывали отдельно. Годовой прирост населения в Дагестане составлял в этот период 2,2%. Это значит, что в 1959 г. количество горских евреев было в пределах 42—44 тыс. человек.

После войны советская власть вела политику ассимиляции горских евреев, все чаще записывая их татами. Благодаря этому за период 1959—1970 гг. численность татов в Азербайджане выросла на 118%, хотя в эти годы множество собственно татов было записано в паспортах азербайджанцами.

Исследованиями, проводившимися в 1988 г., отмечалось, что за 1926—1959 гг. численность татов в Дагестанской республике выросла с 200 до 3000 человек. Поскольку в эти годы не было миграционной волны татов из соседнего Азербайджана, где они в основном и живут, то естественно предположить, что причина резкого роста — в том, что горские евреи все чаще стали записываться татами.

В 1960-е гг. среднегодовой прирост населения в городах Северного Кавказа составлял 1,6%. Исходя из этого, можно предположить, что к 1970 г. горских евреев насчитывалось 50—53 тыс. человек. В 1970-х гг. естественный прирост оставался на том же уровне, но в демографии горских евреев появился новый фактор — начавшаяся с 1974 г. репатриация в Израиль. С 1974 по 1979 гг. в Израиль репатриировались 7655 горских евреев, то есть репатриация примерно уравновешивала естественный прирост еврейского населения. Таким образом, в конце 1970-х гг. число горских евреев в СССР оставалось на том же уровне в 50—52 тыс. человек.

С начала 1990-х гг. усилился отъезд горских евреев на жительство в другие страны, в основном в Израиль, США и Россию. Между прочим, возможность эмиграции привела к тому, что множество людей, записанных в документах татами или, допустим, азербайджанцами, заявили о том, что они горские евреи. Это обстоятельство сделало статистику еще более запутанной. Есть сведения о том, что с последней волной алии в Израиль прибыло приблизительно 50 тыс. горских евреев. При этом, по моим оценкам, на Кавказе

проживает в настоящий момент не менее 30 тыс. горских евреев. Таким образом, либо завышено число репатриантов, либо предыдущие статистические данные по горским евреям были сильно занижены.

Как ни значительна эмиграция коренного еврейского населения с окраин СССР, европейские евреи, еще недавно более многочисленные в этих регионах (по крайней мере, в больших городах), эмигрируют еще быстрее. Это естественно, ведь с национальных окраин происходит, прежде всего, отток «русского» населения, к которому принадлежат и русскоговорящие евреи-ашкеназы. Впервые за много десятилетий сложилась ситуация, когда в еврейской жизни Восточного Кавказа начинают вновь преобладать горские евреи.

. В то же время в последние годы исчезло несколько значительных общин, прежде всего те, жители которых оказались в экстремальных условиях. Но и остальные заметно уменьшились. Горско-еврейские общины убывают не так стремительно, как, скажем, грузинские или бухарские, но все же достаточно быстро.

ГЛАВА 9

Расселение горских евреев

До первой мировой войны горские евреи проживали в основном в четырех регионах — Бакинской губернии, Дагестане, Терской области и Елисаветпольской губернии. Небольшое количество горских евреев было расселено в Кубанской области и Ставропольской губернии. И. Анисимов приводит полный список населенных пунктов, в которых горские евреи проживали в 1880-х гг. прошлого века [2]:

	Число дымов	*Число душ*
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ		
I. Темир-Хан-Шуринский округ:		
1) г. Петровск [3]	*15*	*123*
2) г. Темир-Хан-Шура [4]	*64*	*334*
3) Тарки	*56*	*300*
4, 5) Чир-Юрт и Султан-Янги-Юрт	*18*	*140*
6, 7) Буйнак и Гувден	*15*	*90*
8) Дюргели	*29*	*120*
9) Карабдакент	*16*	*71*
10) г. Дербент	*220*	*1 671*
II. Кайтако-Табасаранский округ:		
11) Дашлагар	*41*	*309*
12) Маджалис	*121*	*529*
13) Рукель	*26*	*126*
14) Мугатыр	*45*	*232*
15) Гемейды	*19*	*102*
16) Янги-Кент	*103*	*684*
17) Нютюг	*26*	*152*
III. Кюринский округ:		
18) Нюкди-Мюшкюр	*114*	*778*
19) Хошманзиль	*35*	*167*

[2] Анисимов, 1888 г. С. 190.

[3] Ныне Махачкала, столица Дагестана.

[4] Ныне Буйнакск

20) Аглаби	*27*	*33*
21) Ханчел-Кала	*50*	*243*
22) Мамрача	*100*	*668*
23) Араг	*110*	*705*
24) Карчаг	*46*	*255*
25) Джерах	*49*	*276*
БАКИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
26) Куба (Еврейская Слобода) [5]	*822*	*6 282*
27) Мюджи	*112*	*957*
28) Гафтаран-Мюджи	*89*	*692*
ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ		
29) Варташен (Джугутлар) [6]	*213*	*1 396*
ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ		
30) Аксай (Ташкечи)	*74*	*686*
31) Хасав-Юрт	*55*	*348*
32) Андреевская	*17*	*158*
33) Костек	*37*	*293*
34) г. Грозный	*199*	*1 594*
35) г. Нальчик	*76*	*335*
КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ		
36) Джегонакский поселок	*52*	*276*
В аулах	***2 587***	***10 032***
В городах	***1 503***	***11 097***
Всего	***4 090***	***21 279***

В этой таблице еще отсутствует Баку, где в тот момент проживало очень мало горских евреев, между тем в настоящее время это крупнейшая горско-еврейская община. Прекратили свое существование почти все сельские общины из числа перечисленных, зато очень разрослось еврейское население Кубы, Дербента и Нальчика. К списку населенных пунктов, в которых проживают горские евреи, на сегодняшний день следует добавить Владикавказ, Моздок, Кизляр, Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Минеральные Воды. Еврейское население покинуло территорию Чечни во время войны 1994—1996 гг.

В XIX в. около половины горских евреев проживало в сельской местности. Что касается городского горско-еврейского населения, то в 1860—1890 гг. около 40% горских евреев проживало в двух городах — Кубе и Дербенте, причем многие из дербентских и кубинских евреев занимались сельским трудом. Процесс урбанизации у горских евреев начался в конце XIX в., прежде всего за счет переселения в Баку, Темир-Хан-Шуру, Петровск, Нальчик, Грозный.

---

[5] Ныне Красная Слобода

[6] Ныне Огуз

При переписи 1897 г. было учтено около 31 тысячи горских евреев, из них около 20 тысяч (61,4%) проживало в городах.

Согласно переписи того же года в сельской местности проживало: в Дагестане 5 500 горских евреев (45,7% от их общего числа в регионе), в Бакинской губернии — 3357 (27,7%), в Елизаветпольской губернии эта цифра составляла 1 800 человек (15,2%), и в Терском округе — 1 400 человек (11,4%). То есть около половины сельского населения горских евреев проживало в Дагестане, более четверти — в Азербайджане. За пределами этих четырех регионов в сельской местности жило ничтожное количество горских евреев. Те, кто переселялся в другие регионы, селились в городах.

Перед началом первой мировой войны в городах жили 16,5 тыс. горских евреев, из них более 90% жили в трех городах: Кубе, Дербенте и Грозном. Два города — Куба и Дербент — были традиционными местами проживания горских евреев, в остальные города они переселились в XIX — начале XX вв.

За годы революции и гражданской войны расселение горских евреев изменилось очень существенно. Тысячи переселялись в города. Большинство жителей аулов были либо изгнаны, либо бежали из аулов в города, где жизнь была относительно спокойнее. После установления советской власти лишь небольшая часть вернулась в аулы, подавляющее большинство осталось в городах.

По переписи 1926 г., как уже отмечалось, было зарегистрировано 25 866 горских евреев, из них: в Дагестане — 11 588 человек (44,8%), в Азербайджане — 10 269 человек (39,7%) и на Северном Кавказе — 4 009 человек (15,5%). По этой переписи в сельской местности проживало тогда только 15,9% от общего числа горских евреев. (Для сравнения, в 1897 г., как указывалось выше, 45% горских евреев проживало в сельской местности.)

Политика советских властей по закреплению горских евреев на земле не принесла ощутимых результатов, процент горских евреев на селе увеличился незначительно. В годы Отечественной войны число евреев в сельских местностях заметно сократилось. В настоящее время в аулах Маджалис, Мамрач, Ханчел-Кала проживает только несколько семей горских евреев.

За последние 200 лет география расселения горских евреев претерпела большие изменения. В начале XIX в. большинство из них проживали в десятках аулов от Ширвана на юге и до Кубани на севере. По данным исследователей, в начале XIX в. еврейские общины существовали в 46 населенных пунктах, кроме того, еще в 15 аулах проживало по несколько еврейских семей. В последние два столетия происходила интенсивная миграция горских евреев, подчас целыми общинами. Уже в XIX в. было немало аулов, название которых свидетельствовало о том, что тут когда-то жили горские евреи, но самих евреев в них не было.

Во время Кавказской и гражданской войн почти все евреи, которые покинули аулы, больше не вернулись в свои дома. В большинстве этих аулов уже нет горских евреев. Поскольку на Кавказе нередко надгробные камни использовали для строительства домов, то в большинстве тех населенных

пунктов, где ранее жили горские евреи, вовсе не осталось никаких свидетельств того, что там существовали еврейские общины. Некоторые аулы, в которых жили евреи, были полностью разрушены, и об их местоположении можно судить только по описаниям, оставленным современниками.

Подводя краткие итоги, можно сказать, что из 46 еврейских селений, бывших на Кавказе, два прекратили свое существование еще в первой четверти XIX в.; 8 аулов исчезли к концу XIX в. Но наибольшее количество еврейских общин исчезло на Восточном Кавказе во время гражданской войны, когда евреи покинули 18 аулов и селений. В 1920—1930 гг. они оставили еще 13 населенных пунктов. Только в 5 из этих 46 населенных пунктов до наших дней сохранилось небольшое число горских евреев. Можно сказать, таким образом, что практически полностью завершился процесс урбанизации горских евреев.

В истории евреев каждой области и каждого города есть свои особенности, о которых следует сказать особо.

ГЛАВА 10

Горско-еврейские общины Азербайджана

Евреи Кубы

На севере Азербайджана расположен город Куба, в котором, начиная с XVIII в. и по сей день, существует одна из самых крупных общин горских евреев. Куба стоит в очень выигрышном месте: на большой торговой дороге, на стыке равнины и гор, в центре благодатного сельскохозяйственного края. В середине XVIII в. при Хусейн-Али-хане и его сыне Фатали-хане Кубинское ханство переживало расцвет. Оно подчинило своему влиянию весь северо-восточный Азербайджан от Дербента до Ленкорани. Именно тогда кубинские ханы создали рядом со своей столицей еврейское предместье, выделив евреям землю и гарантировав им безопасность.

Город расположен по обеим берегам реки Кудиял-чай: на правом, более высоком берегу, расположен мусульманский город, собственно Куба, на левом — еврейское предместье, которое называли до революции Еврейская Слобода (с 1926 г. она стала называться Красной Слободой). Красная Слобода, не только по существу, но и административно,— отдельный поселок. Уникальность этого поселка — в том, что это практически мононациональное поселение, населенное только горскими евреями.

Здесь, в Еврейской Слободе, всегда жили только горские евреи, причем контакты между жителями Слободы и Кубы были очень слабыми. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что первый деревянный мост, соединяющий две части города, появился только в 1851 г. Каменный мост через Кудиял-чай был построен только в 1910-х гг., но и он не привел к единству фактически разделенного города.

Отделённость жителей Слободы от соседней азербайджанской Кубы зафиксирована даже в фольклоре. Ф. Шапиро пишет о том, что жители Еврейской Слободы этимологизируют название реки Кудиял-чай, как «две реки», и объясняют это тем, что:

- *Ял раздвоился на две реки — одна для них, сынов Исмаила, другая — для нас, сынов Израиля.*[7]

Ф. Шапиро был участником событий Февральской революции в Кубе. Попытка организовать совместный митинг евреев и азербайджанцев показала всю

[7] Шапиро, 1983. С. 81.

степень сложившейся веками замкнутости еврейской общины. Шапиро вспоминает:

В марте 1917 года партийные организации города Баку организовали в порядке шефства над «политически отсталой Кубой» всенародную демонстрацию в честь Февральской революции. Было запланировано, что колонна горских евреев Слободы двинется в сторону Кубы. В то же время жители Кубы двинутся в сторону Еврейской слободы. Обе колонны встретятся и соединятся на поляне перед мостом, ведущим в слободу, где произойдет митинг братства народов.

Среди организаторов горско-еврейской части демонстрации были мои ученики. По их просьбе я поехал в слободу с тем, чтобы своим выступлением на древнееврейском языке привлечь к участию в демонстрации и стариков. Как мы указали выше, горские евреи особенно благоговеют перед языком Библии. Мой призыв возымел действие, и к демонстрантам присоединилось много пожилых людей. Когда демонстрация вступила на мост и направилась на «ту сторону», я заметил, что многие из стариков возвращаются. Я подошел к Исахару Агарунову, влиятельному «вожаку» среди стариков, и стал уговаривать его продолжать шествие. «Нет,— твердо сказал он.— Моя нога никогда не переступала и не переступит этого проклятого места...». Исахар отправился назад, в слободу, увлекая за собой других старцев.

За стариками ушли почти все женщины, остались только дети, подростки, и демонстрация свелась на нет.[8]

Этот инцидент свидетельствует о глубоком размежевании между жителями двух частей города. И не удивительно. Житель Еврейской Слободы никогда не рисковал без необходимости подняться в Гала, то есть «Крепость» (так называли Кубу в память о ее когда-то существовавших крепостных стенах), без риска быть избитым и ограбленным. Такая ситуация продолжала существовать и после революции. Бывший житель Кубы Шломо Саломонов вспоминает: «До второй мировой войны горские евреи очень редко ходили в азербайджанскую часть города, опасаясь тамошних жителей».

Такое отчуждение сохраняется до сих пор. В. А. Дмитриев, участвовавший вместе с автором в экспедиции в Кубу в 1997 г., пишет:

В пространство Слободы входит пешеходный мост через Кудиял-чай, соединяющий центры Кубы и Слободы. В вечернее время на мосту прогуливаются жители Слободы, днем здесь играют дети, но жители Кубы здесь не бывают, а горские евреи никогда не пересекают мост полностью. Здесь

[8] Шапиро, 1983. С. 97—98.

же на мосту жители Слободы постоянно нас приветствовали, сразу же объясняя при этом, что в Слободе население особое: здесь живут евреи. (Экспедиционный отчет.)

Когда поселились в Кубе первые евреи, точно не установлено, но как отдельное поселение Слобода сложилась в XVIII в., когда кубинские ханы стали оказывать покровительство переселявшимся в Кубу евреям. Евреи, поселившиеся в Слободе, пришли из окрестных равнинных и горных аулов: Кулгат, Кусары, Чипкенд, Карчаг, Шюдюх, Крыз и т. д. Всего в Слободе было девять кварталов.

Одна из самых старых общин в Еврейской Слободе — выходцы из аула Гульгат (Кульгат). Аул с таким названием находился на расстоянии трех километров от Кубы, и почти все его население составляли горские евреи. Он был разгромлен одним из местных ханов в 1733 г., и большинство населения переселилось в Кубу. Спасаясь от войск Надир-шаха, в Кубу переселились и жители аула Кусары (Кусар).

В 1780-х гг. сюда пришли евреи из персидской провинции Гилянь. Квартал выходцев из Гиляни, «махаллей Гиляки», находится в центре Слободы. Переселялись в Слободу и евреи из Баку и из самой Кубы, с другого берега Кудиял-чая. Квартал этих последних по времени переселенцев стал называться «Мизрахи», то есть «Восточный».

Каждое землячество создало в слободе свой квартал, «махаллу», со своей синагогой, а то и двумя. (Всего в Еврейской Слободе было одиннадцать синагог.) До сих пор жители Слободы твердо знают, из какого квартала они родом, а значит, откуда происходят их предки. В единственной действующей синагоге Красной Слободы собрана большая коллекция (около 70 штук) указок для чтения свитка Торы, «кульмосов», из всех слободских синагог. По своей форме и декору они делятся на столько же типов, сколько в Слободе есть кварталов.

Происхождение жителей различных кварталов Слободы сказывалось и в разнице их занятий. Так, потомки горцев-крестьян продолжали заниматься сельским хозяйством, нанимаясь в батраки к окрестным поселянам, а переселенцы из Персии составили основу слободского купечества.

Наконец, жители разных кварталов Слободы до сих пор склонны награждать друг друга всякого рода нелестными прозвищами, что еще больше подчеркивает обособленность этих кварталов. Вот как описывает в конце 1920-х гг. структуру Еврейской Слободы Б. В. Миллер:

Еврейская Слобода в Кубе существует теперь (1929 г.) 198 лет. Население ее сборное, пришедшее из разных мест, что отразилось на названиях кварталов, на которые делится эта слобода. Вот перечень кварталов: Кулкати I и II, Кусары I и II, Карчей, состоящий из нескольких приходов по синагогам, Гилеки, Агаджани, Чапкени и Мизрахи. Самый старый квартал — Кулкат. Кулкатцы переселились после погрома, произведенного

каким-то ханом, из Кулката, старинного поселения верстах в полутора от Кубы, в котором, по преданию, они жили с тысячу лет. В Кулкате имеются только следы кладбища и каких-то строений. Кусарцы переселились из селения Кусары лет полтораста тому назад. И сейчас еще в Кусарах проживает семейств 30—35 евреев. Карчагцы — переселенцы из селения Карчаг в Дагестане, Дербендского района, Кюринского округа, но когда пришли оттуда,— неизвестно. Гилекцы пришли из Персии, из Гиляна, но не сразу в Кубу, а предварительно, повидимому, обосновавшись на некоторое время в Баку. Агаджанцы пришли откуда-то с юга, не то «с Бакинской стороны», не то из Персии, где жили где-то близ Саккыза. Чапкенцы состоят из всякого сброда, раньше жили в Дагестане, где-то около Ахты, когда пришли — неизвестно; среди них немало кюринцев. Их название склонны производить от «чапкун» — грабеж. Мизрахи — последний по времени квартал, образовавшийся недавно, всего лет 20 тому назад: это — кубинцы, перешедшие из верхнего квартала вниз. Жители кварталов имеют разные прозвища, большей частью нелестные: кусарцы именуются «ворами», кулкатцы — «проститутками», гилекцы — «заносчивыми» и «твердолобыми», карчагцы и чапкенцы — «ослами».[9]

Экспедиции последних лет подтверждают, что и сейчас жители Красной Слободы твердо знают о том, из какого они квартала, а равно легенду о его происхождении и прозвища своих соседей.

В 1856 г. в мусульманской части Кубы было 758 жилых домов, а в еврейской — 607. Увеличение населения без соответствующего увеличения площади поселения привело к скученности, вследствие чего нередко вспыхивали эпидемии холеры, уносившие большое число жертв. В 1887 г. в Еврейской Слободе свирепствовал тиф, от которого также погибло много людей.

О динамике численности населения в Еврейской Слободе во второй половине XIX-го — начале XX вв., когда ее называли «Иерушалаим де-Кавказ» — Кавказский Иерусалим, говорят следующие данные: в 1856 г. здесь проживало 3000 человек, в 1873 г. — 5120, в 1886 г. — 6280, в 1916 г. — 8400 человек. В этот период Еврейская Слобода — крупнейшее горско-еврейское поселение в Азербайджане и на всем Восточном Кавказе, в ней проживает около трети всех горских евреев.

В ходе гражданской войны часть населения Слободы бежала, спасаясь от погромов в Баку. Согласно переписи 1926 г., в Слободе проживало около 6000 горских евреев. В дальнейшем население Слободы убывало за счет переселения в другие города, прежде всего в Баку, а в последние годы и в Израиль. В настоящее время в Слободе проживает около 5 тыс. евреев.

Основными занятиями жителей Слободы были торговля и сельское хозяйство. Крупные купцы торговали коврами и фруктами — основной продукцией татов, живущих в окрестных горах. Жители Слободы с гордостью

[9] Б. Миллер, 1929. С. 20.

говорят о том, что местные купцы развозили знаменитые кубинские ковры по всему миру, от Стамбула до Берлина. (Характерно, что и после революции таты сбывали эту продукцию с помощью жителей Красной Слободы.) Купцы средней руки торговали мануфактурой. В Еврейской Слободе было также много мелочных торговцев-коробейников.

Что касается сельского хозяйства, то лишь немногие хозяева имели свою землю, на которой выращивали фрукты, в основном яблоки, остальные нанимались батраками на сезонные работы, прежде всего, на период жатвы в окрестные азербайджанские села. Только в 1920-е гг. к Слободе прирезали конфискованные помещичьи земли и на них был организован колхоз. Ремесло было развито в Слободе слабо, только после революции в Слободе появилась артель ковровщиц.

Вот как описывает экономическое положение Еврейской Слободы в начале XX в. Ф. Шапиро:

> *В Слободе нет ни одного промышленного предприятии, ни одной мастерской с наемными работниками. Слобода не производит никаких кустарных изделий, никакой дорогостоящей продукции и, в общем, представляет собой сплошную бедноту.*
>
> *Значительную часть населения составляют священнослужители и лица, профессионально связанные с религией. В слободе 11 раввинов (по числу синагог), такое же количество канторов, 8 резников, 14 меламедов — содержателей хедеров. Сюда же следует отнести технический персонал 11 синагог, обширный штат погребального братства, а также два-три десятка общественных наемных плакальщиц.*[10]

В целом Еврейская Слобода жила бедно, но в конце XIX в. появилось уже достаточно богатых людей, о чем свидетельствует застройка центра Слободы, напоминающая торговые кварталы Баку и Тбилиси: те же полуазиатские-полуевропейские дома, с нависающими над узкими улицами застекленными балкончиками.

Архитектурными доминантами поселка служат здания синагог. Всего в Слободе было одиннадцать синагог, из них сохранились здания семи. Все они построены в конце XIX в. Это кирпичные здания, наиболее крупные украшены луковицеобразным куполом. Самая большая синагога в квартале Кусар имеет даже шесть декоративных куполов. Своим внешним обликом синагоги напоминают мечети, построенные в Кубе в тот же период. Интересной особенностью синагог Красной слободы является то, что мы знаем имя их архитектора и строителя. Он был уроженцем Слободы и его звали Гилель б. Хаим. В Слободе сохранились также построенные им жилые дома местных богачей. На фасаде каждой синагоги огромными еврейскими буквами выложено

[10] Шапиро, 1983. С. 97.

из кирпича имя и отчество строителя. Этот своеобразный автограф является чуть ли не единственным украшением достаточно скромных синагогальных фасадов. В настоящее время в Слободе действует только одна синагога, еще одну реставрируют, чтобы использовать в качестве общинного центра. Остальные синагогальные здания используются либо не по назначению, либо заброшены.

Торговые традиции сохранились в Красной Слободе и при советской власти. Ее жители занимались продажей азербайджанских фруктов на рынках Москвы. Наконец, особый расцвет получило торговое дело в самые последние годы. Мужчины из Красной Слободы осуществляют массовые поставки китайских товаров через Казахстан в Москву и другие российские города, проводя в таких торговых путешествиях по полгода и более вне дома.

В этой торговле — залог очень зажиточной современной жизни Красной Слободы. Понятно, что при высоком уровне благосостояния эмиграция в Израиль хотя и происходит, но не очень быстро, и, поскольку рождаемость по-прежнему высока, то за три года (1994—1997 гг.) убыли населения практически не произошло. Более того, еврейское население начинает понемногу увеличиваться, так как в Красную Слободу переезжают семьи горских евреев из окрестных селений: Кусары, Хачмас, Худат, и даже из Баку.

По всему поселку идет строительство: сносят старые дома и строят особняки. Их владельцы стремятся показать как свой достаток, так и свое еврейство: стены и крыши украшены изображениями магендавида, меноры и т. п. Отреставрированы кладбище и единственная действующая синагога, заканчивается реставрация самой большой из сохранившихся синагог — синагоги Кусар, в которой будет общинный центр. Построен Дворец бракосочетаний, украшенный еврейской символикой. К сожалению, среди новых домов постепенно исчезает старая, очень живописная застройка 1890—1910 гг.

В отличие от Дербента жители Красной Слободы не стремятся дать своим детям образование: мальчики рано начинают участвовать в торговле, девочки еще раньше выходят замуж. Существующая воскресная еврейская школа пока не пользуется большой поддержкой населения, несмотря на его зажиточность.

Небольшие еврейские общины (по несколько десятков семей в каждой) существуют также в соседних с Кубой селах Кусары и Хачмас. Однако в них нет ни синагог, ни еврейских кладбищ. Их жители тесно связаны с еврейской общиной Красной Слободы.

Евреи Варташена

Варташен (современное название — Огуз), армяно-еврейский поселок, исторически находился на территории Шекинского ханства. Ханство Шеки сформировалось в первой половине XVIII в. На востоке от него находилось Кубинское, на северо-западе — Казикумухское ханство, на юго-западе —

Карабах и ханство Гянджа. В 1805 г. правитель Шеки Селим-хан подписал соглашение о присоединении к России. Позднее территория ханства Шеки вошла в состав Елисаветпольской губернии.

Варташен расположен в 40 км от бывшей столицы ханства г. Нуха на высоте 760 м над уровнем моря, в стороне от основных горско-еврейских поселений. Он стоит на дороге Баку-Тбилиси, идущей вдоль подножья Главного Кавказского хребта. Поселок занимает узкую живописную долину, углубляющуюся в горы. Его, кроме горских евреев, населяли армяне и удины (небольшой народ, по языку относящийся к дагестанским народам, а по вероисповеданию — христиане-григорианцы). В 1991 г. армяне и удины были изгнаны из Варташена, а поселок был переименован в Огуз.

Евреи переселились в Варташен в конце XVII в. из персидской провинции Гилянь и поселились на нижнем краю поселка. В XVIII в. еврейское население Варташена увеличилось за счет беженцев из соседних аулов Залем и Куткашен. Еще в конце XIX в. еврейское предместье имело собственное название — Джугутлар и воспринималось как отдельная слобода, подобно Еврейской Слободе в Кубе. В настоящее время еврейское предместье слилось с основной частью Варташена, образуя еврейский квартал.

Еврейское население Варташена составляло в XIX в. около трети всего населения поселка. В 1873 г. в Варташене жило 1628 евреев, а в 1885 г. — уже 2282. Затем еврейское население постепенно начало уменьшаться за счет миграции в Баку и Тбилиси. В 1990 г. в Варташене проживало 1200 евреев. В последние годы еврейское население резко убыло за счет эмиграции и составляет не более 300 человек.

Евреи Варташена представляют собой особую группу внутри горских евреев. Они говорят на особом диалекте еврейско-татского языка. Поскольку их окружение составляли в основном армяне, то их бытовая культура испытала сильное влияние армянской культуры, и их вторым языком был не азербайджанский, а армянский. В каком-то смысле о евреях Варташена можно говорить как об «армянских» евреях. Характерно, что на протяжении последних ста лет выходцы из этой общины переселялись чаще в Тбилиси, чем в Баку, то есть в христианский город с очень большим армянским населением.

С Варташеном соседствовал аул Залем на реке Кара-чай. Почти все жители аула были евреи. Мусульмане из соседнего аула обвинили их в ритуальном убийстве, множество жителей Залема, в том числе четыре раввина, были убиты. Те, кто сумел спастись, бежали в Варташен и Мюджи. Все дома евреев Залема были разрушены до основания. Побывавший на руинах Залема Иуда Черный нашел только одно свидетельство того, что здесь жили евреи — на одной из стен была обозначена дата по еврейскому календарю — 5527 г. (1767 г.). И. Черный предположил, что это было здание синагоги. Он не нашел ни одного могильного камня на кладбище — все они были давно растащены соседями-мусульманами на постройку домов.

В находящемся по соседству с Залемом ауле Куткашен жило около 20 еврейских семей, переселившихся сюда из Кубы. Они покинули свой аул не по

собственной воле: соседи просто выгнали их и заняли их дома. Беженцы из Куткашена также поселились в Варташене.

В XIX в. евреи Варташена страдали не только от кровавых наветов (о чем упоминалось выше), но также от эпидемий и пожаров. Еврейский квартал Варташена отличался крайней скученностью. Бежанов пишет:

> <Евреи> *живут в особой части селения, чрезвычайно скучено (304 дыма на 1/2 кв. вер.), нечистоплотно и грязно.*[11]

Нередко по причине крайне плохих санитарно-гигиенических условий вспыхивали эпидемии, которые уносили сотни жизней, чаще всего — детских. В 1830 и 1847 гг. еврейское население Варташена поразили эпидемии чумы.

Теснота приводила к тому, что при пожарах сгорало большое число домов. В 1839 г. сгорела половина аула с синагогой. В 1856 г. сгорели почти все дома, большая конюшня, курятники и погибло 7 человек. Около 70 домов сгорели при пожаре 1864 г.

Исторически основными занятиями варташенских евреев были мелочная торговля и табаководство. Недостаток земли заставлял их арендовать землю под посевы табака исполу. В настоящее время они продолжают заниматься сельским хозяйством, выращивая в основном орехи. Есть среди них и представители местной интеллигенции: врачи, учителя, главный архитектор поселка. Быт и этнография евреев Варташена представляет особый интерес, так эта община лучше всего сохранила исходный тип занятий горско-еврейского населения — горное земледелие, а также множество обычаев, поверий, заговоров, традиционных костюмов и т. п.

Варташен, расположенный среди горных буковых лесов, очень живописен. Массивные каменные дома под четырехскатными черепичными крышами, построенные из дикого камня, чередующегося с рядами красного кирпича, необыкновенно красивы. Часто на стене дома можно увидеть закладную доску, сообщающую на иврите, кто и когда построил данный дом. Судя по сохранившимся закладным доскам, большая часть домов построена в конце прошлого века. Усадьбы огорожены каменными заборами с массивными деревянными воротами. Сами дома стоят на высоких подклетях. На жилой второй этаж ведет наружная лестница, выходящая на галерею. С галереи открываются двери в три несмежные комнаты: мужскую, женскую и парадную, гостевую. Дома в еврейском квартале ничем не отличаются от армянских и удинских, но стоят теснее из-за нехватки земли. Как правило, в одном дворе расположено несколько домов, принадлежащих родственникам.

В Варташене было две каменные синагоги, их здания существуют до сих пор. Обе были построены во второй половине XIX в. Большая синагога — двухцветное здание своеобразной архитектуры, его ширина намного больше

[11] Бежанов, 1894. С. 111.

длины, по всему фасаду проходит галерея. Его открыли вновь на средства местной еврейской общины в 1994 г., отреставрировав по проекту варташенского еврея — главного архитектора поселка.

Горские евреи в Баку

Баку, который в конце XIX в. стал крупнейшим городом Закавказья, в начале того же столетия был небольшим городком, административным центром одноименного ханства. Евреи поселились в северной части Баку в конце XVIII в. Община насчитывала тогда около дюжины семей. В первом десятилетии XIX в. в Баку проживало всего 2154 жителя, 26 из них были евреями.

В 1820-х гг. в результате кровавого навета евреи покинули город, переселившись в Кубу и Мюджи. Вновь евреи появляются в Баку только в конце XIX в. В 1870-х гг. в Баку жили всего 50 евреев, как горских, так и ашкеназов, а в 1891 г. было уже 390 евреев. Перепись 1897 г. отмечает наличие 2340 евреев (2,1% от общего населения города), в большинстве ашкеназов.

За два десятилетия на рубеже веков население Баку почти удвоилось — с 112 тыс. в 1887 г. до 214 тыс. — в 1913 г. Еврейское население при этом увеличилось в четыре раза — с 2300 человек в 1897 г. до 9700 человек в 1913 г.

Баку превратился в нефтяной центр Российской империи, в нем появился огромный новый город, в котором была сосредоточена половина всего населения. Однако здесь жили только 11% евреев Баку, евреи селились в основном в старой, более дешевой части города.

Накануне революции в Баку проживало около 2000 горских евреев, что соответствовало примерно пятой части еврейского населения города. Революция и погромы, устроенные мусульманами против «неверных», в основном — армян, привели к заметному снижению численности населения в городе. Однако еврейское население продолжало расти. В 1920 г. здесь проживало 13700 евреев. 10% из них были горские евреи.

Горско-еврейскую общину Баку составили выходцы из разных мест: из Ширвана, из Персии и, главным образом, из Кубы. Большинство горских евреев в Баку поселились на двух улицах — Чадровая и Бочарная, расположенных в мусульманской части города. Эти улицы (давно переименованные) до сих пор остаются сердцем своеобразного еврейского квартала Баку — района, где расположены обе действующие синагоги, горско-еврейская и ашкеназийская, и где сконцентрировано большая часть горских евреев Баку.

Перепись 1959 г. отметила в Баку 29 716 евреев, большей частью — ашкеназов, и около 13 000 — горских и грузинских евреев.

Численность еврейского населения Баку на сегодняшний день, естественно, неизвестна. После событий рубежа 1980-х — 1990-х гг., резкого снижения уровня жизни в Азербайджане, появления определенных антирусских настроений, большая часть ащкеназов выехала из Баку, и теперь в еврейской

общине города, впервые с момента ее появления, количественно и качественно преобладают горские евреи. Они задают тон в образовательных, благотворительных и общинных структурах еврейского Баку.

Современная синагога горских евреев была открыта после войны в переоборудованном для богослужебных целей складском помещении. На сегодняшний день она функционирует гораздо активнее расположенной неподалеку ашкеназской синагоги.

Евреи Ширвана

Ширван — самое южное ханство в Закавказье из тех, в которых жили евреи,— сформировалось во второй половине XVIII в. и было одним из наиболее богатых на территории нынешнего Азербайджана. Восточнее его находилось Бакинское, на северо-востоке — Кубинское, на северо-западе — Шекинское ханство. Подавляющее большинство населения Ширвана составляли азербайджанцы, или, как их называли до революции, «кавказские татары». Столица Ширвана — город Шемаха.

Евреи переселились в Ширван в начале XVIII в. из Южного (Персидского) Азербайджана. В середине XVIII в. английский путешественник Дж. Ханвей отмечает присутствие в Шемахе еврейских купцов наряду с купцами других национальностей. Начиная с конца XVIII в., еврейское население Ширвана было в основном сконцентрировано в двух аулах: Мюджи, Шемахинского уезда, и Мюджи-Гафтаран (в некоторых источниках — Гафтаран), Геокчайского уезда.

Ширван был завоеван и присоединен к Российской империи в 1805 г. В то время в ханстве проживало около 70 семей горских евреев. В 1831 г. здесь насчитывалось уже 332 горских еврея-домохозяина.

Аул Мюджи-Гафтаран, все население которого составляли когда-то горские евреи, расположен в 47 км от бывшего уездного городка Геокчай. Сейчас этот аул входит в Исмаильский район Азербайджана. Евреи — мигранты из Персии — заселили этот аул в XVIII—XIX вв. В период с 1873 г. и до первой мировой войны население его очень возросло. Так, в 1873 г. в нем проживало 582 человека, а 1885 г. — уже 742. Во время гражданской войны евреи покинули аул и переселились в Баку. После войны домой вернулось только несколько семей. В 1930-х гг. последние евреи оставили Гафтаран.

Основными занятиями жителей Мюджи-Гафтарана были табаководство, шелководство, производство шелковых тканей, а также мелочная торговля.

Аул Мюджи расположен в 35 км от Шемахи на высоте 995 метров над уровнем моря. Когда-то аул состоял из двух частей. В нижней части у подножия горы жили евреи, а наверху — азербайджанцы. Собственно, это были два разных аула, с одинаковым названием, которые разделяла речка Мюджи-чай. Еврейский аул был намного больше мусульманского. Сейчас Мюджи входит в сельсовет Талабьян Исмаильского района. Посетивший эти края

путешественник середины XIX в. писал, что в аул нет широкой дороги, добирались туда на волах по извилистым горным тропам. В сезон дождей и эти тропинки размывались: аул фактически оказывался отрезанным от внешнего мира.

В 1867 г. в Мюджи жило 145 семей. В 1870-х гг. прошлого века половина еврейского населения аула перебралась в Гафтаран. В 1886 г. в Мюджи проживали 894, а по переписи 1897 г. — 1011 горских евреев. В конце прошлого века темпы роста еврейского населения в Мюджи снизились: евреи стали покидать аул, видимо, потому, что население росло, а расширяться аул не мог — он был окружен землями, принадлежавшими азербайджанцам.

В 1912 г. русский антрополог Курдов, отмечая эту особенность, называл Мюджи «чертой оседлости по ту сторону Кавказского хребта». Он писал:

> *Нехватка земли наложила свой отпечаток на облик аула, вместо улиц здесь между домами узкие тропинки, дворов при домах практически нет, возле каждого дома — крохотный участок в 4—6 квадратных саженей (9—14 кв. м.), и здесь летом ютятся и взрослые, и дети, и скот. В этот дворик выбрасывают из дома мусор, который лежит толстым слоем и издает зловоние. Но, несмотря на тесноту внутри, в домах очень чисто: на стенах — паласы ручного производства, на полах — ковры.*[12]

Традиционным занятием евреев Мюджи было шелководство, а также производство шелковых тканей и прядильных и ткацких станков для этого производства. К концу XIX в. получило распространение табаководство. Так как своей земли у евреев практически не было, то табак они выращивали на арендованной земле исполу.

Так же, как Гафтаран, евреи покинули Мюджи во время гражданской войны. В конце 1920-х гг. евреев в Мюджи уже не было.

---

[12] Курдов, 1912. С. 87.

ГЛАВА 11

Еврейские общины Дагестана

Еврейские общины дагестанских аулов

Когда-то и в горах и на приморской равнине Дагестана было разбросано множество селений горских евреев. На сегодняшний день большинство из них исчезло, а горские евреи сосредоточены в основном в городах Дербент, Буйнакск и Махачкала. Тем не менее, евреи в Кубе, Дербенте и Баку до сих пор помнят, из каких именно аулов переселились их предки. Эти исчезнувшие общины сыграли большую роль в истории горских евреев.

В целом ряде аулов евреи жили рядом с нееврейским населением. В некоторых случаях еврейский аул стоял несколько в стороне от мусульманского аула, представляя собой компактное еврейское поселение.

Юг Дагестана до 1860-х гг. занимало Кюринское ханство. Оно располагалась на северо-запад от Кубы. На севере Кюра граничила с Кайтагом и Табасараном, на юге — с областью Самур, на западе — с Казикумухским ханством. Ханство Кюра сформировалось в начале XIX в. Оно было присоединено к России в 1812 г. Большинство населения здесь составляли лезгины. До революции Кюра входила в состав Дагестанской области.

В царствование Николая I (1825—1855) Кюрой правил Харун-бек, которого предание называет злодеем, притеснявшим евреев, приглашенных сюда его предшественником Арслан-ханом. Сменивший Харун-бека его брат Юсуф-бек был еще более жестоким властителем и тоже преследовал евреев. В начале 1860-х гг. власть хана была упразднена, вместо него Кюринским округом стал править русский начальник.

По официальным данным на территории Кюринского ханства в середине XIX в. проживало около 300 еврейских семей, а в 1912 г. еврейское население Кюры насчитывало 3276 человек. Многие горские евреи в Кюре были выходцами из Азербайджана, бежавшими сюда от безземелья и преследований. Всего на территории Кюры в XIX в. располагались три еврейских аула — Ханчал-Кала, Араг и Мамрач.

Мамрач был основан в начале XIX в. выходцами из дагестанского аула Карчаг и носил имя своего основателя. После того, как Россия завоевала Кюру, Арслан-хан в 1820-х гг. пригласил евреев из Карчага и выделил им землю для основания собственного аула.

В 1867 г. в Мамраче жили 75 еврейских семей из общего числа 116 семей. Еврейский квартал был территориально отделен от квартала, в которых жили лезгины. В 1870-х гг. число еврейских семей выросло до 100.

В 1918 г. банда лезгин напала в поле на группу еврейских крестьян и убила 20 человек. Потом бандиты ворвались в аул, во дворе синагоги расстреляли подростка, стали грабить дома. После этого налета евреи покинули Мамрач. Позже часть из них вернулась.

В 1926 г. здесь проживало 111 евреев. Последние местные евреи жили здесь еще в конце 1950-х гг.

Неподалеку от Мамрача расположен аул Ханчал-Кала. Первыми здесь поселились евреи из Мамрача. В 1867 г. из 54 домов в ауле 27 занимали евреи. В 1880 г. здесь было уже 50 еврейских семей. По переписи 1926 г. в Ханчал-Кале было 54 еврейские семьи, что составляло 77% всего населения аула. Евреи жили здесь до конца 1950-х гг.

Недалеко от Хачал-Калы располагался аул, который состоял из двух примерно равных по численности жителей поселений: одно — Ашага-Араг, второе — Джугут-Араг, что означает, «Еврейский Араг». Евреи здесь жили уже в первой половине XVIII в. В 1867 г. здесь проживало 78 еврейских семей. В 1926 г. — 38 еврейских семей (169 человек). К середине 1930-х гг. евреи покинули Араг.

К северу от Кюры расположена историческая область Табасаран. Еврейские общины Табасарана принадлежат к числу древнейших на Восточном Кавказе. Именно Табасаран можно считать одной из главных областей этногенеза горских евреев.

Крупнейшим населенным пунктом Табасарана было селение Джерах. В нем располагалась резиденция хана, и здесь жило около 100 еврейских семей. Во время Кавказской войны отряд под началом Абдалла-бека устроил в еврейском квартале Джераха резню, многих жителей угнал в плен.

Позже, к середине прошлого века, Джерах покинули все жившие там мусульмане. В 1867 г. Джерах был исключительно еврейским аулом, правда, жило там всего 20 семей, но через 20 лет там было уже 49 домов, 30 из которых принадлежали евреям.

Во время гражданской войны евреи покинули Джерах и больше туда не возвращались.

Жили евреи и в соседнем ауле Карчаг. Когда они начали заселять его — неизвестно, но очень давно, во всяком случае, не позднее середины XVIII в. С конца XIX в. еврейское население Карчага неуклонно сокращалось, а во время гражданской войны последние еврейские семьи покинули аул. Судя по всему, община Карчага была весьма значительна, так как потомки выходцев из этого аула составляют существенную часть еврейского населения Кубы и Дербента.

Рядом с Карчагом расположен аул Имам-Кули-Кент. В середине XIX в. около 10 еврейских семей поселились на окраине этого мусульманского села. Евреи неоднократно пытались поселиться в самом ауле, но их обращения встречали отказ. В 1886 г. И. Анисимов уже не нашел в Имам-Кули-Кенте еврейских семей.

На территории Табасарана, в 15 км к югу от Дербента, расположен аул Гемейди. Здесь евреи жили, по крайней мере, с конца XVII в. В 1867 г.

в Гемейди из 126 семей 22 семьи было еврейских. Почти все они в гражданскую войну покинули аул. Во время переписи 1926 г. здесь жили только три семьи горских евреев. Правда, согласно тем же данным, в Гемейди проживало 26 семей татов. Поскольку ранее их наличие здесь не регистрировалось, то вероятнее всего они на самом деле были горскими евреями, назвавшими себя татами. Как бы то ни было, накануне второй мировой войны в Гемейди не было ни одной еврейской семьи.

Совсем близко от Гемейди располагался аул Мугатырь. Эти два аула в высоких лесистых горах соединяла узкая вьющаяся тропа. В Мугатыре евреи жили, по крайней мере, с 1730-х гг. Об этом свидетельствует надгробный памятник, найденный И. Черным, на нем была дата: пост Гедальи года qt (1740 г.).

В середине XIX в. здесь было 30 еврейских семей, и среди евреев Мугатыря бытовало предание, что «когда-то тут было более ста еврейских домов». С годами часть их переселилась в аул Рукель. Во время гражданской войны аул покинули последние евреи.

На расстоянии «двух часов езды на лошади» от Мугатыря, в 10—12 км юго-западнее Дербента, располагался большой аул Рукель. Аул был разделен на две части: в верхней жили мусульмане, в нижней — евреи. Условия жизни евреев были здесь очень примитивны. В первой половине XIX в., по свидетельству И. Черного:

> *Евреи живут в земляных пещерах, которые представляют собой ямы в земле, крыши сделаны из веток, обмазанных глиной, смешанной с мелким камнем, которые возвышаются над землей примерно на локоть. Окном служит небольшое отверстие без стекла величиной в квадратный локоть. Солнечные лучи с трудом пробиваются в эту пещеру, поэтому в ней стоит полумрак даже посреди дня. Земляной пол покрыт тряпками, стены обмазаны глиной и ничем не покрыты. Ночью окно закрывают поленьями.*[13]

И. Черный нашел на местном кладбище надгробный камень, датированный месяцем кислев 5577 г. (1817 г.).

Евреи переселились сюда из соседнего аула Мугатырь. Позже к ним присоединились беженцы из Селаха. За разрешение жить в Рукеле аульные власти возложили на евреев трудовую повинность. Власти обращались с ними жестоко, но евреи боялись жаловаться.

В 1815—1875 гг. более половины евреев из-за жизненных тягот покинули Рукель, но все же в 1867 г. в 156 из 320 домов Рукеля проживали евреи. В 1920-е гг. евреи окончательно покинули Рукель.

В 30 км юго-западнее Дербента, высоко в горах, располагался самый большой в северном Табасаране аул Марага. По преданию, евреи жили здесь еще в начале XVII в. Но самое древнее надгробие, найденное здесь, датировано

[13] И. Черный, 1884. С. 94.

1741 г. В 1860-х гг. в Мараге проживала небольшая еврейская община — около двух десятков семей. Евреев принуждали выполнять различные работы, соседи относились к ним жестоко, поэтому евреи стремились переселиться в другие аулы. В 1875 г. здесь оставалось только 10—12 семей. Вскоре и они покинули Марагу, и когда И. Анисимов посетил Кавказ в 1886 г., евреи в этом ауле уже не проживали.

Недалеко от Мараги на берегу реки Рубас-чай располагались три аула — Цанак, Хели и Нютюг. Все три аула иногда называли одним общим топонимом Хели-Пенджик. По преданию, евреи жили здесь еще со времен персидских царей. В XIX в. евреи жили на землях, принадлежащих местным бекам, и платили им тяжелые налоги. В 1867 г. в трех аулах проживало 15 еврейских семей (всего там было 42 дома). По всей видимости, еврейская община здесь прекратила свое существование во время гражданской войны.

На берегах реки Рубас-чай располагались также аулы Аглаби и Хощмандиль. В обоих аулах проживало в конце XIX в. около 30 еврейских семей (примерно половина населения, остальные семьи были азербайджанскими). В XX в. еврейская община здесь выросла до 45 семей (из общего числа — 64 семьи): евреи составляли 67% населения двух аулов (165 человек). Но позже евреи покинули оба эти аула.

В 1926 г. в аулах южного Табасарана уже не было евреев.

В 35 км южнее Дербента, высоко в лесистых горах, расположен аул Нюгди, название которого с татского переводится как «новое поселение». Когда в этом ауле поселились евреи, установить не удалось. В 1867 г. в нем проживали 74 семьи: 68 еврейских, остальные — лезгинские. В конце XIX в. рост еврейского населения в Нюгди прекратился: молодежь в поисках заработка стала переселяться в города.

В ауле Селах в северном Табасаране И. Черный нашел надгробный камень, датируемый 1767 г. В середине XIX в. большинство евреев Селаха перебралось в соседние аулы — Гемейди, Марага и Рукель, в ауле осталось только 10 семей, и они обратились к генералу князю Орбелиани с просьбой разрешить им покинуть аул. Генерал разрешил — на том еврейское поселение в Селахе прекратилось. По сведениям И. Черного в 1866 г. уже ничто не напоминало о том, что здесь когда-то жили евреи. Еврейское кладбище было осквернено, могильные камни разбросаны или унесены для строительства домов.

В годы гражданской войны горские евреи покинули многие аулы, в которых жили веками, и поселились в новых. В этих аулах, куда евреи пришли недавно, они составляли ничтожное меньшинство. Один из таких аулов — Великент в 20 км юго-восточнее Дербента, недалеко от железной дороги, ведущей в Баку. Согласно переписи 1926 г., здесь было 6 еврейских семей, они составляли 2% всего населения. Горские евреи покинули аул в середине 1930-х гг. Недолго прожили еврейские семьи и в ауле Берией в 27 км севернее Дербента. В 1926 г. здесь проживало 13 еврейских семей (35 человек, 3,8% населения).

Жили евреи и в аулах, расположенных на севере и северо-западе от Дербента, в междуречье Сулака и Терека, на границе с Чечней. Здесь их соседями были кумыки. Во всех аулах Кумыкской плоскости между Сулаком и Тереком в 1867 г. проживало около 1000 горских евреев. К 1900 г. их число возросло до 1200 человек.

Селение Эндери позже стало называться Андреевское или Андреевка. В XVIII в. здесь проживало около 80 еврейских семей. Любопытна история их появления. В 1774 г. во время очередной междоусобицы жители Эндери напали на соседний Кайтаг и угнали оттуда 200 мусульманских семей и около 80 еврейских. По другим данным, переселенцы — мусульмане и евреи — ушли в Эндери добровольно, спасаясь от жестокого угнетения. В отместку за это правитель Кайтага Амир-Хамза захватил в плен члена петербургской академии наук С. Г. Гмелина (1745—1774) и сопровождавших его людей, возвращавшихся из научной экспедиции в Иран. Российские власти потребовали у Амира-Хамзы отпустить Гмелина, хан Кайтага выдвинул условие: пусть владетели Эндери отпустят угнанных из его владений жителей. Российские власти обратились к правителю с просьбой обменять угнанных кайтагцев на академика — хан Эндери отказался, заявив, что эти семьи перебрались к ним добровольно и возвращаться к жестокому Амиру-Хамзе не хотят. Гмелин так и скончался в плену.

Во время Кавказской войны Эндери неоднократно подвергалось налетам отрядов Шамиля. В 1867 году здесь проживало только 23 еврейских семьи — около 4% от общего населения аула. После революции и гражданской войны в Эндери уже не осталось еврейских семей.

Высоко в горах среди скал располагался аул Аксай. В 1825 г. его жителей обвинили в убийстве русского офицера и переселили на плоскость, на берег небольшой речушки Ташкечай. Отсюда и название аула Ташкеча. Расположен Ташкеча в 25 км от Эндери и в 20 км от Хасавюрта, на границе между Дагестаном и Чечней. Сюда позже переселились евреи, которые бежали из Эндери от погромов. В XIX в. еврейское население Аксая-Ташкечи постоянно росло. В 1867 г. здесь проживали 82 семьи горских евреев (533 человека), в 1900 г. — 700 человек. По переписи 1926 г., после революции и гражданской войны, здесь осталось всего 19 еврейских семей (97 человек).

Аул Костек расположен в 50 км северо-восточнее Эндери и в 60 км восточнее Аксая. В XIX в. сюда переселилось несколько преследуемых еврейских семей из Тарков и Эндери. По описанию современника, Костек был обнесен широкой изгородью из колючего кустарника, а с юга защищен речушкой Кара-су. В изгороди было несколько проездов, по ночам и их закрывали, и после наступления темноты никто не мог ни войти в аул, ни выйти из него. В 1867 г. в Костеке проживало 37 еврейских семей. В 1893 г. учитель местной школы Афанасьев описывал отношение мусульманского населения к евреям:

Их унижают и презирают. Кумыки при любом удобном случае стараются оскорбить еврея, унизить его. Само слово «джугут» (еврей) считается

словом бранным. Особенно это отношение заметно во время драк. Если дерущиеся — кумыки, то люди стараются их разнять, успокоить, если же это — евреи, то не только не разнимают — напротив, науськивают, натравливают друг на друга.[14]

Во время гражданской войны евреи покинули аул Костек.

Селение Тарки расположено на столбовой дороге с Волги в Закавказье. Евреи жили тут еще в средние века, но по неясным причинам их община прекратила здесь свое существование. Вернулись они сюда во времена правителя Мехти (1794—1830), который обещал защищать их. В 1820-х гг. российские власти обязали жителей Тарков участвовать в строительстве русской крепости Петровск. В этом участвовали и евреи Тарков. В годы Кавказской войны горцы неоднократно нападали на еврейский квартал Тарков.

В 1867 г. здесь проживало 49 еврейских семей — 5,2% от общего числа жителей. В 1886 г. было 56 еврейских семей (300 человек). По переписи 1897 г. здесь проживало 313 евреев — 12% населения аула.

Тарки связаны с именами раввина, педагога и писателя Шербета Нисимоглы и его сына, исследователя истории и этнографии горских евреев Ильи Анисимова.

В 35 км южнее Тарков расположен аул Карабудахкент, в котором евреи жили еще в средние века. Через этот аул проходила дорога, соединявшая Темир-Хан-Шуру с Дербентом и Кубой. К 1860-м гг., в результате постоянных притеснений, у евреев были отобраны все их земли, и им негде было даже хоронить своих покойников — им не выделяли землю для кладбища, и они были вынуждены возить своих умерших на кладбище в Буйнак. В середине XIX в. в ауле осталось только 18 еврейских семей. В начале XX в. их число достигло 30, но после гражданской войны в Карабудахкенте осталось только две еврейские семьи.

Селение Буйнак расположено в прибрежной полосе Каспийского моря. В 1886 г. в Буйнаке проживало только 15 еврейских семей (90 человек). Евреи жили в домах, арендованных у кумыков, но у них здесь не было синагоги, и они скоро покинули Буйнак. Часть переселилась в Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск).

Аул Султан-Янги-Юрт принадлежал в XIX в. к так называемым «вольным общинам» — поселениям, которые не принадлежали ни одному из ханств. Они были основаны беженцами из разных аулов. В Султан-Янги-Юрте в 1867 г. проживало 7 еврейских семей (40 человек). В конце века и они покинули аул.

Покинули свои дома и евреи, жившие в Дженгутае, Черкее, Эрпели, Казиюрте, Янги-Кенте. Дургели было одним из самых крупных селений в этом регионе. В 1867 г. здесь проживало 819 семей, 35 из них — еврейские (175 человек).

---

[14] Афанасьев, 1893. С. 89.

Неподалеку располагалась Еврейская долина — Джугут-ката, в которой в начале XIX в. располагались три аула, населенные в основном евреями. После очередного погрома евреи переселились из Еврейской долины в Верхнее Терекеме и Маджалис. В 1867 году большинство населения в Верхнем Терекеме было еврейским — 116 семей из общего числа в 165 семей.

В 1867 г. 80 из 165 семей в Маджалисе были еврейскими. В 1926 г. в Маджалисе насчитывалось 69 еврейских семей, они жили отдельным поселком, называвшимся Нижний или Еврейский Маджалис.

Маджалис представляет собой обширную долину на стыке гор и предгорий — давний центр исторической области Кайтаг. На территории долины расположены друг подле друга три селения: даргинское, кумыкское и еврейское. Еврейский Маджалис занимает нижнюю, с кавказской точки зрения, наименее престижную часть долины, и отличается от расположенных рядом селений тем, что дома стоят в нем очень тесно, почти без приусадебных участков — проявление обычного на Кавказе еврейского безземелья.

В 1930-х гг. в Маджалисе снесли синагогу, но община сохранила свитки Торы и продолжала собираться по домам. Тогда же был создан еврейский колхоз, который был впоследствии слит с соседним даргинским колхозом. Маджалис — одно из немногих горных селений, в котором евреи занимались сельским хозяйством еще в середине нашего столетия. После войны большая часть горских евреев постепенно покинула Маджалис и разъехалась в Дербент, Буйнакск и Махачкалу. В 1994 г. в Маджалисе проживало только 7 еврейских семей, остальные дома Еврейского Маджалиса населяли мусульмане.

После прихода русской армии на Северный Кавказ был основан целый ряд новых укрепленных поселений. Рядом с крепостями естественно возникали торгово-ремесленные посады, которые превратились в города. По крайней мере, в семи из этих городов в XIX в. поселились горские евреи.

В 1830-х гг. русская армия построила крепость на правом берегу реки Ярык-сай, в 80 км от Петровска. Вокруг крепости разрослось гражданское поселение Хасавюрт. В нем жили, среди прочих, русские евреи, демобилизовавшиеся из армии, и горские евреи. В 1860 г. в Хасавюрте жило 446 семей, 22 из них — горских евреев. Сюда активно съезжались горские евреи из соседних аулов, и уже в 1867 г. число семей горских евреев достигло 40 человек.

Еврейское население в Хасавюрте продолжало расти, и в 1874 г. согласно официальным данным здесь проживало всего 1280 евреев (ашкеназских и горских) при общем количестве населения 3900 человек, при этом большинство евреев было ашкеназского происхождения. В последующие годы число евреев в Хасавюрте несколько уменьшилось. В 1931 г. этому населенному пункту был присвоен статус города — и это послужило причиной притока сюда горских евреев.

После второй мировой войны еврейское население сильно сократилось. При переписи 1959 г. в Хасавюрте проживало 300 горских евреев.

В 1845 г. в 15 км от Хасавюрта была заложена крепость Гели-Бак. В этой крепости размещался армейский штаб, и она стала базой снабжения воинских

частей. В 1867 г. здесь проживали 112 евреев (горских и ашкеназских), что составляло 27% населения. В конце XIX в. все горские евреи покинули этот населенный пункт.

Горские евреи жили и в крепости Дашлагар в 62 км от Петровска на границе ханств Тарки и Кайтаг.

Евреи Дербента

Дербент — столица южного Дагестана, второй по величине город республики, расположен на берегу Каспийского моря в самом узком месте между горами и морем: это своего рода «сухопутный Гибралтар», знаменитые «Каспийские» или «Железные ворота». С древнейших времен на холме стоит крепость, от которой к морю тянутся две крепостные стены, между ними находится исторический центр города. В нем живут азербайджанцы, лезгины, армяне, русские и горские евреи.

Еврейская община Дербента была одной из самых древних на Кавказе. Но во второй половине XVII в. она прекратила свое существование и вновь возникла только в конце XVIII в.: сюда переселились евреи аула Аба-Сава, изгнанные Сурхай-ханом Казикумухским. Его воины вырезали большую часть населения Аба-Сава, выжившие бежали в Дербент и попросили убежища у Шейх-Али-хана, который выделил им участок земли в пределах города. По данным 1810 г. в Дербенте из 3953 жителей мужского пола 166 были горскими евреями. В те годы у евреев не было в городе своего кладбища, они продолжали хоронить умерших на кладбище в Аба-Сава.

В состав России Дербент вошел в 1806 г. Там был размещен большой русский гарнизон, поэтому город не был захвачен отрядами повстанцев во время Кавказской войны. Сразу начался приток евреев в Дербент из окрестных поселений южного Дагестана. На протяжении всего XIX в. еврейское население города непрерывно увеличивается. С 1835 г. по 1897 г. еврейское население возросло с 472 до 2190 человек, составив около 15% жителей Дербента. Новый приток евреев из горных аулов был связан с гражданской войной. В 1920-е гг. в Дербенте живет 7 тыс. евреев, что составляет не менее трети его населения. Наконец, в 1970—1980 гг. еврейское население Дербента составляет приблизительно 15 тыс. человек, то есть около четверти населения города. Многие семейства хорошо помнят до сих пор, из каких горных аулов переселялись в Дербент их предки.

Если население Дербента за сто лет (1824—1926) удвоилось, то за тот же период еврейское население города выросло в 15 раз. В 1824 г. всего жителей в Дербенте было 11 060, евреев — 239; в 1891 г. всего жителей было 15 200, евреев — 2 500; в 1959 г. — всего жителей 47 400, евреев — 11 700.

Сравнительно безопасная жизнь в Дербенте привлекала сюда горских евреев из окрестных аулов. Это было одной из причин постоянного роста еврейской общины в Дербенте в XIX в. В 1867 г. в нем проживало 1030 евреев,

в 1880 г. — 1690, в 1886 г. уже 1990 евреев (сюда входило и небольшое число ашкеназов), в 1893 г. — 2570 евреев.

Продолжался рост еврейского населения Дербента и в начале XX в. В 1904 г. здесь проживало 3320 горских евреев (общее население города около 20 000 человек), а в 1912 г. здесь проживало примерно 1000 еврейских семей (около 5 тысяч человек).

Прибывший в Дербент в 1824 г. кавказский наместник генерал Ермолов был поражен той теснотой, в которой жили жители города, и приказал коменданту фон Ашбергу снести крепостные стены, расширить город, и, среди прочего, велел выделить отдельные кварталы для армянского и еврейского населения. В целях такой перестройки и расширения фон Ашберг велел провести перепись населения, благодаря которой мы имеем первые официальные статистические данные о жителях Дербента.

Но стены так и не были разрушены, поскольку вскоре началась Кавказская война, и стены понадобились для защиты города. Евреи Дербента принимали активное участие в отражении набегов горцев. Об этом они сами писали позже генералу Паскевичу:

> *Во время набегов разбойников Кази-мулы в 1831 г. мы все взяли в руки оружие и защищали город плечом к плечу с русскими солдатами гарнизона, не раз выходили на бой за пределы городской стены и несли стражу в ночных дозорах.*[15]

В годы Кавказской войны население Дербента заметно уменьшилось. И дело не только в том, что люди погибали в боях. Мусульмане переходили на сторону восставших и многих из них российские власти высылали за это из Дербента. Еврейское же население не только не уменьшилось, а наоборот — увеличилось.

В 1848 г. в Дербенте были составлены списки тех, кто имеет избирательное право (по возрастному и имущественному цензу); всего в списке было 124 человека, 8 из них — состоятельные евреи.

В первой половине XIX в. в Дербенте, несмотря на то, что он был наиболее «русским» из кавказских городов, продолжали господствовать «азиатские» нравы. Например, в 1851 г. один из уважаемых евреев Дербента Зровавель б. Яков за неуплату долга был провезен по главной улице города верхом на осле, при этом его лицо и борода были вымазаны в навозе.

В упомянутом году в Дербенте проживали 182 еврейские семьи (около 900 человек). В 1876 г. еврейское население выросло до 1030 человек.

Евреи в Дербенте поселились в отдельной части города, называвшейся, как и в Кубе, Еврейская Слобода, которая занимала полосу шириной в 160 м и длиной в 285 м вдоль южной стены города. Вдоль слободы тянулись пять узких улочек, а поперек ее пересекали переулки и тупики, заканчивающиеся у стены.

---

[15] Козубский, 1906. С. 166.

Дербент привлекал евреев из окрестных аулов, и число домов в Слободе постоянно росло. В 1832 г. здесь было 52 дома, в 1856 г. — 130 домов, в 1866 г. — около 200. Это были одноэтажные домики, большинство из них не имело дворов. Были, однако, в Слободе и богатые дома состоятельных евреев.

Царский чиновник А. Беккер писал в донесении в конце XIX в.:

Еврейская Слобода состоит из маленьких домиков, обмазанных глиной. Плоские крыши тоже глиняные, их заливают асфальтом, доставляемым сюда из Баку. Перед домами — земляные завалинки. Помещение для скота отделяет от жилой части одна дверь.[16]

В 1860-х гг. в Дербенте работала специальная комиссия по расширению Дербента, зажатого между городскими стенами. Комиссии было поручено рассмотреть проблему Еврейской Слободы. Комиссия рекомендовала оставить в Слободе только одну широкую улицу, а маленькие улицы распределить между домами в качестве дворов. Также, для борьбы со скученностью населения и антисанитарией, было решено оставить в Еврейской Слободе 45—50 семей: они должны купить участки у остальных 150 семей, которых следовало переселить в новый район, за пределами городской стены.

Рекомендации комиссии были утверждены местным начальством, но евреи Дербента не спешили выполнять их: трудно было расстаться с обжитым местом, не могли договориться, кто останется на старом месте, а кто переселится. Кроме того, не было выделено достаточно средств для строительства нового поселка за городом. Но городские власти настаивали на выполнении принятых решений, требуя от евреев переселяться из Слободы. Тогда дербентские евреи пожаловались кавказскому наместнику. В 1870 г. наместник издал циркуляр, призывавший власти Дербента проводить реконструкцию Еврейской Слободы поэтапно, с соблюдением законов о правах жителей.

На протяжении 1860—1870-х гг. была проведена большая работа по реконструкции Дербента и расширению территории города. Он разросся на восток, к морю, и на юг. Для того, чтобы соединить центр города с новыми кварталами, были пробиты многочисленные проезды в южной стене.

Но и в конце XIX в. санитарные условия в Дербенте, в том числе в его еврейских кварталах, были очень тяжелыми. В конце XIX в. популярный беллетрист Вас. Немирович-Данченко, побывавший в Дербенте, писал:

В еврейских кварталах узкие улочки, по обеим сторонам которых глиняные домики, двери всегда открыты, и по ночам можно видеть, как еврейки при тусклом свете керосиновой лампы стелют постель прямо на глиняный пол.

[16] Беккер, 1871. С. 135.

Дома побелены известью, узкие переулки полны людей, все куда-то спешат. Маленькие дворики полны мусора, но комнаты, обращенные на улицу, чисты. В этих домах живут, в этих домах торгуют. В каждом третьем домике — лавка. Чем торгуют? Всем — фруктами, бакалеей, тряпками, чем угодно.[17]

В дополнение к скученности обитателей квартала еще одной из основных причин эпидемий были сточные воды. В 1810 г. дербентский пристав так описывал проблему городских стоков:

Сточные воды в верхней части города в ужасном состоянии. Из домов грязная вода попадает в канавки, по ним стекает в большую канаву, текущую по всему городу. Рядом в канавах протекает вода для питья: и нет сомнения, что вода из сточной канавы просачивается в канаву с питьевой водой.[18]

Неудивительно, что уровень смертности был очень высок, город нередко поражали эпидемии, не исключая и чуму.

С 1860 г. Дербент становится административным центром Южного Дагестана. Город был разделен на 14 районов — девять мусульманских, два русских, один армянский и один еврейский. Каждый район выбирал себе главу общины. Евреев в городское самоуправление не выбирали, но зато у них был свой глава Еврейской Слободы. В августе 1877 г. началось восстание горцев против русских властей, оно охватило почти весь Дагестан. В сентябре повстанцы во главе с Мехти-беком захватили селение Кумух под Дербентом и вырезали всех его жителей. Угроза погрома нависла и над Дербентом. В городе тогда находился небольшой русский гарнизон. Командир гарнизона занял оборону в крепости, тем самым давая понять, что солдаты не собираются защищать весь город. Мехти-бек приближался к городу. В Дербенте возникла паника: армяне начали переправлять свои семьи морем в Баку и Астрахань, евреи не знали, что им делать. Последняя возможность на спасение связывалась с прибытием парохода из Астрахани. В ожидании его на берегу под палящим солнцем скопились семьи русских, армян и евреев. Слухи, что банды восставших уже входят в город, ввергли огромную толпу в отчаяние и панику.

Власти Дербента, нуждавшиеся в защитниках, запретили мужчинам покидать город. Но в лодки, которые доставляли людей на борт прибывшего парохода, втискивались и мужчины.

Пароход не был способен принять всех: многие семьи евреев и армян остались в Дербенте, ожидая страшной участи. Но, на их счастье, 23 сентября в город прибыло подкрепление.

---

[17] Немирович-Данченко, 1911. С. 136—137.

[18] Козубский, 1906. С.288.

Основными занятиями горских евреев в Дербенте были разведение марены, виноградарство и виноделие, работа на рыбных промыслах, торговля. Евреи Дербента были обеспечены землей несколько лучше, чем другие общины горских евреев. В Дербенте появились первые богатые горскоеврейские семьи, например, миллионеры-рыбопромышленники Дадашевы.

Одним из факторов, привлекавших горских евреев в Дербент, было начавшееся строительство железной дороги.

В 1895 г. городу Дербенту было предоставлено самоуправление, проведены выборы в собрание городских уполномоченных. Представителем Еврейской Слободы в этом собрании был Пинхас Дадашев, один из самых состоятельных евреев города. В 1900 и 1904 гг. в собрание городских уполномоченных представителем горских евреев был избран Эфраим Ханукаев. Ханукаев владел большим домом в Еврейской Слободе, у него были виноградники, на которых работало множество людей.

Еврейские представители не играли заметной роли в городском собрании, их выслушивали только в том случае, когда вопрос касался непосредственно Еврейской Слободы. Уже в первый год своей работы городское собрание обсуждало санитарное состояние в Еврейской Слободе. На заседании выяснилось, что из 46 тыс. кв. м площади, занимаемой Еврейской слободой, львиная доля — 32 тыс. кв. м — находится под строениями. Во многих домах проживало по пять семей. Городское собрание решило, что улучшить санитарные условия можно только путем переселения части жителей в другое место. Для этой цели была создана специальная комиссия, но в нее не был включен ни один еврей. Комиссия работала медленно, проблема не решалась. В 1897 г. Совет принял решение о выделении участка земли в полутора километрах восточнее Дербента, ближе к горам. Это решение было ответом на просьбу 73 еврейских семей, живших на съемных квартирах или у родственников, выделить им бесплатно участки земли для строительства домов в новых районах города. Одновременно было решено, что участки земли выделят еврейским семьям, чьи дома подлежали сносу для расширения улиц и создания площадей и скверов. Совет также вступил в переговоры с владельцами земельных участков в Еврейской Слободе с целью выкупить их для прокладки новых улиц.

Но все попытки решения сложных и застарелых проблем градостроительства наталкивались в Дербенте на большие трудности. Основная тенденция развития города была направлена на восток, к морю, поэтому евреи не желали переселяться ближе к горам, и, тем самым, отдаляться от центральной, торговой части города.

Эта «тихая война» между городскими властями и еврейским населением продолжалась много лет. Городские власти неоднократно пытались вынудить евреев переселиться из слободы. На утверждение губернатора поступило предложение городского головы в принудительном порядке переселить в новый район часть жителей слободы, обязав их получить компенсацию за дома и участки, оставляемые на старом месте. Предложение было отклонено на том

основании, что по российским законам нельзя заставить людей покинуть свой квартал. Тогда городские власти решили действовать окольными путями. Была создана еще одна комиссия, которая должна была выявлять дома, представлявшие опасность, и рекомендовать их к сносу в обязательном порядке. В 1903 г. собрание уполномоченных вынесло полный запрет на строительство в Еврейской Слободе. Но и эти меры не принесли желаемых результатов: население Слободы продолжало расти.

В годы гражданской войны многие горские евреи бежали из своих аулов в города, где селились у родных, в синагогах, во временных жилищах. В 1925 г. известный востоковед Павлович писал о положении евреев в Дербенте:

В последние годы я побывал во многих городах Союза, но ни один город не оставил такого угнетающего впечатления разрухи, оставленной гражданской войной, как Дербент. Особенно ужасна Еврейская Слобода. Это в сущности одна огромная свалка. Узкие улочки, крошечные дворики. Дети в лохмотьях играют среди куч мусора.[19]

Как жили здесь около двух тысяч евреев (950 из них — дети), описал Зяма Островский в 1927 г.:

Жизненное пространство для семьи в среднем — 9 квадратных саженей. Это не дома — это катакомбы. Двери всегда открыты настежь, окна выбиты. Нет проточной воды, нет канализации. Улицы не вымощены, полны грязи, в воздухе стоит вонь.[20]

В феврале 1929 г. Президиум Верховного совета РСФСР поручил правительству Дагестана ликвидировать Еврейскую Слободу в Дербенте. После того, как это решение выполнено не было, Президиум Верховного совета РСФСР 10 января 1930 г. вновь принял решение о ликвидации Еврейской Слободы. Была создана комиссия для изучения всех вопросов, связанных с Еврейской Слободой. На основании отчета этой комиссии 21 ноября 1930 г. Совнарком Дагестана признал, что в деле реконструкции Слободы была проявлена халатность, и принял решение в течение года построить новый жилой квартал для ее жителей. Несмотря на эти жесткие и конкретные указания, до середины 1931 г. ничего для улучшения условий жизни в Еврейской Слободе предпринято не было.

Только в середине 1930-х гг. были построены несколько многоэтажных домов для жителей Еврейской Слободы. Власти не стали на этот раз считаться с чувствами евреев, снесли огромное количество домов и на их месте разбили Парк культуры и отдыха им. Ленина, существующий до сих пор. Так завершилась история Еврейской Слободы в Дербенте, просуществовавшей 140 лет.

---

[19] Альтшулер, 1990. С. 223.
[20] Альтшулер, 1990. С. 223.

С тех пор горские евреи не имеют в Дербенте отдельного квартала, скорее можно говорить о том, что они составляют существенную (не менее половины) часть населения нижнего, европейского города, в то время как мусульманское население концентрируется в средневековом городе около крепости. И после переселения в новые дома горские евреи стараются жить рядом друг с другом и поближе к синагоге. В городе есть несколько улиц, на которых большинство домов принадлежат евреям. То, что евреи в Дербенте живут в европейской, «русской» части города, во многом совпадает с их культурными установками.

Еще до революции Дербент стал культурной столицей горских евреев. Дербентские раввины из рода Ицхаки славились своей глубокой ученостью. Главный раввин Дербента был признан русскими властями главным раввином горских евреев Азербайджана и Дагестана, а также выполнял функции казенного раввина. Вообще в Дербенте существовало 4 синагоги, одна из них ашкеназская, так как в конце прошлого века туда, как и в другие города Кавказа, уже переехало значительное число европейских евреев. В настоящее время в Дербенте есть одна действующая синагога.

В 1930-х гг. в Дербенте создаются горско-еврейский театр, фольклорный ансамбль под руководством Танхо Израилова, выходит газета на татско-еврейском языке, создается писательская организация. Дербентский диалект татско-еврейского языка становится основой литературного языка горских евреев.

Перед началом алии горских евреев в Израиль в начале 1970-х гг. их численность в Дербенте достигала 15 тыс. человек, то есть дербентская община была самой многочисленной.

Горским евреям Дербента больше, чем любой другой горско-еврейской общине, свойственен «ашкеназский» стереотип поведения, прежде всего, в стремлении к образованию. Среди евреев Дербента множество высокообразованных людей: учителей, врачей, инженеров. Так как большинство получало образование в России, они хорошо владеют русским языком. В то же время современное образование не мешает еврейской общине Дербента сохранять достаточно высокий уровень национального самосознания. В Дербенте в период перестройки появилась еврейская школа. Именно из Дербента началась основная эмиграция горских евреев в Израиль.

Характерно, что горские евреи Дербента и Красной Слободы, расположенных неподалеку друг от друга и только в последние годы разделенных государственной границей, испытывают друг к другу своего рода презрение. Если для дербентских евреев жители Красной Слободы «невежественные торгаши», то для евреев из Слободы дербентцы «гордецы» и «белоручки».

Алия 1970-х гг., в отличие от алии 1990-х гг., не привела к резкому сокращению численности еврейской общины Дербента. Зато в последние годы именно из Дербента выехало евреев больше, чем из других горско-еврейских общин. Связано это в том числе и с высоким образовательным уровнем его жителей. Дагестан — один из самых бедных регионов России, и многие хорошие

специалисты в условиях растущей безработицы не могут найти применения своим способностям. Кроме того, к эмиграции подталкивает и такая специфическая для Дагестана причина, как очень высокий уровень преступности. На сегодняшний день в Дербенте вряд ли осталось больше 5 тыс. евреев.

Евреи Буйнакска

После присоединения Дагестана к России было создано много крепостей, вокруг которых позже выросли города. Один из них — Темир-Хан-Шура, который в 1921 г. переименовали в Буйнакск. Возник город рядом с русской крепостью, построенной в начале 1830-х гг. на берегу реки Шура-озен. В 1850 г. здесь, кроме военнослужащих, уже жили русские и армянские торговцы и несколько семей горских евреев-ремесленников. В 1880-х гг. поселение выросло, окружавшие его болота, бывшие причиной малярии, были осушены, условия жизни улучшились. В 1858 г. в Темир-Хан-Шуре было 200 жителей, из них 89 — горских евреев. В 1867 г., по свидетельству И. Черного, еврейский квартал в городе насчитывал 35 домов.

В ноябре 1866 г. Темир-Хан-Шуре был присвоен статус города, в ней тогда жило 7 тыс. человек, 406 из них — евреи (в том числе и ашкеназы). В 1880—1890-х гг. в город продолжали переселяться горские и ашкеназские евреи, и в 1894 г. их общая численность достигла 1340 человек.

В середине 1890-х гг. русским евреям было запрещено селиться в Темир-Хан-Шуре, и число их стало снижаться. Согласно переписи 1897 г. в городе проживало 1200 евреев, что составляло 13% всего населения.

Несмотря на запреты, евреи все же тянулись в Темир-Хан-Шуру. В начале XX в. здесь жило 1800 евреев (28% всего населения города). В 1912 г. в городе было 1930 евреев, 1200 из них — горских. В 1926 г. в Темир-Хан-Шуре, которая стала называться Буйнакском, было 1470 евреев, в том числе 890 горских. Обе еврейские общины города — ашкеназская и горская — имели одно общее кладбище.

До конца 1950-х гг. число горских евреев в Буйнакске так и не выросло, видимо, естественный прирост уравновешивался миграцией в другие города.

В последние годы еврейская община Буйнакска резко уменьшилась за счет миграции в другие города и страны и составляет едва ли больше двух-трех сотен человек. О ее былом процветании напоминает кирпичное здание действующей синагоги, одной из самых величественных на Восточном Кавказе.

Горские евреи в Махачкале

Порт-Петровск, который позже стал называться городом Петровском, сейчас носит название Махачкала и является столицей Дагестана. Свое начало он берет от крепости Бурной, заложенной русскими в начале 1820-х гг.

неподалеку от аула Тарки. Главной задачей новой крепости была защита кораблей, разгружавшихся там, где горы очень близко подходят к Каспийскому морю.

Во время Кавказской войны, в начале 1830-х гг., военные власти убедились, что гарнизон крепости, расположенной в семи километрах от берега, не может эффективно защищать корабли от воинственных горцев. Поэтому была построена еще одна крепость — Низовая, в трех километрах от берега моря. Этого оказалось недостаточно, и в 1844 г. построили еще одну крепость на холме у самого берега, куда и переместился гарнизон. Гражданское население, поселившееся вокруг крепости Низовая, перебралось вместе с гарнизоном ближе к берегу, в новую крепость.

На холме, на котором была построена эта последняя крепость, по преданию, сделал привал Петр I во время своего похода на Кавказ в 1722 г. Поэтому крепость была названа Порт-Петровском.

Благодаря строительству порта, город стал торговым центром, в который стали прибывать русские, армянские и еврейские купцы. В середине XIX в. в Петровске уже поселилось несколько семей горских евреев. В 1857 г. Петровску был присвоен статус города, его население тогда составляло 2200 человек. В описании города, составленном в 1860-х гг., говорится, что в нем живет немало ремесленников, в основном — евреев.

В 1880 г. здесь жило 93 горских еврея, в 1886 г. — 123 (15 семей). В этот период еврейскую общину возглавлял раввин Биньямин б. Раби.

После того, как в конце XIX в. было завершено строительство железной дороги, проходившей через Петровск и соединявшей Баку с Ростовом-на-Дону, население города стало стремительно расти. В 1912 г. в нем проживали уже 453 горских еврея. По переписи 1926 г. в Петровске (Махачкале) жило 2 050 горских евреев (при общем населении 31 700 человек). Вместе с русскими евреями они составляли 11% населения (3500 человек), занимая второе место после русских, составлявших половину населения.

За годы советской власти еврейское население Махачкалы резко выросло, но в процентном отношении доля евреев среди всего населения города уменьшилась. В 1959 г. в Махачкале насчитывалось 1900 горских еврея (1,6% населения).

Еврейская община существует в городе и сейчас, хотя численность ее уменьшилась. В Махачкале функционирует горско-еврейская синагога.

ГЛАВА 12

Горские евреи на Северном Кавказе

Горские Евреи появились на Северном Кавказе достаточно поздно, во второй половине XIX в. Первыми еврейскими поселенцами были беженцы из Эндери и других аулов Кумыкской плоскости, пытавшиеся скрыться в русских крепостях во время Кавказской войны. Большинство евреев на Северном Кавказе селились не в селах, а в городах и крепостях. Было всего несколько сельских общин горских евреев в этом регионе.

На территории, вошедшей позже в Кубанскую область, в 1830-х гг. горские евреи жили в казачьей станице Джегонакская в 20 км от Баталпашинска. В 1886 г. здесь насчитывались 52 семьи горских евреев. В 1897 г. из 682 жителей станицы 322 были горскими евреями. Во время гражданской войны станица была разрушена, а евреи бежали в соседний Моздок. Точно так же покинули свои дома в годы гражданской войны горские евреи, жившие в казацкой станице Червленная, в 30 км от Грозного.

Еврейская община Нальчика

Нальчик, столица Кабардино-Балкарии, расположен в 120 км западнее Грозного. В Нальчике находится самая большая горско-еврейская община на Северном Кавказе.

В 1818 г. русские войска построили на берегу реки Нальчик крепость. Во время Кавказской войны вокруг крепости стало селиться гражданское население. Сюда же перебрались и горские евреи из Эндери и крепости Внезапная.

В 1867 г. рядом с крепостью Нальчик проживало 74 семьи горских евреев. После подавления восстания крепость потеряла свое стратегическое значение и получила статус открытого населенного пункта.

Еврейский поселок в Нальчике, Еврейская колонка или просто Колонка (то есть «Маленькая колония»), расположился в километре от центральной части города. Вот как, по словам очевидца, выглядела Колонка в 1871 г.:

Вокруг каждого дома — плетень, плетнем огорожен и весь поселок, улицы большую часть года покрыты пылью, которая легко поднимается в воздух

при малейшем дуновении ветра. В дождливые дни дороги превращаются в топь. В отличие от казацких станиц, здесь на почетном месте, на возвышении стоит не церковь, а синагога. Дома построены в ряд, очень близко друг к другу, улицы узкие — как это принято во всей Азии. Перед каждым домом — завалинка, в каждом дворе небольшая пристройка — кладовая. Домики снаружи побелены. Вдоль улиц, во двориках — много деревьев.[21]

С 1870-х гг. и до середины 1920-х гг. еврейское население Нальчика неуклонно росло. В 1874 г. в Еврейской Колонке жило 600 человек, в 1897 г. — 1040 (около трети населения Нальчика), в 1926 г. — 1500 человек (11,3% всего населения города).

Несмотря на рост населения, территория Еврейской Колонки не увеличивалась, ее внешний облик менялся очень медленно. И в середине 1920-х гг. улицы не были вымощены, не имели освещения, не было водопровода, жители пили воду из речки, стекавшей с гор. В речку попадали стоки из расположенного выше по течению кожевенного завода, неудивительно, что за 8 месяцев в 1926 г. здесь было зарегистрировано 1778 случаев инфекционных заболеваний.

Дома в Еврейской Колонке были в основном глинобитными, в них жили обычно 3—4 семьи. Плохое питание, неблагоприятные санитарные условия были причиной высокой смертности в этом районе, особенно — среди детей и новорожденных. Женщины рожали в среднем по 5—6 детей, но более 20% новорожденных умирали в первый год жизни, еще 25% погибали в возрасте от года до 14 лет. 10% населения умирало в возрасте от 10 до 30 лет.

Перед второй мировой войной часть горских евреев стала переселяться в другие районы города, и в Еврейской Колонке появились семьи русских, немцев, кабардинцев. Во время оккупации Нальчика немцами Еврейская Колонка почти не пострадала (об этом рассказано выше). Посетивший Нальчик в конце 1950-х гг. Х. Погорельский пишет:

Еврейская Колонка расположена слева от железнодорожного вокзала на площади в 4—5 гектаров. Главная улица покрыта булыжником, переулки не вымощены ничем. В поселке — около 950 домов, свыше 100 из них — весьма ухожены. Возле этих домов — сады в 3—4 сотки: в них выращивают кукурузу, дыни, огурцы и прочие овощи. Остальные дома — маленькие, глинобитные, состоят из двух комнат. Площадь каждой комнаты — 14—16 кв. м.[22]

По данным на конец 1980-х гг. Нальчик являлся одним из важнейших центров проживания горских евреев, здесь их насчитывалось до 10 тыс. человек.

---

[21] Дубелир, 1871. Гл. 4. С. 115.

[22] Альтшулер, 1990. С. 233.

В перестроечные годы в Нальчике возникло еврейское культурное общество, еврейская школа, детский фольклорный ансамбль. Горско-еврейская община издает газету.

В конце 1980-х гг. началась массовая эмиграция евреев из Нальчика в Израиль, которая продолжается до сих пор. Одной из причин алии, также как в Дербенте, послужил высокий уровень преступности. В настоящее время еврейское население Колонки насчитывает не более 5 тыс. человек.

Горские евреи в Грозном

Грозный, столица Чеченской республики, расположен в 150 км северо-западнее Махачкалы. Вырос он из крепости Грозная, построенной в 1818 г. Первые горские евреи в Грозном — беженцы из аула Эндери (Андреевка).

В 1867 г. в Грозном насчитывалось 932 горских еврея. В 1869 г. Грозному был присвоен статус города, и это привело к переселению сюда большого числа евреев. В 1874 г. здесь проживало уже 1260 горских евреев (при общем населении 8450 человек). Но очень скоро еврейское население заметно сократилось — одни не нашли себе заработков, другие не получили статуса постоянных жителей. К 1877 г. здесь осталось всего 576 горских евреев. В 1893 г. под Грозным обнаружили нефтяные залежи, что привело к быстрому развитию города. Сюда стали прибывать и русские евреи. В 1897 г. здесь проживало 1710 евреев (горских и ашкеназов), составлявших 11% городского населения. В начале XX в. здесь было уже 2300 евреев, в 1912 г. — 3200 евреев.

Первый молитвенный дом был построен в 1875 г., а в 1900 г. его заменила большая купольная синагога, построенная из кирпича. Горские евреи имели свой отдельный квартал, который был полностью разрушен в годы гражданской войны. Тем не менее, в это время еврейская община Грозного растет, туда стекаются беженцы-евреи из соседних аулов, где было еще опаснее.

В 1921 г. в Грозном было около 4000 горских евреев. Позже часть из них вернулась в свои аулы. При переписи 1926 г. в Грозном насчитывалось только 1500 горских евреев (при общей численности населения 97 000 человек).

Большинство горских евреев в Грозном жили в очень тяжелых условиях. Дома состояли из одной-двух комнат с земляным полом, площадью 3—4 кв. м. В домах жили 8, 10, иногда 12 человек в одной комнате. Единственная мебель в доме — циновка, в лучшем случае — невысокие топчаны, которые служили и столом, и стульями.

Тем не менее, число горских евреев в городе росло и в советское время. В начале 1930-х гг. община насчитывала 3000 человек. Евреи жили в своем районе, именуемом Слободка. В городской газете тогда писали:

Здесь <в Слободке> *нет электричества, нет водопровода, жители вынуждены пользоваться грязной водой из реки Сунжа. В Еврейской Слободке нет ни одного магазина, ни одного ларька, и чтобы купить хлеб или*

коробок спичек, нужно бежать в центр го́рода. Условия жизни в Слободке очень плохие, дома старые, покосившиеся, вот-вот рухнут.[23]

Вплоть до середины 1930-х гг. Еврейская Слобода оставалась самым запущенным районом города.

В начале 1970-х гг. в Грозном проживало около 6 тысяч евреев, большинство — ашкеназы. В последние годы, в связи с Чеченской войной, практически все еврейское население покинуло Грозный, мигрировав в Израиль и в Россию, прежде всего в города Северного Кавказа, не затронутые войной.

Кроме Нальчика и Грозного небольшие общины горских евреев существовали и существуют в других городах Северного Кавказа: в Моздоке, во Владикавказе, в Пятигорске и в Ставрополе. Кроме того, множество горских евреев живет по всей России, вне границ Кавказского региона.

---

[23] Альтшулер, 1990. С. 231.

ГЛАВА 13

Межобщинные и межнациональные отношения

Взаимоотношения горских и ашкеназских евреев

До присоединения Кавказа к России основными контактами горских евреев были контакты с другими еврейскими общинами Востока. Источником влияния и авторитета для них служили общины и раввины Ирана, Ирака и Эрец Исраэль. Еще в начале XIX в. раввины Дербента ездили учиться в Багдад.

После присоединения Кавказа к России стало усиливаться влияние ашкеназского еврейства на горских евреев. Нельзя сказать, что взаимоотношения русских и горских евреев были с самого начала достаточно тесным и бесконфликтным: мешал языковый барьер, различия в богослужебной практике, несовпадение образа жизни и т. д. Местный еврей не всегда мог отличить еврея-ашкеназа от русского, для европейского еврея местный еврей терялся в толпе «невежественных азиатцев». Известно, что европейские евреи, насмехаясь над необразованностью горских евреев, называли их «быками». Горские евреи платили ашкеназам той же монетой: считали их вольнодумцами, не поддерживали деятельность Общества распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). Европейские евреи иногда отказывались признавать шхиту горских шойхетов и наоборот.

Подробную картину межобщинного конфликта дает в своей статье И. Анисимов. Читая его рассуждения, надо иметь в виду, что Анисимов, будучи сам горским евреем, выступает в своей работе как неофит и энтузиаст европейского образования, а потому склонен к чрезмерной критике своих соплеменников. Тем не менее, из того, что он пишет, видно, как непросто складывались отношения горских и «европейских» евреев в конце XIX в.:

> *Многого, что есть у европейских евреев, нет в религии горских, и мне пришлось заметить, что многие религиозные обряды горских евреев неизвестны у европейских. Большинство русских или европейских евреев, которых горцы называют «эшгенези», будучи более или менее образованными и более развитыми, чем их кавказские единоверцы, не слишком придерживаются устаревших обрядов Талмуда, чем не редко вызывают против себя в этих дикарях негодование. «Эшгенези», по их мнению, то же, что и «эпикурусы» (отступники). Но есть и другая странная причина неудовольствия горских евреев против европейских. По завоевании Кавказа Россией, многие солдаты из русских евреев, поселившиеся в городах, почему-то дали*

своим единоверцам, горским евреям, принимавшим их радушно, прозвище «бык». Вероятно, этим они хотели указать на их грубость. Это прозвище осталось за ними и до наших дней.

По примеру первых, и последующие поселенцы на Кавказе из русских евреев стали величать своих единоверцев «быками». Но горские евреи, отличаясь детским самолюбием и раздражительностью, считают такое прозвище для себя величайшим оскорблением. Не раз я видел, что они приходили в ужасное негодование от этой клички, доходили до драки со своими нежеланными соседями единоверцами и, наконец, давали себе слово ничего не иметь с ними общего. Вообще высокомерие, с которым относились русские евреи к горцам, при всяком удобном случае, повело к тому, что между теми и другими возникло значительное препятствие к сближению. Евреи-горцы стали удаляться от русских евреев и перестали питать к ним доверие. Эта вражда продолжает существовать и до наших дней. Насколько сильна она, можно судить из того, что у горских евреев сложилась пословица: «Эшгензире эз ховоре кушде хуб, эз песей кофою бисдоге бешгай», т. е. «не хорошо убивать европейского еврея чрез горло (резать), а непременно чрез затылок, чтобы мучить его».

Недавно произошло в городе Темир-Хан-Шура между европейскими и горскими евреями следующее столкновение. У русских евреев был один кантор, который исполнял у них вместе с тем роль резника и мясника. Горские евреи, привыкшие на зиму делать запасы копченого и сушеного мяса, очень мало употребляли свежей мясной провизии и не стали заводить своей мясной лавки, а брали свежее мясо, когда потребуется, у русского еврея мясника. Но вот в городе год от году стало прибывать число горских евреев холостяков, которых привлекали сюда торговые цели и заработки. Вследствие большего требования мяса, явилась у горских евреев потребность открыть свою мясную лавку. Этого желали они еще и потому, что, как носились слухи: резник русских евреев насчитывал лишнее на тех, которые брали у него мясо на книжку. Явились двое из горских евреев, которые попросили бывшего тогда главного рабби горских евреев М-ва резать для них мясо, и открыли свою мясную лавку. Увидев хорошее мясо, и многие из русских евреев стали покупать у них. Не прошло и года, как резник русских евреев почувствовал в покупателях большой недостаток, начал возводить обвинения на главного рабби горских евреев, рассказывая в городе, что он не умеет резать, не знает правил резания скотины «Шахидо» и проч. и проч. Наконец, он увлекся до того, что в субботний день взял заповеди и сказал, что, присягая на них, он подтверждает негодность мяса (трефность) приготовляемого горским рабби. Слух этот дошел до горских евреев и их рабби: горские евреи страшно возмутились и потребовали у своего рабби опровержения взведенного на него ложного обвинения и наказания клеветника. В следующую субботу собрались несколько

горских евреев и отправились, кто с палкой и оружием, (по субботам горские евреи не носят оружия) со своим рабби в синагогу русских евреев. Рабби начал требовать от кантора объяснения, но тот начал увертываться; тогда горские евреи начали горячиться, ругать всех русских евреев мошенниками и грозить разбить их синагогу и убить их всех, в случае повторения таких гнусных обвинений. В некоторых местах синагоги даже началась драка и, вероятно, много бы пришлось потерпеть русским евреям, если бы не вмешательство самого рабби, который убедил своих приверженцев оставить это дело без последствия до следующего повторения подобного случая. Такие случаи, в которых является у горских евреев сильное желание разгромить своих недоброжелательных единоверцев, русских евреев, бывают нередко и не в одном городе.[24]

Все же, несмотря на все конфликты, благодаря контактам с русскими евреями жизнь еврейских общин Кавказа перестала протекать в полной изоляции от остального еврейского мира. Молодежь стала отправляться на учебу в европейскую Россию, преимущественно в литовские иешивы. Так, например, в знаменитой Воложинской иешиве учился один из первых горско-еврейских писателей, раввин аула Тарки, р. Шербет Нисим-оглы, отец первого историка горских евреев Ильи Анисимова. Усилился приток религиозной литературы, изданной в Вильне, Варшаве и т. п. (Еврейское книгопечатанье на территории Восточного Кавказа так практически и не возникло).

Постепенно горские евреи начинают все больше взаимодействовать с ашкеназами. В Баку появляется смешанный еврейский квартал, в котором рядом живут ашкеназские, горские, грузинские и курдистанские евреи. Разнообразные контакты между горскими и европейскими евреями почти не приводят, однако, к возникновению смешанных общин, также почти не имеют места межобщинные браки.

Пожалуй, единственным исключением являются контакты между горскими евреями и русским прозелитами иудаизма, герами, которые были носителями ашкеназской традиции, нусаха ашкеназ, и имели достаточно высокий уровень религиозного самосознания. Геры жили на Северном Кавказе. Кроме того, начиная с 1840-х гг., Закавказье стало местом ссылки геров.

Так, в южном Азербайджане расположено село Привольное, населенное герами и субботниками. С конца XIX в. горские евреи начинают переселяться в Привольное, где их охотно принимают геры. Всего в Привольное переехало около 20 семей горских евреев. Горские евреи в Привольном быстро ассимилировались, в том числе за счет смешанных браков, так как геры считали для себя за честь браки с «природными» евреями.

Интересно, что уже в 1940-х гг. в еврейское предместье Кубы Красную Слободу переселяется около 15 семей геров из села Ильинка (Воронежская

[24] Анисимов, 1888. С. 172—175.

область). Они справедливо полагали, что в еврейской среде Красной Слободы они смогут соблюдать все предписания иудаизма лучше, чем у себя дома. В 1970-е гг. геры из Красной Слободы выехали в Израиль.

Известно, что геры на Кубани пользовались услугами горских шойхетов и моэлей. Когда 1901 г. геры из кубанской станицы Радниковской решили принять участие в сионистском движении, они обратились за помощью к сионистскому активисту горскому еврею М. Богатыреву.

В начале XX в. русские евреи на Кавказе были уже совсем иными, нежели в предыдущем столетии: появилось много образованных людей, представителей революционной и сионистской интеллигенции. Среди русских евреев стали все чаще раздаваться слова самокритики по поводу несправедливого отношения к горским евреям. Горские евреи, видя желание помочь им, были весьма благодарны. Все это служило делу сближения между общинами. Сближению способствовало и сионистское движение, которое с самого начала видело в горских евреях неотъемлемую часть еврейского народа.

Сближение двух общин, ашкеназской и горской, происходило в значительной мере после революции, на основе их секуляризации и распада замкнутой жизни в общине. Особенно остро обе общины почувствовали принадлежность к одному народу в годы Великой Отечественной войны, когда на Кавказ прибыли десятки тысяч беженцев-евреев, которые были весьма гостеприимно приняты горскими евреями.

Очевидным признаком сближения двух общин явились смешанные браки между их представителями. К примеру, в 1967 г. в Дагестане женились 84 горских еврея, 14 из них — на русских еврейках. В том же году в Дагестане женилось 54 русских еврея, и 14 из них — на горских еврейках. И это при том, что браки горских евреев с представителями других народов Кавказа — большая редкость.

Взаимоотношения горских евреев с мусульманами. Антисемитизм на Кавказе

Положение горских евреев было двойственным. С одной стороны, в дополнение к так называемым Омаровым законам, которыми регламентировалось положение евреев и христиан в мусульманских странах, горские евреи терпели целый ряд дополнительных унижений. Горские евреи под властью мелких мусульманских феодалов подвергались всевозможным притеснениям, о чем свидетельствуют многочисленные случаи их насильственного обращения в ислам. Кроме обычных налогов и хараджа (специальная подушная подать для иноверцев в мусульманских странах), евреи обязаны были выполнять всяческие унизительные повинности и грязные работы.

Жизнь горских евреев протекала в замкнутых поселках-гетто, которые, как правило, являлись пригородом нееврейского поселения, например,

пригород Кубы — Еврейская Слобода или пригород Варташена — Джугутлар. Еще в начале XX в. еврею было небезопасно покидать территорию своего поселка: его могли безнаказанно оскорбить, избить, ограбить.

Проявлением неполноправия евреев являлось их безземелье. Например, источники свидетельствуют, что основным занятием евреев, проживавших в селениях Варташен и Мюджи (Азербайджан), было табаководство. Но практически все евреи возделывали табак на арендованной земле, обрабатывая ее исполу. О безземелье свидетельствует и замеченная нами в экспедициях скученность домов в еврейских поселениях и кварталах, будь то Куба, Варташен или Маджалис: евреи не имели достаточного количества своей земли для обширного приусадебного участка.

С другой стороны, положение горско-еврейских общин, особенно в горных аулах, было, вероятно, лучше, чем положение других еврейских общин в мусульманском мире, допустим, бухарских евреев: горские евреи носили обычный кавказский костюм, в том числе, как и все кавказские горцы, кинжал, и не должны были надевать определенную одежду или особые отличительные знаки. Главное (если не единственное) отличие еврейского костюма от костюма кавказского горца заключалось, по словам всех наших информантов, в существенно меньшем количестве серебряных украшений, что указывает на низкий социальный статус его хозяина (о том же свидетельствуют дореволюционные фотографии).

Горский еврей в своих жизненных проявлениях во многом являлся типичным кавказским горцем и, как всякий кавказец, носил на поясе кинжал. Кинжал имеет, прежде всего, символическое значение, указывая на включенность его обладателя в сложный контекст межплеменных, межродовых и межличностных отношений, таких как побратимство, кровная месть и т. п., регулируемых адатом, то есть обычным правом. Действительно, все эти кавказские обычаи были характерны для горских евреев. Этнографы неоднократно отмечали хорошие взаимоотношения между горскими евреями и горцами-мусульманами, в том числе заключение между ними побратимства.

Иуда Черный писал:

> *У мусульман есть кунаки в еврейских аулах, у евреев — кунаки в мусульманских. Когда еврей приезжал к другу в аул, тот принимал его очень торжественно, селил в самой лучшей комнате для гостей. Хозяин старался считаться с религиозными чувствами гостя и не готовил для него пищу, запрещенную еврейской религией. Евреи иногда обменивались с кунаками оружием — это означало кровный союз.*[25]

И в то же время убийство еврея мусульманином было явлением повседневным. Причины преступления могли быть не только религиозными,

[25] Черный, 1870. С. 6.

но и экономическими. Шапиро в своей статье приводит примеры эпитафий из Кубы, свидетельствующих о подобных событиях:

На старом кладбище в Еврейской слободе мы нашли могильный памятник со следующей надписью на древнееврейском языке:

В ночь под первый день Пасхи года 5537[26] *вырезана иноверцами вся семья Шафата, сына Офида, от мала до велика: сам Шафат, его жена Оснат, дочь Мариам, дочь Сарра, дочь Ревекка, сын Мордухай, сын Авраам, сын Нехах. Все они похоронены во второй день праздника Пасхи. Пасха для них превратилась в Девятое Аба. Их обитель стала местом их гибели. Так было угодно Богу, Творцу Вселенной.*

Об убийстве этой горско-еврейской семьи старожилы рассказывают следующее:

Шафат со своей семьей жил на «той стороне»[27]*. Он был большим знатоком ковроткачества и вместе со своей многочисленной семьей наладил большое производство ковров и широко торговал ими. Бог благословил его труд, и слава о его коврах распространилась по всем городам и дошла даже до Петербурга. На базаре и ярмарке все спрашивали ковры Шафата. Тогда другие ковровщики из кубинских сынов Исмаила сговорились, напшли убийц и в пасхальную ночь облили его дом нефтью, сожгли всю его семью, склады шерсти и ковров разграбили, а овечью отару угнали в горы и вырезали. После этого все родные и друзья Шафата, а также много других запуганных горских евреев покинули Кубу и переселились в слободу.*

Там же, на старом кладбище, мы заинтересовались другим памятником года 5526[28]*. Надпись на нем гласит:*

Ветвь жизни Нуриеля, сына Гуны, обломилась в полном расцвете. Злые люди из неверных обрубили эту ветвь...

Дальше можно было разобрать только отдельные слова:

...«зависть шипящей змеи», «невинная кровь», а в конце имя «Цидкия».

Об этой могиле и о судьбе Нуриеля поведал нам кладбищенский сторож: Нуриель работал батраком у богатого садовода и виноградаря в Кубе.

---

[26] Год от Сотворения Мира, т. е. 1777 г.

[27] То есть в самой Кубе, а не в Еврейской Слободе, расположенной на противоположном берегу реки Кудиял-чай.

[28] Год от Сотворения Мира, т. е. 1746 г.

Благодаря искусству Нуриеля, хозяин стал обладателем таких вин, каких не мог изготовить никто из виноградарей, его соперников.

Однажды Нуриель объявил хозяину, что он собирается обзавестись семьей и будет работать на виноградниках отца своей будущей жены.

Тогда хозяин предложил ему в жены свою дочь, если Нуриель примет Ислам. Нуриель отказался. Вскоре он женился, и в погребах его тестя появились вина новых сортов, а из погребов бывшего хозяина такие же вина исчезли. Скоро Нуриеля нашли убитым...[29]

Даже в конце XIX в., несмотря на формальное уравнивание правового статуса горских евреев с мусульманами, жизнь евреев оставалась очень тяжелой и небезопасной. Вот как описывает положение евреев Варташена в 1885 г. в статье «Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда, Елисаветпольской губернии» статистик А. И. Арасханьянц:

Социальное положение евреев самое жалкое. Бросить камень в еврея и бить его без всякого повода позволяет себе каждый татарин[30]*, каждый мальчишка. Гонимые татарами, джугушларцы*[31] *не рискуют отправиться в одиночку в Нуху и даже в соседние селения, кроме Варташена: у еврея отнимут лошадь и ограбят его. В виду этого они отказываются давать конных проводников по требованию властей, из боязни быть ограбленными и потерять лошадей.*[32]

Образ жизни, общественные и политические проблемы, различие в вере, недостаток земли и воды порождали враждебность. В XIX в. соседи-мусульмане нередко перекрывали каналы, по которым вода поступала на поля евреев. Борьба за воду шла между всеми селениями, но когда затевался спор между разными этническими группами, он проходил с особой яростью. Так, в 1893 г. из-за воды произошла кровопролитная стычка между евреями Варташена и их соседями-мусульманами.

Многие еврейские аулы жаловались властям на то, что мусульмане грабят еврейские захоронения, срывают надгробные плиты на их кладбищах, используя их камни для строительства своих домов.

Часто осквернение еврейских кладбищ было просто выражением ненависти к евреям. Соседи считали евреев народом чуждым, пришлым, который занял часть их земли. Зачастую они сторонились евреев, были настроены к ним враждебно. В одной из жалоб царю, отправленной в середине 1840-х гг.,

---

[29] Шапиро, 1983. С. 85—86.

[30] На Кавказе татарами до революции называли азербайджанцев.

[31] Джугушлар — еврейское предместье Варташена.

[32] Арасханьянц, 1887. С. 115.

Горский еврей, Дагестан. Фото начала века.

Горские еврейки - переселенки из Дагестана на Северный Кавказ, 1930. Массивные серебряные пояса - главное украшение традиционного женского костюма.

Горские евреи, солдаты царской армии. Чечня, 1900 г.

Горские евреи. Станция Хачмас, Северный Азербайджан. Фото начала века.

Еврейская Слобода, Куба. Отреставрированный дом конца XIX в.

Семейство горских евреев. Дагестан. Фото начала века. Обращает на себя внимание массивный серебряный амулет на груди у девушки.

Члены инициативной группы по введению латинской графики в письменность горских евреев. Грозный, февраль 1929.

Варташен.
Большая синагога
после реставрации
Построена
в конце XIX в.

Лубочная картинка из
Цфата с изображением
жертвоприношения
Исаака. Нач. XX в.
Хранится
в горско-еврейском
семействе в селе
Привольное,
(Азербайджан).
Такие лубки часто
привозили на Кавказ
из Палестины
в начале века.

Еврейская
Слобода, Куба.
Здание синагоги,
построена в нач.
XX в. На фасаде
виден автограф
архитектора -
Гилель б. Хаим.

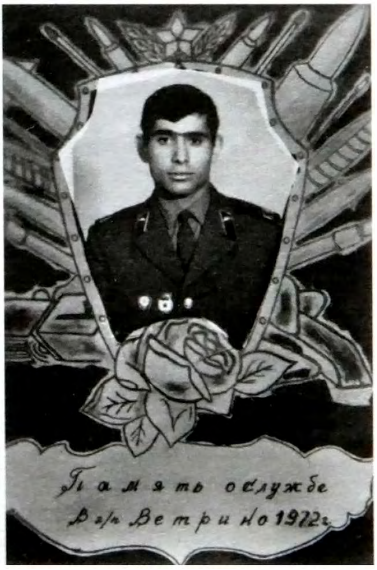

Группа горских евреев-музыкантов на проводах в царскую армию Хицила Елизарова (стоит справа в военной форме). Куба, Азербайджан, 1896 г.

Нисан Рабиов,
солдат Советской армии, 1943 г.

Юрий Рахмилов, солдат Советской армии. Дагестан, 1972 г.

Бенцион Шиманов,
член Семеновского
коллективного хозяйства
с семьей за ужином.
Виноград и вино на столе
- продукты их труда.
Дербент, 1933 г.

Хаим Хискелов
и другие члены колхоза
на сборе винограда.
Дербент, 1945 г.

Ученицы еврейской школы пос. Куба во время работы в близлежащем колхозе. 1960 г.

Исайя Эрмиягу.
Среди военных орденов и медалей - награда за достижения в сельском хозяйстве и колхозном строительстве. Дербент.

Выпечка "чуреков" в еврейском колхозе Смидович. Дербент, 1933 г.

Еврейские колхозники во время сева в колхозе Смидович. Дербент.

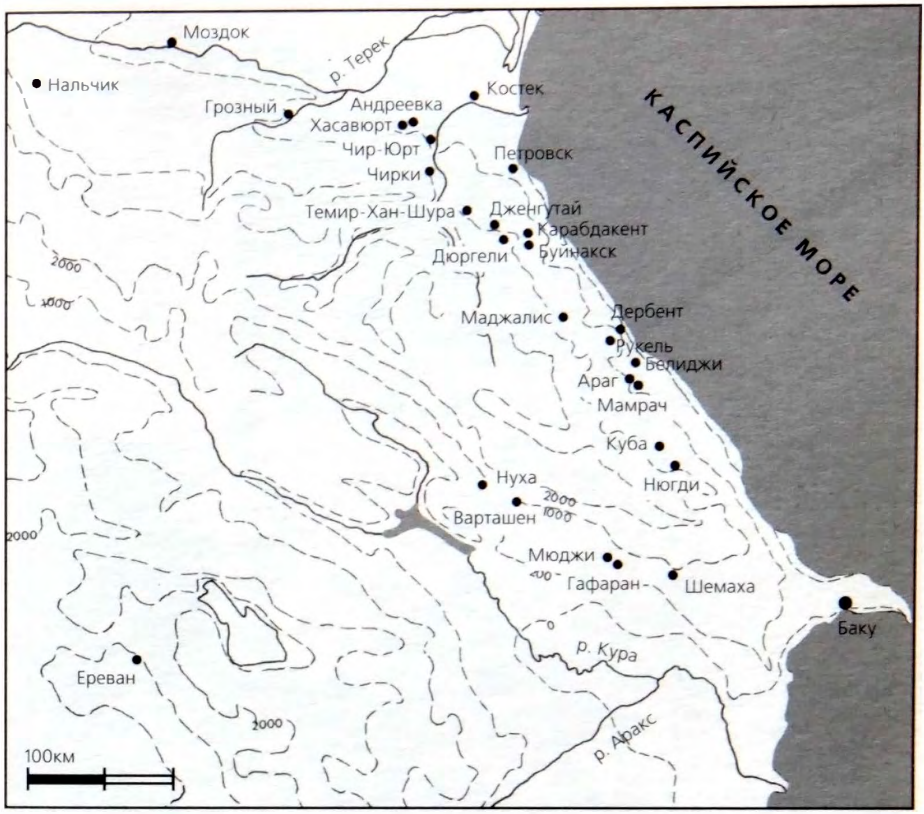

Еврейские земледельцы из Дербента, удостоенные звания героев Советского Союза на ВСХВ в Москве, 1957 г.

Члены колхозов им. Ленина и Кагановича на праздновании 30-летия победы в Великой Отечественной войне. Дербент, 1975 г.

Общины горских евреев
на Кавказе в 19 веке.

Еврейская Слобода, Куба. Старые купеческие дома на главной улице.

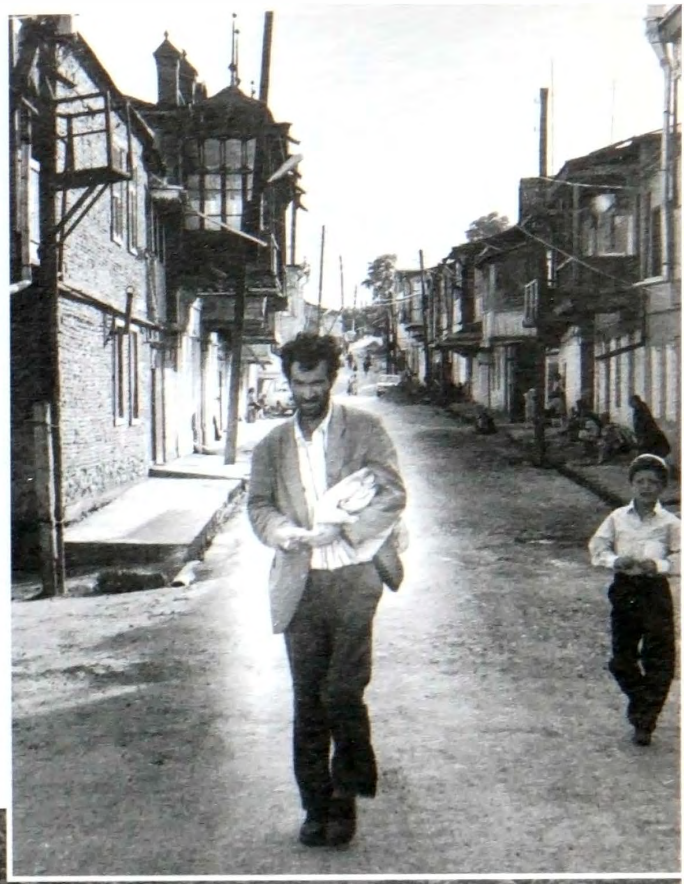

Главная улица Еврейской Слободы.Куба.

Купеческий дом. Огуз (Варташен), Азербайджан.

Еврейская Слобода, Куба. Главная улица.

Нижний Маджалис Дагестан. Еврейская часть села.

День поминовения 9 Ава. Женщины возвращаются с кладбища. Еврейская Слобода, Куба

Еврейская Слобода, Куба. Новый особняк. 90-е годы

Старые дома. Огуз (Варташен), Азербайджан.

К резнику. Дербент.

Главный раввин Дербента Яаков Ицхаки. Репатриировался в Эрец Исраэль в начале века. Его именем названо поселение Беер-Яаков, основанное в 1907 г.

На субботней молитве в главной синагоге Дербента, построенной в конец XIX в. на средства братьев Ханукаевых.

Свитки Торы в синагоге в Дербенте.

Детский сад для детей колхозников и рабочих в здании бывшей синагоги.
Куба, 1933 г.

Совет раввинов г. Дербента, 1912 г. Сидят: справа - рав.Ифраим, рав.Ишайя Рабинович, рав. Мордехай Хануков, рав. Исраэль Симонов. Стоят: слева - рав. Ифраим, брат раввина Ишайя и рав. г. Баку, рав. Мордехай Нафтали. В центре: стоит - гостящий ашкеназский рав., справа от которого рав. Даниэль Данилов и рав. Накдемон Шимонов.

Еврейская Слобода, Куба.
Деталь фасада синагоги Кронои. Нач. XX в. Архитектор Гилель б. Хаим.

Шойхет (резник) у входа в синагогу в Дербенте. Дагестан.

Кавказские всадники на праздничной пуримской процессии. Тель-Авив, 1934 г.

Дубильщики кожи совершают молитву во дворе своего цеха. Нальчик, 1970 г.

Еврейская Слобода, Куба.
Синагога Кусары, построенная
в начале XX в.
Здание в стадии
переоборудования
под общинный центр.

Еврейская Слобода,Куба.
Интерьер синагоги Гиляки.
Нач. XX в.

Еврейская Слобода, Куба.
Здание синагоги Кронои.
Нач. XX в.
Архитектор Гилель б. Хаим.

Учащиеся иешивы в синагоге Еврейской Слободы. Куба.

Тель-Авив. 13-летний Уриель Перец на церемонии Бар-Мицвы в синагоге евреев Кавказа. 1970 г.

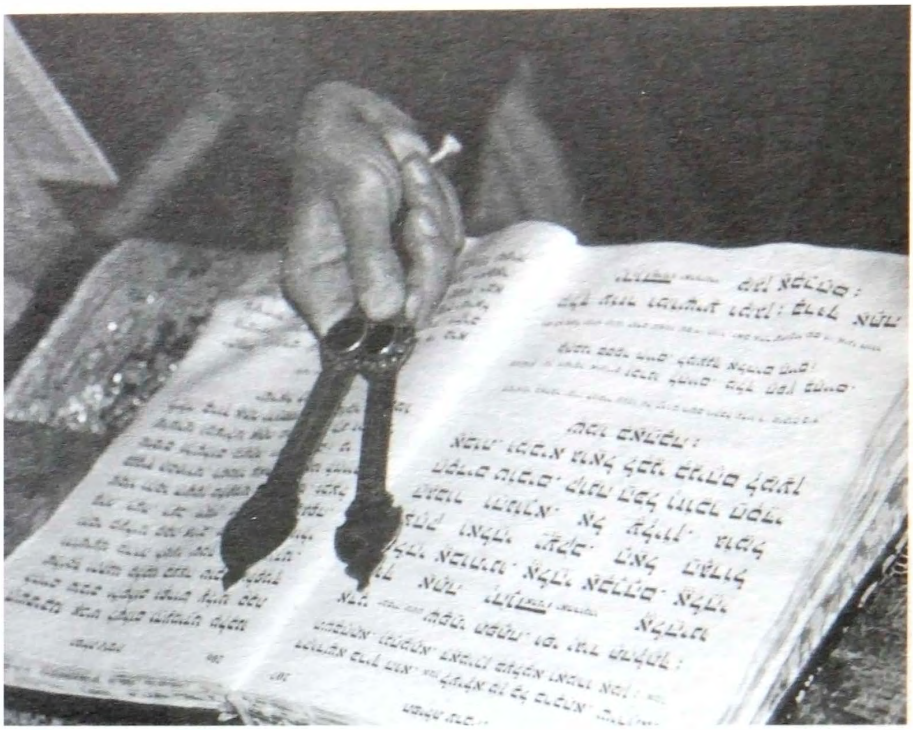
Приготовление к чтению Торы. Горско-еврейская синагога в Баку.

Надгробие 1890 года на старом еврейском кладбище. Маджалис, Дагестан.

Здание синагоги Кронои. Нач. XX в. Закладная доска. Еврейская Слобода, Куба.

Парная указка для чтения Торы. Синагога Гиляки. Еврейская Слобода, Куба.

На молитве в синагоге. Дербент, Дагестан, 1970 г.

Синагога Гиляки, построенная в начале XX в.
Ныне единственная действующая синагога в Еврейской Слободе, Куба.

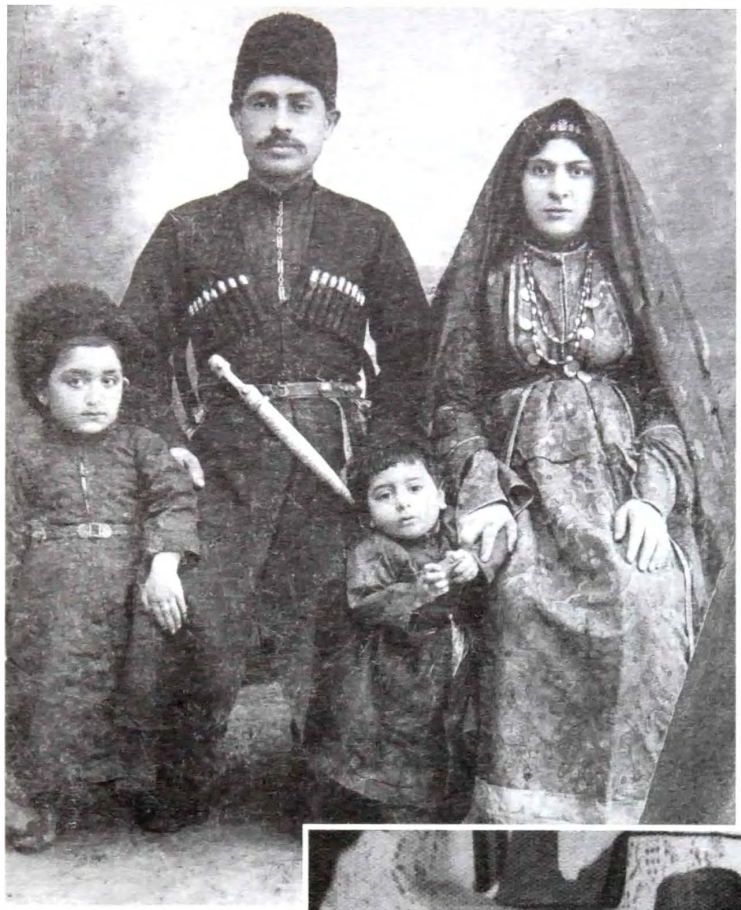

Синагога в Кубе. Азербайджан (фотография на почтовой карточке начала века).

Семья раввина Гершона Маншировa. Куба, Азербайджан, 1902 г.

Еврейская семья
в традиционных
одеждах евреев
Кавказа. 1890 г.

Шарья Маншировa
в своем доме.
Куба, Азербайджан, 1969 г.

Четырнадцатилетняя
еврейская невеста
со своими подругами
в день свадьбы.
Грозный, 1928 г.

Еврейские дети на улице
Варташена.

Зевулон и Наоми Якубовские в день свадьбы. Яффо, Эрец Исраэль, 1914 г.

Мазаль и Егошуа Равиевы в день свадьбы. Дербент, Дагестан, 1962 г.

Мать с ребенком
во дворе своего дома.
Дербент.

Музыканты на свадьбе.
Куба, Азербайджан,
1933 г.

Маленькая девочка
в традиционном татском
(горских евреев) костюме.

Фотография семьи в составе
3-х поколений в саду своего
дома.В центре сидят: Эзра
и Сирах Есиловы.
Куба, Азербайджан, 1955г.

Девушки в национальных одеждах в первый день Песаха.

Еврейская семья. Дагестан, 1953 г.

Бабушка и внуки. Огуз (Варашен), Азербайджан.

Скульптор в своей мастерской. Грозный, 1935 г.

Закладная доска на синагоге Гиляки в Кубе. Основана в нач. XX в.

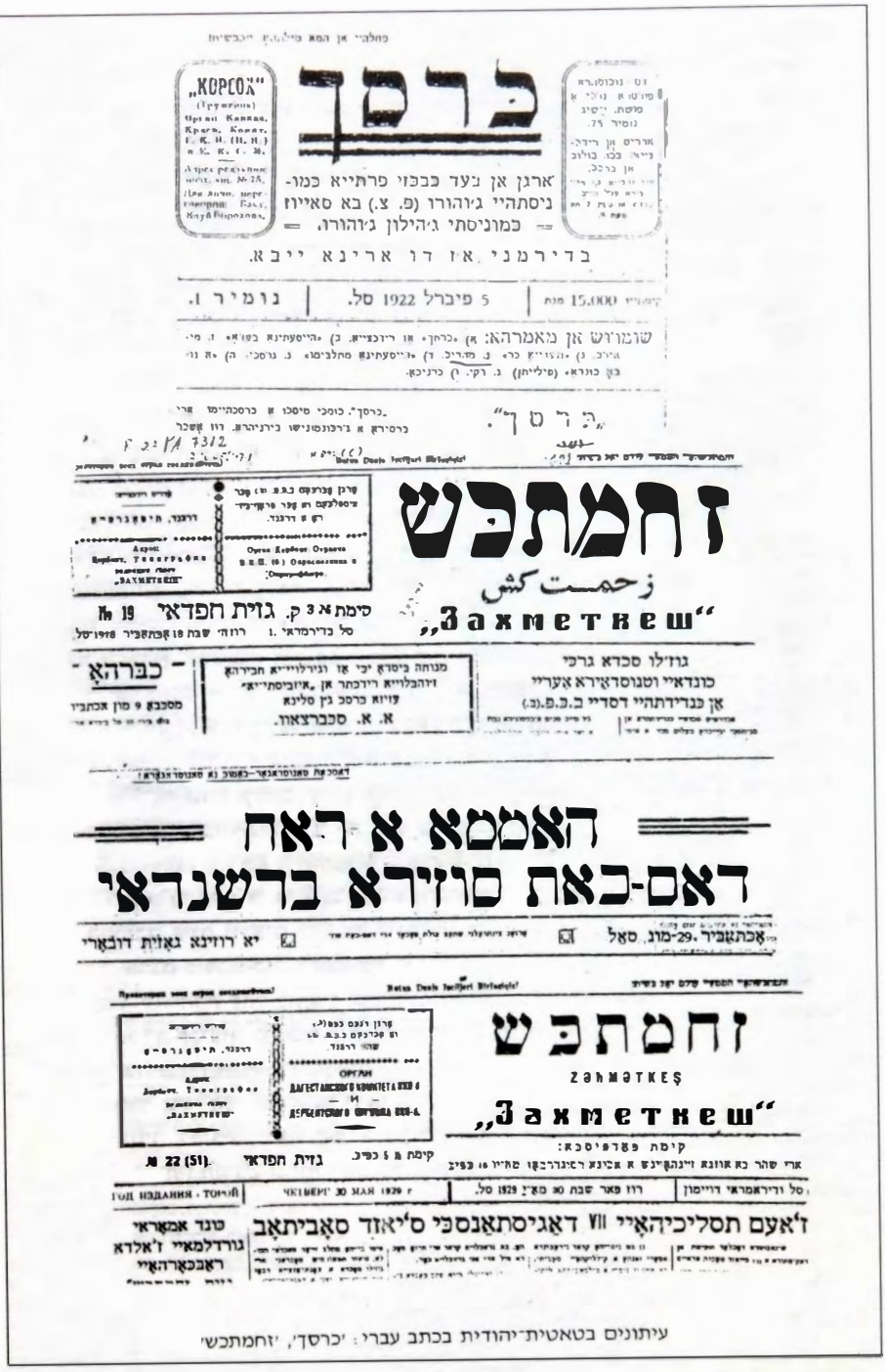

Парная указка для чтения Торы.

ארבעה שלבים בתעתיק של הלשון הטאטית־יהודית: עברי מסורתי, ווקאלי, כתב לאטיני, כתב

Четыре стадии изменений татско-еврейской письменности: традиционный иврит, фонетический, латинский, кириллица.

כרסך

„Корсох"

ארגן אן נעד כבכזי פרתייא כמו-
ניסתהיי ג׳והורו (פ. צ.) בא סאיוון
= כמוניסתי ג׳הילון ג׳והורו. =

בדירמני אז דו ארינא ייבא.

נומיר 1. | 5 פיברל 1922 סל.

„כרסך".

זחמתכש

زحمت كش

„Захметкеш"

סימת א 3 ק. גזית חפדאי № 19

סל בדירמדאי 1. רוחי שבת 18 אקתאביר 1928 סל.

גודלו סכדא גרכי
כונדאיי וטנוסדאירא אקרי
אן כנדידתהיי דסדיי ב.כ.פ.(ב.)

כפרהא

האמא א ראח

דאם-כאת סוזירא ברשנראי

אכתאביר 29-מוב. סאל

יא רוזינא גאזית דובארי

זחמתכש

ZəhMətKeŞ

„Захметкеш"

קימת פפדפיסכא:

№ 22 (51). גזית חפדאי קימת א 5 כפיק.

זי׳אעם תסליכיהאיי VII דאגיסתאנסקי ס׳יאזד סאביתאב

טנד אמארי
גודדלמאיי ז׳אלדא
ראבכארהאיי

עיתונים בטאטית־יהודית בכתב עברי: 'כרסך', 'זחמתכש'

Газеты на татско-еврейском языке: "Корсох", "Захматкеш".

Интерьер синагоги в Дербенте. Дагестан, 1970 г.

Коллекция указок в синагоге Гиляки. Еврейская Слобода, Куба.

Участники экспедиции Центра еврейского искусства Иерусалимского университета в синагоге г. Дербента. На переднем плане директор центра др. Ализа Коэн-Мушлин и исследователь Валерий Дымшиц (Петербург) документируют ритуальную утварь, 1994 г

Выступление ансамбля горских евреев с Восточного Кавказа в Москве. 1936 г.

"Хедер" в Кубе. Азербайджан, 1920 г.

Устный экзамен в еврейской школе. В центре - группа учителей. Баку, 1946 г.

Ученицы государственной школы. Дербент, 1942 г.

Школьный класс в конце учебного года. Куба, Азербайджан, 1956 г.

Теодор Герцель и делегаты из Дагестана на VI сионистском конгрессе.
На фотографии - Мотетьягу Богатырев (слева) и Шломо Мордыхаев (справа).
Базель, Швейцария, 1903 г.

Цви Нисанов, член отряда самообороны. Эйн Харод, Эрец Исраэль, 1921 г.

Еврейская семья из Дербента перед выездом в Эрец Исраэль. В центре сидит Геуля Натанова, мать Нисима Натанова (стоит во втором ряду справа). Также стоят Есед Натанов с женой Саррой Маншировой. 1908 г.

Члены отряда самообороны.
Верхний ряд: слева направо - Исаак Якубов, Яков Якубов, рав. Беер-Яаков, Нахман Садаев, Барух Авшаломов, Дан Нарталеев.
Нижний ряд: слева направо - Габриэл Рабаев, Ягуда Адмович, Шауль Перец, Давид Нашонов, Азриэль Бахшаев. Тель-Авив, 1934 г.

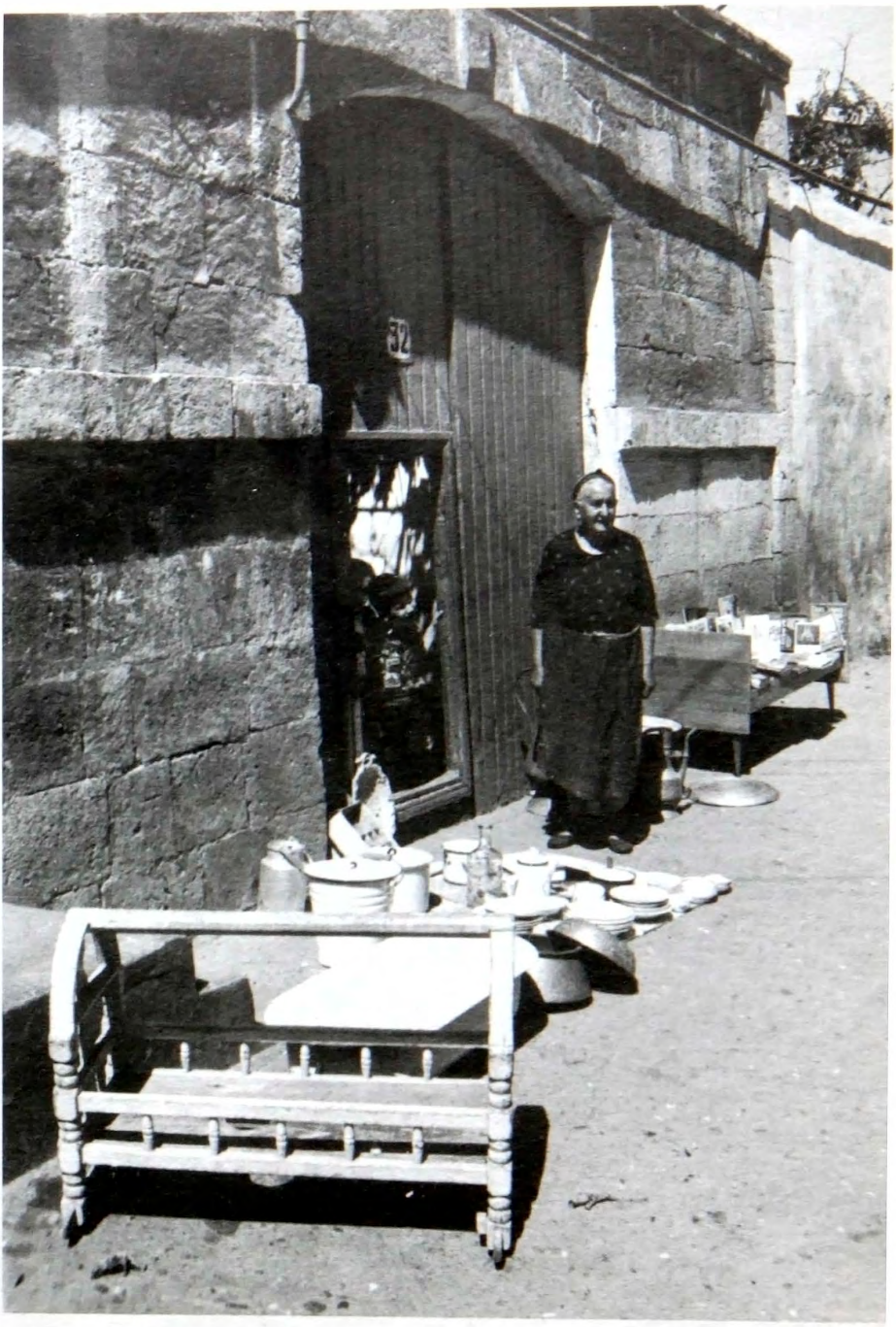
Мотетьягу Богатырев и Шломо Мордыхаев - делегаты на сионистский конгресс в Базеле. 1906 г.

Евреи, выходцы из Восточного Кавказа, мобилизованные для охраны с/х поселений (кибуцов и машавов). Хайфа, Эрец Исраэль, 1928 г.

Шмая Натанов (слева) прибыл в Иерусалим в 1892 г., со своими братьями Саби и Яковом Якубовыми, приехавшими в Эрец Исраэль в 1924 г.

Распродажа имущества перед отъездом в Израиль. Дербент, 70-е годы.

Наездники с Кавказа в Тель-Авиве на празднике Пурим, 1934 г.

горские евреи Дербента писали, что мусульмане относятся к ним намного хуже, чем к христианам.

Российский антрополог К. Курдов отмечал, что «горские евреи живут довольно изолированно от остальных племен и народностей, которые считают евреев низшим племенем, относятся к ним с презрением».

Нередко евреев обвиняли в распространении эпидемий. Во время первой мировой войны на базарах Кубы поползли слухи, что эпидемию холеры распространили евреи. Если что-то сильно дорожало — тут же объявляли, что виноваты евреи. «Это евреи покупают помногу и тем самым поднимают цены» — открыто говорили в ларьках и на базарах. Слухи такого рода падали на благодатную почву.

На Кавказе, как и в Европе, на евреев нередко возводили кровавые наветы, утверждая, что они убивают мусульман, чтобы использовать их кровь в ритуальных целях, причем первые случаи «кровавого навета» произошли еще до присоединения края к России.

Первый из известных кровавых наветов на горских евреев произошел в ауле Кусары во время правления Фатали-хана. Причиной послужило убийство слуги-мусульманина в одном из близлежащих аулов. Мусульмане обвинили евреев, которые будто бы взяли кровь убитого для своих культовых целей. Фатали-хан призвал к себе еврейских старейшин и под угрозой казни потребовал от них назвать того, кто убил слугу. Спас евреев воистину счастливый случай. В ауле, где произошло убийство, еврей по имени Нисим услышал крик женщины, избиваемой мужем-мусульманином: «Ты хочешь убить меня, как убил того слугу!» Он тут же поспешил к хану и рассказал ему об этом. Женщину немедленно доставили к хану. Пригрозив ей палками, хан велел рассказать ему все, что она знает об убийстве. Женщина призналась, что слугу убил ее муж, и тем спасла евреев от кровавого навета.

Другой случай ритуального навета имел место в Кубе тоже во время Фатали-хана. Пропал мусульманский ребенок, и мусульмане опять обвинили евреев. Хан, стремившийся к справедливому суду, посоветовал евреям выставить охрану вокруг своего квартала. Через месяц ребенка нашли в заброшенном колодце в центре мусульманского квартала, куда евреи никогда не заходили.

Кровавые наветы происходили и после присоединения Кавказа к России. В 1810-х гг. в ауле Зулум мусульмане, позарившись на имущество евреев, возвели на них обвинение в ритуальном убийстве. Очевидец рассказывал, что мусульмане взяли то ли живого, то ли мертвого ребенка, проткнули его тело в нескольких местах и закопали на еврейском кладбище. Потом объявили, что пропал ребенок, стали искать в домах у евреев, не найдя, отправились во главе с беком на кладбище. Разумеется, очень быстро обнаружили свежую могилу, откуда извлекли труп ребенка. Разъяренная толпа бросилась в еврейские дома, не щадили никого, убивали женщин, детей, стариков, раввинов. Оставшиеся в живых в панике бежали, найдя спасение в соседних аулах.

У мусульман существовало поверье, что еврейские дети рождаются слепыми, и евреи должны помазать им глаза кровью иноверца, чтобы те прозрели. На этом поверье основан инцидент, происшедший в Баку в 1814 г. Несколько «иранцев», прозванных так то ли потому, что они действительно прибыли из Ирана, то ли потому, что были фанатичными шиитами, обвинили небольшую еврейскую общину Баку в том, что евреи убили мусульманского ребенка, чтобы его кровью мазать глаза своих слепых детей. На местном базаре поползли слухи. Когда там появились главы еврейской общины раввин Авраам б. Йосеф и его брат Эфраим, на них напали и жестоко избили. Запахло погромом, над всей общиной нависла угроза уничтожения. Резня была предотвращена в последнюю минуту благодаря вмешательству русского военного коменданта Баку.

Если обо всех вышеупомянутых инцидентах известно очень мало, то события 1816 г. в Варташене известны в деталях. Случай этот был настолько вопиющим, что даже русские власти, обычно не склонные вмешиваться во взаимоотношения местных феодалов с евреями, вынуждены были принять меры. Благодаря вмешательству властей об этом деле сохранились документы в российских архивах.

Все началось в ауле Ханабади, где был убит семилетний ребенок, сын муллы. Грудь ребенка была в нескольких местах проколота острым предметом, горло перерезано ножом. Нухинский хан Исмаил, под властью которого находился аул, спросил у местных жителей, кого они подозревают в убийстве. Одна женщина сказала, что видела недавно в ауле троих евреев из аула Карабалдир: на них и пало подозрение. Хан тут же велел узнать, кто из евреев был в Ханабади, и доставить к нему. Когда нашли этих троих, он велел пытать их, пока не признаются. Евреев били дубинками, им сломали руки, ноги и ребра, отрезали носы и уши, выбили зубы. Несчастные не выдержали мук и заявили, что это сделали евреи Варташена. По приказу хана тут же арестовали около 30 варташенских евреев, стали их пытать, требуя либо признаться в убийстве ребенка, либо принять ислам. Самый молодой из арестованных решил принять ислам. Но это его не спасло, палачи продолжали его пытать. Не вынеся мучений, несчастный юноша «сознался» и обвинил в убийстве двоих жителей Варташена. Хан велел бить смертным боем остальных арестованных евреев, в то время как большой отряд направился громить еврейский квартал Варташена. Воины убили одного еврея и изнасиловали шесть женщин, ограбили дома, увели коней, быков, угнали мелкий скот. В этом погроме приняли участие и местные мусульмане — жители Варташена. У раввина Авраама потребовали, чтобы он обратился к еврейской общине с призывом перейти в магометанство, когда он отказался, его привезли в столицу ханства Нуху, там убили, бросив труп у городских ворот. За то, чтобы забрать труп и захоронить его, евреи вынуждены были заплатить хану большой выкуп.

Позже российскими властями было проведено расследование, во время которого выяснилось, что убитый ребенок стал нечаянными свидетелем того, как одна из молодых жен его отца обнимается с чужим мужчиной. Тот, боясь,

что ребенок выдаст их, и совершил это убийство. Кавказский наместник генерал Ермолов направил Исмаил-хану письмо, в котором недвусмысленно дал понять, что не потерпит подобного произвола.

Однако это внушение не подействовало, так как 1826 г. местный владетель Хусейн-хан устроил в Варташене ужасный еврейский погром.

Вторая половина XIX в. характеризуется нарастанием количества кровавых наветов на Кавказе. Жизнь евреев Кавказа постепенно, по мере нагнетания антисемитских настроений в Российской империи, стала отягощаться грузом клеветы и преследований так же, как это происходило с евреями по всей России. На Кавказе, кроме «кровавых наветов», стали происходить погромы. Традиционную враждебность к евреям принесли с собой на Кавказ и русские поселенцы, которые тоже часто искали в евреях козлов отпущения при различных бедах.

В 1869 г. жители Кубы, мусульмане и армяне, обвинили еврейского лекаря Агаджана в том, что он использует кровь иноверцев для лечения. В предпогромной обстановке евреев стали безжалостно избивать на улицах. Власти на это раз не предприняли никаких мер для того, чтобы умерить страсти. Это был далеко не единственный случай в Закавказье, когда мусульмане и христиане вместе участвовали в еврейских погромах.

В 1884 г. в Кубе произошел еще один инцидент. Маленькая девочка испугалась еврея и стала кричать, что он хочет ее убить. Тут же собралась огромная толпа, несчастного избили до полусмерти. Власти поверили девочке: полуживого человека арестовали и обвинили в намерении убить ребенка в ритуальных целях. Понадобились огромные усилия, многочисленные ходатайства и, разумеется, подкуп, чтобы спасти обвиняемого.

Через два года в 1886 г. в ауле Мюджи недалеко от Шемахи потерялся мусульманский мальчик. Тут же распространился слух, что его убили евреи. Три дня евреи в ожидании погрома не выходили из домов. На четвертый день ребенок нашелся.

Еще один навет имел место в Баку в июне 1898 г. Житель Баку по имени Хусейн Гули-оглы заявил приставу, что пропал его маленький брат Салам. Очень скоро другой человек привел пропавшего мальчика в участок. Он сказал, что увидел на улице еврея с мешком на спине, мешок ему показался подозрительным, он отобрал мешок и обнаружил в нем ребенка. Пристав поверил этому человеку, распорядился найти и арестовать того еврея, которым оказался некто Рафаэль Рагмилов. Слух о том, что еврей пытался похитить ребенка, мгновенно облетел весь город. Толпа в несколько сот разъяренных людей напала на еврейский квартал, избиваемые люди стали искать защиты в полицейском участке.

В это время в Баку приехали несколько евреев из Кубы. Толпа напала и на них — и только вмешательство полиции спасло их от линчевания. Расследование очень скоро выяснило, что вся эта история была инсценирована самим Хусейном Гули-Оглы, который хотел таким образом отомстить Рагмилову, с которым из-за чего-то поссорился.

В 1911 г. кровавый навет имел место в ауле Тарки. В ауле распространился слух, что пропала девочка. Толпа направилась в синагогу, круша все на своем пути, избивая встречных евреев. Но не успели они дойти до синагоги, как девочка нашлась — живая и здоровая, и погром прекратился.

Кровавые наветы служили поводом для погромов во время гражданской войны.

После установления на Кавказе советской власти жестокие погромы прекратились, но напряженность в межнациональных отношениях так и не исчезла. Например, в Дербенте ссоры постоянно вспыхивали в очередях за водой. Нередко образовывалось несколько раздельных очередей — для мусульман, русских и евреев.

В 1926 г. имел место инцидент, вошедший в историю как «дело кубинских невест». Каждую еврейскую девушку из Красной (Еврейской) Слободы, которая выходила замуж, работники ЗАГСа г. Кубы в соответствии с законом Азербайджанской ССР, направленном против слишком ранних браков, принуждали проходить обследование у врача. Одна из невест убежала из кабинета врача, но ее привели обратно с милицией. Евреи пожаловались в горисполком — местные власти встали на сторону врача. Было объявлено, что евреи привыкли обманывать: они, дескать, приписывают девушкам года, и поэтому освидетельствование врача необходимо. Тогда евреи собрали деньги и отправили ходоков в Москву, с жалобой в Совет национальностей, под которой подписались представители 150 семей. Жалоба попала на рассмотрение Серго Орджоникидзе, первому секретарю Закавказского комитета партии.

В «Правде» была опубликована статья видного партийного публициста Ю. Ларина об этом безобразном деле. Осуждая местные власти в бездушии и бюрократизме, Ларин охарактеризовал их отношение к евреям как шовинизм и дискриминацию. В Азербайджане для проверки фактов, изложенных в статье Ларина, была создана особая комиссия во главе с председателем совнаркома Азербайджанской ССР Г. Мусабековым. Виновных предали суду. Суд проходил в одном из клубов Слободы, на нем выступали 20 свидетелей обвинения, все приведенные в жалобе факты подтвердились, и даже выяснилось, что врач требовал у каждой невесты взятку в 50 рублей для выдачи справки. Результатом «дела невест» стало то, что Красную (Еврейскую) Слободу выделили из административного подчинения г. Кубы и сделали отдельным районом со своим исполкомом и ЗАГСом.

Осенью 1926 г. в нескольких аулах Дагестана распространился слух, будто горские евреи убили мусульманского мальчика в ритуальных целях. Возбужденная толпа организовала несколько погромов в Махачкале, Дербенте и других населенных пунктах. Власти нашли объяснение этим диким явлениям в том, что «население в массе своей — мелкобуржуазное, и существуют противоречия интересов между ними и горскими евреями, занимающимися торговлей и ремеслом». Это «марксистское» объяснение явно игнорировало наличие многовековой ненависти к евреям.

Центральные власти СССР, которые в те годы боролись с проявлениями антисемитизма, после погромов направили в Дагестан инструктора Совета национальностей Зяму Островского. Местные власти приняли несколько постановлений в защиту евреев, но это не предотвратило повторение погромов.

11 мая 1928 г. в отделение милиции в Дербенте пришли родители, у которых пропала 4-летняя девочка. Старший следователь Алиев, которому поручили это дело, высказал подозрение, что девочку убили евреи, которым нужна кровь для приближающегося Песаха. Он поделился своими соображениями с начальником милиции. Начальник милиции коммунист Адамов приказал одному из милиционеров для начала отправиться вместе со следователем на базар и поискать девочку там. Вместо этого они пошли прямо в еврейский квартал. Пока милиция искала девочку, та, живая и здоровая, сама вернулась домой. Евреи пожаловались в горисполком, и местные власти, помня указание центра о предотвращении погромов, предали суду Алиева и Адамова. Суд состоялся в начале 1929 г. На вопрос судьи, верит ли он, что евреи используют кровь детей для культовых целей, Алиев ответил, что не верит, «но все об этом говорят». Суд осудил Адамова за непринятие мер на год, а Алиев был оправдан «по причине его невежества».

В Гяндже государственные ремесленные артели отказывались во второй половине 1920-х гг. продавать евреям товары, которые у них стоили дешевле, чем на рынке, утверждая, что все евреи — богаты, что у них есть золото. По этой же причине биржа труда отказывалась регистрировать безработных евреев. Евреям нередко отказывали в приеме на работу, утверждая, что они не коренное население и т. п. Одна из московских газет писала в 1929 г.: «Местные советские власти упорно не желали на протяжении многих лет принимать горских евреев на работу в госпредприятия и учреждения, ссылаясь при этом на необходимость соблюдать принцип национальной пропорциональности в предоставлении работы».

Зимой 1930—31 гг. в Дербенте, как и во многих других городах СССР, ощущалась нехватка керосина. Член горсовета Дербента коммунист Набиев решил, что знает, кто виноват. В апреле 1931 г. он вызвал к себе начальника милиции Барсикова и велел ему провести обыск в каждом доме в еврейском квартале, но при этом ни в коем случае не заходить в дома неевреев. Барсиков пытался возразить, объяснил, что это может быть воспринято как проявление антисемитизма, могут возникнуть беспорядки, но Набиев настаивал, и отряд милиции, подкрепленный пожарными, окружил квартал и произвел обыск в 500 еврейских домах. В общей сложности обнаружили 320 литров керосина, который и был конфискован. Евреи пожаловались председателю горисполкома Дагаеву и областному прокурору Пашаеву, но они отмахнулись от этой жалобы. Евреи обратились к прокурору Дагестанской республики Мататову, он также проигнорировал их обращение.

Газеты также отказались писать об этой истории подробно, ограничившись кратким сообщением. И только ЦК компартии республики отреагировал

должным образом, направил в Дербент комиссию, которая проверила факты и сделала вывод, что проведение обыска только в домах у евреев носит шовинистический характер и является ярким проявлением антисемитизма, чреватым обострением межнациональных отношений. ЦК компартии республики вынес дисциплинарное взыскание партийным и советским руководителям Дербента, получил взыскание и прокурор республики Мататов. Было рекомендовано снять с занимаемой должности члена исполкома Набиева. Прокурору республики поручили предать суду непосредственных исполнителей обыска. Были арестованы Набиев, Барсиков и Гарден — начальник пожарной части. Суд над ними состоялся в рабочем клубе 29 мая 1931 г. Набиева приговорили к трем годам лишения свободы, Барсикова — к двум с половиной, и Гардена — к двум годам.

Если в 1920-х — начале 1930-х гг. советские и партийные власти пресекали проявления антисемитизма, то в послевоенное время ситуация стала диаметрально противоположной.

Энергичная кампания по борьбе с теневой экономикой, проводившаяся в СССР в начале 1960-х гг., нередко принимала антиеврейский характер. В Дербенте за хищения было осуждено несколько горских евреев. Даже если эти обвинения были справедливы, обращает на себя внимание то подробное освещение, которое получали эти дела в прессе, несмотря на то, что в те годы старались уделять подобным «негативным явлениям» как можно меньше внимания. Нет сомнений, что это было частью направляемой сверху кампании.

В августе 1960 г. в Буйнакске была опубликована газетная статья «Без бога — широкая дорога» некоего Д. Махмудова. В ней утверждалось, что евреи покупают 5—10 граммов мусульманской крови, разбавляют ее в большом ведре воды и продают другим евреям. Содержание этой статьи в тот же день было передано по местному радио, и эта клевета мгновенно облетела весь Восточный Кавказ. Снова запахло погромами. Евреи Буйнакска тут же обратились в горком партии, в исполком и к муфтию с просьбой принять решительные меры по предотвращению погромов. По указанию партийных органов газета опубликовала опровержение: «По вине автора Махмудова и литредактора Х. Атаева в статье была допущена политическая ошибка. Дикое утверждение, что евреи нуждаются в крови — это выдумка, которую распространяли в прошлом муллы с целью вызвать ненависть к евреям, это уже давно доказано самыми крупными в мире учеными и юристами». В отличие от статьи, которая получила большой отклик, эту «поправку» мало кто заметил, она не сняла антиеврейских настроений. Напряженность продолжала сохраняться, и горские евреи страшились близких погромов. 17 июня делегация евреев из Махачкалы, Буйнакска, Дербента и Хасавюрта явилась в ЦК КП Дагестана и записалась на прием к первому секретарю. Их не приняли, но на следующий день в газете появилось сообщение, что автора злополучной статьи понизили в должности, направив корреспондентом в сельскую местность. Делегация продолжала требовать приема у первого секретаря, 29 августа их

принял один из его помощников, который пообещал, что будут приняты меры к тем, кто допустил публикацию клеветнической статьи.

Не дождавшись этих мер и опасаясь погромов, евреи отправили делегацию в Москву. В ее составе были Ашиль Шамилов, Илья Алхасов и Нисон Шабаев. Пока эта делегация была в Москве, появилось сообщение, что автор статьи и заместитель редактора газеты уволены с работы. Но делегация продолжала требовать приема у секретаря ЦК КПСС Михаила Суслова, чтобы высказать ему ряд жалоб на дискриминацию горских евреев. Суслов с ними говорить отказался, а его помощники стали убеждать ходоков вернуться домой. Так и не добившись в течение месяца приема у кого-либо из руководителей СССР, делегация направила жалобу заместителю председателя Совета министров СССР Анастасу Микояну и секретарю ЦК КПСС Михаилу Суслову.

Массированная антиизраильская пропаганда после Шестидневной войны привела к новому обострению межнациональных отношений на Кавказе, где мусульмане проявляли солидарность с арабским миром. В мечети Дербента прошло собрание, посвященное осуждению Израиля, на нем с речами выступили председатели колхозов, директора заводов и фабрик, которые призвали советские власти «нанести удар по агрессору». Народ на улицах понял эти слова как разрешение нападать на евреев, и в городе запахло погромом. Евреи обратились к властям с просьбой о защите, кроме того, они организовали отряды самообороны на случай нападений.

Власти города и военный комендант (им был русский еврей) поняли, что нужно срочно утихомирить страсти. Они вызвали из Махачкалы известного и уважаемого муллу, который принялся увещевать людей. Беспорядки были, к счастью, предотвращены, но та легкость, с которой толпа проявила готовность идти громить евреев, показывает, как глубоко был укоренен антисемитизм в среде мусульман Дербента.

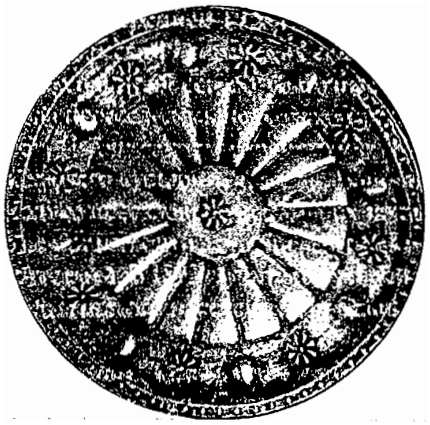
4. Религиозная жизнь и обычаи горских евреев

Среди множества черт, присущих общинам горских евреев, одна делает их необычайно интересными в глазах исследователя: горские евреи — одна из немногих еврейских общин, живущих «у себя дома». Сто лет, прошедших от 1880 г. до 1980 г., были не только эпохой еврейских катастроф (и главной катастрофы — Холокоста), но и эпохой тотальной еврейской миграции. Ветер перемен, войн и революций почти полностью переместил, а точнее, разметал большинство субэтнических еврейских групп. Это справедливо не только для ашкеназов, но и для сефардов, и для евреев из стран арабского мира. Не важно, происходила ли эта миграция насильственно или добровольно, была ли она бегством, эмиграцией, репатриацией или просто переездом из местечка в столицу, но факт остается фактом: большинства еврейских общин нет там, где они существовали еще сто лет тому назад, а еврейская этнография является скорее «палеоэтнографией».

Именно на этом историческом фоне евреи Кавказа, продолжающие жить в том же регионе, где они сформировались как особая этническая общность, представляют собой удивительное исключение. Конечно, выезд евреев из Советского Союза и затем из постсоветских республик в значительной степени коснулся и горских евреев, тем не менее, именно применительно к ним больше, чем для любой другой еврейской группы, осмысленными оказываются не только исторические, но и этнографические исследования. Здесь еще возможно проводить изучение структуры общины и семьи, собирать и описывать обычаи, обряды, верования, фольклор и традиционное искусство.

Важнейшей особенностью культурно-этнографического комплекса, присущего горским евреям, является сплав «еврейских» и «кавказских» черт. Они сосуществуют в гармоническом синтезе, и любая попытка посмотреть на эту часть еврейского народа без учета этого двуединства заведомо приведет к искажению всей картины в целом.

ГЛАВА 14
Религиозная жизнь

Иудаизм всегда играл системообразующую роль в жизни горских евреев, являясь их главным отличием от окружающих мусульманских и христианских народов. Горские евреи сумели сохранить свою религию несмотря на многовековую оторванность от главных центров еврейской жизни и все возраставшее давление мусульман. По свидетельству И. Анисимова:

> *Горцы-евреи отличаются крайним фанатизмом и доходят иногда под влиянием предубеждений до того, что бывают готовы из-за религии и обрядов, установленных ею, терпеть всевозможные страдания.*[1]

Религиозные ценности, понимаемые в первую очередь как нормы общинной жизни, всегда пользовались и в большой степени пользуются до сих пор огромным почтением в среде горских евреев. Ф. Шапиро отмечает:

> *Мы полагаем, что трудно найти еще одну народность, у которой религия так пропитала бы все поры жизни и быта, как у горских евреев.*[2]

Иудаизм и общинность до сего дня сохранили влияние на жизнь горских евреев. Как известно, в Советском Союзе всякая, а особенно еврейская, религиозная и национальная активность находилась в большой степени под запретом, тем не менее, горско-еврейские общины в гораздо меньшей степени оказались ассимилированны, чем основная масса ашкеназских евреев.

Кавказ, по сравнению с европейской Россией, — вообще более традиционалистский регион. Это справедливо для всего населения, в том числе и для евреев. Немалое значение для культурной и религиозной самоидентификации горских евреев имели сохранившийся традиционный уклад жизни, общинная и семейная структура, компактное проживание внутри еврейских кварталов и поселений. Очень существенным оказалось и то, что Закавказье и Дагестан не были оккупированными нацистами во время второй мировой войны, и еврейское население не подверглось массовому уничтожению.

---

[1] Анисимов, 1888. С. 172.
[2] Шапиро, 1983. С. 100.

Наконец, как ни парадоксально это звучит, в сохранении традиций большую роль сыграл в целом более низкий, чем у ашкеназов, уровень и престиж еврейского образования и образованности. Тяга к религиозному образованию в меньшей степени заместилась стремлением к секулярному образованию, как это произошло с массой советских евреев-ашкеназов.

Именно выработанная веками практика сохранения общинной жизни не столько с помощью ученых и учености, сколько с помощью повседневного ритуала (не ортодоксия, а ортопраксия), привели к тому, что ликвидация тонкого слоя религиозных лидеров не сопровождалась отказом от соблюдения ритуалов жизненного цикла (обрезание, бар-мицва, свадьба, похороны, поминки), тем более, что в условиях отчасти сохраняющейся родовой структуры все эти события представляют собой многолюдные празднества, поддерживаемые системой родственных и соседских взаимосвязей, и одновременно поддерживающие эту систему.

Горские евреи, оставаясь частью еврейского мира, сформировали свою собственную версию иудаизма, тесно связанную с особенностями кавказской жизни и верованиями окружающих народов.

Собственно говоря, когда речь заходит о любой общине диаспоры, мы видим, что ее религиозная жизнь есть продукт компромисса между «нормативным» и «народным» иудаизмом. В среде восточных общин, наряду с «нормативным», «ученым» иудаизмом, бывшим достоянием сравнительно узкой группы духовных лидеров, всегда был влиятелен «народный», «домашний» иудаизм, представлявший собой причудливую смесь иудейских обрядов, местных обычаев и верований окрестных народов. После того, как советская власть разрушила систему традиционного образования, репрессировала раввинов, закрыла синагоги, этот «народный» иудаизм, трансляция которого связана, прежде всего, с семьей, стал духовной основой жизни горских евреев.

Горские евреи, как и другие восточные еврейские общины, когда-то имели свой собственный молитвенный ритуал, нусах, который поддерживался рукописной традицией. Он, однако, не дошел до нас. Скудость собственной религиозной жизни привела к тому, что уже достаточно давно местный ритуал был вытеснен сефардским ритуалом, нусахом сфарад, за счет импорта итальянских печатных книг (Ливорно, Венеция): рукописные книги не могли конкурировать с более дешевыми привозными печатными изданиями. Когда именно произошло обращение евреев Кавказа к сефардскому ритуалу, мы в точности не знаем, но, очевидно, это событие падает на конец XVI — начало XVII вв. Известно, что в одной из горско-еврейских синагог г. Кубы хранились книги, напечатанные в Венеции именно в этот период.

Таким образом, в условном делении еврейского мира на «ашкеназов» и «сефардов» общины Кавказа, также как другие восточные общины, оказались в его «сефардской» части.

В дальнейшем, после вхождения Кавказа в состав Российской империи, восточные общины, оставаясь в рамках сефардского ритуала, начали широко пользоваться также ашкеназской религиозной литературой. Так, в горских

синагогах мирно соседствуют молитвенники, изданные в Вильне и в Ливорно.

Для горских евреев характерно особо почтительное отношение к еврейской книге, еврейской букве. Все написанное или напечатанное, будь то Сефер-Тора, книги Танаха, сидур или махзор (а этим набором, как правило, исчерпывается набор религиозной литературы, которой располагает община), они называют одним словом «Тюро», то есть Тора. К Тюро относятся как к святыне, наделяя еврейский текст и саму Сефер-Тору магическими качествами. В этом смысле характерна легенда, которую приводит И. Черный:

> *В 5594 году от сотворения мира* <то есть в 1834 г.>, *когда мусульмане, жители деревни Арага, отправились с Мурсуль-ханом воевать с жителями селений Кайтага, один мусульманин, именем Дамур, взял Пятикнижие Моисея, на пергаменте написанное, которое он похитил из синагоги кайтагских евреев, и принес в селение Арага. Этот мусульманин взял пергамент Пятикнижия, разрезал его на куски, сделал из них себе башмаки и много еще кусков роздал другим мусульманам, чтобы они также сделали из них себе башмаки и чехлы для кинжалов и пистолетов своих. Евреи говорили им: зачем вы делаете так, это святая книга, за что вы оскорбляете ее так? Бог накажет вас за такое преступление и взыщет с вас такую обиду.*
>
> *Мусульмане же насмехались и для того, чтобы еще больше рассердить евреев, взяли куски рукописи и топтали их в грязи, хохотали, хулили и ругали Бога евреев.*
>
> *Через день заболел весьма сильно мусульманин Дамур; он кричал изо всех сил каждую минуту: о, я горю, я горю! я сгорел, сердце мое горит! Несколько дней сряду он так кричал, пока душа из него не вышла, и он скончался.*
>
> *Мусульмане, видя, что Дамур умер и так жестоко мучился, стали рассуждать и пришли к убеждению, что Бог его наказал за оскорбление святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали все куски пергамента Пятикнижия и возвратили их евреям. Евреи же с радостью спрятали их в своей синагоге и восхвалили Бога своих предков.*[3]

Вплоть до начала XIX в. источником высших религиозных знаний и высшего авторитета в вопросах религии для горских евреев являлись общины Ирана, Ирака и Эрец Исраэль. Однако связь с этими общинами постепенно становилась все более эфемерной. К началу XIX в. религиозная жизнь горских евреев приходит в упадок в связи с общим кризисом горско-еврейских

[3] Черный, 1870. С. 11—12.

общин. Уровень религиозной жизни горских евреев стал резко повышаться после вхождения Кавказа в состав России в результате возникновения у них устойчивых контактов с ашкеназами.

Описание религиозной жизни горских евреев наталкивается на большие трудности. Систематическое описание ритуалов горских евреев отсутствует. Отдельные наблюдения в старых публикациях фрагментарны и изобилуют неточностями. Не многое может дать и работа с информаторами: традиции забываются. Более того, современный информант, чувствуя себя носителем традиции, может ввести исследователя в заблуждение. Так, например, в Красной Слободе, во время беседы в синагоге, один уже не молодой житель Слободы утверждал, что горские евреи не носят и никогда не носили талит-катан, такова, дескать, особенность их традиции. Между тем, он говорил так только потому, что сам он не знал, что такое талит-катан. Нелепое это недоразумение естественно разрешилось во время беседы с еще более пожилым информантом, который не только знал, что такое талит-катан, но и сам носил его в детстве.

Говоря о соблюдении горскими евреями галахи, следует отметить, что одни авторы настаивают на том, что горские евреи соблюдали ее весьма строго, другие говорят о многочисленных нарушениях. Так, например, можно встретить упоминания о том, что раввины запрещали приходить в субботу в синагогу при оружии, и этот запрет свято исполнялся, в то же время целый ряд авторов пишет, что горский еврей никогда, в том числе в субботу, не снимал кинжала. В одних источниках написано, что община строго исполняла предписания раввина, в других — что горец не очень-то следовал раввинским запретам, например, играл в субботу на музыкальных инструментах и т. п.

Полагаю, что истина находится посередине: степень соблюдения закона всегда зависела от конкретной общины и конкретной эпохи. Безусловно, галаха у горских евреев всегда была густо «приправлена» местными обычаями и кавказским обычным правом, адатом. Также имели место и конфликты между раввинатом и большинством прихожан. Так, например, в Красной Слободе нам сообщили, что в прошлом у евреев как-то выделялось летнее время — «Чилле» («Сорокодневье», самые жаркие дни летом, выделяемые в календаре народов Кавказа). Продолжительность летнего Чилле в Слободе реально была 29—30 дней. Проведение «Чилле» запретили раввины.

Раввинат и раввины

Структура религиозной жизни в еврейских общинах Кавказа разительно отличалась от таковой у ашкеназов. Религиозное образование и образованность были уделом узкой группы специалистов, раввинов или, как их еще называли, хахамов. Скажем, в 1886 г. во всех горско-еврейских общинах было всего 63 раввина.

Хахам в качестве духовного лидера всегда пользовался огромным авторитетом у своих соплеменников, занимая одну из верхних ступенек на социальной лестнице горско-еврейской общины. Вот как, например, описывает И. Черный возвращение молодого горского еврея в родной аул, после того как он получил религиозное образование в России:

> *По приезде его из России в деревню, к своим односельцам, эти последние встречают его с радостью и почестями; каждый из деревни считает себя счастливым, если скажет ему ласковое слово; женщины желают, чтобы Бог осчастливил их такими же сыновьями, девушки рады иметь таких женихов.*[4]

Существенно, что круг духовной элиты у горских евреев был достаточно замкнутым: часто пост раввина переходил от отца к сыну. Знания, необходимые для выполнения раввинских обязанностей, он, как правило, получал от своего отца.

Хахам, как правило, сочетал функции раввина, шойхета, моэля, меламеда и хазана. Важнейшими для него были, безусловно, функции, связанные с практическим обслуживанием общины, прежде всего, с ритуально-правильным забоем скота, со шхитой. У горских евреев любой шойхет назывался (и, зачастую, называется до сих пор) раввином. И. Анисимов, не без раздражения, писал:

> *Раввины или очень плохо знают еврейские науки, или ничего в них не смыслят, заботясь только об искусстве резать скотину так, чтобы она не сделалась «трефной», и тем приобрести уважение и расположение своих односельцев. Если к этому прибавить богослужение, которое совершает тот же резник своим, приятным для слуха горских евреев, монотонным голосом, распевая каждую молитву на особые лады, то он царь в селе своем, и положение его вполне обеспечено: все довольны им и считают его за ученого. Подобные субъекты занимаются преподаванием в низших училищах, которые они также открывают на свой счет.*[5]

Центральную роль шойхета в жизни горско-еврейской общины, так же как и то, что он исполнял самые разные функции, отмечал еще И. Черный. Он пишет:

> *Преподавателями* <в хедере> *у них* <горских евреев> *резники, которые вместе с тем занимают и раввинские должности. Когда они свободны от резки скота, тогда только занимаются обучением детей.*[6]

---

[4] Черный, 1870. С. 13.
[5] Анисимов, 1888. С. 230.
[6] Черный, 1870. С. 13.

Собственное духовное творчество горских евреев никогда не было особенно интенсивным. До нас дошло не много образцов оригинального религиозного творчества горских евреев.

В среде горских евреев в XVII-XVIII в. было написано несколько пиютов, кабалистических и галахических сочинений. До нас дошло имя пайтана Элиши б. Шмуэля а-Катан («Малого»), который жил в Джухуд-Катта. И. Черный опубликовал три пиюта, принадлежащих его перу. В XVIII в. р. Гершон Лала б. Моше Накди из Аба-Сава составил комментарий к «Мишне Тора» Маймонида. В начале XIX в. р. Матитьягу б. Шмуэль Мизрахи из Шемахи написал каббалистическое сочинение «Кол Мевасер». Во второй половине XIX в. целый ряд произведений был создан в традиционных жанрах (грамматические сочинения, респонсы) главным раввином Дербента р. Яковом Ицхаки.

Что касается образования, до вплоть до середины XIX в. горско-еврейские раввины отправлялись учиться в Иран или Ирак, а после вхождения Кавказа в состав России — в ашкеназские иешивы в черте оседлости. Ф. Шапиро замечает:

Все главные раввины горских евреев — слободской, дербентский, темирхан-шуринский, петровский проводили ряд лет в иешиботах в России.[7]

Даже обучаясь в этих иешивах, далеко не все из них стремились получить раввинское образование и смиху, большинство удовлетворялось квалификацией шойхета. И. Черный пишет по этому поводу:

Если кто из молодых стремится достичь раввинского звания, то отправляется в Дербент, к тамошнему главному раввину, и там обучается или едет в Россию к русским евреям и у них изучает правила, установленные для звания резников. Больше этого им не нужно, ибо они стремятся быть только хорошими резниками, так как ремесло это достаточно для обеспечения их жизни. Другие познания их не интересуют, и лишь только такой молодой горский еврей получил или успел получить свидетельство, что он может быть хорошим резником, как спешит уже на свою родину.

<...> Его принимают везде с большим уважением, точно возвратился он к своим родным, окончив курс наук в каком-либо университете со степенью доктора, а в сущности, этот ученый горец, окончивши свое учение в каком-нибудь ешиботе или у одного из резников, ничего не знает, да и не может ничего знать, потому что, когда он приезжает к русским евреям, то он, во-первых, языка русских евреев не понимает: каким же образом он может успевать в учении своем, когда не понимает объяснений и толкований своего

[7] Шапиро, 1983. С. 105.

учителя? А когда в несколько лет начнет он немного понимать разговор евреев, то все-таки вполне не может понять толкование закона; стараться же образовать самого себя по-европейски он не находит нужным, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидетельство. Таким образом, возвращается он на родину без всякого образования, без всяких успехов в науках, и остается там таким же полудиким горцем, каким был прежде, хотя и играет роль ученого раввина и все односельцы им вполне довольны.[8]

Кроме России, высшее религиозное образование горские евреи могли получить у раввинов крупных горско-еврейских общин. Наиболее авторитетной считалась школа дербентских раввинов.

Большая часть авторов XIX в. очень невысоко оценивает уровень подготовки горско-еврейских раввинов, как правило, делая исключения для дербентских раввинов из рода Ицхаки. Так, по свидетельству Хаима Гольдмана,

Разобравшись совсем немного в значении текстов, раввины могли называться мудрецами, учителями, канторами, моэлями, резниками. И все эти умения передавались от учителя к ученику, как правило, устно. И основные правила, касающиеся еврейской религии, передавались и дальше устно, и лишь совсем редко — письменно, и особенно это касалось вопросов выдачи разводного письма.[9]

Гольдману вторит И. Черный:

Я познакомился со всеми горскими раввинами в местах их пребывания и нашел только в г. Дербенте их главного раввина, который вместе со своим отцом отлично знают учение Талмуда, все законы и установления еврейской религии, знакомы с новой еврейской литературой и даже знают грамоту русскую. В других же местах раввины или знают еврейский закон весьма неудовлетворительно, или же почти ничего в нем не смыслят.[10]

Раввина на его посту утверждала община, точнее, ее наиболее влиятельные члены. Он получал от общины плату, и, кроме этого, имел отдельный доход за исполнения обязанностей меламеда и моэля, за проведение свадеб и т. д. Накануне праздников члены общины приносили раввину подарки — еду и одежду. По материальному положению раввины не относились к состоятельным людям: по рассказам жителей Еврейской Слободы, в страду некоторые раввины наряду с прочими евреями нанимались в батраки к окрестным крестьянам.

---

[8] Черный, 1870. С. 13.
[9] Альтшулер, 1990. С. 324.
[10] Черный, 1870. С. 12.

Ниже приводятся некоторые сведения за последние два столетия о наиболее известных раввинах в общинах горских евреев.

В Ширване в середине XIX в. раввином в Мюджи был р. Рахамим б. Мордехай, а в Гафторане — р. Авраам. После смерти р. Рахамима на эту должность был назначен его брат р. Шмуэль б. Мордехай, а р. Авраам, состарившись, передал свои обязанности сыну р. Биньямину.

В Шеки главным раввинским центром являлась община Варташена. Первым ее раввином, имя которого сохранилось в памяти потомков, был р. Менахем. До 1860-х гг. раввином Варташена был р. Бодек бен Элиэзер. Когда община расширилась за счет беженцев из Зулума и Куткашена, в ней стало больше синагог и одновременно увеличилось число раввинов. В 1860-х гг. в ней было уже пять раввинов.

На территории Кюринского ханства больше других памяти потомков удостоились раввины Арага. Во второй четверти XIX в. должность раввина здесь исполнял р. Хизгил б. Нисо, который до этого некоторое время был раввином общины аула Карчаг. Состарившись, он передал должность своему сыну р. Асафу. Р. Асаф, который добавлял к своей подписи имя «Мизрахи», удостоился большого почета в своей общине и был избран главным раввином и судьей евреев Кюры, в который входила также община Мамрача.

Раввин общины Мамрача р. Автальон б. Шалом умер в 1819 г. В течение следующего десятилетия в общине сменилось еще три раввина, каждый из которых исполнял свою должность очень короткое время. В памяти общины сохранилось имя раввина р. Худадат, который был раввином в течение двадцати пяти лет и передал свою должность по наследству сыну р. Йосефу, который находился в ней по крайней мере до середины 1870-х гг.

Из трех еврейских общин Табасарана раввина имели только две. Во второй четверти XIX в. в общине Карчага раввином был р. Хизгил б. Нисо, который после этого перешел в общину Арага, и его место до конца 1850-х гг. занял раввин р. Нахшон. В соседнем Джерахе во второй четверти XIX в. должность раввина исполняли один за другим р. Йонатан и р. Нисим из Мугатыря. После того, как р. Нисим вернулся в свой аул, чтобы принять там должность раввина, раввином Джераха стал р. Пинхас б. Хилель, один из учеников дербентского раввина р. Ицхака б. Якова.

Р. Нисим из Мугатыря исполнял обязанности моэля и резника также для соседнего аула Рукель. Свою должность в Мугатыре он унаследовал от р. Менуваха б. Хизгила, который, в свою очередь, явился наследником р. Рахавии б. Элиягу и р. Исраэля б. Разиэля. В соседнем с Мугатырем ауле Гемейди раввином был р. Овед бен Мукадши.

В аулах, расположенных между Дербентом и Кубой, раввинская традиция имела глубокие корни. В 1860-х гг. в общине Янги-Кента раввином был р. Хизгил, также один из учеников раввина р. Ицхака б. Якова из Дербента. В Маджалисе в тот же период было два раввина: р. Даниэль из Дербента и р. Ханука, который был продолжателем древней раввинской династии. Ее основателем был р. Ханука, за ним следовал его сын р. Хаим,

передавший должность своему сыну р. Меиру. Сыном р. Меира был р. Ханука, которого в 1840 г. Фиркович описал как «глубокого старца». Он тоже передал свою должность сыну р. Рафаэлю, а тот своему сыну, который и был тот самый р. Ханука.

На три еврейских общины, расположенных в аулах за рекой Сулак, до 1860-х гг. был всего один раввин. Это был р. Шимон б. Эфраим из аула Тарки: он жил в ауле Костек.

В шамхальстве Тарки в 1860-х гг. было четыре еврейских общины, но лишь в двух из них существовали раввины, которые выполняли функции шойхета. Главой раввинского суда для этих общин являлся главный раввин Тарков р. Саадья б. Эзра.

Следует сказать, что в большинстве аулов горских евреев, расположенных южнее Тарков, была сильна старая традиция общинной жизни с раввином во главе. Поскольку большинство аулов, в которых проживали горские евреи, были расположены близко друг от друга, то община, в которой не было раввина, пользовалась услугами раввина соседней общины.

В северном Дагестане положение было иное. В 1860-х гг. из тридцати пяти общин раввинов имели только шестнадцать. Не лучше была ситуация и в новых городах, которые возникали рядом с русскими крепостями. Из четырех еврейских общин: Нальчик, Петровск, Темир-Хан-Шура и Грозный, раввины, насколько известно, имелись только в двух.

В Петровске в начале 1860-х гг. раввином был р. Биньямин б. Раби, в Темир-Хан-Шуре — р. Авраам б. Ханох, умерший в 1861 г. Его должность унаследовал р. Саадья б. Мелех Мизрахи, который разделил ее с р. Саадьей б. Эзра. В городе проживал также некто, кто был, по утверждению документа того времени, «очень простым человеком, который ничего на себя не брал, кроме обязанностей резника», но подписывался не иначе как «раввин, учитель и резник, глава общины».

В отличие от новых городских общин, в старых городах, таких как Дербент и Куба, раввинская традиция имела глубокие корни.

Поскольку Еврейская Слобода Кубы представляла собой объединение выходцев из разных общин, постольку можно говорить о том, что это была федерация нескольких общин, каждая из которых имела своих раввинов. Еще в 1810-х гг. в одной только общине выходцев из Кульгата было четыре раввина. В 1860-х-гг. в Слободе было уже десять раввинов. Имена семерых из них известны: р. Биньямин и его брат р. Симха, р. Шломо б. Йонатан, р. Моше б. Габриэль, раввины квартала Кульгат р. Исраэль б. Хаим и р. Гершон б. Реувен и р. Нуриэль из общины Гиляки, который был, по утверждению Черного, «праведник, мудрец и знаток Писания». О р. Гершоне у Черного сказано, что он был «учителем, мудрецом и несколько лет учился в иешивах России, знал многие книги и всеми силами старался распространить Тору между своими братьями».

Из-за того, что в Кубе было много раввинов и синагог, ее община удостоилась названия «Кавказского Иерусалима». Правда, большое число раввинов

подчас приводило к возникновению внутриобщинных споров. По словам Черного, «каждый ел только то, что зарезал резник его собственной общины». Не всегда хорошие отношения существовали и между самими раввинами.

Среди горско-еврейских раввинов особое место всегда занимали раввины Дербента. Аба-Сава, выходцы из которой составили ядро дербентской общины, была главным интеллектуальным центром горских евреев в XVIII в. Раввины Дербента преемственно сохранили этот статус. Они, и формально, и по существу, считались главными раввинами Восточного Кавказа. В Дербенте в начале XIX в. было, по сравнению с Кубой, не так уж много раввинов — всего трое. Но именно они были главными авторитетами во всем, что касалось закона и традиции.

Первым раввином, которого большая часть горских евреев склонна была признать своим главным авторитетом, был р. Исраэль, известный как Нуколи (то есть из аула Нукол) или Мизрахи. Он жил на рубеже XVIII—XIX в. Народная молва приписывала ему способности чудотворца и пророка. Легенды утверждают, что он пользовался неизменным почетом не только у единоверцев, но и у местных мусульманских владетелей. По преданию р. Исраэль погиб от рук наемных убийц. Его могила долго почиталась в народе чудотворной.

Первым главным раввином Дербента, сделавшим этот город духовной столицей горских евреев, был раввин р. Элиягу бен Мушаэль (1781—1848). Р. Элиягу основал в Дербенте главный раввинат горских евреев, который при его преемнике р. Ицхаке б. Якове был признан русскими властями. Последние закрепили за дербентскими раввинами должность казенных раввинов южного Дагестана и Азербайджана.

Предки р. Элиягу были раввинами еще в Персии. На Кавказ первым переселился дед р. Элиягу раввин р. Биньямин б. Аарон. Он и его сын р. Мушаэль были большими знатоками Торы. Один из сыновей р. Мушаэля, р. Элиягу, стал раввином, в то время как другой сын, Ханука,— преуспевающим торговцем.

Р. Элиягу, которого отец с детства обучал Торе, закончил свое образование в иещивах Багдада. Раввины из Палестины и из России, посещавшие Кавказ, с большой похвалой отзывались о его знаниях, а горские евреи уважали его безмерно. Еврейские купцы, ездившие по делам в Россию, всегда привозили ему книги. Таким образом в дом р. Элиягу потекли книги, образовавшие в конце концов крупнейшую на Кавказе еврейскую религиозную библиотеку.

Одной из важнейших заслуг р. Элиягу было развитие системы еврейского образования. Он воспитал плеяду учеников, многие из которых стали известными раввинами. В конце 1820-х гг. р. Элиягу отправил в Белую Церковь троих своих учеников, заложив основы новой традиции: с тех пор раввины крупнейших горско-еврйских общин завершали свое образование в ашкеназских иешивах.

Одним из самых ярких учеников р. Элиягу был его племянник р. Авраам б. Ханука. Он и был назначен его наследником. Его деятельность была кратковременной, так как он умер молодым. Память о нем осталась в сочиненном им мотиве, который члены общины по традиции пели в ночь пасхального седера. Его сын, Хизгил б. Авраам Мишаилов, не унаследовал место отца, но он в течение двадцати лет, с 1885 г. по 1904 г., был главным раввином общины горских евреев в Темир-Хан-Шуре. И. Анисимов, знавший р. Хизгила лично, отзывается о нем как об образованном человеке:

> *Хазкель Абрамович Мушаилов, занявший место моего отца* [11] *года четыре тому назад, воспитывался в России, у русских евреев, и знает порядочно русскую грамоту.*[12]

Раввином Дербента стал один из учеников р. Элиягу раввин р. Ицхак бен Яков (1795—1877), основатель раввинской династии Ицхаки, которого еще в 1845 г. р. Элиягу назначил даяном.

Р. Ицхак был одним из тех, кто по настоянию р. Элиягу поехал учиться в Белую Церковь. В 1835 г. он вернулся в свою общину.

В 1868 г. с согласия общины р. Ицхак бен Яков ушел с поста раввина, назначив вместо себя своего сына р. Якова. Сам же он все свое время посвятил изучению Торы. И. Черный пишет:

> *Это благообразный старик, по его лицу видно, что он умен и прямодушен. Он не входит ни в какие дела общины, поскольку решил посвятить остаток своих дней Торе и молитве. Иногда он проводит несколько часов в бейт-мидраше, обучая учеников.*[13]

Р. Яков б. Ицхак Ицхаки (1846—1817) (в народе его любовно называли р. Яанкил) сначала учился у своего отца, затем продолжил образование в Белой Церкви. Став главным раввином Дербента в 1868 г., он занимал этот пост в течение 39 лет, до своего отъезда в Палестину в 1907 г. И. Анисимов, знавший р. Якова лично, так характеризует его:

> *Яков Ицхакович Дербентский, считающийся горскими евреями за благочестивейшего, получил образование под руководством своего отца и сделался вскоре после его смерти пастырем своего народа.*[14]

Р. Яков Ицхаки был не только выдающимся религиозным лидером, пользовавшимся огромным уважением сограждан, но и всесторонне образованным

---

[11] Отец И. Анисимова р. Шербет Нисим-оглы занимал одно время пост раввина Темир-Хан-Шуры.

[12] Анисимов, 1888. С. 230.

[13] Черный, 1884. С. 318.

[14] Анисимов, 1888. С. 230.

человеком, незаурядным ученым. Его перу принадлежит целый ряд респонсов, а также труды по ивритской поэзии и поэтике, по истории горских евреев, по грамматике и лексике татского языка. Р. Яков был не лишен поэтического дара, о чем свидетельствуют его стихи на иврите. Способным ивритским поэтом был и его сын р. Меир. Статьи р. Якова Ицхаки печатались на страницах ряда ивритских газет в России. Его корреспондентами были, с одной стороны, известные раввины в России и Иерусалиме, а с другой — не менее известные ученые-востоковеды, такие, например, как Абрам Гаркави.

Раввин р. Яков б. Ицхак Ицхаки продолжил дело своего отца и подготовил целый ряд шойхетов и нескольких раввинов для служения в горско-еврейских общинах. До 1860-х гг. лишь немногие раввины в горских общинах были настоящими знатокам Торы, однако в последующий период, благодаря усилиям раввинов Ицхаки, таковыми стали раввины не только в Дербенте, но даже в аулах.

В 1876 г. р. Яков Ицхаки отправился в Святую Землю. В Иерусалиме он был с почестями принят раввином Шмуэлем Салантом и другими известными раввинами. Во время своего второго путешествия в Эрец-Исраэль в 1887 г. он хотел остаться там навсегда, но ему пришлось вернуться в Дербент. В 1907 г. он все же уехал в Святую Землю, где и умер в 1917 г.

Его преемником ненадолго стал р. Элиягу Анохи. Его сменил р. Яшая Рабинович, который оставался на этом посту вплоть до 1918 г.

Следует отметить, что официальный статус раввина для горских евреев был определен властями только в 1860-х гг. В 1835 г. в России был создан институт казенных раввинов. В 1861 г. власти утверждают назначение р. Ицхака б. Якова главным дербентским раввином. В 1868 г. они назначают его сына р. Якова казенным раввином. Можно предположить, что в то же десятилетие произошло назначение казенных раввинов в других еврейских общинах Кавказа. Существенно, что на Кавказе с самого начала произошло совмещение постов казенного и духовного раввина, что не имело места в России. И. Анисимов так определяет совмещение главными кавказскими раввинами функций казенного и духовного раввина:

> *Таких* <то есть хорошо образованных> *раввинов считается на всем Кавказе только пять-шесть, и двое из них называются главными раввинами. Они поставлены правительством, и в ведении одного находится Южный Дагестан, Бакинская губерния и Закавказье, а другого — Северный Дагестан и Терская область. Кроме обязанностей, возложенных на рабби правительством и состоящих в переписи народонаселения и в выдаче метрических свидетельств, они исполняют роль духовных судей, то есть решают семейные тяжбы, выдают разводы, говорят проповеди на больших праздниках в синагоге.*[15]

[15] Анисимов, 1888. С. 229-230.

Территория проживания горских евреев была поделена на два округа: северный (Кабарда, Кубань, Чечня, северный Дагестан) и южный (южный Дагестан и Азербайджан). С течением времени власти начали назначать окружных раввинов. В 1880-х гг. в южном округе таковым стал р. Яков б. Ицхак. В северном округе главным раввином был назначен раввин Темир-Хан-Шуры р. Хизгил б. Авраам Мишаилов.

Расширение связей горских раввинов с российским еврейством нашло выражение, в частности, в подписке на ивритскую печать из России. Такие издания как «Ха-Магид», «Ха-Мелиц» и «Ха-Кармель» стали доходить до горских евреев. В 1886 г. современник писал:

> *Я видел своими глазами, как в субботы и праздники, когда останавливается работа, многие собираются в доме старца Шмуэля Ханукова, и он читает им «Ха-Мелиц» и переводит его на разговорный язык, и все внимательно слушают и благословляют издателя.*[16]

В начале XX в. большинство горско-еврейских раввинов было настроено гораздо более либерально по отношению к новым веяньям — ивритским газетам, еврейскому светскому образованию, сионизму, — чем многие раввины-ашкеназы. Недаром так много деятелей просвещения горских евреев вышло из раввинских семей.

Положение раввинов кардинально изменилось после революции. На Кавказе в начале 1920-х гг. не было такого сильного преследования раввинов, как на территории России, но экономические трудности косвенно влияли на падение их статуса. У евреев отобрали земли, торговля заглохла, члены разрушенных общин стали беженцами и не могли больше содержать раввинов.

Вначале советская власть на Кавказе опасалась закрывать религиозные школы. В 1920-х гг. продолжали открыто действовать хедеры. В одном только Нальчике было три хедера. Большинство меламедов являлись также раввинами в своих общинах. Шойхеты все еще имели возможность легально осуществлять кошерный забой скота, моэли — делать обрезание.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. раввины стали подвергаться нападкам со стороны властей. Газеты обвиняли раввинов в разжигании националистических настроений и подстрекательстве к сопротивлению властям, им приписывали использование своего статуса для получения нетрудовых доходов. В советских газетах тех лет мы находим утверждения о том, что «в синагогах проводится антисоветская и вредительская деятельность, прикрытая религиозными лозунгами, евреев призывают не ходить на уроки ликбеза».

В советской прессе подчеркивалось, что статус религии в среде горских евреев пошатнулся, а в тех деревнях, где образованы колхозы, евреи работают по субботам и праздникам. Один из горских евреев-коммунистов

---

[16] Альтшулер, 1990. С. 329.

с гордостью заявлял в печати, что «отныне больше не существует хедеров, где детей воспитывают в религиозном духе».

Тем не менее, религиозные общины продолжали функционировать. Были раввины, которые продолжали, несмотря ни на что, резать по правилам скот и птицу, делать обрезание и давать подпольно уроки Торы. Даже советская пресса вынуждена была признать, что религиозные обычаи все еще сильно распространены в среде горских евреев, и практически всем новорожденным делается обрезание. В официальной прессе появлялись жалобы на то, что комсомольцы ставят хупу, поскольку иначе родители невесты не дают согласия на брак, а также на то, что некоторые колхозники отказываются работать в дни еврейских праздников.

В середине 1930-х гг. несколько раввинов, которые получили смиху еще до революции, продолжали, несмотря на гонения, исполнять свои обязанности. В Нальчике в тот период был раввином р. Нехемья, в Дербенте — р. Меир б. Яков Ицхаки. Р. Меир родился в Дербенте в 1867 г. Торе его обучал отец. В 1902 г. р. Меир получил смиху от отца.

В конце 1930-х гг. многие раввины были арестованы и репрессированы.

До середины 1950-х гг. р. Элиягу Дадашев исполнял обязанности даяна в Дербенте. В Нальчике в 1950—1960-х гг. раввином был р. Нахмиил б. Хизгил Амиров. Раввин р. Нахмиил Амиров умер в 1968 г., и еврейская община Нальчика некоторое время оставалась без духовного руководства. В начале 1960-х гг. раввином Буйнакска был р. Моше Агарунов.

В 1964 г. в Дербент из Львова приехал р. Исраэль Бронфман, который был шойхетом и знатоком Торы. Евреи города приняли его с большой радостью и назначили раввином. Он находился на этой должности до 1970 г., и многие до сих пор вспоминают его имя с уважением и почтением.

Когда р. Бронфман покинул Дербент, крупнейшая община горских евреев осталась без раввина, признанного ее членами. Поэтому она послала пятидесятилетнего р. Рамбама б. р. Шауля учиться в московскую иешиву. Он провел там год и вернулся домой, чтобы вступить на должность раввина.

После перестройки положение в синагогах изменилось к лучшему, прежде всего благодаря шалиахам из Израиля.

Синагоги

История горско-еврейских синагог

Синагоги представляют собой важнейший элемент общинной жизни горских евреев. Самые ранние упоминания о синагогах горских евреев относятся к началу XVIII в., но до нас дошли здания, построенные в гораздо более позднее время. Далеко не во всех горско-еврейских общинах были специальные синагогальные здания: в маленьких сельских общинах прихожане просто арендовали для богослужения жилой дом. Тем не менее, в 1886 г.

на Кавказе насчитывалось 48 горско-еврейских синагог, из них 27 — в аулах и 21 — в городах.

Во второй половине XIX в., после того, как закончилась Кавказская война и благосостояние горских евреев возросло, начинается активное строительство новых синагог. Например, в Петровске в этот период было всего несколько десятков евреев: солдаты-евреи местного гарнизона и несколько семей русских и горских евреев. Тем не менее, уже в начале 1860-х гг. был объявлен специальный сбор пожертвований для строительства синагоги. Строительство было завершено в 1862 г. По описанию одного из свидетелей, в день открытия синагоги состоялось торжественное шествие и праздничная церемония:

> *Праздничное шествие вышло из дома раввина, горского еврея р. Биньямина бар Раби. Во главе его шли все еврейские солдаты. За ними шествовал полковой оркестр в полном составе, а следом шел раввин. Несколько солдат несли свитки Торы под балдахином, а вокруг маршировали факельщики.*[17]

В этой синагоге, которая была единственной в городе вплоть до 1900-х гг., молились вместе русские и горские евреи. Затем горско-еврейская община в Петровске увеличилась и построила отдельную синагогу. В 1920 г. в городе было уже три синагоги.

Новая большая синагога, существующая и действующая и по сей день, была построена в Темир-Хан-Шуре в 1865 г. К концу прошлого века в городе было уже четыре синагоги, но по неизвестным причинам две из них закрылись в начале XX в.

В Нальчике в конце XIX в. было две синагоги (в 1860-х гг.— только одна), в Кизляре — одна. Центральная синагога в Грозном имела два этажа, и, по свидетельству современника, ее купол возвышался среди бедных домов еврейской Слободки.

Быстрый рост числа синагог особенно был заметен в Дербенте. На плане 1842 г. обозначена только одна синагога, расположенная рядом с южной городской стеной. В середине 1880-х гг. в Дербенте было четыре, в начале 1890-х гг. — пять синагог. Когда одна из них, построенная Агой Дадашевым в 1869 г., полностью сгорела в 1896 г., она вскоре была отстроена заново сыном Аги Дадашева Менаше. В начале XX в. в Дербенте было уже шесть синагог. Но и их не хватало, чтобы вместить всех членов общины, поэтому в 1905 г. была построена седьмая синагога на участке, специально выделенным для этого городскими властями.

Накануне первой мировой войны в регионе проживания горских евреев находилось всего около шестидесяти синагог и молитвенных домов. Часть из них, особенно в деревнях, была разрушена во время гражданской войны.

---

[17] Альтшулер, 1990. С. 344.

В первые годы советской власти экономическое положение в некоторых районах улучшилось, и появилась возможность восстановления синагог. Понятно, что не все они вернулись в то состояние, в котором находились накануне войны, но все же после ремонта в них можно было молиться. Скажем, в середине 1920-х гг. в Кубе по-прежнему было одиннадцать синагог.

Уже через несколько лет советская власть перешла к ожесточенной войне с религией. В начале 1930-х гг. синагоги начали закрывать по разным надуманным причинам, а то и без всяких причин. Так, в Грозном при закрытии синагоги власти заявили, что в ней слишком мало молящихся. В помещениях закрывшихся синагог открывали фабрики, культурные советские учреждения (клубы, школы) или же превращали их в склады. Некоторые, например, синагога в Маджалисе, были снесены. Оголтелая антирелигиозная кампания длилась три-четыре года, на протяжении которых было закрыто большинство крупных синагог.

Однако немало членов общин продолжали молиться в частных домах или в помещениях, которые были специально арендованы для этих целей. Имела место и открытая борьба за возвращение синагог. В конце октября 1938 г. большая группа горских евреев обратилась в горсовет Дербента с просьбой вернуть общине помещение большой синагоги. Под этим письмом подписались около семидесяти человек, среди них колхозники, члены ремесленных кооперативов и даже советские служащие. Власти, опасаясь резкой реакции еврейской общины, согласились удовлетворить эту просьбу, и синагогу вернули евреям, которые организовались в религиозную общину в соответствии с советским законом и подписали договор об аренде помещения.

Когда началась война с Германией, антирелигиозная активность властей снизилась, и синагоги вновь стали открываться. Во второй половине 1940-х гг. синагоги существовали в Нальчике, Буйнакске, Кубе, Баку, Махачкале и Дербенте. Часто власти не возвращали синагогальное здание, тогда община строила синагогу заново или, как это было в Баку, переоборудовала какое-нибудь помещение. В деревнях, где еще сохранились еврейские общины, по праздникам молились в частных домах.

Новая антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся закрытием культовых зданий, в том числе и синагог, началась при Хрущеве. В Буйнакске была закрыта единственная синагога. Впоследствии общине удалось вернуть себе здание. В отличие от Буйнакска, евреям Грозного не удалось вернуть свою синагогу, отобранную у них в 1963 г.

В Дербенте в начале 1960-х гг. была также предпринята попытка отобрать у еврейской общины синагогу, но старики, по свидетельству очевидца, «просто легли на землю и сказали: или убейте нас, или оставьте нам синагогу». Власти отступили. Также не была закрыта единственная действующая синагога Красной Слободы.

Такая же репрессивная политика продолжалась и в дальнейшем. В Махачкале синагога располагалась в прекрасном здании. В конце 1970-х гг.,

несмотря на протест общины, власти отобрали у нее это здание, предоставив евреям для молитвы маленький дом.

К началу перестройки существовало шесть действующих горско-еврейских синагог: в Баку, Кубе, Дербенте, Буйнакске, Махачкале и Нальчике. В 1994 г. к ним добавилась синагога в Огузе (Варташене).

Эти несколько сохранившихся синагог существуют в основном благодаря пожертвованиям большинства членов общины. Молятся в них в субботу и в будни, как правило — старшее поколение. Но в праздники, и особенно в Йом Кипур, синагоги посещают многие, включая и молодежь. Многие приходят, чтобы произнести «кадиш». Кроме того, во дворе синагоги производится кошерный забой птицы. Синагога остается центром общинной жизни: двор синагоги является естественным местом встречи для евреев.

Архитектура горско-еврейских синагог

Особенностью горских общин является хорошая сохранность у них всего материального комплекса культуры. Поскольку бытовая культура евреев Кавказа мало отличается от культуры окружающих народов, то наибольший интерес представляют культовые здания и предметы, обладающие значительным своеобразием. Конечно, огромное количество синагог было закрыто советской властью, например, в еврейском предместье Кубы, Красной Слободе, из 11 синагог осталась только одна действующая. Тем не менее, сами синагогальные здания зачастую хорошо сохранились. Скажем, в той же Красной Слободе было одиннадцать синагог, из них сохранились семь зданий.

Синагоги и синагогальная утварь общин Восточного Кавказа принадлежат к типу, характерному для всех восточных общин. Все существующие горско-еврейские синагоги построены в конце XIX — начале XX вв. из камня или кирпича. На фасаде синагоги, как правило, размещена закладная доска с надписью на иврите, сообщающая о том, когда здание было построено и какой общине оно принадлежит. Многие синагоги возведены на месте более старых построек, о чем иногда сообщает закладная доска старого здания, вмурованная в фасад новой постройки.

В архитектурно-планировочном отношении синагоги горских евреев во многом следуют архитектуре мечетей того региона, в котором проживает данная община. Недаром у горских евреев синагога называется «нимаз», то есть, по-существу, мусульманским термином. Горско-еврейская синагога — зальное бесстолпное строение. Иногда в потолке находится световой купол.

В плане синагоги имеют либо вытянутую форму, причем ось, соединяющая вход с гейхалом,— короткая (Варташен, Дербент), либо форму, близкую к квадрату (Красная Слобода).

В горских синагогах женская галерея отсутствует. В тех редких случаях, когда женщины приходят в синагогу, они располагаются в прихожей. На западной стене находится утопленная в стене ниша (или ниши) для свитков

Торы, которая называется гейхал, в центре молитвенного зала — кафедра для чтения Торы, тэва. Дербентская синагога украшена пейзажными росписями, остальные имеют достаточно скромные интерьеры, если не считать ковров, устилающих полы. Когда-то прихожане сидели на полу, на коврах, теперь в синагогах стоят скамьи.

То, что интерьер горской синагоги не претерпел больших изменений, по крайней мере, с прошлого века доказывает описание, сделанное И. Анисимовым:

> *Синагога или молитвенный дом бывает построен почти везде по одному типу и представляет собою большую комнату, освещенную большими окнами, проделанными в трех стенах, кроме западной. Пол устилается коврами, на которые садятся, поджав под себя ноги, горские евреи кругом около стен и несколькими рядами по средине. В западной стене находится шкаф с золотыми в иных городах галунами наверху и львами по бокам — кивот завета* [18]*. В нем помещаются свитки из пергамента, на которых написаны заповеди Моисея* [19] *и серебряные короны* [20] *с колокольчиками, которые надеваются на верхние рукоятки свитков во время поднесения их к молящимся для прикладывания. Сбоку кивота стоит кафедра, в рост человека, составляющая престол, где рабби совершает богослужение* [21]*. Над престолом и по бокам его находятся изображения некоторых святых мест в золоченых рамах. Посреди синагоги находится другая большая кафедра* [22]*, на которой, обращаясь к западу, рабби читает три раза в неделю — по субботам, понедельникам и четвергам — заповеди* [23] *и говорит проповеди.*[24]

В Дербенте и Варташене синагоги ничем не выделяются из уличной застройки, зато в Красной Слободе здания синагог служат архитектурными доминантами поселка, и их силуэты, украшенные луковичными куполами, хорошо прочитываются с другого берега Кудиял-чая.

Все синагоги Красной Слободы построены в 1890-х гг. из кирпича, наиболее крупные украшены луковичными куполом. Самая большая синагога, синагога Кусари, то есть квартала Кусар, имеет даже шесть декоративных куполов и выложенный по фасаду кирпичный рельеф в виде тюльпанов в массивных вазах. Своим внешним обликом, в особенности куполами, слободские синагоги напоминают мечети, построенные в Кубе в тот же период. Интересной особенностью синагог Красной Слободы является то, что мы знаем

---

[18] Арон-кодеш.
[19] То есть свитки Торы.
[20] То есть римоним.
[21] Пюпитр для кантора, так называемый омуд.
[22] Тева.
[23] Недельный раздел Торы.
[24] Анисимов, 1888. С. 238.

имя их архитектора. Он был уроженцем Слободы и его звали Гилель б. Хаим. В Слободе сохранились также построенные им жилые дома. На фасаде каждой синагоги огромными, выложенными из кирпича, еврейскими буквами выведено имя и отчество строителя. Этот своеобразный автограф является чуть ли не единственным украшением достаточно скромных синагогальных фасадов.

В единственной действующей синагоге Слободы (синагога Гиляки, то есть раньше она принадлежала общине выходцев из Гиляни) есть пристройка, в которой раньше молилась небольшая ашкеназская (скорей всего, герская) община. В настоящее время синагога Гиляки отреставрирована, рядом построено новое здание миквы. Заканчивается реставрация синагоги Кусары, в которой планируется разместить общинный культурный центр.

В Варташене было две каменные синагоги, их здания существуют до сих пор. Большая синагога — огромное двухсветное здание своеобразной архитектуры, его ширина намного больше длины, по всему фасаду проходит галерея. Его открыли вновь на средства местной еврейской общины в 1994 г., отреставрировав по проекту варташенского еврея — главного архитектора поселка.

В Дербенте сохранились здания четырех синагог, в настоящее время действует только одна.

Ритуальная утварь

Синагоги горских евреев имеют своеобразную ритуальную утварь. Горские евреи, также как ашкеназы, и в отличие от других персоязычных еврейских общин или, например, грузинских евреев, закрывают Тору матерчатым чехлом и читают ее, положив на стол, стоящий на тэве. Это единственная еврейская община, где на свиток Торы надевают два мягких чехла: нижний из белого холста, а сверху нарядный — из бархата. Правда, Бежанов, говоря об обрядах евреев Варташена, дважды упоминает о том, что Тора находится в твердом деревянном футляре, например:

Вечером выносят Тору в вызолоченном деревянном цилиндре (ящике).[25]

Остается неясным, то ли наличие деревянного футляра — особенность только варташенской общины, то ли традиция за прошедшие сто лет изменилась. Проверить это сложно, так как в Варташене синагоги были закрыты советской властью, и утварь из них не сохранилась.

В ритуальную утварь горских евреев входят римоним и указки для чтения свитка Торы. Указки и римоним принадлежат к персидскому типу, хотя и имеют целый ряд местных особенностей. Они, как правило, изготовлены из серебра низкого качества, без клейма пробирной палаты.

---

[25] Бежанов, 1894. С. 118.

Указку или кульмос иногда называют местным термином «миль» (от глагола «указывать» по-татски). Местная особенность использования кульмоса: при чтении Торы по тексту водят двумя указками, соединенными цепочкой, которые при этом образуют нечто вроде раскрытого циркуля-измерителя. Указки держат в одной руке, выхватывая из строки нужный отрезок.

Кульмос представляет собой плоское стилизованное изображение руки с вытянутым указующим перстом. Кульмосы декорированы сердоликами, кораллами, цветным стеклом. В декоре широко применяются кавказские орнаменты, популярная на Кавказе чернь. По уверению старожилов — это работа местных ремесленников-неевреев. Судя по технике изготовления, указки выполнены в кубинско-закательском регионе (северная часть Азербайджана, близкая к Дагестану). Серебро низкопробное, без клейм, техники: зернь, штамповка, гравировка. Художественный уровень невысок, что, возможно, объясняется низким качеством серебра.

Особенности оформления предмета зависят от общины, в которой им пользовались. Так, в единственной действующей синагоге Красной Слободы собрана большая коллекция (около 70 штук) кульмосов из всех слободских синагог. По своей форме и декору они делятся на столько же типов, сколько в Слободе есть кварталов и сколько, соответственно, было в ней синагог.

Горские евреи не используют кетер-тору в качестве украшения свитка Торы. Его украшением служат римоним. Серебряные римоним обычно бывают украшены подвесками, орнаментом (чернь по серебру) и надписями на иврите. Местные римоним, как правило, персидского типа (сфера, украшенная навершием). В синагогах хранятся римоним различных типов, например, в горской синагоге Баку — пара типичных грузинских римоним, изготовленная в Тбилиси; в синагоге Красной Слободы — пара римоним кубачинской работы. Римоним используются не только для украшения свитков Торы, но и для украшения тэвы. Термин римон не очень употребителен у горских евреев. Сами римоним выполняют скорее функцию кетер-торы, на что, как правило, указывает и надпись на римоне: «Вот корона Торы». Характерно, что Анисимов, говоря в своей статье о римоним, называет их коронами.

Кабалистические надписи на римоним и кульмосах показывают, что в них видели также своего рода амулеты. Вся синагогальная утварь имеет характер вкладных вещей в поминовение умерших родственников, о чем всегда сообщает соответствующая надпись.

Религиозные праздники

В целом религиозная жизнь горско-еврейской общины не так уж сильно отличалась от жизни любой другой еврейской общины. Это подтверждает описание субботнего богослужения в горской синагоге, выполненное И. Анисимовым:

Посреди синагоги находится большая кафедра [26], на которой, обращаясь к западу, рабби читает три раза в неделю — по субботам, понедельникам и четвергам — заповеди [27] и говорит проповеди. Пред чтением каждой главы заповеди [28], рабби приглашает одного из молящихся и благословляет его, за что тот по состоянию жертвует деньги или свечи в пользу синагоги. По большим праздникам эти благословения продаются с аукциона (от одного до трех-четырех рублей), и деньги опять идут в пользу синагоги. Эти сборы составляют капитал, который исключительно идет на ремонт синагоги, на общественные купальни [29] и воспитание сирот. Богослужение совершается следующим образом: у престола стоит рабби и читает известные молитвы на древнееврейском языке, а за ним по молитвенникам читают тихо и грамотные. Остальные же, не понимающие по древнееврейски и называющие себя «ам-hоориц» (что означает по древне-еврейски «инородец или неграмотный») слушают сидя или стоя при различных моментах богослужения, и произносят «Борухо-борух-шему» — «да будет благословлено Его имя», и после каждой молитвы, произнесенной рабби, слова: «благословен Ты, Предвечный Боже наш». В тех же местах молитв, при которых должно стоять и, читая про себя, делать несколько поклонов, они также стоят и следят в упор за каждым движением рабби. Сделает он поклон,— они тоже, скажет он «аминь» — они также, не давая себе отчета, за что поклон и после чего «аминь». Многие, даже большинство евреев, вовсе не знают даже о существовании главных молитв евреев.[30]

Наибольшие отличия существуют между различными еврейскими общинами именно в праздничных ритуалах. Перечисляя основные праздники еврейского календаря, отметим, что не только их празднованье имеет у горских евреев свои особенности, но главные праздники зачастую имеют свои, отличные от общеупотребительных во всем остальном еврейском мире, названия, например, Песах называется Нисону, Пурим — Гомону, Шавуот — Асальта, Гошана Раба — Араво.

К сожалению, в литературе отсутствует систематическое описание праздничных ритуалов горских евреев. Единственное исключение составляет статья Бежанова, которая сообщает целый ряд подробностей о праздничных ритуалах евреев Варташена. Очевидно, что наряду с общими чертами, присущими всем горско-еврейским общинам, в каждой должны были существовать свои особенности ритуальной практики, но об этих особенностях нет никакой систематической информации.

Всякая еврейская община из структуры еврейского года выбирает те или иные праздники, которым она уделяет наибольшее внимание. Часто

---

[26] Тева

[27] Недельный раздел Торы.

[28] Торы.

[29] Миквы.

[30] Анисимов, 1888. С. 238—239.

такой выбор не вполне совпадает с формальной иерархией праздников. Для горских евреев такими важнейшими праздниками, безусловно, являются Песах, Йом-Кипур, Пурим и, в последние годы, Тиша бе-Ав. Все праздники носят ярко выраженный общинный, коллективный характер. Вот как Анисимов описывает праздник в традиционной горско-еврейской общине:

> *Главные праздники — Пасха и праздник Мардохея и Эсфири* <то есть Пурим>. *К этим праздникам готовятся евреи два, три месяца. Особенно много хлопот причиняют праздники женщинам, которые сперва, сидя днем и ночью, не заботясь о себе, шьют всем домашним и себе новые платья, а затем принимаются за смазку и чистку комнат и дворов. Недели за три до праздника, куда не идешь, везде видишь женщин и девушек, которые то мажут полы, стены глиной, то белят их, то чистят посуду: словом, всюду кипит работа! Только что настал праздник, как уже все,— начиная с мужчин и мальчиков, которые спешат в синагогу, и кончая женщинами и девушками, которые приготовляют стол до прихода мужчин,— нарядились или в новые, или в чистые платья. Препровождение праздников состоит исключительно в молитве и еде. С наступлением праздника для каждого члена семьи наступает особенная жизнь, особенное препровождение времени, в котором никто из них не должен мешать другим, но однакож с соблюдением возложенной на каждого из них обязанности. Утром мужчины идут в синагогу, а женщины остаются дома, чтоб убрать комнаты и приготовить обед, состоящий из нескольких (от 5 до 6—7) блюд. Мужчины, старше 15 лет, по выходе из синагоги прямо отправляются или к своим старшим родственникам поздравить с праздником, причем им подается рюмка водки или стакан вина с маленькой закуской, или к носящим траур, чтобы утешить их и высказать пожелание, чтобы они более не видали таких несчастий. Приходя в гости, они садятся по старшинству и занимаются разговорами, а молодые, не женатые, стоят у дверей и слушают. Через каждые полчаса одна группа выходит от хозяев, а друга приходит.*[31]

Остановимся на тех особенностях, которые отличают праздничные ритуалы горских евреев, пропуская, по возможности, то, что происходит в тот или иной праздник у горских евреев так же, как в любой другой общине.

Песах

У горских евреев Песах называется Нисону по имени месяца Нисан. Приготовления к Песаху естественно связаны с кошерованием посуды,

[31] Анисимов, 1888. С. 224—225.

выпечкой мацы и уборкой жилища. Вот как, по Бежанову, это происходило в Варташене:

Восемь дней едят пресный хлеб. Он приготовляется так: пшеницу покупают на гумне, которого не мочил дождь, и хранят ее в совершенно новом глиняном кувшине. За тридцать дней до Пасхи каждое зерно выбирают особо, чтобы оно не имело дырочек и других повреждений и чтобы оно не было подмочено водой. Мельницу, где должны молоть эту пшеницу, тщательно очищают, ремонтируют, ни одной пылинки старой муки не оставляют; все щели в мельнице замазывают; жернова очищаются измельченными в порошок кусками глиняной посуды. После очистки приходит раввин, осматривает, хорошо ли все сделано, и разрешает молоть. Пшеницу на мельницу и муку обратно нужно нести так, чтобы солнце не согрело ее, а то может произойти окисление. На другой день пекут пресный хлеб. За несколько дней лудят медные посуды, обновляют глиняную посуду. Луженую посуду до употребления «очищают» следующим образом: большой луженый котел наполняют водой до самого края, замазывают края котла глиной в один вершок толщиной и ставят в огонь; когда вода прокипит как следует, ее выливают, котел снова наполняют и кипятят; когда вода закипит, тогда ополаскивают в ней все маленькие луженые чашки, блюда, котлы, а затем моют их в холодной воде, и после этого посуда считается очищенной, годной для Пасхи. Для печения пресного хлеба собираются 15—20 человек мужчин (женщины не могут печь); тесто месят, смачивая вчерашней водой. Тесто месят маленькими порциями; на один раз берут 2,75 фунта (в большем количестве может прокиснуть). Когда месят тесто, то каждый из мужчин выполняет одну какую-нибудь работу: один наливает воду по мерке, другой взвешивает муку, третий месит тесто, четвертый режет тесто и делает лаваши, шестой делает на лаваше рисунки, седьмой печет и т.д. Во время этой работы все должны говорить: мы, мы это делаем для мацы. Вода прибавляется один раз и при том чистая, прозрачная и холодная; если воды окажется не в меру, больше или меньше, то тесто не годится; поэтому тот, кто наливает воду в тесто, должен быть знатоком своего дела. Палку, которой катают тесто, почти ежеминутно чистят стеклом, чтобы тесто к ней не пристало; эта палка до окончания работы должна быть в руках и находиться в движении. Пресный хлеб пекут в новой печке (тондыре), где нельзя печь обыкновенный хлеб. В печи хлебы не должны соприкасаться друг с другом, не должны подыматься; если вынутый из печи хлеб оказывается недопеченным, то вторично ставить в печь его нельзя, он не годен.

Пресный хлеб начинают есть только накануне Пасхи после благословения; ножи для этих хлебов должны быть новые. Стеклянную посуду тоже обновляют к Пасхе. Квартиру оштукатуривают; двери моют и очищают

от грязи; все ковры, тюфяки, на которых сидят и спят, платье, белье должны быть хорошо вымыты на речке.[32]

Пасхальный седер проводят так же, как и в других общинах, хотя и с определенными особенностями. Во время первого седера Агаду читают на древнееврейском языке, во время второго — в переводе на татско-еврейский. Вино к Песаху каждый домохозяин стремится приготовить сам.

По возвращении из синагоги начинается еда: достают горькие травы; очищают разные фрукты, смешивают их вместе, толкут, — получаемая густая масса напоминает то, что в Египте евреи приготовляли грязь для кирпичей; благословляют вино; затем в одну большую посуду кладут пресный хлеб, траву, мясо, яйца и другие съедобные предметы; читают историю пребывания евреев в Египте и, когда доходят до того места, где сказано, что они ели пищу с горькой травой, перестают читать, берут горькую траву, обмакивают в массу и едят. Затем едят траву с колючкой в знак того, что их мучили в Египте.[33]

Что касается упомянутой у Бежанова колючки, то это один из многих примеров проникновения кавказских верований в горско-еврейский ритуал. Я неоднократно видел висящий над входом в дом горских евреев оберег, состоящий из подковы, дырявого камня, так называемого «куриного бога» и красивой синей колючки особого вида. В спасительную силу этой колючки верят вообще все народы Восточного Кавказа, используя ее в качестве амулета. Именно эту колючку горские евреи вкушают во время пасхального седера вместе с горькой зеленью.

После еды пресного хлеба читают десять наказаний, которые Бог посылал на египтян; при этом берут сломанную глиняную посуду с золой, кладут в золу скорлупу яйца и десять раз вливают туда вино. В этот вечер собирается несколько семейств вместе и проводят время далеко за полночь.

Праздник Пасхи продолжается восемь дней. В эти дни не едят сухой рыбы и сладостей; многие даже не едят пресного хлеба у другого еврея, думая, что может быть, тот не по обряду приготовил.[34]

По традиции на исходе Песаха, то есть вечером восьмого дня, залезали на крышу и бросали в печную трубу пучок свежей травы в знак того, что Песах является также праздником весны.

---

[32] Бежанов, 1894. С. 115—116.
[33] Бежанов, 1894. С. 117.
[34] Бежанов, 1894. С. 117.

Шавуот

У горских евреев Шавуот называется Асальта, то есть «Сладкое», так как в этот праздник принято есть сладости. Вот как описывает этот праздник Бежанов:

> *Вечером собираются в синагогу раввины и грамотные люди и читают до утра из Пятикнижия и Пророчеств; тут они пьют вино и чай, утром купаются в бассейне, который находится во дворе синагоги* <имеется в виду миква>*; затем начинают снова отправлять богослужение, во время которого читают 613 правил: 365 противозаконных поступков, 248 законных требований, которые должны быть исполняемы. На второй день повторяется то же самое.*[35]

Шавуот не относится к числу наиболее популярных праздников. В настоящее время его смысл не вполне понятен большинству горских евреев. В этот день принято навещать семьи, в которых в прошедшем году кто-нибудь умер.

Тиша бе-Ав

9-е Ава горские евреи называют «Сорони», то есть «День траура», или «Майром-овои» (это название разъяснено ниже). 9-е Ава у горских евреев, как и во многих других общинах, служит днем поминовения родственников, прежде всего родителей.

Мне довелось побывать в этот день на еврейском кладбище Красной Слободы. Туда пришел не только весь поселок, прилетели и приехали многие уроженцы Слободы из других городов, из России, из Израиля, из США. Многотысячные толпы запрудили кладбище. Около могил с поразительным искусством и выразительностью причитали профессиональные плачеи. Искусство горско-еврейских плакальщиц поразило еще И. Черного:

> *Помню, например, что по приезде моем в селение Янги-кент, лежащее недалеко от селения Маджалис в Кайтаго-Табасаранском округе, я услыхал издали пение женщин; с тамошним раввином я отправился по тому направлению, откуда оно слышалось, и спросил раввина, что это за пение? Он мне ответил, что это не пение, а плач женщин. И действительно, когда мы подошли поближе, то увидели, что почти все женщины деревни сидят в живописной группе и плачут с такой странной мелодией, что издали казалось, будто они пели; их глаза уже опухли от рыдания,*

[35] Бежанов, 1894. С. 12.

и все они были избиты страшным образом. Я спросил их, давно ли умер тот, которого они оплакивают? Представьте мое удивление, когда я услышал, что уже 25 лет прошло после смерти оплакиваемого! [36]

Вернемся, однако, к Тиша бе-Ав в Красной Слободе. На мой вопрос, что же за день сегодня, большинство отвечало: день, когда мы поминаем родителей. В то же время идея траура по разрушенному Храму была вовсе неизвестна большинству собравшихся. Причину траура объясняли тем, что это день памяти небесной Майром (Мирьям) и ее семи сыновей (отсюда «Майромовои»). Б. Б. Маноах в своей книге о горских евреях подтверждает, что это объяснение является повсеместно распространенным.

По преданию, когда за отказ от чужой веры палачи казнили семь сыновей Майром, она бросилась в пропасть, обрела крылья и улетела на небо. Очевидно, речь идет о талмудической легенде, в которой рассказывается, что во время гонений Веспасиана (то есть тогда, когда был разрушен второй Храм), римляне казнили за стойкость в вере семь сыновей Мирьям, которая после этого умерла.

В то же время Бежанов, сообщая о Тиша бе-Ав у евреев Варташена, говорит, что это «траур в память разрушения Иерусалима». Таким образом, на примере 9-го Ава мы видим, как за сто лет «нормативные» представления были вытеснены «народными».

Далее Бежанов сообщает об этом дне:

В этот вечер читают «Плач Иеремии», сами тоже плачут и бьют себя в грудь; многие сидят в пепле и голову осыпают пеплом. В этот день и ночь ходят босыми ногами, босыми же ногами ходят на кладбище, где раввины совершают панихиду и говорят проповедь, собирают деньги для бедных; отсюда опять идут в синагогу, читают книги Иова и Иеремии. [37]

Из этого описания мы видим, что из сложного ритуала осталось только посещение кладбища, которое и заменило собой все остальные части ритуала.

Рош а-Шана

Бежанов так описывает обряды Новолетия у горских евреев:

За день перед этим режут цыплят, баранов, вечером варят баранью голову, тыкву, рыбу; затем приготовляют финики, мед, морковь, яблоко для кушанья после вечерни; благословляют вино; после богослужения благословляют все фрукты и пищу.

---

[36] Черный, 1870. С. 24.

[37] Бежанов, 1894. С. 120.

После ужина читают особо положенные молитвы и половину Псалтыри, днем читают два раза всю Псалтырь, а ночью — книгу Мишна, где изложен суд Божий <?>. Праздник продолжается два дня: в эти дни нельзя спать, ибо Бог судит и смотрит добрые дела и грехи людей. Вечером идут на речку и читают очистительную молитву, берут края платья и отряхивают, прося Бога очистить их грехи; перед праздником и после праздника по одному дню постятся.[38]

Отсутствие упоминания о трублении в шофар не должно вводить в заблуждение: шофар естественно используется. Просто Бежанов, как сторонний наблюдатель, сообщая массу интересных, но второстепенных подробностей, часто упускает главные моменты ритуала.

Йом Кипур

Йом Кипур, или как его называют горские евреи, «Кюпюр», по-видимому, самый почитаемый горскими евреями праздник. Даже при советской власти в этот день в синагогу приходило больше всего народу. Так же, как в других общинах, горские евреи исполняют обряд «капорет».

Особенность местного ритуала: перед трапезой, предшествующей посту, в доме зажигают свечи по количеству домочадцев и, кроме того, свечи в память покойных членов семьи, прежде всего родителей.

Точно так же поступают в Ноуруз соседи горских евреев — таты-мусульмане. В этом, также как и в некоторых других ритуалах, связанных с огнем, можно видеть общий культурный пласт, связанный с зороастрийским прошлым ираноязычных жителей Кавказа.

Согласно Бежанову:

В этот день все, кроме больных и малых детей, постятся. Накануне, после заката солнца, едят пищу и идут в синагогу. Богослужение продолжается шесть часов. Для этого праздника приготовляют одну большую свечу, весом 1 пуд 20 фунтов и 50 свечей в четверть фунта, и все эти свечи зажигаются в синагоге; так как женщины не имеют права ходить в синагогу, то в этот вечер они собираются вокруг синагоги и смотрят через окно, как выносят Тору в красивом ящике. Многие набожные остаются в синагоге до утра. Вечером следующего дня в синагоге играют на дудочке и дают знать, что «Кюпюр» кончился. При выходе из синагоги все целуют руку раввина, молодые — руку старых, прося прощения за все сделанное. В этот вечер благословляют вино.[39]

---

[38] Бежанов, 1894. С. 120.

[39] Бежанов, 1894. С. 119.

Под сигналом «дудочки» естественно имеется в виду трубление в шофар, означающее окончание поста. Бежанов, не слишком разбираясь в еврейских обычаях, допускает в этом, как и в целом ряде других случаев, ошибку.

По воспоминаниям старожилов Красной Слободы, в синагоге на биме висело специальное белое облачение, которой раввин надевал в Йом-Кипур.

Суккот

На Суккот строят сукку во дворе синагоги, но раньше сукки делали во всех дворах. В качестве сукки горские евреи либо использовали стоящую во дворе дома беседку («чордог»), либо строили специальную сукку, покрывая ее стены коврами, а сверху навешивая ветки, также как это принято у персидских и бухарских евреев. В сукке делали кидуш, но не находились в ней весь день. Бежанов пишет:

> *В ночь* <после> *Кюпюра благословляется вино; каждый еврей берет с собой благословленное вино; приходит в свой двор и палкой намечает во дворе место для шалаша. После праздника Кюпюра все евреи приносят много жертв.*[40]

Не вполне ясно, что Бежанов имеет в виду под жертвами: скорей всего, так он воспринимает приготовление к празднику. Далее Бежанов продолжает:

> *Замечу: вообще накануне всякого праздника много режут баранов, и до наступления праздника строят шалаш. Вечером Суккота все идут на богослужение, которое продолжается полтора часа; затем приходят оттуда и заходят в устроенный во дворе шалаш и читают молитву; затем здесь же ужинают, после ужина читают молитвы в течение 3 часов. Семь суток они живут в шалаше.*[41]

Особым почетом пользуется у горских евреев последний день праздника Суккот, Гошана Раба, который они называют «Араво», то есть «ива», по одному из компонентов лулава. Ветки ивы в этот день приносили в синагогу, а потом забирали домой и оставляли их храниться на год, до следующего Араво.

В ночь Араво молодежь, особенно девушки, устраивают веселые ночные посиделки и гадания. Вот что пишет о ритуале Араво Анисимов:

> *В ночь под седьмой день праздника «Кущей», называемую «Араво» и проводимую горскими евреями в синагогах и молитвенных домах за чтением*

---

[40] Бежанов, 1894. С. 119.

[41] Бежанов, 1894. С. 119.

псалмов Давида, девушки собираются и, сделав меж собой складчину, проводят время до утра с пляской и песнями. При этом они несколько раз садятся ужинать, смеются и предаются разным девичьим играм и гаданиям о суженых. Для довершения веселья к ним являются юноши и начинают состязаться с ними в искусстве находить ответы на песни, заключающие в себе вопросы. По мнению горских евреев, в эту ночь решается судьба человека и определяется свыше, быть ли ему бедным или богатым, жить или умереть до будущего года и какою смертью.

Но особенность этого праздника состоит в том, что, по мнению горских евреев, воды реки к двенадцати часам ночи перестают на одно мгновение течь и потом начинают шуметь и пениться. Кто чего ни попросит в этот момент у Бога, все сбывается.[42]

Своеобразные подробности об этом празднике нам сообщили в Маджалисе: по рассказам местных жителей, в этом ночном веселье принимали участие не только девушки, но и юноши, которые обеспечивали девичий праздник угощением, причем по традиции все съестное должно было быть украдено. Кража как символ молодечества — типично кавказская черта.

Симхат Тора

Бежанов так описывает этот праздник в Варташене:

В это день утром и вечером выносят Тору в вызолоченном деревянном цилиндре (ящике). Впереди Торы идут раввины и почетные лица, составляя круг и держа в руках восковые свечи; семь раз обходят кругом, поют, пьют вино, радуются, а прихожане благоговейно слушают и повторяют «аминь».[43]

В то же время Б. Б. Маноах утверждает, что «гакафот», о котором пишет Бежанов, в горско-еврейских синагогах не проводят. Быть может, это отражает разницу обычаев общины Варташена и других общин.

Ханука

Ханука не принадлежит к числу особо почитаемых праздников, большинство наших информантов даже не могли вспомнить о ее существовании. Не упомянут этот праздник и у Бежанова. Характерно, что у горских евреев,

[42] Анисимов, 1888. С. 223
[43] Бежанов. 1894. С. 118.

как и некоторых других восточных общин, нет в обиходе специальной ханукии. Те, кто отмечает этот праздник, просто зажигает восемь свечей или масляных лампад.

Пурим

Пурим, который горские евреи называют «Гомону», принадлежит к числу самых популярных до сегодняшнего дня праздников. В этот день семьи посылают в подарок сласти, например, халву, завернутую в лаваш. В семействах, где кто-нибудь недавно умер, собирают миньян и читают кадиш. Пурим (как и в других общинах) — веселый праздник. Бежанов пишет:

> *Первый день постятся, проводят день совершенно без еды. Это пост «Есфири». Вечером в синагоге громко читают и поют из Книги Есфири. Дети утром и вечером Пурима делают ножом фигуру Амана; затем камнем и молотом бьют по этой фигуре до тех пор, пока все изображение не сгладится с доски. Кроме того, бьют по земле чем попало, топочут, желая как бы раздавить голову Амана, и еще играют на особом музыкальном инструменте. После обеда вся молодежь садится на лошадей, едут к знакомым, просят вина и затем едут в поле на скачку: тут они джигитуют, радуются, что Амана повесили и Мардохей избавился от гибели. (Христиане и мусульмане, не понимая, говорят: евреи гонят Христа, евреи гонят Магомета!)* [44]

Кроме того, на Пурим (в Красной Слободе) стреляли из ружей «в Амана» (кавказский вариант, заменяющий шум трещоток).

---

[44] Бежанов, 1894. С. 117—118.

ГЛАВА 15

Верования, обычаи, обряды

Обычаи играли в жизни горских евреев, так же как в жизни других народов Кавказа, огромную роль. И. Анисимов пишет:

> *Домашний быт горских евреев основан на адатах (обычаях), перешедших к ним от предков, и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа.*[45]

Основой этих обычаев была сложная, синкретическая система, основанная на смешении персидских, кавказских и еврейских верований, иудейских, мусульманских и языческих представлений. Этнографы XIX в. любили подчеркивать, что у горских евреев особенно много языческих обрядов и верований. И. Анисимов, например, пишет:

> *Некоторые религиозные обряды и обычаи, сохранившиеся в религии горских евреев, прямо противоречат духу и требованиям иудейской религии, так как некоторые обычаи горских евреев носят языческий характер.*[46]

Полагаю, что в этой и подобных статьях их авторы критиковали горских евреев во многом с позиций просвещения, Гаскалы, не отдавая себе отчета в том, что в жизни традиционной ашкеназской общины было, в сущности, не намного меньше неканонических обрядов и суеверий.

Говоря в целом о системе верований горских евреев, можно сказать, что представления о «верхе» (Бог, загробная жизнь) у них сформировались в основном на основе иудейской традиции, а о «низе» — испытали сильнейшее влияние нееврейских представлений.

Представления о загробной жизни. Ад и Рай

Представления о загробной жизни горских евреев сформировались, в общем и целом, на основе иудейской традиции, но давно от нее оторвались

---

[45] Анисимов, 1888. С. 254.
[46] Анисимов, 1888. С. 209.

и продолжали функционировать с опорой на устное предание, а не на письменный текст, то есть как фольклор. Анисимов, как всегда, точно формулирует природу воззрений горских евреев на загробную жизнь:

Чрезвычайно интересны поверья наших евреев-горцев, относящиеся к смерти человека,— поверья, основанные на талмуде и народной фантазии.[47]

Основой представлений горских евреев о загробной жизни служат талмудическая агада (представление о годичном очищении души, об ангеле Дума, об Ангеле Смерти), лурианская кабала (переселение душ, так называемый «гилгул) и средневековая раввинская литература (описание Ада и Рая). Первая попытка систематически изложить верования горских евреев была предпринята И. Черным. Он писал:

Верования в бессмертие души у горских евреев различны: некоторые веруют, что душа человека, по оставлении ею мертвого тела, не отлучается от могилы тела ее целый год, а по окончании года возвращается к тому месту на небе, откуда взята, и там, в царстве небесном, покоится вечно. Некоторые полагают, что скоро по выходе из тела она улетает на небо, некоторые же веруют, что она целый год находится на том же самом месте, где вышла из тела, а потому горит у них постоянно лампа в том месте в честь души [48]. *Некоторые также веруют, что душа посещает каждый день могилу ее тела на кладбище; по этой причине в некоторых местах есть обычай, что ставят воду на кладбище для душ человеческих, чтобы все души в ней выкупались и очистились от нечистоты мертвых обиталищ, прежде чем они поднимутся в свои святые места на небесах.*

Горские евреи веруют также в переселение человеческой души, после выхода ее из тела, в различных животных, чистых и нечистых. Она бывает в них иногда долго, иногда короткое время, и перемещается из одного животного в другое. По мнению горских евреев, душа известный срок страдает в теле животных [49]. *По окончании же срока, она переходит в Ад и там должна очиститься от нечистоты своей через огонь, а потом отправляется на покой в место для нее назначенное* [50].

---

[47] Анисимов, 1888. С. 312.

[48] Трансформация талмудических представлений о том, что, прежде чем войти в Рай, душа целый год пребывает в Чистилище.

[49] Вера в гилгул, то есть переселение душ, в том числе в животных и в неодушевленные предметы, получила особенно широкое распространение в XVI в. у кабалистов Цфата (лурианская кабала). Переселение человеческой души в тело животного рассматривалось как наказание за грехи.

[50] Талмудическая, по своему происхождению, вера в то, что душа пребывает в Аду ограниченное время, например, один год.

Ад они представляют великим бесконечным чертогом, в котором находится множество отделений. В каждом отделении есть ангелы-истребители и черти, которые терзают грешников различными жестокими мучениями, как например: бросают их в кипящие котлы, ставят на раскаленные сковороды, обмазывают их нефтью и зажигают, бьют жгучими железными прутьями, бросают в пропасти, кидают в воздухе с одного конца мира до другого. Ангелы же истребители исполняют в точности волю верховного небесного суда [51].

В субботний день не производится никаких наказаний в аде,— грешники отдыхают. В субботу же вечером уже повсеместно раздаются в аде вопли и жалобные крики [52].

Верховный небесный суд представляется большим чертогом, в котором горит бесчисленное множество свечей; раввины и великие люди древнего мира, седые старики, сидят в белых саванах вокруг длинных столов. Там висят большие весы, на которых взвешивают добрые и злые дела человека. Если грехи превышают добрые дела, то решается участь грешника по общему совету, именно, какие наказания он должен принять на себя. Чертог наполнен постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда из всех концов земного шара. Там дозволяется присутствовать их предкам и ближайшим родственникам, которые давно уже покоятся в раю; они имеют право вмешиваться в общем совете,— просить за своих осужденных родственников; они также могут находить для них какие-нибудь оправдания в облегчение их жестокой участи. Плач, крик, вопли и рыдания слышны по всему чертогу: тут просит покойный отец о своем сыне, там мать о своем дитяти и т. д. Подобно тому, как за свои злые дела человек получает наказание, так за добрые дела он удостаивается награды, то есть, по очищении души от грехов, впускается в рай.

Рай они представляют себе на самом высшем небе, где стоит трон Творца миров; пред ним бесчисленное множество ангелов и херувимов в великом благоговении расхваливают имя Иеговы Саваофа и стоят готовыми ежесекундно исполнять волю Его.

Все праведники и благочестивые люди, которые отличались своими добродеяниями на земле, сидят и наслаждаются вечным невыразимым умственным наслаждением о Божьем величии. Каждая душа из мужского и женского пола имеет свое назначенное место. Праведники и добрые люди сидят в золотых и бриллиантовых креслах, ближе к Господу Богу, другие

---

[51] Картина Ада восходит к сочинению кабалиста XVI в. Элии де-Видаша, посвященного описанию Ада.

[52] Такое же поверье существует и у ашкеназов.

же, которые по грехам своим того не заслуживают,— стоят поодаль: это для них непереносимый стыд перед прочими навсегда.[53]

Повествование И. Черного дополняет Бежанов:

Душу отнимает Хазреил [54]. *Когда труп хоронят, то слышат плач, рыдание, молитву. Если труп тяжел, то говорят, что на нем собрались злые духи, которых он приобрел при жизни. Ангел смерти, отнимая душу, передает старшему ангелу Дума* [55], *который находится все время на кладбище. Душа человека семь дней ходит по кладбищу в трауре* [56]; *иногда приходит домой. В эти семь дней ее в могиле ежедневно заставляют стоять, бьют огненными плетьми, спрашивают ее имя, но она (душа) не помнит своего имени. Праведников не бьют.*

Ангел Дума с кладбища передает душу человека, если грешник, ангелу-старшине над дьяволами, который ведет душу по темным местам в ад; по дороге находятся злые духи с собачьей головой и цепью, они передают душу правителю ада. В аду есть много наказаний, тысяча темных комнат и т. п. Сообразно грехам, душу помещают в подобающем ей месте.

Праведника во время похорон на кладбище провожают ангелы с пением. Ангел Дума передает душу хорошим и добрым ангелам, и те с пением провожают душу на небо. Ее добрые дела светятся перед ней, и она идет по светлым местам. Ее берут к Богу. Если за ней совершенно не окажется грехов, начиная с детства, то ее отправляют в верхний рай, где присутствует сам Бог; там есть много кроватей, на которых сидят праведники. Они живут благодатью Божьей; свет Божий сияет, и все получают высшее блаженство. А если окажется маленький грех, то душу отправляют на некоторое время в ад для очищения, а после этого отправляют в нижний рай, где есть кровати драгоценные и из простых камней и металлов. Эти кровати даются по достоинству. Тут перед людьми есть деревья с прекрасными, чудными плодами, от которых далеко распространяется аромат [57]; *этим ароматом и живут жители рая. Перед ними находятся восковые свечи и книги, которые они все время читают.*[58]

Интересные подробности о том, как представляли себе загробную жизнь горские евреи, приводит Анисимов:

---

[53] Черный, 1870. С. 18—20.

[54] Имеется в виду Азраил — так назван Ангел Смерти в Коране. В еврейской ангелологии такого имени нет. Явное заимствование у соседей-мусульман.

[55] Ангел Дума впервые упоминается в Талмуде.

[56] Срок траура у евреев — семь дней.

[57] По традиции, в Райском саду растут благоуханные мирты.

[58] Бежанов, 1894. С.136—137.

По поверью, когда приближается минута смерти человека, с неба спускается ангел и становится у изголовья умирающего. Ангел этот имеет ужасный вид, и тело его сплошь покрыто глазами. В руке он держит меч, на конце которого висят три капли яда. Умирающий, при виде страшного ангела, от испуга широко раскрывает рот; тогда ангел смерти опускает ему в рот первую каплю яда, от которой человек желтеет,— после второй — являются предсмертные судороги, а после третьей — смерть.

По другим сказаниям, ангел смерти режет свою жертву мечом. Вследствие этого три соседние дома должны вылить воду, находившуюся у них во время смерти соседа, потому что ангел, не найдя у него воды, может обмыть свой меч в каком-нибудь соседнем доме.[59]

Когда душа оставляет тело, она кричит страшным голосом, раздающимся на весь мир. Крик этот так ужасен, что человек, услыхав его, непременно бы умер, но к счастью, никто этого крика услышать не может кроме кур. Второй точно такой же страшный крик издает душа, когда тело умершего снимают с постели и кладут на пол. Эти минуты, по поверью самые мучительные для мертвеца. С одной стороны, тело мучится физическою болью, а с другой — душа тоскует, порхая над телом, подобно ласточке над разоренным гнездом. Она все слышит, все видит, но не может принять участия в разговоре живых людей.

Когда мертвеца выносят из дома, то, смотря по его заслугам, если он был праведник, его встречают добрые духи и приветствуют его; если же грешник,— злые духи набрасываются на него и терзают его. И те и другие являются в количестве, пропорциональном совершенным покойным при жизни поступкам, по словам Св. Писанья: «каждое доброе дело сотворяет доброго ангела, каждое злое — злого». Но евреи-горцы, думая задобрить серебром злых духов, бросают на воздух, подойдя к кладбищу, серебряные монеты, которые потом собирают маленькие сироты и бедные.

Когда покойник зарыт в могилу и живые оставили его, к нему является ангел «Малах-he-Думи [60]*» с длинным огненным кнутом и бьет им по могиле. Могила тотчас же открывается, ангел спускается туда и спрашивает мертвеца: «ме-шемихо?» (Как твое имя). Мертвец кричит страшным голосом, и крик этот разносится далеко по всему миру. Живой человек, услыхав этот крик, умер бы от ужаса; поэтому, закопав могилу и прослушав заупокойную молитву, читаемую сыном или родственником умершего, необходимо как можно скорее уйти от нее, не оглядываясь назад. Но как мертвец ни старается, он не может вспомнить своего имени.*

---

[59] Оба описания Ангела Смерти восходят к талмудическому трактату Авода Зара.

[60] Ангел Дума (ивр.)

Тогда ангел три раза ударяет его кнутом, отчего живот мертвеца трескается. Ангел вынимает внутренности человека, бьет ими его по лицу и говорит с насмешкой: «вот ради чего ты жил»! Эти посмертные страдания называются «хибор-гоковер», и от них, говорят, редко кто избавляется,— даже праведник.[61]

Описание Ада и Рая, которое дает Анисимов, практически не отличается от того, которое приводят Черный и Бежанов. Кроме этого, он сообщает следующую подробность.

Между адом и раем находится толстая накаленная проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Она несколько раз пытается, доходит до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает ее тело пополам, после чего летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха. После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где ее встречают добрые ангелы, показывают ей все величие Бога и сопровождают ее в рай.[62]

Самое существенное в этом рассказе — ощутимый, сквозь иудейские представления, пласт зороастрийских верований. Согласно Авесте душа человека после его смерти вступает на мост Чинват. Для душ праведников этот мост широк, для душ грешников — узок, и они падают с него в преисподнюю.

Демонология

Несмотря на то, что горские евреи были и остаются иудеями, огромное место в сознании горских евреев занимала низшая демонология, способы взаимодействия с миром духов: борьба со злыми духами и обретение помощи добрых. Кроме того, существенную часть верований горских евреев составляла адаптация мистической, кабалистической иудейской традиции и ее смешение с местными языческими представлениями. Даже иудейские по своему происхождению персонажи, например, Илья-пророк, органично вошли в языческий по своему происхождению пантеон. То, что верования горских евреев являются, по существу, синкретическими, следует, например, из замечания Анисимова о духе по имени Нум-Негир:

---

[61] Анисимов, 1888. С. 312—314.
[62] Анисимов, 1888. С. 322.

«Нум-Негир» происходит от «Нум» (имя) и «не гюрде» (не держать, не произносить). По поверью, нельзя произнести настоящего имени Бога, и оно никому не известно,— также и имя «Нум-Негира».[63]

Горские евреи верили в природных злых и добрых духов. Нет сомнения в том, что пласт низовых верований внеконфессионален. Например, исследования по фольклору и этнографии ашкеназов показали, что народная демонология евреев Восточной Европы многое позаимствовала у окрестных славянских народов. Надо думать, что у горских евреев народные верования мало отличаются от верований их соседей-мусульман. К сожалению, систематического сопоставления верований горских евреев с верованиями мусульманских народов Восточного Кавказа не проводилось.

Существенно, что вера в духов во многом определяла повседневную жизнь горских евреев: обычаи, ритуалы, народную медицину. Самый подробный обзор неиудейских верований горских евреев дает в своей монографии И. Анисимов. Он очень точно подчеркивает связь верований с фольклором и обрядом. Важно то, что Анисимов сам вырос в традиционной общине и писал о себе с полным основанием:

Родившись в ауле и выросши в нем, я сохранил в памяти множество сцен из быта нашего народа, которые дают мне теперь некоторое понятие о его верованиях.[64]

Об основных неиудейских, точнее, синкретических верованиях горских евреев Анисимов пишет:

Горские евреи, хотя и уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме Него есть и другие необыкновенные существа, божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют обширную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок, или наградить за доброе дело. К видимым божествам относят: «Нум-Негир», «Ожде̇ное-мар», «Илеһ-Нови», «Шеһаду», «Сер-Ови» или «Деде̇й-Ол» и др. Большею же частью божества невидимы и, повелевая природой, производят различные явления, заставляющие человека или радоваться, или приходить в ужас, чем они обнаруживают людям свою благосклонность или напротив свой гнев. Из невидимых божеств особенно почитаются горскими евреям: «Идор», «Земирей», «Гудур-Бой», «Кесен-Бой». <...> Жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов

[63] Анисимов, 1888. С. 211.
[64] Анисимов, 1888. С. 210.

и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии. <...> По своим свойствам, как сказано выше, духи делятся на видимых и невидимых, а по качествам — на добрых и злых. Одни из них постоянны в своих свойствах, а другие изменяются, сообразно с поступками людей, которым они покровительствуют, то есть иногда делаются для них добрыми, иногда — злыми. К последним относятся: «Нум-Негир, Земирей, Гудур-Бой, Кесен-Бой и Сер-Ови», а к первым — «Илеһ-Нови, Ождоһойе-мар и Шаһаду», из которых два первые духа добрые, а последний — злой.

Божество «Нум-Негир», принадлежащее к переменно добрым и злым, смотря по заслугам человека, считается покровителем путников и семейного плодородия. Чтобы приобрести его расположение, нужно уважать ближних и их детей, как своих собственных, и быть ласковым к странникам. В этом случае оно является человеку в виде белой каменной куницы, которая проносится мимо с быстротой молнии и исчезает моментально из вида, не дав ему опомниться. Тогда человек вполне может надеяться на счастливый исход своего предприятия и на благополучное возвращение из путешествия. Если же это загадочное животное прошло между ногами человека, то непременно быть беде, и человека будет вечно преследовать горе. Тогда все семейные несчастия взваливают на «Нум-Негира», и болезни новорожденных детей объясняются тем, что детей «держит» (душит) Нум-Негир за грехи родителей. Вообще же «Нум-Негир» совсем не почитается горскими евреями, потому что очень мало счастливцев, которых встречало бы оно приветливо и не проходило между ногами.

«Ождеһое-мар» и «Сер-Ови» [65] *имеют такое же значение, как домовые и водяные. Домовой изображается в виде семиглавой змеи, обитающей или под полом и в фундаменте, или в потолке, около верхней полки (в стене); этой змеи никто не видит, потому что она не выходит из своего гнезда, но она посылает своих детей, которые не причиняют хозяевам дома никакого вреда, лишь бы они не убивали их и не трогали. Сильно верующие в это ставят на полку чашку меда и думают, что сама «Ождоһое-мар» выходит из гнезда, чтобы попробовать и оценить достоинство жертвы. Это божество относится к добрым и заботиться о благосостоянии семьи.*

«Сер-ови» — водяной — имеет образ воздушной девы, белой как снег. В лунную ночь она сидит над фонтаном и охраняет воды, чтобы люди не бросали в них нечистот. Иногда же «Сер-ови» манит молодых людей

---

[65] *Ождеһоје-мар происходит от слова «ождоһо» — чудовище, исполин и «мар» — змея. Сер-Ови происходит от «сер» — глава и «ови» — вода.* (Прим. И. Анисимова)

к себе и топит их в воде, а стариков не трогает. Но «Сер-ови», по поверью народа, ужасно боится булата и убегает при виде его. Поэтому, когда идут ночью за водой, то берут какую-либо стальную вещь, которой все время размахивают в воздухе и над фонтаном. В виду этого большинство мужчин и женщин носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь «Сер-ови» преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана.[66]

Особое место в горско-еврейском пантеоне занимает образ Ильи-пророка. Несмотря на ряд ярких деталей, этот образ в фольклоре горских евреев в основном выглядит таким же, как в фольклоре других общин диаспоры.

Илья-пророк (I Цар., гл. 17—19, 21; II Цар., гл. 1—2)[67] — величайший библейский пророк из числа тех, чьи пророчества до нас не дошли. С тех пор как пророк Малахия сказал: «Вот Я посылаю вам Илью-пророка перед наступлением дня Господня, великого и страшного» (Мал. 3, 24), Илья-пророк как предтеча Машиаха связан в сознании евреев с чаяньями и надеждами на светлое будущее.

Еврейская устная традиция (в отличие, например, от русской), начиная со времен Талмуда и вплоть до наших дней, в качестве модели для сказок об Илье-пророке выделяет из библейского повествования не те эпизоды, в которых Илья является в своей огненной и громовой ипостаси, а те, в которых он выступает спасителем бедняков (история вдовы из Царефата (Сарепты), I Цар. 17, 9—24) и обличителем несправедливости (история о винограднике Навота (Навуфея), I Цар., гл. 21).

Илья-пророк занимает совершенно особое место в постбиблейской литературе. Согласно Талмуду и мидрашам, Илья, вознесенный живым на небо, принимает постоянное участие в земных делах, появляясь там, где срочно необходимо Божественное вмешательство. Он странствует по миру то в обличии благочестивого старца, то кочевого араба (отсюда в сказках — Илья-пророк в образе бродяги, прохожего), то вовсе невидимкой, но всегда как ангел-хранитель праведников и мудрецов. Он спасает их от беды, от опасности, от болезни, от бедности, обучает премудростям Торы и тайнам каббалы. В сущности, уже талмудическая агада дает образцы сюжетов об Илье-пророке, напоминающие народные сказки.

В еврейских поверьях, преданиях и сказках Илья-пророк всегда выступает в функции доброго волшебника, выручающего героя из беды, помогающего бедным. Стандартной и в ашкеназском фольклоре, и в фольклоре восточных общин, является ситуация, когда Илья-пророк испытывает доброту человека, приходя к нему в образе нищего.

И. Анисимов пишет об Илье-пророке следующее:

---

[66] Анисимов, 1888. С. 210—213.

[67] В христианской Библии — III и IV Цар., соответственно.

«Илеh-Нови» составляет соединение личности Ильи-пророка с богом богатства. Он исключительно является в ночь с субботы на воскресенье, почему эта ночь носит имя «Шев Илеh-Нови» (Ночь Ильи-пророка). Он показывается людям в двух видах: или в виде гостя, одетого бедно, или в виде белого духа с огромной бородой. В первом случае он приходит в дом и просит «принять гостя».

Поэтому в ночь Илеh-Нови всякий из мужей приказывает своим женам варить «хинкал», несмотря на то, что они упорствуют, так как возня за этим кушаньем продолжается глубоко за полночь и за приготовление нужно приняться по закону Моисея после 8-ми часов вечера субботы. Редко это приказание мужей не приводится в исполнение, ибо в противном случае они наносят бедным женам страшные побои. Бить жену в эту ночь, если она не соглашается сварить хинкал, считается даже за подвиг благочестия, потому что это делается единственно в честь великого гостя, который может вздумать завернуть к хозяину, чтобы испытать его. Конечно, тот, кто удостоился иметь Илеh-Нови гостем в эту ночь и накормил его хинкалом и вином, вскоре после этого посещения, окружается всеми родами богатства. А тот, который был богат и не принял его в рубищах, постепенно начинает беднеть и наконец впадает в нищету.

В виде же белого духа Илеh-Нови является также в эту ночь (только лунную) и бывает главным образом в нечистых уголках и на навозе. Увидя его в подобных местах, человек не должен пугаться и бежать или произнести слово «вой» (горе). В первом случае он будет несчастен и дойдет до нищеты, а во втором заболеет и умрет. Если же он встретит Илеh-нови с поклоном или скажет слово приветствия «шолум-алихим» или же одно слово «бой» (богатый), то ему быть счастливым и богатым.

По народному поверью, Илеh-нови посещает также в виде бедняка свадебный пир, и если его пригласят и посадят между почетными гостями, то жизнь новобрачных будет счастлива, если же не обратят на него внимания и не пригласят его, то один из новобрачных умрет, может быть, уже в первую ночь. Поэтому горские евреи приглашают всех в ауле или городе на свадебное торжество и бедняков сажают между самыми богатыми.[68]

Образ злого духа, нечистого, называемого «Шеhаду», также носит синкретический характер. С одной стороны, само название его происходит от древнееврейского названия демонов «шедим» (ед. ч. «шед»), с другой, на формировании этого образа сказалось влияние кавказских сюжетов. Демоны и нечистые духи с библейских времен занимали воображение евреев. Само слово

[68] Точно такой же сюжет есть в ашкеназском фольклоре.

«шедим», обозначающее нечистых духов, употребляется еще в Библии. Литературные памятники эпохи Талмуда и Средних Веков переполнены упоминаниями о злых духах, мириады которых угрожают человеку со всех сторон. Лучше всего защищают от них мезуза, тфилин, цицес, соблюдение заповедей, произнесение «Шма» и специальные амулеты. В общем и целом горские евреи придерживаются этих воззрений. Анисимов пишет о нечистых духах следующее:

«Шеһаду» суть нечистый дух, принимающий всевозможные образы, чтобы свести человека с пути истины. В его ведении находится множество других духов, которые по приказанию Шеһаду вселяются в душу человека и управляют им произвольно. Дети этих духов обитают в недрах земли, где находятся и палаты их, и жены. Когда нечистый дух входит в душу человека за какую-либо вину его, то человек делается сумасшедшим, то есть, по-горски «шеһадуни» — водящимся с нечистым духом.

«Шеһаду» ужасно не любит, чтобы горячую воду лили на землю, потому что она, всасываясь, начинает жечь детей нечистых духов, которые стоят часто почти у поверхности земли и любуются делами отцов[69]*. За подобное ослушание Шеһаду посылает одного из своих подданных к человеку, которого тот схватывает за сердце и горло и хочет душить. В это время изо рта и носа идет у человека кровь, обильная пена, и он начинает сильно хрипеть от удушения. Таким образом, делаются с человеком припадки.*

Полное сумасшествие объясняется тем, что у Шеһаду очень мало подчиненных как мужского пола, так и женского. Особенно не хватает у него для своих духов женщин, почему он и старается заманить их к себе. Для этого он посылает по разным местам, в темные ночи, духов, которые принимают образы людей, близких тем, которых они хотят взять, чтобы те отворили дверь или ворота. Хозяева, не замечая обмана, выходят и видят пред собою своих знакомых, которые зовут их на улицу или за город, говоря, что приехал такой-то, или уезжает и желает видеть их. Люди идут за ними, но духи, вышедши из аула, схватывают их и влекут в пропасть, к своим жилищам. Там они кормят своих пленных различными кушаньями и напитками, после чего люди сходят с ума и поступают к ним на службу, женщины же выходят замуж за духов и остаются на веки в подземном царстве[70].

---

[69] Бежанов объясняет это поверье несколько иначе:

Кипяток нельзя выливать: он обольет мать дьяволов, которая может истребить всех; кипяток смешивают с холодной водой, а потом выливают.

[70] Мотив женщины, вышедшей замуж за демона — один из наиболее распространенных в фольклоре всех общин еврейской диаспоры.

Рассказывают, что некоторые мужчины возвращались из этого царства, но опять были уводимы. Многие же из них, услышав зов духов, опоясывались кинжалом и выходили. Заметив обман, они вынимали кинжалы из ножен и водили ими вокруг себя, после чего духи рассеивались и исчезали. Но рассудок этих людей все-таки омрачался, и они делались сумасшедшими. Чаще же всего случается то, что духи приходят поздно, когда все покоятся сном, и теряют много времени на вызов, на просьбы идти туда-то и туда-то. Между тем по наступлении утра духи ничего уже не могут сделать и оставляют своих пленных среди дороги, откуда они возвращаются домой сумасшедшими. Я видел многих, которые вылечились от сумасшествия и уверяли, что видели духов, были в их домах, встретили женщину и пр. и пр.

Постоянный образ этих нечистых духов, по уверениям бывших у них, представляет существо, похожее на человека и отличающееся от него тем, что оно имеет рожки и хвост, затем широкие ноги и руки с сильными пальцами, которые расположены, числом шесть, веерообразно друг над другом, и, наконец — кривой рот с выдающимися по бокам кривыми клыками. На пальцах страшные длинные когти.[71]

Характерно, что внешностью шеһаду напоминают персидских дэвов, а не классических еврейских шедов, самой характерной чертой которых являются птичьи лапы.

Неиудейские обряды и праздники

Существенное отличие горских евреев от евреев-ашкеназов состоит в том, что у последних не было праздников, не имеющих отношения к иудейскому календарю. Между тем, в горско-еврейских общинах языческие верования воплощались в развитой системе ритуалов, в специальных календарных праздниках, не связанных с иудейским календарем. В основном все эти праздники связаны с приходом весны и чествованием духов плодородия.

Анисимов, которому принадлежит наиболее полное описание этих праздников, считает, что каждый из них посвящен определенному божеству языческого пантеона. Я полагаю, что дело обстоит противоположным образом: божество, чье имя совпадает с названием праздника, представляет собой персонификацию праздника. К сожалению, вопрос о формировании этих праздников, об аналогии с праздниками окрестных народов практически не изучен.

И. Анисимов подробно описывает эти праздники, прежде всего, по личным воспоминаниям:

[71] Анисимов, 1888. С. 214—215.

«Идор» относится к невидимым духам и считается властителем растительного царства. В честь его существует праздник, который бывает пред началом весны и называется «Шев-Идор», то есть ночь Идора.

Празднество состоит в том, что каждая хозяйка собирает в продолжение года всевозможные плоды и ягоды. Некоторые из фруктов заботливо солятся хозяйками, другие сушатся. Во время вечерней трапезы, когда все члены семейства сидят кругом на полу, где на разостланном холсте расставлены тарелки с кушаньями, хозяйка собственноручно приносит на подносе эти плоды и ягоды и приветствует присутствующих словами пожелания здоровья и всех благ. Самый младший из сидящих поспешно встает и принимает со словами благодарности из рук хозяйки поднос, который ставится торжественно между кушаньями. Хозяин берет один из главных плодов и произносит молитву, приглашая других последовать его примеру. Все с усердием принимаются уничтожать плоды, и хозяйка уходит на свою половину. Чрез несколько минут поднос пустеет, и присутствующие начинают просить Бога, подняв руки к небу, чтобы Он ниспослал хороший год и обильное плодородие.[72]

По своему смыслу, по ритуалу и по времени проведения Шев-Идор напоминает иудейский праздник Ту би-Шват, который называют «Новый год деревьев». Аналогию усиливает предание, которое сообщает Анисимов, о том, что *в эту ночь все* <растения> *с музыкой и песнями отправляются к богу плодородия, который произносит каждому из них свой приговор, или определяет кому сколько жить.* Это поверье сразу заставляет вспомнить о том, что в Рош а-Шана Бог выносит приговор и определяет продолжительность жизни людей. К сожалению, Анисимов не сообщает, на какой день по иудейскому календарю приходится Шев-Идор.

Перечисляя праздники, Анисимов пишет далее:

В родстве с «Идором» находится «Земирей»[73]*, бог дождя, грома и молнии. Как только начинается дождь, дети надевают наизнанку верхние платья и папаху (шапку), надевают на голову мешок, глухим концом его; и выходят на улицу, где они, взявшись за руки и кружась то направо, то налево, поют громко песню, призывая имя «Земирея». Эта песнь выражает молитву, в которой дети обращаются к Земирею с просьбой послать побольше дождя и целыми «батманами» (ведрами), чтобы растительность могла напиться вдоволь.*

Во время же засухи горские евреи поголовно собираются на кладбища, постятся целый день и молятся Богу о ниспослании дождя, а дети, подобно

[72] Анисимов, 1888. С. 218—219.

[73] *Слово Земирей, вероятно, происходит от слова зими — земля, то есть означает существо, заботящееся о плодородии земли ниспосланием дождя.* (Прим. И. Анисимова)

предыдущему, обходят несколько раз кладбища и призывают опять Земирея. В это время некоторые из женщин заняты одеванием лягушек в одежды из шелковых материй. Как говорят они, Богу приятна такая благосклонность человека к низшему водяному животному, которое тоже начинает просить Его о ниспослании дождя, так как вода необходима и этому животному. По всей вероятности, эти церемонии, которые уже постепенно выходят из обычаев, представляют остатки прежнего почитания бога Земирея.

В некоторых местечках горских евреев, как напр. Маджалисе, Нюгди (Янги-Кенте) и др., молодые люди и девушки в день открытия весны идут в лес искать «Шам-агажи» («дерево-свечу» или елку) и затем ночью из нескольких штук этих молодых деревьев разводят костер и прыгают чрез огонь, распевая следующую песню:

Шам-агажи, буль-буль-агажи,	*Дерево-свеча, дерево певчих птичек,*
Имишев шев hемияссали.	*Эта ночь — весны ночь.*
Иври кокил, пасул мото!	*Да будут на высоте евреи, да умрут враги их!*

Девушки же чествуют весну обыкновенно пред праздником Пятидесятницы и почти везде одинаково следующим образом: они берут большой деревянный уполовник или шумовку, надевают на них платье маленькой девочки, завешивают этой кукле, как невесте, лицо платком, и ходят группами с этими чучелами по дамам своих односельцев собирать подарки. Тут хозяева дома окачивают водой как чучело, так и девушек, сопровождающих его, а те бегут, хохочут и распевают хором татарскую[74] *песню:*

Гогил-Гогил, гун герек,	*Гогил, Гогил (имя обращения) нам солнце нужно;*
Тангала бизге ун герек.	*Завтра нам мука (хлеб) нужна;*
Турсене, гелин, турсене,	*Встань, невестка, (хозяйка) встань,*
Сени кардаш боши учун	*Ради братьев своих;*
Гогил пойну берсене!	*Отдай нам долю Гогиля!*

Отсюда и самый этот праздник называется горскими евреями «Гогил». Вероятно, это то же самое божество весны, как и Земирей, и перешло к евреям от татар, почитающих его.

Гудур-Бой и Кесен-Бой относятся к божествам осени и зимы. В настоящее время почитание их тоже почти оставлено. Но лет десять тому назад я участвовал в празднествах, устраиваемых юношами в честь этих богов. В ноябре, начиная от новолуния и до полнолуния, мы вставали в час ночи и обходили весь аул до утра с песнями. Нас бывало человек двадцать

[74] Здесь имеется в виду кумыкский язык.

в каждой группе, которые ходили по порядку чрез две ночи. Подходя к сакле горского еврея, один из нас стучался и произносил слово «Гудур-Бой». Хозяин или хозяйка немедленно вставали и впускали нас всех в саклю. Здесь один, знающий наизусть песню про «Гудур-Бой», входил в середину круга, составленную другими, и произносил громко слова: «Гудур,— Гудур,— Гудур-Бой», которыми начиналась песня, на что другие отвечали: «hоссой, Кесен-Бой». Таким образом, пение продолжалось, пока не кончатся все слова песни. После этого хозяйка давала нам денег, мерку муки и кусок мяса, колбасы из баранины или курдючного сала. Припасы клали мы в мешки, которые носили по порядку. С таким пением ходили мы к каждому еврею-горцу. Будили его и собирали подарки: никто нам не отказывал.

К концу новолуния мы прекращали свои ночные прогулки в честь Гудур-Боя и устраивали праздник, на который редко не приходили большие. На деньги, собранные от продажи лишних припасов, мы покупали свежего мяса, фруктов, вина, крупы для плова, а кушанье варили нам две женщины, выбираемые каждый год нами по очереди из своих матерей. Деньги же, полученные от хозяев во время наших посещений, мы раздавали бедным.

Обычай этот продолжался, как узнал я, почти до последних годов. Смысл песни представляет очень мало интересного, так как почти во всех местах восхваляются не сами Гудур-Бой и Кесен-Бой, которые шли однажды во время вьюги друг против друга и приветствовали друг друга, а хозяин, от которого ждут получения подарка. Запевалой несколько раз произносится имя хозяина, после чего другие по прежнему поют: «hоссой, Кесен-Бой!»

Не менее интереса представляет, как остаток язычества, также и другое справление праздника весны некоторыми горскими евреями. В городе Кубе и теперь перед наступлением весны собираются все девушки и отправляются в лес. Тут они гадают, собирая известные цветы: подснежники, фиалки и другие, и делая из них себе венки. Затем пред возвращением домой они собирают целую кучу хворосту, щепок и тащат ее в город сообща с парнями, являющимися к ним вечером. Это сопровождается всевозможными увеселительными песнями и плясками. Принесенная ими куча сучьев зажигается вечером, и парни прыгают чрез высоко пылающий костер.[75]

По крайней мере, последний из перечисленных Анисимовым праздников существует до сих пор. О его существовании нам рассказали в Красной Слободе во время экспедиции 1997 г., добавив, правда, что сейчас в нем

[75] Анисимов, 1888. С. 220—223.

участвуют только девочки, не достигшие бат-мицвы. Он приурочен к иудейскому календарю: его справляют 1-го Нисана. Девушки идут в лес, собирают цветы и хворост, затем жгут костры и прыгают через огонь. Очевидна связь этого праздника с мусульманским Ноурузом и их обоих — с домусульманскими, зороастрийскими верованиями.

Вообще, чрезвычайно характерно, что и этот праздник, и, судя по описанию Анисимова, Земирей, Кесен-Бой и др. праздники были преимущественно отмечаемы детьми, не достигшими религиозного совершеннолетия.

Народная медицина и знахарство

Скученность жилищ в еврейских кварталах, антисанитария и бедность приводили к широкому распространению болезней среди горских евреев. И. Черный пишет:

> *Болезни у них бывают различные, но во всех местностях одинаковые, по большей части они болеют лихорадками и глазами, также золотухой и бугорчаткой, в особенности в Кумыкском округе, в деревнях Андреевой, Аксаевской и Костеке, по причине узких улиц, тесных жилищ и их нечистоты.*[76]

Перечисляя наиболее распространенные среди горских евреев заболевания, И. Анисимов называет следующие:

> *К таким болезням относятся: припадки (дул гурден), которые, повторяясь чаще и чаще, переходят в сумасшествие (шahадуни); золотуха (кечель), лихорадка (лерз), горячка (кизмиш), желтуха (савзи), оспа (овле), бугорчатка (зуве, думбель), ревматизм (вор) и многие другие, различные по местностям и густоте населения. <...> Причиной лихорадки, бугорчатки, сыпи, золотухи и прочих заразительных болезней, от которых страдают большею частью молодые организмы, служат, конечно, узкие грязные улицы, теснота и нечистота жилищ, особенно женской половины, где преимущественно живут дети, и навоз, разлагающийся или тлеющий по временам около жилищ.*

Горские евреи верили, что главной причиной любой болезни является злой дух. Как замечает Анисимов:

> *Причиной припадков, сумасшествия, ревматизма и детских болезней, по мнению горских евреев, как было сказано, непременно является злой дух или дьявол. Как показывают самые названия этих болезней — «дул-*

[76] Черный, 1870. С. 20.

гурден» (хватание за сердце и сжимание его), «шаһадуни» (схваченный дьяволом), « нум негир гурдей» (держание в руках дьяволом), «вор» (ветер или дух дьявола),— они зависят главным образом от злых духов, которых должно умилостивлять, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы.[77]

На то, что причиной болезни или несчастья может быть, с точки зрения горских евреев, именно сглаз, указывает Бежанов:

Евреи верят в сглаз. Некоторые пользуются плохой репутацией в этом отношении. Если, отправляясь по делу, еврей встретит такого человека,— он непременно возвратится назад. Если животное заболеет, то говорят, что его сглазили: нужно достать тряпку одежды того человека, сжечь и окурить животное.[78]

И. Анисимов подробно перечисляет, что, с точки зрения его соплеменников, помогает от сглаза:

Если с человеком происходит удар, обморок или нечаянная болезнь, то это приписывают сглазу. Сглазить человека можно за его хорошие качества, и средством к лечению от этой болезни служит то, чтобы сглазивший плюнул или смазал бы своею слюною лицо больного. Для того, чтобы узнать, был ли сглаз, или болезнь вызвана чем-нибудь другим, бросают на стену горсть муки, и если она пристала, то значит сглаз, если же нет, то причина болезни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазил, делают из теста шарики и бросают в огонь, произнося при этом имена всех односельцев мужского или женского пола, или тех, которых видел больной в последнее время. Если шарики горят при этом не трескаясь и не выскакивая из огня, то значит, никто из названных не сглазил, если же шарик выскакивает с треском при произнесении имени кого-либо, то сейчас посылают к этому лицу и просят прислать в блюде своей слюны, или же придти самому и смазать слюною лоб больного, губы, щеки, подбородок и плечо. Шарик же, выскочивший из огня, превращают в порошок и дают больному с водою.[79]

Интересно, что в 1994 г. в Варташене местная знахарка демонстрировала нам похожую технику борьбы со сглазом, только вместо шарика из теста в огонь она бросала соль.

Так как причиной болезней с точки зрения горских евреев были злые духи, то охрана здоровья во многом сводилась к своего рода «технике безопасности»:

---

[77] Анисимов, 1888. С. 301.
[78] Бежанов, 1894. С.139.
[79] Анисимов, 1888. С. 302—303.

соблюдению определенных предосторожностей и внимательному отношению к приметам. Например, по сообщению Бежанова:

Кипяток нельзя выливать: он обольет мать дьяволов, которая может истребить всех; кипяток смешивают с холодной водой, а потом выливают.[80]

Анисимов, например, пишет о том, что:

У евреев, как у многих других народов, есть поверье, что собака чует <будущего> мертвеца и показывает это своим воем. Кавказские евреи, как только заслышат вой собак, тотчас же втыкают в землю около порога нож, ножницы или какое-нибудь другое острое стальное орудие. Это для того, чтобы злой дух не переступил порога, так как он очень боится стали.[81]

Вера в злых духов, в том числе духов болезней, а также в сглаз, привела к широкому распространению не только народной медицины, но и знахарства в среде горских евреев. В прошлом веке, как об этом пишет Иуда Черный, горские евреи при болезнях предпочитали услуги знахарей помощи врачей:

Если кто заболеет, то они прибегают к своим бабьим средствам, а иногда призывают аульного знахаря, и редко-редко случается, чтобы они доверили больного окружному медику. Чаще призывают цирюльников, приезжающих из Персии. Эти последние имеют свои лекарства, приготовляемые из разных трав; для продажи их они нанимают лавку на базаре. Все медикаменты их заключаются в большом мешке и завязаны в грязных тряпках. Такие медики, по-видимому, нигде не учились, не имеют никакого понятия о медицине и только знают по практике разные врачебные средства. К таким незнающим и полудиким азиатцам горские евреи питают полное доверие; ученые же медики не имеют у них никакого авторитета: они презирают лекарства, прописываемые ими, полагая, что в эти лекарства они вмешивают свинину или другие трефные вещи, то есть запрещенные по закону Моисея.[82]

Кроме бродячих лекарей лечением, точнее, изгнанием злых духов занимались аульные знахарки и повитухи, которые были очень авторитетны среди своих сограждан. И. Анисимов пишет по этому поводу:

Как только случилось что-нибудь, сейчас прибегают за помощью к «момоям» <повитухам> или «полчи» (колдуньям). Они приглашаются не только для лечения маленьких, но также и ко взрослым. Кроме трав для лечения употребляются ими еще различные масла, соли и мясо животных, как

[80] Бежанов, 1894. С.139.
[81] Анисимов, 1888. С. 314—315.
[82] Черный, 1870. С. 20—21.

напр. летучих мышей, ежа, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большею частью печенью, курдючным салом и тестом, которое смешивается с сахаром или мёдом.[83]

Для народной медицины горских евреев характерно сочетание рациональных методов и магических практик. Наиболее полный очерк народной медицины у горских евреев дает в своей статье «Евреи в с. Варташен» М. Бежанов. Он пишет:

Когда заболеет кто тифом, то кроме воды и навара крупы, ничего более ему не дают, пока не вспотеет; на восьмой день должен пойти холодный пот, а если не вспотеет, то значит болезнь осложнилась. Против тифа лекарств не употребляют. Если больной начинает поправляться, то ему дают куриный бульон.

При болезни кара сатулцама (сильная или черная простуда) больному пускают кровь, а если опоздают, пропустят время, то сильно натирают маслом, дают лед, снег, арбуз, сочные груши, пока не вспотеет. На 3, 7, 21 день больной умирает, если болезнь неизлечима.

При чахотке соблюдают диету, крупы не едят, вина не пьют, фруктов не едят. Больной ест вечером и утром по одному раку, который считается лучшим средством против чахотки; холодной воды не пьет. Пьет чай из роз и фиалки; с женщиной не должен иметь сношений. При этой болезни приглашают знахарей, которые дают больному разные пилюли.

Яраган: человек болеет, истощается, желтеет и умирает. Редкие выходят из этой болезни и только при строгом соблюдении диеты; больной не должен иметь сношений с женой в продолжение трех лет.

При дифтерите пускают кровь из затылка и ушей. Кровь от гребешка петуха дают пить больному; дают пить его же мочу. Внутренние пленки разрывают пальцем; прикладывают кислый гранат или же махорку, намоченную в моче или в желтом кале курицы.

При коклюше дают парное молоко; в масле жарят леденец и дают по ложке утром и вечером. Курдючным маслом и ватой обтирают грудь. Масло и желток яйца смешивают и кладут на голову больному.

Жаба. Сильно опухает горло; кладут на опухоль мешочек с песком или курицу, щенка, кошку, разделенную пополам. Пускают кровь; ставят банку (глиняный горшок с толстым фитилем).

[83] Анисимов, 1888. С. 211.

При оспе и кори соблюдается строгая диета; кормят кишмишем, в который кладут вошь,— это считается хорошим средством. В комнату больного никого не пускают; муж и жена не могут вместе лечь. В этой комнате ничего нельзя трогать, ни сундука открыть, а то больной может умереть. Его кормят наваром крупы. Вблизи стоять нельзя.

При ревматизме бьют больной член крапивой докрасна, а потом крапиву варят и кладут на больное место. Берут больного на минеральные воды; соблюдают диету; знахари дают разные масла, чем мажут больной член. Против ревматизма употребляется особое средство, называемое «сила». Собирают летом всевозможные полевые цветы и их корни, варят их в нескольких больших котлах, наполненных водой; за два дня до этого копают во дворе яму (за неимением ванны) и наполняют ее водой, потом берут часть сваренных цветов и выстилают дно ямы, затем опорожняют в нее несколько котлов; больной садится по горло в воду; все его тело обкладывают сваренными цветами; сверху больного закрывают одеялом, чтобы не ушел; тут в яме больной сидит, пока сильно не вспотеет; это повторяют несколько раз, и больной вылечивается. Это средство практикуется и против бесплодия женщин [84].

Против ревматизма еще другое средство: собирают кости всевозможных животных, которые валяются на улице и в садах; кладут в котел, наполняют водой, закрывают котел медным блюдом, замазывают края толстым слоем глины, оставляя два отверстия, кладут на огонь и кипятят целый день. Потом больного укладывают под одеяло, ставят под одеяло котел и постепенно открывают крышку: пар выходит и сильно греет члены больного.

Лихорадочных обводят кругом села, три раза проводят через дупло дерева или пробивают в скале отверстие и три раза проводят лихорадочного [85].

Несут к раввину вату; раввин читает молитву, делает из ваты нитки, читает опять молитву, делает узлы и привязывает к руке, тем и прекращает лихорадку.

---

[84] Местная знахарка в Варташене рассказывала в 1994 г., что ванны как средство от бесплодия и ревматизма применяют до сих пор. Ванну настаивают на бессмертнике, ромашке, тысячелистнике.

[85] Считается, что самой большой целебной силой обладают естественные отверстия в скалах. Мне показывали такое отверстие в Азербайджане. Пролазание сквозь него, по мнению местных жителей, помогает от многих болезней.

Похожим образом, по словам Анисимова, лечили младенцев:

<Больного> *ребенка пропускают через железный треножник (на котором ставится котел на очаге), проводят сквозь окна, двери.* (Анисимов, 1888. С. 211.)

Если лихорадочный страдает долго, то хозяева больного сердятся на соседей, что они не лечат их больного от лихорадки. Сосед должен сварить хорошее кушанье и принести больному. Подходя к больному сзади, неожиданно толкает его и ставит перед ним пищу, говоря: «я вылечил тебя от лихорадки». Цель всего — испугать больного [86].

Обращаются к именитым раввинам, муллам и чародеям, которые на узкой бумажной ленте пишут молитвы, называемые «цабу»[87]. *Эти молитвы, смотря по содержанию, или сжигают, или пришивают к платью, или опускают в воду, которую пьет больной, или же зарывают в землю под могилу, в комнате, в развалинах и т. п.*

В айране смешивают соль, немного греют его и купаются в нем несколько раз. Утром и вечером купаются в холодной воде; при этом, когда больной ложится в воду, то на его спину кладут камень, и так он лежит некоторое время. Ставят банку и пускают кровь.

Желтуха: при этом едят кислоту, уксус, пьют айран. Жирного не едят; глотают желчь животных.

Вурмя — при этой болезни у больного на теле являются синяки; говорят, его ударил дьявол. Такого больного лечат молитвами и чарами.

Тутма (припадки) бывают от разных причин: или от испуга, или от трудных болезней, или от нечистоплотности, ибо дьявол любит нечистоплотного и вселяется в него, или по наследству переходит из рода в род. Причина припадков — дьявол. Лечат молитвами, чарами. Череп черной собаки толкут в порошок, смешивают с собачьей мочой, с медом и дают больному; приглашают раввина, он читает молитву.

Сумасшедшего лечат зурной: зурна играет и его водят по селению, ведут в красильню, где, по их мнению, живут бесы, мажут лицо краской, и он танцует. Больного лечат чарами и молитвой, ибо больных схватывает бес.

---

[86] И. Анисимов по другому объясняет смысл лечения лихорадки с помощью соседских блюд: *От лихорадки лечатся также или травами, настоями и «hейкелями» (талисманами), или же посредством гаданья, которое происходит следующим образом. Мальчик или девочка из родственников больного идет ночью под окна трех соседей и, разбудив кого-либо из их домашних, спрашивает, изменив голос, чтобы не знали от кого: «какое нужно лекарство от лихорадки?» Там просыпаются и, зная обычай, говорят сразу, что придет в голову. Например, в одном месте назвали — кашу, в другом шашлык и в третьем — хинкал. Три дня собирают тогда из этих трех домов по тарелке этих кушаний и потом, смешав их в одно, кормят больного.* (Анисимов, 1888. С. 314.)

[87] Горские евреи в Варташене до сих пор обращаются не только к местной знахарке-еврейке, но и к азербайджанскому шейху в соседнем селе. Характерно, что сама знахарка в «сложных» случаях обращалась к этому шейху. Шейх пишет что-то по-арабски. Для исцеления записку надо зашить в одежду.

Рожу прижигают раскаленным железом, или же на больное место кладут щенка. Знахари употребляют разные лекарства.

При геморрое вина не пьют; крупы не едят; режут кишку, раз в три месяца пускают кровь, ставят пиявки. Раскаляют красный кирпич, обливают его нефтью, и над этим дымом сидит больной.

За больным ухаживают женщины; посещают все знакомые и родственники; раввины тоже ходят часто и читают молитвы. Если больной — почетное лицо, то его посещает все общество. Для больного приглашают знахарей.

Болезни часто приписывают испугу. Если больной испуган покойником, то идет на кладбище, снимает плиту над могилой и поворачивает ее, а если живым человеком, то больному дают пить воду, в которой была обмыта рука этого человека; моют ногу и руку больного, и эту воду выливают на то место, где больной испугался. Если больной испуган животным, то лицо больного обмывают водой, а животное пьет. Если был испуган собакой, то ее шерсть нужно сжечь под больным [88].

Универсальным средством предупреждения и лечения болезней было использование амулетов, защищающих их обладателей от духов болезни. Хотя смысл многих обычаев и верований постепенно забывается, но амулеты до сих пор в ходу у горских евреев. По существу большую часть украшений, которые носили горские евреи, представляли собой амулеты. Анисимов, например, пишет по поводу лечения ревматизма:

От ревматизма лечат или натиранием различными маслами и купанием в минеральных водах и грязях, которые имеет Кавказ почти во всех уголках своих, или же — привязкой бус из различных горных камней, руд и металлов, на больное место. По мнению евреев, эти бусы имеют свойство выгнать газ, вселившийся по повелению злого духа в органы человека, и исцеляют больного.

Специальные амулеты использовались для лечения лихорадки, для защиты роженицы и новорожденного и т. д.

Особый тип украшения-амулета называется «купа». Он представляет собой треугольный мешочек с пряностями, сшитый из тафты, к которому

---

[88] Бежанов, 1894. С.131—134.

Близкий по смыслу способ лечения испуга сообщает Анисимов:

Если кто кого испугал нечаянно или умышленно, и тот заболел от этого сильно, то виновник должен вымыть руку и дать эту воду пить больному. Этот способ у нас, то есть, в восточном Дагестане, уже выходит из употребления и имеет силу в г. Кубе. Вместо него у нас испугавшемуся дают кусок земли, на которой он стоял во время получения испуга, растворив ее в воде. (Анисимов, 1888. С. 314.)

привешены семь низок бусин. Амулет «купа» нашивался на одежду мужчин на левом плече. Иногда его называют «гейхал», то есть «дворец» — термин, имеющий отношение к иудейской мистике. Такие амулеты можно до сих пор обнаружить в домах жителей Красной Слободы.

На руку ребенка надевали низку бусин, в том числе золотых. Мальчики носили на правом плече гагатовый амулет, который назывался «талысым». Словом «талысым» также называют амулет в виде серебряной или медной пластинки с выгравированной на ней кабалистической надписью. Такие амулеты также до сих пор в ходу.

Я неоднократно видел в домах горских евреев оберег, состоящий из подковы, дырявого камня, так называемого «куриного бога», и синей колючки особого вида. Как правило, оберег висит у входа в дом. В спасительную силу этой колючки верят вообще все жители Восточного Кавказа. Кстати, именно эту колючку горские евреи вкушают во время пасхального седера вместе с горькой зеленью.

Несмотря на то, что в настоящее время горским евреям вполне доступна современная медицина, традиции народной медицины и знахарства, о которых писали авторы прошлого века, живы до сих пор, особенно в сельских и полусельских поселениях.

В Варташене мне довелось общаться с симпатичной молодой женщиной, по профессии медиком, которая была сельской колдуньей и охотно избавляла страждущих от действия «дурного глаза». Искусство знахарства она получила по наследству от своей свекрови. В технику ее целительства входили как рациональные методы: массаж, лекарственные растения, так и заговоры, заклинания, амулеты, специальный ритуал снятия сглаза. Характерно, что в технологию ее целительства входило поклонение, в частности, вотивные приношения, тем же святым местам, которым поклоняется местное азербайджанское и армянское население. Кроме того, в некоторых случаях, по словам знахарки, целесообразно давать больному пить воду, в которой размешана земля с могилы мусульманского «святого».

ГЛАВА 16

Обряды жизненного цикла

Обряды жизненного цикла — обрезание, бар-мицва, свадьба, похороны, поминки — всегда играли огромную роль в жизни горско-еврейской семьи. Именно такие события укрепляли, поддерживали и поддерживают до сих пор семейные, родовые, квартальные и общинные связи.

Никакие усилия советской власти не могли заставить горских евреев отказаться от семейных обрядов и обычаев. Например, одна из жительниц Дербента, занимавшая в городе весьма ответственный партийный пост, с гордостью показывала нам свою ктубу.

Элементы традиционных ритуалов жизненного цикла были живы еще сравнительно недавно. Так, например, информанты старшего возраста смогли по личным воспоминаниям восстановить ритуал свадьбы почти таким же, каким он описан, допустим, у Анисимова.

Рождение ребенка и обрезание

Рождение ребенка всегда было важнейшим событием в семье горских евреев. Особенно желанным ребенком был мальчик. Принимались даже специальные меры, чтобы женщина, забеременев, родила именно мальчика. Анисимов пишет:

> *На 15-й день* <после менструации женщина> *отправляется на реку, взяв с собою мальчика и подругу, или в общественную купальню* <то есть, в микву>. *Мальчика берет она для того, чтобы он стоял поодаль и шел ей навстречу после омовения. Горские еврейки думают, что у них непременно родится дитя, которое будет иметь вид того человека или животного, которого встретили они сейчас после «омовения». Рассказывают, что многие женщины встречали змею, корову и рождали детей, имеющих подобие этих животных; поэтому, выбирая кого-либо из своих или чужих детей для встречи, еврейка заботится, во-первых, чтобы он был мальчик, так как девочки не особенно ценятся и считаются чужим добром, и во-вторых,— чтобы он был красивый.*[89]

[89] Анисимов, 1888. С. 240.

Для беременных существовали специальные «правила безопасности». Согласно Бежанову:

Беременная женщина не остается одна в темной комнате, не ходит по воду.[90]

Объяснение этих правил заключается в том, что жизни беременных угрожает водяная дева Сер-ови. И. Анисимов пишет об этом поверье:

Относительно Сер-ови или, как ее иначе называют, Дедей-ол (или «во» — вода, то есть «Мать воды») рассказывают еще следующее интересное предание.

Дедей-ол особенно старается обмануть или ввести в заблуждение беременных женщин или рожениц. Поэтому у горских евреев никогда нельзя оставить роженицу одну в комнате. В последнем случае Дедей-ол приходит к ней в образе какой-нибудь ее родственницы, обманывает ее, приближается к ней, незаметно снимает с нее одеяло и затем вынимает некоторые внутренности, как то: сердце, печень и легкие.[91]

Родовспоможением в горско-еврейских аулах раньше занимались специальные повитухи, которые также заботились о здоровье матери и новорожденного. Наиболее подробное описание родов приводит И. Анисимов. Это описание в деталях совпадает с тем описанием родов, которое дает Черный. И. Анисимов пишет:

Как только женщина чувствует время разрешения от бремени, домашние сейчас приглашают «момой» (бабку). Родит горская еврейка или стоя, или на коленях и поддерживаясь посредством веревки, перекинутой через брусья в потолке, или лежа на земле, где приготовляется ей соломенная постель[92]*. Комната при родах наполняется постепенно из всего аула женщинами, которые идут к родильнице, принося с собою в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и прочее. Все это собирается для бабки.*

После того, как все женщины собрались, одна из родственниц родильницы берет кусок белого полотна, бязи или другой белой материи, аршинов в 5—6, и перевешивает ее через дверь так, чтобы одинаково ровно была видна она снаружи и внутри. Этот кусок остается до тех пор, пока

---

[90] Бежанов, 1894. С.130.

[91] Анисимов, 1888. С. 213.

[92] Бежанов, говоря о евреях Варташена, рассказывает о родах по-другому: *Во время родов женщину сажают на липовую доску.* (Бежанов, 1894. С.130.)

родильница не встанет совсем здоровой, и потом он дарится «момой». Для чего это делается, достоверно никто не знает; но полагают, что белый цвет материи служит для удаления нечистого духа.

При сильных болях посылают кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли из могилы такого-то покойника. Посланный выкапывает из глубины могилы немного земли, которую, смешав с водою, дают страдающей [93]. Если и это средство не помогает, то муж приглашает учеников раввина, из которых одни трубят в трубы, употребляемые евреями в Судный день и на Новый год при общественной молитве [94], а другие читают псадмы [95]. Все начинают молиться: «Единый Боже! дай ей радость разрешиться».

Наконец все успокаиваются и начинают расспрашивать бабку: «сын или дочь». Если сын, то бабка сейчас говорит и просит у отца за «бешереи» (радостную весть) подарка. Отец с удовольствием исполняет ее просьбу и, пригласив присутствовавших и утешавших его в кунацкую комнату, начинает угощать их вином и закусками. Всюду раздаются радостные речи, слышатся смех и говор, везде встречаешь радостные лица. Особенно радуется мать при этом радостном известии, так как за это все начинают питать к ней особое уважение.

Отец новорожденного посылает сейчас кого-либо из мальчиков на женскую половину, чтобы он прибил к стенам, над окнами и дверьми, различные бумажки, на которых написаны имена ангелов-хранителей. Это делается для того, чтобы злые духи не причинили новорожденному и матери вреда,[96]

---

[93] Иуда Черный дает такие разъяснения по поводу этого обычая:

Есть у них еще обычай: если родильница сильно страдает при родах, то берут на кладбище землю от могилы кого-либо, умершего в течение 40 дней до времени ее родов, кладут эту землю в стакан с водой и дают родильнице выпить эту воду с верой, что это будет полезно для родов и плодородия вообще; если же такое средство не помогает, то выкапывают землю еще раз из глубины той же самой могилы, кладут ее, также как и прежде, в воду и дают ее выпить. Все это делается без позволения раввина, ибо раввины строго запрещают такой способ лечения. (Черный, 1870. С. 40.)

Вот еще один пример столкновения «народного» и «ученого» иудаизма.

[94] Имеется в виду бараний рог, шофар.

[95] Согласно Бежанову, евреи Варташена при трудных родах поступали следующим образом:

При трудных родах играют в рожок <шофар>, стреляют из ружья и т. п. (Бежанов, 1894. С.130.)

[96] Использование специальных амулетов, «шмирот», на которых были написаны имена ангелов и заклинания против демонов и Лилит, угрожающих роженице и новорожденному, было широко распространено во всем еврейском мире, в том числе у ашкеназов. Текст амулетов восходил к одним и тем же кабалистическим источникам.

Первое время «момой» кормит мать одним жидким мучным супом без мяса и приправ. К родильнице воспрещается вход мужу и всякому мужчине, также и женщине, имеющей при себе какую-либо плотную вещь, пока при родильнице не будет золота. В противном случае с новорожденным делается «чуле» — болезнь «сорока дней», которая задерживает рост ребенка[97]*. В эти дни мать беспрестанно посещают женщины, а отца новорожденного мужчины. Тех и других хозяева угощают халвою, шашлыками и вином. Родственники же и родственницы дарят бабку деньгами, каждый по 20—30 коп., и делают ей подарки.*[98]

Мальчикам на восьмой день после рождения, как это и положено у иудеев, делают обрезание. Горские евреи рассматривают обрезание как большой семейный праздник. Большая часть горско-еврейских семей, в отличие от ашкеназов, практиковала обрезание и при советской власти.

Обрезание проводили, как правило, в синагоге. Сандак, как и во многих других общинах, сидел на специальном кресле, называемом «трон Ильи-пророка». После обрезания и наречения имени в синагогальном дворе устраивалось пиршество для родственников и соседей. Иуда Черный, бывший свидетелем обрезания у горских евреев, описывает его так:

На 8-й день от рождения дитя было обрезано по установлению закона Моисея. Резник, занимающий должность раввина, сделал эту операцию весьма искусно, да и вообще горцы мастера заживлять раны, в особенности же евреи: они имеют такой порошок, который насыпают на рану, и она очень скоро заживает.[99]

Церемониал обрезания бывает или в синагоге, или в доме родильницы. В укреплении Грозном я присутствовал также при обрезании. Церемониал был на дворе родильницы и в самое холодное время декабря месяца 1868 года; общество собралось там на дворе, и несмотря на большой мороз, резник, тамошний раввин, совершил операцию весьма хорошо. После обрезания на дворе устроили длинные столы, на столах поставили кувшины с вином и водкой, вареных и жареных кур и гусей, которых они без помощи ножей и вилок разрывали пальцами на куски и ели без хлеба, стоя по колени в снегу.[100]

---

[97] По сообщению Бежанова, для охраны роженицы практикуется еще целый ряд запретов: *В комнату, где новорожденный и его мать, входить никому нельзя; нельзя вбивать гвоздь, целый месяц писать письма.* (Бежанов, 1894. С.130.)

[98] Анисимов, 1888. С. 261—263.

[99] И. Анисимов сообщает по поводу этого порошка:

Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженною шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три-четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым. (Анисимов, 1888. С. 263.)

[100] Черный, 1870. С. 39—40.

Рождение девочки отмечалось гораздо скромнее, в честь нее не устраивалось специального пиршества. Анисимов отмечает, что:

Совсем не так встречают евреи-горцы новорожденную девочку. Муж, родственники и даже «момой» оставляют мать без всякого внимания и не прислуживают ей.[101]

Детей часто называли в честь умерших родственников. Детям давали имена как библейские, так и татские. Анисимов пишет:

Имена, даваемые новорожденным, большею частью бывают наследственные, то есть умерших отцов, дядей, братьев и т. п. и взятые из Пятикнижия Моисеева и из книг пророков или составленные самими родителями по отношению к каким-либо предметам, как например: «Татли» (сладкий), Шеребет [102] *(питье) и друг. Часто встречаются также имена сильных животных и драгоценных металлов. Эти последние даются, большею частью женщинам. К именам мужчин относятся: Аслан (лев), Коплон (тигр), Ождоho (чудовище, змея) и пр.*[103]

Младенческая смертность среди горских евреев была очень высока. Болезни детей приписывали воздействию злых духов. Их «лечением» занимались те же повитухи-«момой», которые занимались родовспоможением. Анисимов пишет:

Все семейные несчастия взваливают на «Нум-Негира», и болезни новорожденных детей объясняются тем, что детей «держит» (душит) Нум-Негир за грехи родителей. Одно имя его приводит бедных родителей в панический страх за жизнь своих новорожденных. Как только началась детская болезнь, состоящая обыкновенно из частых вздрагиваний малютки и неистового плача, при котором является на губах его красноватая пена и на лице особенная бледность, знахарками произносится над ним смертный приговор, что, действительно, и сбывается через два-три дня по рождении. Бедные родители, жаждущие хоть одного живого ребенка, никак не могут умилостивить грозное божество и заслужить у него прощения за свои грехи. Они переменяют место жительства, продают новорожденного тотчас после появления его на свет старухам-знахаркам, чтобы выкупить его после,— все тщетно! они принуждены до поры до времени, или всю жизнь свою, покоряться злому существу и не иметь детей.

Бедная мать! она каждый год рожает детей, каждый год с трепетом ждет появления роковой болезни, которая ей причиняет столько горя

---

[101] Анисимов, 1888. С. 264.
[102] Имя отца Ильи Анисимова.
[103] Анисимов, 1888. С. 263.

и несчастия! Но мне кажется, что здесь главным образом виноваты наши «момои» (бабки) и знахарки, которые, как заметят что-нибудь в ребенке, сейчас начинают давать ему лекарства (травы) и употреблять над ним различные колдовства и «бабьи средства». При этом ребенка пропускают через железный треножник (на котором ставится котел на очаге), проводят сквозь окна, двери, заключают его в сундук и предают различным подобного рода истязаниям. Если, по какому-нибудь чуду, спасается ребенок, то это, конечно, приписывается знахаркам.[104]

Бар-мицва, которая у горских евреев называется «тефилин», как следует из статей этнографов прошлого века, не отмечалась как особый праздник. В последние годы, в связи с влиянием европейских евреев, этому событию стали уделять больше внимания.

Обручение, сватовство, помолвка, свадьба

Большая часть браков у горских евреев заключалась в результате помолвки или сватовства, причем часто родители могли заключить помолвку, когда их дети были еще младенцами. Черный и Анисимов (которого этот обычай чрезвычайно возмущает) пишут, что согласия девушки на брак никогда не спрашивали. Например, Анисимов пишет:

Когда еврей-горец случайно увидит девушку, наметит ее для себя и вздумает на ней жениться, не зная совершенно ни ее натуры, ни ее характера, то он уведомляет чрез кого-либо из близких товарищей об этом своего отца, который посылает к отцу девушки сватов, обыкновенно родственников, или идет и сам с ними. Жених не может сказать отцу о своем намерении лично, ибо, по обычаю, «совестно» говорить детям со своими родителями о браке, а девушка не принимает даже такого участия: о согласии ее на брак большею частью не осведомляются, и если спрашивают,— то лишь для очистки совести тоже чрез ее подругу. Девушка, не разбирая, хорош ли жених или нет, должна, как «благовоспитанная девушка», ответить, что «согласна на все, что они (тут подразумеваются родители, братья и родственники) ни сделают с ней». Женщины, даже матери, также вовсе не вмешиваются в вопрос о браке. Таким образом, переговоры ведутся отцами и родственниками и преимущественно касаются размера калына. Подобные переговоры с сыновьями при сватовстве ведутся только такими родителями, которые боятся своих «капризных детей», чтобы те после не пеняли на них и чтобы родители могли заставить сыновей отказаться от развода, в случае, если последние захотят развестись с женами, сказав, что брак был заключен против их желания.

[104] Анисимов, 1888. С. 210–211.

Большею же частью отцы сходятся друг с другом где-нибудь в гостях и, под влиянием горячих напитков, дают друг другу руки, произносят слова клятвы — быть вечными друзьями — и соглашаются ради этого при свидетелях соединить своих детей. Такие случаи, которые, как сказано, бывают очень часто, происходят и при возрасте детей, и при младенчестве их, так что многие из сговоренных или помолвленных детей в глаза не видят друг друга, живя в разных городах или аулах, до самого дня свадьбы.[105]

Напротив, Бежанов, соглашаясь с распространенностью сватовства, утверждает, что если сватают взрослую девушку, то ее согласие необходимо. Он пишет:

Обручение бывает в возрасте от одного года до 20 лет; если девушка маленькая, то на предложение родителей жениха отвечает отец девушки; если девушка взрослая, то спрашивают ее согласие, не принуждают, и она сама берет обручальное кольцо. Еврейские девушки не закрываются и не скрываются, а потому и юноши сами могут выбрать себе невест. У варташенских евреев, впрочем, большей частью обручают в раннем возрасте.[106]

Этнографы и фольклористы в прошлом веке наибольшее внимание уделяли свадебному ритуалу, справедливо считая его скоплением наиболее интересных обрядов и образцов фольклора. Не удивительно, что в статьях Черного, Бежанова и Анисимова из всех ритуалов жизненного цикла подробнее всего были изучены и описаны ритуалы помолвки и свадьбы.

Описания эти настолько красочны, что имеет смысл привести их целиком. Кроме того, в разных описаниях есть разночтения, так что их интересно сопоставить между собой и с теми данными, которые были привезены экспедициями последних лет. Те фрагменты обряда, которые являются общими для свадебного ритуала во всех еврейских общинах, выделены жирным шрифтом. Очерки даны в некотором сокращении.

Иуда Черный. Из статьи «Горские евреи» (1870 г.) [107]

Когда <просватанные друг за друга> *дети вырастают, то из дома невесты или сама невеста посылает каждую неделю жениху подарок, а жених в свою очередь посылает подарок невесте, также каждую субботу.*

---

[105] Анисимов, 1888. С. 267—268.
[106] Бежанов, 1894. С.121.
[107] Черный, 1870. С. 26—39.

Подарки состоят из различных фруктов и субботних кушаний. Невеста должна непременно попробовать кушаний, приготовляемых в доме жениха, а жених должен попробовать кушаний, приготовляемых в доме невесты. Сверх этих подарков жених посылает невесте часто и другие подарки, как например, что-нибудь из предметов одежды и разные золотые и серебряные вещи для украшения. Невеста же вышивает жениху кисеты для табака, арахчины, то есть ермолки, обделанные в азиатском вкусе, с галунами, бисером и мишурными украшениями. Кто приносит невестин подарок жениху, тому дает жених подарок за труды. Жених завязывает монету в платок, в котором был невестин подарок, и отсылает это секретно невесте.

В течение времени от обручения до свадьбы, которое продолжается несколько лет, невеста, лишь только увидит своего жениха или кого-нибудь из его родственников, должна сейчас же присесть на землю, закрыть лицо свое платком, а жених, увидевши невесту или ее родных, от стыда стесняется даже говорить.

В течение сказанного времени, когда случается посторонняя свадьба, на которую жених и его невеста оба приглашены, то жених делает для своей невесты «шабаш». Шабаш делается таким образом: жених дает несколько монет распорядителям танцами; эти распорядители берут сперва одну монету и объявляют громким голосом следующее: «Арас, филонкез, бир монат шабаш айлади», то есть, жених такой-то дал одну монету для танца и кружения. Все молодые люди отвечают затем громко: «Гой шабаш! Гой шабаш!» — «Вот и танец! Вот и танец!», то есть, «Скоро и потанцуем!» Потом опять распорядители танцев кричат: вот еще монета в честь приглашенных гостей, и молодежь опять отвечает: гой шабаш! гой шабаш! После этого распорядители опять говорят: ещё монета в честь всего общества, а молодежь отвечает громко: гой шабаш! гой шабаш! Тогда зурначи начинают играть с аккомпанементом барабанов, невеста танцует, а распорядители танцами и молодые люди прыгают вокруг невесты.

За месяц до бракосочетания приходит отец жениха с двумя свидетелями в дом невесты, отдать отцу ее определенную выкупную сумму денег, которую согласился жених выплатить за невесту. Отец невесты делает за эту сумму дочери одежды и наряды; если же он хочет, то берет эту сумму себе и требует у жениха, чтобы он выплатил ему еще столько, сколько издержано на воспитание невесты с ее младенчества до свадьбы; иногда же, сверх суммы жениха, он сам еще прибавляет какую-либо сумму в приданное своей дочери,— все зависит от доброй воли отца невесты. В старину был у них адат, что жених должен был дать отцу невесты перед свадьбой 1 корову, 12 руб (18 пудов) пшеницы, 2 рубы (3 пуда)

сарачинского пшена [108], 20 куриц, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню; в настоящее время он дает только 10 куриц, 1 рубу (1 ½ пуда) сарачинского пшена, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню.

Брачное условие или свадебный контракт заключает раввин в присутствии родителей жениха и невесты и при свидетелях. В условии говорится, что муж должен кормить и одевать жену, жить честно и хорошо с нею, в случае же развода, когда того захочет муж, он обязан выплатить ей сумму по обычаю (если он женился на девушке, то следует ей 35 руб. сер., если же на вдове или на разводной, то 15 руб., кроме того, разведенной остается та одежда, которую жених ей сделал до брака); если же причиной развода будет жена, то она должна возвратить мужу всю одежду, исправленную им ей на свадьбу, и родители ее должны выплатить ему все расходы, издержанные им на свадьбу.

За неделю до свадьбы жених приготовляет кушанье для раздачи тем лицам, которые находятся в трауре по своим родным, умершим в том году; это делается в тех видах, чтобы они дали ему позволение сделать свадьбу в их траурное время, ибо без такого позволения нет обычая играть свадьбу.

В начале этой недели, перед свадьбой, невеста требует к себе двух девушек из своих подруг,— они должны прислуживать ей, помогать шить ее свадебные одежды и находиться при ней до ее бракосочетания; они получают наименование «согдуши», то есть «прислужницы». В субботу вечером эти две согдуши отправляются ко всем девушкам в деревне звать их к невесте, причем они говорят: девушка такая-то (ее имя и имя ее отца), приходите спать к невесте (ее имя и имя ее отца): вас просят.

Девушки, собравшиеся к невесте, должны оставаться у нее до ее выхода замуж. Обыкновенно брак совершают в среду вечером и очень редко в четверг и пятницу. От воскресенья до среды все девушки сидят у невесты по целым дням; там они кушают, поют и танцуют. В течение этих трех дней, каждое утро и вечер, невеста с девушками выходит на крышу своей сакли, и там они поют татарские песни. Когда кончают петь на сакле, невеста отправляется с визитами к тем своим родственникам, которых она приглашает на свадьбу. Она расхаживает в сопровождении девиц по улицам деревни с пением, игрой на барабанах и с танцами, и заходит по домам приглашаемых; там принимают ее весьма хорошо. После угощения приглашаемые дают невесте подарки, и она со своими девицами, как прежде с музыкой, танцами и пением возвращается к себе домой. Так проводит время невеста в течение последних трех дней до свадьбы.

---

[108] Риса.

Теперь посмотрим, что делается у жениха. В течение этой же самой недели к жениху собираются женщины из его фамилии, шить и приготовлять ему одежды к свадьбе, за что он их угощает и дарит им разные подарки, как например, шелковые рубашки и платки. В четверг вечером к жениху приходят два шафера, называемые «бирорами» (если же один из этих бироров есть брат жениха, то он называется «думором»). Эти два думора или бирора должны неотлучно находиться при женихе до субботы.

В пятницу приготовляются кушанья для гостей, и вечером после молитвы отправляются оба шафера к жителям деревни, приглашать их к жениху, и говорят там молодым парням, еще холостым, когда такие находятся в каком-либо доме: «Кто еще не был венчан, да будет у него венчанье такое же,— к жениху пожалуйте!» За это приглашение там их хорошо угощают. Приглашенные собираются в дом жениха и пируют до глубокой ночи. В субботу, после утренней молитвы, шафера приглашают всех домохозяев еще раз к жениху на угощение. В старину был обычай, что в субботу утром приходили к жениху только одни старики, но теперь приходят все мужчины без исключения; там они веселятся до полудня. В полдень мужчины уходят, а вместо них являются женщины; они поют, танцуют там до вечера.

В воскресенье отправляются молодые люди в лес, набирать дрова для топки и приготовления свадебных надобностей. Когда привозят эти дрова на своих ишаках, то жених привязывает на голову каждому ишаку платок,— подарок хозяину ишака за труды.

В понедельник вечером все молодые люди, которые привезли дрова, собираются к жениху, и там они гуляют целый вечер. Еще за день до этого приходят музыканты (зурначи и барабанщики); женщины и девушки встречают их на улице с радостью: каждая женщина выносит им навстречу посуду с чуреками, держа ее на голове. Когда музыканты входят во двор жениха, все девушки начинают петь и плясать, а старухи бьют в ладоши под оглушительные звуки зурначей и барабанщиков. Так гуляют в доме жениха до среды.

Во вторник приготовляется в доме невесты обед, состоящий из плова и куриц, взятых у жениха, для всех жителей деревни; в их числе находятся отец и братья жениха, но сам жених там не бывает. По окончании обеда, который продолжается до вечера, все отправляются оттуда к жениху; там забирают все одежды, наряды и подарки, которые жених приготовил своей невесте, и относят их к невесте с особым церемониалом, который совершается таким образом: каждый мужчина берет из дома жениха факел, чтобы освещать улицы, а женщины берут большой круглый

медный поднос, на который кладут две килы (около двух гарнцев) сарачинского пшена и двух кур, на них же кладут все подарки жениха для невесты; этот поднос поднимает одна женщина и ставит его на свою голову; держащие факелы идут впереди, за ними следует эта женщина с подносом; за ней другие женщины несут на головах своих подносы с чуреками; затем идут зурначи и барабанщики и играют; за музыкантами следует остальной народ с факелами, крича: ура! Старики и старухи танцуют, а девушки поют всю дорогу до прибытия к дому невесты. Оттуда выходят к ним навстречу, принимают от них факелы и ставят их на дворе; музыканты играют, все танцуют, а молодые люди в честь невесты стреляют из своих ружей и кричат: ура!

Из тех двух кил пшена и двух куриц, которые жених послал невесте, приготовляется закуска для согдушей и девушек, находящихся неотлучно при невесте. В тот самый вечер эти девушки поют и увеселяют невесту и говорят ей: «Только этот вечер ты гостья у матери твоей, еще последнее веретенце осталось тебе выпрясть для матери твоей»,— потому что завтра среда,— она после свадьбы оставит дом родных и перейдет в дом мужа. Невеста в тот вечер одевается во все свои лучшие наряды, а сверху закрывается шелковым платком; девушки поют и танцуют у нее до полуночи. В этот вечер также в обычае выкрашивать невесту и ее подруг, то есть их руки и пальцы, красной краской.

В среду утром шафера и музыканты отправляются ко всем хозяевам за получением от них подарков, как, например, табака, вина, платков и т. п. Потом они приходят к молодым женщинам, которые в тот год вышли замуж, и берут их в дом жениха (потому что со дня их свадьбы до этих пор они еще не выходили из дома, ибо почти полгода после свадьбы они стыдятся выходить на улицу).

Когда эти молодицы приходят в дом жениха, в то время две женщины из того дома дают мимическое представление. Одна из них одета как мужчина, вооружена с ног до головы и держит в руке палку; лицо ее покрыто платком, а на голове папаха; другая одета как обыкновенная татарка; они обе танцуют, прыгают и целуются. Тут музыка начинает играть, и народ окружает их. Женщина, которая одета по-мужски, разгоняет его своей палкой, но в это время кто-нибудь из народа похищает другую женщину, ее любовницу, и потом прячут ее где-нибудь; одетая по-мужски ищет ее и, не находя, начинает сильно плакать, бьет себя в голову и в грудь и падает на землю в обмороке. В это время является любовница и, увидевши ее лежащей в обмороке, подходит к ней, осторожно ее рассматривает, не дышит ли она, плачет, рыдает, бьет себя кулаками в грудь и в голову, как бы оплакивая своего любовника или мужа. Скоро мертвый поднимается с земли,— она радуется, обнимает его и целует; потом обе

начинают своими палками разгонять и бить народ, отчего поднимается страшный и дикий смех; все хохочут, бьют в ладоши и кричат: ура!

В тот день (среду) жених и невеста постятся, то есть они ничего не едят и не пьют целый день.

В то время, когда жених бреет свою голову, молодые люди выезжают на своих лошадях, разгуливают по деревне и джигитуют. Когда жених окончит бритье головы, ему подают лошадь; он садится на нее и вскачь пускается к своим товарищам, и когда он подъезжает к ним, они все встречают его с большим радушием, крича ему: «Ой атлан, атлан гіов, Темир-хан атлан гіов!», то есть, ты, жених, едешь на коне своем, как Темир-хан ездил во время своего царствования! Когда жених проезжает мимо домов деревни, то все женщины выбегают из своих саклей и бросают муку на его плечи. Потом жених пускается вскачь вперед, вся молодежь за ним вслед, прямо к берегу реки,— там жених купается, а молодые люди надевают на него венчальные одежды, кладут ему на лоб немного перегоревшего пепла в знак траура по Иерусалиму, и все вместе поют плачевным тоном 137 псалом Давида: «На реках Вавилонских мы сидели и плакали, вспоминая Сион» и пр. ***В то же самое время невеста должна также выкупаться или в реке, или в сделанной нарочно для такой цели у евреев купальне, называемой миква.***

Когда жених оденется, молодые люди закусывают тем, что они с собой привезли, но жених не участвует в этой закуске по причине поста, как я сказал выше. Когда они все готовы возвратиться, жених говорит им: «Кто желает из вас поскакать и прилететь поскорее к невесте, известить ее, что я уже совсем готов?» Два или три из них пускаются как стрелы, и кто скорее успеет прискакать к невесте и передать ей это известие, тот получает от нее шелковый платок; этот платок привязывают на шею коня, а на лбу его разбивают яйцо, чтобы коню не повредил дурной глаз. Второй и третий, прискакавшие после, получают по одной курице и по кувшинчику вина.

Когда жених сам въезжает в селение со своими проводниками, то все жители деревни выходят к нему навстречу с вином и шашлыками, угощают ими его проводников и пьют за здоровье жениха, целуя его в голову, а остальное раздают бедным семействам. Тут женщины из фамилии жениха подходят к нему, неся на головах своих подносы, на которых лежат чуреки, а в чуреки вставлены восковые тоненькие свечи, некоторые же еще держат свечи в руках. Между этими женщинами стоит «енга», то есть сестра жениха или одна из ближайших его родственниц; ее обязанность — стоять возле жениха со свечкой в руке и петь до вечера: «Ой атлан, атлан гиов, Темир-хан атлан гиов!» Все женщины танцуют

в присутствии жениха. Тогда раввин со своими учениками подходит к нему и поет следующую песню [109]*:*

Израильтяне, пойте в честь жениха песню,— жених радуется своею невестой, невеста радуется своим женихом. Аллилуйа! Аллилуйа!

Жених сияет, как утренняя звезда, и невеста прекрасна, как царица,— да будут они оба сиять утром и вечером, постоянно, в израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Божеское благорасположение да будет к нам во время жениха и невесты,— да будет радость и веселье в израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Избавитель от всех бед да прибудет во время жениха и невесты, окажет подвиги, как Ионафан,— и доживем мы до пира левиафана [110] *в храме иерусалимском.*

Израильтяне, и пр.

Жених и невеста, как звезды, блестят,— да будут благословенны они Богом Израиля!

Израильтяне, и пр.

Жених в кругу своем, как царь,— беседа его усладительна. И невеста его — как Сара, дорогая мать израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Все дела его добры и справедливы, да спасет его Бог от всех бед! И невеста его, как Ревекка, да заслужит славу в израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Да проживет жених долго, и невеста да будет благословенна до тех пор, пока вспомнит Царь Небесный о бедном рассеянном израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Жених очень милостив, душа его весьма добра, и невеста его, как Лия, да оставит по себе имя в израильском народе.

---

[109] *Перевод с древнееврейского стихотворения.* (Прим. И. Черного).

[110] *По верованию простого народа из евреев, во время пришествия Мессии, Бог сделает большой пир для праведников; на этом пиру будет большое блюдо из кита, называемого евреями левиафаном. Простой народ полагает, что левиафан занимает своей величиной весь океан и что его мяса достаточно будет для всех праведников мира.* (Прим. И. Черного).

Для Иуды Черного, как для типичного представителя еврейского просвещения, Гаскалы, характерно несколько пренебрежительное отношение к традиции в тех ее аспектах, которые ему кажутся «простонародными» суевериями. Между тем, мнение о том, что праведники будут в мессианские времена вкушать левиафана, отражено еще в Талмуде.

Израильтяне, и пр.

Да будет он счастлив, ибо его грехи сегодня Богом прощены, и невеста его да будет, как Рахиль, жена Иакова, отца и патриарха израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Да снабдит его Господь всем добром и да отмстит его врагам, а невеста его да будет, как Иохевед, мать Моисея, пророка и законодателя израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Жених венчан, как царь, и одет в лепоту,— да будет он сиять, как звезда, в израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Во время его да распространится учение, как светлые лучи солнца, и невеста его да будет, как Дебора, верная правительница израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Невесту он выбрал благочестивую: она хороша, как Милка, мать Бефуила.

Израильтяне, и пр.

Жених сияет, как луна,— да будет он жить сто лет, и его невеста да будет, как Анна, мать пророка Самуила.

Израильтяне, и пр.

Помоги нам Боже, чтобы мы во время жениха увидели возобновление нашего храма на святой горе Мории, и невеста его да будет как Авигаил, мать пророка Даниила.

Израильтяне, и пр.

Жених наш весел, Бог простил ему грехи, и невеста — как Эсфирь, дочь Авигаила, спасшего израильский народ.

Израильтяне, и пр.

Помогите петь в честь жениха и невесты, кои оба чисты от грехов, сияют и блестят в израильском народе.

Израильтяне, и пр.

Пой и ты, жених, вместе с твоей невестой; радость ваша теперь велика; обрадуйте также и увеселите израильский народ.

Израильтяне, и пр.

Жених высок, как кедр ливанский: да поможет ему Бог Всемилостивый с нами вместе повеселиться в Храме иерусалимском.

Израильтяне, и пр.

Повеселите все нашего жениха и его невесту,— да процветут они, как розы и цветы душистые, и да доживем все увидеть святой град Иерусалим — местопребывание некогда Иеговы, Бога израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Благослови их, Боже, с высоты Твоей, и да будут дети их и внуки людьми благочестивыми, добрыми, честными и богобоязливыми в среде израильского народа.

Израильтяне, и пр.

Раввин кончает эту песню и провожает со своими учениками жениха домой; там перед женихом танцуют старики и старухи,— и этот обычай у них весьма древний.

В это время раввин, отец жениха, его остальные сыновья, старшина с депутатами от общества, все отправляются к невесте, поверять по счету весь ее гардероб, вещи, посуду, постель, а также деньги и вообще все ее приданое. Когда окончат оценку и поверку (эта оценка необходима для внесения ее в условие на случай развода), все они возвращаются к жениху и ведут его с собой к тем лицам, которые носят траур по умершим своим родственникам в том году. Жених должен еще раз просить у них извинения и разрешения на свадьбу. Дело понятное,— его хорошо и ласково принимают, дарят ему еще подарки, и он, целуя руки у хозяев, уходит со своими провожатыми домой, откуда ведут его уже в дом невесты.

Там для него готово особое место; возле него садится вся молодежь и почетные старики. В это время входит мать невесты. По обычаю, она должна подойти к жениху, держа в руках новую папаху, серебряный пояс и красный шелковый платок. Жених тотчас встает с места, сложа руки на груди накрест, наклоняет голову и стоит перед нею, как подчиненный, целует ее руки и хочет упасть на колени, но она не допускает его до этого. Она надевает папаху на его голову, опоясывает его серебряным поясом и навешивает на пояс красный шелковый платок, целует его в голову и затем немного танцует с ним. В эту минуту молодежь кричит: гой шабаш! гой шабаш! Мать невесты уходит, а старики и старухи из фамилии невесты начинают танцевать перед женихом по обряду своих предков; после танца они целуют его в голову и дарят ему подарки.

В то время невеста сидит в особой комнате, окруженная своими согдушами и девицами, которые поют различные песни, бьют в ладоши и в барабаны. ***Между тем, на дворе готов уже балдахин, который составлен***

из четырех длинных палок, накрытых большим шелковым платком; молодые люди держат эти палки, *а другие окружают балдахин, держа в руках зажженные нефтяные факелы; женщины же держат в руках восковые свечки.*

Под этот балдахин подводят жениха; отец его с раввином также заходят к жениху под балдахин, и все ожидают невесту. Тогда брат невесты отправляется и зовет ее к венчанию, а согдуши берут и ведут к балдахину.

Так бывает в том случае, когда венчание происходит на дворе невесты. Когда же венчание бывает на дворе синагоги, то в таком случае невеста должна ехать туда верхом на хорошем коне, брат же ее должен вести этого коня; согдуши должны ее провожать также верхом на лошадях и держать в руках зажженные свечи.

Когда невеста подойдет под балдахин в сопровождении своих согдуш, тогда ее отец и братья также подходят под балдахин. ***Раввин исполняет все обряды венчания точно так же, как и у европейских евреев, то есть по религиозным установлениям талмудистов;*** *разница только в том, что у европейских евреев невеста обходит кругом жениха семь раз, а у горских евреев такого обычая не существует. Когда раввин прочтет все молитвы и брачные условия, тогда вся публика кричит громким голосом: ура!*

Согдуши выводят невесту из-под балдахина, ее брат подсаживает ее на коня, и в это время все молодые люди начинают стрелять один за другим в честь новобрачных. Сестра невесты, называемая енгой, должна ехать также верхом на другом коне позади невесты и держать в руке свечку. Если же у невесты сестры нет, то другая девушка из ближайших ее родственниц должна исполнять обязанность енги. Брат ведет коня, на котором сидит невеста, и все девушки сопровождают ее пешком до самого дома жениха. Когда невеста отправляется, жених еще остается под балдахином, и раввин с учениками поют тогда следующую песню [111]*:*

Адам в наряде обвенчался с Евой,— он знаменит между мужами,
она знаменита между женами [112].
Ной в наряде обвенчался с Наамой.
Авраам в наряде обвенчался с Сарой.
Исаак в наряде обвенчался с Ревеккой.
Иаков в наряде обвенчался с Лией и Рахилью.
Иосиф в наряде обвенчался с Оснатой.
Моисей в наряде обвенчался с Ципорой.

---

[111] *Перевод с древнееврейского.* (Прим. И. Черного).

[112] *Последние слова повторяются после каждого куплета.* (Прим. И. Черного).

Аарон в наряде обвенчался с Элишевой.
Давид в наряде царском обвенчался с Батшевой.
Соломон в наряде царском обвенчался с Наамой.
Жених (его имя и имя его отца) в наряде обвенчался с невестой (ее имя и имя ее отца),— он знаменит между мужами и она знаменита между женами.

По окончании этой песни раввин с учениками провожают жениха домой. По дороге новобрачной в дом мужа все женщины выбегают из своих домов и бросают на нее сарачинское пшено, в пожелание ей плодородия, то есть чтобы она родила много детей. Таким же образом встречают ее и все женщины, находящиеся в доме новобрачного, осыпая ее сарачинским пшеном.

При входе в дом она должна перешагнуть через кусок железа, положенный при самых дверях,— это делается в залог ее здоровья и счастья. Тут же подносят ей два стакана, один с медом, а другой с маслом; невеста кладет свою правую руку в масло, а левую в мед, и должна помазать немного дверной косяк обеими руками,— это делается в знак благополучной и роскошной жизни. При входе в дом, брат невесты, который вел ее коня, делает в честь ее шабаш, т.е. он танцует с нею лезгинку, а молодые люди стреляют и кричат: ура! Прислуга подносит народу вино, и все пьют за здоровье невесты.

Невесту отводят в особую комнату; возле нее должна сидеть енга с двумя согдушами. Из каждого дома приносят на свадьбу по три чурека с яйцами и мясом; возле дверей стоит человек, который все это принимает от приносящих. Вечером жители собираются на свадьбу; жених садится, и возле него расстилают большой шелковый платок, на который кладутся подарки, деньги или различные серебряные или золотые вещи от лиц, подходящих к жениху с поздравлением; возле платка стоит человек, который провозглашает, кто именно и сколько дает, причем он говорит: гой шабаш! такой-то сегодня принес в честь сына, дочери или брата пять рублей.

В это время подходит мать жениха с его родственниками; она держит тарелку, на которой лежат три чурека, окрашенных разными красками; в каждый из этих чуреков вставлены по три тоненьких восковых зажженных свечи, а возле свечей лежат три яйца и три яблока, в яблоки воткнуты монеты. Мать подает это сыну, а глашатай объявляет, сколько денег дает мать и сколько родственники. Такие же подарки собираются и невестой от женщин. Когда все подарки соберутся, жених принимает их по счету при свидетелях, и потом все садятся ужинать.

После ужина, кому угодно, тот уходит домой, а остальные мужчины и женщины танцуют лезгинку при звуках зурны и барабана до самого рассвета. Когда наступает полночь, согдуши и енга выходят из комнаты невесты, а шафера вводят к ней жениха.

По окончании брачного акта жених немедленно выходит оттуда, и в ту же минуту входят туда опять согдуши с енгой; молодой муж отправляется в особую комнату, и в это время его шафера стреляют из своих ружей, чем дают знать, что дело окончено благополучно.

Молодая жена его не слезает с постели семь дней; енга с согдушами прислуживают ей в течение этого времени; каждый день к молодой жене приходят все ее подруги — веселить и утешать ее. В субботу и в следующую среду после семи дней свадьбы к молодому мужу собираются все молодые люди, а к новобрачной — все девушки, и пируют у них — поют и танцуют в последний раз: молодой чете дается тогда свобода и право заниматься с того дня своими делами.

М. Бежанов. Из статьи «Евреи в с. Варташен» (1894 г.) [113]

Предложение и обручение происходит следующим образом. Родители, желая женить своего сына, отправляют к родителям намеченной ими девушки сваху; она является в дом девушки и говорит женщинам о предложении; они назначают примерный день, когда она должна прийти за ответом (дело решат мужчины, которым они вечером передадут).

Если предложение принято, то отец жениха с несколькими родственниками приходят к невесте для переговоров насчет обручальных подарков. Жених должен заплатить родителям невесты, смотря по состоянию, от 10 до 40 рублей.

На обручение в доме невесты собирается много гостей, родственники жениха и невесты. Из дома жениха несут невесте «табаг» (шесть кур и шесть бараньих шей). Во время обручения дают кольцо, деньги и серебряные вещи. Раввин совершает обряд обручения, читает молитву и спрашивает родителей, по любви ли и согласию происходит обручение; затем все присутствующие поздравляют молодых. Повеселившись, гости расходятся; после этого угощают жениха и его товарищей. Из обручальных денег, которые платит отец жениха невесте, дарят жениху.

[113] Бежанов, 1894. С.121—130.

После этого родители невесты также отправляют жениху «табаг». Когда родители жениха возвращают посуды от табага, то в посуду кладут 5 рублей, родители же невесты возвращают посуду с 3 рублями: при этом невеста посылает всем членам семейства шелковые платки, кошельки и ермолки, а жених посылает невесте 1/4 фунта хны, которая раздается всем подругам для раскрашивания рук. Обрученными остаются от одного года до 10 лет.

Во время праздника Шавуот, когда девушки собираются вместе, приносят провизию и гуляют, жених посылает невесте 13 фунтов крупы, 20 копеек, 1/4 барана, разные сладости и фрукты, а по другим праздникам — хну. При появлении новых плодов, например: земляники, черешен, огурцов, дынь, яблок и т. д., жених посылает невесте подарки из них, а невеста посылает жениху пищу. В особый день жених отправляет невесте плов, делает угощение и приглашает знакомых и родных. После обручения невеста скрывается от жениха, его товарищей и родственников. Во все время жених покупает невесте платья «обручения». Жених секретно посылает невесте через ее подругу шелковый платок со сладостями, невеста же посылает жареную пшеницу с кишмишем, орехом и горохом, называемую «чагор».

По соглашению обеих сторон начинается приготовление к свадьбе. Свадьбы начинаются зимой, а заготовка делается осенью. За 6 месяцев до свадьбы родители невесты начинают приготовлять приданое. Свадьба начинается всегда после субботы — в воскресенье и, продолжаясь целую неделю, оканчивается в следующую пятницу. В пятницу, накануне свадьбы, родители жениха режут баранов, посылают невесте два батмана вина и 1 пуд мяса. Товарищ жениха несет невесте печень и легкие и получает от нее подарок. Венчальное платье невесте покупает жених; у него и шьется оно. При кройке этого платья жених устраивает угощение и приглашает родственников своих и невесты. Во время кройки дают для невесты ее матери, которая тут же непременно присутствует, 20 копеек, а она делает разные подарки. Кройка венчального платья называется «халат пури».

В субботу, накануне свадьбы, все родственницы жениха приносят невесте уже готовое венчальное платье; вместе с этим несут от жениха мясо, вино и другие вещи; родственницы приносят фрукты; родители невесты в ожидании их приготовляют пищу и затем хорошо их угощают; невесту одевают в новое венчальное платье. Одевшись в новое платье, она идет к своим подругам (их бывает 10—15); ходят ко всем родственникам с бубном и пением. Эти подруги в течение недели неотлучно находятся у невесты, у нее должны они есть, пить и проводить время. Жених тоже собирает своих товарищей-дружков, называемых «братья жениха»; они остаются у жениха до вечера субботы.

В субботу вечером собираются гости у жениха и невесты; веселятся. Во время ужина у жениха выбирают несколько человек и отправляют в дом невесты для переговоров по поводу денег, так называемых «дорожных» и «целомудрия». Посланные берут с собой кувшин вина, 1/2 пуда мяса и две курицы. По обычаю и смотря по состоянию, жених дает родителям невесты от 20 до 60 руб. дорожных денег; за целомудрие полагается 48 руб. Если невеста окажется потом нецеломудренной, то эти деньги возвращаются жениху, и жених имеет право выгнать ее из дома. Кроме этих денег, жених дает еще некоторые предметы натурой, как-то: мяса 3 пуда, масла 6 фунтов, крупы 2 пуда, кизила и муки полное блюдо, вина 4 пуда 32 фунта и постель для невесты. За этими вещами во вторник несколько человек идет от невесты к жениху, их хорошо угощают, а потом передают эти вещи; туда и обратно их сопровождают зурначи. Невеста дарит им по кошельку.

В воскресенье обе стороны приглашают своих родственников и знакомых на обед. Вечером опять приглашают на ужин. На обед и на ужин приглашают зурну, певца и сазандаров. На ужине бывают все родственники и знакомые единоверцы. Во время ужина совершается облачение жениха в венчальный костюм. Прежде всего жених купается, а зурна играет во дворе. После купания одевают его в новое чистое белье, и в этом виде он выходит к музыкантам; тут, в присутствии самых близких родственников и родственниц, жениху дают постепенно части костюма и кричат «шабаш» (этим просят от родственников денег в пользу музыкантов); когда жених кончает одеваться, то ближайшие родственники и родственницы танцуют перед женихом под зурну.

Затем в сопровождении зурны жених идет к гостям в большую комнату, где ужинают, сидя несколькими рядами по длине комнаты. Жених подходит к раввинам, целует руку их, затем и почетных лиц. После этого каждая партия зовет жениха к себе. Происходит спор, где жениху сидеть; спор решает раввин. Раввин говорит приличное случаю слово; поют песни, выражающие радость жениха. «Вы все пойте жениху, чтобы он радовался, радовалась бы и невеста; хвалите его, пусть он сияет, как солнце, а невеста — как луна; были бы они храбры, как лев и львица...» Это песнопение очень большое и длинное; в нем выражают жениху и невесте желание, чтобы Бог дал им то, что дает Он всем благочестивым и праведным людям. Затем некоторые почетные лица говорят наставления жениху, как будущему мужу.

После этого назначают сборщика: он берет медное блюдо, на краях которого зажигаются восковые свечи, и обходит гостей, собирая деньги в пользу жениха. Каждый из гостей, смотря по состоянию и по родству, дает от 50 копеек до 5 рублей. Сборщик сперва подходит к почетным

гостям. Кто что дает, громогласно объявляют (пусть вознаградит его Бог!).

После этого некоторые родственники жениха берут приготовленные кушанья и вместе с зурной идут к невесте кушать кислый суп. Шествие сопровождается факелами и светильниками; тут все подруги невесты и ее родственницы танцуют под зурну. Родители невесты наполняют котлы кислым молоком, дают пришедшим гостям; дается еще особо испеченный хлеб и разные украшения для жениха, которые лично приготовила невеста. Родственники берут все эти вещи и тем же порядком уходят в дом жениха; эти вещи кладутся перед женихом, и гости должны оценить их. Обыкновенно ценят от 1 до 10 рублей. Жених уплачивает стоимость подарка тому, кто принес его.

После ужина гости расходятся; остаются дружки с женихом; они садятся и хной красят руки. Приносят хну, смешанную с водой, ставят перед женихом и после торга продают ее дружкам; дружки наперерыв надбавляют цену; обыкновенно с 20 копеек поднимается до трех рублей. За кем торг остается, тот и делается братом жениха и пользуется во все время особенными правами. Обмакнув палец в хну, он мажет палец жениха: за это жених дарит ему ермолку, кошелек и другие вещи. Окрашивание рук бывает после ужина. В это время приходит одна женщина с бубном и поет и дружки за ней повторяют; в первом куплете хвалят жениха с невестой, а в следующих — кровных родных; если кого пропустят, то он обижается. После этого расходятся. Все дни этой недели проводят в гуляньях.

В четверг свадьба празднуется у невесты; тут приглашаются женщины и мужчины. Женщин приглашают с утра: сестра невесты или же близкая родственница, в сопровождении вдовушки, ходят по дворам, приглашают на свадьбу. Входя в комнату, вдовушка благословляет домохозяек и приглашает их на свадьбу; домохозяева дают вдовушке деньги, яйцо, крупу и прочее, а ближайшие родственницы дают только деньги. Мужчин приглашают мужчины верхом. В этот вечер приглашаются родственники и родственницы жениха.

Когда у невесты соберутся все гости, то ее родственники с зурной и факелами отправляются к жениху, чтобы взять женщин. Потанцевав немного на дворе жениха, они идут с женщинами обратно. До ужина невеста должна отправить пищу жениху, который у себя дома веселится с дружками. Во время ужина тут тоже собирают деньги от мужчин и от женщин. Женщины дают от 10 до 30 копеек. Каждая женщина берет в платок хлеб и разные съестные предметы и уносит к себе домой. После ужина женщины заставляют невесту танцевать под бубен, и все

родственницы невесты дают «шабаш», 10—20 копеек каждая. После этого все женщины садятся, невеста с подругами поют: восхваляют всех родственников невесты; происходит окрашивание рук хной, но без торга и без цены; затем расходятся.

В пятницу вечером невесту привозят в дом жениха,— этим и кончается свадьба. В этот день жених приглашает цирюльника, который бреет головы его родственников, а потом и голову самого жениха. Когда бреют голову жениха, то перед ним играет зурна, родственники танцуют, пьют вино и веселятся; потом отправляют тунгу вина и разные фрукты раввину, чтобы тот написал брачную бумагу. Долго просят раввина, чтобы он эту бумагу написал секретно, чтобы враги не могли заколдовать ее. Жених с дружками и родственниками, кто пешком, кто верхом, идут на реку, устраивают купальню, где и купается жених; эта процессия сопровождается зурной и шумом молодых. Какой бы мороз ни был, жених непременно купается; два дружка бросаются в воду, а за ними следует и жених; целуют полы одежды жениха, мажут лоб пеплом, а ученики раввина читают «плач Иерусалима»; эти ученики всегда ходят с женихом, читают молитвы и за это получают деньги. После купания приходят в синагогу; служитель синагоги запирает дверь и отпирает только тогда, когда получает свои 30 копеек. Входят в синагогу; раввин ведет жениха к шкафу, где хранится «Пятикнижие»,— тут происходит прощение грехов: раввин говорит жениху, что грехи его, которые он совершил до женитьбы, не записываются у Бога, а потому прощаются, а те грехи, которые он совершит после этого, запишутся и прощены не будут, поэтому он не должен грешить; затем из синагоги выходят во двор, раздают вино.

После этого родственники приглашают по очереди жениха с компанией к себе; выносят им закуску и напитки, угощают; дают жениху шелковую материю и целуют его; домохозяев заставляют танцевать, дают музыкантам «шабаш»; домохозяева дают музыкантам 15 копеек, а потом танцуют, дружки же берут тунгу вина и другие предметы. Потом идут к другому, третьему и т. д. родственникам. Везде пьют, едят и веселятся. Жениху дают подарки, музыкантам — «шабаш», а дружки собирают чай, сахар, вино и сладости.

После всего этого приходят в дом жениха. Тут все женщины и мужчины танцуют поодиночке. Дают знать родителям невесты, чтобы они приготовились, так как идут венчать; у невесты тоже приготовляют закуску, убирают комнаты.

Приходит раввин с 10 мужчинами венчать молодых и составить список приданого невесты. *Раввину и всем присутствующим дают закуску и напитки. После еды начинается составление списка приданого. При*

составлении списка со стороны жениха присутствует его поверенный. Все вещи выносят в ту комнату, где присутствуют эти лица, и, по осмотре, каждый предмет записывается. В числе приданого дают следующие предметы: постель, самовар, дорогие занавески, хорошую ширму, ковер, палас, медную посуду (котел, блюдо, таз, медный кувшин и проч.), тиан (медный таз для стирки белья) ценой в 12 рублей, мажмеин (большое медное блюдо) — в 5 рублей, сундук, серебряный пояс и разные украшения; буйволицу, корову. Все названные предметы вносят в венчальную бумагу, так как жених при разводе все эти вещи возвращает. Поверенный жениха должен заплатить 1 рубль раввину и 1 рубль старшине, а родители невесты дают 20 копеек в пользу Иерусалима и 20 копеек служителю синагоги.

Дают знать жениху, что пора приехать. Жених с дружками, родственниками, в сопровождении зурны, идут к невесте. При входе их во двор мать невесты бросает по двору крупу. Все родственницы жениха идут в комнату невесты. Гости приходят с восковыми свечами. Жених целует руку раввина и других лиц; в знак скромности закрывает рот носовым платком и сидит на указанном ему месте. Через некоторое время жениха зовут в комнату и ставят рядом с невестой; если невеста имеет родителей, то жених должен пасть к их ногам и поцеловать их стопы. Приносят медное блюдо и собирают деньги для жениха и невесты. Выводят всех во двор. ***Входит раввин, приглашает 10 человек родственников жениха и невесты, без которых нельзя совершить требы и богослужения. Жениха и невесту ставят вместе около стены; раввин и десять человек становятся кружком под балдахином «hало», и совершается венчание. Раввин подносит стакан вина жениху и стакан вина невесте, потом сам берет стакан вина, благословляет, пьет половину, а другую дает 10-ти мужчинам; после этого жених передает невесте кольцо или деньги (это второе обручение), при чем разбивают стакан вдребезги;*** *куски сейчас же собирают, чтобы враги не заколдовали. Во время совершения обряда венчания мать невесты делает на шнурке узлы, чтобы не заколдовали, то есть не связали: жених не сможет иметь сношения с невестой, если горю не помочь, то может жених умереть (лопнуть).* ***Под конец раввин дает жениху и невесте вино и стакан разбивает; затем читает венчальную бумагу, где изложены все обязанности мужа, отдает эту бумагу жениху, а жених невесте, — невеста должна хранить ее при себе. Этим и кончается венчание.***

Выходят во двор, сажают невесту на лошадь (если она маленькая, то с нею садится и ее брат). Процессия двигается обратно к жениху. Мать жениха выходит навстречу и бросает крупу. Невеста не сходит с лошади, пока все гости не протанцуют и не дадут «шабаш». Брат невесты тоже не позволяет ей слезть, пока ему не заплатят от 1 до 5 рублей.

Сойдя с лошади, невеста тоже танцует; потом вводят жениха и невесту в комнату; косяки дверей мажут медом; невеста и жених должны коснуться их рукой (если невеста маленькая, то ее поднимают на руки). Жених и невеста становятся у стены, приносят блюдо и тунгу вина и тут же собирают деньги.

В этот же день (в пятницу) объявляют всем гостям, чтобы в субботу пришли на «дорацла»; для этого дня гости варят курицу, готовят сладкое печение и т. п. и приносят жениху. Собираются все гости, приходит раввин. Все мужчины и женщины садятся в одной большой комнате (женщины отделены ширмой). Начинают обедать. В женской половине подруги невесты поют песни, увеселяют невесту и гостей, а в мужской половине раввин говорит наставление, поет духовные песни, а за ним дружки начинают петь и играть в бубны, веселятся и сидят долго; тут на блюдах собирают всевозможные закуски и отправляют родителям невесты. Дружки просят у матери и отца и у брата жениха табаг: если не дают, то их вешают за ноги. Вечером собираются гости и благословляют жениха и невесту.

В понедельник вечером опять гости и дружки собираются у жениха, приносят плов и т. п. У родителей невесты тоже варят большой котел плова и приготовляют другие кушанья. Во время ужина родители невесты посылают четырех мужчин, которые приносят жениху плов и другие кушанья. Все это кладут перед гостями; они берут себе немного, а остальное оставляют для жениха и невесты. Веселятся до поздней ночи и расходятся по домам.

Если невеста окажется целомудренной, то ее родители варят хашил с медом и приглашают свою дочь. Кроме свадьбы, на других торжествах и угощениях евреи не поют, не играют и не танцуют, так как присутствуют раввины, а при них евреи ведут себя скромно.

Илья Анисимов. Из монографии «Кавказские евреи-горцы» (1888 г.) [114]

Раньше уже было сказано, что горские евреи совершают помолвку своих детей или еще во младенчестве их, или уже в их возрасте, но что дети не принимают никакого участия в этой помолвке, и переговоры,

[114] Анисимов, 1888. С. 270—300.

касающиеся лишь размера «калына», ведутся отцами или другими родственниками. Теперь расскажу о некоторых обычаях горских евреев, совершающихся при обряде обручения и свадьбы; кроме того, укажу еще на несколько своеобразных церемоний, совершающихся между женихом и родителями невесты, между женихом и невестой в период между обручением и свадьбой.

Когда переговоры обеих брачующихся сторон придут к благоприятному результату и день обручения известен, родители жениха начинают готовиться к покупке подарков, требуемых при обручении, и доставке задатка, состоящего из 40—50 руб., что, конечно, трудно сразу раздобыть бедному человеку. Вечером, в назначенный день обручения, сакля родителей жениха постепенно начинают наполняться гостями, и каждый приходящий занимает свое, приготовленное ему, место на полу, или стоит около стены и ждет прихода рабби и почетных лиц.

В это время в женской половине происходят споры и раздоры между матерью жениха, замужними дочерьми ее или невестками, если есть таковые, из-за подарков, которые должны даваться теперь новобрачной. Дело в том, что каждая мать старается тайком от мужа и домашних приготовить для будущей жены одного из любимых сыновей какую-либо драгоценную вещь или спрятать ей самую лучшую из своих вещиц, полученных ею от мужа, будучи еще невестой, или от отца. Этим, конечно, она думает приобрести впоследствии особое расположение будущей невестки и ожидает от нее покорности и почитания. Теперь, когда все вещи ее должны выйти на показ и поступить на общий семейный совет, она подвергается со всех сторон нападениям. Дочери укоряют ее в холодности и пристрастии, а невестки в ехидности, коварстве и лицемерии. Иногда и муж, если он имеет в виду женить другого своего сына на своей племяннице, что очень часто бывает у евреев-горцев, также пристает к жене, чтобы она оставила такую то вещь дома (тем более, если она родовая) и отправила невесте более дешевую, отчего жена в свою очередь приходит в негодование и наотрез говорит мужу, что вещи принадлежат ей, и она вправе дарить их кому угодно. <...>

Подарки для невесты, как сказано, несутся на подносе одною из сестер или родственниц жениха; но кроме дочерей выступают впереди шествия еще две-три девушки, которые несут на голове, на таких же медных подносах, подарки для родителей невесты. Эти подарки, по обычаю, состоят из риса фунтов 10—15, большого куска копченого мяса, двух-трех колбас и куска курдючного сала. Наконец к ним присоединяются несколько юношей, которые несут на руках большие кувшины и графины, наполненные вином и водкой. Вся процессия, имея во главе этих представительниц

и представителей, которые громко распевают «hололой-лой» и «анай-десем-ананай», двигается к невесте.

Жених в этот вечер скрывается от родителей, так как, по адату, ему совестно быть теперь дома, где ежеминутно произносят имя его невесты, и ночует у одного из своих товарищей. <...> Товарищ рассказывает ему веселые анекдоты, наливает вина, доставляет из другой комнаты тарелку за тарелкой, наполненные шашлыком, пловом и разными кушаньями, но он ничего не замечает <...>.

По заключении «тоноя» раввином и назначения родителями условий (когда уплатить оставшиеся выкупные деньги и сколько пар обуви жених должен сделать невесте), гости садятся ужинать, а молодежь, собравшись в комнате невесты, проводит время в танцах и песнях. Невеста, закутанная атрибутом обручения, платком, и окруженная подругами, закрывает лицо широким рукавом и стоит неподвижно, обернувшись к стене, пока не разойдутся все гости.

После ужина посторонние уходят, а родственники «думора» (жениха), остаются для совершения обряда «ерищерм арус-а вокурде» («открытия лица невесты и благодарения ее за оказанное уважение», так как она со стыда закрывает от них лицо свое). В комнате невесты отводится круг для танцев. Каждый из присутствующих, начиная с родителей жениха, а если новообрученные связаны близким родством, то также и невесты, подходит к девушкам, во главе которых стоит одна родственница-распорядительница, и просит пустить невесту с ним танцевать. Невеста выходит, продолжая закрывать лицо рукавом, и идет тихо по кругу, спотыкаясь по местам, так как не видит пола. Сделав два-три круга и обняв левой рукой танцующего с ней, она идет обратно на свое место. В это время танцевавший снимает шапку в знак благодарности и дает распорядительнице какую-либо серебряную или золотую монету, после чего подруги поют протяжно «hей шобош». Положим, танцевавшего зовут Бинеми (Вениамин), и он отдал монету — рубль. Тогда они поют: «hей шобош, Бинеми-ре шобош-hей-шобош; йе моноте шобош, hей-шобош. (Да будет здоров Бинеми, да веселимся мы; веселимся за того, который отдал рубль). Затем подходят по очереди прочие, танцуют также с нею под аккомпанемент гармонии или зурны с барабаном и дарят невесту деньгами по состоянию.

С этого вечера невеста перестает закрывать лицо свое от сказавших ей «сог боши» (поблагодаривших) и, если те приходят в ее семью, то она сейчас же встает, кладет им на пол подушки, чтобы они сели, и стоит около стены, опустив скромно руки и ни слова не говоря, пока они не уйдут. При малейшем движении гостя, она моментально бросает на него свой

вопросительный взгляд и ждет приказания. Услышав какую-либо просьбу гостя, она бежит туда-сюда и сейчас же все готово. Усердие и почтение некоторых невест к гостям доходят до того, что они несут на ладони или между пальцами тлеющий уголь и держат его, не смотря на ожёг, пока те не закурят своей трубки или папироски, которые в последнее время вошли в моду. Чем более невеста оказывает таких услуг, которые сопровождаются для нее болью и страданиями, тем более родственники остаются довольны ею и считают ее за настоящую горскую девушку. Они часто приглашают невесту садиться, чтобы испытать ее, и просиживают иногда целый день, в течение которого она должна стоять на ногах и не выказывать ни малейшего неудовольствия. Замечательно то, что она чувствует в продолжение всего этого дня наслаждение, а не тягость и особенно уважает тех, которые требуют от нее разных услуг.

Кроме этого невеста выказывает свое уважение к гостям тем, что не говорит с ними словами, а пантомимой — киванием и качанием головы — и переменяет настоящие имена их на более нежные и громкие. Всякий из близких родственников интересуется и расспрашивает других, каким именем называет его невеста, обижается, если она не переменила и его имени. При разговоре с ними, она слушает их со вниманием, улыбается чуть заметно, когда они рассказывают смешное или смеются. Но, Боже упаси, чтобы был слышан ее голос, или чтобы она зевнула: сейчас начнут всюду говорить об этом и осуждать ее. Молчание невесты продолжается с каждым из родственников до тех пор, пока ему не вздумается заставить ее говорить и услышать ее голос. Невеста же должна не соглашаться заговорить с ним и продолжает отвечать ему киванием или качанием головы. Тогда родственник пристает к ней, говоря, что он не понимает пантомимы и не слышит ничего, и после этого невеста чуть слышно и внятно произносит ответ. Конечно, такие шутки сопровождаются громким смехом присутствующих тут же родителей ее и порицаниями, что она не сумела воздержаться и помучить долго родственника. Для того чтобы заговорить с невестой и услышать ее голос, каждый родственник приносит ей какую-либо монету, кольцо, шелковый платок, башмаки с отделкой, материю для платья и т.п. После этого невеста, не стесняясь, начинает говорить с ними, беседует по целым часам и смеется, но не ест и не пьет при них. Если случается, что входит к ним гость во время обеда или ужина, то она сейчас встает с места и стоит в стороне, как ни в чем не бывало.

Любимая услуга от невесты, считающаяся наслаждением для родственников, состоит в том, что они приходят к ней по субботам или большим праздникам и заставляют ее искать у них в голове. Родственник, растянувшийся во всю длину на кровати или мягком одеяле и положивший

свою голову на ее колени, засыпает под влиянием этого наслаждения,— невеста, не смея нарушить его блаженный сон, сидит в прежнем положении и продолжает трещать ногтями, если в комнате нет другого гостя. Как только пришел другой, она тихонько подкладывает под голову спящего мягкую подушку и предлагает пришедшему свои услуги. Самое большое уважение оказывает невеста избранному другу жениха, который исполняет роль посредника между молодыми и передает жениху все впечатления, произведенные на него невестой, но только с хорошей стороны.

Жених сам не видит невесты и не имеет возможности говорить с нею, пока родители ее не поблагодарят его за оказанные им почтение и покорность и не пригласят его к себе вместе с друзьями. (Об этом будет сказано ниже). Видя достоинство свое в скромности, молчании, в оказывании различных услуг родственникам и друзьям жениха, невеста дольше всего не говорит с другом жениха и делает ему кисеты, чехлы для часов и оружия и ермолки, отделанные бисером, галунами и мишурными украшениями. Редко кто не имеет подарка от невесты, и в свою очередь те также дарят ее серебряными вещами и материями. Друг жениха часто приносит невесте также подарки от себя и жениха. Подарки жениха не показываются невестой, так как ей стыдно иметь вещь, напоминающую об имени жениха, и кладутся в такое место, чтобы родители ее могли видеть, как жених ценит ее и радовались. Увидя вещь и встретив молчание дочери относительно ее, они догадываются и расспрашивают, после чего невеста надевает ее на себя и носит постоянно. Ждя того, чтобы сделать жениху подарок, она сидит по целым дням и ночам в особой комнате и прячет изготовляемый подарок при входе каждого, взяв сейчас же в руки другую работу. Кроме того, родители жениха и невесты посылают по праздникам друг другу также подарки, состоящие из хороших кушаньев и различных фруктов, от которых жених и невеста непременно должны попробовать, так как между ними иначе не будет «ширини» (сладости). Приносящие подарки жениху и невесте получают от них по медной или серебряной монете.

Переименование невестой родственников простирается только на родителей, самых близких родственников и друзей жениха. Имена эти даются ею или по личному усмотрению, или по совету подруг и молодых женщин, которые знают эти порядки; но родители ее не вмешиваются вовсе в это дело. Большею частью отца и мать жениха называет она «бебе» (папаша) и «деде» (мамаша), сестер — «сийлу куз» (дочь или девушка, достойная славы), и «эрке куз» (выросшая в баловстве и дорогая), «алтун куз» (золотая девица) и, наконец, братьев, родственников и друзей — «сиилу улан» (сын или юноша, достойный славы), «эрке улан» (выросший в баловстве и любимый), «исбои» (стройный), «сийлу» (славный),

«инчке-бел» (с тонкой талией), «суйдум» (симпатия) и прочее. Часто имена даются без различия пола мужчинам и женщинам, но с прибавлением «куз» (девушка) и «улан» (юноша). О женихе она никогда не говорит ни слова и закрывает от стыда лицо, когда другие при ней нечаянно заговорят о нем. Если же приходится говорить о нем при близких подругах или с другом жениха, то она называет его «у» (он). Жених же называет всех по именам, а невесту также «у» (она).

Промежуток между обручением и свадьбой продолжается иногда несколько лет, и в течение всего этого времени невеста, идя куда-нибудь и встретив жениха, должна бежать, закрыв лицо платком, если она впереди, и вернуться назад, если он впереди. Когда же случается, что она сталкивается лицом к лицу с кем-либо из родственников, показавшимся из-за угла, то она оборачивается к нему спиной, закрывает лицо и стоит или приседает на землю, пока тот не пройдет. От посторонних односельцев своих, не связанных ни родством, ни дружбой с женихом и родителями его, она дома вовсе не закрывает лица. Если случается свадьба, и жених с невестой приглашены, то они прячутся попеременно от народа и танцуют, то есть когда танцует жених, то не видно невесты,— когда она,— жениха. Маленькие невесты, так как помолвки совершаются часто между детьми, начинают практиковаться и изучать эти порядки с 7—8 лет.

Уважение жениха к родителям невесты и покорность его выражаются тем, что он бежит от них, не присутствует там, где они, и не говорит. Даже и в синагогах, где каждый имеет место, назначенное обществом или перешедшее к нему по смерти отца, он переменяет прежнее место на новое, где отец невесты не видел бы его. Избегание женихом родителей невесты продолжается до тех пор, пока они не примут его в гости с молодежью и тем не откроют «шерм думоре» (лицо жениха).

Когда они изъявляют на это свое согласие, то родители жениха приглашают по юноше из каждого дома и дают им знать заранее о числе сопровождающих жениха. Это для того, чтобы невеста могла приготовить каждому из молодых людей по подарку — шелковые кисеты и платки, шелковые ермолки и прочие вещи, отделанные галунами и вышивкой. В назначенный вечер все приглашенные являются к жениху и отсюда в сопровождении зурны, с песнями отправляются к невесте. Здесь встречают гостей родители невесты и, поцеловав жениха в лоб и щеки, приглашают всех в кунацкую, где приготовлены для них места на подушках. Жених садится на первое место, друг его — справа, один из родственников невесты — слева, а все остальные кругом, разделившись по четыре, по пяти на «ху» (партии). Тут им подаются водка, вино, куры (по одной каждой «ху»), плов, голубцы, шашлыки, вареники и прочие восточные блюда.

Весь пол уставляется всевозможных цветов и красок тарелками и деревянными ложками и вилками, которые занимаются по случаю торжества у соседей. После ужина приносятся медные подносы, на которых красуются одежды для жениха, подарки для гостей, красные яйца, яблоки и другие плоды. Затем один поднос бывает наполнен блюдцами, в которых лежат папиросы, и пустыми тарелками, которые назначаются для сбора денег от жениха и присутствующих. Родственник невесты, сидящий с правой стороны жениха, снимает с подноса одежды и, торжественно произнося, из чего они состоят, кладет их перед женихом. Тот кивает головой своему другу и показывает знаками, чтобы он надел их на себя. Его товарищ встает и при общих любопытных взглядах, жаждущих видеть платья, раздевается тут же и облачается в них. Сразу устремляются на него взоры присутствующих, и со всех сторон слышатся слова удовлетворения или осуждения, смотря по достоинству одежды. После этого жених кладет в тарелку некоторую сумму, не превышающую, однако же, десяти-пятнадцати рублей. Затем тарелки ставятся перед другими гостями, которые приглашаются последовать примеру жениха. Те кладут по желанию и состоянию от 30 копеек до 3 рублей и получают из рук родственника подарок, стоимость которого соответственна уплаченной ими сумме. После этого все закуривают по папироске, берут несколько фруктов в карман и спешат домой, чтобы дать свободу жениху, который в эту же ночь со своими двумя друзьями должен идти проведать невесту.

Родители невесты приглашают двух, знающих церемонии, совершающиеся при этом, молодых женщин и вместе с тем таких из подруг дочери, которых она не стеснялась бы. Приказав им смотреть во все глаза за помолвленными, они преспокойно уходят спать в другую комнату. При этом мать берет с дочери слово — остаться честной и стараться угодить желаниям жениха,— на что та, краснея до ушей, кивает головой в знак согласия и идет в кунацкую комнату, где ожидают гостей. Подруги невесты называются «согдуши» или «ендуши» («сог»— здоровье, «ен»— бок, «душ»— плечи), то есть девушки, присутствующие постоянно при невесте,— а обычай допускает жениха на ночное свидание с невестой —«гечелей» (ночное посещение).

Подруги и невеста приготовляют для приема жениха различные кушанья и фрукты, также и подарки и ждут их у окна. Около 12 часов ночи друзья жениха стучатся в окно условленными знаками и просят отворить его, чтобы войти в комнату. «Согдуши» просят показать прежде подарки, принесенные ими за то, что они исполняют роль привратниц. Те показывают издали; эти просят развернуть платок и показать все хорошенько; те боятся, чтобы они не требовали вторично, вырвав эти подарки, что они и делают часто, потому и показывают, держа их крепко

в руках; эти не довольствуются подарками и просят еще; те обещают, а эти не верят и торгуются. Наконец, уладив дело, друзья и жених прыгают в окно.

Тут они видят невесту, стоящую в углу лицом к стене, и всевозможные блюда на полу. Друзья жениха подходят здороваться к невесте, а она, закрывая лицо левой рукой и чуть держась от стыда, так как в первый раз стоит под одною кровлею с женихом и при других, подает им правую руку и делает различные движения, чтобы убежать. Жених в это время здоровается с «согдушами» и садится на почетное место. Раз мне пришлось провожать товарища на «гечелей», и невеста, увидев нас, бросилась вон из комнаты и побежала в другую комнату, где спала мать. Мы раза три посылали к ней «согдуш», а она все не шла и не соглашалась. Наконец жених начал капризничать и просить, чтобы его отпустили отсюда, где его нога не будет больше. Об этом было передано матери «согдушами», и она насильно вытолкала невесту из комнаты и приказала сию минуту отправиться к гостям, если она не желает, чтобы отец или братья проснулись. А что будет тогда, она слышала от подруг!

Друзья и подруги садятся к жениху и начинают говорить о разных разностях. Жених слушает мрачно, говорит тихо, чтобы невеста не подумала о нем худо, и улыбается по временам с некоторою принужденностью. Им подают напитки и закуски. Друзья повеселев немножко, встают со своих мест, подходят к невесте и, поблагодарив ее за почтение, начинает просить, чтобы она приняла участие в их веселье. После долгих просьб, к которым присоединяет свои также и жених, она подходит к друзьям и стоит около стены, не смея взглянуть на жениха и отвечая на вопросы и смех мужчин киваниями и скромной улыбкой.

После ужина и чая, в которых невеста не принимает участия, подруги снимают с полок подушки и одеяла и приготовляют на полу места для желающих отдыхать. Конечно, жених и невеста прекрасно знают, что значит это «отдыхать» и слышали, что бывает тогда. На лицах их, выражающих некоторое беспокойство и страх, выступает заметная краска стыда, яркий румянец невинности. Невеста беспрестанно бросает на своих подруг огненный, укоряющий их взгляд, который вместе с тем выражает страдание, мольбу — оставить ее в покое. <...>

В это время последний из сидевших прежде с женихом и не заснувший еще подходит к невесте и начинает уговаривать ее, чтобы она села, так как она вероятно устала. Действительно, она едва держится на ногах и, видно, что давно ей хочется присесть, хотя бы на минутку,— но чтобы она дала заметить жениху и другу его свое утомление или нездоровье,— Боже упаси! Она качает головой и дает этим знать, чтобы

не беспокоились о ней. Тот просит опять, говоря, что этим премного обяжет его и она доставит ему удовольствие. Странно, что друзья жениха имеют больше веса и значения перед невестой, чем сам жених, и она ужасно боится не угодить их желанию. Она уступает просьбам и, двигаясь несколько раз то вперед, то назад, и дрожа всем телом, садится рядом с другом жениха и так, чтобы ей не был виден жених. В ней начинает происходить сильная душевная борьба — «остаться или идти?» Этот момент считается самым критическим. Горские девушки, как сказал я выше, до того стыдливы, робки и целомудренны, что большинство из них готовы лучше идти на верную смерть, чем позволить себе оставаться наедине с мужчинами, которых они видят впервые. Поэтому друзьями принимаются предосторожности и запираются крепко на крепко двери и окна. Но не всегда бывает так легко покорить горскую девушку. Иные из них оказываются более находчивыми и смелыми на всякий шаг, чем мужчины, и, воспользовавшись как-нибудь случаем, выбегают из комнаты. А тогда ищи невесту, сколько хочешь, кричи во все горло «Аллах», вызывай мать ее из ее опочивальни,— ничем нельзя пособить горю! Невеста забирается в глухой угол и там проводит ночь до утра в отчаянных рыданиях.

Если же невеста села, то победа значит на стороне друзей, и она наверно не убежит, потому что это будет считаться смертельной обидой для друзей. Как только невеста садится, друг жениха встает за чем-нибудь и, потушив свечку, будто нечаянно, отправляется также спать на приготовленное место. В это же время жених приближается к невесте, ловит ее за руку и начинает говорить прерывисто и шепотом. Но сколько стоит ему усилия, чтобы сделать этот первый шаг! Я слышал от товарищей, которые рассказывали, что они дрожали в эту минуту, как лист, и не находили, что говорить и как приступить к обезоруженной, беззащитной и тоже дрожащей девушке. Но иные обрученные, знавшие прежде друг друга или чувствовавшие взаимную симпатию, беседуют без стеснения до утра, не обращая внимания на сторожей, которые и в самом деле засыпают один за другим. Оставшись вполне наедине и в темноте, молодые делаются развязными, смеются, ласкают друг друга и проводят в разговорах время, пока на заре не проснуться подруги и не поторопят жениха уйти поскорей, чтобы его не заметил народ и не осуждал его за долгое препровождение времени с невестой.

Но при этом всем надо заметить, что наши девушки-невесты остаются строго целомудренными и невинными, и ни один из молодых не может дерзнуть «дойти до греха», зная строгость законов и обычая, которым должны они подвергнуться оба. Горе молодым людям, не сумевшим воздержаться на гечелеях и вообще сохранить целомудрие! Каждый указывает на них пальцем, смотрит с пренебрежением, плюет при виде их, называет самыми грязными именами и они не могут всю жизнь из-

бавиться от осуждения общества. Тем более несчастными делаются дети, имеющие таковых родителей, и тем презрительнее относится общество к ним, называя их «пич» или «мамзир», то есть незаконнорожденные.

После первого приглашения родителями невесты жених свободно посещает дом их, но не видит невесты. Если же появится у него желание видеть ее, то друзья устраивают ему «гечелеи», которые имеют такой же характер и стоят таких же денег. Но частые «гечелеи» осуждаются обществом, считающим их за волокитство, легкомыслие и бездельничанье, и родители невесты смотрят тогда на жениха с некоторым неудовольствием.

Отцы жениха и невесты заключают между собой, кроме договоров о выкупных деньгах, еще одно условие, по которому жених должен сделать невесте, если промежуток от обручения до венца продолжается не менее двух лет, различные шелковые наряды. День, в который представляются невесте наряды, считается одним из торжественных и называется «табаг» (поднос), ибо так же, как при обручении, подарки несут родственницы на подносах, и шествие сопровождается зурною и песнями.

За два-три месяца до свадьбы совершается для помолвленных «Рах-бура» (пресечение пути). Так названа церемония потому, что в этот день жених отдает отцу невесты последние выкупные деньги, и обе стороны начинают деятельно готовиться к свадьбе. С этого дня жениху и невесте очень опасно, по поверью, отправляться куда-нибудь в путь, тем более в темную ночь. Поэтому помолвленных оберегают родители и не пускают их никуда без провожатых. Поверье же основано на том, что за ними следят «шаһаду» (злые духи) и, завидуя счастью людей, стараются разъединить их, увесть и сделать их сумасшедшими [115]*. Также постановлено обычаем, чтобы, во-первых, после этого дня жених не бывал на гечелеях и не видел невесты, а, во-вторых, невеста закрывалась бы вновь ото всех и не показывала лица никому из родственников до ночи, следующей сейчас после венца, а посторонним через две, через три недели после свадьбы и то тогда только, если они сделают «согбоши» (благодарность), дадут ей за это подарки.*

За неделю до свадьбы родители жениха приглашают своих родственниц, чтобы они скроили жениху и невесте подвенечные платья, дарили бы по своему усмотрению других близких родственников и бедных вдов и сирот

[115] Вера в то, что нечистая сила угрожает жениху и невесте перед свадьбой, также распространена у ашкеназов.

платьями из готовых тут же материй. Кроме того, в течение этой же недели, женщины приготовляют плов из кур, для отсылки старухам и старикам, у которых в этом году умерли дети или родственники, и вообще всем носящим траур. Своими дарами и вниманием они хотят испросить у них позволения сыграть свадьбу, так как из уважения к памяти умерших не желают своей музыкой и плясками оскорбить чувства носящих траур. После этого последние посылают помолвленным свои заочные благословения и пожелания счастья и просят родителей не откладывать Богом сужденной радости детей, так как никто не знает, что будет завтра с нами. Получив отовсюду такие ответы, мужчины пишут в каждый город и аул, где только есть родственники, и просят их приехать отпраздновать вместе торжественные дни, а женщины шьют наряды жениху и невесте. Точно также готовятся и в доме невесты к брачным пиршествам. В начале этой недели невеста также просит к себе нескольких подруг и родственниц, которые занимаются приготовлением ее приданого. Среди подруг выбирает она двух девушек, которые делаются ее «согдушами», помогают ей в шитье платьев и находятся при ней до самого бракосочетания.

Брачные пиршества, по соглашению родственников молодых и когда обе стороны готовы, начинаются в пятницу вечером и происходят одновременно у жениха и у невесты. Свадьба происходит зимою, так как в это время накопляется много свежего вина. От жениха идут в пятницу вечером ко всем относельцам двое из молодых родственников его и приглашают мужчин вместе с их гостями на «шев бирор-думор» (ночь брата жениха). В эту ночь к жениху просят родители одного или двух из его друзей или близких родственников, которые называются «бирор-думор» («брат жениха»), и обязанность которых сопровождать жениха во все времена свадьбы. Кроме того, еще шесть дней после свадьбы «брат жениха» всюду следует за ним и, если оставляет его на несколько минут, то передает свое место кому-нибудь другому или второму «бирор-думору». Далее родители просят общество утвердить в пятницу вечером еще в должности двух «сер-коло-ли» (распорядителей, в руках которых находятся ключи от погребов, где хранятся вина и съестные припасы) и нескольких женщин для приготовления свадебных кушаньев. Они должны находиться на свадьбе, каждый при своей должности, в течение двух недель. Сер-коло-ли выбираются из более известных своею практичностью и строгостью с молодежью, которая, не жалея женихова добра, тащит тайком из погребов вина, мясо, колбасы и прочее и пирует особо от свадьбы.

Приглашенные гости и должностные лица являются к жениху после вечерней молитвы и пируют у него далеко за полночь. От невесты согдуши идут приглашать девушек «спать и веселиться с невестой до выхода ее

замуж». Здесь они поют песни, танцуют и увеселяют невесту, плачущую и говорящую своим подружкам, что ей остается быть под кровом родных пять-шесть дней.

В эти дни они окружают невесту и гуляют с нею в садах, поют песни и затевают различные игры. Если кто-либо приходит к ним из дома жениха, они бросаются на него, срывают с него шапку и требуют денег за посещение. Таким образом, девушки собирают от гостей и большею частью молодежи, приходящей танцевать, петь и смотреть на девушек, около тридцати-сорока рублей, на которые приглашают народных певцов и зурну.

В субботу после молитвы в дом жениха опять приходят старики и взрослые мужчины, которые, попросив принести себе обед, остаются тут веселиться. После обеда мужчин сменяют женщины, которые приносят с собою фрукты в платках и проводят время до вечера в песнях и беседах.

К невесте в этот день являются молодые женщины, вышедшие недавно замуж, и парни, которые также веселятся до ночи, распевая хоровые песни и танцуя под звуки гармонии, на которой играет какая-нибудь мастерица-красавица из горских девушек.

В воскресение все заняты приготовлением ужина для «пой-пою» (стоящей на ногах свиты), которую посылают приглашать сейчас же после обеда.

Настоящая свадьба начинается с этого или следующего вечера, то есть с понедельника. В приготовлении начального ужина для «пой-пою» помогают все родственники и родственницы и даже мало-мальски знакомые, если имеют свободное время.

Как семья жениха, так и невесты приглашает вообще из каждого дома по одному юноше и по одной девушке, так что число приглашенных юношей у жениха доходит до 60-ти — 70-ти пар, а невесты до 20-ти — 30-ти. Все эти юноши составляют свиту жениха, а девушки — свиту невесты. Зурначи и барабанщик приглашаются часа за три, за четыре до начала ужина; они начинают играть «ерденкуи» (в роде марша), а собирающаяся молодежь, девушки и женщины приветствуют их, прыгая, хлопая в ладоши и затягивая хоровые татарские песни «ho-ло-лой, ho-ло-лой!». Наконец подается ужин — отдельно юношам, женщинам и девушкам. После ужина проверяется число явившихся гостей и отдается приказание распорядителям приготовить завтра обед не меньше, чем на столько-то человек.

Зурна играет до 2-х — 3-х часов ночи, и танцы идут во всем разгаре. Следующий день, в понедельник или во вторник, смотря потому, когда началась свадьба, юноши, являясь утром в дом жениха, отправляются к «сер-кололи» (распорядителю) требовать «сепеелей-пой-пои-ре», то есть три стакана вина, полагающиеся каждому члену свиты. Желающим из них вместо трех стаканов вина подается рюмка водки с закуской. После этого все собираются на свои места, на круг, отведенный для танцев, и выбирают из своей среды «шаха», обязанность которого смотреть за свадебными церемониями. Свадебные пиршества, как мы упомянули, продолжаются дня четыре и происходят одновременно у жениха и невесты. Главное торжество происходит в доме жениха, а у невесты собираются только ее подруги и близкие родственники. Впрочем, гости переезжают постоянно из одного дома в другой, и сношения между ними не прерываются. В доме жениха, днем на дворе, а ночью или во время дурной погоды в комнатах, происходит главное торжество. Круг на полу, отведенный для танцев, посыпается песком или саманом для удобства танцующих. Вокруг него расставлены деревянные скамейки, на которых помещается шах со своей свитой. Перед шахом стоит стол с винами и закусками, по правую руку сидит его визирь, а по левую — жених со своим нареченным братом. Все они хлопают в такт танцующим под звуки зурны и барабана.

Над девушками также есть одна старшая, которая и назначает очередь, когда какой выйти танцевать. Несколько юношей «човучи» (полицейские) вооружаются кнутами и состоят под распоряжением шаха. Назначение их кроме поощрения хлопающих в ладоши еще имеет, так сказать, полицейскую цель. Дело в том, что шах старается собрать у присутствующих на свадьбе родственников жениха как можно больше денег в пользу последнего. Для этого он пользуется каждым удобным случаем, чтобы наложить на них штраф в размере от 50 копеек до 3-х — 4-х рублей. Если же кто заупрямится и по первому призыву шаха не отдаст наложенного на него штрафа, то шах отдает приказание упомянутым членам свиты, вооруженным кнутами, и виновный привязывается к нарочно с этой целью поставленному деревянному столбу и не отвязывается до тех пор, пока не уплатит положенного штрафа. Более тяжких преступников, например, ругавших шаха или его правление, кроме штрафа сажают на пять, на шесть часов в конюшню и никакие просьбы отпустить их не принимаются. Конечно, такой казус сопровождается громким смехом и шутками присутствующих, и танцы продолжаются своим чередом. По временам их заменяют хоровые песни мужчин и женщин. Так продолжается двое-трое суток.

На первый или второй день свадьбы и когда шах, «брат жениха» и другие лица выбраны, все общество под предводительством шаха отправляется

встречать невесту, если она едет из другого аула, и встреча происходит за две-три версты от места отправления. Свита жениха запасается вином и закусками, не забывая при этом и музыку. Часть свиты, разузнав о скором приближении поезда невесты, пускается вскачь вперед, чтобы поздравить провожающих ее, а затем также вскачь возвращается назад, и при этом тот, чья лошадь будет впереди, получает из рук шаха в награду шелковый платок, который тут же и повязывается на шею лошади. Иногда вместо шелкового платка дают кусок хорошего сукна — аршин шесть — для черкески или бархат на занавеску стены. Эти подарки приготовляются джигитующим в награду отцом жениха.

Во вторник в дом невесты приглашаются из каждого дома по одному взрослому мужчине. Здесь после роскошного обеда все гости дарят невесту деньгами, а родственники деньгами и вещами, которые ставятся на пол и записываются раввином. Это называется «Нотор-Хадийо». При получении денег невеста подносит подателю стакан с вином, который выпивается им с ужимками и кривляниями, чтобы развеселить девушку, которая смотрит на него исподлобья и тоже улыбается. В это время подруги ее, стоящие в углу комнаты, поют хором в честь подателя и невесты «hей-шобош! hей-шобош!»

На этот или следующий день семья жениха приглашает женщин, в числе которых должны быть и молодые женщины, вышедшие в тот год замуж и не открывшие еще для света своего лица. (Перед своими молодая открывается совсем через три-четыре месяца.) Каждая женщина, вступая на порог дома, произносит: «Приносим свое поздравление; да будут счастливы молодые, да будет счастлив час, в который они соединятся», и пр., на что мать, сестры и родственницы жениха отвечают; «да будет и твоему (сыну, брату) такое венчание, да и тем всем родственникам и знакомым, кто не был еще венчан; милости просим, войдите!» Женщина-гостья, входя в комнату, дает матери или сестре жениха, поставленным принимать гостей, серебряную монету. Деньги, собранные таким образом, идут частью для бедных, частью на покупку фруктов и сластей для женщин и мужчин.

Так как молодые женщины почти около полугода после своей свадьбы стыдятся выходить на улицу, говорить с посторонними и даже являться на свадьбы с закрытым лицом, то для того, чтобы сделать их развязными, молодежь выдумывает различные мимические представления и шуточные игры. Одна из известнейших повсеместно игр называется «пеhливон» (акробатическое представление на канате). Она состоит в том, что на дворе рядом с кругом, отведенным для танцев, натягивается канат посредством четырех бревен, наклоненных попарно, вышиною около

четырех-пяти аршин и на расстоянии двадцати или более шагов одно от другого. На этом канате с большим балансом в руках танцует один опытный акробат лезгинку и дает представление. Акробат одевается в пестрое платье из игральных карт или цветных бумаг с металлическими блестками. Внизу под канатом бегают туда и сюда два одетых в шубы наизнанку и также в папаху «думбой» (комики), которых лица бывают закрыты шкурою с отверстиями для глаз, рта и с усами и бородой. Прежде всего представление дается в честь родителей жениха, от которых почти ничего не берут за это или берут очень мало, если они не жалеют припасов и ничего не скрывают от свиты жениха; в противном же случае их — мужа и жену — привязывают к одному и тому же столбу и не отпускают, пока они или сами, или кто-нибудь из них, не уплатят трех-четырех рублей.

Представления даются под надзором шаха и следующим образом. Завидя кого-либо из аульных гостей или приезжих, чоучи (полицейские) передают об этом через визиря шаху. Тот приказывает чоучам, чтобы они схватили гостя и велели музыке играть. «Думбои», услышав сигнал музыки, которая останавливается минут на пять, пока опять не получит приказания играть, идут под канат, начинают там прыгать, кривляться и кричать разными звериными голосами. «Пехливончи» (актер), сидящий на перекрестных концах пары бревен, встает и готовится представлять. В это время один из «думбоев» произносит громко, подняв голову вверх: «Пеһливон, кардаш!» («Друг акробат!»). Тот отвечает: «һеплей, жон-кардаш!» («К услугам твоим, дорогой друг!»). Думбой начинает: «һунер-һунер учун, һунер яхши игит (имя такого-то или такой-то)», то есть, «если сказать тебе, в честь кого мы должны показать свой талант и искусство, то в честь такого-то храброго, доброго красавца и красавицы (имя).» Пеһливончи, повторив то же, что говорит думбой, начинает танцевать на канате под звуки зурны, а думбои скачут внизу, смотря по временам наверх, чтобы подать помощь акробату в случае его падения. Окончив свой танец, акробат садится на другом конце, а думбои бегут за деньгами к лицу, в честь которого играли, прыгают, кувыркаются и требуют большего и большего количества денег, которые затем кладутся на стол перед шахом. Смотря по тому, много ли даст гость, даются представления, различные по степени опасности. Из них известны несколько: например, танцы с привязанными к пяткам горизонтально кинжалами, с прикрепленными к подошвам саблями по лезвиям или плоскостям, с обутыми в маленькие котелки ногами, с завязанными глазами и пр. Представления эти оживляют думбои своими остротами, писклявыми голосами и циничными движениями, при которых все поднимают дикий смех, бьют в ладоши и кричат «ура, ура!» Больше всего издеваются думбои над молодыми женщинами.

В ночь со вторника на среду невесту ведут на омовение в реку, купальню или баню, смотря по тому, где происходит свадьба — в городе или ауле. Провожают невесту только ее подруги и одна молодая женщина, выбранная уже для невесты в должность «куда-катун» (посаженная мать). Вернувшись домой, подруги расплетают мокрые волосы невесты, чешут их гребнями и, разделив их на несколько прядей, заплетают в косы. В это время одна начинает распевать «йе шевле муһмун деде», а другие затягивать «йе дукле русмун деде» («еще одну ночь ты гостья у матери, еще остается тебе только одно веретенце выпрясти для матери»). После уборки волос подруги принимаются за одевание невесты в чистое белье, приготовление ее вещей по порядку и ждут принесения от жениха подвенечных нарядов. Каждая девушка от души помогает своей подружке-невесте и, зная, как тяжело ей расстаться навсегда с родными, утешает ее, веселит и танцует с ней.

На третий или четвертый (последний) день свадьбы происходит самый обряд венчания. До венца, утром, относят невесте наряды и подарки, приготовленные женихом. Все общество, сопровождаемое музыкой, отправляется к невесте. Мужчины, держа в руках сосуды, наполненные вином и водкой, поют «а-на-най, а-най!» Женщины и девушки, неся на голове подносы, на которых лежат наряды невесты, сорочинское пшено, куры, индюки, гуси, чуреки и пр., затягивают «һо-ло-лой»; зурначи дерет во все горло свое «ерден-куи», весь аул приходит в движение. Вручив все наряды и подарки родителям невесты, общество возвращается на прежнее место и занимается женихом.

Часа за три до отправления жениха в баню или на реку, на кругу, где бывают танцы, происходит нечто вроде аукционного торга. Здесь продаются подвенечные одежды жениха, каждая порознь и притом только на то время, когда жених моется. Кроме того, продается право обуть жениха по выходе его из бани в носки и чулки, право надеть на него бешмет, право обрить ему голову, право поцеловать его первым в бритую голову, что считается большою честью.

Наконец, часов в 12 утра, жених, в сопровождении шаха, визиря, названного брата и всей свиты, отправляется в баню или «һавуз» (купальню). Процессию сопровождает музыка и, пока жених и брат его, нигде его не оставляющий, моются, вся остальная свита пляшет, и никакой мороз, ни ветер, ни гроза не могут помешать этим танцам. Между тем в предбаннике стоят женщины и торопят умывающихся своими песнями: «и чу дир омо думор иму, гаи дир омо думор иму», т.е. «как это долго возится жених, как это поздно не выходит он!» Когда жених кончит омовение, в предбаннике и между народом раздаются выстрелы, и его встречает купивший право поцеловать его в обритую голову, в знак большого

к нему уважения. Затем, одевшись, жених становится у дверей, поникши головой и уткнув лицо от стыда в рукав шубы или черкески, а сопровождавшие его все подходят поочередно и целуют его в голову. Женщины же в это время осыпают его сорочинским пшеном и мукою, символом благосостояния, плодородия и чистоты семейного счастья, а все остальные члены свиты поют или татарские песни, или гимны на древнееврейском языке. В недавние времена после бритья головы жених садился на лошадь и выезжал джигитовать в поле со своими товарищами и свитой. Теперь это выходит из обычая.

Из бани вся компания отправляется за невестой. Здесь родители ее или другие родственники ожидают их у дверей дома. Жених падает перед ними на колени и целует их руки и ноги в знак полной покорности. Потом родители выводят невесту и отдают ее жениху, провожая со слезами свою «помощницу матери» и благословляя ее на счастливую жизнь с мужем. При этом мать целует жениха и дарит его серебряным или шелковым поясом, шелковым платком и кисетом. Опоясав его, она вешает ему свои подарки к поясу и, еще раз благословив его и дочь, следует за ними. Лицо невесты покрыто шелковым платком, окруженным двойным или тройным рядом крупных золотых и серебряных монет.

Отсюда жених и невеста отправляются, каждый отдельно и со своей свитой, к родителям жениха. Затем, если свадьба происходит в городе, где можно достать приличные экипажи, жених со своим нареченным братом и «енгой» (прислужница из сестер), держащей в руках восковые свечи, и невеста с посаженною матерью и какою-нибудь девочкой родственницей садятся в экипажи, и процессия направляется в синагогу. В руках у посаженной матери и девочки горят также восковые четырехугольные свечи, окрашенные разноцветными красками; экипажи окружает свита жениха и духовая музыка.

Если свадьба происходит в ауле, то жених и невеста идут пешком, каждый отдельно, окруженные своей свитой, которая в это время распевает хором песни и гимны. К процессии присоединяются с обеих сторон родственники с наполненными вином стаканами в одной руке и графином в другой. Крики, шум, песни, неумолкающее ура, хохот — все это сливается вместе, и встречные прохожие, выразив чете пожелания счастья, тоже присоединяются к ликующим.

Между тем из дома невесты в дом жениха перевозится ее имущество, наряды, хозяйственные принадлежности и т. п. Все это обыкновенно справляется на калын, полученный от жениха. Когда процессия достигает синагоги, музыка останавливается и играет лезгинку или другое что-нибудь веселое в этом роде. Жених выходит из экипажа и идет

во дворе синагоги, а невесту несет, как ребенка, на руках один из родственников ее или жениха. Нельзя не сказать здесь об одном суеверии, сильно вкоренившемся между евреями-горцами и имеющем громадное влияние, во-первых, на всю следующую двух-трехлетнюю жизнь вступающих в брак, и, во-вторых, на поднятие значения и популярности знахарок и колдунов.

Горские евреи глубоко верят в то, что в брачные дела вмешиваются нечистые духи и колдуны, находящиеся под влиянием первых. По их мнению, в то время, как раввин соединяет молодых словами Св. Писания, дьявол старается расстроить брак и, вселившись в душу какого-либо злого человека, является на свадьбу и «связывает узел», который имеет такую силу, что молодые во веки не соединятся, пока он не будет развязан. Но узел дьявола не так опасен, как узлы людей, врагов жениха или невесты, ибо узел первого можно развязать посредством молитвы к Богу, который принудит дьявола к этому, а узел вторых развязать невозможно, потому что они могут спрятать его где-нибудь и позабыть. Бросить же связанные во время венчания узлы боится всякий, потому что после этого скоро наступает смерть бросившего их. Из узлов же, связанных во время венчания, имеют те только силу, которые сделаны как раз в то время, когда жених надевает невесте на палец кольцо и произносит девять слов из священного Писания, соединяющие законным браком; а в продолжение произнесения их можно связать не больше десяти-двенадцати узлов, что также боятся делать, ибо тогда Бог уменьшает число годов жизни связывающих узлы в два раза столько, сколько узлов. Самый злой враг делает поэтому не больше трех-четырех и тем не дает соединиться молодым три-четыре года. Странно то, что это суеверие было проверяемо стариками несколько раз, и результаты еще более подкрепляли суеверие. Связывали без ведома жениха узлы, пускали молодых на брачное ложе, и жених со стыдом выходил из комнаты невесты; развязывали через несколько дней или месяцев, и наваждение проходило. Узлы можно связать не только ремнем, шнурком, веревкой, но и металлическими вещами, как, например, кольцом, кинжалом, саблей и т. п. Для этого нужно только перевернуть предмет и надеть на изнанку. Можно избавиться и от таких узлов; для этого нужно близким родственникам жениха и невесты быть предусмотрительными и самим постараться связать как можно больше узлов, так как те будут иметь большую силу, которые начали завязывать узлы при первом же слове, произносимым женихом. Число же их должно быть самое большое потому, что посторонние побоятся сделать много узлов и не развязать вовремя, а родственники развяжут свои узлы сейчас же, как отпустили жениха к невесте. Поэтому нередко можно видеть во время венчания какого-либо родственника жениха, который, внимательно слушая жениха, начинающего слова

Писания, с усердием и каким-то самодовольством начинает делать несколько узлов и смотрит по сторонам, чтобы узнать, нет ли еще кого.

На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха. Во время венчания раввин читает молитвы, а жених со своим нареченным братом и невеста с посаженною матерью стоят поникши головами под баладахином и слушают раввина [116]. *Балдахин окружает народ различных верований и племен, так как горцы-евреи не воспрещают никому присутствовать при своем богослужении, тем более на свадьбах.* ***Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает его невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених надевает невесте на палец кольцо или кладет ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие «кетибо», в котором упоминается, какое приданое приносит с собою невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами. После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдает его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этою целью лежащий здесь же под балдахином. Наконец балдахин снимается, и раздается дружное «ура» присутствующих.***

После венца жених и невеста с согдушами и енгами садятся в экипаж, который окружается поющею гимны молодежью и учениками с одной, девушками с другой стороны, и едут медленно в дом жениха, где для обоих новобрачных приготовляют отдельные комнаты, освещенные как можно большим количеством свечей. Дорогой со всех сторон на молодых сыплются крупа, пшено и мука, которые бросают женщины, услышав шум проходящей мимо их сакель процессии и выбегая второпях на встречу молодым. Во многих местах раздаются выстрелы из ружья и пистолета и слышится «ура» и музыка.

---

[116] *В прежнем описании моем («Рассвет» 1881 года №18) было сказано, что невеста семь раз обходит жениха. Эта ошибка вкралась тогда, во-первых, по молодости моей и незнакомству с некоторыми обрядами нашего народа, так как маленькие вовсе не допускаются на такие торжества, где много народу; во-вторых, живя между русскими евреями и видя обряд венчания у этих последних, почти одинаковый с обрядом горцев, я не обратил внимания на это различие.* (Прим. И. Анисимова).

Дома встречают молодых родители мужа и, снова благословив их и поцеловав, отводят их отдельно в приготовленные комнаты. На брачный ужин приглашаются все в городе или ауле: мужчины с их гостями, женщины и дети.

Мужчины собираются в комнате молодого, который сидит на низеньком татарском стульчике и поднимается с места при входе каждого из гостей, ласково отвечая на пожелания счастья. Перед молодым на полу ставится большой медный поднос, на котором лежат три чурека с узорами сверху и с яблоками и красными яйцами, по три на каждом чуреке. В чурек втыкаются на одинаковом расстоянии три-четыре маленьких восковых свечки. Каждый приходящий гость усаживается на полу, покрытом разноцветными коврами, наиболее же почетные садятся на мягкие подушки. Молодой сидит на первом почетном месте, так как он теперь в продолжение восьми дней считается выше всех в обществе. После жениха сидит раввин, перед которым ставят тарелку или расстилают большой платок, туда каждый кладет свое посильное пожертвование в пользу молодых, называемое «Нотор-хадио». Жертвования начинаются родителями жениха и невесты. Брат жениха подает жертвователю стакан с вином и, громко произнося: «hей-шобош, hей-шобош», говорит его имя и сумму пожертвованного. Кроме этого пожертвованиям ведется подробная запись, которая хранится у новобрачного для того, чтобы и он мог пожертвовать такую же сумму, если не больше, на свадьбе каждого из жертвователей или его детей. Жертвования доходят от 50 до 300—400 рублей, смотря по тому, беден ли жених или богат. В первом случае сбор бывает маленький, а во втором большой, так как на свадьбу богатого, кроме односельцев, приезжает из других городов и аулов масса родственников и родственниц.

По окончании этой церемонии подается ужин, после которого рабби служит молебствие, за что ему гости платят по состоянию и желанию. Затем общество расходится по домам. Почти то же происходит и на половине молодой, куда собираются женщины, но с тою только разницею, что для нее не собираются деньги, и если кто-либо из женщин дарит ее подарками за «открывание лица», то только одни родственницы. С молодой сидят согдуши и енга за занавеской, чтобы не все женщины видели, как ест невеста, и ужинают.

Когда старики уходят, молодежь садится ужинать с новобрачным, а девушки с молодой. Не стесняемая присутствием старших, молодежь предается неудержимому веселью. Шутки, песни и шумный говор не умолкают. К полуночи новообвенчанные оставляют шумное общество, а девушки, собравшись в комнате молодого, поют веселые свадебные песни. Покой новобрачных охраняет названный брат жениха. Часа через три жених

возвращается к своей свите, а согдуши, куда-катун и енга входят в комнату молодой и, узнав о благополучном исходе дела и прыгая радостно, скорее убирают ложе новобрачных. В это время друзья жениха стреляют из ружей, что извещает о благополучном совершении брачного акта.

Тогда шах со своей свитой отправляется смотреть, что делает молодая. Придя к невесте, он со свитой садится на полу, и каждому из них молодая подает стакан с вином, в который они, опорожнив его, кладут какую-нибудь монету. Согдуши и енга поют «hей-шобош!», а посаженная мать невесты собирает эти деньги и дает юношам от имени молодой разные подарки: кисеты, обшитые золотом и серебром, шелковые, шерстяные платки и пр. Затем все расходятся, и сакля пустеет.

Согдуши, енга и посаженная мать остаются с молодой девять дней, прислуживают ей в это время и утешают, так как она постоянно плачет об оставлении родительского дома. Тем более скучает она и горюет, если вышла замуж в другой аул или город, и с ней нет никого из родных, кроме брата, провожающего ее.

После свадьбы новобрачная три-четыре месяца не выходит из дому и не снимает покрова. По истечении этого времени, выходя из дому на свадьбы или обручения, она продолжает носить покрывало около года, а дома снимает его и занимается хозяйством.

На 10-й день после свадьбы делается «родственный обед», на котором присутствуют только родственники молодых и рабби, а вечером провожают нареченного брата молодого домой, дав ему приличные подарки от имени молодых. После этого молодым супругам дается свобода и они занимаются дома хозяйственными делами.

* * *

Приведенные описания свадебных обрядов имеют существенные отличия в деталях, которые, кроме всего прочего, вызваны тем, что каждый из этнографов изучал свадьбу в разных горско-еврейских поселениях. Бежанов, как это указано в его статье,— в Варташене, Анисимов, хотя он нигде не указывает конкретной общины,— скорее всего в Тарках, своем родном ауле, так как он все время апеллирует к воспоминаниям юности. В какой общине описывает свадьбу И. Черный, неясно.

Сложная обрядность горско-еврейской свадьбы сохранялась достаточно долго. В 1997 г. информанты в Красной Слободе по личным воспоминаниям не только подтвердили многие подробности свадебного обряда, которые приводят авторы прошлого века, но и сообщили целый ряд новых.

В последнюю субботу перед свадьбой для молодежи устраивали гулянье в общественных садах. Во время этого гулянья жених и невеста могли общаться друг с другом, а парни и девушки — знакомиться. В ночь перед уводом невесты в дом жениха устраивалось еще одно гулянье. Перед уводом невесты ее младший брат требовал выкуп, не выпуская невесту со двора.

Вместо свадебного балдахина использовали «сисит», то есть талит. Четыре человека держали его над головой жениха и невесты за углы.

Невесту вводили в специальные брачные покои («гугила»), где ее ожидала подруга. После брачной ночи невеста в «гугила» находится 7 дней.

Свадьба проводилась в любое время, кроме 9-го Ава и месяца мая. Последний запрет информатор объяснил как заимствование у азербайджанцев (в мае проводится шиитская мистерия «Моххарам» в честь Хуссейна, сына Али) и у русских («в мае жениться — только маяться»).

Похороны и поминки

Похоронный обряд

Похоронный и поминальный обряды, также как и другие обряды жизненного цикла у горских евреев, состоят из жесткого ядра, восходящего к иудейской традиции (например, семь дней траура и т. п.), и огромного количества местных обычаев. Многое в похоронных обрядах горских евреев объясняется их системой верований. Мы располагаем подробными описаниями традиционных похоронного и поминального обрядов, составленными этнографами прошлого века. Описания, которые приводят И. Анисимов и И. Черный, во многом похожи: мы приведем описание похорон, выполненное Анисимовым, так как оно подробней:

Женщины у трупа еврея-горца играют первенствующую роль. Как только слух о смерти кого-либо в ауле дойдет до них, они бросают все свои домашние работы и, поручив их старшей дочери или дочери соседки, которая никогда не откажет в этой услуге при таких обстоятельствах, собираются все вместе, чтобы идти к покойнику, да кстати предварительно по женскому обыкновению, почесать языки о случившемся. Затем они одеваются в белые платки и желтые чувяки — знак глубокого траура — и отправляются гурьбой в дом покойника. Мужчины уступают им место в комнате умершего и выходят, а младшие стоят у ворот. Пятеро из молодых людей идут на кладбище копать покойнику могилу; остальные стоят молча с поникшими, в знак печали, головами.

Между тем женщины толпятся у постели покойника и оглашают его саклю раздирающими душу воплями, причем большинство из них немилосердно

царапает себе лицо, рвет на себе волосы, так что во время похорон едва ли можно увидеть хоть одну женщину из родственниц покойника, у которой щеки и грудь не были бы окровавлены.

Покойника снимают с постели и кладут на землю, на которой он лежит до тех пор, пока один из ушедших копать могилу не сообщит, что она готова. В это время зажигаются свечи, а грамотные и рабби читают псалмы Давида и несколько глав из толкований «Мишне», чтобы успокоить, утешить душу, порхающую беспокойно над своим жилищем. Наконец возвращается один из могильщиков с известием об изготовлении могилы.

Мужчины принимаются обмывать покойника, а женщины в это время сшивают покойнику из тонкого холста его последнюю одежду: рубаху, штаны, чулки, ермолку и перчатки. Поверх всего этого на умершего надевают саван и опоясывают его кушаком из того же холста. Такое одеяние получают только умершие естественною смертью, умершего же насильственно не обмывают и не снимают с него ни одной части платья, в котором он умер, а только завертывают его в саван. В этом случае с ним хоронят и оружие, которое он носил.

Обмывают покойника, смотря по его полу, мужчины и женщины. Обмывание происходит на дворе или под балконом в палатке, устроенной из нескольких бревен и покрытой одеялами. Рубашки, штаны, чулки и прочие одежды покойника пришиваются одна к другой и закрывают все части его тела за исключением лица, для которого тоже делают покрывало. Сверх этих одежд и под саваном покойника обертывают в большой «сысыт [117]*» (покрывало, которым покрываются евреи во время богослужения).*

Когда покойник снаряжен для погребения, начинаются общие вопли мужчин и женщин, сопровождающиеся ударами в лоб, в лицо, в грудь, вырыванием волос на голове, царапаньем щек, кусаньем рук и тому подобными выражениями печали и сочувствия. Обществом плакальщиц управляет какая-нибудь родственница покойника. Ее можно узнать по наиболее растрепанным волосам и обезображенному лицу, и она громче всех завывает: «уя!-уя! вов!-вов!» Является шесть человек с носилками, на которые укладывают покойника. Носилки окружают женщины в два ряда, взявшись за руки, и снова начинают оглашать двор воплями и страшными криками «уя!-уя! вов!-вов!» [118]

---

[117] Талит.

[118] Анисимов, 1888. С. 304—306.

И. Анисимов в другой части своей монографии специально пишет о погребальных носилках:

Относительно носилок и вырытых могил тоже существуют у евреев-горцев различные поверья. Одни из аулов имеют временные носилки, а другие — постоянные. Это ведется у них с незапамятных времен, и заменить одни другими — считается тяжким грехом, падающим на голову всего общества; поэтому те аулы, которые имеют постоянные носилки, не делают вовсе временных,— также и наоборот. Это основано на том, что их отцы, чтобы остановить смерть и запугать ее тем, что они не боятся ее, сделали постоянные носилки, а некоторые другие, живя с надеждой, что придет день, когда вовсе не будет смерти, и если иметь готовые носилки, то, значит, приготовить их для кого-нибудь из своих членов, воспретили иметь таковые. Современные же горцы-евреи идут по следам своих отцов и придерживаются строго тех правил, которые они установили. Если могила, назначенная для такого-то, не удалась сразу, то это значит, что умерший был тяжкий грешник, если же она будет стоять вырытою несколько дней, то непременно умрет один из общества. Временные носилки представляют собою две толстые палки, переплетенные поперечными палочками на подобие лестницы,— а постоянные — ящик в виде корыта, имеющий ножки и четыре ручки. Временные ломаются сейчас же после похорон и бросаются в реку [119], чтобы больше не приходилось делать их, и вода унесла бы с собою всякие воспоминания о них,— постоянные же вместе со свадебным балдахином стоят в притворах синагог.[120]

Характерно, что для горских евреев, также как для других групп диаспоры, свойственно наличие особых обычаев в каждой общине. Причем эти обычаи, что характерно, приобретают статус закона, нарушить который *«считается тяжким грехом»*.

Продолжим рассказ И. Анисимова о похоронах:

Наконец, проводив покойника со двора, они возвращаются назад, а процессия трогается к кладбищу, три раза останавливаясь на дороге. Во время остановок носилки опускаются на землю, и раввин читает над покойником молитвы. Носильщики меняются каждые двадцать пять-тридцать шагов, пока процессию завидят копавшие могилу. Тогда они направляются ей навстречу, заменяют последних носильщиков и несут покойника до самой могилы. В могилу опускаются два, привычные к этому делу, человека и укладывают мертвеца головой к востоку.

---

[119] Эти сведения подтверждает также И. Черный. Правда, он пишет о том, что временные носилки сжигают.

[120] Анисимов, 1888. С. 314.

На памятнике описывают добрые качества и благодеяния покойника, гостеприимство его, заступничество за бедных и пр. Кроме этого на нем помещаются стихи из Книг Пророков и обозначается день, число и год, в который покойник потребован к Верховному Небесному Суду. В стихе говорится следующее: «да пробудятся и встанут многие из спящих к жизни вечной».

Тело кладется в могилу без гроба, но могила устилается с боков и сверху досками, которые лежат в вышину одного аршина, поддерживаясь тремя поперечными палками. Могила засыпается всеми присутствующими, причем каждый старается бросить хотя бы одну горсть земли. Для того, чтобы могилу можно было, до поставленного на ней памятника, отличить от других, родители или родственники ставят с двух сторон ее камни, или вбивают колья. Глубина вырытой могилы доходит обыкновенно до двух с половиною или до трех аршин. Провожавшие покойника, возвращаясь с могилы, срывают траву на кладбище и бросают ее через плечо, повторяя эту церемонию три раза со словами: «да не будет больше смерти, да прекратится она навеки, аминь». Вышед с кладбища, они образуют круг, среди которого становится отец, сын, брат или близкий родственник покойного и читает заупокойную молитву, после чего везде раздается «аминь!» Затем точно так же поступают и другие, находящиеся в трауре по умершим недавно, и все начинают утешать родственников покойного, вымыв руки и протягивая им правую.

Целую неделю после похорон общество не оставляет сакли покойника. Неделя эта называется у горцев «овил», а на древнееврейском языке «шивой». Во все продолжение ее родители усопшего сидят дома: мужчины там, где лежал покойник, а женщины — на женской половине, и никуда не выходят; поэтому и все знакомые не покидают их на это время, чтобы их утешать и развлекать. По поверью горцев-евреев, в продолжении целой недели душа не может свыкнуться с мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посещает тот дом, в котором жила при жизни. Вследствие этого в углу той комнаты, где лежал мертвец, родственники целую неделю ставят зажженую свечу, которая спереди закрывается медным подносом. Мужчины каждое утро и вечер читают молитвы, псалмы Давида, Книгу Иова и главы из Мишны и Талмуда об упокоении души умершего и не уходят домой даже для обеда и ужина, которые приносятся им из дома в саклю умершего. Родители или родственники покойного со своей стороны делают ежедневно для гостей завтрак, который служит поминками по умершим.

Женщины, оставшиеся на эту неделю в сакле покойного из уважения к его родителям, сидят на полу, образуя собою несколько групп. Близкая

родственница, о которой было сказано еще раньше, обращает на себя теперь всеобщее внимание. Она стоит на почетном месте на коленях и, обезображенная, окровавленная, только бьет себя в бессилии по бедрам и, произнося хриплым голосом «hийа! hийа!» или машинально повторяя какие-либо слова другой плакальщицы, растрогавшей ее своими воплями, рыдает в исступлении и падает в изнеможении. С боков ее поддерживают постоянно две женщины, которые ей не позволяют вырывать волос и царапать лицо. И смешно, и горько, и жалко, и, наконец, страшно становится при виде этой женщины. Большею частью таким истязаниям предаются жены, сестры и мать покойного. Из каждой группы по очереди начинает плакать одна женщина (обыкновенно или родственница покойного, или приехавшая на похороны, или какая-либо плакальщица мастерица), а остальные подтягивают ей жалобным тоном с восклицаниями «во-о-о-о-й! во-о-о-о-й!» и оглашают воздух протяжным напевом, слышным на далеком расстоянии от дома усопшего. По временам, вместо воплей, плакальщицы начинают восхвалять доброту, благодеяния, богобоязливость и вообще всякие хорошие качества покойного. Чем больше они причитывают с чувством и толком и умеют затронуть душу красноречивыми словами, тем больше имеют перед собою плачущих мужчин и тем большую приобретают известность. Мужчины все это время, когда идет «гире» (плач), стоят у дверей сакли и поочередно входят в нее, причем каждый из них становится на колени перед плакальщицами, плачет и бьет себя кулаками по лбу, по груди с восклицаниями: «о-о-о-й!» ой! умираю!» После чего плакальщица говорит: «не дай Бог, чтобы ты умер, сын мой! Да паду я жертвой за тебя и перед тобою;— плачь за брата, за такого-то»,— и вспоминает при этом имя давно умерших отца, матери или близкого родственника, отчего тот плачет еще громче и опять повторяет, ударяя себя еще сильнее по груди и по лбу. Иные простирают свое усердие до того, что через два-три дня у них появляются синие шишки. В промежутки между этими шумными воспоминаниями общество спокойно разговаривает о совершенно посторонних предметах, а женщины входят, выходят гурьбою из сакли покойного и дорогою рассуждают о тех женщинах, которые отличались своими речами и движениями, и о мужчинах, которые или вовсе не входили к плакальщицам, или же плакали без слез: «как это не совестно им!» говорят они, расходясь по домам.

Во время одного из этих промежутков, днем и ночью подают мужчинам и женщинам обедать и ужинать, причем прежде едят мужчины, а женщины в это время занимаются пересудами и различной болтовней. Когда подают женщинам кушать, то из разных домов являются роскошные кушанья, приготовленные знакомками в честь приезжих женщин. Один из траурных дней назначается родственниками умер-

шего, если он был молод, для молочного обеда, приготовляемого ими обществу.

Девушек вовсе не бывает на похоронах, за исключением невесты умершего молодого человека, когда она играет первенствующую роль и доводит себя до экстаза.

Но не всегда сопровождаются похороны горца-еврея такими трагическими картинами. Иногда похороны превращаются чуть ли не в свадьбу, и все проводят траурные дни в веселье, пированье и даже в танцах. Это в том случае, если умирает какой-либо почетный старик или старуха, жившие около ста лет и имеющие несколько поколений потомков. Тогда, исполняя религиозные обряды «сидеть на полу и предаваться печали», родственники раз в день просят плакальщиц начинать свой плач, который продолжается около часа, и во время которого входят к плакальщицам только дети усопшего, а остальные время от времени все проводят в еде, в чтении псалмов и в молитвах за успокоение души усопшего и в играх, в которых принимают участие даже дети и внуки, не предаваясь особенной печали.[121]

Множество интересных подробностей о погребальном обряде сообщает Бежанов. Отсутствие этих подробностей у И. Анисимова объясняется, прежде всего, наличием локальных обрядов в разных общинах. Анисимов в первую очередь описывает горских евреев Дагестана, а Бежанов пишет о Варташене:

При смерти кого-нибудь родственницы его режут свои рукава до локтя, мажут лицо черной краской, стены покрывают черной краской, отрезают косы, истязают себя, царапают лицо, руки, бьют под грудь и т. п. Плакальщицы садятся вокруг покойника: одна — запевала — начинает восхвалять покойника, а другие вторят ей, вспоминая и своих покойников.

Тело покойника кладут на голой земле, а постель выносят на реку; хоронят в день смерти. Когда покойника выносят, все плачут. Тело выносят обмыть во двор. Здесь устраивается палатка над выкопанной ямой; поверх ямы кладут доску, на доску кладут труп и ставят семь кувшинов с нагретой водой. Воду греют служители синагоги. Мужчину обмывают служители синагоги, а женщину — обыкновенные женщины. Семь кувшинов воды ставят для того, чтобы каждую часть тела мыть из отдельного кувшина. Доска, на которой моют труп, и носилки имеются

[121] Анисимов, 1888. С. 306—310.

в синагоге и приносятся оттуда. Обмыв покойника, вытирают его чистой простыней, кладут на ковер, окутывают в саван, одевают покойника в костюм из чистого полотна; затем кладут на носилки, все приходят и плачут.

Родственники покойника приносят разные материи в пользу раввина; все грамотные и раввин читают Плач Иеремии. Если умерший почетный или уважаемый человек или раввин, то его несут во двор синагоги, читают молитвы, играют в рожок «шуфар [122]», затем несут на кладбище, кладут около вырытой могилы; все мужчины становятся вокруг трупа и читают молитву «агафа». Шелковую материю, которая лежала на трупе, берет служитель и отдает раввину. Могильщики опускают покойника в могилу, сверху кладут доску и засыпают землей, потом раввин читает молитву; все общество выражает хозяину соболезнование.

Затем все идут к реке, моют руки, рвут траву, а раввин читает молитву, в которой говорится, что жизнь человека похожа на траву, которая роскошно растет на лугу, украшает мир, а потом высыхает,— то же случается с человеком.

После этого идут в синагогу, где служители приготовляют воду и дают умыться. Тут те, которые не были на кладбище, читают молитву, выражают хозяину соболезнование и целуют его руку. Затем все приходят во двор покойника, едят. Пища должна быть не домашняя, ее приносят родственники и знакомые. Хозяева в этот день едят яйца всмятку и вместо соли употребляют золу.

В продолжении семи дней по утрам приходят женщины с пищей, плачут, едят, а мужчины особо читают молитву и тоже едят. В эти семь дней раввин и все грамотные ежедневно два раз приходят в дом покойника и читают молитву, за это хозяин им платит. У богатых два раза в день совершает богослужение раввин. Вечером на седьмой день в дом покойника приходит раввин, читает заупокойную молитву за всех умерших в их семье и заздравную — за всех живых. В эти семь дней хозяин сидит на ковре, а не на тюфяке, опустив шапку на голову до бровей, не должен много говорить, здороваться с кем-либо, не должен работать. Женщины семьи умершего не касаются к пище; выходить на улицу не могут; во дворе должны ходить босыми. С кладбища после похорон и хозяин идет домой босым.[123]

---

[122] Так у Бежанова.
[123] Бежанов, 1894. С.134—136.

Все, описывающие погребение у горских евреев, отмечают особую роль плакальщиц в похоронном и поминальном обрядах. Искусство плакальщицы до сих пор сохраняется горскими еврейками: побывав в день 9-го Ава на кладбище Красной Слободы, я увидел и услышал, с какой поразительной экспрессией плакальщицы, переходя от могилы к могиле, оплакивали давно и недавно умерших.

Поминальный обряд

Если похоронный обряд у горских евреев достаточно точно следует за писанным иудейским законом, то поминовение, не считая посещения синагоги и чтения кадиша, представляет собой собрание местных, чрезвычайно интересных обрядов.

Продолжая рассказ об обычаях, связанных со смертью, Анисимов пишет:

На седьмой день родители или родственники покойного устраивают по нем настоящие поминки, называемые «хайрат», и отпускают своих гостей, поблагодарив их за выраженное ими участие. Траур носится родственниками покойного в продолжение года. Кроме того, они не ходят купаться и не только не бывают на свадьбах и тому подобных празднествах, но даже не входят в дом, где собралось какое-нибудь веселое общество. Женщины же все это время собираются в дом покойника по понедельникам и четвергам и оглашают саклю своим плачем.

Наконец, если приезжает какой-нибудь знакомый гость в аул или отсутствовавший родственник умершего, то он обязан идти, не заходя даже домой, сейчас же к его родственникам, где уже собрались женщины и начали плач. Войдя в саклю, он орет во все горло, приговаривая: «Ох, брат мой! Зачем я не увидел тебя! ... и пр.» и бьет себя по лбу и по груди. Когда он обессиливает от рыданий и ударов, плакальщица перестает и просит его сесть на приготовленный для него низенький татарский стульчик. После этого начинаются расспросы об его здоровье и делах. Отсюда он идет в дома других носящих траур, у кого в продолжении года были покойники, и те также встречают его с плачем. Иногда гостю приходится плакать целый день, не быв дома, не поев и не отдохнув с дороги. Если же он позабыл какое-либо место или просто не пошел, то все родственники того умершего избегают с ним встречи и вовсе не говорят с ним.

Сверх всего этого родители за упокой души детей, а дети — родителей — одиннадцать месяцев ходят ежедневно утром и вечером в синагогу для чтения заупокойной молитвы «кадыш»; по прошествии же одиннадцати

месяцев на могиле покойного ставится памятник. Затем ежегодно, в день смерти, по нем справляются поминки, и женщины собираются плакать.[124]

Справление поминок горскими евреями кроме оплакивания состоит в том, что, прежде всего, зажигается вечером в синагоге одна стеариновая свеча, которая поддерживается целые сутки, и потом во время молитвы этого дня читается сыном, отцом или братом умершего заупокойная молитва «кадыш». В день поминок раввин и ученики его читают из «Мишны» несколько глав, число которых, впрочем, бывает такое, сколько букв в имени умершего, и каждая глава должна начинаться этими буквами. Затем читается несколько псалмов.

После этого родственники умершего приносят в синагогу несколько бутылок и графинов с водкой и вином и два подноса, один с «тутуи», слоистыми хлебами, печеными на масле, а другой — с курами и гусями. Раввин подходит и, отслужив молебен над вином, поданным ему в стакане родственником умершего, отрывает рукою кусок «тутуи» и курицы и отходит. Затем подходят другие и следуют его примеру, пока на подносах не останется ничего. Дома же, кроме «тутуи», женщины приготовляют плов, который рассылается с девочками в тарелках родственникам и знакомым. Сверх всего этого родственники умершего как в первый год после его смерти, так и в следующие года, стараются достать новых фруктов и плодов еще до появления их на базаре, и несут их раввину и другим почетным лицам аула, чтобы те пожелали покойному «царства небесного». [125]

И. Черный сообщает о поминальных обедах, которые собирают всех представителей рода покойного. Такие поминальные трапезы сплачивают представителей рода, поскольку являются самым частым общеродовым обрядом. И. Черный пишет:

Целый месяц, а иногда целый год горит лампа с маслом на том самом месте, где душа вышла из тела, по причине выше описанной [126]*; целый месяц читают там молитвы по три раза в день, и по целым дням до глубокой ночи женщины-плакальщицы просиживают там и плачут; другие женщины деревни и девушки приходят туда также ежедневно, участвовать в общем рыдании. Обед и ужин обязаны кушать в том же доме, и сюда каждый хозяин приносит свои кушанья. Мужчины кушают отдельно,*

---

[124] Анисимов, 1888. С. 310—311.

[125] Анисимов, 1888. С. 319.

[126] *Некоторые же веруют, что душа целый год находится на том же самом месте, где вышла из тела, а потому горит у них постоянно лампа в том месте в честь души.* (И. Черный, 1870. С. 22.)

в доме покойника, а женщины тоже отдельно; такие общие обеды и ужины продолжаются тоже целый месяц. <...>

По окончании же месяца, наследник покойника или вдова приготовляет обед и ужин для целого селения; если они бедные, то общество помогает им в этом. Тогда опять раввины читают молитвы ради успокоения души покойника и скорого вхождения ее в рай. Такие поминки возобновляют по окончании года, в тот самый день, в который покойник умер; тогда делается еще раз всеобщий обед и ужин для целого общества.[127]

Поминальный обряд мог также сопровождаться театрализованными представлениями. Эти поразительно интересные обряды заслуживают, на мой взгляд, особого внимания. Вот что сообщает И. Черный о поминальных обрядах, сопровождающих смерть молодого человека:

В Кубе мне рассказывали евреи, но я сам не видел, что в течение первого года от смерти какого-нибудь молодого храброго человека женщины не раз берут его лошадь, надевают на нее сбрую, на коня садится верхом молодая женщина ростом с умершего, причем она одета в его костюм, с его пистолетом, кинжалом и шашкой. Все женщины и девушки собираются и окружают коня, начинают при этом плакать, кричать и рыдать, бьют себя в груди, зовут эту женщину его именем и оглашают воздух воплями. Этим они себе воображают, что покойник сам сидит верхом на коне и одет как живой перед ними. Представление такого рода доводит их до экстаза.[128]

Поминки по старику или старухе, по сообщению Анисимова, сопровождаются, напротив, комическим представлением, которое устраивается во время семи дней траура:

Происходит следующая смешная церемония: если умирает старик, то один из родственников умершего переодевается в старческое платье и идет в женскую половину, где одевают какую-либо старуху невестой и ждут прибытия старика-жениха. Вокруг жениха собирается молодежь, которая распевает свадебные песни, и девушки с подносами на голове, на которых лежат, как на свадьбе, чуреки с воткнутыми восковыми свечами. Везде слышится хохот и веселье, на всех лицах видна радостная улыбка. Когда является жених, сопровождаемый процессией, на него сыплются со всех сторон остроты, и к нему выводят на круг невесту-старуху. Жених обнимается и целуется с невестой. Раздается

[127] Черный, 1870. С. 23—24.
[128] Черный, 1870. С. 24.

смех и «ура». Их заставляют танцевать, хлопая в ладоши. Наконец все присутствующие танцуют с невестой, которая тоже старается подражать во всем девушкам невестам, чем опять вызывает в присутствующих веселый смех. На деньги, собранные при этом, покупаются фрукты, которыми угощают мужчин и женщин. Если же умирает старуха, то невеста идет к переодетому жениху в мужскую половину, где происходят те же шутки.[129]

Что касается современного положения дел, то поминальные обряды оказываются главнейшей и, иногда, единственной формой обрядовой жизни, связывающей горских евреев с иудаизмом и синагогой. Поминальным обрядам придается огромное значение. Заповедь чтение кадиша исполняется неукоснительно. Мне довелось видеть в Бакинской горской синагоге такую сцену: мужчине, пришедшему заказать кадиш по отцу, пришлось накрыть голову носовым платком. То есть он помнил, что заказать кадиш необходимо, а о том, что, хотя бы находясь в синагоге, следует покрывать голову — забыл. Служитель синагоги в Красной Слободе с иронией говорил о том, что синагога превратилась в «похоронную команду», так как многие жители Слободы появляются здесь только в связи с похоронами и поминовением.

Кладбища

На Восточном Кавказе не сохранилось старых еврейских кладбищ. Путешественники прошлого века видели надгробия XVIII в. В настоящее время сохранились надгробия не старше середины прошлого века. Самое старое кладбище из виденных мной находится в Маджалисе.

Отсутствие старых кладбищ объясняется тем, что заброшенные кладбища в оставленных поселениях часто разбирались местными мусульманами на постройки. И. Черный приводит народный исторический рассказ о том, как хан аула Кала-Чирах, расположенного неподалеку от Кубы, приказал построить себе дворец из еврейских надгробий после того, как евреи покинули аул. Другая причина — в том, что, судя по всему, горские евреи, в отличие от ашкеназов, не придавали кладбищам большого значения и не стремились их беречь и охранять. Например, старое кладбище в Варташене, расположенное на крутом склоне, заросло лесом, все надгробия разрушены оползнями и древесными корнями.

Надгробие у горских евреев представляет собой прямоугольную стеллу, напоминающую ашкеназские надгробия, и, таким образом, отличающуюся от горизонтальных «восточных» еврейских надгробий. Надгробие, как правило, выглядит очень скромно, оно не декорировано, надпись выполнена

[129] Анисимов, 1888. С. 310.

достаточно небрежно. Такие надгробия контрастируют не только с пышно украшенными надгробиями евреев Восточной Европы, но и с надгробными стеллами народов Дагестана, зачастую украшенных изысканными резными орнаментами.

Традиционные эпитафии, как правило, весьма кратки и содержат только имя и отчество покойного, а также дату смерти. В случае насильственной смерти это обстоятельство может быть отражено в эпитафии.

Современные горско-еврейские кладбища поражают своей пышностью. Как уже было сказано, современная общинная и религиозная жизнь приобрела несколько «кладбищенский» оттенок. Массивные, мраморные стеллы зачастую украшают, в нарушение традиции, портретом покойного. Община Красной Слободы совсем недавно потратила большие деньги на строительство кладбищенского дома и новой ограды вокруг кладбища.

5. Община, род, семья

ГЛАВА 17
Общинные структуры

Общинное руководство

Для горских евреев в высшей степени была характерна общинная организация жизни. Общинность, в первую очередь, поддерживало то, что горские евреи жили, как правило, компактно: либо в отдельном ауле, либо в еврейском предместье или квартале. По существу, община, наряду с родом, была основной организующей силой в жизни горских евреев.

Во главе горско-еврейских общин всегда стоял староста, который назывался «ковхо» (татский термин) или «наси», и старейшины, парнасим, ведавшие разными сторонами жизни общины. Финансами общины ведали казначеи, габаим, назначавшиеся из числа парнасим. В ряде документов термины «парнас» и «габай» выступают как синонимы.

Во время посещения Авраамом Фирковичем Кавказа в 1840 г. должность «наси» общины Маджалиса исполнял некий Аврам б. Исраэль. Фиркович характеризует его так:

> *На должность наси, который являлся их* <евреев Маджалиса> *главой, члены общины выбрали человека преуспевающего, заботящегося обо всем, занимающегося потребностями общества в области религии, являющегося щитом перед сильными мира сего. И хозяин земли, на которой стоит эта деревня, любит его, и он тоже назначил его главой общины от себя.*[1]

Из этого свидетельства мы можем заключить, что наси принадлежал к имущей верхушке общины. Особо важно было, чтобы наси был угоден в этой роли местному феодалу, чтобы иметь возможность отстаивать перед ними интересы еврейской общины. Основной его обязанностью было осуществлять связь общины с внешним миром. Он передавал властям просьбы общины и сообщал евреям решения властей. Его богатство и связи с властями обеспечивали ему ту долю почтения, которая давала ему возможность принимать решения и управлять общиной.

Традиционное устройство горско-еврейской общины было признано русским властями, которые видели в ней аналог известного им ашкеназского

[1] Альтшулер, 1990. С. 321.

кагала. Официальная должность наси признавалась российскими властями, которые называли его «депутатом» или «старостой» и выслушивали его просьбы. В государственных бумагах 1860—1870-х гг. можно найти имена нескольких наси.

В то время как основной обязанностью наси было представлять общину перед властями, парнасим и габаим управляли ее внутренней жизнью. Габаим должны были следить за поведением членов общины, проверять их, особенно в части следования традициям и обычаям. Первое упоминание об избрании парнаса относится к 1840 г. и касается общины Маджалиса. Ее представители избрали парнаса, который должен был:

Следить за тем, чтобы мы и наши дети шли путем Торы, заворачивались в большой таллит и возлагали тфиллин, и надевали малый талит, и прикрепляли мезузу, как принято у наших сефардских братьев. И любого, кто не возложит тфиллин, и не завернется в большой талит во время молитвы, и не оденет малый талит, и не прикрепит мезузу на своей двери, наши габаим обязаны наказать.[2]

Габаим были также обязаны заботиться о синагоге. С течением времени обязанности габаим расширились, они стали назначаться сборщиками налогов. Сохранился документ, относящийся к 1848 г.:

Мы, нижеподписавшиеся, сообщаем, что святая община Дербента выбрала троих мужей и дала им право поступать так, как они считают нужным, как в сборе средств на синагогу, так и в сборе городского и других налогов. А также они имеют право назначать среди нас судей, кантеров и резников, в соответствии со своим мнением. Мы выбрали этих людей для исполнения правды и веры, поскольку увидели, что они прямодушны, и всеми силами действуют для пользы общества, охраняя его от нарушителей нашей веры. И если кто-то сделает что-нибудь без ведома этих трех людей, то его действия будут признаны не имеющими силы.[3]

Кроме перечисленного выше, в обязанности парнасим входило также разрешение внутриобщинных споров. Об этом свидетельствует запись, относящаяся к тем же годам:

Кроме хахама (раввина), у евреев есть трое габаим, выбранных из всей общины. Это самые уважаемые из старцев, люди прямые, знающие законы, и в их обязанности входит следить за потребностями школы и синагоги и собирать с общины деньги для приобретения необходимых вещей. И они, вместе с раввином, стараются удовлетворять все потребности

[2] Альтшулер, 1990. С. 321.
[3] Альтшулер, 1990. С. 323.

общины, связанные с верой, и еще их обязанность — судить и разрешать ссоры.[4]

Таким образом, парнасим, вместе с раввином, были судьями, следили за соблюдением заповедей, собирали налоги, то есть несли на себе основное бремя общинных забот.

В середине XIX в. кагальная структура в России была упразднена. Постепенно русские власти реформировали и горско-еврейскую общину. Начиная с 1880-х гг., имена людей, занимавших должность наси или ковхо, начинают исчезать из документов. С этого времени обязанность представлять общину перед внешним миром ложится большей частью на раввинов.

Благотворительность и взаимопомощь в горско-еврейской общине

Горско-еврейская община по сравнению с ашкеназской обшиной имела гораздо более простую структуру: в ней не было всевозможных братств. Даже «Хевра Кадиша» появилась только в крупных общинах в конце XIX в. Однако со всеми необходимыми функциями — погребенье, помощь больным и бедным — горские евреи справлялись без помощи специальных структур, просто за счет соседской взаимопомощи. Вот как, например, по словам И. Анисимова, откликались горские евреи на смерть своего односельчанина:

Когда наступает минута смерти еврея-горца, весь аул приходит в движение. Сакля покойника наполняется стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, знакомыми и незнакомыми,— все спешат отдать покойнику последний долг. Никакая спешная работа не может остановить их в этом. Торговцы на целый день запирают лавки и, будь у них в это время какой угодно выгодный покупатель, они без всяких церемоний просят его придти в другой день, так как теперь религиозные обязанности не позволяют им медлить ни минуты. Ремесленники-кожевники, которых особенно много между евреями на Кавказе, и другой работающий люд бросают свои дела и поступают точно так же.[5]

Одной из основных функций еврейской общины была взаимопомощь ее членов, которая в какой-то мере снимала социальную напряженность и помогала общине выживать как единому организму. Например, Бежанов пишет о евреях Варташена:

Но как они заботятся о своих единоверцах... Каждую субботу, особенно по большим праздникам, они собирают много денег для своих бедных; раз

[4] Альтшулер, 1990. С. 323.
[5] Анисимов, 1888. С. 304.

в месяц для них же собирают у богатых пшеницу. Нищенства среди евреев нет. Нередко приезжают за помощью и из других селений и всегда уезжают, получив немало щедрых даяний. Вообще они сильно поддерживают друг друга: даже личного врага своего (еврея) защищают, раз он имеет дело с человеком не евреем.[6]

Одной из основных функций праздников была помощь бедным. Подарки, прежде всего угощение, посылали соседям, родственникам и беднякам не только в Пурим, но во все праздники и по субботам. Именно такие подарки Анисимов считает наиболее характерной чертой субботы у горских евреев. Он пишет о том, что каждая семья посылала в субботы и праздники блюда от своего стола соседям, за счет чего в каждом доме праздничный стол был разнообразнее. Разносить по домам такие подарки входило в обязанность младших детей в семье.

Общинная и квартальная взаимопомощь проявлялась также в помощи при постройке жилища, в заготовке кошерного мяса, когда соседи покупали в складчину корову или баранов для шхиты, в совместном приготовлении женщинами масла и сыра, совместной выпечке хлеба, что позволяло экономить топливо. И. Черный отмечает:

Печки для хлеба устроены только у некоторых хозяек для всей деревни; этими печками пользуются и остальные хозяйки. <...> Каждая хозяйка приносит туда хворост и одно-другое полено дров для топки.[7]

Коллективная выпечка хлеба были праздником, отдушиной для горянок, живших весьма замкнутой жизнью. Анисимов пишет:

Возле печей <для выпечки хлеба> *собирается масса женщин, которые занимаются печением хлеба иногда до глубокой ночи, каждая ожидая очереди. Между тем, одна из них начинает говорить о новостях, другая рассказывает сказки, третья сплетничает на других, четвертая хохочет со знакомкой, пятые шепчутся и осуждают других, сидящих здесь, франтих.*[8]

Такие коллективные работы были, кроме всего прочего, своего рода общинными праздниками: женщины, обычно ведшие очень замкнутый образ жизни, имели возможность пообщаться и повеселиться, девушки поглядеть на юношей. Вот как, например, выглядела соседская помощь при строительстве нового дома в описании И. Черного:

---

[6] Бежанов, 1894. С.112.
[7] Черный, 1870. С. 25.
[8] Анисимов, 1888. С. 260.

При окончании постройки сакли собираются женщины, молодежь и девушки к хозяину сакли, и они должны помочь ему в последний раз вымазать крышу новопостроенной сакли. В это время хозяин угощает их водкой или вином, и они оттуда возвращаются с торжеством. Мне раз пришлось видеть такое торжество в деревне Араг, в Кюринском округе (в Южном Дагестане). По улицам деревни слышались зурны с аккомпанементом барабанов; партия за партией, молодежь и женщины ходили и громко распевали разные песни; девушки с весельем оглашали воздух звуками ударов в ладоши: это было торжество при возвращении из новооконченной сакли их односельца. Вечером того же дня хозяин новой сакли приглашает к себе всех хозяев деревни из евреев и делает для них большой ужин за то, что они помогали ему в его постройке.[9]

Наиболее развернутое описание соседской взаимопомощи дает И. Анисимов. Он особенно обращает внимание на то, что коллективные работы имели не только хозяйственный, но и праздничный, по существу, ритуальный характер. Судя по описанию Анисимова, совместные работы несли в себе черты карнавала, делая разрешенным неприемлемое в повседневной практике. Анисимов убедительно показывает, что совместные работы, «булка», прежде всего, давали возможность встречаться девушкам и юношам в ритуально приемлемой ситуации. Анисимов пишет:

Помогать ближнему в случае нужды, если не материально — деньгами, то работою рук своих, считается священным долгом у евреев-горцев. Таких обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживают внимания различные собрания, которые ставят своею задачею помогать бедным и неуспевающим в работе, помогать деньгами сиротам, ухаживать за больными и пр. Сборища, с целью помогать неуспевающим в хозяйственных работах, или тем, которые желали бы кончить поскорее свои дела в ожидании какого-либо торжества, называются «булка» и составляются молодежью — парнями и девушками. Отцы, препятствуя дочерям видеться с молодыми людьми, сразу соглашаются на просьбу какой-либо горской еврейки устроить булка, предоставляя, однако ж, дочери свободу идти или нет. Еще бы! У девушек и молодых парней, с появлением слуха о каком-либо булка или о свадьбе, вырастают будто крылья,— с таким нетерпением они ждут их.

К таким булка относятся сборища для рубки мяса на зиму и вынимания жил из него, для шитья одежды новобрачным, для смазывания и беления новых жилищ, для очищения лука, чеснока и кукурузы, для сбора плодов и пр. Каждый употребляет здесь для ближнего свои молодые силы и работает несколько ночей с истинным рвением. Я остановлюсь только на

[9] Черный, 1870. С. 4.

вынимании жил и рубке мяса и смазывании новых жилищ, так как все остальные сборища имеют тот же характер.

Как только наступила зима, между горскими евреями начинается тревога на счет «сугума» (зимнего запаса). Наряду с обеспечением хлебом, заботятся они о приготовлении копченого или сушеного мяса, колбас и вина. Вино приготовляется из винограда еще осенью и держится запечатанным в бочках и больших глиняных сосудах до первой ночи Маккавеев [10]*. Редко можно найти семейство, которое не имело бы ведер тридцать, сорок вина на зиму. Горские евреи, смотря по состоянию, режут не менее трех, четырех баранов и одной коровы на четыре дыма, для чего собираются четыре, пять семейств и, сделав складчину, покупают одну корову. Богатые режут около двух, трех голов рогатого скота и штук десять-пятнадцать — мелкого. Убрав мясо домой и разложив его на полу, на рогожах, хозяин посылает гонцов к раввину, почетным лицам и специалистам с приглашением вынимать жилы из мяса. Те немедленно являются и начинают поздравлять хозяев с запасом. При этом подают гостям стакана по два, по три вина и ставят перед ними тарелки с шашлыком из свежего мяса. После закуски каждый из умеющих вынимать жилы и негодное сало из различных мест мяса, садится за свою работу, а не умеющие принимаются рассказывать различные анекдоты и сказки. Домашняя молодежь (посторонней не бывает в эту ночь) сидит в это время около камина и готовит шашлыки, которые подаются работающим через каждые 10—15 минут. Всюду слышится смех, веселый разговор, стук топора по костям, шипение сала, падающего каплями на огонь, и вместе с этим тяжелый запах табаку. Дым стоит во всех комнатах сакли просто туманом и ничего нельзя разобрать. Даже не пивши вина, достаточно, кажется пробыть полчаса в этой атмосфере, чтобы совершенно опьянеть: до того воздух, пропитанный дымом, парами сала и выделяемой присутствующими углекислотой, становится тяжелым. Но им это очевидно нипочем, потому что занятия их, после которых им подается ужин, кончаются далеко за полночь и они почти месяц проводят, то в том, то в другом доме, пока весь аул не запасется сугумом. После ужина все благодарят хозяев и собираются уйти. Но в это время раввин благословляет хозяев и детей его; за это тот дает ему копеек пятьдесят-шестьдесят. Иногда раввин ухитряется благословить всех присутствующих за ужином, пока те встают, за что и они дают ему по состоянию. Кроме этого при резании раввину дают голову скотины и грудобрюшную преграду с мякотью фунта в три.*

На следующий день идет промывание и соление мяса. В этом помогают хозяевам родственницы и это считается только делом женщин.

[10] Имеется в виду Ханука.

Интересна также совершаемая при этом церемония. Хозяйка раскладывает несколько куч мяса и внутренностей (печени, требухи, легких, сердца и пр.), которые в больших тарелках посылаются с дочерьми или другими девушками, приглашенными для этой цели, родственницам или бедным вдовам. Рассыльные несут эти дары на голове на подносах чрез весь аул и получают от тех, кому посылается дар, по яйцу, по несколько головок чесноку, по несколько луковиц и других мелочей, которые передаются хозяйке. После резки сугума горские евреи редко когда покупают свежего мяса, разве иногда купят на шашлык или по случаю большого праздника. Но они снабжают друг друга свежим мясом и внутренностями после своего сугума.

Такая же взаимная раздача происходит между ними во время сбора плодов, хлеба и отела коровы или буйволицы: тогда посылают они молоко кипяченое и яйца. Но тут вместо яиц получившие наливают воды в чашку или тарелку, в которой был принесен дар. Это для того, чтобы корова дала хорошее молоко и не была суха, как чашка, которую возвратили без воды.

Вечером этого дня, то есть, после соления мяса, приглашается молодежь для рубки мяса, из которого изготовляются колбасы. Почти из каждого дома приходят парни и девушки, из которых одни рубят мясо, другие чистят лук, третьи делают шашлыки, четвертые готовят закуски, пятые поют веселые песни, рассказывают сказки. У каждого своя работа и никто не сидит без дела. Нельзя не любоваться, смотря на сияющих от радости, счастливых молодых людей, которые сидят кругом на коврах попарно, ведут беседы — каждый со своей возлюбленной, которая улыбается ему, дарит его любезными словами, и, наконец, как бы в такт, все поднимают и опускают тяжелые топоры. Каждая пара занята собою, делает свое дело и не замечает, о чем говорят сидящие по бокам ее пары. Весело смотреть на сидящих перед очагом разрумяненных парней, которые с усердием вертят шомпора над огнем и пускают остроты в песнях на счет той или другой пары, которая отвечает им тем же без стеснения. Часто слышатся при этом сальности и нецензурные слова, которые во все горло произносит какой-нибудь парень, после чего краснеют девушки, хохочут женщины, и опять все идет своим порядком. Там звонкий смех сливается с остротами и веселым разговором, там раздается стук топоров рубящих мясо и звон медной посуды, там горит сало на огне от шашлыков, поднимается дым, тушится огонь, который разгорается с новой силой,— но атмосфера все-таки чище, чем в предыдущую ночь в мужской половине, потому что гораздо меньше или вовсе нет табачного дыма и винных паров. Девушки почти совсем не пьют ни водки, ни вина, и парни при них тоже воздерживаются. Парни, окончив свои шашлыки, становятся среди комнаты, произносят «э шори бирору и хахару» (за радость

братьев и сестер) и приглашают других перестать работать. Те бросают топоры и занимаются закуской, которая подается каждой паре или нескольким отдельно на доске, где рубят мясо. При этом парень или девушка становится перед всеми и начинает петь, а остальные подпевать за ним. Антракты и хоровые песни продолжаются около получаса и раза четыре в продолжении всей работы. Смотря по количеству сугума, булка продолжается иногда несколько ночей сряду. По окончании работы все садятся ужинать и к утру возвращаются домой с хоровыми песнями.

После рубки мяса хозяйка приглашает знакомых женщин, которые помогают ей в изготовлении колбас и развешивании отдельных кусков мяса для просушки на поперечных палках, находящихся в женской половине. При этой работе женщины также гуляют, болтают между собою и мало уступают мужчинам в употреблении горячих напитков.

Подобное же участие принимают женщины, девушки и парни при построении сакли каким-либо из горских евреев. Одни их них делают грязь, смешивают ее с саманом (соломой) и топчут ногами, чтобы она была липкой, другие несут ее на крышу, которую вымазывают женщины, третьи мажут стены и полы, четвертые убирают двор и прочее. Через несколько времени хозяин поселяется в новопостроенной сакле и приглашает своих односельцев на ужин. Наряду со стариками занимают почетное место участвовавшие в постройке сакли. Мужчины собираются в особой комнате, а женщины в женской половине. Иногда на такое торжество приглашают зурну и барабан и устраивают свадьбу, где женихом и невестой служат муж и жена, которые во второй раз после брака или свадьбы детей танцуют вместе при обществе. Все хлопают в ладоши, приветствуют их радостными улыбками и высказывают им пожелание быть счастливыми в новом доме и устроить также счастье детей.

Тут же расскажу я об одном обычае горцев-евреев, основанном на общинном устройстве их жизни. <...> Хозяйка, как только ее корова стала давать правильно молоко, входит с соседками в «вейре» и носит к одной из них по утрам несколько кувшинов молока. Дело в том, что каждая женщина, желая запастись на будущее время большим количеством сыра и молока, входит в компанию с другими соседками и обменивается с ними поочереди своим молоком; так что около месяца все хозяйки приносят ежедневно по кувшину молока, затем другой, третьей и т. д., пока все не будут иметь у себя «вейре». В это время эти последние, то есть, имеющие очередь, один день делают сыр, другой — сливочное масло, которое после растапливают они в желтое коровье масло.

Для того, чтобы изготовить масло, они наполняют сначала кувшины молоком и заквашивают его, налив в каждый кувшин по ложке кислого

молока. На следующий день созываются на «булка» знакомые женщины и девицы и садятся за приготовление сливочного масла. <...> До окончания очереди через день происходит то же самое, и в конце растапливается все собранное за это время масло. В этот день собираются участвующие в «вечре» соседки, пируют, гуляют вместе с хозяйкой и приводят хозяйство ее в порядок. Затем отправляется к родственникам понемногу сыра и масла и «вечре» переходит к другой хозяйке.[11]

Как функционируют и в чем проявляются традиционные институты общинной взаимопомощи в среде современных горских евреев, не ясно. По мере переселения евреев в города исчезли и стимулы и возможности для совместных «булка». Зато за последние годы во многих крупных городах Восточного Кавказа (Баку, Дербент, Нальчик), в которых проживают горские евреи, возникли современные благотворительные организации, заботящиеся о малоимущих и пожилых соплеменниках.

[11] Анисимов. 1888. С. 304.

ГЛАВА 18
Род

Наряду с общиной важнейшей структурой для горских евреев был род. В этом проявлялась их сущность как одного из кавказских народов. Такая клановая структура вообще характерна для горцев Кавказа, у которых она называется «тухум». К сожалению, о структуре рода у горских евреев известно мало, так как под влиянием многочисленных миграций и переселений в города родовые структуры уже давно распались.

Тем не менее, еще в прошлом веке каждый горский еврей знал, к какому роду он принадлежит. Скажем, известное семейство Анисимовых происходило из рода Оджохохо, что значит «Богатыри», так как согласно легенде их предок, некий Соломон, голыми руками убил волка.

Кровная месть

Важнейшей функцией рода было осуществление кровной мести или, наоборот, защита членов рода от кровников. Кровная месть как часть адата играла очень большую роль у народов Кавказа в качестве регулирующего правового механизма. Горские евреи были также включены в эти механизмы. И. Анисимов пишет:

> *Каждая капля крови, по мнению еврея горца, должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники убитого не только убийце, но и всякому, попавшему им на пути из его родственников.*[12]

На самом деле обычай кровомщения вовсе не означал необходимости кровавого исхода для враждующих сторон. Существовали механизмы, позволявшие прекратить кровную месть. По существу, принцип «кровь за кровь» действовал бескомпромиссно только три дня, затем появлялась возможность для примирения враждующих сторон. По словам Анисимова:

---

[12] Анисимов, 1888. С. 315.

После смерти кого-либо от рук горца-еврея, родные последнего рассылают тайных гонцов по всем местам, аулам и городам с печальным известием и просят всех — даже самых дальних, родственников — быть осторожными и каждому беречь свою голову. Те вооружаются, собираются в крепкой позиции и ждут нападения неприятеля три дня. Богатые нанимают еще караул, который стоит эти три дня кругом позиции и предупреждает малейшее движение врагов. Если в эти три дня родственник убийцы попадается на пути родственника убитого и лицом к лицу, то первый должен сложить свое оружие и сдаться в руки второму, или убежать. Конечно, последнего не должен сделать, по понятию горца, мужчина, носящий папаху и опоясывающийся кинжалом. В противном случае он не мужчина, а баба, и достоин носить только женский платок.

По истечении трех дней, если родные убитого не сумели отомстить за его кровь, являются старшины города или аула мирить кровных врагов. Перед миром между обеими сторонами идут переговоры об известной сумме денег, которую платит убийца семейству убитого и таким образом выкупает себя из опасности подвергнуться мщению. Сумма эта доходит до 500—600 рублей, начиная со 100.

Когда переговоры приходят к благоприятному результату, то все родственники убийцы, окруженные сельским караулом, босые и без шапок, отправляются к родителям убитого, где также собираются все родственники его, чтобы после не вышло недоразумения. Их сопровождают старшины и почетные лица в ауле. Придя в дом покойника, все бросаются на колени и просят прощения. Те прощают при свидетелях и народе и целуются. Этим устанавливается мир, который не может быть нарушен, под страхом жестокого наказания от общества, никакой стороной, и родственники убитого с родственниками убийцы становятся с этого дня кровными родными.

Между тем убийцу сажают в тюрьму и дают знать высшему Народному Суду, существующему в главном городе области, о результатах мира и выкупных денег. Тогда убийца выпускается из тюрьмы и отправляется в дальний аул на год и полтора, чтобы родственники убитого не убили его. По прошествии этого срока убийца возвращается домой, мирится со всеми родными убитого и делается их родственником (одним из ближайших). Родители же и братья убитого называют его сыном и братом, и если у покойника остались дети, то они называют его отцом. Словом, отношения между ними становятся гораздо более близкими, чем между настоящими родственниками, и они получают законное право мстить друг за друга.[13]

[13] Анисимов. 1888. С. 315—316.

Характерно, что адат кровной мести и примирения кровников действовал не только в случае конфликта между еврейскими родами, но и в случае, если кровь пролилась между евреями и мусульманами.

Побратимство и гостеприимство

На Кавказе не менее значимым, чем кровная месть, институтами, регулирующим социальные отношения, были обычаи побратимства и гостеприимства. Эти обычаи приводили к тому, что человека могли как бы принять в род, тем самым предоставив ему все преимущества и защиту, которыми пользовались члены рода. Характерно, что побратимство, выступая как бы антиподом кровной мести, было с ним сущностно связано, так как при известных условиях убийца мог быть принят в род убитого.

Взаимосвязь гостеприимства и кровной мести («нарушение законов гостеприимства приводит к возникновению кровомщения») отчетливо показывает в своей статье И. Черный:

> *Если гость заехал в дом какого-либо хозяина и квартира ему не нравится или неудобна, то он не может перейти на другую квартиру, потому что это почитается большой обидой для хозяина квартиры, а также большим стыдом для того, кто его примет в свой дом; между этими двумя хозяевами непременно произойдет ссора, и они могу сделаться навсегда между собой врагами.*[14]

Институт кунаков, или курдашей, то есть людей, связанных узами гостеприимства, был чрезвычайно важным социальным институтом, гарантировавшим пришлому человеку безопасность в чужом ауле. Горские евреи были частью кавказского мира, и куначество было среди них широко распространено. Как следует из многочисленных описаний традиционного жилища горских евреев, лучшей частью дома, его центром, была кунацкая, что связанно с общекавказским культом гостеприимства. Анисимов пишет:

> *Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его «курдашем». При этом они обмениваются оружием и дают друг другу «священный обет» не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга.*[15]

Понятно, что горские евреи, среди которых было много бродячих торговцев, были кровно заинтересованы в этом обычае и всячески его поддерживали. Именно торговыми занятиями евреев объяснял этот обычай у горских евреев Бежанов:

---

[14] Черный, 1870. С. 8.

[15] Анисимов, 1888. С. 315—316.

Так как богатые евреи ведут торговлю с татарами <азербайджанцами> *других селений, ездят к ним и часто неделями живут у них, то в случае приезда в Варташен знакомых татар, евреи охотно принимают их у себя и угощают.*[16]

Полагаю, что причины этого явления глубже, и оно имело не только практический, но и духовный смысл. И. Черный пишет:

Приезжают единоверцы из соседних деревень и городов, по делам торговли, по знакомству или для отдыха и ночлега; в таком случае каждый имеет своего кунака, т.е. доброго знакомого или приятеля. Хозяин обязан встретить гостя, взять у него из рук оружие, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъезде провести его за ворота с пожеланием ему счастливого пути. Подобное же гостеприимство хозяин надеется встретить и в свою очередь. Таким же образом принимают они и гостей из мусульман, заезжающих к ним по разным обстоятельствам или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях, и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях.[17]

При том значении, которое гостеприимство играло в жизни горских евреев, прием гостя превращался в сложный, зачастую весьма обременительный ритуал. И. Анисимов подробно описывает, как принимали гостя горские евреи:

Уважение и внимание к гостю — черта общая всем горским племенам — считается у евреев-горцев священною обязанностью. Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них, и отвечает за него собственной головой, пока он считается его гостем и находится с ним под одной кровлей.

Бедный люд имеет большею частью по две комнаты; потому удивляемся его самоотвержению, доходящему иногда до крайности: хозяин оставляет гостя в кунацкой, если тот особенно настойчиво не будет требовать остаться с ним и сам идет ночевать в грязную женскую половину. Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а как приехал гость, идет берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается целые месяцы и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется и, после отъезда гостя, чтобы поправиться, занимается усиленным трудом.

Каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; также и каждый мусульманин.

[16] Бежанов, 1894. С.113.
[17] Черный, 1870. С. 5—6.

По приезде почетного гостя он останавливает свои работы, распоряжается на счет закуски, обеда, ужина, приглашает почетных людей в аул, чтобы гостю не было скучно, а иногда певцов, молодежь, музыку, состоящую из гармонии и «теп-э» (цилиндр, обтянутый с одной стороны животной перепонкой), на которых играют известные в ауле девушки-мастерицы, или зурны и барабана.

Все приглашенные подходят к гостю и, подавая ему руку, приветствуют его словами: «хош-омори, кеп-ту-ту, хуне-жиге, оваил» («с приездом, как твое здоровье, домашних, детей»); на что тот встает с почетного места и, наклонив го́лову в знак благодарности, отвечает: «соr-боши» («будь и ты здоров, благодарю»). Девушки приветствуют гостя только поклоном, взглядом и улыбками, а родственницы подходят, подают руки и целуют его в щеку или подставляют свои щеки, смотря по близости родства и своему возрасту. Взрослые девушки и женщины целуют его, маленькие девочки подставляют ему лоб и щеки и обнимают его. Мужчины-родственники целуются с гостем в губы.

За обедом или ужином сидит гость на пуховой подушке, а за ним кругом другие односельцы по старшинству. Подаются кушанья из женской половины или самим хозяином (тогда он вовсе не садится), или одним из меньших членов семьи, или родственником. Прежде всего один прислужник со словами: «е-сер-чумӈой-иму-оморит» (рады и готовы принимать вас головой) приносит в руках холстинку или большой круглый медный поднос, с двумя или четырьмя чуреками, солью в солонке и зеленью, состоящей из лука, чеснока (зимою — луковицы), редьки и разных персидских трав, а другой прислужник — кувшины вина и графины водки. Это все принимается из рук прислужников хозяином и ставится среди круга, образуемого на полу сидящими. Потом прислуга приносит таз и кувшин с водой и подает каждому умыться. Вытерши руки чистым полотенцем, которое по очереди подается каждому гостю, хозяин берет два чурека, произносит молитву, состоящую в благодарении Бога за хлеб и соль, разламывает один из чуреков на куски, число которых больше числа присутствующих и женщин в другой половине, ибо он ждет и других, которые, если случатся в начале еды, непременно должны садиться также ужинать. Затем приносится и ужин, состоящий из множества азиатских блюд.[18]

По личному опыту могу сказать, что гостеприимство горских евреев, особенно в таких общинах, как Варташен и Дербент, до сих пор поражает воображение своим размахом и сердечностью.

[18] Анисимов. 1888. С. 249—251.

ГЛАВА 19
Семья

Создание семьи

Когда речь заходит об особенностях горско-еврейской семьи, то, так же, как и в остальных вопросах этнографии евреев Кавказа, имеет место взаимодействие собственно еврейских традиций с традициями, характерными для всех кавказских народов. Для горских евреев, как, впрочем, и для большинства других народов Кавказа, слово «семья» может означать три различных понятия: «первичная» семья, «большая» семья и «расширенная» семья.

Создать «первичную» семью в конце XIX — начале XX вв. можно было тремя способами: либо в результате похищения, либо в результате обручения, либо по сватовству. Как бы то ни было, только женатый человек воспринимался среди горских евреев как полноценный мужчина, что, вероятно, связано с традиционными еврейскими представлениями о том, что холостяк — явление нежелательное и аномальное. И. Анисимов пишет:

> *Так или иначе еврей-горец, считающийся порядочным человеком, должен жениться, <...> иначе на него смотрят всюду, как на неблагородного горца, не достойного носить папаху и кинжал.*[19]

Часто обряд «женитьбы» заключался в похищении девушки и вступлении с ней в фактический брак, обычно с ее согласия. Так поступали тогда, когда родители были не согласны с выбором девушки, или если жених был не в состоянии заплатить выкуп. Если похищенная невеста принадлежала к другой религии, она принимала религию мужа и входила в его общину. Такие случаи были достаточно обычны на Кавказе и, в частности, у горских евреев. И. Анисимов описывает один из таких случаев по личным воспоминаниям:

> *Будучи еще учеником гимназии, после каникул, ехал я с родины на лошадях и, по случаю большого разгона, мне пришлось оставаться дня два в городе Гр*<розный>*. Там жил некто Ж. из моих дальних родственников, которого, по просьбе отца, я должен был непременно проведать. Сидим мы в богато убранной по-азиатски кунацкой комнате (на коврах,*

[19] Анисимов, 1888. С. 265.

поджавши под себя ноги) и пьем вечерний чай, который принес мальчик на подносе из другой комнаты. Вдруг слышу вопли и рыдания и обращаюсь к хозяину за объяснением. Услышав мою просьбу, старик вынул из кармана платок, поднес его к глазам и тоже стал плакать. Я посмотрел на него в недоумении, пожал плечами и опустил голову, сочувствуя какому-то постигшему его горю и не желая мешать старику выплакаться. Это продолжалось около 10 минут, после чего старик спокойно рассказал мне о несчастии, посланном им Богом «за их грехи». Дело в том, что сын его и любимец (самый младший из троих), был обвенчан по желанию родителей, месяца три тому назад, с одной горской девушкой, хорошей фамилии, но, кажется, не любил ее и не хотел сказать этого родителям, не желая огорчить их. Родители же, ничего не ведая об отношениях новобрачных, были спокойны, потому что «искони ведется, чтобы молодые соединялись не по своему желанию, а по желанию родителей», но не прошло и двух месяцев после свадьбы, как молодой муж оставил свою жену и убежал в чеченский аул, где принял магометанскую веру и женился на девушке, любимой им прежде, как оказалось по собранным сведениям. Старики считали своего любимца погибшим для себя и оплакивали его. Действительно, после таких случаев между родителями и детьми прерываются всякие сношения, и они не посещают и никогда не видят друг друга.

— Как будто мне легче от этого,— начал старик, глубоко вздохнув после своего печального рассказа.— Как будто они исцелят мои раны тем, что отмстили татарам!

Опять я ничего не понял и посмотрел на него вопросительно. Старик не заставил себя долго ждать и рассказал мне следующее:

Один молодой человек из евреев-горцев полюбил чеченскую девушку-магометанку в том же ауле, где сын его принял магометанство, и украл ее оттуда, так как и она из любви к нему пожертвовала своей религией и согласилась бежать с ним. В увозе девушки ему помогала горско-еврейская молодежь, которая настаивала во чтобы-то ни стало на том, чтобы взять за своего соотечественника одну из девушек того же аула. Родители девушки и родственники пустились в погоню за ней, пытались отнять ее, но им это не удалось, и молодежь, которая охраняла ложе новобрачных, отстояла их, несмотря на то, что между защитниками было несколько тяжело раненых. Наконец между чеченцами и евреями был заключен мир, и молодой человек и девушка сохранили принятую ими религию.

Надо заметить, что обычай «воровать девушку», существующий у евреев-горцев, наравне со всеми племенами Кавказа, не всегда кончается

подобными трагическими сценами, а большею частью мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до погони родственников, или пока они не отняли ее у него, фактически стать ее мужем, то она делается его женою. А это, конечно, возможно только с согласия девушки, которая бежит с ним по желанию и вопреки воле родителей; иначе немыслимо, чтобы она сделалась его женою, так как девушка защищается геройски против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспеет к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах.

Выйдя от старика и направляясь к станции, мне пришлось пройти мимо того двора, где праздновали свадьбу влюбленной пары, которая, несмотря на громадную пропасть, созданную религией между ними, соединилась так счастливо. Свадьба была оживлена еще тем, что начальник округа также разрешил молодым вступить в брак. Невеста приняла иудейскую религию и сделалась женой горца-еврея.[20]

В случае обручения, напротив, родители не спрашивали мнения молодых, а обручали их, иногда сразу после их рождения. И. Черный пишет:

Помолвка делается у них с младенчества. Иногда два друга или родственника, когда у одного из них родился сын, а у другого дочь, заключают между собой нечто вреде брачного условия в том, что дети их уже считаются засватанными.[21]

Но большинство браков все же начиналось с обычного сватовства. Если родители хотели женить сына или парень хотел взять девушку в жены, то родители жениха или только его мать обращались к родителям или старшему брату избранницы и просили для него ее руки, причем в случае согласия родителей согласия девушки, как правило, никто не спрашивал. Иногда, как это видно из приведенного выше рассказа, такие браки заканчивались трагически.

После того, как семьи договаривались между собой и определяли размер выкупа, молодые считались женихом и невестой. Между тем, скопить деньги на выкуп и свадьбу было не так просто. И. Анисимов пишет:

Женитьба сопряжена для еврея-горца с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы для того, чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются «калын». Калын редко доходит до суммы менее 150 рублей серебром, а если

[20] Анисимов, 1888. С. 188—190.
[21] Черный, 1870. С. 26.

к этому прибавить, что свадьба, продолжающаяся обыкновенно около четырех суток, справляется также на счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должны быть сделаны им же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен иметь minimum 300—400 рублей серебром — сумму, по их средствам, совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко не редкое явление.[22]

Собственно говоря, обычай выкупа за невесту не исчез до сих пор в наиболее консервативных общинах. Так, например, в Красной Слободе, по словам информантов, средний выкуп за невесту составляет сумму около 10 тыс. долларов США.

Существенно, что помолвка или сватовство, как правило, имела место внутри своего рода. Так, например, в Красной слободе нам говорили о том, что кварталы Слободы практически эндогамны. И. Черный подтверждает, что:

Горские евреи совершают брачные союзы большей частью между своими родственниками, реже со своими единоверцами из других аулов.[23]

Обычно разница в возрасте жениха и невесты составляла 10—15 лет, причем девушки выходили замуж очень рано. Случалось, что 30—35-летние мужчины сватали 13—14-летних девочек. Обычный возраст невесты как раз и равнялся 13—14 годам, но иногда сватали и 4—5-летних. Нередко в 14—15 лет женщины уже становились матерями.

В конце XIX в. российские власти выразили недовольство тем, что на Кавказе существует обычай очень раннего вступления в брак. Раввин Варташена был предупрежден местным приставом о том, что если он продолжит освящать браки малолетних девочек, то будет отвечать перед законом. Но традиция была сильнее страха перед властями. Часто приходилось идти на обман. В случае очень ранних браков российским властям сообщалось об их заключении только по истечении нескольких лет со дня свадьбы.

С распространением в начале XX в. просветительских настроений внутри самой общины стал нарастать протест против ранних браков. Но фактически обычай ранних браков существовал вплоть до 1920-х гг. Только с приходом советской власти был наложен строгий запрет на очень ранние браки, что, впрочем, соответствовало настроениям в самой общине. Тогда же вступление в брак и даже обручение девушек в возрасте до 17—18 лет стало сравнительно редким явлением.

Обычно свадьбы справлялись в течение зимнего периода. Хупу ставили в синагоге или во дворе одного из домов. Празднование проводилось,

---

[22] Анисимов, 1888. С. 264—265.

[23] Черный, 1870. С. 26.

как правило, очень пышно. В гости приглашалась практически вся община. Размеры выкупа, полученного от жениха отцом невесты, записывались в брачный контракт, ктубу. В случае развода, произошедшего не по вине женщины, она имела право получить назад все имущество, которое принесла в дом мужа.

Положение женщины

Горская еврейка и до и после замужества вела весьма замкнутый образ жизни. Девочкам после 12 лет по существу нельзя было свободно появиться на улице, общаться с мальчиками-сверстниками. По словам И. Анисимова:

> *Обычай всех горцев требует, чтобы молодые люди — парни и девушки — не видали друг друга, и девушке показываться мужчинам или назначать им свидания воспрещается безусловно и строжайше. Поэтому девушки до замужества ведут почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутствуют на свадьбах и бывают на «булка»* <коллективные работы>. *Вследствие этого девушки горских евреев отличаются теми же свойствами, как и все женщины востока: они стыдливы, робки и крайне невежественны, но вместе с тем строго целомудренны и трудолюбивы.*[24]

Следует заметить, что в наиболее традиционных общинах эти правила действуют до сих пор. Так, например, в Красной Слободе девочек часто в 14 лет забирают из школы, оберегая репутацию будущей невесты. Необходимо, чтобы девочки перед скорой свадьбой не общались со сверстниками и не бегали по улицам.

После свадьбы жена переходила в свой новый дом и начинала выполнять домашнюю работу под надзором свекрови. С этого времени вся работа по дому ложилась на плечи женщины, и у нее не было ни единой минуты отдыха в течение дня. И. Черный так описывает повседневные заботы горской еврейки:

> *Они* <горские еврейки> *вообще весьма трудолюбивы — занимаются хозяйством, приготовлением пищи, присмотром за домашним скотом, рубкой дров, носят на себе в кувшинах воду,— богатые и бедные без различия; они также занимаются шитьем одежды для всех членов семейства, как для женщин, так и для мужчин. В свободное от домашнего хозяйства время они ткут разноцветные шнурки для продажи, занимаются сушением табака и другими разными работами. Между ними попадаются искусные рукодельницы, которые вышивают кисеты для табака и денег бисером, с разными украшениями, а также изготовляют различные*

[24] Анисимов, 1888. С. 266.

принадлежности женских уборов. Кроме всего этого, женщины занимаются печением хлеба.[25]

Кроме всего перечисленного, женщина часто выполняла еще и очень нелегкие полевые работы наравне с мужчинами. Если ее муж зарабатывал на жизнь каким-либо ремеслом, она была его незаменимой помощницей в мастерской. В те времена, когда экономическое положение семьи резко ухудшалось, женщина шла зарабатывать деньги вне своего дома, в чужом хозяйстве.

Бежанов пишет о варташенских еврейках:

Бедные много работают: занимаются табаководством и работой в домах христиан.[26]

Как правило, женщина с детьми жила в отдельной комнате, и в этом же помещении располагалось все, что касалось домашнего хозяйства. Мужчины: ее отец, старший брат, а затем муж имели в семье беспрекословную власть. Женщины в семьях горских евреев, так же как и в среде окружающих народов, как правило, не участвовали в семейных трапезах, на которые были приглашены гости, и не имели права вступать в мужские беседы. По обычаю, они должны были закрывать лица от чужих мужчин, особенно в течение первого года после вступления в брак. Жизнь еврейки была замкнута в доме. И. Анисимов пишет:

Жизнь замужних женщин не на много лучше жизни девушек. Выходя из дому на работу, она должна наклонить голову, окутаться кругом шалью или белым платком, чтобы видны были одни глаза, не должна оглядываться по сторонам и говорить с чужим мужчиной, даже и с родственником, ни слова, иначе быть беде: или муж заметит это и исколотит ее, или же другие распустят о ней по аулу Бог ведает какие слухи. Точно также и дома женщина должна скрывать себя от взоров посетителей или гостей и жить вместе с детьми в особой комнате или кухне.[27]

Кроме того, у горских евреев женщина была практически полностью отлучена от религиозной жизни. В горско-еврейской синагоге отсутствует женская галерея, так как женщина никогда не ходила в синагогу. Единственным исключением являлся Йом-Кипур, когда женщины смотрели на богослужение в окна синагоги. В среде горских евреев, в отличие от ашкеназов, не существовало религиозной литературы на народном языке для женского чтения. Праздники были лишены для женщин религиозного содержания,

---

[25] Черный, 1870. С. 25.
[26] Бежанов, 1894. С.112.
[27] Анисимов, 1888. С. 266.

превращаясь просто в дни отдыха и веселья. Бежанов сообщает о еврейках Варташена:

Во все праздники девушки одеваются в лучшее платье, собираются вместе, ходят по улицам, поют, играют в бубны, ездят и веселятся. Женщины мало заботятся о богослужении, ибо их не пускают в синагогу.[28]

По существу религиозные обязанности горских евреек сводились к тому минимуму, который является обязательным для любой соблюдающей еврейки. Обратимся снова к информации Бежанова:

Религия возложила на них три обязанности: 1) Они должны при печении хлеба отрезать кусок теста, произнося установленную молитву. Кусок этот называется хала. 2) Под субботу и под праздник они должны, произнося молитву, зажечь две свечи. 3) Соблюдать телесную чистоту после менструаций: в эти дни женщина ни к чему не должна прикасаться; на пятнадцатый день она должна выкупаться в бассейне, где есть 40 батманов воды; после купания, возвращаясь домой, женщины глубоко закрывают лицо и открывают его только при встрече с раввинами и с хорошими людьми.[29]

По информации, полученной нами в Красной Слободе, после посещения миквы женщина до встречи с мужем вообще не должна была видеть ни одного мужчины. Она закутывала лицо, и соседки под руки отводили ее домой.

Несмотря на то, что положение евреек было достаточно тяжелым, все авторы отмечают, что они все же пользовались большими правами и большей свободой, чем женщины у окрестных мусульманских народов. И. Черный пишет:

В домашнем быту женщины едят вместе с мужчинами, чего у мусульман не бывает, а когда заходит посторонний человек, то они удаляются и едят отдельно, в своей комнате.[30]

В то же время Бежанов утверждает:

Женщины едят отдельно (и в обычное время даже муж с женой вместе не едят).[31]

Возможно, в разных общинах на этот счет были разные обычаи.

[28] Бежанов, 1894. С.120—121.
[29] Бежанов, 1894. С.121.
[30] Черный, 1870. С. 6.
[31] Бежанов, 1894. С.112.

Многоженство у горских евреев

В общине горских евреев, так же как в других восточных еврейских общинах и в отличие от ашкеназов, не существовало запрета на многоженство. Наличие двух жен было распространенным явлением, но изредка бывало и три. Например, в Варташене, по сообщению Бежанова, в конце XIX в. положение было таково:

Иметь больше одной жены не запрещается законом, и почти в 30 домах есть по две жены, но большего числа жен нет ни у кого.[32]

Обе жены проживали в одном доме, иногда для каждой из них все же строилась отдельная комната. В то время, когда мужчина находился в доме, между женами, как правило, царил мир, но в его отсутствии они нередко ссорились. Случалось, что одна из жен жаловалась на то, что муж все время отдает предпочтение другой, и тогда необходимо было вмешательство раввина, чтобы установить мир в семье. Вообще все авторы прошлого века в один голос отмечают повышенную склонность евреек к ссорам, объясняя это не только многоженством, но и тесными (в прямом и переносном смысле этого слова) контактами множества женщин в рамках «большой» семьи. Так, Бежанов, например, пишет:

Летом все мужчины идут кто по торговым делам, кто на обработку табака,— остаются женщины. При скученности населения (иногда в одном дворе живет по несколько семейств <все эти семейства находятся друг с другом в родственной связи>*) поводов к столкновениям между женщинами много. Ссоры, брань и драки начинаются из-за пустяков: сначала кричат друг на друга, потом бранятся, постепенно подходят одна к другой; к спорящим присоединяются другие, составляются целые партии; кричат, ударяют в ладоши, по бедрам, а потом схватываются за косы, царапают лицо, руки... Много народу собирается смотреть на эти драки, как на зрелище.*[33]

Бежанову вторит Черный:

Я заметил еще, что горские еврейки любят заводить между собой перебранки, доходящие до схваток. Во всех почти еврейских деревнях в горах пришлось мне видеть ссоры и драки между прекрасным полом. Мужчины в этом отношении гораздо скромнее. За какую-нибудь мелочь

[32] Бежанов, 1894. С.112-113.
[33] Бежанов, 1894. С.112.

еврейки могут поссориться между собой, причем поднимают крик и шум. Смешно смотреть, как они бранятся,— одна против другой кивают телами, махают руками во все стороны и кричат изо всех сил, проклиная одна другую. Подобные ссоры происходят и среди улиц, и на крышах саклей; с большим трудом мужчины разгоняют ссорящихся по домам.[34]

Несмотря на то, что обычай многоженства был распространен, далеко не у каждого мужчины было более одной жены. Основной причиной, по которой горские евреи гораздо чаще, чем окружающие народы, предпочитали иметь лишь одну жену, было то, что они больше, чем мусульмане, считались с мнением женщины. Существенными могли быть и экономические причины: за каждую жену надо было платить выкуп. Играло роль и растущее сопротивление многоженству в самой еврейской среде.

В конце XIX — начале XX вв. важнейшим фактором, повлиявшим на сокращение числа многоженцев, была решительная оппозиция ряда наиболее известных раввинов, пытавшихся привести обычаи горских евреев в этой области в соответствие с обычаями русских евреев. В этот период духовные лидеры горских евреев начали получать образование в ашкеназских иешивах, и обычаи ашкеназов не могли не повлиять на них.

Так, раввин р. Элиягу Мизрахи еще в 1840-х гг. сделал попытку ввести запрет на многоженство, но она оказалась неудачной. Авраам Фиркович описывает случай, которому он был свидетелем во время своего пребывания в доме раввина р. Элиягу.

Пришел один еврей, каменотес по имени Бакши, и попросил согласия раввина на брак со второй женой. Раввин не согласился. Бакши пошел, собрал миньян и в тот же вечер совершил обряд бракосочетания, совершенно не опасаясь последствий нарушения раввинского запрета.[35]

Раввин р. Ицхак б. Яков, главный раввин Дербента, которого русские власти назначили главным раввином горских евреев, поначалу был против решительного запрета на многоженство. Зато он попытался ввести правила, определяющие, в каких случаях могло быть получено разрешение на второй брак без развода с первой женой: 1) если первая жена не смогла родить в течение десяти лет брака; 2) если болезнь первой жены не дает ей возможности выполнять свои обязанности; 3) если первая жена дает в присутствии раввина свое согласие на появление в доме второй жены; 4) если первая жена покинула мужа и не желает к нему возвращаться.

Однако вскоре сын р. Ицхака р. Яков Ицхаки убедился, что половинчатые предложения не встречают поддержки ни у членов общины, ни у властей,

[34] Черный, 1870. С. 24-25.
[35] Альтшулер, 1990. С. 307.

и в конце 1860-х гг. выступил с решительным запрещением многоженства. Он писал:

Я, нижеподписавшийся, сообщаю всем евреям... Если один из нас хочет взять другую жену, он обязан развестись с первой женой по закону Моисея и Израиля, и после этого брать другую... Мы, евреи, проживающие в этой стране, обязаны поддерживать традицию, которой придерживаются наши братья евреи, а также все народы Европы. И поэтому нам запрещено брать двух жен. И если отныне среди нас найдутся те, кто женат на двух женщинах, то это будет означать, что они нарушают закон святой Торы и противятся мнению наших раввинов-законодателей. И если отныне один из наших братьев-евреев возьмет вторую жену, не разведясь прежде с первой, то он нарушит этим как закон Торы, так и закон государства, в котором мы живем.[36]

Активная пропаганда моногамии принесла плоды в нескольких общинах, которые приняли на себя запрет на многоженство.

Так, члены еврейской общины аула Мамрач взяли на себя обязательство исполнять постановление дербентског раввина, однако с определенными оговорками, как можно понять из следующего свидетельства: «Мы приняли обычай брать только одну жену, но тот, кто не имеет сыновей от своей жены, берет дополнительную жену без разрешения раввина».

Евреи Маджалиса сообщали: «Мы берем только одну жену», а представители общины Хушманзиля рассказывали: «Мы не женимся на девушках моложе тринадцати лет, и теперь не берем более одной жены.» Однако даже и в таких общинах обычай многоженства в той или иной форме существовал еще долго.

Но все же идея моногамии завоевывала, хотя и медленно, общественное мнение горских евреев. Таким образом, можно предположить, что, начиная с 1860-х гг., в еврейских общинах, находящихся в Дербенте и его окрестностях, многоженство считалось нежелательным.

В других общинах все обстояло иначе. Их раввины полностью отвергали запрет и продолжали следовать обычаям, унаследованным от своих предков. Жители Варташена заявляли: «Мы, как и наши отцы, берем более одной жены и берем малолетних жен.»

Введение запрета на многоженство имело отчасти нежелательный эффект — увеличилось количество разводов в некоторых местах проживания горских евреев, там, где раньше разводы были крайне редким явлением.

Некоторые представители власти не знали, как решать судебные дела, касающиеся разводов и семейных споров, и обращались за консультациями к раввинам. Последние, однако, давали обычно неясные и неоднозначные ответы. Даже те раввины, которые считали правильным запрет на многоженство,

[36] Альтшулер, 1990. С. 307.

высказывали другое мнение, когда дело доходило до вмешательства представителей государственной власти.

До самого начала первой мировой войны у горских евреев не существовало никаких однозначных правил по поводу запрета или разрешения многоженства. Например, раввин Дербента однажды в подобном случае ответил, что еврейский закон разрешает брать до четырех жен, в том случае, если муж способен их прокормить, а введенный запрет на многоженство не касается восточных евреев, к которым относятся также и горские.

Противодействие старым обычаям росло в основном в кругах, которые тяготели к модернизации. Например, на первой конференции горских евреев было принято однозначное решение о запрете многоженства и вступления в брак девочек младше 12—13 лет. Но в условиях гражданской войны это решение имело чисто декларативный характер. С установлением советской власти борьба против многоженства усилилась. Были установлены жесткие законы в этой области, и приняты меры к изменению статуса женщины. В результате многоженство было практически искоренено.

Что касается традиции ранних браков и выкупа за невесту, то она в некоторой степени сохраняется. В Красной Слободе нам говорили, что в 13—14 лет всякая девочка уже просватана, и поэтому перестает учиться в школе, а в 16—17 она уже выходит замуж. Практикуется и выкуп: в настоящее время он измеряется тысячами долларов. Естественно, что в общинах больших городов такие архаические явления имеют место в гораздо меньшей степени.

Большая семья и патрономия

Как было сказано выше, после свадьбы жена переходила жить в дом мужа. К дому пристраивались комнаты, предназначенные для молодой семьи, и обычно с течением времени для нее строился рядом собственный дом. Поскольку сын продолжал жить в одном дворе с родителями, постепенно образовывалась так называемая «большая семья», включавшая родителей и семьи сыновей с детьми. В такой семье, состоящей из представителей нескольких поколений, существовало определенное сотрудничество и разделение труда, а также совместное имущество. Главой «большой» семьи был отец, а после его смерти — старший брат. Бежанов отмечает безраздельную власть главы «большой» семьи над чадами и домочадцами.

> *Отец семейства — полный владыка; даже женатые сыновья без его разрешения ничего не могут предпринять или чем-то распорядиться.*[37]

Когда горские евреи начали переселяться в большие города, возможности для совместного проживания сократились, но тяга к тому, чтобы

[37] Бежанов, 1894. С.112.

родственники были рядом, оставалась. До сегодняшнего дня существуют большие семьи горских евреев, проживающие в одном доме.

Экономическая зависимость членов семьи друг от друга ослабла, но остались достаточно прочные связи и уважение к главе семейства, хотя сегодня он уже не является единоличным повелителем. К нему обращаются за советами, поскольку он обладает большим жизненным опытом.

Кроме «большой» семьи у евреев Кавказа можно говорить также о «расширенной» семье или «патрономии», то есть такой семейной организации, которая представляет собой группу, состоящую из нескольких больших и малых семей и возникшую на основе одной разделившейся большой семьи. Каждая из этих семей представляет собой отдельную ячейку, однако они твердо хранят единство в экономической, общественной и идеологической областях.

В патрономию входят братья, дядья, двоюродные братья и сестры, потомство дядей и теть. Экономические связи в рамках патрономиии находят свое выражение во взаимопомощи при строительстве дома для одного из ее членов и при организации свадеб.

У каждой патрономии существовало определенное место сбора, причем в XIX в., в отличие от ашкеназов, таким местом сбора никогда не была аульная или квартальная синагога, то есть жизнь рода была отделена от жизни религиозной общины. Однако с течением времени и у горских евреев синагога стала тоже местом общих собраний.

У патрономии был старец-руководитель, и при нем, в качестве «совета», состояли главы семей. Вообще, для горских евреев, так же как и для других народов Кавказа, характерно почтение к старшим, признание их авторитета. Бежанов отмечает в своей статье:

> *Евреи уважают своих стариков и раввинов: при них молодые не смеют сидеть и ведут себя очень скромно.*[38]

Члены патрономии считали себя обязанными охранять каждого, кто в ней состоял, от любой опасности и нападок извне. Численность патрономии могла составлять от тридцати до семидесяти человек. В XIX в. некоторые аульные еврейские общины представляли собой одну большую патрономию.

Семейные связи подобного рода сохранялись также в течение советского периода, хотя и в менее выраженной форме. Теперь они выражались во взаимовыручке в тяжелых ситуациях, в совместном праздновании семейных торжеств, а также в обращении за советом к главе патрономии в тех случаях, когда один из ее членов должен был принять жизненно важное решение.

Таким образом, прежде патрономия, особенно в маленьких деревнях, играла очень важную роль в жизни общины, и иногда даже трудно было различить, где проходит граница между деятельностью патрономии и деятельностью

[38] Бежанов, 1894. С.112.

общины. Однако, по мере переселения в города и увеличения размеров общин, связи внутри расширенной семьи ослаблялись, и определенная часть ее обычной деятельности переходила к общине.

В настоящее время состояние семейных и родовых традиций сильно зависит от того, в какой общине проживают горские евреи.

Например, в патриархальном Варташене мы видели, какой безраздельной властью над своими домочадцами, включая женатых сыновей, обладает глава семьи. Скажем, старший сын «патриарха» одной из «больших» семей, уважаемый в Варташене человек, главный архитектор города, давно живущий отдельно (хотя и неподалеку) от отца, садился за стол только получив от отца разрешение.

С другой стороны, как кажется, в торговой Красной Слободе нормы традиционного почтения к старшим в значительной степени разрушены.

ГЛАВА 20

Быт

Этнографический комплекс горских евреев лишен особого своеобразия и мало отличается от такового у мусульманских народов Восточного Кавказа, в силу глубокой и давней включенности горских евреев в жизнь края.

Поселение и жилище

Отличительной особенностью горско-еврейского поселения или квартала является очень тесная застройка и почти полное отсутствие садов. И то и другое объясняется безземелием горско-еврейских общин. Вот, например, как описывает Бежанов еврейский квартал Варташена:

> *При скученности населения, нечистота, грязь порождают разные болезни. Ни ретирадных мест, ни помойных ям, ни садов нет. Сор, трупы животных, экскременты и пр. выбрасываются на улицу и в крошечный дворик при доме,— от этого воздух улиц еврейской части селения крайне неприятен, здесь являются разные болезни и отсюда переходят в селение и уносят немало жертв. Болезни не прекращаются в Варташене, хотя селение обладает прекрасной водой, мягким климатом и богатой растительностью.*[39]

В настоящее время еврейская часть Варташена выглядит очень чистой и аккуратной, но все равно заметна более тесная, чем в других кварталах, застройка. Как правило, в одном дворе стоят дома, принадлежащие членам одной «большой» семьи.

До конца XIX в. горские евреи строили глинобитные сакли с плоскими, покрытыми асфальтом крышами, мало чем отличающиеся от мусульманских жилищ. Как ни странно, но несколько таких весьма архаичных жилищ мне довелось видеть в центре еврейского квартала в Баку, однако в большинстве случаев такие сакли почти не сохранились. Вот описание традиционной сакли, выполненное И. Черным:

---

[39] Бежанов, 1894. С.113.

Все сакли в Южном Дагестане и в Терской области, также в Нухинском и Шемахинском уездах, выстраиваются из камня, на грязи или глине. Крыши делаются плоские; они смазываются глиной с примесью самана (мешанной соломы), убиваются и укатываются так твердо, что составляют сплошные твердые массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяжении балки от балки, или камышом. В каждой сакле делают одно или два маленьких окна и одну или две двери; окна без рам и стекол, со ставнями простой, топорной, но прочной работы, без всякой оковки, запирающиеся изнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнат, между окнами и дверью, устраивают камин, без дверец и заслонок, с плотной трубой из глины; на верху крыши труба закрывается доской, и на доску кладут тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильного ветра. Зимой камин постоянно топится, и тлеющие угли поддерживаются в нем по целым суткам. Возле дверей дома устраивают нечто вроде коридора или галереи, также с каминами на обоих концах, с полами, хорошо вымазанными глиной и покрытыми коврами. Здесь летом женщины работают, приготовляют кушанья или проводят время со своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двух или трех комнатах; в каждой комнате сделана в стене маленькая дверца или лазейка, наравне с полом; через нее они пролазят в другие комнаты, и ее не видно, так как она постоянно закрыта стенным покрыеалом. Стены и полы комнат смазываются еженедельно, перед субботой, весьма чисто выбеливаются известкой, а нижний карниз вымазывается по большей части красной или серой глиной, добываемой ими на месте в изобилии.[40]

Свет входит в комнату через маленькие окошки и через отворенные постоянно двери, а также проникает сверху, через прямую трубу камина. Зимой окна и двери также отворены, и теплота вместе с дымом выходят из комнаты на двор, а жильцы сидят и греются возле камина.

Иногда хозяин устраивает у себя на дворе огороженное плетнем помещение для скота и лошадей; но по большей части я встречал в деревнях такие помещения, вроде сарайчиков, выстроенными под полом сакли. У некоторых богатых бывают двухэтажные сакли; в таких саклях принимают они своих гостей во втором этаже, а нижний этаж служит для семейства. Двери они делают вообще и везде весьма низкие и узкие, так что нужно сгибаться при входе и выходе через них; нужно также быть осторожным при ходьбе по лестницам и через пороги, иначе легко себе сломать с непривычки руки и ноги.[41]

---

[40] Черный, 1870. С. 2.
[41] Черный, 1870. С. 4.

В Варташене, где на евреев влияла армянская строительная традиция, жилища также были глинобитными, но выглядели несколько иначе. Бежанов пишет:

Дома строятся из сырого кирпича (в последнее время — из камня). Стены не штукатурятся, кроме передней, которая обмазывается глиной и белится (белой глиной); новые постройки из камня белятся известью, а деревянные — красятся масляной краской. Прежде, до пожара, истребившего все дома, крыши делались из соломы, теперь из черепицы. Пол земляной; покрывается коврами. С фасада имеются балконы. Комнаты и балконы раз в неделю, в четверг, белятся. <...> Под домом помещение для лошади и коров.[42]

Самое подробное описание традиционного жилища горских евреев дает, как всегда, когда речь заходит о быте, И. Анисимов (он знает его устройство досконально, ведь его детство прошло в таком доме):

Жилища евреев-горцев, живущих в аулах, представляют каменные постройки, сакли, а в городах — дома в европейском вкусе и с азиатским убранством. Некоторые же богатые горцы имеют и европейские комнаты с порядочной мягкой мебелью, которые служат приемными для гостей русских, и в другое время не бывают почти обитаемы.

Сакли выстраиваются или самими хозяевами, или каменщиками. Наружные стены их большею частью голые, за исключением передней стороны, которая, как и внутренние стены, смазываются глиной, смешанной с саманом (соломой). Они белятся известью, добываемой горцами-евреями из местного камня в доменных печах, или мелом, смешанным с глиной (белая глина), встречающимся в горах повсеместно. Нижняя часть выбеленных стен выкрашивается красной или серой глиной, также местной.

Потолок состоит из балок, расположенных параллельно по ширине комнаты и лежащих одними концами на передней и задней стенах, другими на широкой средней балке, идущей в длину сакли и подпертой посредине сакли толстой дубовой подставкой, украшенной вырезанными фигурами и цветами. Редко в какой сакле отсутствует эта подставка. Сверху балок кладется камыш, потом солома, которая смазывается глиной. Таким образом, составляется плотная крыша. Концы передних балок выходят наружу аршина на два и, будучи смазаны вместе с крышей, образуют навес, служащий для прикрытия от дождя или жары в летнее время и называемый балконом.[43]

[42] Бежанов, 1894. С.114—115.
[43] Анисимов, 1888. С. 245—246.

В конце прошлого века выросшее благосостояние позволило горским евреям почти повсеместно заменить глинобитные дома кирпичными и каменными домами, построенными под влиянием строительных традиций соседей: в Кубе и Дербенте — европейской, а в Варташене — армянской. И. Черный сообщает:

В некоторых местах, как, например, в Дербенте, Кубе, Темир-Хан-Шуре, Хасав-Юрте и Грозном, я видел у горских евреев порядочные европейские дома, но они принадлежат, разумеется, богатым, которые ездят ежегодно на нижегородскую ярмарку.[44]

Вместе с жилищем менялся и интерьер. В прошлом веке он был «азиатским», то есть вся жизнь (трапезы, сон) происходила на полу, на коврах, а основной мебелью являлись встроенные шкафы-ниши. Но постепенно, с течением, времени интерьер приобрел «европейские» черты: появились столы, стулья, кровати. В настоящее время традиционный интерьер встретить практически невозможно.

Дом делился на три части, то есть в нем было три или, минимум, две комнаты: мужскую, женскую и кунацкую. Последняя представляла собой парадную часть жилища: в ней принимали гостей, в ней могла стоять полка с «Тюро» (религиозными книгами), в ней устраивали пасхальный седер. Такое деление жилища до сих пор встречается в Варташене, где сохранилось много старых домов.

Вот как выглядела кунацкая в сакле богатого горского еврея в Дербенте (описание И. Черного):

По приезде моем в первый раз в г. Дербент, тамошний главный раввин указал мне квартиру в доме одного богатого еврея, в еврейском магале <квартале>. *Квартира эта была довольно порядочная, во втором этаже, с азиатским убранством, то есть стены ее были покрыты шелковыми одеялами и коврами, на них висело много зеркал самой простой персидской работы и между зеркалами висели шелковые шали. Под верхним карнизом сделаны были длинные полки, на которых расставлена была разная посуда — фаянсовая, медная и стеклянная; под полками висели тарелки и медные подносы, круглые, больших размеров; тарелки и подносы навешены были на тоненьких нитках для того, чтобы казалось издали, что они висят на воздухе. Пол был устлан персидскими хорошими коврами. Собственно для меня, хозяин достал где-то стол и стульев; но спать все-таки пришлось мне по-азиатски — на хорошей постели на коврах. Такую роскошную квартиру я имел в Дербенте.*[45]

---

[44] Черный, 1870. С. 4.
[45] Черный, 1870. С. 1—2.

А вот как по описанию И. Черного выглядит обычная сакля горского еврея в горном ауле:

Комнаты убираются так: на верхних полках расставлена, как я уже выше сказал, разная посуда, как-то: чайники, полоскательные чашки, бутылки, глиняные кувшины для вина и медные кувшины для воды, старой азиатской формы, и разная мелочь. Одна стена украшается зеркалами, и между ними висят шали, шелковые или шерстяные, а также группируется разными фигурами оружие — шашки, кинжалы, пистолеты и ружья. Вторая стена украшается большими, висящими на ней, круглыми подносами из красной меди и тарелками, раскрашенными цветами и фигурами; внизу, под этими украшениями, поставлены сундуки, один на другом,— внизу самый большой, а наверху самый маленький, в виде пирамиды; в них помещается одежда и другое имущество хозяев. Третья стена украшается постелями: верхняя половина стены уложена подушками и одеялами, сложенными в порядке до самого потолка, а у нижней части стены сделаны квадратные отверстия, заменяющие наши шкапы; в них держат разные хозяйственные вещи, а у раввинов помещаются там книги. Эти отверстия или шкапы закрываются занавесами. В саклях бедных, у которых немного постельных принадлежностей, целая стена завешивается, с потолка до самого низу, занавесами. Четвертая стена образует камин, окна и двери. Около дверей и в углах комнаты я замечал большие, в полтора аршина вышины, глиняные сосуды, в которых держат муку и крупу; они служат вместо амбаров. Посредине комнаты стоит столб, а в больших саклях и два столба, которые подпирают потолок; на этих столбах висят со всех сторон одежды и оружие. В некоторых саклях я видел длинную палку, которая висит на двух веревках, привязанных к потолку; на палке этой вешают иногда одежду, а иногда копченую говядину, баранину или сало. Пол застилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными из камыша рогожами; но из них нужно часто выбивать пыль и сбрызгивать их водой. Так украшенная комната служит вообще приемной для гостей и приезжающих и называется кунацкой. Вторая же половина сакли определена для кухни и помещения семейства. Летом, когда женщины приготовляют свои кушанья на дворе и работают или беседуют на галереях своих домов, тогда в их комнате очень чисто и опрятно; но зимой там большая нечистота и грязь. Посуда с водой, бурдюки с вином, корзины с мукой и крупой — все это помещается на женской половине сакли; тут же говядина, баранина и сало висят на крючьях и коптятся; медные и глиняные сосуды, старые тряпки и тому подобный хлам разбросаны всюду: в таком хаосе живет семейство зимой.[46]

Сведения, приведенные Черным, подтверждает Бежанов:

[46] Черный, 1870. С. 2—3.

Дом состоит из одной, иногда двух, но большей частью из трех комнат. Балкон служит кухней. Посуда ставится на стенах под потолком, как и у татар. Постель хранится в большой нише одной стены. Продукты хранятся в одной из жилых комнат. Мука хранится в глиняных ящиках. Другая стена комнаты имеет 4 ниши: в них держат кувшины с молоком, с кислым молоком, сундук с приданым невесты. В нишах третьей стены — в комнате купцов хранится ситцевый товар, а у табаководов — махорка. Все ниши имеют занавесы. У четвертой стены находится камин. Зимой евреи греются под курсы — на средине комнаты табуретка, под которой в вырытую яму кладут горящие угли; покрывают ковром; семья садится вокруг: ноги кладут под табурет, переднюю часть тела накрывают ковром и греются. На ночь постели располагают тоже возле табуретки, под которую протягивают ноги. Камин собственно для гостей. Окна без стекол, состоят из решетки со ставнями.[47]

Наконец, приведем описание интерьера старинной горско-еврейской сакли, которое дает в своей монографии Анисимов:

Сакли состоят обыкновенно из двух или трех комнат, имеющих каждое особое назначение. Одна из них отводится для женщин, другая для мужчин, третья для гостей. Самую грязную часть сакли составляет женская половина, самую опрятную и прибранную — кунацкая комната.

В женской комнате помещается кухня, детская, кладовая, место для белья, для сушки мяса,— и все это в одной комнате. Около стен с одной стороны находятся «хумы» (глиняные сосуды громадной величины, часто до 2 аршин вышины, служащие для вина, муки, моченых и соленых плодов, отрубей), ковровые мешки, набитые пшеницей, и дрова, сложенные аккуратно хозяйкой; с другой стороны находятся три каменные столба, на которые кладется доска и навешивается коврик. Это составляет полку для детской и лишней постели и тряпок. За ковром под полкой находится лавка, на которой ставятся в ряд горшки и сосуды, содержащие молоко, сыр, масло, крупу и пр. На третьей стене, справа налево, навешивается занавес, составленная из пестрых треугольных кусочков разных ситцевых материй. Над занавеской, под потолком в стене сделаны две полки, на которых красуются различная стеклянная посуда, бутылки и чашечки, подальше от рук детей. Под полками на колышках, вбитых в эту стену во всю ее длину немного выше занавески, висят по бокам два зеркальца, бутылки и графинчики, привязанные веревочками за горлышки, большие и маленькие тарелки, служащие для горячей пищи и вместо подносов. В четвертой стене находится: дверь, окна, камин и две ниши. Камин устраивается обыкновенно из глины,

[47] Бежанов. 1894. С.114—115.

в стене, и имеет открытое отверстие параболической формы. Помещается он как раз посередине стены и имеет прямую трубу. По бокам камина, около почетного места, сделаны в стене две квадратные ниши, в которых стоят кувшины с водой, подсвечники, солонки и пр. мелкие вещи первой надобности. Эти ниши помещаются от пола на вышине полуаршина. По бокам ниш, немного выше их или на одной высоте с нижним их основанием, находятся, смотря по размеру комнаты, по одному или по два окна, которые у богатых — со стеклами в рамах и толстыми дубовыми ставнями топорной работы, а у бедных — без рам и стекол. На этой стене сверху, на одной высоте с прежними вещами, висит на колышках или гвоздях различная медная посуда, употребляемая в кухне, как-то: различные ложки, цедилки, чашки, тарелки, подносы и пр. Почти в углу, в месте соединения первой стены со второй, вделывается дверь. Ставни и двери вращаются на круглых наконечниках, помещенных в отверстиях вверху и внизу, и не имеет петель. Они запираются изнутри посредством деревянных засовов. Сверху двери на длинных, вбитых в стену, колках помещается корыто с мукой и куском кислого теста, служащего вместо дрожжей. Каждая хорошая и аккуратная хозяйка должна иметь постоянно у себя дома кусок кислого теста и тлеющие угли в камине, а не ходить просить к соседкам. Поэтому летом, после приготовления пищи, зимою в отсутствии всех домашних — хозяйка зарывает головни в золу и тем приобретает возможность иметь постоянно огонь, тоже делает она и каждую ночь. В этой комнате, как сказал я, сушатся мясо и колбасы на зиму. Они вешаются на двух длинных палках, поддерживаемых веревками, прикрепленными к потолку, и оставляются нетронутыми до тех пор, пока не почернеют. Тогда, значит, мясо и колбасы готовы и могут быть употреблены в пищу. Часто, тут же висит громадный копченый курдюк, который служит запасом для целого семейства. Когда хозяин остается без работы, и не предвидятся скоро деньги на покупку мяса, заботливая и расчетливая хозяйка отрезывает от этого курдюка каждый раз миниатюрные кусочки, растапливает их и разливает сало по поверхности хинкала или мучной кашицы. Глиняные полы комнаты еженедельно смазываются, чтобы не водились в них под коврами и рогожками насекомые. Зимою трудно войти непривычному человеку в женскую половину — такая там вонь, грязь и нечистота.

Остальные две комнаты сакли — мужская и кунацкая — отличаются большею опрятностью и лучшим убранством. Кунацкая комната, даже у самых бедных горцев, бывает наполнена всевозможными хозяйственными вещами азиатского производства и оружием. На верхних полках красуются различные фаянсовые и стеклянные чашки и тарелки по нескольку штук одна на другой, графины, старинные бутылки, медные чашки с таковыми же колпаками с вырезанными на них фигурами и цветами, позолоченные кувшинчики, вазы и пр. На стене, под этими полками и над

занавеской из бархата или пестрой шелковой материи с золотой бахромой внизу, висят большие медные тарелки, зеркала, подносы с золочеными рисунками, шелковые шали, сложенные в два-три раза, кинжалы, пистолеты, ружья, шашки и пр. Около другой стены, которая без занавески и бывает вся увешана в несколько рядов всевозможными цедилками, тарелками и различными мисками и мелкими чашами, ставятся сундуки с платьем и драгоценными вещами хозяев. Иногда-их бывает два, иногда несколько; в последнем случае, самый сундук большой ставится внизу, а над ним остальные меньшего размера. Все эти вещи служат только украшением помещения для приезжающих гостей и не употребляются в дело. Полы покрыты коврами.[48]

Постоянные жалобы писателей прошлого века на антисанитарию горского жилища можно отнести отчасти на счет бедности горских евреев, отчасти на счет несовпадения культурных стандартов. Мой опыт показывает, что современное жилище горского еврея всегда выглядит достаточно чисто и аккуратно.

В кунацкой была всегда самая лучшая обстановка. Интересно, что проникновение модной новинки — европейского интерьера — в дома горских евреев, по словам И. Черного, началось именно с кунацкой.

У богатых евреев находится одно отделение, убранное по-азиатски, где они живут с семействами своими, особое отделение — кунацкая — для горских гостей, и еще одно отделение, убранное совершенно по-европейски; это последнее стоит необитаемо, предназначаясь только для европейских гостей.[49]

Современный интерьер горско-еврейского дома, даже в сельской местности, приобрел совершенно европейский облик, включая обычную мебель (диван, стол и т. п.)

Костюм

Традиционный костюм горского еврея мало чем отличался от одежды других горцев. И Черный пишет:

Горские евреи, мужчины и женщины, одеваются в те же костюмы, какие носят племена, между которыми они живут.[50]

Главное отличие, по мнению большинства евреев, с которыми мне приходилось беседовать, состояло в том, что в костюме горского еврея было мень-

[48] Анисимов, 1888. С. 246—249.

[49] Черный, 1870. С. 4—5.

[50] Черный, 1870. С. 38.

ше серебряных украшений, чем у других горцев, причем это касалось как женского, так и мужского костюма. Анисимов пишет:

Горские женщины не любят одеваться щеголевато и надевать на себя золото и серебро. Одежды их большею частью простенькие ситцевые, но с соблюдением чистоты и изящества. Свадебные шелковые платья их, отделанные кругом золотыми галунами, лежат постоянно в сундуках, теряют там цвет свой и нередко превращаются в лохмотья.[51]

Это подтверждают и старые, дореволюционные фотографии. Большую скромность традиционного костюма можно объяснить как бедностью, так и низким социальным статусом еврейского населения. Впрочем, это касалось скорее повседневной одежды, праздничный костюм мог быть весьма нарядным. По замечанию И. Черного:

Лучшие наряды женщин постоянно заперты в сундуках, и они ходят одетыми весьма просто и бедно, другие даже в лохмотьях; но в редких случаях, как, например, на свадьбы и в годовые праздники, они наряжаются довольно щеголевато.[52]

Традиционный костюм начал выходить из употребления у горских евреев достаточно давно, в силу того, что горские евреи раньше начали переселяться в города и больше контактировали с европейцами, чем другие кавказские народы. Мужской традиционный костюм исчез раньше, традиционный женский костюм дожил до 1930 г. Тем не менее, о костюме горских евреев известно достаточно много: люди старшего поколения хорошо его помнят, кроме того, традиционный костюм достаточно подробно описан у авторов прошлого века.

Основу традиционного костюма составляла «каба» длинная распашная одежда мужчин и женщин. Женская каба сверху до низу застегивалась на «сальма», мелкие серебряные пуговицы. Под каба женщины носили широкую рубаху, распашной кафтан, перепоясанный поясом — «кямор». Главное украшение женского костюма — массивный серебряный пояс. До сих пор во многих варташенских семьях хранятся такие пояса, переходившие по наследству от матери к дочери.

Женщины и мужчины украшали свою одежду ювелирными изделиями. Большая часть украшений выполняла функцию амулетов. Женщины носили такие украшения: шейные бусы — «мийра»; гагатовые бусы — «мийра карабо». Например, Бежанов так описывает костюм горских евреев:

---

[51] Анисимов, 1888. С. 272.
[52] Черный, 1870. С. 38.

Одежду евреек составляют: короткая, до пояса, рубаха, широкие шальвары, верхнее платье (шелковое или ситцевое) до колен с серебряными пуговками на рукавах, широкий серебряный пояс; голова повязывается шелковым платком. Обувь — коши; многие ходят босиком. Пальцы украшаются серебряными и золотыми кольцами. Девушки носят на груди бусы, красят руки хиной.

Одежда мужчин — чоха из шали или сукна, длинный архалук из ластика, короткая рубаха, узкие шалвары; архалук подпоясывают ситцевым поясом или серебряным кушаком,— зимой надевают шубу или тулуп; на голове — высокая конусообразная папаха, а под ней ермолка; обувь — лапти, коши, чусты. Костюм одинаковый летом и зимой.[53]

Основа женского головного убора — чухт (мешок для волос замужней женщины). Поверх чухта набрасывали платок «кялагай». Кялагай часто назывался «гянджей», то есть гянджинской работы. Если платок назывался «шол» («шаль»), то означало, что он турецкой работы. Женщины носили шаль, правый конец которой забрасывался налево вокруг шеи (у мусульманок наоборот). И. Черный пишет:

Между молодыми женщинами встречаются франтихи, которые красят себе волосы и брови. Встречал я и таких, которые разрисовывают себе лицо возле глаз и на щеках: они рисуют красками разные фигуры вроде маленьких шариков и кривых линий черного, красного и каштанового цвета, и в таком виде они весьма похожи на дикарок. Заднюю косу они постоянно носят в шелковом мешке, похожем на рукав. Этот рукав на голове, под покрывальным платком, висит сзади плеч, как хвост.[54]

Чухт вышел из употребления, но кялагай до сих пор носят, не снимая, большинство горских евреек старшего поколения. Традиционный головной убор мужчины — папаха — в настоящее время практически вышел из употребления.

Костюм горских евреев также чрезвычайно подробно описан у Анисимова:

Костюм женщин составляют: широкие шальвары из канауса, бурсы и других шелковых материй или из цветных ситцев, архалук из атласа — зимою на вате, который надевается сверх рубашки, чутку — мешок, покрывающий голову, открытый с концов, и платок, который накидывается сверху чутку. Платки бывают, по состоянию, или кисейные, обшитые кругом черной или белой бахромой, или шелковые персидские (красные и белые), или шелковые цветные. Зимою же женщины носят

[53] Бежанов, 1894. С.114.
[54] Черный, 1870. С. 25—26.

теплую шерстяную шаль. Иногда шелковая бахрома кругом платков заменяется золотыми кружевами и на чутку из гладкой шелковой или шерстяной материи вышиваются золотом и серебром разные цветочки. Архалуки и рубашки отделываются около груди на спине, рукавах и подоле серебряными и золотыми галунами. На ноги женщины надевают бумажные чулки и сверху них чувяки из красного или желтого сафьяна. Для выхода из дому сверх чувяков употребляются башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев.

На ушах висят громадные кольца — круглые или плоские — из серебра или золота. Кольца эти заменяющие серьги, имеют в нижнем основании своем один, два или три шарика с отверстиями. Пальцы женщин, особенно девушек, бывают украшены серебряными и медными или булатными кольцами и по несколько штук на каждом, за исключением большого. Отличительным внешним признаком замужней женщины служит: отсутствие на груди бус, чубчика на лбу и длинных пейсов на висках. Бусы делаются из различных просверленных горных камешков, гвоздики, янтаря, кораллов, серебряных монет и других вещиц, которые нанизываются с особенным старанием и вкусом на крепкий снурок.

Также в большой моде у девушек употребление «хны», желтого персидского порошка или того же названия травы, которой они окрашивают себе волосы и ногти. Для волос хна употребляется вместе с ртутью. Этою смесью они вымазывают волосы на ночь и ложатся спать. Нередко можно видеть горских женщин, жующих что-то с усердием. Это «сикиз» (белая смола с гвоздикой), которую употребляют они для чистки зубов и придания рту приятного запаха.

Одежду мужчин составляют: ситцевый бешмет, застегнутый на крючки, со стоячим отороченным воротников, черкеска из сукна или других прочных материй, без воротника, с крючками, застегивающимися у талии и на груди и с патронташами, заключающими газыри для пороха. Поверх черкески или бешмета опоясываются они поясом, шириною в палец и шире, который украшается часто сверху серебряным или золотым галуном, пряжками и пуговицами из эмальированного серебра или из меди. Около пряжки, спереди, к ремню привешивается кинжал, в серебряных или покрытых черной кожей ножнах. На ноги надеваются «ишимы» — ногавицы, доходящие до колен, из черного сукна или кожи и украшенные галунами. Обувью служат также чувяки, без подошв, горские сапоги с подковами, имеющими спереди два длинных острия и сзади одно, для удобства ходить по горам зимою и в грязную погоду. Поверх чувяков употребляются башмаки, также открытые сзади и покрывающие только пальцы. Чувяки служат женщинам и мужчинам во время грязи и холода вместо калош. Чувяки мужчин большею частью черные и без украшений.

Крючки и петлицы для бешметов, черкесок и рубах делаются из шелковых или шерстяных снурков домашнего изделия.

На голову надевается шапка из курпея (бараньего или овечьего меха). Зимою мужчины под черкеску, а женщины поверх архалука, надевают шубы, которые отличаются тем, что у первых они не бывают ничем покрыты, а у вторых покрываются шелковыми и шерстяными материями и отделываются галунами, подобно архалукам. Некоторые из мужчин носят тулупы из волчьего и лисьего мехов, которых наружная поверхность тщательно очищается посредством отрубей или муки. В последнее время вошли в моду шубы из собольих мехов, которые привозятся купцами из России, и их особенно стали носить новобрачные.[55]

Еще раз отметим, что главное украшение мужского костюма, более того, символический знак достоинства горца, в том числе горского еврея,— кинжал. Кинжал был не только оружием, но и символом престижа, достоинства и полноправия. Поэтому на старых парадных фотографиях горские евреи часто сфотографированы с кинжалом. В то же время кинжал вовсе не был предметом повседневного обихода. Горский еврей надевал кинжал, главным образом, отправляясь в поездку за пределы города или, допустим, в лес за дровами. По мнéнию наших информантов, например, в самой Еврейской Слободе кинжал не носили. Также нельзя было надевать кинжал, когда человек шел в синагогу.

Кухня

Также как горский еврей носил кавказскую одежду, горско-еврейская кухня была обычной кавказской кухней, естественно, с поправкой на кашрут. Бежанов отмечает:

Вино и водку пьют только своего приготовления. У христиан пьют тутовую водку.[56]

Кашрут соблюдался горскими евреями весьма строго, даже если его соблюдение провоцировало определенные неприятности, например, препятствовало выполнению обрядов, связанных с законами гостеприимства. Анисимов пишет:

Мусульманин не уважает иудейской религии, ибо она воспрещает евреям употреблять в пищу мясо, приготовленное другими, и тем ставит

[55] Анисимов, 1888. С. 252—254.
[56] Бежанов, 1894. С. 113.

сульманина в неловкое положение, когда еврей-горец приезжает к нему в гости, и он не может принять его как следует.[57]

Даже в настоящее время горские евреи в большинстве своем соблюдают ту или иную степень кашрута, чему немало способствует сохранившаяся общинная жизнь. Женщина, идущая с курицей к резнику, до сих пор выглядит совершенно естественно на улицах Дербента или Красной Слободы.

Особое место в жизни горских евреев занимала выпечка хлеба, что, кроме всего прочего, было связано с заповедью отделения халы. Хлеб пекли, а иногда пекут до сих пор в специальной глиняной печи, «тону». Женщины не только пекли в ней хлеб, но и сами изготавливали ее, причем искусство изготовления печи ценилось очень высоко.

Кубинские еврейки сами занимались лепкой «тону». Такие печи были во всех домах Кубы и были случаи, когда печь делалась по заказу. Лепили из глины с добавлением местного желтого песка и большого количеством шамота, для чего разбивали много старой посуды. Лепили несколько дней, по кускам, с тем, чтобы части подсыхали, не разрушаясь. Части лепили у ям с отмучиваемой глиной и затем приносили к месту нахождения печи. Стенки заглаживали мокрым камнем. Тону имел сводчатую форму.

Хлеб пекли по пятницам, раз в неделю, одновременно готовя на раскаленных стенках «тануh» 18—20 лавашей. И. Черный сообщает:

Большей частью они пекут хлеб только раз в неделю, под праздник, но иногда случается, что пекут и в другие дни недели, в особенности, когда приезжает к ним гость.[58]

Часть лепешек была субботним хлебом — халой, при выпечке которой куски теста бросали в огонь. Евреи в печи никогда не использовали кизяки, только хворост.

Некоторые сведения о кухне горских евреев Варташена приводит Бежанов:

Приготовляют для гостей много блюд, из которых выдающиеся толма (голубцы) — самое любимое, тапушунда аш — плов, путурук — суп из молока, приправленный луком и др.[59]

Подробное описание горско-еврейской трапезы и кухни мы находим у И. Черного:

В будничные дни, в обед и ужин, кушанья подаются на больших круглых деревянных подносах, а в праздничные дни или в присутствии гостей —

[57] Анисимов, 1888. С. 186.
[58] Черный, 1870. С. 25.
[59] Бежанов, 1894. С.113.

на больших круглых медных подносах. Поднос ставится на полу, на ковер, который покрыт ситцевым платком, а в праздник или при гостях — шелковым. Под платком лежит хлеб, то есть чуреки, которые они пекут раз в неделю, от одной пятницы до другой (когда же приезжает к ним знатный гость, то они тогда особо пекут свежий хлеб); возле чуреков разложены соль, чеснок и лук, а в праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокруг подноса садятся, поджав ноги, мужчины; возле дверей стоит несколько человек для прислуги, а в семейном быту — кто-нибудь из членов семейства. Прислуга подает к столу, т. е. к подносу, воду для обмывания рук, потом хозяин читает молитву и берет чурек, разламывает его на столько кусков, сколь сидит вокруг подноса людей, и бросает каждому по куску, после чего каждый, прочитывая короткую молитву, то есть благодаря Бога за хлеб и за соль, обмакивает свой кусок чурека три раза в соль и со странными гримасами начинает есть; потом хозяин берет другой чурек, разламывает его на куски, обмакивает все куски в соль и отсылает их через прислугу женщинам в их комнату; потом пробуют фрукты, для того чтобы поблагодарить за них Бога; после фруктов едят лук и чеснок с хлебом, вместо первого блюда. В это время является хозяйка с покрытым платком лицом и подает кушанья; за ней идет и прислуга с остальными блюдами, потому что все блюда подаются вместе за один раз. Тут образуется смесь всяких кушаний: суп с бараниной, говядиной или курдючным салом, с клецками, сделанными квадратиками или треугольниками из пшеничной муки, сваренными жидко в воде и приправленными уксусом и чесноком, что называется у них хинкали; или суп из фасоли с говядиной, бараниной или с салом, приправленный чесноком и кислыми ягодами; плов из круп с курдючьим салом, приготовленный густо, как каша, приправленный изюмом и покрытый сверху яичницей; иногда яичница особо; отваренная говядина или баранина; жаркое особо; к нему добавляется маринованный чеснок и маринованные огурцы на особом блюде, что заменяет наш салат; наконец — сладкие кушанья, состоящие из жареных или вареных груш, яблок и слив, в меду или сахаре, с курдючьим салом, с изюмом, что заменяет наш компот. Все вышеупомянутые кушанья приготовляются с большим количеством чесноку, что непривычному европейцу трудно переносить. Берут они понемногу от всех блюд, смешивают вместе и едят руками; ложки употребляют для супа, но очень редко, а говядину берут или руками, или заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрывает свой кусок на кусочки руками или режет ножиком своим, имеющимся под кинжалом у каждого мужчины.

К столу подаются и напитки — водка и вино, приготовляемое ими из своих виноградников или купленное у своих собратьев; они пьют много за столом, так что поминутно, немного закуся, пьют за чье-либо здоровье; но я

редко встречал между горским евреями людей, которые бы напивались до того, чтобы свалиться с ног.

На ужин большей частью подают или хинкали, или жареную и копченую соленую рыбу, называемую ими «кутум», или же жарят фасоль в масле и сале с чесноком, солью и луком. Все эти кушанья они приготовляют для праздничных дней и для важных гостей; в семейном же быту обходятся хлебом с сыром или с кутумом, луком или чесноком.

Сверх этих кушаний они любят еще зелень и едят ее весьма много, без всякого приготовления, иногда с хлебом, иногда без хлеба. В Кубе я был приглашен в гости к некоторым богатым евреям, которые угощали меня вином и водкой и подали закусить одних только трав более пяти сортов разного вкуса. Летом они едят их постоянно с хлебом.

Вообще, при случае, все они без исключения кушают весьма много; большой круглый поднос с пловом подается несколько раз к столу сверх остальных блюд, да кроме того каждый из них может съесть за столом два и три больших чурека. Зато в дороге они могут обходиться только чуреками, луком, чесноком и сыром на очень продолжительное время.[60]

Анисимов также подробно перечисляет блюда праздничной трапезы у горских евреев, добавляя, как и остальные авторы, что их подают, прежде всего, когда в доме гость:

Из кушаньев, подающихся в честь гостя или по праздникам, самыми лучшими и любимыми всеми считаются: шашлык, хинкал, приправленный уксусом и чесноком, «курзе» (вареники из теста, содержащие рубленое мясо, яйца с курдючным салом), «тара» (травяная каша с кусочками мяса или сала), «дурма» (рубленое мясо, обвернутое листьями капусты или бураков), «чуду» (пирог с мясом), ягини (суп с говядиной или бараниной с кислыми ягодами), «нермов» (пшеничная каша с кусками мяса или курицы) и проч. Самою же необходимою пищею считается при гостях «ош», плов, каша из сорочинского пшена [61]*, приправленная яйцами, изюмом и курдючным салом или ореховым маслом, собственного производства.*

Для добывания этого масла, горцы очищают ядро ореха от скорлупы, превращают его в молотильнях в тестообразную массу, которую кладут в плоские чашки тонким слоем и нагревают, ставя ее пред очагом. Когда масса делается красной, ее снимают кусочками и выжимают из нее

[60] Черный, 1870. С. 6—8.
[61] Рис.

масло. Остатки, называемые «мушде», употребляются домашними или вместо мяса или их кладут в пирог, в кашу и проч.

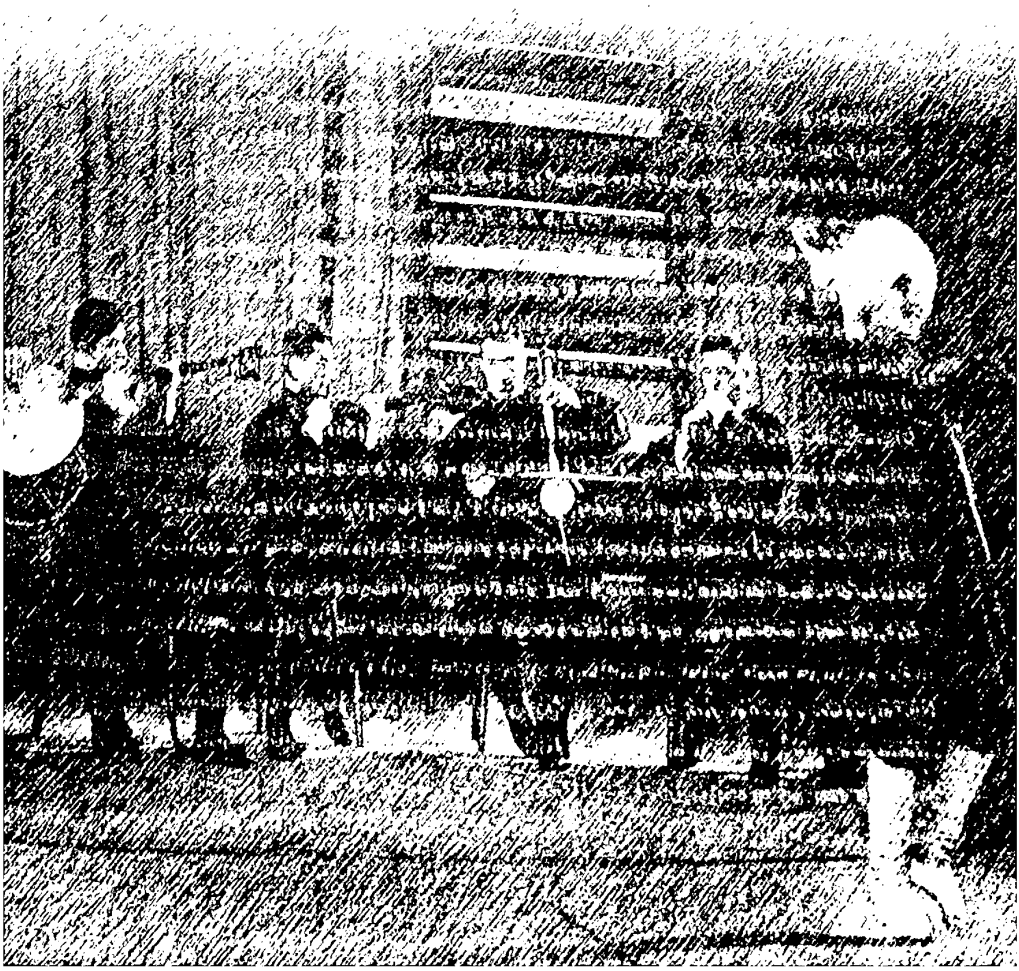
Кушанья подаются все одновременно в чашках и тарелках, по одной на два, на три человека, чтобы дальше сидящим не приходилось далеко протягивать руку с ложкой. Ложки и вилки деревянные, белые, без краски, домашнего производства. Вилка имеет вид тонкого заостренного колышка. Когда пища густая, то почти не употребляют ложек и вилок и едят, захватывая ее между куском хлеба, большим и указательным пальцами. Мясо разрывается на куски руками и, в обыкновенное время, кладется хозяином по куску перед каждым, а при гостях в середине круга, в тарелке.[62]

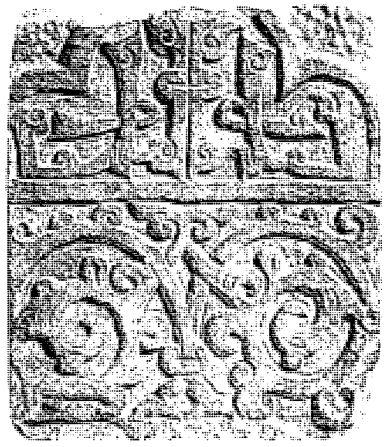
В настоящее время в кухню и сервировку горских евреев, как и в другие черты их быта, проникли, естественно, черты европейской, городской жизни.

---

[62] Анисимов, 1888. С. 251—252.

6. Культура

ГЛАВА 21
Язык и письменность

Языковая ситуация: древнееврейский, русский, кавказские языки у горских евреев

Для горских евреев, так же как и для других этнических групп еврейской диаспоры, всегда было характерно многоязычье, которое особенно усиливалось обилием языков, существующих на Восточном Кавказе. Так же как у других еврейских общин функцию сакрального языка, языка литургии и литературы, выполнял древнееврейский язык. Между собой горские евреи говорили на особом диалекте татского языка, который обычно называют татско-еврейским языком. Горские евреи хорошо владели языками окружающих народов: тюркским (азербайджанским) — в Азербайджане и Дербенте; армянским — в Варташене; кумыкским, даргинским, лезгинским, аварским, чеченским, кабардинским — в Дагестане и на Северном Кавказе. Наконец, в XIX в. к этим языкам прибавился и стал получать все более широкое распространение русский язык. Отметим, что те из религиозных лидеров горских евреев, которые получали образование в иешивах европейской России, должны были по необходимости в той или иной степени освоить идиш.

Что касается древнееврейского языка, то его престиж у горских евреев всегда был очень высок. Вот что пишет об этом Феликс Шапиро, который по роду своей деятельности — заведующего еврейскими школами — мог оценить значение древнееврейского для горских евреев:

> *Меня удивлял тот детский пиетет, который горцы-учащиеся проявляли по отношению к древнееврейскому языку. Уже по настроению в классе и особой тишине легко бывало узнать, что идет урок «Лошн-койдеш»* [1]*, как горские евреи называют язык Библии. Только через некоторое время, когда я близко подошел к своеобразному быту горских евреев, я получил объяснение этому особому отношению здешних детей к изучению древнееврейского языка.*
>
> *Для горских евреев Лошн-койдеш является именно святым языком — языком общения с Богом. Каждое слово Лошн-койдеш для них святыня, фетиш. «Ведь на этом языке сам Адонай говорил с Мойше-рабену.*

[1] Святой язык (ивр.)

Все языки — это земное. Лошн-койдеш — это небесное»,— так охарактеризовал мне древнееврейский язык старый горско-еврейский поэт Иосиф Шур.

Благоговейное отношение к древнееврейскому языку господствует не только среди горских евреев-стариков, но и среди передовой молодежи. Так, когда я спросил молодого редактора бакинской горско-еврейской газеты, выходящей на татском языке, М. Раввиновича, почему газета «Эхо гор» (поздней — «Утренняя заря») носит древнееврейское название и почему некоторые статьи печатаются на древне-еирсйском языке, он мне ответил буквально следующие: «Заголовок — это корона газеты. Допустимо ли делать корону из неблагородного металла? Что касается отдельных статей, то разве было бы пристойно напечатать не на Лошн-койдеш статью, посвященную юбилею такого почтенного лица, как Х.?»

Такое отношение к Лошн-койдеш горско-еврейские дети всасывают с молоком матери. Уже с двухлетнего возраста ребенка обучают целому ряду молитвословий на Лошн-койдеш. Самые сокровенно-нежные обращения родителей к детям — на Лошн-койдеш. Напутствия, приветствия, прощания, пожелания, поздравления, соболезнования, благословения, обязательства, проклятия и всякие другие сильные эмоции горский еврей выражает на Лошн-койдеш.

Процесс изучения древнееврейского языка представляется горскому еврею священнодействием, культом.[2]

Шапиро настаивает на том, что хедерная система образования давала большинству горских евреев знание древнееврейского языка. Он пишет:

Не менее 50% горских евреев приобщены к культуре и просвещению. Дело в том, что священный долг каждого горского еврея — обучить своего сына (именно сына, а не дочь) древнееврейской грамоте и минимальному пониманию языка Писания. Для этой цели функционирует широкая сеть соответствующих школ — традиционных хедеров.

В хедере горско-еврейский мальчик приучается читать тексты Библии и молитв и получает начатки знания по древнееврейскому языку. Здесь также обучают писать — так называемым «раввинским» шрифтом, графически почти тождественным печатному. Таким образом, хедерная система создала почти поголовную грамотность мужчин.[3]

---

[2] Шапиро, 1983. С. 74.
[3] Шапиро, 1983. С. 75.

Можно думать, что Шапиро все же несколько преувеличивает владение древнееврейским горскими евреями. Другие авторы отмечают, что знание древнееврейского, выходящее за пределы чтения молитв, тем более умение писать и говорить на этом языке, было большой редкостью среди горских евреев. Например, И. Черный пишет:

Вообще, еврейское народонаселение в прикаспийском крае и Терской области не обучается своей грамоте, и мне приходилось всякий раз слышать на мой вопрос: «Знаете ли говорить по-древнееврейски?» один ответ: «Моя амгаарец», что значит по-библейски: «Я простак, неграмотный». С трудом я мог объясняться по-древнееврейски и с их раввинами.[4]

В каждом еврейском обществе в горах — как я сказал — найдется несколько человек, которые могут изъясняться по-древнееврейски, то есть сколько-нибудь могут читать или понимать Библию; но таких весьма мало. Например, в Дербенте, где находится до 200 дымов евреев, найдется около 20 человек, знающих немного еврейскую грамоту; в Араге около 90 дымов и не больше 8 человек грамотных; в Кубе около 1000 дымов и только около 25 или 30 грамотных; в Грозном до 200 дымов, а грамотных всего 5 или 6. Столько же их найдется в Хасав-Юрте, в Мюджи, а в остальных аулах могут только одни раввины, да разве 1 или 2 из мирян, объясниться по-древнееврейски.[5]

Тем не менее, узкий круг образованной элиты (прежде всего раввины крупных общин) хорошо владел древнееврейским языком.

Горские евреи, естественно, хорошо владели языками окружающих народов: этому способствовали и занятия торговлей, и необходимость общаться с мусульманскими властями. И. Черный отмечает, что горские евреи «говорили на языках народов и национальностей, среди которых они проживали».

Более того, горские евреи, кроме своего татско-еврейского языка, как правило, владели не одним, а несколькими языками окружающих народов. Б. В. Миллер, подробно исследовавший языковую ситуацию у горских евреев, пишет:

Все евреи-таты Азербайджанской ССР владеют и тюркским языком, а получившие некоторое образование — и русским. Часть евреев Варташена, живущих среди армян и удин, знают также и эти языки: 60% из них говорят по-армянски, и 10% по-удински. Тюркский язык знают даже все дети, но домашним языком служит татский.[6]

---

[4] Черный, 1870. С. 122—13.
[5] Черный, 1870. С. 14
[6] Б. Миллер, 1929. С. 18.

Небольшая часть горских евреев уже во второй половине XIX в. знала русский язык. С течением времени русский язык все более распространялся среди горских евреев. В начале XX в. статистик Пантюхов отмечает:

В еврейских деревнях вступают в прямой контакт с русскими, в таких городах, как Петровск, Дашлагар, Грозный, они сейчас (1901 г.) научились более или менее говорить на русском языке.[7]

Естественно, с течением времени интерес к русскому языку нарастал. В конце 1920-х гг. Б. В. Миллер отмечает:

К изучению русского языка горские евреи очень склонны, и в Кубе, например, наблюдается большая тяга к русско-еврейской школе, чем к тюркско-еврейской.[8]

В настоящее время практически все горско-еврейское население хорошо владеет русским языком.

Татско-еврейский язык

Несмотря на многоязычье, горские евреи сохраняли свой собственный, татско-еврейский язык. По данным переписи 1926 г., на вопрос, какой язык является для них родным, 98,7% горских евреев республики Дагестан, 98,5% — республики Азербайджан и 90,8% — северного Кавказа ответили — татский. Даже в наше время большая часть горских евреев владеет своим языком и пользуется им для семейного и соседского общения. Это справедливо прежде всего для компактных поселений горских евреев, таких как Красная Слобода.

Сами горские евреи определяют свой язык как «татский» или, иногда, «персидский» и отделяют его от языка, на котором говорят таты-мусульмане. Таты, в свою очередь, также видят различие между своим языком и языком горских евреев. Впрочем, речь и тех и других взаимно понятна.

В исследованиях по татскому языку, вышедших в СССР, проводится идея о том, что язык горских евреев является одним из диалектов татского языка. Подобный подход характерен также для многих ученых на Западе. Однако различие между понятиями «язык» и «диалект» не определено. Предпочтительно говорить именно о татско-еврейском языке, а не о еврейском диалекте татского языка, не только в силу формальных причин, таких как наличие в нем ивритского и арамейского лексического пласта, но, прежде всего, в силу специфики его бытования.

---

[7] Альтшулер, 1990. С. 358.
[8] Б. Миллер, 1929. С. 18.

Вс. Ф. Миллер, заложивший научные основы изучения татско-еврейского языка, так характеризует этот язык:

> *Если б этот язык должно было охарактеризовать лингвистически без всякого отношения к населению, на нем говорящему, то характеристика его могла бы быть такова: это — иранское наречие, произносимое семитскими голосовыми органами и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически и синтаксически на тюркский лад. Такое наречие могло выработаться лишь в стране, где рядом живут этнические элементы иранский, семитский и тюркский,— и такою территорией действительно был Азербейджан. Основной элемент языка горских евреев — иранский как в фонетическом, так и в морфологическом отношении. С первого взгляда этот язык представляется наречием новоперсидским.*[9]

Татско-еврейский язык разделен на две основные группы диалектов: северную, или кайтагскую, к которой относятся диалекты евреев Северного Кавказа, и южную, к которой, в свою очередь, относятся дербентский, кубинский и варташенский диалекты. В северных диалектах выше процент тюркизмов. Кроме того, в кайтагских диалектах тюркизмы заимствованы из кумыкского языка, а в южных — из азербайджанского.

Около 2% слов татско-еврейского языка имеют древнееврейское или арамейское происхождение. Эти слова относятся к религиозной стороне жизни горских евреев: «благословение», «обрезание», «ангел смерти», «душа», «святой», «суббота» и т. п. Из иврита заимствованы также слова, касающиеся юридической практики: «брачный договор», «разводное письмо», «незаконнорожденный» и т. д.

История изучения татско-еврейского языка

Язык горских евреев привлек к себе внимание исследователей еще в конце XVIII в., когда Фридрих Шредер писал, что «язык, которым пользуются евреи на Кавказе,— это неизвестный диалект персидского».

Первое описание татского языка выполнил русский востоковед Илья Березин (1818—1896). Среди евреев первым, кто заинтересовался исследованием татско-еврейского языка, был дербентский раввин р. Яков б. Ицхак Ицхаки, который в 1860-х гг. начал собирать слова этого языка с целью объяснить при их помощи неясные места в Талмуде, мидрашах и раввинской литературе. Он делал это также из опасения, что этот язык может вскоре исчезнуть. Р. Яков б. Ицхак пытался даже составить грамматику татского языка, но большинство его записей было утрачено.

---

[9] Вс. Миллер, 1892. С. XVI.

Вс. В. Миллер, уделявший большое внимание татскому языку, опубликовал в 1892 г. несколько работ, в которых исследовал язык горских евреев. Он же составил словарь татско-еврейского языка. В 1905—1908 гг. Вс. В. Миллер опубликовал новые исследования о татском языке.

Сын Всеволода Миллера Борис Миллер продолжил его исследования. Он опубликовал в 1929 г. работу о татском языке и его диалектах, где называет язык горских евреев одним из диалектов татского языка. Иногда он также пользуется термином «татско-еврейский язык».

Изучением татского языка занимался также племянник Ильи Анисимова лингвист Нафтали-Цви Анисимов, который составил его грамматику.

Татско-еврейская письменность: проблема алфавита

Письменность на татско-еврейском языке, как и у других групп диаспоры, существовала на основе еврейского алфавита. Причем для записи использовался не квадратный шрифт, а курсив, так называемый «шрифт Раши», или, как его называли горские евреи, «багдадское письмо». После революции и вплоть до 1929 г. использовался квадратный еврейский шрифт. В 1929 г. горско-еврейская письменность была переведена на латиницу, а в 1939 г. — на кирилицу.

В 1920-х гг. началась кампания, целью которой было перевести языки всех народов Кавказа на латинский алфавит. Главной целью сторонников смены алфавита было стремление оторвать народы Кавказа от их религиозных корней. Введение латинского алфавита вместо арабского у мусульман должно было способствовать отделению изучаемого в школах языка от той литературы, которая была на нем создана до революции, и от Корана. Аналогичные мероприятия по замене еврейского алфавита латиницей были предприняты и в отношении горских евреев.

В 1925 г. в Азербайджане было принято официальное решение республиканских властей о переводе преподавания, печатных изданий и административной деятельности на латинский алфавит. Эти нововведения получили поддержку и у деятелей советской культуры в среде горских евреев.

В мае 1926 г. на Северокавказском съезде, состоявшемся в Нальчике, было решено:

> *Чтобы приблизить горских евреев к европейской культуре, и чтобы обеспечить татским школам постоянное преподавание на их родном языке посредством выпуска дешевых учебников, считать полезным и насущным замену еврейского алфавита на латинский.*[10]

17—19 января 1927 г. в Баку состоялось заседание татской секции Народной академии. На ней говорилось о необходимости замены еврейского алфа-

[10] Альтшулер, 1990. С. 365.

вита на латинский, и было решено назначить комиссию, которая подготовила бы практические предложения по этому вопросу. Но были и те, кто выступил против этого предложения. Их голос прозвучал на Совещании по культурной работе среди татов, состоявшемся в Москве в сентябре 1927 г.

На повестке дня Совещания стояло два вопроса. Прежде всего, его участникам предстояло решить, какой из диалектов татских евреев будет признан официальным. Несколько участников настаивали на том, что таковым должен стать дербентский диалект. Одной из самых ярких фигур на этом совещании был языковед и филолог Нафтали-Цви Анисимов. Он считал, что основой языка, который будет преподаваться в школах и на котором будут выходить литературные произведения, должны стать как дербентский, так и южный диалекты. Но его предложение принято не было, и был утвержден дербентский диалект, поскольку «в нем больше всего слов, общих для всех диалектов».

Вторым вопросом, который нужно было решить участникам Совещания, был вопрос о латинизации письменности татских евреев. Часть делегатов была решительной сторонницей латинизации. Однако многие другие, прежде всего Нафтали Анисимов, выступили против, считая, что нужно сохранить еврейскую письменность. В результате дебатов еврейские буквы были сохранены. Однако же огласовки решено было заменить, по примеру идиша, гласными буквами.

Часть деятелей культуры Дагестана была недовольна решением, принятым в Москве, и в 1928 г. в Баку прошел специальный «Совет по вопросам орфографии», на котором обсуждался татско-еврейский алфавит. В нем участвовали представители трех общин: Кубы, Варташена и Баку. На Совете было принято предложение М. Бен-Герари (псевдоним педагога и литератора Михаила Рабиновича), в соответствии с которым был оставлен еврейский шрифт, но добавлено несколько знаков для того, чтобы каждому звуку соответствовал знак. Алфавит, таким образом, увеличился до тридцати букв. Вместе с тем в официальный протокол вписали, что еврейский шрифт оставлен временно, а в будущем он будет заменен латинским. Тем не менее, даже «временное» сохранение еврейского алфавита свидетельствовало о противодействии горско-еврейской интеллигенции официальной линии на латинизацию.

Вскоре поборники еврейского алфавита проиграли сраженье. Латиницу стали внедрять в массы. В бакинском клубе горских евреев были открыты специальные курсы, на котором обучали латинским буквам.

Власти Азербайджана делали все, чтобы сломить сопротивление евреев, не желающих расставаться со своим шрифтом. В своей пропаганде они подчеркивали важность «перехода на латинский алфавит всех татов, без различия религии», то есть не только горских евреев, но также татов-мусульман и христиан, которые не имели собственной письменности.

«Латинисты» получили поддержку со стороны «Центрального Всесоюзного комитета по новому турецкому алфавиту», коротко называемого «Комитетом по алфавиту», который был создан в 1926 г.

Один из энтузиастов «латинизации» педагог и литератор Закой Худайнатов организовал в Грозном «Инициативный комитет по латинизации татско-еврейской письменности» и стал его председателем. Комитет начал издавать литературу на татско-еврейском языке с использованием латинского шрифта. Он добивался проведения съезда, который должен был обсудить вопрос о латинизации.

Сообщения и статьи на татско-еврейском языке с использованием латинского шрифта стали публиковаться в чеченской газете «Сирло».

25 апреля 1929 г. в Баку было проведено заседание, на котором «по просьбе горских евреев Северного Кавказа и Азербайджана» обсуждалась замена еврейского шрифта на латинский. В этом заседании приняли участие деятели культуры и учителя из Баку, Варташена, Кубы, Дербента, Махачкалы, Грозного, Кизляра, Нальчика и других мест. Среди выступавших были Н.-Ц. Анисимов и профессор Борис Миллер. Во главе противников латинизации стоял Н.-Ц. Анисимов, но большинство выступило против него, и решение о латинизации было принято. Участникам заседания предложили два варианта латинского алфавита для татско-еврейского языка. Первый из них был разработан Худайнатовым, а второй был плодом совместной работы профессора Б. Миллера и Якова Бирарова. Отличались эти варианты друг от друга несущественными деталями.

После заседания было создано специальное бюро, которое выбрало в качестве официального дербентский диалект и приняло меры для того, чтобы вся уже вышедшая литература была переведена на латинский шрифт. Началась усиленная пропаганда латинизации письменности. Советская пропаганда утверждала, что латинизации сопротивлялись религиозные и другие «реакционные» круги. Еврейские буквы, которые связывали горских евреев с родным языком и с языком евреев всего мира, были окончательно изъяты из употребления. Многие горские евреи, однако, продолжали пользоваться еврейским алфавитом в личной переписке: письма, полученные израильтянами даже в 1960-х гг. от их кавказских родственников, написаны ивритскими буквами.

После латинизации татско-еврейского шрифта значительно выросло количество публикаций на татско-еврейском языке.

Одновременно с унификацией татско-еврейского языка, который примерно с этого времени начинают называть в печати просто татским, были предприняты попытки его изучения, разработки диалектологии. Азербайджанская академия наук создала специальную комиссию по изучению татского языка, которая собрала много материалов, был подготовлен к печати словарь татских диалектов, включающий 10 000 слов, но он так и не вышел в свет.

В середине 1930-х гг. в СССР развернулась деятельность по русификации национальных меньшинств. Русский язык занял центральное место как язык школьного преподавания. Теперь уже латинский алфавит служил явным барьером на пути быстрого перехода от родного языка к русскому языку.

Существенно и то, что сами горские евреи ощущали всю искусственность латинизации и зачастую стремились дать детям именно русское образование. Один из инициаторов латинизации горско-еврейской письменности Б. Миллер отмечал в 1929 г. (то есть в самом разгаре борьбы за латинский алфавит), что:

> *К изучению русского языка горские евреи очень склонны, и в Кубе, например, наблюдается большая тяга к русско-еврейской школе, чем к тюркско-еврейской. Евреи-таты Северного Кавказа, как мне приходилось слышать, даже вовсе не убеждены в превосходстве, а главное в практической полезности для них латинского алфавита перед русским.*[11]

Утверждалось, что использование русского алфавита облегчило бы задачу для тех, кто хочет выучить русский. Кроме того, подчеркивалось, что русский алфавит, содержащий 33 буквы, гораздо лучше отвечает потребностям языков Дагестана, в которых имеется гораздо больше фонем, чем латинский алфавит — букв. Подчеркивалось также, что использование русских букв удешевит выпуск изданий на языках республики.

Дагестанский обком партии в январе 1937 г. решил, что «полезно и насущно перевести шрифт с латинского на русский». В список народов, на которых распространялось это решение «о постепенном переходе на русский шрифт с осени 1937 г.», вошли также и таты.

Президиум Верховного Совета республики обратился к Институту исследования национальных культур Дагестана с просьбой «представить в течение месяца готовые окончательные рекомендации по поводу алфавитов». Среди языков, алфавиты которых требовалось срочно разработать, упоминался и татский. Но институт, судя по всему, не справился с задачей в срок, и поэтому в ноябре 1937 г. партийные органы Дагестана опять обсудили этот вопрос. Был назначен комитет из девяти человек под руководством А. Тахтарова, который занялся разработкой алфавитов. Подготовка кириллического алфавита для татско-еврейского языка была поручена горскому еврею Разилу Разилову.

Для того, чтобы приспособить татско-еврейский язык к кириллице, были использованы все 33 буквы русского алфавита, к которым добавили еще семь символов. В начале января 1938 г. партийные органы Дагестана вновь вернулись к обсуждению данного вопроса, и было решено с 1 июля перевести на новый алфавит всю периодику, а с 1 сентября начать преподавать его в школах. Это касалось всех народов республики, в том числе горских евреев.

Параллельно подобные мероприятия проводились и в Азербайджане, где был принят специальный закон о переходе с 1 января 1940 г. с латинского шрифта на кириллицу.

Закон этот проводился в жизнь очень быстро. Когда совсем недавно переходили на латиницу с арабского и еврейского шрифтов, в этой работе все

[11] Б. Миллер, 1929. С. 18.

же участвовали ученые. На этот раз партийные органы все взяли на себя, что не оставляло сомнения, что это мероприятие чисто политическое.

Бытование татско-еврейского языка

Одновременно с латинизацией, а затем кириллизацией, в татско-еврейский язык были внедрены новые слова и одновременно исключена часть лексики, прежде всего древнееврейской, которая была признана не отвечающей новой действительности. Любые попытки противодействовать насильственному внедрению в язык русских слов истолковывались как проявление национализма.

Центральная дагестанская газета писала 20 сентября 1937 г. о редакторе газеты горских евреев «Захметкеш»:

Завзятый враг народа, сионист Йоханан Йохананов пользуется своей газетой для контрреволюционной пропаганды. Этот завзятый враг великого русского народа и русского языка исключил из татского языка все русские слова.[12]

Употребление русских слов отныне считалось политическим долгом горских евреев. В течение нескольких лет параллельно с традиционным татским языком возник искусственно созданный за десятилетия советской власти язык, и между ними существовало большое различие.

В местах проживания горских евреев татско-еврейский язык, называемый теперь просто татским, считался языком национального меньшинства, и занимал свое место среди других языков на основании конституционного принципа о праве народа использовать свой язык и вести на нем преподавание. В первой конституции автономной республики Дагестан, принятой на Съезде Советов в 1927 г., говорилось:

Языки всех народов, населяющих территорию республики Дагестан, равны. Каждому гражданину обеспечивается возможность пользоваться своим родным языком при обращении в государственные органы.[13]

В конституции республики Азербайджан, принятой тогда же, то есть в марте 1927 г., подчеркивалось:

Гражданам республики Азербайджан обеспечивается право свободно пользоваться их родным языком в судах, в правительственных учреждениях

---

[12] Альтшулер, 1990. С. 371.
[13] Альтшулер, 1990. С. 372.

и в общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право вести обучение в школах на родном языке.[14]

В конституции 1937 г. этот параграф сокращен, и в нем говорится только, что «у граждан азербайджанской республики есть право обучаться в школах на родном языке». С точки зрения закона, никаких изменений в статусе татско-еврейского языка в Азербайджане не произошло.

В Дагестане дело обстояло по-другому. В отличие от 1927 г., в конституции 1937 г. татский язык уже упомянут в качестве одного из десяти официальных языков республики, и это же положение сохранилось и в конституции, принятой в 1970 г.

Неудивительно, что Дагестан превратился в центр издательской деятельности на татском языке, в то время как в соседнем Азербайджане она почти полностью прекратилась в конце 1930-х гг.

С исчезновением в начале 1950-х гг. последних школ с преподаванием на татско-еврейском языке, этот язык превратился в основном в разговорный язык большинства представителей старшего поколения горских евреев. Что касается молодежи, то она (особенно те, кто приехал из относительно крупных центров концентрации горских евреев), как правило, понимает татско-еврейских язык, но не всегда использует его в качестве разговорного.

---

[14] Альтшулер, 1990. С. 372.

ГЛАВА 22
Литература

Литература на иврите

У горских евреев, так же как у других групп еврейской диаспоры, в литературе существовало двуязычье: она создавались на древнееврейском языке и на народном, в данном случае, на татско-еврейском.

О небольшом пласте древнееврейской религиозной литературы речь шла выше в связи с религиозной жизнью горско-еврейской общины.

Что касается светской литературы на иврите, то она не получила большого распространения в связи с тем, что знание иврита до революции было не очень распространено среди горских евреев, а после революции изучение и использование этого языка было искусственно пресечено.

С конца 1860-х гг. на Кавказ стали поступать и распространяться среди горских евреев издания на иврите из центра страны. Они оказали немалое влияние на местную интеллигенцию, способствовали созданию определенной атмосферы культурной жизни. На иврите в начале XX в. пыталась писать новая молодая интеллигенция горских евреев. Это были, в основном, дети раввинов, которые были знакомы и с новой ивритской литературой. Сохранилась оригинальная рукопись стихотворения, написанного Меиром Ицхаки из знаменитого рода дербентских раввинов Ицхаки.

Писавшим на иврите не удалось опубликовать свои произведения в периодической печати, выходившей в России до революции. Век «Вестника Кавказа», единственного до революции ивритского издания в регионе, оказался очень коротким, и в нем не публиковались произведения горских евреев.

Одним из поэтов, писавших на иврите, был Йосеф б. Хаим Хаимович (конец XIX — начало XX вв.) Он был сыном раввина из Кубы, некоторое время и сам служил раввином в ауле Кусары, но позже присоединился к тем, кто стремился к изменению образа жизни горских евреев. Он взял себе псевдоним Йосеф Шор и под этим именем стал известен как поэт. Он писал стихи и вел на иврите дневник, большая часть записей в котором была выполнена в стихах, являвшихся подражанием творчеству великого поэта средневековья Иуды Галеви. В одной из своих поэм Йосеф Шор рассказывает об истории горских евреев, которых считает потомками колена Звулунова, нашедших себе прибежище в горах Кавказа. Часть его стихов, никогда не публиковавшихся, являлась поэтической переработкой популярных среди горских

евреев преданий и легенд. В других своих произведениях он говорит о бедствиях и нищете своих соплеменников.

Критика общественной жизни имеет место и в стихах на иврите Песаха Нисанова из Кубы. Жалуясь на бедность своей общины, он бросает упреки небесам.

Народная литература: певцы, сказители и рассказчики

Обращаясь теперь к литературе на народном языке, следует сказать, что вплоть до начала XX в. письменной литературы на татско-еврейском языке не существовало, зато у горских евреев, как у всех народов Кавказа, был богатейший фольклор.

Фольклор горских евреев, так же как их верования, имеет много общего с фольклором других народов Восточного Кавказа, в то же время он отличается тем, что включает большое число сюжетов, позаимствованных из Библии, Талмуда и мидрашей.

Промежуточное положение между профессиональной и фольклорной литературными традициями занимали народные поэты, профессиональные певцы и сочинители песен. Их приглашали на семейные торжества, на которых они исполняли как всем известные, популярные и любимые песни, так и новые, сочиненные ими самими. Таких певцов называли «маниху» или «ашугами» (общекавказский термин). Ашуг сопровождал пение аккомпанементом на струнном инструменте, зурне, иллюстрировал свое пение выразительной мимикой и соответствующими телодвижениями. В его пении всегда был элемент импровизации. Песни популярных ашугов передавали из уст в уста, они становились народными, и народ зачастую не знал, кто же был ее автором и первым исполнителем.

Из ашугов XIX в. в народной памяти сохранилось имя ашуга Айболо из аула Тарки. Он жил во второй половине прошлого века и одна из его песен посвящена призыву еврейских юношей в царскую армию. В первых строках поэт призывает людей слушать его, потому что все в его песне — правда. Поэт подчеркивает: всем известно, что крепкие парни идут в армию, где им придется жить в тяжких условиях, придется терпеть лишения из-за жестокости командиров. Песня заканчивается наставлением слушателям и мольбой, обращенной к Творцу. Поэт призывает слушателей поразмышлять над тайнами мира и восхвалить его Творца. В молитве он просит Всевышнего послать мессию, который принесет евреям избавление от мук, страданий и нужды.

Видные ашуги конца XIX — начала XX вв. — Шауль Симандо, Хизкия Амин и Мордехай Овшалум (1850—1925) — выступали на свадьбах и других торжествах. Особенно интересна фигура последнего: он был не только ашугом, но и народным мстителем, абреком, что делало его особенно популярным. Свои песни он сочинял на татском и на азербайджанском языках. Жизнь

уроженца Дербента Мордехая Овшалума была полна событий: он побывал на каторге в Сибири и, по преданию, в Иерусалиме.

В 1930-х гг. известными ашугами были Хаим Новах из Дербента и Хонголи Эфраимов, которые стали также выступать и на различных фестивалях народного творчества, проводимых советской властью. В 1930-х гг. власти поощряли создание и публикацию устных произведений, в которых, с одной стороны, рассказывалось о страданиях народа в прошлом, а с другой — о том хорошем, что принесла советская власть. В то же время картина творчества ашугов после революции была искажена, так как собиратели фольклора не записывали песни, имеющие еврейский колорит.

Власти организовывали встречи народных поэтов, сказителей, их произведения широко публиковались. Одним из таких сказителей был Рахмиэль Гуршум, который прославился благодаря своему выступлению на Олимпиаде народного творчества в Дагестане, во время которого рассказал три сказки о Сталине.

Наряду с народной поэзией существовала и народная проза. Профессиональные рассказчики были очень популярны в народе: одним из крупнейших был Шломо Мамари из Дербента (1854—1938). Он мог часами рассказывать сказки, в которых узнавались реалии жизни горских евреев в далеком прошлом и в новое время. Главными героями сказок были бедняк Шломо и его дети, с которыми происходили различные забавные истории. Шломо — веселый плут — постоянно кочевал по аулам и городам, с ним случались чудесные и необычные вещи, он попадал в переделки, но всегда выпутывался из самых сложных ситуаций, поднимая на смех своих врагов.

Большинство из этих рассказов не носили нравоучительного характера, они были предназначены развлечь слушателей, подбодрить их.

Рассказы Шломо Мамари обладали новеллистическим сюжетом, они носили на себе явно авторский отпечаток. В последние годы жизни Шломо Мамари писатели Хизгил Авшалумов и Александр Назаревич записали множество его произведений, намереваясь опубликовать их. Но начавшаяся вскоре война расстроила эти планы. По всей видимости, большинство историй, рассказанных Шломо, включены в изданный позже роман Хизгиля Авшалумова: герой этой книги Шими Дербенди очень похож на балагура Шломо.

Народным сказителем был и двоюродный брат Шломо Мамари Хизгил Дадашев (1860—1945). Еще будучи совсем молодым, он прославился как искусный рассказчик. Люди собирались вокруг него в часы отдыха, чтобы послушать его. В 1930-х гг. он адаптировал свои рассказы к требованиям эпохи, много рассказывал о тяжкой жизни горских евреев в прошлом и о настоящих достижениях советской власти. Его рассказы получили признание властей. Хизгил Дадашев и ему подобные получали всемерную поддержку, их подавали как образец народного творчества. Сборник рассказов, записанных с его слов, был опубликован в 1947 г.

Бирор Назаров был моложе Хизгила Дадашева. Он родился в 1891 г., рано осиротел, рос у дяди, который был прекрасным рассказчиком. Он рассказывал

о простых горских евреях, которые, проявляя ум, смекалку и силу, добивались богатства. Есть у него и рассказы на темы священной истории, например, о Моше-рабейну и о чуде при переходе Красного моря. Возможно, это одна из причин того, что почти все рассказы Назарова, который скончался в 1970 г., не были записаны и изданы.

Литература на татско-еврейском языке

В начале XX в. параллельно с литературой на иврите появились и первые ростки письменной литературы на татско-еврейском языке.

По приблизительным данным за 90 лет существования литературы на этом языке горскими евреями написано более 50 произведений. Ее историю можно разделить на четыре периода. Первый период охватывает время от 1908 г. до начала 1928 г., когда в Дербенте начал выходить в свет еженедельник на татско-еврейском языке «Захметкеш» («Трудящийся»).

Второй период — с 1928 г. по 1936 г., когда была создана секция писателей на татском (татско-еврейском) языке при Союзе писателей Дагестана. Третий период — с 1936 г. до середины 1950-х гг., так называемой оттепели. Четвертый период — с середины 1950-х гг. до наших дней.

Первые книги, напечатанные на татско-еврейском языке, были, как и первопечатные издания на многих других языках, переводами. В 1908 г. в Вильне появилась на языке горских евреев брошюра «Цели сионизма» Йосефа Сапира, а в 1909 г.— молитвенник «Коль Тфила», обе книги в переводе Асафа Пинхасова.

Оригинальная литература на татско-еврейском появилась уже после революции вместе с открытием школ на этом языке и клубов для горских евреев. Нужно было писать пьесы для народных театров, работавших в клубах, стихи и тексты песен для агитбригад. Большинство пьес тоже были больше похожи на агитсценарии. Было написано также немало переводов и переделок произведений с других языков, в которые переводчики добавляли свое, чтобы адаптировать тексты для горских евреев. Нередко трудно понять, что является заимствованным, а что — своим. Не все эти произведения были поставлены или опубликованы. Нередко авторы текстов не считали нужным указывать свое имя, и произведения исполнялись анонимно. Большинство авторов того первого периода были молодые люди, стремившиеся изменить облик общины, они считали литературу на татско-еврейском языке средством для достижения этой цели. Их произведения были в основном назидательными, насыщенными гражданскими идеями.

Душой еврейских клубов в Баку был родившийся в начале века Гирсил Рабинович, который подписывал свои произведения псевдонимом Горский. Этот псевдоним позже стал его официальной фамилией. Он был сыном бакинского раввина Ифраима Рабиновича. До революции Гирсил учился в бакинской русской гимназии имени Александра III. Ему было меньше 15 лет,

когда он перевел для драмкружка при клубе «Цеирей цион» в Баку пьесу, а в 20 с небольшим лет написал свою первую пьесу. Ее содержанием была чистая любовь девушки и юноши из враждующих семей, которая смогла победить упрямство родителей. В своей другой пьесе-агитке он описывает, как меламед в религиозной школе издевается над учениками.

Горский писал и стихотворения, некоторые из них исполнялись в спектаклях по его пьесам и сценариям. Вместе с русским евреем Е. Брагинским он перевел на татско-еврейский язык «Интернационал». Позже Горский прекратил свою литературную деятельность, работал в отделе пропаганды горкома партии Азербайджана, преподавал марксизм-ленинизм. В 1937 г. его арестовали, он погиб, как многие тогда, при неизвестных обстоятельствах. Во время «оттепели» был реабилитирован.

В клубе горских евреев Кубы в 1920-х гг. активно занимались литературной деятельностью четверо молодых активистов Яков Бираров, Звулун Невинович, Яков Агарунов и П. Щербатов.

Сохранилось стихотворение Якова Бирарова «О положении сироты», где он, описывая душевные муки и трудную жизнь сироты в прошлом, восхваляет советскую власть. У него было тонкое чувство языка, он хорошо знал различные диалекты татско-еврейского языка. Чувствуя, что эти различия исчезают, он много лет посвятил сбору материалов о различных говорах и диалектах татско-еврейского языка с целью подготовки диалектного словаря. Но эта его работа не была завершена: словарь не увидел свет. Бираров погиб на войне, так и не успев оставить заметного следа в татско-еврейской литературе.

Яков Агарунов был товарищем Бирарова. Он родился в 1907 г., в 13 лет стал активно участвовать в работе клуба горских евреев. В духе времени Агарунов написал агит-пьесу «Царь, раввин и богач», в которой описывал жизнь своей общины. Вместе с Звулуном Невиновичем Агарунов написал также агитпьесу «Кто виноват?». Опубликованные им в 1920-х гг. в еженедельнике «Захметкеш» стихи «Сироты», «Горянка», «Красный октябрь», «В память о Ленине» и другие были вполне в духе того времени произведениями агитационно-декларативного характера. В них, также как в его статьях, господствовали идеи «Пролеткульта»: бичевались пороки буржуазии и одновременно безудержно восхвалялась советская власть.

В 1928 г. он опубликовал в «Захметкеше» резкую статью, направленную против стихотворения Михаила Бен-Герария (псевдоним педагога и литератора Михаила Рабиновича) «Раны весны», опубликованную в той же газете. Агарунов обрушился на Бен-Герария за сионистские нотки в его стихотворении, обвинил редакцию газеты в отсутствии классовой бдительности и в политической близорукости. После опубликования этой статьи Агарунова пригласили в Дербент и назначили ответственным секретарем «Захметкеша».

В начале 1930-х гг., когда наметилась тенденция привлечения местных кадров в партаппарат и советские органы власти, Агарунов был переведен в Баку, где быстро стал продвигаться по служебной лестнице. Работал в орготделе ЦК компартии Азербайджана, был директором издания

на татско-еврейском языке, редактором газеты на этом языке, которая стала выходить в Баку. В 1930-х гг. он был чем-то вроде партийного надзирателя за коммунистической «кошерностью» литературы на татско-еврейском языке в Азербайджане. Сам Агарунов уже писал мало, к этому периоду относится его песня «Радость», опубликованная в газете, редактором которой он был. После ликвидации изданий на татско-еврейском языке он продолжил партийную карьеру, был назначен секретарем бакинского горкома партии, после войны был секретарем Куйбышевского обкома партии. Литературную деятельность прекратил, и только в 1970-х гг., уже будучи пенсионером, опубликовал воспоминания в альманахе «Ватан советимиз» («Наша советская родина»). Несколько лет назад, уже после его смерти, его воспоминания, не лишенные интереса и литературных достоинств, были изданы отдельной книгой на русском языке.

В 1920-х гг. в выходившей в Дербенте газете «Захматкеш» Звулун Невинович опубликовал сатирические стихи про главного раввина Кубы.

П. Щербатов в гражданскую войну воевал в Красной армии. В 1920—1922 гг. играл в татско-еврейском драмкружке в Махачкале, для которого написал пьесу «Сын купца — революционер».

Татско-еврейская литература развивалась и в Москве. Там до конца 1920-х гг. писали Нафтали-Цви Анисимов и Михаил Шабаев. Нафтали Анисимов был внуком Шербета Нисим-оглы и племянником Ильи Анисимова. В начале века он присоединился к революционному движению. В первой половине 1920-х гг. преподавал иранскую литературу в Ленинградском университете. Позже переехал в Москву. Здесь был одним из организаторов татско-еврейского кружка. В этот период написал две пьесы на татско-еврейском, в которых описал жизнь евреев в первые годы советской власти. В 1930-х гг. преподавал в Коммунистическом университете народов Востока и был научным сотрудником Института востоковедения. Литературой больше не занимался. Автор грамматики татского языка, доктор филологических наук Нафтали-Цви Анисимов скончался в 1966 г.

Михаил Шабаев, подобно Анисимову, писал пьесы на татско-еврейском языке, они были предназначены для драмкружков на Кавказе. Три из них — «Красный генерал», «Двоеженец» и «Воскрешение мертвых» — были опубликованы в сборнике, изданном в Москве в 1927 г. Шабаев в последующие годы литературой не занимался. В тот же период писал стихи Натан Соломонов, они публиковались в «Захметкеше».

Таким образом, в ранний период на татско-еврейском языке писало 12 человек. Большинство из них позже прекратили заниматься литературной деятельностью.

С появлением еженедельника «Захметкеш» начался новый период в истории татско-еврейской литературы. К нему относится творчество дербентских драматургов Йешаягу Биньяминова и Юно Семенова.

Йешаягу Биньяминов после революции примкнул к движению «Поалей цион». В гражданскую войну носился с идеей создания конного отряда

горских евреев, который через Иран и Ирак доберется до Эрец-Исраэль. В начале 1920-х гг. писал пьесы и агитационные стихи для драмкружка в Дербенте. Вступил в компартию, переехал в Москву, там был активистом организации горских евреев «Захметкеш». В 1929 г. опубликовал пьесу «Калым», в который подверг критике этот обычай. Он активно участвовал в акциях землеустройства своих соплеменников. Работал в аппарате ЦИКа Верховного Совета РСФСР. Вел борьбу с религией, опубликовал пьесу на русском языке, содержанием которой было положение религии в жизни горских евреев.

Юно Семенов родился в Дербенте в 1899 г. в бедной семье. В гражданскую войну воевал на стороне большевиков. Позже вернулся в родной город, окруженный славой красного партизана. В 1920 гг. для драмкружка написал пьесы «Назойливый сват», «Два старьевщика» и «Кордон». Когда началась коллективизация, он написал пьесу «Два брата», в которой рассказал о конфликте между двумя братьями при создании колхоза. Один из братьев — бывший красный партизан, другой — кулак. В 1934 г. его перевели в Баку заместителем директора издательства на татско-еврейском языке. Здесь в 1936 г. он написал пьесу «Сводный брат», в которой рассказывается о любви горского еврея к лезгинской девушке. Проблема смешанных браков тогда не стояла остро в горско-еврейской общине, и появление пьесы следует отнести за счет «партийного заказа» — власти призывали к смешению народов и племен на Кавказе. В 1936 г. в Баку вышли в свет две первые книги Семенова: сборник пьес (тираж 1000 экземпляров) и сборник рассказов (тираж 1500 экземпляров). Писал и публиковал Семенов и стихи: они были посвящены злободневным темам: борьбе с религией (стихотворение «Купить библию»), восхвалению строительства новой жизни, откликались на международные события («Безработным Германии»).

Самый крупный вклад в татско-еврейскую литературу Семенова составляют его рассказы. В 1928 г. он опубликовал рассказ «Сделки раввина Хисгила». Главный герой рассказа — юноша Борух, отец которого воевал против советской власти и за это был сослан в Сибирь. Юноша тянется к раввину, заменившему ему отца, позже он узнает, что его мать стала любовницей раввина, у которого есть и другая любовница. Раввин оказывается нечист на руку: он присваивает пожертвования на синагогу. Взяв большую сумму денег, собранную прихожанами для приобретения Торы, раввин едет в Москву, здесь он попадает в сети к женщине, которая спаивает его и кормит свининой. Она забирает у раввина все общественные деньги. Опозоренный раввин возвращается в свое село и вскоре умирает. Юноша, который идеализировал раввина, потрясенный всем этим, сходит с ума и тоже умирает. Резко антиклерикальный рассказ призван был разоблачить жадность, лицемерие, сладострастие священнослужителей и горькую судьбу молодых людей, находящихся под влиянием религии. Антирелигиозная направленность отличает и другие рассказы Семенова, опубликованные в 1930-х гг. Писал он и о счастливой жизни в колхозах. Скончался Семенов в 1961 г. Он считается одним из основателей литературы на татско-еврейском языке, его стихи включаются

в антологии, его называют первым прозаиком, писавшем на этом языке. В 1964 г. был опубликован сборник произведений Семенова на татско-еврейском языке.

Имя другого прозаика почти полностью забыто. Закой Худайнатов вошел в литературу в середине 1930-х гг. Он опубликовал в газете «Захметкеш» роман «На добром пути» — о судьбе горской еврейки в период революции. Героиня романа — девушка, которая посещает ликбез, из-за чего возникает конфликт с отцом, опасающимся, что учеба отдалит ее от общины и что дочь собьется с пути. Но девушке удается убедить отца, ничего в жизни, кроме унижений и нужды не знавшего, и он принимает путь, который избрала для себя его дочь. Закой Худайнатов был учителем, директором татско-еврейской школы в Грозном. По всей видимости, он был репрессирован в конце 1930-х гг., что объясняет тот факт, что его имя почти не упоминается в обзорах татско-еврейской литературы.

В 1930-х гг. работали поэты Йехиэль Мататов, М. Ханукаев, Ицхак Хануков, Менувах Дадашев, Товья Бахшиев, Миши Бахшиев, Борис Гаврилов.

Йехиэль Мататов (1888—1943) рано остался сиротой, с 12 лет работал подмастерьем у маляра. Когда ему исполнилось 20 лет, его мобилизовали в армию, где он прослужил два года. Там он выучил русский. Когда началась первая мировая война, его снова призвали, он попал в плен к австрийцам. В 1917 г. вернулся в Россию, сблизился с большевиками, был комиссаром Красной армии, служил в ЧК, участвовал в подавлении антисоветского восстания в Дагестане. В 1922 г. вышел в отставку, занимал видные посты в партийном и советском аппарате.

В начале 1930-х гг. публиковал стихи и статьи в «Захметкеше». В 1931 г. в этой газете были опубликованы его переводы «Интернационала» и «Варшавянки». Опубликованы также были его стихи «Октябрь», «Большевистская весна», «Колхозная песня» и др.

В 1933 г. он написал резкую критическую статью против писателя Рафаэлова, опубликовавшего отрывки из своего романа в «Захметкеше». Мататов обвинил Рафаэлова в том, что он восхваляет старые обычаи и тем самым подогревает националистические настроения, то есть, также как Агарунов, Мататов исполнял роль партийного надзирателя за идеологической чистотой татско-еврейской литературы. В самом разгаре его карьеры, в 1938 г., его обвинили в антисоветской деятельности и арестовали. О дальнейшей его судьбе ничего не известно, по всей видимости, он погиб в лагерях.

Репрессиям в конце 1930-х гг. подвергался и поэт, переводчик и редактор М. Ханукаев. Широко известна была его «Песня о Дербенте»: ее перевели на русский и включили в сборник «Поэты советского Дагестана», увидевший свет в 1936 г. Потом многие годы он ничего не публиковал, и только в 1964 г. написал предисловие к книге Юно Семенова.

В те же годы Ицхак Ханукаев (1903—1973) опубликовал в Кубе стихи о тяжкой доле матери-еврейки, о прекрасной весне на Кавказе, о первых тракторах и тому подобном. В 1931 г. в статье «К нашим поэтам!» он призывал

поэтов разъяснять в своих стихах линию партии. В 1930-х гг. он перевел с русского на татско-еврейский ряд детских книг, написал учебники для еврейских школ.

Рахамим Рубинов (1893—1955) проживал в селении Варташен. До революции обучал детей Торе, а когда при советской власти открылась татско-еврейская школа, стал работать в ней учителем. Свои первые стихи, опубликованные в «Захметкеше», подписывал псевдонимом Реувени. Так как еврейское имя не сочеталось с политической линией газеты, позже он стал подписываться своей фамилией. В 1935 г. был опубликован сборник его стихотворений для детей под названием «Проказник».

Монувах Дадашев родился в Дербенте в 1912 г. В 1928 г. работал разносчиком газеты «Захметкеш». Вскоре последовали первые литературные опыты. Его заметили, направили учиться на рабфак Московского университета. Здесь он написал свои первые стихи, опубликованные в «Захметкеше». Он был активным членом московской организации горских евреев «Молодая гвардия», куда входили также Даниил Атнилов, Звулун Бахшиев и другие. В 1932 г. вышла в свет «Антология татской поэзии», в которую были включены стихи Дадашева.

В 1933 г. в Москве вышел в свет сборник стихотворений Миши Бахшиева и Монуваха Дадашева под названием «Плоды Октября» (500 экз.) В сборник вошло и стихотворение «Комсомолка», которое получило широкую известность и было включено во многие антологии и сборники на татско-еврейском языке. В том же году Дадашев вернулся на Кавказ, поселился в Баку, стал работать в издательстве на татско-еврейском языке. Он занимался переводом политической литературы (статьи Ленина, Сталина и др.). В 1936 г. на Втором съезде дагестанских писателей Дадашева избрали членом президиума Союза писателей Дагестана. Он стал центральной фигурой в литературе на татско-еврейском языке. В том же году вышел в свет второй сборник его стихов. В последующие годы он посвятил себя сбору фольклора горских евреев. В 1940 г. вместе с Хизгилом Авшалумовым опубликовал сборник народных сказок и легенд под названием «Татский фольклор». В 1941 г. Дадашев пошел на фронт, получил медаль «За храбрость». С фронта он присылал в дагестанские газеты статьи и патриотические стихи. Став свидетелем вандализма гитлеровцев в отношении евреев в освобожденном Ростове, он писал: «Они разрушили все. Они согнали в местный зоопарк и ликвидировали 14 тысяч евреев. Они убивали мужчин, женщин и детей, детей, детей... Увидев все это, я возгорелся страстным желанием отомстить врагу». Дадашев погиб в бою под Ворошиловградом в декабре 1943 г. В 1968 г. был издан сборник его стихов «Факел Октября». В предисловии к книге Дадашев был назван одним из самых выдающихся поэтов 1930-х гг., писавших на татско-еврейском языке.

Товья Бахшиев начал писать стихи в начале 1930-х гг. Он родился в 1914 г., излюбленной темой его поэзии была судьба женщины-горянки. В 1933 г. он написал поэму «Женщины в колхозе», в которой рассказал о создании

колхоза горских евреев и о нежелании мужчин принимать в него женщин в качестве равноправных членов. Через два года он написал еще одну поэму, в которой рассказал о пережитках прошлого и об обычае выдавать юных девушек замуж за стариков. Героиня поэмы не хочет подчиниться воле отца и сжигает себя. В 1935 г. выходит единственный его сборник под названием «Советский Дагестан» (500 экз.) Позже он отошел от писательства, преподавал марксизм-ленинизм в одном из московских вузов.

Основное значение второго периода состоит в том, что литература, ранее предназначенная в основном для исполнения со сцены, теперь предназначается для чтения. Если раньше писатели в каждом городе были как-то изолированы друг от друга, то с появлением еженедельника «Захметкеш» ситуация изменилась. Газета стала центром советской горско-еврейской интеллигенции.

Начало третьего периода в истории литературы на татско-еврейском языке было самым плодотворным. В 1937 г. любительский театр в Дербенте получил статус государственного. В феврале 1936 г. была создана татская секция Союза писателей Дагестана. В распоряжении писателей были два еженедельника, функционировали школы на татско-еврейском языке. В 1937 г. были опубликованы две пьесы, две книги прозы и книга стихов, то есть было выпущено рекордное число книг на татско-еврейском языке. Конституцией Дагестанской республики, утвержденной в 1937 г., татский язык был провозглашен одним из десяти государственных языков республики.

Но в этот же период наметился и регресс. В 1938 г. языки народов Кавказа — в том числе и татско-еврейский — были переведены с латиницы на кириллицу. Это создало перед литературой большие проблемы. В мае 1938 г. прекратил свое существование еженедельник на татско-еврейском языке в Баку. В татско-еврейских школах стали преподавать на русском языке. Резкой критике была подвергнута литература народов Кавказа. Для усиления контроля Союз писателей СССР создал Комиссию по наставничеству для писателей малых народностей Кавказа. В конце 1930-х гг. были арестованы Гирсил Горский, Йешиягу Биньяминов, Йихиэль Биньяминов, Закой Худойнатов и М. Ханукаев. Большинство арестованных погибли в застенках НКВД и лагерях, и это нанесло сильный удар по литературе на татско-еврейском языке.

С началом войны прекратилось издание «Захметкеша», ряд писателей — Менувах Дадашев, Хизгиль Авшалумов, Миши Бахшиев, Сергей Изгеев, Борис Гаврилов ушли на фронт. Татско-еврейская секция в Союзе писателей Дагестана практически не работала.

Это положение длилось до середины 1940-х гг. По окончании войны Даниэль Атнилов и Имруми Исаков предприняли попытку возродить литературную жизнь. Возобновила работу татско-еврейская секция Союза писателей. В 1947 г. возобновился выпуск еженедельника на татско-еврейском языке. Продолжали работать поэты Имруми Исаков, Шимшон Сафонов, Даниэль Атнилов, Сергей Изгеев, Борис Гаврилов в Дагестане, и Х. Шамилов в Кабардино-Балкарии.

Шимшон Сафанов публиковал свои стихи еще до войны. В 1940-х гг. помогал подготовке к изданию сборника переводов стихов с татско-еврейского на идиш. В 1968 г. вышел в свет первый сборник его стихов «Лети моя песня», в который включены стихи о природе и стихи актуального гражданского звучания. Он публиковал в 1960-х гг. свои стихи в альманахе «Ватан советимдэ».

Даниэль Атнилов (1915—1968) начал писать в 1930-х гг. В конце 1920-х гг. его направили в Москву для учебы в полиграфическом училище. Вернувшись в Дагестан в середине 1930-х гг., Антилов стал публиковать свои стихи в газетах. Он также писал стихи для детей, переводил Пушкина, Лермонтова, Маршака. В войну был военкором. В 1947 г. подготовил сборник «Татские поэты», изданный в Махачкале, издал сборник народного рассказчика Хизгиля Дадашева. В 1948 г. вышел в свет сборник его оригинальных стихотворений. Критика положительно оценила его стихи «Моя Москва» и «Чудесное дело», в которых нашла образ «нового героя, который жертвует личными интересами ради общественных». В 1950 г. был издан сборник его стихов в переводе на русский язык.

Высокую оценку в свое время получили детские стихи Атнилова, переведенные на русский язык и опубликованные большими тиражами. Детские стихи Атнилова в переводе на русский неоднократно издавались в Москве и в Дагестане. Его стихам высокую оценку дал поэт и литературовед Сергей Наровчатов. После смерти Атнилова в 1971 г. был издан еще один сборник его стихов.

Поэт Сергей (Сион) Изгияев родился в 1922 г. Первые стихи написал перед самой войной. В войну был на фронте. После войны продолжил писать. В конце 1940-х гг. собирал материалы для антологии произведений на татско-еврейском языке, которая была издана в 1950 г. в честь 30-летия образования республики Дагестан. В 1952 г. вышла первая книжка его стихов и поэм «Мы — за мир». В 1959 г. опубликована вторая книжка стихов. В 1962 г. он составил сборник молодых татских поэтов. Еще один его сборник был издан в 1970 г. В 1972 г. вышел сборник «Судьба любви». Это был его последний прижизненный сборник. Он умер в 1972 г. В 1977 г. был издан сборник его стихотворений под названием «Такой у нас обычай». Сергей Изгияев много и талантливо переводил стихи с других кавказских языков, в том числе — Расула Гамзатова. Умер он в расцвете творческих сил, и с его смертью татско-еврейская литература потеряла одного из самых плодовитых своих авторов.

Поэт и драматург Борис Гаврилов родился в 1908 г. Первые свои стихи он опубликовал в еженедельнике «Захметкеш» в конце 1920-х гг. В 1930-х гг. работал в сфере просвещения, написал учебники для татско-еврейских школ. Его пьеса «Пери-Ханум» (1938 г.) пользовалась большим успехом. Воевал на фронте, вернулся в Дербент, где работал учителем в школе до конца 1950-х гг. После войны публиковал стихи в альманахах на татско-еврейском языке. Были у него и стихотворения на тему антисионистской пропаганды, например,

такие, в которых были призывы не репатриироваться в Израиль, как стихотворение «Раскаяние» (1979 г.).

Одним из самых крупных писателей на татско-еврейском в послесталинский период был Миши Бахшиев. Он родился в Дербенте в 1910 г. По комсомольской линии его направили на учебу в Краснодар. В 1930 г. вступил в компартию, вернулся в Дербент и работал в сфере культуры. В 1931 г. его направили учиться в Москву на агронома. Здесь он вступил в татско-еврейский литературный кружок. Писать Бахшиев начал еще на Кавказе, но только в 1932 г. в Москве была издана первая книжка — повесть «Накануне новой жизни». Она рассказывала о событиях накануне революции и во время нее. В 1933 г. издана его книга «Рыбаки». В истории советской литературы эта повесть называется первым прозаическим произведением на языке народов Дагестана.

В 1936 г. Бахшиев вернулся в Дагестан, работал агрономом, был избран членом Дагестанского обкома партии. В этот период писал мало. С приданием народному театру на татско-еврейском языке статуса государственного появилась потребность в пьесах для него. Бахшиев написал драму о гражданской войне в Дагестане под названием «Победа героев» (1936 г.) и драму «Земля» (1939 г.). Эта его пьеса получила одну из премий на конкурсе драматических произведений, проведенном в Дагестане в 1941 г. В 1940 г. Бахшиев написал текст музыкальной комедии «Принц, король Аббас и грузчик Хасан».

С началом войны Бахшиев был призван в армию, демобилизовали его только в 1953 г. В армии он стал писать на русском, не прекращая писать и на татско-еврейском. В 1950 г. вышел в свет сборник его произведений на русском языке «Близкие люди», в котором были собраны стихи, рассказы и пьесы. В 1953 г. был опубликован сборник стихотворений на татско-еврейском языке. Одна из тем его поэзии — горькая судьба женщины-горянки, которую в прошлом угнетали муж, раввин и обычаи. В отличие от нее, ее дочь, живущая в новое время, свободна, равноправна и счастлива.

В начале 1960-х гг., работая в Махачкале по партийной линии, не прекращал литературную деятельность. В 1956 г. издал сборник на русском языке «Рассказы о земляках». В 1958 г. опубликовал большую книгу «Простые люди», в которой собрал свои повести, пьесы и очерки, опубликованные им ранее в местной периодике.

В Дагестане Бахшиев был признан крупным писателем. В 1960 г. официально отмечалось его 50-летие. В 1963 г. он опубликовал роман «Кисти винограда» — первое крупное произведение на татско-еврейском языке. Роман был переведен на русский и вышел под названием «У стен Нарын-Кала». Роман написан в духе социалистического реализма, он описывает жизнь двух поколений семьи горских евреев, рассказывает о создании еврейского колхоза, о послевоенной поре. Он повествует и о незаконных преследованиях, которым в годы ежовщины подвергался редактор еженедельника «Захметкеш» Баймаев.

В 1971 г. увидела свет последняя прижизненная книга Бахшиева — сборник прозаических произведений на русском языке. Скончался писатель в 1972 г. После его смерти, в 1976 г., вышел в свет сборник стихотворений, написанных им в послевоенные годы, «Я люблю весну» на татско-еврейском языке.

Хизгил Авшалумов родился в 1913 г. в Нюгди. Ему было всего несколько лет, когда умерла его мать. О тяжелой жизни сироты Авшалумов написал в одном из рассказов. «Я часто видел во сне еду. Огромные лепешки, горы рисовой каши, яйца. Проснувшись и не увидев их рядом с собой, я начинал плакать, накрывшись с головой одеялом — чтобы меня не услышала мачеха».

Когда Хизгил подрос, отец стал брать его с собой на рыбную ловлю. В море он рассказывал сыну красочные легенды и сказки, которые оставили глубокий след в душе мальчика. «Я очень любил отца,— писал Хизгил много лет спустя.— Неизлечимая тоска по матери, которой у меня не было, еще больше привязывала меня к отцу. Находиться рядом с ним было для меня настоящим праздником, и отец чувствовал это».

В 1926 г. умер отец, и мальчик был вынужден пойти работать. Был пастухом, батрачил. Он хотел любым способом выбраться из села. В 1931 г. попытался пойти армию, но его не взяли по состоянию здоровья. Он уехал в Дербент, там стал активно работать в комсомоле, его направили на учебу в партийную школу, которую он окончил с отличием.

В 1938—1941 гг. Авшалумов работает младшим научным сотрудником в Дагестанском институте истории, собирая сказки горских евреев, и одновременно начинает публиковаться в «Захметкеш». В 1940 г. под его редакцией вышел в свет сборник «Татский фольклор». В то же время он готовит татско-русский словарь, который не успел закончить до войны.

В 1941 г. его призвали на фронт. Он дослужился до звания капитана, был заместителем командира эскадрона кавалерийского полка. Дважды был ранен. После войны до 1955 г. служил в качестве военкора. Вернувшись на родину, стал работать в редакции газеты на русском языке «Правда Дагестана» редактором литературного отдела. В этот период он писал в основном на русском, но считал себя татско-еврейским писателем.

В 1956 г. вышел в свет его первый сборник рассказов на татско-еврейском «Дружба», через год — повесть «Судьба Сасуна». В 1960 г. в Москве был издан сборник его рассказов в переводе на русский под названием «Встреча у родника».

Большинство его рассказов — не о горских евреях. Только один посвящен его соплеменникам. Он основан на народном предании, рассказывающем о зарождении аула Нюгди, родине Авшалумова. В 1961 г. вышел в свет еще один сборник на русском языке «Как я воскрес». В него вошли рассказы из предыдущего сборника и новые произведения автора. Два новых рассказа были посвящены жизни горских евреев. В одном из них Авшалумов рассказывает о старинном обычае приносить жертву в память об умерших. Другой

рассказ — автобиографичен, называется он «Как я написал свой первый рассказ». Именно в нем он говорит об отношении к нему мачехи, о страданиях сироты.

В 1963 г. Авшалумов издал сборник рассказов на татско-еврейском, в 1966 г. — еще один сборник на русском — «Невеста с сюрпризом», который получил премию имени С. Стальского. В 1971 г. в Махачкале вышел в свет его сборник рассказов на татско-еврейском и сборник избранных произведений на русском, в который была включена серия стилизованных под народные легенды рассказов про Шими Дербенди, остроумном, лукавом старике.

В 1974 г. вышел в свет его роман «Сын клоуна», над которым писатель работал много лет. В нем Авшалумов рассказывает о своем родном Нюгди, о его людях, домах, обычаях. События происходят в 1910—1920 гг. В центре романа — конфликт между семьей бедного пастуха и одного из сильных мира сего в еврейской общине Нюгди. Роман имеет сложный сюжет, но образы выписаны довольно поверхностно, плакатны и поведение героев обуславливается их социальным положением.

Хизгил Авшалумов входил в последние годы своей жизни в число лучших писателей Дагестана: его произведения были переведены на английский, немецкий, испанский, польский, он был отмечен литературными премиями. В начале 1970-х гг. он стал секретарем Союза писателей Дагестана. Авшалумов пишет на русском и на родном языке. В 1980 г. вышла в свет книга его стихов на татско-еврейском.

Заслуга Авшалумова и Бахшиева — в том, что они были основателями выходившего ежегодно, начиная с 1960 г., тиражом в 1000 экземпляров альманаха на татско-еврейском «Ватан советимо», в котором публиковали свои произведения начинающие авторы.

В этом альманахе впервые опубликовал свои стихи Амальдан Кукуллу, который позже издал несколько сборников своих произведений. Кукуллу занимался также собиранием фольклора горских евреев.

Судьба литературы и литераторов, пишущих на татско-еврейском языке, была в послевоенный период более счастливой, чем еврейских писателей, писавших на идише. В 1949—1959 гг. не была издана ни одна книга на идише, а на татско-еврейском книгоиздание в эти десять лет не прекращалось. Среди писателей — горских евреев не было повальных арестов в 1948—1949 гг., когда были арестованы большинство тех, кто творил на идише. Возможно, татско-еврейскую литературу миновала печальная участь ее сестры — литературы на идише по той причине, что в советских источниках она коротко называлась «татской». Возможно, помогло и то, что татско-еврейский язык считался одним из государственных языков Дагестана. Кроме того, в этой литературе не проявлялся ярко ее национальный характер. Татско-еврейские писатели не имели контактов с Еврейским антифашистским комитетом.

Но и татско-еврейская литература ощущала если не гнет, то пренебрежение властей. В 1952 г. Союз писателей Дагестана стал выпускать литературный

альманах «Дружба» на пяти языках, татско-еврейского среди них не было. Правда, в нем публиковались переводы с этого языка, выполненные Даниэлем Атниловым.

Из тех, кто пришел в татско-еврейскую литературу в послесталинскую эпоху, стоит упомянуть Биньямина Сафанова, Михаила Дадашева, поэтесс Зою Исаеву, Зою Семендуеву и Хаву Гладову.

В последние десятилетия все больше горских евреев воспринимали в качестве родного языка русский. На этом языке стали писать Майя Нахшонова, Менашир Азизов, Александр Рафаилов, Феликс Бахшиев, Лазарь Амиров. Их написанные на русском произведения публиковались в альманахе в переводе на татско-еврейский язык.

Обзор истории литературы на татско-еврейском языке дан в работах литературоведа Галины Мусахановой.

ГЛАВА 23

Издательская деятельность

Не существует полного каталога изданий, вышедших на татско-еврейском языке. Издания, вышедшие в свет до 1917 г., не были включены, насколько известно, в российские библиографические списки. То же самое касается и периодики, книг и брошюр, напечатанных еврейским шрифтом в двадцатых годах. Библиография советских татско-еврейских изданий была опубликована в 1930-х гг. в «Еженедельнике Книжного бюро» и затем в «Книжном ежегоднике», но названия книг были приведены в переводе на русский язык.

Газеты и журналы

Появление периодики на татско-еврейском языке связано с расширением общественной деятельности в середине 1910-х гг. Первая газета горских евреев называлась «Эхо гор». Она выходила в Баку в 1915—1916 гг. Ее издателем был Михаил Бен-Герари (Рабинович).

Военное время не способствовало расцвету прессы, но в 1919 г. Кавказский окружной сионистский профсоюз решил начать выпуск в Баку газеты на татско-еврейском языке, которая информировала бы читателей о новостях еврейской жизни во всем мире. Координаторами от профсоюза, ответственными за эту газету, были назначены В. Вайншель и У. Фридлендер. Редактором газеты был назначен член организации «Цеирей Цион» Илья Анисимов, а секретарем редакции — А. Рабинович.

После долгих приготовлений в июле 1919 г. вышел в свет первый (и, видимо, последний) номер нового издания. Оно называлось «Утренняя звезда». Часть статей, также как и заголовки, были на иврите, и, следовательно, предназначались для образованной прослойки горских евреев. Но смена власти в Баку и разрыв связей между районами Кавказа сделали невозможным издание этой газеты.

5 февраля 1922 г. в Баку вышел в свет первый (и тоже единственный) номер газеты «Корсох» («Трудящийся») — орган окружного кавказского комитета сионистской организации «Поалей Цион» и молодежного еврейского коммунистического союза. Ее редактором также был Бен-Герари. Редакция этого издания находилась в клубе имени Бера Борухова, который служил одним из центров культурной деятельности на татско-еврейском языке.

С марта 1924 г. по апрель 1931 г. в Нальчике выходила газета на четырех языках под названием «Красная Кабарда», одним из этих языков был татско-еврейский. В 1926 г. власти Северокавказской области дали разрешение на открытие издательства на татско-еврейском языке, но оно так и не возникло по причине отсутствия специалистов.

В конце 1920-х гг. в Азербайджане возобновились попытки создать периодическое издание на татско-еврейском языке. 5 сентября 1928 г. в Баку вышел первый и последний выпуск газеты под названием «День коммунистической молодежи», а 7 ноября того же года вышла газета под названием «Октябрь», тоже всего один раз. В 1934 г. в Баку начал выходить еженедельник на татско-еврейском языке под названием «Коммунист», который являлся органом ЦК и бакинского горкома компартии Азербайджана. Его редакторами были Яков Агарунов и Исраэль Давидов.

В 1935—1937 гг. ежегодно выходило 80 выпусков этого издания. В 1938 г. «Коммунист» прекратил свое существование. С тех пор в Азербайджане не существовало ни одного периодического издания на татско-еврейском языке. Страница на этом языке, публиковавшаяся в районной газете Кубы, также была отменена.

Тогда же перестал быть двуязычным и стал только азербайджанским еженедельник под названием «Путь коллективизации», издававшийся с 1931 г. в Кубе тиражом в 2000 экземляров. Редактором еврейской части этой газеты был Моше Осипов, выпускник школы партактива.

Одной из разновидностей газетной деятельности для горско-еврейского населения в Азербайджане был выпуск стенгазет. В начале они писались от руки в ограниченном количестве экземпляров и развешивались на стенах городских домов. Сообщения для таких газет переводились на татско-еврейский язык из периодической прессы и дополнялись информацией о происходящем в местном клубе. Со временем их стали печатать типографским способом или размножать на копировальной аппаратуре. Выпуск таких стенгазет был прекращен в конце 1930-х гг.

Дагестанская республика с конца 1920-х гг. стала крупнейшим центром культуры на татско-еврейском языке. К этому времени дербентский диалект был принят в качестве основы литературного языка.

В июне 1928 г. в Дербенте начала выходить газета на татско-еврейском «Захметкеш» («Трудящийся»). Она считалась органом городского и республиканского Совета рабочих депутатов и партийного комитета. Ее редактором стал А. Бинаев, который до революции был раввином, а после нее превратился в одного из главнейших партийных пропагандистов и принял активное участие в борьбе за латинизацию алфавита и в антирелигиозной пропаганде. В 1937 г. он был уволен с должности редактора «Захметкеша», и на его место назначили Йоханана Йохананова. В 1938 г. Бинаев был арестован по обвинению в троцкизме, но в 1939 г. его освободили. Однако после этого он уже никогда не занимал высоких должностей и закончил жизнь в качестве простого рабочего.

В 1928—1929 гг. «Захметкеш» печатался в основном еврейскими буквами, лишь некоторые статьи набирались латинским шрифтом. Уже тогда издатели сетовали на то, что газета не пользуется особой популярностью. В 1930 г. она стала выходить чаще и полностью печататься латинским шрифтом. Вместо 58 выпусков, увидевших свет в 1929 г., в 1930 г. их было уже 90, в 1931 г. — 140. Тираж «Захметкеша» составлял 1200 экземпляров и предназначался в основном подписчикам. С 1933 по 1938 гг. выходило ежегодно от 69 до 103 выпусков. В конце 1938 г. шрифт газеты сменился на кириллицу, а назваться она стала «Гирмизине Астара» («Красная звезда»). 23 июля 1941 г. вышел в свет последний, 1217 выпуск этой газеты.

После войны газета возобновилась под названием «Гирмизине Гйлем» («Красный флаг»). Первый выпуск появился 21 июля 1947 г., и на протяжении 1948-1951 гг. выходило по 40—50 номеров в год. 25 апреля 1952 г. газета на татско-еврейском языке окончательно прекратила свое существование. С тех пор в СССР не существовало периодики на языке горских евреев, кроме литературного альманаха-ежегодника, начавшего выходить с 1959 г.

Книги и брошюры

Начало выпуска книг и брошюр на татско-еврейском языке связано с сионистской деятельностью на Кавказе. В 1908 г. в Вильне появилась первая брошюра на языке горских евреев «Цели сионизма» Йосефа Сапира в переводе Асафа Пинхасова.

В надежде на то, что потребности горских евреев в печатном слове будут расширяться, сионисты Матитьягу Богатырев и Шломо Мордехаев основали издательство. Насколько известно, оно выпустило только одну книгу — молитвенник «Коль Тфила» с параллельным переводом на татско-еврейский, осуществленным тем же Асафом Пинхасовым. Напечатана эта книга была в Вильне в 1909 г., ее открывало предисловие переводчика и две рекомендательные статьи: одна — главного раввина Дербента р. Элиягу Анохи и вторая — председателя Сионистской организации горских евреев Асафа Агарунова.

Судьба Асафа Пинхасова, как и многих других деятелей горско-еврейского просвещения, была трагична: его в Дербенте расстреляли в ЧК по ложному обвинению в сотрудничестве с белыми во время деникинской оккупации Кавказа.

Следующая попытка наладить издательскую деятельность на языке горских евреев была предпринята в начале 1920-х гг. организацией «Поалей Цион». Ее деятели, прежде всего Бен-Герари, способствовали изданию первых учебников и хрестоматий на татско-еврейском языке. После того, как деятельность «Поалей Цион» среди горских евреев стала преследоваться, издания на этом языке снова перестали выходить.

С конца 1920-х гг. советская власть вновь начинает издавать книги, в первую очередь учебники, для горских евреев. В 1927 г. было издано шесть учебников:

четыре — для школ и два — для обучения взрослых. В Москве вышел учебник Гиладова для курсов ликбеза, а в Дагестане был напечатан латинским шрифтом учебник татско-еврейского языка для взрослых Арсланова. В 1928 г. появилось одиннадцать изданий на татско-еврейском языке, в том числе букварь Закоя Худайнатова и брошюра о санитарии, выпущенная ОЗЕТом. Эта организация также выпустила на татско-еврейском языке серию плакатов о еврейском поселенчестве в СССР.

В 1929 г. вышло в свет два издания на татско-еврейском языке: брошюра о деятельности ОЗЕТа, написанная Худайнатовым, и пьеса Иешаягу Бен-Ами (Биньяминова).

В 1929—1930 гг. издательства на татско-еврейском языке попали в водоворот борьбы за латинизацию шрифта. После 1929 г., насколько известно, не появилось ни одного горско-еврейского издания, напечатанного ивритскими буквами. В течение всего советского периода их успело выйти девятнадцать.

В 1929 году вышло первое издание на татско-еврейском языке, отпечатанное латинским шрифтом. Это была брошюра, переведенная с русского языка и предназначенная для школ политпросвета. Большинство книг на языке горских евреев, вышедших в 1930 г., также являлись пропагандистскими изданиями, переведенными с русского.

В 1920-х гг. еще не существовало всесоюзного планирования изданий на татско-еврейском языке, и чаще всего их выход определялся местной инициативой. В начале 1930-х гг. была предпринята попытка централизовать издательскую деятельность. В феврале 1931 г. в Москве, в Государственном издательстве народов СССР, была создана татско-еврейская секция. В первые годы своего существования она выпустила всего несколько книг, в том числе том сочинений Миши Бахшиева и учебники для курсов ликбеза. В 1932 г. в одной только России вышло в свет 92 издания на татско-еврейском, средним тиражом в 1250 экземпляров, и среди них антология татской поэзии, а также первая грамматика татского языка, написанная Нафтали-Цви Анисимовым. В 1933 г., по неполным данным, вышло 8 книг на татско-еврейском языке: семь в Москве и одна в Махачкале. Три из них представляли собой агитационные брошюры, переведенные с русского языка. В Махачкале, тиражом 120 экземпляров, была издана брошюра с учебными программами по арифметике и национальному языку в татских школах для учеников, испытывающих трудности с чтением и письмом. Еще три книги являлись художественной литературой: перевод рассказа К. Паустовского, рассказ М. Бахшиева «Рыбаки» и сборник стихов М. Бахшиева и М. Дадашева «Плоды Октября». Кроме того, вышла также книжка стихов Агнии Барто для детей дошкольного возраста «Младшие братья» в переводе Зеева Бахшиева. Все художественные книги были изданы в Москве тиражом около 700 экземпляров.

В 1934 г. вышло 49 книг на татско-еврейском языке, в 1935 г. — 56, в 1936 г. — 44, в 1937 г. — 63, в 1938 г. — 27, в 1939 г. — 19, в 1940 г. — 24, в 1941 г. — 13. Более половины, 28 книг, вышедших в 1934 г., были изданы в Москве, 13 — в Махачкале, 8 — в Баку. 15 из них представляли собой

агитационные брошюры, переведенные с русского языка Мататовым, М. Бахшиевым, З. Бахшиевым, М. Дадашевым и М. Ханукаевым. Политические издания включали в себя решения партийных съездов, работы Ленина, речи Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича. Четыре раза переиздавалась брошюра В. Карпинского «Беседы о ленинизме». Вышла в свет также брошюра о молодежном коммунистическом движении за границей, которую подготовил и отредактировал Ш. Мишаев. Средний тираж этих брошюр составлял 1000 экземпляров, но вызывает сильные сомнения тот факт, что большинство горских евреев нашли в них для себя что-нибудь интересное.

В Москве вышли также четыре литературных издания, переведенных с русского языка Зеевом Бахшиевым и Юно Семеновым. С их помощью горским евреям была предоставлена возможность познакомиться с творчеством Либединского, Горького, Чехова и Шолохова. Средний тираж этих книг — 775 экземпляров.

В Москве было издано на татско-еврейском языке также четыре книжки, посвященные вопросам здоровья, семьи и воспитания детей, две книги о сельском хозяйстве и брошюра под названием «Почему мы стали атеистами».

Ни в одной из брошюр на татско-еврейском языке, изданных в Москве, как и в тех, которые вышли в свет в Махачкале, не было и в помине никакого еврейского содержания. 10 из 13 книг, вышедших в Дагестане, являлись профессиональными руководствами для механиков, железнодорожных рабочих и виноделов. Единственной книгой с национальным содержанием был сборник татско-еврейских стихов и рассказов под редакцией М. Ханукаева, вышедший тиражом 1000 экземпляров. Все учебные издания на татско-еврейском, за исключением двух, вышли в Баку, и часть из них также была переводами. Таким образом, 38 из 49 вышедших в 1934 г. книг на татско-еврейском языке не имели никакого отношения ни к еврейству вообще, ни к жизни горских евреев в частности.

В середине 1930-х гг. было решено сконцентрировать издательства на языках национальных меньшинств в республиках, где проживало большинство их представителей. В 1934 г. татско-еврейская секция в московском издательстве была расформирована, и вместо нее создан специальный отдел горских евреев в государственном издательстве республики Азербайджан. Руководителем этого отдела был назначен Яков Агарунов, его заместителем Юно Семенов.

Из 56 книг на языке горских евреев, увидевших свет в 1935 г., 12 представляли собой политические и пропагандистские издания, вроде речей Сталина, бесед Клары Цеткин о статусе женщины и В. Карпинского о коммунистической партии, разъяснительных брошюр о колхозах. Было среди них и «Письмо рабочих Дагестана к Сталину». Из переводной художественной литературы часть представляла собой переводы с русского языка — произведения Л. Толстого, М. Горького и краткий пересказ «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Но большинство переводной литературы состояло из переводов кавказских писателей. Четыре книги были переведены с азербайджанского языка, две — с грузинского и одна с — армянского. Кроме того, на этот раз было

уделено внимание и детской переводной литературе. Было издано 9 детских книг, из которых 4 представляли собой перевод произведений Маршака, Льва Кассиля, В. Дмитриева. Кроме того, молодым читателям была предложена переработка «Вильгельма Теля» Шиллера. Из девяти учебников и учебных программ, изданных в 1935 г., пять были переводами с русского.

Только у пяти художественных произведений, не считая учебников, написанных на татско-еврейском, было хоть что-то общее с национальной культурой. Таким образом, можно сказать, что, хотя в 1935 г. количество изданий на татско-еврейском языке выросло, но увеличился и процент книг, не имеющих отношения к национальной тематике.

С 1936 г. количество изданий на татско-еврейском языке начало сокращаться (44 издания, по сравнению с 56 в 1935 г.). 10 из этих 44 книг были пропагандистскими брошюрами, переведенными с русского, из них 5 составляли речи Сталина, 3 были посвящены новой советской Конституции, одна представляла собой правила приема в партию, и еще одна рассказывала о главе болгарской компартии Димитрове. Относительно много внимания было уделено литературе, предназначенной для детей: был представлен весь набор популярной тогда в стране детской литературы: переводы из книг Б. Житкова, Л. Яковлева, А. Гайдара, Н. Лебедева, М. Ильина, а также «Гулливер в стране лилипутов» Джонатана Свифта. Учебники и учебные программы, как и в прошлые годы, заняли значительное место среди изданий на татско-еврейском языке (14 наименований).

Количество оригинальной (не переводной) литературы на татско-еврейском в последующие годы увеличивалось. В 1938—1941 гг. общее число оригинальных книг среди всех, изданных на языке горских евреев, составляло от 25 до 40 процентов.

Первой книгой, переведенной с идиша на язык горских евреев, стал сборник рассказов Шолом-Алейхема. В 1937 г. также было выпущено некоторое количество детских книг — переводы из М. Ильина, В. Гаршина, Р. Киплинга. Политические брошюры, как и в прежние годы, представляли собой речи Сталина и решения партийных органов. Вышла также на татско-еврейском книга О. Жемчужина о броненосце «Потемкин».

В конце 1930-х гг. еще существовали немалые различия между диалектами татско-еврейского языка, что нередко выражалось в остром соперничестве и полемике между издательствами Баку и Дербента. В 1937—1939 г. начала проводиться линия к переходу с латиницы на кириллицу, и Азербайджан перестал считаться центром издательской деятельности на языке горских евреев. В Дагестане, напротив, как уже упоминалось, татско-еврейский язык, называемый просто татским, был признан одним из официальных языков республики. Естественно, что именно здесь и сосредоточилась издательская деятельность на нем.

В 1942—1945 гг. книги на языке горских евреев не издавались, но зато проводилась работа по подготовке сборника стихов, переведенных на татский язык с идиша. В него должны были войти произведения Ицика Фефера,

Переца Маркиша, Авраама Суцкевера, Арона Кушнирова, Самуила Галкина, Давида Гофштейна и Эзры Файнберга.

Даже в «черные» годы (1949—1952 гг.), когда в СССР была уничтожена идишская культура, вышло в свет 12 книг и брошюр на татско-еврейском языке. Семь из них были посвящены юридическим вопросам, таким, как конституции СССР, РСФСР и Дагестанской автономной республики, или правилам голосования. Две книги представляли собой переводы произведений Пушкина — одна для взрослых, а вторая — для детей. И еще две книги принадлежали перу татско-еврейских писателей.

В ознаменование тридцатилетия создания Дагестанской автономной республики в 1950 г. вышел в свет альманах, в который вошли произведения татских писателей. Его составителем был С. Изгияев, а редактором — Р. Разилов. В 1953—1959 гг. на татско-еврейском языке было выпущено всего 13 книг, и среди них — сборник под названием «Стихи и рассказы: литературный альманах» (1959 г.).

Всего с 1946 по 1959 гг. была опубликована 31 книга на языке горских евреев, 14 из которых являлись переводами с русского языка. Средний тираж этих изданий составлял 780 экземпляров. В 1960 г. начал выходить литературный альманах-ежегодник «Ватан Советимуз» («Советская Родина»), составленный и отредактированный Х. Авшалумовым.

В 1960-х гг. вышло в свет всего 17 книг на татско-еврейском языке, средним тиражом в 1250 экземпляров. Большинство из них было издано в Махачкале, небольшая часть — в Москве. В 1970-х гг. вышло 25 книг, средним тиражом в 1100 экземпляров. Большинство из них представлялр собой художественную литературу, созданную на языке горских евреев. Переводы с русского языка перестали быть актуальными, поскольку почти все горские евреи уже могли читать эти произведения по-русски.

Заключая этот раздел, можно сказать, что издательская деятельность на татско-еврейском языке за годы советской власти достигла расцвета с количественной точки зрения, также как и публикации на языках других малых народов СССР: в основном выпускались переводные книги, основное место занимали политические и пропагандистские издания.

Следует сказать, что, наряду с ростом количества литературы, изданной в СССР на татско-еврейском языке, резко выделялось отсутствие в ней национального содержания.

ГЛАВА 24
Театральное искусство

Никакой народно-театральной традиции типа ашкеназских пурим-шпилей у горских евреев не существовало. Театральные коллективы, получившие официальный статус, сформировались уже в советское время из творчества народных певцов и танцоров, из самодеятельных спектаклей и представлений, существовавших на клубной сцене.

Постоянные театральные коллективы у горских евреев появились в начале 1920-х гг. в созданных тогда клубах и вновь открытых татско-еврейских школах. В основном такие коллективы работали в Баку и Дербенте. Некоторое время существовали драмкружки в Кубе и Махачкале, но они быстро закрылись.

Однако первая самодеятельная постановка имела место еще раньше: первая пьеса на татско-еврейском языке была поставлена в еврейской школе Дербента по случаю свадьбы одного из учителей Накдимона б. Шимона. Эта была инсценировка переведенного с иврита рассказа Нахума Шайкевича (1846—1905) «Ожог за ожог», поставленная Асафом Агаруновым. Премьера трехактной пьесы состоялась 24 декабря 1903 г.; по воспоминаниям современников, зал был забит до отказа.

На вечере, посвященном Хануке, в 1908 г. в той же школе ученики выступали с песнями и стихами на русском и иврите, а также представили одноактную пьесу на татско-еврейском, посвященную героическим событиям эпохи Маккавеев.

В 1918 г. в Дербенте была создана драматическая студия, активистами которой были Менашир и Ханум Шалумовы. Возглавлял ее раввин Йешаягу Рабинович. Эта труппа ставила пьесы на библейские темы: «Самсон и Далила», «История Эстер» и др. Пьесы были написаны на татско-еврейском языке учителями и бывшими выпускниками дербентской школы. Эти спектакли содержали много импровизации, песен, танцев. В пьесах наравне с библейскими героями действовали большевики, белогвардейцы, пролетарии и тому подобное.

Двое участников этой студии — Юно Семенов и Сергей Изгияев создали в 1921 г. агитколлектив, типа популярной в те годы «Синей блузы», который готовил выступления на актуальные темы.

В начале 1920-х гг. в Дербенте была создана организация горско-еврейская молодежи, при которой работал драмкружок. В 1924 г. он поставил две пьесы Юно Семенова: «Назойливый сват» и «Два старьевщика».

В середине 1920-х гг. драмкружок закрылся, но вскоре была создана драматическая студия горских евреев, которая осуществила постановку пьес «Бар-Кохба», «Уриэль Акоста», «Амнон и Тамар» и др. Поначалу студия пользовалась благосклонностью властей, но в 1928 г. она была распущена.

В начале 1930-х гг. был открыт «Народный театр горских евреев города Дербента», в котором активно работали Юно Семёнов, Захарья Авшалумов, Имрам Абрамов и др. Репетиции этого театра проходили в помещении синагоги, конфискованной советской властью у ашкеназской общины, а спектакли ставились на сценах Клуба строителей или Клуба железнодорожников.

В марте 1932 г., когда в Махачкале был создан Центральный театр народов Дагестана, театр в Дербенте стал его филиалом. Государственные дотации позволили заметно улучшить материальное положение молодого театра.

В 1935 г. дербентский театр, созданный поначалу как самодеятельный, получил статус государственного. В нем служили 25 штатных актеров. Ведущими актрисами были Ахсо Шалумова и Гюльфир Абдулимова, выступали в нем Борис Абдулимов, Гаври Хазанов и Юшва Ханукаев. Джумшуд Ашуров был музыкальным руководителем. Театр давал спектакли один-два раза в неделю. На его сцене шли пьесы Шиллера, Мольера, Островского, Горького, а также спектакли по оригинальным пьесам, написанным на татско-еврейском языке Юно Семеновым, «Два брата» и «Кордон». Немало пьес были явно пропагандистскими, антиклерикальными.

С началом войны часть актеров была призвана в армию, театр прекратил свою деятельность, и возобновил ее только в 1943 г. В 1948 г., когда начались сталинские репрессии против деятелей еврейской культуры, власти закрыли еврейский театр, передав его имущество лезгинскому театру. Официальной причиной закрытия было объявлено отсутствие достаточно профессиональных актеров и достаточного количества публики. К тому времени большинство горских евреев понимали русский язык, они также знали лезгинский и другие местные языки. На самом деле, в намерение властей входило свести на нет любую культурную активность на татско-еврейском языке.

Первый драмкружок на татско-еврейском языке в Баку был организован при клубе «Цеирей Цион» вскоре после революции. Душой драмкружка был Гирсил Горский. Он перевел на татско-еврейский пьесы «отца идишского театра» Авраама Гольдфадена (1840—1908) «Бар-Кохба» и «Шуламит». Он сам поставил их и играл главные роли. Первое представление было показано зрителям 28 августа 1919 г.

В начале 1920 г. в Баку под эгидой Еврейской Компартии начал работу клуб «Поалей Цион», куда и перешел Гирсил Горский. 14 февраля 1920 г. здесь был поставлен первый спектакль, а чуть позже — новая пьеса Гирсила Горского. Для представления был арендован зал кинотеатра, имевший 400 мест. Начало было назначено на 6 часов, но зрители стали прибывать уже в 2 часа дня. Люди приходили целыми семьями, мест не хватило, многие сидели прямо на полу.

В 1933 г. драмкружок при бакинском клубе, называвшемся Дворец культуры татов, поставил явно пропагандистскую пьесу Ицхака Ханукаева «Рожденные революцией». В финале все герои дружно строили социализм, и над головами тружеников развевался огромный красный флаг.

В 1935 г. драмкружок получил статус профессионального театра. В конце 1930-х гг. театр был закрыт, и на этом театральная деятельность на татско-еврейском языке в Азербайджане закончилась.

После смерти Сталина в Дербенте был возрожден театр на татско-еврейском языке, он ездил с гастролями по населенным пунктам, где имелось еврейское население. Драмкружки образовывались в других населенных пунктах, но, не получив помощи от государства, все эти коллективы прекратили свою деятельность.

После многочисленных обращений партийные власти Дербента разрешили трем еврейским колхозам, расположенным в пригородной зоне, выделить 50 тысяч рублей для создания «Межколхозного театра на татском языке». Директором этого театра был назначен Хаим Агарунов, режиссером — Гад Сафонов. В театре работало около 20 артистов. На музыкальных спектаклях к ним присоединялись певцы и музыканты. Театр ставил пьесы Юно Семенова, Миши Бахшиева, Хизгила Авшалумова. Темы пьес — еврейские колхозы, строительство новой жизни, положение женщины, критика религии и священнослужителей.

Среди прочего театр поставил популярную оперу азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова «Лейли и Меджнун», музыкальный спектакль «Ашуг Гариб». Ведущими артистами театра были Борис Аблаимов и Шимшон Ашуров. Дирижером в театре работал азербайджанец Мусид Джумджумов.

Параллельно с театрами действовали музыкально-танцевальные ансамбли, пользовавшиеся огромным успехом, не раз приезжавшие с гастролями в Москву. В годы войны огромной популярностью в Дагестане пользовалась певица горская еврейка Суипрат Абрамова. В 1980-х гг. в Дагестане были знамениты актриса М. Щербатова и певица Дора Ханукаева из Нальчика. Ее родственник Хизгил Ханукаев был одним из известных на Кавказе композиторов. Музыку он начал писать в 1930-х гг., в 1940 г. получил звание заслуженного артиста Дагестанской республики.

Следует также отметить, что немало горских евреев играли в театрах, работавших на других языках.

7. *Образование*

Образование у горских евреев, так же как и в других общинах диаспоры, было традиционно религиозным. Только в конце XIX в., наряду с религиозным, у горских евреев появляется светское образование.

Можно разделить историю образования у горских евреев на четыре периода: первый — до конца XIX в., когда традиционный хедер был единственной школой; второй — 1900—1920 гг., когда традиционное образование перестало быть единственной возможностью, но хедер продолжал существовать; третий период — 1920—1950 гг., когда были созданы и функционировали советские еврейские школы, а традиционное образование исчезло (его остатки теплились, по крайней мере, до начала 1930-х гг.); четвертый — с начала 1950-х гг., когда все формы национального образования у горских евреев прекратили свое существование.

ГЛАВА 25
Религиозное образование

Начальное религиозное образование

В XIX в. в большинстве общин горских евреев существовали начальные религиозные школы для мальчиков, аналог ашкеназского хедера, называвшиеся здесь «талмид куне» или «нобухонда». В больших общинах таких школ было несколько. В большинстве «талмид куне» обязанность учителя исполнял раввин или резник, что у горских евреев часто было одно и то же, впрочем, бывали и профессиональные учителя. И. Черный замечает:

> *Преподавателями у них резники, которые вместе с тем занимают и раввинские должности. Когда они свободны от резки скота, тогда только занимаются обучением детей. Они обучают мальчиков читать и писать, а также и Библии с переводом на фарсидско-татский язык.*[1]

Профессиональная подготовка большинства учителей, особенно в небольших аулах, оставляла желать лучшего. И. Анисимов с негодованием пишет о том, что хедеры:

> *открываются резниками, большею частью не имеющими совести и угнетающими детей.*[2]

Именно недостаточное образование преподавателей было одной из причин низкого уровня образования в горско-еврейской среде. Учителя сами не получали систематического образования. Анисимов (впрочем, вообще критические настроенный к традиционным формам образования) пишет:

> *Не меньшей помехой для получения детьми образования служат и самые школы с их обстановкой. Притом и сами учителя, под руководством которых должны обучаться грамоте, совсем не подготовлены к своей обязанности и не менее учеников нуждаются в образовании. Научившись мало-мальски переводить Талмуд на свой татский язык под руководством своих рабби, ученики эти* <будущие учителя> *изучают обряды обрезания и богослужения, чем и обусловливается получение свидетельства на звание*

---

[1] Черный, 1870. С. 13.
[2] Анисимов, 1888. С. 236.

раввина, резника и учителя. Вот эти-то ученые, которые едва-едва объясняются по древнееврейски и с трудом понимают Библию, берутся за просвещение молодых умов и воображают, что они открывают им Бог знает какую премудрость.[3]

Мальчиков отдавали в школу в возрасте пяти-семи лет. Ученики собирались в здании, специально построенном для школы возле синагоги, или же прямо в помещении синагоги. Иногда занятия проходили в доме учителя.

Хотя не было никакой официальной учебной программы, но, тем не менее, обучение в «талмид-куне» укладывалось в некую традиционную систему.

На первом этапе ученики изучали алфавит и затем огласовки. На втором этапе, когда они уже умели немного читать, они заучивали наизусть отрывки из Пятикнижия и молитвы. На третьем этапе дети учились понимать прочитанное и зубрили Пятикнижие с переводом на татско-еврейский. Этот этап обучения назывался «Тамиси». При переводе Торы на разговорный татско-еврейский язык учителя пользовались традиционной системой. Для большинства мальчиков на этом этапе обучение заканчивалось, многие ученики покидали «талмид-куне» и шли работать, чтобы помочь семье.

На четвертом этапе изучали Книги Пророков. В программу входили Книги Исуса Навина, Судей, Самуила и Царей, а также некоторые отрывки из Книг Великих и Малых Пророков. Продолжали учебу дальше только дети из состоятельных семей. На последнем этапе изучалась Книга Бытие с комментариями Раши, а также отрывки из трактатов Зраим, Моэд и Незикин, входящих в состав Мишны.

В 1997 г. мне удалось побеседовать в Красной Слободе с одним из ее старейших жителей, который в детстве, в начале 1920-х гг., посещал традиционную школу. По его словам, образование было двухступенчатым: первая ступень называлась «Микро» («Писание»), вторая «Тамиси». Информант с 6 лет ходил каждый день во второй половине дня, после русской школы, к раввину в «Микро». Раввин читал на иврите без перевода, дети текст понимали плохо. К 10—11 годам рассказчик прошел курс «Микро». В 11 лет он перешел к другому раввину на курс «Тамиси» (изучение библейских книг с переводом). В «Тамиси» учили Пятикнижие и Талмуд. К 13 годам (в 1925 г.) информант прочитал Книги Бытие и Исход.

А вот как характеризует программу горско-еврейского хедера в своей статье Ф. Шапиро:

В Еврейской Слободе насчитываются 14 хедеров с количеством учащихся в каждом от 25 до 40 человек.

Курс хедерного обучения состоит из трех ступеней. Первая ступень, обязательная для всех мальчиков пяти-шестилетнего возраста, предусмат-

[3] Анисимов, 1888. С. 229.

ривала следующую программу: умение читать, писать и переводить некоторые части Пятикнижия и ряд молитв. Продолжительность курса 3—4 года. Вторая ступень — остальные части Пятикнижия и книги Библии, именуемые «Первые пророки». Продолжительность — 3—4 года. Третья (высшая ступень) — книги пророков, Псалмы, прочие разделы Библии, начатки Талмуда и ритуальные правила убоя животных и птиц. Из окончивших хедерный курс третьей ступени вербовались синагогальные канторы, резники, младшие помощники раввинов и меламеды.[4]

Шапиро отмечает ряд требований, предъявлявшихся к преподавателям:

Меламеды, особенно третьей ступени, подвергались испытанию у старшего раввина и обязаны были знать не меньше двух-трех разделов Талмуда. Определенным кругом знаний по Талмуду должны были обладать и меламеды второй ступени. Меламеды старших хедерных ступеней для усовершенствования в Талмуде отправлялись в Россию и поступали в иешиботы европейских евреев. Все главные раввины горских евреев — Слободской, Дербентский, Темир-Хан-Шурский, Петровский проводили ряд лет в иешиботах.[5]

Обстановка в таких школах была вполне средневековой. Вот, например, как описывает типичный горско-еврейский хедер И. Черный:

По приезде моем в какую-нибудь деревню, я считал нужным посещать училища, чтобы видеть, где и как учат детей. Меня обыкновенно вводили в сакли, которые большей частью помещаются возле синагог или в домах раввинов. Помещения для училищ оказывались обыкновенно тесными, грязными; учащихся насчитывалось, примерно, на 200 дымов не более 15. Обучаются таким образом: раввин сидит на земле или на ковре, а вокруг него — все мальчики; вместе со своим учителем они кивают головами, читая молитвы или Библию, с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом. Печатные еврейские азбуки у них редко бывают; большей же частью раввины рисуют на таблицах буквы алфавита, и дети учатся читать и писать с этих прописей. Они все пишут на колене, по мусульманскому способу, к чему так привыкают, что им трудно и неудобно писать на столе.[6]

Очень похожую картину изображает и Ф. Шапиро, который побывал в горско-еврейском хедере несколькими десятилетиями позднее И. Черного.

---

[4] Шапиро, 1983. С. 104—105.
[5] Шапиро, 1983. С. 105.
[6] Черный, 1870. С.14—15.

Ф. Шапиро справедливо отмечает влияние мусульманской школы, китаба, на еврейский хедер:

У горских евреев он <хедер> *почти полностью отражает эпоху средневековья. В той части, в которой он претерпел какие-либо изменения, он весьма близко подошел к типу «китаба» кавказских мусульман. По внешнему виду трудно даже отличить горско-еврейский хедер от тюркского китаба. Та же домашняя, комнатная обстановка, то же расположение учащихся — вокруг учителя, на полу; то же ритмическое раскачивание; та же громкая, экстатическая напевность... Даже приемы наказания те же: длинной тростью учитель дотягивается до любого ученика; мальчики часами стоят в углу: лицом либо к «классу», либо к стене, в зависимости от степени проступка.*

В Кубе, Дербенте, Баку, Махач-Кале мы посетили ряд мусульманских китабов. Если отвлечься от того, что именно изучают дети — Коран или Ветхий Завет, то почти нет возможности отличить хедер от китаба.[7]

Немногие книги, которыми все же располагали ученики, были привезены из Вильны, Варшавы и других городов европейской России. Их доставке часто способствовали армейские раввины, служившие на Кавказе, но они не могли полностью обеспечить потребности местных хедеров.

Во второй половине XIX в. общее количество всех «талмид-куне» составляло 60—65. Не было почти ни одной общины без школы. Далеко не все мальчики посещали «талмид-куне». По подсчетам И. Анисимова, в 1888 г.:

Число учащихся грамоте доходит (в низших училищах) до 950 и составляет приблизительно 0,05% или один ученик на 3,25 дыма или 22,24 душ.[8]

То, что далеко не все мальчики посещали хедер, Анисимов объясняет крайней нищетой, царящей среди горских евреев:

Большего требовать, судя по материальному положению горских евреев, и невозможно. Большинство их, не имея ни собственной земли, ни домашнего скота, ни даже убогой сакли, принуждено наниматься на разные работы, которые далеко не вознаграждают потраченных трудов их, и в то же время заботиться о воспитании детей и о школах.[9]

Но, поскольку значительная часть мальчиков все-таки посещала хедер, можно было бы предположить, что значительная часть горских евреев должна

---

[7] Шапиро, 1983. С. 104.
[8] Анисимов, 1888. С. 229.
[9] Анисимов, 1888. С. 229.

была бы уметь, по крайней мере, молиться. Однако, по свидетельству Анисимова:

> *Многие, даже большинство* <горских> *евреев, вовсе не знает даже о существовании главных молитв евреев.*[10]

Обычно моляшиеся в синагогах сами не читали молитв, а только слушали кантора и повторяли «амен». Можно предположить, что ученик, закончивший учебу в «талмид-куне», со временем забывал даже то немногое, что он узнал во время учебы. По свидетельству одного из путешественников, посетивших Нальчик в 1902 г.:

> *Время пребывания в хедере очень мало. Когда мальчикам исполняется 11—12 лет, родители их забирают, и без дисциплины и порядка они забывают все, чему их выучили.*[11]

В конце XIX в. количество хедеров начинает увеличиваться. Анисимов в 1888 г. пишет:

> *Сравнивая стремление к грамотности у горцев-евреев и горцев-мусульман, мы заметим, что оно у первых почти в три раза больше, пропорционально дымам и душам в аулах. <...> Одно училище приходится у татар на 154,3 дыма, у горских евреев — на 59,86 дыма; один ученик у татар — на 12,55 дыма, у горских евреев — на 4,46 дыма; у татар на 100 душ — 1,5 ученика, у горских евреев на 100 душ — 3,72 ученика.*[12]

В начале XX в. сеть традиционных школ еще раз заметно расширилась. В 1901 г. в одном только Дагестане в хедерах училось 520 учеников, по сравнению с 306 в середине 1880-х гг., а в 1903 г. их было уже 689.

В это время процент умеющих читать и писать среди молодого поколения заметно вырос. Статус учителя, которого называли раввином, хахамом (мудрецом) и который нередко был руководителем общины, был очень высоким. На уважение учеников к учителю указывает и следующее описание:

> *Ученики не позволяют себе заходить в «талмид-куне» поодиночке, а собираются вместе, и, заходя, почтительно благословляют учителя, прилагая правую руку к сердцу.*[13]

---

[10] Анисимов, 1888. С. 228.
[11] Альтшулер, 1990. С. 389.
[12] Анисимов, 1888. С. 237.
[13] Альтшулер, 1990. С. 390.

Горско-еврейская община никогда не содержала хедер, он всегда принадлежал учителю (как правило, местному раввину), который содержал его за счет платы, вносимой учениками. За учение родители вносили плату раввину, как деньгами, так и продуктами; после завершения «тамиси» или изучения Пророков было принято также подносить подарки — вино, муку, соль, кур. Учение из-за общей бедности горских евреев стоило дешево. И. Черный пишет:

Кто из хозяев желает отдать своего сына в учение, тот платит раввину два абаза в год, т. е. 40 коп.; сверх того, раввин получает от таких хозяев на праздники муку, соль, кур и другие съестные продукты; если же хозяин занимается торговлей, то приносит раввину в подарок две пары чулок или кусок ситцу на платье для его жены.[14]

Материальное положение учителя чаще всего было очень тяжелым, и его годовой доход за обучение 40 детей ограничивался примерно 200 рублями. Бедность учеников часто приводила к тому, что хедеры, просуществовав несколько лет, закрывались. Вот что об этом пишет И. Анисимов:

Получая от маленьких по 2 руб. 40 коп. в год, а от больших по 8—10 руб., рабби собирал всего около 200 руб., на которые должен был покупать скамейки, нанимать училище, топить его, доставлять воду для 45 человек, нанимать еженедельно женщину для мытья полов и пр. и пр. Согласитесь, что немыслимо сделать все это на 200 руб., не считая тут и труда над учениками. От этого редко какое училище держится более 5—6 лет и, наконец, закрывается. <...> Несмотря на печальное положение училищ, общества не принимают в них никакого участия. Может быть, они были бы готовы содержать училища, но видно не хватает на это средств. Вот главные причины жалкого состояния образования между горскими евреями и упадка духовного развития народа.[15]

Что касается систематического образования девочек, то у горских евреев оно практически отсутствовало, тем более, что женщины почти не посещали синагогу. Большая часть горских евреек была неграмотна. Необходимые сведенья о своих религиозных обязанностях девочки перенимали от старших женщин в семье. Шапиро пишет:

Выше мы отметили, что хедерное обучение не распространяется на девочек. В семье горского еврея девочка уже с 5—6-летнего возраста полностью разделяет участь своей матери, участь женщины востока. В доме

[14] Черный, 1870. С. 13.
[15] Анисимов, 1888. С. 236.

горского еврея, даже при самых скудных размерах квартиры, всегда существует обособленная женская половина, где замкнуто, как под общей непроницаемой чадрой, обитает женская часть семьи. Здесь девочка практически знакомится с обязательными для женщин молитвами и усваивает все религиозные обряды. Здесь она с самых ранних лет живет исключительно в кругу интересов взрослых женщин, под постоянным влиянием мрачного суеверия, примет, заговоров, толкований снов, всевозможных гаданий, знахарства, сплетен.[16]

С начала XX в. статус «талмид-куне» понизился, так как у горских евреев впервые появились национальные светские школы.

Высшее религиозное образование

Родители, которые считали, что для их сыновей начального образования в «талмид-куне» недостаточно, посылали их к известным местным раввинам, в раввинское училище, которое было, например, в Дербенте, или даже в иешивы в России, чтобы они продолжили у них учебу и сами стали «мудрецами». Анисимов отмечает наличие системы высшего религиозного образования у горских евреев:

Училища делятся на два разряда — высшие и низшие. Как те, так и другие содержатся раввинами и не зависят от обществ. Но преподаванием в высших училищах занимаются те, которые получили некоторое солидное образование или на родине, или в России и известны всем своей ученостью. Таких раввинов считается на всем Кавказе только пять-шесть. <...> Высших училищ насчитывается на всем Кавказе пять с пятьюдесятью учащимися во всех, и два из них содержатся главными раввинами, людьми считающимися довольно образованными, знающими хорошо учение Талмуда, законы и обряды иудейской религии, и знакомыми даже с еврейской литературой. Один из них Яков Ицхакович Дербентский, считающийся горскими евреями за благочестивейшего, получил образование под руководством своего отца и сделался вскоре после его смерти пастырем своего народа. Другой, Хазкель Абрамович Мушаилов, занявший место моего отца года четыре пять тому назад, воспитывался в России, у русских евреев, и также знает порядочно русскую грамоту. Остальные же раввины или очень плохо знают еврейские науки, или ничего в них не смыслят, заботясь только об искусстве резать скотину так, чтобы она не сделалась «трефной», и тем приобрести уважение и расположение своих односельцев.[17]

[16] Шапиро, 1983. С. 106.

[17] Анисимов, 1888. С. 229—230.

То, что хорошей репутацией пользовалась только дербентская школа, которой руководили раввины из рода Ицхаки, подтверждает и Иуда Черный. Он пишет:

В г. Дербенте находится школа вроде раввинского училища; она помещается при синагоге, в хорошей комнате — светлой, с окнами европейской формы и довольно чистой; те, которые кончают курс в этом заведении, получают свидетельство на звание раввина или резника от тамошнего главного раввина. Остальные же училища в г. Дербенте, а также училища в Грозном, Хасав-Юрте, Темир-Хан-Шуре и в деревнях находятся в весьма жалком виде.[18]

Судя по воспоминаниям современников, высшая и начальная школы находились вместе, часто в одном помещении, как правило, при синагоге или в доме раввина.

Илья Анисимов о традиционной религиозной школе [19]

В свою монографию «Кавказские евреи-горцы» Илья Анисимов включил отдельный очерк, посвященный его отроческим воспоминаниям о занятиях в традиционном религиозном училище. Он не сообщает, в каком именно училище он занимался, но нет сомнений, что речь идет об училище в ауле Тарки, которым руководил его отец, раввин р. Шербет Нисим-оглы, бывший одним из наиболее уважаемых раввинов Восточного Кавказа. Р. Шербет сначала руководил училищем в Тарках, затем в Темир-Хан-Шуре. Анисимов пишет, что он учился в высшей раввинской школе, но из описания видно, что высшая и начальная школа находились не только рядом, но прямо вместе, в одном помещении. Воспоминания Ильи Анисимова настолько интересны, что имеет смысл привести их целиком.

Для того, чтобы дать некоторое понятие об училищах горских евреев, я опишу обстановку и методу преподавания в одном училище, где я провел свое детство, и которое считалось высшим учебным заведением. В это училище приезжали со всех концов Кавказа, чтобы получить раввинское свидетельство, которое выдавалось ученикам по истечении четырех лет.

Училище состояло из одной большой комнаты, довольно светлой и с окнами в европейском вкусе. Возле четырех стен стояли длинные, вроде скамеек, низенькие столы, за которыми на полу, поджав ноги под себя, сидели ученики. На первом месте «кун-зевер» (высший угол), то есть у противоположной

[18] Черный, 1870. С. 15.
[19] Анисимов, 1888. С. 230—236.

от двери стены, стоял четырехугольный столик, за которым на пуховой подушке сидел рабби. На правой стене помещались полки, на которых красовались в кожаных переплетах книги громадных размеров. Полки эти, окруженные карнизом и закрытые спереди стеклянными дверьми, представляли род шкафа и считались священным местом, назначенным только для книг духовного содержания, так как для светских книг был рядом маленький шкафчик. Книгами духовными считались Пятикнижие Моисея, писания пророков, Талмуд и другие, а светскими — книги общеобразовательного содержания, например, физика, химия, космография, романы, повести, речи и прочие, переведенные на древнееврейский язык. Весь пол был устлан персидскими коврами.

Всех учеников было в училище около 45, из которых человек десять были маленькие — азбучники, а остальные — большие, с бородой — библейцы и талмудисты, то есть те, которые изучали Библию и Талмуд. Они делились на несколько групп, человек по восьми, десяти в каждой, которые учились по отдельным книгам, различающимся по степени их трудности.

Курс начинался, не считая азбуки, складов и чтения, переводом первой книги Моисея, то есть «Бытие», затем проходили «Исход» и еще остальные три книги. Это был первый курс и назывался «Мугра» (простое чтение и перевод). После книг Моисея начиналось «Писание пророков» или, как оно называлось «Бист-чор» (24 <книги>*) и «Мишне», которые составляли второй курс. Наконец, проходилось несколько книг Талмуда и две-три книги светского содержания, что составляло третий курс. Те, которые имели желание получить раввинский диплом, учились еще один год и проходили за это время законы резания скотины, анатомирование животных и обряды богослужения. По окончании каждого курса упомянутые группы приглашали в гости своего учителя с несколькими стариками и давали обед. Тут родители учеников благодарили рабби за труды и дарили его деньгами или новым платьем.*

По окончании же полного курса учениками, рабби приглашал из других мест ученых и назначал экзамены, которые назывались «досдур». Экзамены производились следующим образом. В училище, откуда убирали скамейки, сидели старики-ученые на подушках, начиная с раввина от первого места, кругом около стен и некоторые из мирян, пришедших слушать, а кончающие курс располагались по обеим сторонам двери. Пред рабби стоял его стол, на котором была навалена груда книг. Ученики вызывались по очереди и садились около рабби, лицом к ученым экзаменаторам, рабби открывал какое-либо толкование из Талмуда и других книг и заставлял переводить и разъяснять смысл каждого толкования. При этом каждый из присутствующих экзаменаторов предлагал вопросы и спрашивал, на основании какого текста из Библии составлено такое-то

толкование, кем и как, и где найти тексты. Ученик должен был сказать эти тексты по древнееврейски и сразу указать их место в книгах. Затем спрашивали его о правилах точить, править ножи, которыми должно резать различных животных и какого они должны быть размера в вершках по роду употребления и, наконец, как резать и какие молитвы произносить при этом. После того спрашивали анатомию животных, какие жилы и нервы в каких органах, где их искать и как вынуть из годного мяса и при каких повреждениях легких и костей мясо считается кошерным или трефным. Эти два отдела: правила ножей и законы о годности и негодности мяса составляют самую трудную и серьезную часть экзамена. На следующий день производилась поверка на практике. Ученики точили ножи и резали каждый по курице, по барану и по одной корове. Те из них, которые нехорошо владели ножами, оставались безусловно еще на год. Из самого требования на экзаменах видно, что будущие пастыри выходили не более, как ремесленниками и полными невеждами. После экзаменов приглашались раввином все мужчины, и давался торжественный ужин в честь кончивших курс.

Не менее интересно самое учение в училищах и обхождение раввина со своими учениками. Для этого опять представлю училище того же рабби, которое оставило во мне самое тягостное воспоминание. Ученики должны были быть в сборе около 8 часов, а в 9, совершив свою утреннюю молитву и завтрак, являлся рабби. Забота об уборке училища или содержание его в чистоте лежала или на жене и дочерях рабби, или на маленьких учениках; прислуги не было вовсе, потому что содержание училища, как говорил рабби, стоило ему очень дорого, и грошовая плата за учеников едва покрывала расходы. Ужасно бывало жалко смотреть на жену рабби и дочь, которые, вставая ежедневно рано утром, выносили ковры, подметали пол, топили печь и носили на спине из далекого фонтана воду, делая каждая по пяти, шести раз в день это путешествие несмотря ни на какую погоду. Подметать училище и убирать его лежало на обязанности учеников, как условливался рабби при поступлении их в школу, но ученики приходили нарочно поздно, и училище часто оставалось неубранным. Рабби горячился, выходил из себя и бросался с кнутом попеременно то на младших учеников, то на жену свою с дочерьми, нередко последних избивал до того, что они по целым неделям не могли показываться от синяков. Заметьте, такие варварские наказания претерпевали жена и дочь главного раввина, человека ученого и почти единственного по своему завидному положению между евреями-горцами!

Но иногда бывало жалко и самого рабби, который с утра до поздней ночи бегал по служебным делам общества, принимал того, другого, третьего по разным семейным неурядицам, выдавал разводы, бегал к умирающим и, наконец, занимался с 45-ю учениками. Часто ему приходилось не обедать

и не ночевать дома. Помощника не было, и он один тянул лямку и выбивался из сил. Помимо всего этого, его страшно огорчали ученики невзносом платы за учение. Расходы шли ежедневно, а прихода не было. От общества же получал он 600 рублей в год, которых тоже едва хватало на содержание семьи и училища.

Придя в училище, ученики садились по местам, начиная от рабби старшими и кончая около двери младшими, так что середина комнаты оставалась пустою. Занятия начинались так: по приглашению рабби, группа старших садилась кругом стола, а остальные начинали повторять громко свои уроки. В руке рабби находился постоянно наготове длинный прут, которым угощал он, не вставая с места и протягивая только руку, младших учеников, перестающих читать громко уроки. Почувствовав боль на спине, они поднимали отчаянные вопли и крики, между которыми иногда неясно слышалось чтение какого-либо места из их урока, начинали изо всей силы качать головами, сгибая и разгибая все туловище, чтобы показать свое усердие. Крики их бывали до того громки, что за две, за три улицы можно было их слушать. Из сидящих вокруг стола рабби, один начинал кивать головой и читать урок по книге, а другие слушать. После этого начинал второй и тоже переводил с древнееврейского на горский язык. Иногда рабби останавливал их и растолковывал непонятные места. Если же ученик плохо знал урок, то борода ученика тоже не спасла его от наказания: с быстротой молнии ему наносилась пощечина, а иногда и удары нагайки. После этого начиналось задавание урока. Ученики слушали со вниманием, а рабби читал, переводил и объяснял толкования. Окончив урок, он заставлял повторить одного способнейшего, и потом по очереди других. Затем приходила другая группа, третья и занятия продолжались до обеда. Обедать отпускал он на два часа и как раз в 12 часов. В два часа опять все должны были быть в сборе. Но ходили обедать большею частью только старшие ученики, а младшие ели кусок хлеба с говядиной или сыром, и плоды, принесенные ими утром. Зимою, в дурную погоду, рабби вовсе не выпускал учеников из училища, чтобы они не приходили с грязными ногами.

Понятно, такой непосильный труд и сидение в течение всего дня на одном месте выводил из себя маленьких детей, которым училище не представляло ничего кроме скуки и истязания. Те, которые готовились к званию раввина или резника, спокойно переносили трудности школьной жизни, но мальчики, которых не занимала никакая будущность, тяготились этими порядками и побоями и, раз убежавши из школы, ни за что не хотели вернуться в нее вторично.

Подобная жизнь, если не хуже, ждала учеников и в низших училищах. Там они исполняли обязанности и школьной прислуги, и учеников. В отсутствии

рабби, что бывало очень часто, на его место садился один из старших учеников и исполнял роль учителя. За незнание урока или какую-нибудь шалость он наказывал маленьких еще хуже, чем рабби; поэтому в отсутствии рабби в классе не бывало ни одного маленького, за что им, конечно, очень строго доставалось как от рабби, так и от их родителей.

Однажды жена рабби заболела, и дочь гостила у дяди, в другом ауле; вместе с этим начались в училище различные беспорядки; оно оставалось по три дня неподметенным, нетопленым, и ученики терпели от жажды. Дня два-три рабби заставлял нас, маленьких, следить за нуждами училища и исполнять их, но чрез несколько дней мы вовсе перестали ходить, говоря, что нас заставляют работать для старших. После этого рабби прочитал нотацию старшим и, когда один из них ответил довольно дерзко, то рабби дал ему пощечину; ученик, не долго думая, ответил ему тем же, и началась драка между учителем и учеником...

ГЛАВА 26

Еврейская светская школа на Восточном Кавказе

Еврейская школа до и во время революции

Первая попытка организации нетрадиционного, то есть светского образования у горских евреев связана с именем Иуды Черного. Он обратился в Общество по распространению просвещения между евреями (ОПЕ) в Петербурге с просьбой открыть в горско-еврейских общинах школы, которые давали бы начальное образование и обучали основам религии, так как, по мнению И. Черного:

Большинство наших братьев <горских евреев>, *от мала до велика, не умеют даже читать на иврите и молиться.*[20]

Он писал, что в новых школах, в соответствии с идеалами Гаскалы, которые Черный разделял, должны изучаться «язык государства, и другие полезные в наше время предметы».

Эта инициатива И. Черного вызвала в противодействие некоторых раввинов. Несмотря на это сопротивление, ОПЕ начало добиваться разрешения властей на открытие школ для горских евреев. В 1865 г. власти обещали «исполнить просьбу об открытии двух школ, в которых будет изучаться Тора и науки».

В 1869 г. богатый купец А. Дадашев построил в Дербенте специальное каменное здание для школы. Но его инициатива не получила развития, и прошло еще двадцать лет, прежде чем вопрос о светской школе для горских евреев опять оказался на повестке дня.

Обучение в «талмид-куне», как уже сказано, было платным. В 1880-х гг. появилась идея о создании талмуд-торы, то есть общинной школы для бедных, по образцу ашкеназских общин. Это предложение появилось на страницах газеты «А-Мелиц» в 1886 г. и исходило от Шломо-Иуды Розенберга, проживавшего в Дербенте с 1881 г. и очень тепло относившегося к горским евреям. Он писал:

Из-за отсутствия талмуд-торы бедняки вырастут полными невеждами, не умеющими молиться, и в синагоге смогут только отвечать «амен» [21].

---

[20] Черный, 1884. С. 40.

[21] Альтшулер, 1990. С. 393.

Когда газета со статьей Розенберга достигла Дербента, глава общины Ханукаев созвал большое собрание, на котором было решено немедленно приступить к строительству школы. Прямо на месте было собрано восемьсот рублей, один из богачей бесплатно предоставил земельный участок для школы. Однако раввин Меир Ицхаки, который в это время исполнял обязанности своего отца Якова Ицхаки, уехавшего в Палестину, потребовал приостановить строительство до возвращения отца. Последний запретил строить школу. Для того, чтобы наконец возникла первая светская школа, понадобилось немало лет острой внутренней борьбы между новыми и старыми общинными лидерами.

Между тем, дети из горско-еврейских семей начали учиться в уже существовавших на Кавказе школах для русских евреев. Школа в Темир-Хан-Шуре для русских евреев, в которой учились также дети из горско-еврейских семей, возникла в 1879 г. и в 1885 г. получила официальный статус в качестве трехклассного училища. В 1883 г. в ней было всего 15 учеников, а в 1886 г. — уже 28. В их числе всегда было несколько детей из богатых горско-еврейских семей.

Тяга к новым формам образования была больше в новых общинах, возникших в городах, основанных русскими властями. Так, например, в 1903 г. в Петровске была создана еврейская школа, в которой поначалу был только один класс. В нее первоначально записалось 60 учеников, из них 40 — из общины горских евреев.

Еще до того, как начались уроки в новой школе, возник острый спор по поводу языка преподавания еврейских дисциплин. Считалось, что уровень развития татско-еврейского языка не может обеспечить потребности современного образования, поэтому, хотя большинство учеников были горскими евреями, возможность преподавания на их языке не обсуждалась вообще. Спор велся вокруг идиша и русского. Часть общинных лидеров, в том числе ашкеназский раввин, требовали, чтобы ивритские тексты переводились на идиш, но большинство хотели, чтобы их переводили на русский язык.

Экономическое положение школы было очень трудным. Годовой доход от платы за обучение должен был составить всего 500 рублей, поэтому община обратились к ОПЕ с призывом поддержать школу, и хотя на эту просьбу был получен положительный ответ, школа была не в состоянии принять всех желающих. В первый год в ней училось всего 25 учеников, среди которых большинство было из среды русских евреев и лишь немногие — из горской общины.

Наиболее серьезные усилия для включения детей горских евреев в систему еврейского образования были сделаны в Баку, где в начале 1910-х гг. в местной талмуд-торе был создан специальный класс для горских евреев. Это фактически был подготовительный класс; здесь учили три языка: иврит с сефардским произношением, татско-еврейский и русский. После окончания обучения в этом классе дети сдавали вступительный экзамен в школу для русских евреев. В «подготовительном» классе каждый год обучалось от 30 до 40 учеников, но только 5—6 из них сдавали переводной экзамен. В основе

этого экзамена лежали иврит и русский язык. Большинство учеников легко сдавало экзамен по ивриту и «застревало» на русском. Но даже тот, кто не поступал в школу для европейских евреев, воспринимал за год учебы в «подготовительном» классе систему обучения, принятую в современной школе.

Существенную роль в развитии системы современного образования для горских евреев сыграли сионисты. В 1899 г. в Темир-Хан-Шуре группа сионистов, при поддержке раввина горских евреев, приступила к созданию школы для детей из горской общины. После того, как были преодолены многочисленные препятствия, было получено разрешение на создание школы, и 13 января 1902 г. состоялось ее торжественное открытие. В школе был всего один класс, в котором в год открытия учились 32 мальчика и 9 девочек, а в 1903 г. — 40 мальчиков и 13 девочек. Директором школы был Григорий Кесельман. Совместное обучение учеников и учениц, а также изучение светских наук наряду с традиционными, было совсем новым явлением в среде горских евреев. Это был первый организованный прорыв за рамки традиционной системы образования.

В 1902 г. была также предпринята попытка создать школу для детей горских евреев в Нальчике. После оживленного обсуждения большинство уважаемых членов общины подписали письмо к ОПЕ с просьбой о поддержке создания школы. Предполагалось построить школу, где изучились бы «Тора и ремесло». Община обязалась покрыть часть расходов. Инициатива эта так и не была осуществлена.

В Дербенте также была группа молодежи, увлеченная идеей школы для детей горских евреев. Но здесь новые веяния наткнулись на сопротивление главного городского раввина Якова Ицхаки. Инициаторы создания школы основали «Горско-еврейское общество города Дербента», на имя которого в марте 1904 г. было получено разрешение на открытие в Дербенте «Горско-еврейского училища». Во главе этой группы сторонников нового образования стояли чрезвычайно характерные фигуры: раввин Яшая Рабинович (впоследствии он стал главным раввином Дербента), адвокат Исраэль Семенов, руководитель местной сионистской организации Асаф Агарунов. В том же году в нем уже было 88 учеников, из них 16 девочек, а в 1905 г. число учеников увеличилось до 90, из них 15 девочек. В школе действовал педагогический совет в составе учителей Маркуса, Ханукова, Еладова и Шимонова.

По инициативе сионистских групп в 1906 г. в Грозном была открыта «Горская русско-еврейская школа». Ею руководил комитет, во главе которого стоял Аким Исакович, один из наиболее активных сионистов города. По инициативе комитета, во дворе синагоги было построено специальное здание для школы. В ней учились 112 детей. Еще 88 подали просьбы о зачислении, но не были приняты, по причине недостатка преподавательских кадров. В школе было четыре учителя. Двое учителей преподавали на русском языке, один на иврите, и еще один обучал Торе, используя татско-еврейский язык.

Аким Исакович мечтал расширить рамки учебы и ввести элементы профессионального обучения. Для этого он хотел построить дополнительное

здание, где мальчиков обучали бы сапожному и портновскому ремеслу. Он обратился с этой программой к ОПЕ. Исакович хотел также увеличить число преподавателей из среды горских евреев. Поэтому он просил послать в Грозный учителя, сроком на три года, основной обязанностью которого являлась бы подготовка местных кадров для пополнения рядов преподавателей, знающих татско-еврейский язык. Осуществлению этих планов помешало начало первой мировой войны.

Сионисты Кубы, объединенные в организацию «Доршей Цион», подобно своим товарищам в Дербенте и в Грозном, поставили себе цель создать школу. Благодаря их энтузиазму в 1909 г. было получено разрешение на открытие еврейско-русской школы в Кубе, и один из местных богачей даже выделил на нее крупную сумму. Директором этой школы была назначена молодая женщина. Это еще больше увеличило сопротивление со стороны руководства общины, которое обратилось с жалобой к государственным органам. Но в острой борьбе победили все же энтузиасты новой школы: она продолжала работать, по крайней мере, до 1918 г. Одним из ее основных учителей был Менаше Галимов.

Школы с самого начала своего существования сталкивались с серьезными проблемами. Два школьных класса в Кубе в 1911 г. располагалась «в двух очень маленьких комнатах в старом здании, мебель в них была старая и неподходящая». Учебных пособий и оборудования также не хватало, только «складная азбука, несколько экземпляров книг для чтения, несколько пробирок, глобус и одна физическая карта». Остро не хватало учителей. В горских общинах очень немногие были способны стать учителями в школе, где преподавание велось на русском и иврите. Преподавали, как правило, те горские евреи, которые окончили русскую среднюю школу, или же получили подходящее еврейское и общее образование дома.

Трудности с финансированием школ, которые в большинстве своем не получили широкой общественной поддержки, задерживали их развитие. Финансовая помощь ОПЕ и местных властей была явно недостаточной.

Существенным было также противодействие консервативных кругов. Большая часть горских евреев негативно относилась к школам нового типа. Шапиро пишет об отношении жителей Еврейской Слободы к новой школе так:

> *Функционирует в Слободе и «казенная» начальная школа типа церковно-приходской школы царских времен. В ней наряду с русскими учителями преподает еврейский «Закон Божий» горский еврей, который здесь именуется не меламедом, а учителем. Школа эта рассчитана на 200 человек. Одновременно школьники исправно посещают хедер. Отношение горских евреев к «казенной школе» — крайне отрицательное. Многие называли ее «домом вероотступничества».*[22]

[22] Шапиро, 1983. С. 104—105.

Все же, благодаря существованию новых школ, ширилась заинтересованность горских евреев в современном образовании. Особенно она выросла после Февральской революции, когда началась активная деятельность по организации еврейской жизни в новом российском государстве. В этой деятельности принимали активное участие как русские, так и горские евреи. Так, например, «Еврейское объединение по культуре и образованию» в Елисаветполе в 1917 г. решило «в ближайшее время создать школу для детей горских евреев». Этот же вопрос широко обсуждался на конференции горских евреев, прошедшей в Дербенте в июне 1917 г. Было решено открыть начальные школы во всех городах и деревнях, в которых проживали горские евреи, и языком преподавания в них сделать иврит. Для финансирования этих школ было предложено ввести среди еврейского населения специальный налог, но эта идея была отклонена, и решили ограничиться сбором частных пожертвований и помощью ОПЕ.

В годы революции и гражданской войны в еврейских организациях время от времени обсуждались вопросы о расширении системы современного образования для горских евреев, но в большинстве этих обсуждений представители самих горских евреев не участвовали. Новые школы не смогли открыться по причине трудностей военного времени и частой смены властей.

Несмотря на это, отдел образования Национального еврейского Совета, во главе которого стоял Феликс Шапиро, сумел организовать в подконтрольных ему школах обучение для 668 учеников, из которых 189 были из семей горских евреев. Они учились или в отдельных классах, или в обших с русскими евреями. В этих школах изучались основы разговорного иврита с сефардским произношением. Совет смог даже позаботиться об обуви для десятков учеников, которые в связи с отсутствием таковой не смогли бы посещать школу.

Предполагалось, что школы горских евреев будут включены в систему еврейского образования, которая, в свою очередь, должна была перейти под контроль еврейских демократических организаций. Действительно, Национальный еврейский совет в Баку, обсуждавший в сентябре 1919 г. вопрос о школах, уделил достаточно внимания проблемам школ для горских евреев.

В центр обсуждения был поставлен вопрос о том, нужно ли объединять в одной и той же школе детей горских, грузинских и ашкеназских евреев, или же каждая из этих общин должна иметь свои школы. Было несколько мнений. По одному из них, в двух первых классах представители каждой общины должны учиться отдельно, по причине разницы в уровне образования горских и грузинских евреев, с одной стороны, и ашкеназских, с другой, и только с третьего года обучения детей нужно объединить. Другие, однако, считали, что с самого начала все должны учиться вместе, так как обучение будет происходить на иврите, в котором дети горских и грузинских евреев не только не отстают от ашкеназских детей, но и опережают их.

Представитель Бунда, который был заинтересован в преподавании на идише, утверждал, что нет никакой причины определять всех в одну школу, а, напротив, каждая община должна иметь свою школу. Он обосновывал свою позицию тем, что «с научной точки зрения доказано, что восточные евреи отстают в развитии», и поэтому нет никакого смысла в том, чтобы обучать их детей совместно с ашкеназами.

При принятии решения возобладало мнение о том, что до третьего года обучения детям из разных общин нужно учиться раздельно. Никаких практических решений эти решения и споры за собой не повлекли, так как новые школы для горских евреев созданы не были.

Острый дефицит учителей был существенным препятствием в деле развития новых школ для детей горских евреев. Этот вопрос обсуждался на заседании комиссии по культуре Кавказского комитета сионистского профсоюза (Гистадрута) 4 июня 1919 г. Во всех местах проживания горских евреев была проведена проверка для выяснения, есть ли достаточно кандидатов на курсы учителей. Видимо, кандидаты были набраны, поскольку вскоре была создана горско-еврейская учительская семинария. В Баку также открылись вечерние общеобразовательные курсы для рабочей молодежи из среды горских евреев.

В короткий послереволюционный период начала выкристаллизовываться система современного национального образования для детей горских евреев одновременно с продолжением деятельности «талмид-куне». И та и другая система образования погибли после того, как на Восточном Кавказе упрочилась советская власть.

Советская еврейская школа

Советская система еврейского образования ни в коей мере не являлась продолжением еврейской школы, существовавшей до революции. Общей идеей еврейского советского образования был отказ от иврита и создание светской школы на народном, то есть, в случае горских евреев, на татско-еврейском языке. Система образования на еврейских языках просуществовала в СССР до 1938 г., когда были закрыты школы большинства дисперсных национальных меньшинств, не имеющих своей государственности: тогда были закрыты школы с преподаванием на идише, начали закрываться школы с преподаванием на татско-еврейском языке. Однако система национального образования у горских евреев просуществовала несколько дольше, чем у ашкеназов, так как советским официозом она, в духе идей татизации, воспринималась не как еврейская, а как татская.

Советские школы для детей горских евреев существовали за счет самоотверженной деятельности группы учителей и культурных деятелей, которые были вынуждены без передышки воевать за их существование и улучшение условий обучения в них. В этих школах училась только часть детей из горско-еврейских общин, и большинство из них ограничивались первыми

четырьмя классами. Татско-еврейский язык никогда не являлся единственным языком преподавания в связи с недостатком преподавательских кадров и постоянной нехваткой учебников. Но само существование горско-еврейских школ усиливало в детях чувство принадлежности к общине горских евреев.

На рубеже 1940—1950 гг. последние школы для детей горских евреев были закрыты. С тех пор на территории СССР вплоть до перестройки не существовало никаких отдельных учебных заведений для этой общины.

Советские школы для детей горских евреев находились в рамках общего государственного подхода к организации школ для национальных меньшинств. Программы по развитию специальной образовательной сети для детей горских евреев начали вводить в действие сразу же после установления советской власти на территории Восточного Кавказа. На конференции горских евреев, прошедшей в Дербенте 25 декабря 1920 г., обсуждалась необходимость создания национальных школ. На совещании советских деятелей культуры — горских евреев, прошедшем по инициативе «Поалей Цион» в Нальчике 27—30 июля 1921 г., также обсуждался вопрос о школе. Поалей-ционисты резко критиковали советскую политику в области еврейской культуры и образования. Они противились изгнанию иврита из еврейских школ, но были уже не в силах влиять на ход событий, и совещание вынесло решение о том, что языком преподавания будет татско-еврейский.

Политика в отношении школ и принимаемые по этому поводу решения в значительной степени зависели от отношения местных властей к преподаванию на национальных языках. В этом отношении она не была единой во всех районах проживания горских евреев. В определенном смысле, характер советских еврейских школ на Кавказе зависел от собственной инициативы горских евреев в данном вопросе. Целесообразно рассмотреть положение с советскими горско-еврейскими школами отдельно в Азербайджане, Дагестане и на Северном Кавказе.

Азербайджан

В Азербайджане существовало два подхода в отношении системы образования для национальных меньшинств, которые не имели собственных государственных образований: согласно одному надо было дать возможность каждому национальному меньшинству развивать школы на его собственном языке. Другой подход основывался на том, что для национальных меньшинств, язык и культура которых недостаточно развиты, предпочтительнее воспитывать детей в школах с преподаванием на русском или азербайджанском языке. Недостаток ясности в позиции властей оставлял возможность проявить инициативу тем, кто настаивал на приоритете национального образования.

Под влиянием сторонников культурной автономии Совет по национальным меньшинствам республики в 1921 г. разработал программу образования

для горских евреев. Было решено открыть курсы для учителей на татско-еврейском языке. Но в республике не нашлось достаточно кандидатов для учебы на них, а власти не желали финансировать обучение жителей других республик. План в результате не был осуществлен.

В начале 1920-х гг. в Азербайджане были созданы первые советские школы и детские сады для горских евреев. В 1921 г. на территории республики было четыре таких школы, и в них — восемь учителей.

В Еврейской Слободе Кубы было две школы: одна для мальчиков и одна для девочек, и в них, в 12 классах, училось 477 учеников (333 мальчика и 144 девочки). В женской школе был только первый класс, в мужской — классы с первого по пятый. В этих школах было 8 первых классов. Посещаемость была нерегулярной, классы плохо освещались, на каждого ученика приходилось всего 0,6 кв. м площади. В школах было 11 учителей, то есть меньше одного учителя на каждый класс.

В деревне Гафторан также существовала школа. В ней имелось два класса, в которые было записано 28 учеников. На оба класса имелся один-единственный учитель.

В школе горских евреев в Баку в те годы обучалось 235 учеников.

В общей сложности в четырех горско-еврейских школах в республике Азербайджан в январе 1922 г. было, таким образом, 740 учеников. Преподавание в них велось на азербайджанском языке, а татско-еврейский изучался в качестве отдельного предмета. Во многих случаях несколько классов занимались вместе.

В 1925—26 учебном году в Азербайджане было две школы для детей горских евреев, и в них обучалось около шестисот учеников. Языком преподавания в школе в Кубе был азербайджанский, а в Баку — русский. Родной язык изучался в качестве школьного предмета. В начале 1925—26 учебного года в бакинской школе было 245 учеников, в конце — 205.

Данные исследований указывают на то, что родители были готовы посылать в школы скорее сыновей, чем дочерей. Если девочки и шли в школу, то в подавляющем большинстве случаев не учились дальше второго класса. Многие мальчики также отсеивались после трех лет учебы в связи с тяжелым материальным положением их семей. Из-за тяжелого экономического положения ученики бросали школу, чтобы помочь семье: работали бродячими торговцами или же чистильщиками обуви.

В середине 1920-х гг. плата за обучение в школах стала устанавливаться на основании доходов родителей. Семьи, которые совсем не имели дохода, были полностью освобождены от оплаты школы, а бедные семьи платили символическую сумму. По документам того времени, родители 78% учеников были бедняками.

В 1928—29 учебном году количество советских школ для детей горских евреев выросло и достигло пяти. Две из них были в Кубе, одна в Баку, одна в деревне Мюджи и одна — в деревне Маржино.

В школе в Мюджи было четыре класса, языком преподавания был в основном азербайджанский. Делегация евреев Мюджи прибыла в Баку с пред-

ложением расширить школу и ввести классы с 5-го по 7-й. И хотя ЦК компартии Азербайджана положительно отнесся к этой просьбе, она не была выполнена.

В деревне Маржино учились в школе 75 учеников, и в ней было две учительницы. Осенью и зимой они добирались по грязи до домов учеников и проводили занятия на дому. Накануне начала 1929—30 учебного года ОЗЕТ, выплачивавший одной из учительниц зарплату, сообщил о том, что он больше не будет содержать учительницу. Отдел образования постановил, что достаточно и одной учительницы. Из-за этого половина учеников школы была вынуждена прекратить учебу.

В 1920-х гг. в азербайджанских советских школах вообще и в горско-еврейских, в частности, училась лишь часть детей горских евреев республики. Родители, готовые послать детей в школу, предпочитали те, в которых преподавание велось на русском, а не на азербайджанском или татско-еврейском языке. Эти предпочтения горских евреев оказались идентичны предпочтениям русских евреев, которые считали русский язык необходимым условием достижения жизненного успеха.

В начале 1930-х гг. вышел закон об обязательном начальном образовании (с 1-го по 4-й класс), и горские евреи отныне были обязаны посылать своих детей в советские школы. Но образовательные учреждения не смогли подготовиться к приему новых учеников. Положение с учебными пособиями в школах для горских евреев было очень плохим. Мало кто задумывался о методике преподавания, катастрофически не хватало учебников. Еще хуже было положение с учителями. В азербайджанской прессе в 1932 г. писали:

> *В школах для горских евреев не хватает учителей. Те учителя, которые в них преподают, наполовину невежды, и в результате татско-еврейский язык преподается только в начальных классах. Комиссариат образования советской Азербайджанской республики до сих пор не предпринял никаких решительных шагов, чтобы избавиться от этого явления.*[23]

Но, несмотря на все трудности, количество школ для детей горских евреев росло, число их учеников увеличивалось. В 1932 г. в Кубе было несколько таких школ. Некоторые из них располагались в зданиях синагог, а самая большая — в национализированном доме слободского богача Исраэля Мунахимова. В Варташене, в национализированном здании синагоги, учитель Эзра Давидов основал школу для детей горских евреев.

В конце 1930-х гг. все горско-еврейские школы в Азербайджане были ликвидированы.

В начале 1920-х гг. в СССР создаются детские дома для еврейских сирот, которые потеряли родителей в годы гражданской войны. Такие детские дома

[23] Альтшулер, 1990. С. 404.

были и на Кавказе для горско-еврейских сирот. Разговорным в этих детских домах был татско-еврейский язык. Но уже в 1933 г. эти детские дома становятся «интернациональными».

Дагестан

В Дагестане, в отличие от Азербайджана, было трудно выбрать единый язык для всех школ республики. Коренные народы Дагестана разговаривают более чем на тридцати языках и диалектах. После революции здесь еще не было принятого всеми межнационального языка. В разных частях Дагестана в качестве такового использовались различные языки. В некоторых городах средством коммуникации был в основном русский язык. До установления советской власти язык преподавания и разговорный язык здесь не совпадали. В школах при мечетях изучался арабский, также как в «талмид-куне» — иврит, а государственные и частные школы использовали в качестве основного языка преподавания русский.

В стремлении создать свою государственную систему образования, оторванную от религиозных учреждений, советская власть столкнулась с острой проблемой, вызванной языковыми барьерами между жителями Дагестана. Исходя из того, что нет никакой возможности создать для каждой народности школу на ее языке, тем более, что многие из этих языков были бесписьменными, четвертая партийная конференция Дагестана (март 1923 г.) решила, что языком преподавания в республике должен стать русский, и лишь в специальных случаях будет разрешено преподавание на других языках.

Однако проведение этого решения в жизнь встретило противодействие со стороны населения, которое усмотрело в этом тенденцию к русификации, еще более заметную, чем при царизме. Это сопротивление заставило партийный комитет республики пересмотреть принятое решение, и, после дополнительного обсуждения, в ноябре того же года было принято решение о том, что на первое место в системе образования Дагестана должен выйти турецкий (азербайджанский) язык, а также должно быть уделено больше внимания языкам народностей, населяющих республику. Было постановлено, что преподавание в начальной школе (1—4 классы) будет вестись на разговорном языке народа, чьи дети ходят в данную школу, но с третьего года обучения турецкий или русский язык будут преподаваться в качестве учебного предмета. С 5 по 7 класс преподавание будет вестись на турецком языке, и даже в тех школах, где языком преподавания является русский, турецкий будет изучаться в виде школьного предмета. Таким образом, власти и на этот раз не вынесли решения о преподавании на разных языках, а выбрали в качестве основного языка для всех школ турецкий. Единый язык в большинстве школ должен был в дальнейшем повлиять также на смешение различных народностей, населяющих республику.

Предпочтение, которое было отдано турецкому языку, немедленно вызвало протесты сторонников русского языка.

Из-за трудностей, которые встали на пути осуществления принятого решения, ЦК компартии Дагестана в феврале 1928 г. подчеркнул важное место народного языка в системе образования в рамках начальной школы. На партийной конференции Дагестана, прошедшей в июле 1930 г., было резко осуждено насаждение в системе образования турецкого (азербайджанского) языка, которое было названо пантюркистским, панисламистским и буржуазным. Конференция потребовала, чтобы вся система образования отныне строилась на языках всех этнических групп Дагестана, а в средних классах (с 5 по 7) в качестве одного из предметов изучался русский язык.

Отныне в большинстве учебных заведений народный язык стал языком преподавания. Но уже в 1934 г. центральные партийные органы Дагестана резко выступили против изгнания русского языка из учебных учреждений. Решения государственных и партийных органов Дагестана от 1937 г. обязывали перевести все школы на преподавание на русском языке, начиная с 5-го класса, а в младших классах он должен был стать обязательным предметом. Количество уроков русского языка в неделю было увеличено, а народные языки отныне были отодвинуты. Но они не были отменены и оставались в школах, как в виде учебных предметов, так и в качестве языков преподавания в младших классах.

Советские школы для горских евреев в Дагестане были созданы в середине 1920-х гг. по решению еврейского бюро в народном комиссариате образования РСФСР. Последний дал указание народному комиссариату образования Дагестана открыть в 1925—1926 гг. две начальные школы, в которых языком преподавания станет татско-еврейский. Было обещано выделить этим школам необходимые денежные средства. Первые советские школы для горских евреев сразу же столкнулись с большими трудностями из-за отсутствия учебных пособий, а также учебных помещений. Комиссариат образования РСФСР пообещал напечатать в Москве нужные им учебники.

В 1926—27 учебном году в Дагестане было только две школы для горских евреев, обе располагались в Дербенте. В них училась лишь половина детей горских евреев, охваченных в этот момент системой государственного образования. Поначалу языком преподавания в них был азербайджанский, и только после вмешательства представителя центральных властей Зямы Островского культурные учреждения республики приняли решение о переводе школ горских евреев на татско-еврейский язык.

В результате официальной поддержки в 1927—1928 гг. в Дагестане было уже три школы для горских евреев: две в Дербенте и одна в Махачкале, и в них училось около 600 учеников. Преподавание в них велось на русском и татско-еврейском языках. С расширением сельскохозяйственного поселения горских евреев в районе Кизляра в 1929 г. власти решили создать в поселении школу для горских евреев и выделили специальную сумму для строительства школьного здания. В конце 1920-х гг. в печати вновь было подчеркнуто, что преподавание для горских евреев Дагестана должно проводиться на их родном языке. В те же годы, кроме школ, создавались и горско-еврейские детские сады.

Как уже было сказано, в 1930 г. было решено перевести преподавание в дагестанских школах на разговорный язык учеников. Татский язык был признан одним из десяти официальных языков республики, и одновременно был введен закон об обязательном образовании. Эти изменения привели к увеличению числа школ и учеников. В 1930—31 учебном году в Дагестане существовало три школы для горских евреев, и в них училось 934 человека. В 1931—1932 гг. было уже семь начальных школ (с 1-го по 4-й класс), и в них 1242 ученика. В 1932—1933 гг. количество школ увеличилось до восьми, и в них ходило 1420 учеников. Из всех детей горских евреев, которые в 1931—1932 г. учились в советских начальных школах, 74% (1242 из 1680) посещали специальные школы для горских евреев. Увеличение числа учащихся в этих школах особенно подчеркивало нехватку учителей и превращало это в одну из центральных проблем школьного образования в Дагестане.

На совещании, посвященном проблемам горских евреев, прошедшем в 1927 г., прозвучало требование об организации курсов для учителей и открытии специального отдела по подготовке учителей для школ горских евреев в Дагестанском педтехникуме. Нехватка учителей ощущалась все сильнее, и в конце 1920-х гг. школы были вынуждены публиковать в газетах объявления о поиске учителей.

В 1930 г. в Дагестане было создано семь институтов по подготовке учителей, преподающих на языках различных народностей. Для того, чтобы привлечь молодежь в эти институты, большинству студентов предоставлялось общежитие и выплачивалась стипендия. В одном из институтов было создано специальное отделение, готовившее учителей для горско-еврейских школ. В 1934 г. эти институты были реорганизованы и соединены с педагогическими техникумами.

В первой половине 1930-х гг. татско-еврейский язык был основным языком преподавания в школах для горских евреев Дагестана, но ко второй половине десятилетия началась постепенная замена языка преподавания с татского на русский. Из десяти языков, существовавших в дагестанской школе в первой половине 1930-х гг., к концу десятилетия осталось только восемь, и среди них все еще был татско-еврейский. Но количество горско-еврейских школ сокращалось, и в 1938—39 учебном году их осталось всего семь, и в них училось 1310 детей. Наконец, в конце 1930-х гг. в Дагестане появились две школы, в которых преподавание было двуязычным: оно велось и на татско-еврейском, и на русском языках.

Всего в 1938—1939 гг. в школах, в которых языком преподавания был татско-еврейский, а также в школах, в которых он изучался в качестве школьного предмета, училось 2024 ученика.

Когда началась Отечественная война, здания части дагестанских школ, включая школы горских евреев, были использованы для военных нужд. Но по мере отдаления линии фронта от Кавказа, в 1943 и в 1944 гг., некоторые школы горских евреев возвратились в свои здания, и в них вернулся татско-еврейский язык, как правило, в качестве учебной дисциплины. В республике

Дагестан советские школы для горских евреев продолжили свое существование до начала 1950-х гг. — намного дольше, чем остальные еврейские школы в СССР.

Северный Кавказ

Требование основать специальную школу для детей горских евреев Северного Кавказа впервые прозвучало в 1924 г. В 1925 г. были созданы две такие школы: в Грозном и в Нальчике. В школу в Грозном записалось 40% детей местных горских евреев, но постоянно посещала занятия только половина учеников, и одной из причин этого был недостаток одежды и обуви, а иногда и хлеба. Поэтому горком партии решил:

> *Поручить коммунистической фракции в городском совете проверить возможность выдачи завтраков, а также предоставления других форм материальной помощи, детям наиболее бедных горских евреев, для того чтобы обеспечить им возможность постоянного посещения школы.*[24]

Положение детей горских евреев в Нальчике было не лучше, чем в Грозном. В местной школе татско-еврейский язык не был основным языком преподавания, и причиной этому был состав преподавателей: лишь один учитель был из горских евреев, одна учительница была русской еврейкой, и еще трое учительниц были русскими. В 1926—1927 гг. в этой школе обучалось около 300 детей, и учеба происходила в две смены.

В 1927 г. было решено перевести преподавание в школах данного района на разговорный язык учеников, но это решение, по-видимому, не было выполнено.

В школе Грозного училось 75—90 учеников, и она располагалась в трех тесных комнатах старого здания во дворе синагоги. В Нальчике здание еврейской школы также не подходило для своей роли, и только в 1928 г. было решено перевести ее в национализированное здание синагоги. В том же году советские культурные деятели из среды горских евреев в Грозном обратились к властям с просьбой построить здание для еврейской школы и расширить ее рамки, то есть превратить из начальной (4 года обучения) в неполную среднюю (7 лет). После долгой борьбы власти откликнулись на первую просьбу и выделили участок земли для нового знания школы. Однако вскоре этот участок был отдан для других целей, и школа продолжала существовать в антисанитарных условиях. Из-за недостатка места она могла принимать только 50% детей горских евреев Грозного, но даже они учились в три смены. Учреждения народного образования совершенно не интересовались этой школой. Когда ученики всех остальных школ Грозного получили обувь и школьную форму, о еврейских учениках попросту забыли.

---

[24] Альтшулер, 1990. С. 409.

Учеба в этой школе, так же как и, очевидно, в горско-еврейской школе Нальчика, происходила, по утверждению одного из источников, «по старинке, без всякой методики и, в дополнение ко всему, не на татско-еврейском языке».

В связи с тем, что на Северном Кавказе школы для национальных меньшинств были заброшены, 10 мая 1931 г. центральные власти приняли специальное решение, в соответствии с которым комиссариату образования РСФСР предлагалось уделить особое внимание этому вопросу. В результате этого горско-еврейская школа в Нальчике была наконец-то превращена сначала в неполную среднюю школу, а потом и в десятилетку. В 1938 г. директором школы был горский еврей коммунист Агарунов, затем его сменил Семен Михаилов, который тоже был горским евреем. Но большинство учителей не были евреями. Языком преподавания являлся русский, но со второго-третьего класса в качестве школьного предмета изучался также татско-еврейский, который преподавал К. Гиладов, соблюдающий еврей, который составил учебник по этому языку.

Когда немцы заняли Нальчик, занятия в школе прекратились, как и в большинстве других школ города, но в 1943 г. они возобновились. До конца 1947 г. все ученики этой школы были горскими евреями, и в ней продолжалось преподавание татско-еврейского языка.

В районах новых еврейских сельскохозяйственных поселений, созданных на Северном Кавказе в 1920-е гг., положение еврейских школ также было тяжелым. В 1928 г. в поселениях в районе Моздока было 75 детей школьного возраста, но школы здесь не было. Поэтому местное отделение ОЗЕТа обратилось к властям с просьбой основать школу для детей поселенцев. И действительно, в 1929 г. возле Моздока такая школа была создана. В ней было четыре класса.

После открытия школы в Богдановке остро встала проблема нехватки учителей, хотя бы и не являющихся горскими евреями. В 1933 г. в этой школе был единственный учитель на все три существовавших в ней класса. В 1934 г. в школе открылось уже пять классов, и в них училось 113 детей. Школа находилась в совершенно не подходящем здании, вторая половина которого использовалась для склада. Никаких учебных пособий в ней не было. Дети учились в две смены, им не хватало учебников.

В начале 1930-х гг. была создана школа для горских евреев также в соседней деревне Ганштаковке, но ее состояние было не лучше, чем богдановской школы.

Учебники

Первый учебник на татско-еврейском языке появился в 1921 г. в Баку. Его авторами были Н. Магарик и Хаймович. Параллельно Горский и Брагинский занимались подготовкой азбуки татско-еврейского языка. Эта книга,

которая называлась «Горный цветок», была закончена в 1921 г., но так и не была выпущена из-за недостатка бумаги. До 1926 г. в Баку были подготовлены рукописи учебников для вторых и третьих классов, но государственное издательство отказалось их выпускать.

Учебники, вышедшие в Баку, были написаны на южном диалекте, и поэтому не подходили для татско-еврейских школ, появившихся в Дагестане в середине 1920-х гг. Поэтому в 1926 г. в этой республике вышел в свет еще один букварь. В 1927 г. в Махачкале тиражом 1075 экземпляров был издан учебник, написаный Л. Натановым и предназначенный для второго класса. В 83 главах, из которых он состоял, довольно много места было уделено советской тематике — 1 мая, 7 ноября, Ленину, пионерам, СССР и т. д. Сюда же входили тексты, посвященные природе и животным. Этот учебник был того же рода, что и все учебники, выходившие в те годы в СССР, но большинство имен детей, служивших его персонажами, были именами, принятыми в среде горских евреев. «Национальный характер» учебника подчеркивался и в иллюстрациях.

Четыре упомянутых выше учебника были напечатаны еврейским шрифтом, с полной или частичной огласовкой. Но одновременно в издаваемых учебниках появились первые признаки грядущей замены шрифта на латинский. «Дагестанский комитет по замене алфавита» и «Всесоюзный комитет по новому турецкому алфавиту» опубликовали в 1927 г. три учебника, напечатанные латинским шрифтом. Тиражом 1550 экземпляров был издан букварь, использовавший оба шрифта, написанный З. Ходайнатовым, и тиражом 2000 экзепмляров вышел учебник Ибраимова и Мансурова для второго класса, также с латинским шрифтом. Еще одна подобная книга предназначалась для обучения взрослых, и, видимо, она же использовалась в школах для детей.

Одновременно была предпринята попытка перенести центр издания учебной литературы для горско-еврейских школ в Москву и издавать там учебники, которые подошли бы для всех школ горских евреев. В 1928 г. в Москве тиражом 3000 экземпляров был издан учебник З. Ходайнатова, предназначенный для первого класса. В отличие от книги Натанова, он был напечатан латинским шрифтом. Вышедший в 1929 г. в Дагестане букварь также был напечатан на латинице.

После перевода преподавания на татско-еврейский язык возникла потребность в написанных на нем учебниках арифметики. В 1930 г. в Дагестане вышло два учебника арифметики: учебник для первого класса и задачник для второго и третьего классов. Тогда же был издан татско-еврейский букварь, соответствующий программе начала 1930-х гг. для советских школ.

Для того чтобы усилить контроль над содержанием национальных учебников, Совнарком РСФСР принял 26 марта 1933 г. решение о том, что учебники по естественным наукам, арифметике, географии, истории будут переводиться на все языки с соответствующих учебников для русских школ. Совнарком определил несколько издательств, которым будет поручено издание

учебников, а также постановил, что все учебники будут нуждаться в утверждении «сверху».

В 1934—1936 гг. в Баку вышло на татско-еврейском языке семь учебников и задачников по арифметике, два учебника географии и один — природоведения. Все они представляли собой переводы с русского языка, и, естественно, были полностью лишены еврейского содержания. В этот же период вышло также семь книг по языку и грамматике, написанные Л. Лазаревым, для первого года обучения, шесть хрестоматий для вторых-третьих классов и две хрестоматии для четвертого класса. В Махачкале было издано только две брошюры с учебными программами для горско-еврейских школ, и одна переведенная с русского языка книга, посвященная географии, демографии и экономике Дагестана. Эти издания имели тиражи 1500—3000 экземпляров, и все, за исключением одного, предназначались для начальной школы (с 1 по 4 класс).

Во второй половине 1941 г., несмотря на начало войны, был издан учебник грамматики, написанный Борисом Гавриловым, а в Баку был издан учебник арифметики Н. Поповой. Насколько известно, это были последние два учебника, изданные на татско-еврейском языке.

После войны, одновременно с закрытием школ для горских евреев, прекратился также выпуск учебников на их языке.

Грамотность в среде горских евреев

В XIX в. процент грамотных среди горских евреев был очень мал. Хедерная система образования приводила, по мнению И. Черного, к почти поголовной неграмотности среди горских евреев. Он пишет:

> *С трудом я мог объясняться по-древнееврейски и с их раввинами. Даже местной грамоте они не обучаются, хотя им и необходимо знать ее по торговым их делам. Во всех деревнях они платят мусульманскому мулле, а в городах какому-нибудь грамотному татарину, чтобы им писали письма и разные бумаги, за что каждый мулла получает от общества годовое жалование и от каждого особую плату за письмо, за просьбу и т. п., примерно по 10 копеек. Об обучении своих детей грамоте они мало или вовсе не заботятся.*[25]

И. Анисимов так характеризовал состояние грамотности среди горских евреев в конце XIX в.:

> *Некоторые аулы имеют только двух, трех грамотных, на обязанности которых лежат все письменные дела целого аула. Большинство евреев*

[25] Черный, 1870. С. 13.

не умеет не только написать, но даже и прочесть двух слов священного писания и молитв. Лет десять, пятнадцать тому назад грамотных совсем не было между горскими евреями, и редко кто из них знал или имел понятие об обрядах своей религии. Только с покорением Россией Кавказа горские евреи, по примеру русских евреев, начали отдавать своих детей в ученье, и число грамотных немного повысилось. Под рубрикой «грамотных» в моих статистических сведениях сказано: в аулах 557, в городах 767 и всех 1324. Из этих данных видим, что на 4090 дымов или на 21129 душ приходится только 1324 грамотных, что составляет 6,26%, то есть почти на 16 человек 1 грамотный. Относительные же числа грамотных выражаются следующим образом: 1 грамотный приходится в аулах, по дымам на 21,53 дыма, в городах на 5,08 дыма и вообще на 13,30 дыма. По душам: в аулах — 5,55%, в городах — 6,91% и вообще 6,23%; из этих чисел мы видим, что число грамотных в городах гораздо больше, чем в аулах, даже и против общего числа.[26]

Между тем, высокий уровень неграмотности был следствием крайней бедности большей части горских евреев. Для горских евреев было характерно стремление при малейшей возможности дать детям образование. Уже в конце XIX в. происходит стремительный рост числа грамотных. И. Анисимов, вообще говоря, склонный критиковать своих соплеменников за низкий уровень образованности, в тоже время отмечает с удовлетворением:

Между тем мы видим в этом народе истинное желание получить образование, и каждый дает последнюю трудовую копейку, чтобы сын его сделался грамотным. Это мы видим, во-первых, из сравнения статистических данных о числе грамотных у путешественника по Кавказу Иуды Черного за 12—15 лет тому назад, с числом грамотных между горскими евреями в настоящее время. У Черного говорится, что в Дербенте найдется около 20 человек, знающих немного еврейскую грамоту, а теперь находим их около 120 человек; в Араге — 8, теперь приблизительно 55; в Кубе — 30, теперь 460, так что средним числом выходит в каждом месте почти в 10 раз более прежнего.[27]

В это время доля грамотных среди горских евреев уже втрое превосходит таковую среди окрестных мусульманских народов.

Неграмотность была все еще очень распространенным явлением среди горских евреев даже в 1920-х гг. По результатам переписи населения 1926 г. процент грамотных в среде горских евреев составил 19,7%. В старых общинах, то есть в Азербайджане и Дагестане, он был выше, чем на Северном Кавказе.

---

[26] Анисимов, 1888. С. 228—229.

[27] Анисимов, 1888. С. 236—237.

Большинство грамотных горских евреев было грамотно на русском языке или на иврите, а не на татско-еврейском. Данные переписи указывают также на большую разницу в проценте грамотных среди мужчин и женщин. Среди горских евреев Дагестана в 1926 г. умели читать и писать 41,1% мужчин и 17,4% женщин, а для Северного Кавказа эти показатели составляли 32,6% и 8,2%, соответственно. Согласно данным по городу Баку за 1920 г. грамотными среди горских евреев были 35,3% мужчин и 4,2% женщин.

Во второй половине 1920-х гг. и в 1930-х гг. власти проводили на Кавказе усиленную деятельность, направленную на ликвидацию неграмотности. В эту кампанию были включены и горские евреи. На первом этапе все курсы по ликвидации неграмотности учили читать и писать на русском языке, но по мере повышения статуса разговорных народных языков преподавание на курсах для горских евреев было переведено на татско-еврейский язык.

Но всех этих усилий было недостаточно, чтобы полностью уничтожить неграмотность, и настоящий поворот в этом вопросе произошел только после введения в начале 1930-х гг. годов закона об обязательном образовании. Прослойка лиц, не умеющих читать и писать, постоянно сокращалась, в младшем поколении она сузилась до мизерных размеров, среди последних неграмотными были почти одни женщины. С этой точки зрения в период советской власти, несомненно, произошли существенные положительные изменения.

ГЛАВА 27

Горские евреи в русской школе

К концу 1850-х гг. на Восточном Кавказе было только несколько светских русских школ, предназначенных в основном для детей военных. После Кавказской войны власти начали осознавать значимость начального образования на русском языке, прежде всего для воспитания кадров туземной администрации. В решение этой задачи была вовлечена и армия: при гарнизонах создали школы для детей местного населения, в которых в основном изучался русский язык.

Горские евреи, как правило, не хотели посылать своих сыновей в эти школы, опасаясь того, что они будут воспитываться в духе ислама или вообще отойдут от веры отцов. И. Анисимов пишет:

> *Причиной неприязненного взгляда горских евреев на европейское образование является фанатизм, доведший их до крайнего невежества, и опасение, чтобы дети их не делались «машумадами» или отступниками, какими они считают русских евреев.*[28]

Учеба в этих школах также подразумевала неминуемое нарушение субботы, и это тоже тормозило желание родителей посылать в них детей. Айзенштадт пишет:

> *В Нальчике действительно имеются две начальные школы, но наши братья* <горские евреи> *никогда не пошлют туда своих детей. С момента их открытия и до сегодняшнего дня* <1902 г.> *там не учился ни один еврей, поскольку наши братья строго соблюдают традиции религии и не отправят своих сыновей туда, где не соблюдается суббота и праздники.*[29]

Первый известный случай, когда дети горских евреев обучались в нееврейском учебном заведении, относится к деревне Дженгутай. В 1860 г. русские

---

[28] Анисимов, 1888. С. 228.
[29] Альтшулер, 1990. С. 398.

войска построили здесь школу для местных детей, и в апреле в ней занималось трое мальчиков из семей горских евреев, которые проявили, по утверждению школьной администрации, «большее прилежание, чем другие горские дети».

В 1860—1870 гг. количество начальных русских школ на Восточном Кавказе увеличилось, и власти не преминули оказать давление на горское население, и в том числе на евреев, заставляя их посылать сыновей и даже дочерей в эти школы. Но немногие имеющиеся статистические данные по поводу этнического происхождения учеников никак не различают горских и европейских евреев. Очевидно, мы не сильно ошибемся, если предположим, что по мере роста общего числа еврейских учеников в этих школах росло также и количество посещающих их детей из горско-еврейских общин.

В большинстве начальных школ, в которых учились еврейские дети, продолжительность учебы составляла один-два года. Первыми были открыты школы для мальчиков, но по прошествии некоторого времени появились также школы для девочек. Например, школа для девочек существовала с 1864 г. в Темир-Хан-Шуре. В течение десяти лет в ней не было ни одной еврейской ученицы, но в 1874 г. здесь появилось восемь евреек, что составляло 16% от общего количества учениц.

На рубеже веков все больше и больше детей горских евреев стали записываться в нееврейские начальные школы. В основном это были дети из богатых семей, чьи родители понимали, что русский язык может пригодиться в жизни. В 1901 г. в начальных школах Петровска и Дербента было 39 еврейских учеников, в 1902 г. — 47, в 1903 г. — уже 61.

Накануне первой мировой войны среди горских евреев были десятки, а может быть и сотни тех, кто хотя бы год учился в русской начальной школе, а часть тех, кто закончил эти школы, продолжили обучение в средних школах.

Большинство гимназий и реальных училищ появились в районах проживания горских евреев начиная с 1870-х гг. В 1870 г. во всех средних учебных заведениях Кавказа было 44 ученика-еврея, и можно предположить, что горских евреев среди них вообще не было. Но через пятнадцать лет, в 1885 г., в подобных учреждениях было уже 256 учеников-евреев, что составляло 2,5% от общего числа учащихся. Еще через восемь лет количество евреев, обучающихся в средних учебных заведениях Кавказа, выросло более чем в два с половиной раза и достигло 653 человек, среди которых были и горские евреи, особенно в школах Темир-Хан-Шуры и Дербента. В 1905 г. в одном только Дербенте обучалось в средних учебных заведениях 53 еврея, и среди них 32 — горские.

С 1860-х гг. все более укоренялся обычай, в соответствии с которым богатые семьи горских евреев нанимали для своих сыновей частных учителей. Те обучали их не только религиозным, но и светским предметам, в частности, русскому языку и даже идишу. Гольдман пишет:

Богатые, и в их числе раввин Темир-Хан-Шуры Иешуа бар Ханука, обучают своих сыновей русскому языку и идишу, на котором мы говорим, поскольку повсюду у них есть теперь учителя.[30]

После введения в начале 1930-х гг. обязательного начального образования в нееврейских начальных школах республики Дагестан училось 438 горских еврея, что составляло 26% от всех детей общины, обучавшихся в советских школах. В Азербайджане и на Северном Кавказе, где число школ для детей горских евреев было очень мало, процент еврейских детей, обучавшихся в общих школах, был выше, чем в Дагестане.

По мере стимулирования властями изучения русского языка этот процент все увеличивался. В начале 1950-х гг. последние школы с полным или частичным преподаванием на татско-еврейском языке были закрыты, и с тех пор все дети горских евреев учились в общих школах.

---

[30] Альтшулер, 1990. С. 392.

ГЛАВА 28

Профессиональное и высшее образование

Профессиональное образование

Идею профессионального образования в среде горских евреев проповедовали еще до революции образованные люди из тех, кто закончил русские школы, а также и сионистские деятели.

Одновременно с начальными школами советская власть начала развивать на Кавказе профессиональное образование. До конца 1920-х гг. в одном только Дагестане было создано двадцать училиш, дававших среднее и профессиональное образование. В этих училищах были забронированы места для юношей из горских народов. В них учащимся выдавалась форма, еда и стипендия, поэтому количество желающих поступить в них значительно превышало их возможности.

Поскольку среди населения все еще существовало противодействие совместному обучению, часть профессиональных училищ была выделена только для девушек.

Во второй половине 1920-х гг. власти Азербайджана попытались повлиять на владельцев мастерских из среды русских евреев и заставить их взять в качестве учеников безработных горских евреев. Сотни горско-еврейских юношей проводили время на улицах Баку, занимаясь торговлей папиросами, конфетами и семечками, или работали чистильщиками обуви. Призыв городских властей, однако, не встретил большого отклика. Ремесленники, как евреи, так и неевреи, утверждали, что дети горских евреев «не понимают, что им говорят, не знают русского языка, и вообще, на них нельзя положиться». Небольшое число молодых горских евреев все же были приняты еврейскими ремесленниками в подмастерья.

Еврейские юноши испытывали также трудности при поступлении в фабрично-заводские училища. Число безработных достигало многих тысяч, и эти профессиональные учебные заведения отдавали предпочтение детям потомственных рабочих.

Власти были вынуждены время от времени принимать категоричные решения по этому вопросу. Например, горком партии Грозного в 1927 г. издал указ о том, что «во время приема учеников в училища при промышленных предприятиях необходимо принять в расчет обязательство забронировать несколько мест для молодежи из горских евреев».

В результате деятельности ОЗЕТа в 1926 г. 60 юношей — горских евреев из чеченской области были посланы на учебу в профессиональные школы. Комиссия по национальным меньшинствам при Исполкоме Азербайджанской республики 10 июля 1927 г. приняла решение о создании специальной профессиональной школы для молодежи из среды горских евреев. По плану, в ней должны были готовить представителей четырех профессий: слесарей, кузнецов, плотников и ковроделов. Азербайджанское правительство должно было взять на себя оплату обучения студентов. ОЗЕТ также обязался поддержать училище. Но, насколько известно, эта программа так и не была осуществлена, а те из горских евреев, которые все же получили профессиональное образование, обучались в общих училищах.

Во второй половине 1920-х гг. появились некоторые возможности профессионального образования для девушек. В 1928 г. в Махачкале открылась акушерская школа, и в числе ее 92 учениц было 7 горских евреек. Из 102 учениц школы кройки и шитья в том же году количество горских евреек достигало 15-ти.

Для того чтобы подготовить профессиональных работников для развивающейся промышленности, были созданы фабрично-заводские семилетние школы. В 1931 г. в республике Дагестан среди учащихся таких школ было 134 горских еврея. Одним из учебных заведений, в котором особое внимание уделялось приему и обучению горской молодежи, был Горский техникум путей сообщения в Орджоникидзе. В 1933 г. в нем училось 12 горских евреев.

Для того чтобы облегчить прием горских евреев в профессиональные учебные заведения в 1935 г., в Ковродельческом техникуме в Дербенте было создано специальное отделение, на котором часть занятий проходила на татско-еврейском языке. Но в большинстве подобных школ языком преподавания был русский.

Первые горские евреи-интеллигенты

Из тех, кто заканчивал средние учебные заведения, лишь единицы шли учиться дальше. Первым студентом из числа горских евреев стал Илья Анисимов. В начале XX в. появился еще один московский студент — горский еврей — Нафтали-Цви Анисимов, племянник Ильи Анисимова. Одним из первых врачей из среды горских евреев был Агарон Израилов из Петровска.

Число горских евреев, получающих высшее образование, было по причинам как субъективного, так и объективного характера очень мало. Не все были готовы на отрыв от общины ради учебы. Кроме того, учеба требовала больших расходов, которые лишь немногие могли себе позволить.

Из выпускников высших учебных заведений, а также тех, кто получил образование собственными силами или с помощью частных учителей, в среде горских евреев образовалось первое поколение национальной интеллигенции. Каким бы узким ни был этот круг образованных людей, его влияние становилось все более заметным. Как правило, эти интеллигенты не поворачивались спиной к своей общине, а старались способствовать ее модернизации. Интеллигенция успешно выступала от имени общины перед властями. Некоторые из них перед революцией были в числе создателей еврейских школ, а потом стали деятелями советско-еврейской системы образования, другие активно участвовали в сионистском движении.

Многие из горско-еврейских интеллигентов первого поколения происходили из местной духовной элиты, из раввинских семей. В этом плане очень показательна история дербентской семьи Рабиновичей (Раввиновичей). Это был знатный раввинский род, возводивший свою родословную к знаменитому амора Равви. В 1904 г. два брата, раввины р. Яшая б. р. Реувен и р. Ифраим б. р. Реувен Рабиновичи возглавили кружок энтузиастов, добившийся открытия первой светской горско-еврейской школы в Дербенте. Впоследствии р. Яшая стал главным раввином Дербента, а следовательно главным горско-еврейским раввином южного Дагестана и Азербайджана. Его брат р. Ифраим возглавил горско-еврейскую общину Баку.

Сын р. Яшая Михаил Рабинович был преподавателем еврейской школы в Баку. Талантливый поэт и публицист, он публиковался под псевданимом Бен-Герари, («Сын гор»), и был главным редактором поалей-ционистской газеты на татско-еврейском языке «Корсох». Он боролся против замены у горских евреев еврейского алфавита на латинский. При советской власти неоднократно подвергался преследованиям за свои сионистские убеждения.

Двоюродный брат Бен-Герари сын р. Ифраима Гирсил Рабинович с юности принимал участие в большевистском движении. Он, как и его кузен, был литератором — поэтом и драматургом — и писал под псевдонимом Горский. Гирсил Горский был основателем первой горско-еврейской драматической студии в Баку. Перевел на татско-еврейский язык «Интернационал». Впоследствии он сделал карьеру по партийной линии.

Оба брата погибли в 1938 г.: Бен-Герари был репрессирован как сионист, а Горский исчез во время партийных чисток.

Когда в 1919 г. в Баку открылся Народный еврейский университет, в числе его студентов оказались и горские евреи. Шапиро, бывший преподавателем этого университета, пишет об активном участии горских евреев в его работе:

В 1918 году в Баку функционировал еврейский народный университет, где я читал курс истории еврейского народа и руководил соответствующим семинаром. Среди многих слушателей были также молодые евреи-таты. Как на лекциях, так и особенно на семинарских занятиях горцы часто

задавали вопросы, имеющие отношение к историческому прошлому и экономике горских евреев. На одном из семинаров слушатель — горский еврей Бироров — выступил с докладом на тему «Экономика горских евреев».[31]

Горско-еврейская интеллигенция

Советская власть на Кавказе старалась вырастить из местной молодежи группу общественных деятелей и дать им соответствующее образование. Этим молодым людям, которые были в основном комсомольцами, бронировались места на рабфаках и в школах партактива. В 1926 г. в Нальчике на одном из рабфаков было зарезервировано для горских евреев шесть мест, и еще два места — в школе партактива. В конце 1920-х гг. выросло число кавказцев, посланных на партийные курсы, и среди них были горские евреи.

С началом индустриализации вырос спрос на обладателей технических специальностей, и в конце 1920 — начале 1930 гг. в вузах обучались уже сотни студентов — горских евреев, часть которых попала туда по собственной инициативе, а часть была послана, чтобы заполнить места, забронированные там для «представителей отсталых народностей». В одной только Москве в 1931 г. в высших и средних специальных учебных заведениях обучалось около 150 студентов — горских евреев. В 1932 г. по всему СССР таких студентов было около 400.

Большинство тех, кто получил высшее образование за пределами Восточного Кавказа, вернулись домой, но некоторые остались жить в центральных городах СССР, в Москве и в Ленинграде.

В 1925 г. в клубе еврейских рабочих-коммунистов в Москве был организован отдел горских евреев. Он получил поддержку центрального бюро Евсекции. В октябре 1929 г. этот отдел устроил большую встречу всех горских евреев, проживающих в Москве. На этой встрече с лекцией о положении общины выступил Беньяминов, после чего было решено основать «Общество по исследованию и поддержке горских евреев».

После войны круг горско-еврейской интеллигенции расширился еще больше. Для того чтобы миновать препятствия, вставшие на пути профессиональной карьеры евреев в СССР, многие из них по паспорту были записаны татами.

Некоторые горские евреи, получившие высшее образование, достигли впоследствии ученых степеней и преподавали в высших учебных заведениях. Как подсчитал Я. Агарунов, среди горских евреев около двадцати человек стали докторами наук.

---

[31] Шапиро, 1983. С. 96.

Особо известен профессор-ортопед Гавриил Абрамович Илизаров. Он родился в 1921 г. в селении Кусары недалеко от Кубы, во время войны окончил мединститут и работал врачом в госпиталях. Долгое время он был главным врачом в больнице в городе Курган и одновременно — директором большого НИИ. Так называемый аппарат Илизарова для исправления поврежденных костей получил всемирную известность.

Доктор физико-математических наук Александр Нисанович Ханукаев сумел во время войны расшифровать механизм немецких бомб замедленного действия.

Горские евреи достигли известности и в сфере искусства. Анатолий Ягудаев стал одним из самых известных скульпторов Дагестана. Его работы украшают площади и здания Махачкалы. В 1975 г. он был удостоен республиканской премии за ряд выполненных им портретов.

8. Горские евреи и страна Израиль

ГЛАВА 29

Связи Страны Израиля и Кавказа в XIX в.

Посланцы Святой Земли на Кавказе

Связи горских евреев с Эрец Исраэль документально прослеживаются с начала XIX в.: с одной стороны, на Кавказ приезжают шалиахи, посланцы из Святой Земли, с другой — горские евреи совершают паломничество или переселяются в Святую Землю. Начиная с середины прошлого века, первые горские евреи переселяются в Эрец Исраэль, прежде всего в Иерусалим, и основывают там свою общину. Это, поначалу численно небольшое поселение, вскоре становится культурной метрополией для горских евреев. По существу, именно в Иерусалиме евреи Восточного Кавказа (также как бухарские и грузинские евреи) впервые создают свои собственные религиозные центры и перестают зависеть от культурного и религиозного патронажа со стороны сефардской и ашкеназской общин.

Выражением связи горских евреев с Эрец Исраэль была традиционная материальная помощь, которую они оказывали «четырем святым городам»: Иерусалиму, Хеврону, Тверии и Цфату. Характерно, что по инициативе главного раввина Якова Ицхаки половина пожертвований направлялась ашкеназскому, а половина — сефардскому ишуву.

Пожертвования в Святую землю отвозили не только паломники, за ними приезжали специальные посланцы общин «старого ишува», шалиахи. Один из посланцев общины Цфата Йешайя Давид б. Зеев Ашкенази, прибыв в 1816 г. на Восточный Кавказ, рассказал лидерам горской общины о том, в какой нужде живут евреи Цфата. Община тут же приняла срочные меры: были назначены четыре габая, в обязанность которых входило собирать пожертвования для общины Цфата. Сохранился документ, в котором оговариваются обязанности габаев по сбору пожертвований и условия передачи собранного посланнику из Цфата.

В 1840 г. с целью сбора пожертвований на Кавказе побывал посланец из Хеврона раввин Нисим Яков Михаэль, в 1866 г. — посланец сефардской общины Цфата Йосеф Бехар Шабтай. Последний из традиционных шалиахов, иерусалимский раввин Моше Алигули, прибыл на Восточный Кавказ в 1913 г., перед самым началом первой мировой войны.

Шалиахи не только собирали пожертвования, но и наставляли местные общины, которые существовали в отрыве от основных центров еврейской образованности.

Каждый приезд такого посланника превращался для горских евреев в крупное событие, люди толпами шли в синагогу, чтобы послушать рассказы посланцев Святой Земли. Шалиахи посещали не только крупные общины, но и аулы с небольшим еврейским населением, где подчас жило по несколько десятков еврейских семей.

Шалиах из Святой Земли всегда был желанным гостем в горско-еврейской общине. И. Черный пишет:

Если какой-либо хахам из Палестины или из России приезжает к ним в деревню, то каждый из жителей деревни просит его настойчиво заехать к нему в гости; но большей частью хахам заезжает или к богатым хозяевам или к раввину. Тогда тот хозяин, к которому заехал гость, обязан взять из рук его вещи и отнести их в гостиную комнату, указать ему лучшее место на постели для отдыха с дороги и тут же обмыть его ноги. <...>

Все беседуют с ним, а хозяин подает в то время разные угощения, и все садятся с гостем обедать или ужинать. Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не дают ему скучать — один от него выходит, а другой заходит, и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его приезда или те новости, какие он привез им. Когда гость желает отъехать, хозяин просит его, чтобы он остался у него еще на некоторое время. Если тот беден и нуждается в помощи, тогда общество помогает ему денежным пособием по возможности. Хозяин дает ему съестные припасы на дорогу, и один или несколько человек из этой деревни провожают его до следующей деревни.[1]

Щедрость горских евреев способствовала тому, что поток посланцев все увеличивался. Были случаи, когда еврейские общины Кавказа становились жертвами мошенников, которые называли себя посланцами Эрец Исраэль и присваивали собранные пожертвования. Показателен случай с Хаим Коэном, который в 1867 г. прибыл на Кавказ из Эрец-Исраэль, чтобы якобы проверить шхиту у горских евреев. Он самоуправно сместил шойхета в Варташене и заменил его человеком, которого дружно ненавидела вся община. Потом он попытался вмешаться в дела еврейской общины Кубы, что вызвало возмущенную отповедь раввинов Еврейской Слободы.

Горские раввины вынесли из таких случаев урок: стали тщательно проверять личность человека, который называл себя посланцем Святой Земли, вплоть до того, что писали письма видным раввинам в Эрец Исраэль с просьбой подтвердить полномочия посланца. Кроме того, с конца прошлого века для пресечения злоупотреблений пожертвования стали направлять по почте главному раввину Москвы, который почтой же отсылал их в Святую Землю.

---

[1] Черный, 1870. С. 5.

Паломники и религиозная алия

Первая волна алии у горских евреев, так же как в других общинах, началась задолго до возникновения сионизма и носила религиозный характер. Попытки переселиться в Эрец Исраэль имели место в среде горских евреев, по меньшей мере, еще в начале XIX в. В 1806 г. в Эрец Исраэль прибыл раввин Авраам из Кубы. Он прожил там несколько лет, но не сумел укорениться и вернулся в Кубу.

В 1865 г. раввин р. Йегошуа б. р. Ханука из Темир-Хан-Шуры возглавил группу паломников в Эрец-Исраэль. Раввин Йегошуа пожертвовал два свитка Торы йешивам в Иерусалиме. Он и другие бывшие с ним паломники жертвовали деньги на бедных и на иешивы. В группе этих паломников был и Шербет Нисим-оглы, который остался на три года для учебы в иерусалимских иешивах.

В 1887 г. Святую Землю посетили дербентский раввин Яаков б. Ицхак Ицхаки и раввин Темир-Хан-Шуры Хизгил б. Авраам Мишаилов, будущий основатель сионистского кружка в Темир-Хан-Шуре. Позже раввин Ицхаки подробно и красочно описал эту поездку.

Материальное положение небольшого числа горских евреев, совершивших алию в Иерусалим, было очень тяжелым. Попытка, подобно представителям других общин, основать в Иерусалиме свой квартал не осуществилась из-за недостатка средств. Они поселились в уже существующем квартале Бейт-Шмуэль, за городской стеной у Шхемских ворот. В 1884 г. горские евреи, которых тут называли «кавказскими» или «черкесскими», построили в этом квартале свою синагогу «Бейт Шмуэль ве-Захария». Со второй половины 1880-х гг. в Иерусалиме уже существуют «Колел Дагестан».

Раввин Ицхаки, посетивший эту синагогу и узнавший о нужде, в которой живут горские евреи, обязался собирать пожертвования на Кавказе для регулярной передачи средств этой общине. Кроме того, Ицхаки добился, чтобы сефардские иешивы Иерусалима выделили небольшую денежную помощь каждому из «кавказских» евреев Иерусалима. В результате этого решения им до прибытия первой суммы пожертвований с Кавказа выплачивали по шесть грошей ежемесячно.

В начале 1890-х гг. «кавказская» община Иерусалима насчитывала около 70 человек. В результате «маренового кризиса» обанкротились многие из богатых горских евреев: поступление денег в Иерусалим с Кавказа уменьшилось. Иешивы также решили прекратить помощь «кавказской» общине. Горские евреи в Иерусалиме оказались в критическом положении. Спас их от голодной смерти барон Ротшильд, выделивший им через своего агента в Святой Земле Эдуарда Розенгейма небольшую сумму.

В начале 1890-х гг. раввин Шербет Нисим-оглы переселился в Иерусалим и для укрепления общины горских евреев купил в Старом Городе возле

Львиных ворот участок земли, чтобы построить на нем для выходцев с Кавказа синагогу «Мизрах-Шемеш» и иешиву «Тора-Ор». Для реализации этого плана была создана под руководством р. Шербета Нисим-оглы организация «Общины Дагестана». В 1894 г. р. Шербет Нисим-оглы опубликовал в Иерусалиме на иврите брошюру «Древности горских евреев», доходы от продажи которой были предназначены для помощи горским евреям, проживающим в Иерусалиме.

Завершением традиции старой, религиозной алии можно считать алию такого авторитета, как раввин Яков Ицхаки, который в 1907 г. вместе с семьей переехал в Палестину и вместе со своими последователями основал поселение Беер-Яков.

ГЛАВА 30

Сионизм и алия

Сионистское движение среди горских евреев

Сионистская деятельность на Кавказе началась сразу после Первого сионистского конгресса, прошедшего в 1897 г. Важным фактором сионистской активности среди горских евреев явилась традиционная связь общины с Эрец Исраэль. Первые сионистские кружки в начале XX в. на Восточном Кавказе создали местные русские евреи.

Горские евреи очень рано, почти сразу после возникновения сионистского движения, присоединились к нему. Для сионистского движения среди горских евреев характерно то, что его возглавила не только местная интеллигенция, но, во многом, местные раввины или их сыновья. Противоречия между раввинатом и сионистами, характерного для Восточной Европы, здесь почти не было. Горские евреи восприняли сионизм как естественное продолжение тех религиозных идей, которые они впитали с молоком матери.

В 1897 г., вскоре после Первого сионистского конгресса, информация о нем достигла г. Баталпашинска на Кубани, в котором существовала небольшая горско-еврейская община. Евреи Баталпашинска делегировали двух своих сограждан Мататьягу Богатырева и Шломо Мордехаева в Харьков, где те и встретились с руководителем организации «Шомрей Цион» Михаилом Шляпошниковым. На Кавказ были отправлены сионистские брошюры на русском языке.

М. Богатырев, который вскоре переехал в Грозный, и Ш. Мордехаев, поселившийся в Аксае, развили бурную деятельность среди евреев Северного Кавказа. Уже в 1901 г. 102 горско-еврейских семейства Северного Кавказа выступили в роли шекеледателей.

Тогда же, на рубеже веков, в Дербенте и Темир-Хан-Шуре возникли первые горско-еврейские сионистские организации. Сионистские организации горских евреев избрали Шляпошникова своим представителем на Третьем сионистском конгрессе, проходившем в 1899 г. В адрес конгресса были посланы с Кавказа приветственные телеграммы, которые Теодор Герцль прочел с трибуны, назвав их «телеграммами от черкесских евреев Кавказа».

В Темир-Хан-Шуре была создана сионистская организация им. Моше Монтефиоре, которую возглавил раввин Хизгил Мишаилов. В 1900 г. в Дербенте

была создана сионистская организация «Бней-Цион», в которую вошло около 40 человек. Характерно, что своими задачами члены этой организации считали изучение Торы и иврита, а также сбор средств для помощи ишуву, то есть сионизм был воспринят ими как продолжение традиции. Недаром дербентские сионисты первым делом основали свою синагогу «Шаарей Цион», а возглавили эту организацию сыновья главного раввина Дербента Якова Ицхаки Меир и Нафтали.

ЦК сионистского движения обратился к Шляпошникову с просьбой организовать прибытие на Четвертый конгресс в Лондоне 3—4 представителей горских евреев.

Два делегата от горских евреев — Мататьягу Богатырев из Грозного и Шломо Мордехаев из деревни Аксай стали участниками Четвертого сионистского конгресса. Их появление в национальной одежде произвело фурор среди сотен делегатов Конгресса.

Богатырев и Мордехаев по возвращении с Конгресса предприняли разъяснительную поездку по населенным пунктам Кавказа, рассказывая своим соплеменникам о Конгрессе, о принятых на нем решениях. Суммы пожертвований для ишува, собираемые в синагогах, заметно увеличились.

На сионистский съезд евреев Кавказа, который состоялся 20 августа 1901 г. в Тифлисе, прибыли 25 делегатов от русских, грузинских и горских евреев. Последних было 9 человек. Основной доклад сделал Менахем Усышкин. Власти закрыли съезд до того, как успели выступить делегаты от различных общин.

Новый импульс сионисткой деятельности на Кавказе придал визит Герцля в Россию в 1903 г. и проведение в том же году Шестого конгресса, делегатами которого снова были избраны Богатырев и Мордехаев. На Кавказе большую популярность получила открытка к Рош а-Шана, на которой с помощью фотомонтажа изображен Герцль, рядом с которым стоят Богатырев и Мордехаев.

Судьба пионеров сионизма на Восточном Кавказе была трагична: Шломо Мордехаев умер в 1923 г. после допроса в ЧК; в том же году ЧК расстреляло Мататьягу Богатырева.

В Дербенте в 1905—1907 гг. действовали две сионистские организации: «Бней-Цион» и Сионистский Союз горских евреев, которые впоследствии объединились. Открытие филиала Еврейского национального фонда придало большую интенсивность сионистской благотворительности. Среди общин горских евреев широко проводился сбор пожертвований и кампания по покупке шекелей и ценных бумаг банка Леуми.

Активная сионистская деятельность пробудила первую сионистскую алию с Кавказа, которая продолжалась вплоть до первой мировой войны. В то время была приобретена земля под Рамле — несколько тысяч дунамов. Раввин Ицхаки высказал пожелание поселить там горских евреев. Менахем Усышкин поддержал его, так как полагал, что горские евреи смогут легко адаптироваться в сельской местности. Было решено, что около половины этой земли

будет предоставлено горским евреям. В 1907 г. большая группа евреев Дербента во главе с раввином Яковом Ицхаки поселились на этой земле, основав поселение Беер-Яков.

Не только бедные люди, бежавшие от нужды, совершали алию. В 1904 г. купец Авиев посетил Иерусалим и вернулся домой с твердым намерением репатриироваться. Он ликвидировал свое дело, и уже в 1905 г. вся семья перебралась в Иерусалим. В 1906 г. туда же переехала большая семья состоятельного еврея Эзры Саадии.

Весной 1909 г. в Эрец Исраэль репатриировалось из Грозного 64 семьи горских евреев, в том числе — родственники Богатырева. Часть из них осела в Иерусалиме, но большую часть новоприбывших местные сионистские организации поселили в галилейском поселении Маханаим.

Богатырев и Мордехаев во время Шестого конгресса обратились к Герцлю с просьбой оказать помощь в репатриации горских евреев. Находившемуся тогда в Одессе Меиру Дизенгофу был направлен список желающих репатриироваться. Но дело продвигалось медленно, а со смертью Герцля еще больше замедлилось. Богатырев с Мордехаевым решили взять инициативу в свои руки. Они создали группу из 25 состоятельных горских евреев, готовых вложить деньги в покупку земли в Эрец Исраэль, и собрали 60 тысяч рублей — сумма по тем временам огромная. Инициаторы обратились в 1908 г. за помощью к Артуру Рупину. Пока шли переговоры, шесть из двадцати пяти семей прибыли в Эрец Исраэль и временно поселились в Иерусалиме. Но остальным семьям по той или иной причине выбраться из России не удалось, и попытка создать поселение горских евреев сорвалась.

21 августа 1917 г. в Баку состоялся второй конгресс сионистов Кавказа. 6 из 28 его делегатов были горские евреи — Якубов из Дербента, Пинхасов из Армавира, Мурадов и Абрамов из Дагестана и Пинхасова, делегатка от горских евреек.

Выступивший на съезде Гиршон Мурадов рассказал об истории горских евреев и об их стремлении влиться в сионистское движение. Он призвал к сближению с русскими евреями и развитию общей еврейской культуры. Он подчеркнул, что хотя большинство горских евреев голосовали на последних выборах за эсеров, потому что поддерживают их лозунг перераспределения земли, тем не менее, они хотят репатриироваться в Эрец Исраэль.

21 июня 1919 г. в Баку состоялся Третий сионистский съезд Кавказа, где главным вопросом была немедленная массовая репатриация в связи с создавшейся в крае критической ситуацией. На съезде сообщалось, что 12 тысяч человек, в основном — горские евреи — готовы тут же отправиться в Палестину. Как рассказывали современники, семьи, решившие уехать, вытащили все свои вещи из домов на улицу и распродавали их за гроши.

Съезд решил провести репатриацию организованным порядком, был создан комитет, которому поручили собрать 210 тыс. рублей и договориться

с железнодорожными и пароходными компаниями о доставке репатриантов в Палестину.

Но обстоятельства того смутного времени не позволили реализовать эту акцию. Положение в Эрец Исраэль тоже было таково, что страна не готова была принять сразу такое большое количество репатриантов, как по экономическим, так и по политическим причинам. Бюджет Сохнута был мизерным, а английские власти в начале 1920 г. вообще ограничили репатриацию, сведя ее к 16,5 тыс. человек в год.

В начале 1920-х гг. ишув стремился создать свои полицейские силы. Ставка делалась на молодежь из диаспоры, в том числе — на горских евреев. Хаим Вейцман писал Эрику Форбсу по этому поводу о том, что много молодых горских евреев, демобилизовавшихся из русской армии, умоляют помочь им репатриироваться в Эрец Исраэль, чтобы участвовать в строительстве будущего государства. По мнению Венйцмана, они могли стать костяком милиции и первопроходцами, то есть идеальным средством для подготовки почвы к большой алие.

800 молодых горских еврея подписались под письмом, которое послали с Хананом Эфраимовым в Эрец Исраэль с просьбой мобилизовать их на службу в милицию ишува. Эфраимов связался с Зеевом Жаботинским, страстным сторонником этой идеи. Жаботинский писал после этой встречи Герберту Сэмюэлю, будущему английскому наместнику в Палестине:

> *Вы должны знать, что представляют собой горские евреи Кавказа: они люди простые, крепкие, сильные, мужественные, и дисциплинированные. Эфраимов привез бумаги, подписанные 800 молодыми евреями. Они пишут, что число желающих намного больше, и достигает двух тысяч.*[2]

Сэмюэля это описание не тронуло, он оставил обращение Жаботинского без ответа. Эфраимов весной 1920 г. лично прибыл в Эрец Исраэль и тут убедился, что прием сотен горских евреев в еврейскую милицию нереален.

Идея вступления добровольцем в еврейские батальоны была тесно связана с движением «Гехалуц», которое сформировалась в России в начале 1918 г. Одним из активистов движения с первых дней его создания был Гуршум Мурадов. До войны он учился в иешиве в Литве, затем в учительской семинарии в Гродно, где и познакомился с идеей сионизма. Мурадов вступил в партию эсеров, в 1917 г. был избран делегатом Учредительного собрания от этой партии. После его разгона большевиками в начале 1918 г. Мурадов полностью посвятил себя деятельности в рамках движения «Гехалуц».

Позже он был назначен наркомом Горской автономной республики, но сионистскую деятельность не прекратил. В 1920 г. он, в качестве члена ЦК Гехалуц, был послан на съезд в Саратов. В 1922 г. Мурадов был направлен

[2] Альтшулер, 1990. С. 498.

делегатом на съезд халуцианского движения, проходивший в Харькове. Большевики съезд разогнали, часть делегатов была арестована. Вернувшись на Кавказ, Мурадов увидел, что сотни семей горских евреев уже распродали все свое имущество и дома в ожидании репатриации. Сюда также прибыли сотни евреев из России, считая, что только через Кавказ можно вырваться за пределы страны. Мурадов активно стал помогать им устроиться на работу, найти жилье.

В 1925 г. Мурадова вместе со многими другими активистами арестовали за сионистскую деятельность и сослали в Казахстан. Но лишения не смогли сломить его дух, он и в ссылке занимался распространением сионистской идеи. После выхода на свободу Мурадов поддерживал переписку с друзьями в Эрец Исраэль. Ему отправили пригласительную визу, но Мурадов не хотел уезжать один, оставив семью. Гуршум Мурадов вынужден был покинуть Кавказ и, так и не добравшись до Палестины, умер в конце 1930-х гг. в Москве.

После установления советской власти на Кавказе началось насильственное сворачивание сионистской деятельности. Последняя большая группа репатриантов с Восточного Кавказа выехала в Палестину в 1923 г. через Батумский порт. Единицам удавалось, легально или нелегально, покидать Кавказ вплоть до середины 1920-х гг. В середине 1920-х гг. прошли массовые аресты сионистов, политические, культурные и образовательные организации сионистов на Кавказе были закрыты.

Естественно, после установления советской власти, то есть с середины 1920-х гг., все контакты евреев Кавказа с Иерусалимом надолго прерываются.

Алия. 1970-е — 1990-е гг.

Известие о создании в 1948 г. Государства Израиль, которое в тот момент получило поддержку властей СССР, возродило надежду на репатриацию среди горских евреев. Они с нетерпением ждали со дня на день разрешения на массовую репатриацию. Житель Нальчика Бенцион Шабтай стал составлять списки семей, желающих немедленно репатриироваться. Но вскоре агенты МГБ конфисковали эти списки и стали таскать на допросы всех, кто был в них упомянут.

Во времена оттепели горские евреи осмелели, стали писать письма своим родственникам в Израиль. Обычно письма эти писали на татско-еврейском с использованием еврейского алфавита. Поскольку молодежь не знала этих букв, некоторые старые люди только тем и занимались, что писали письма для всей общины. Из Израиля в ответ стали приходить на Кавказ посылки с продуктами и культовой утварью (мезузами, талитами, тфилин).

Говоря о последних событиях в жизни евреев Восточного Кавказа, следует отметить, что рука об руку в ней идут две тенденции: рост национального

самосознания и массовая эмиграция. Начиная с 1970-х гг., важнейшим фактором становится борьба евреев за право на выезд в Израиль. Горские евреи позднее, чем грузинские, и менее массово окликнулись на возможность репатриации. Тем не менее, в середине 1970-х гг. в Израиль выехало около 12 тыс. горских евреев. Для горских евреев первая волна репатриации не привела к резкому уменьшению их общин, так как еврейские семьи продолжали оставаться традиционно многодетными.

В 1971 г. пришло известие, что можно репатриироваться в Израиль. Алия с Восточного Кавказа возобновилась. Первыми осмелились подать документы на выезд жители Северного Кавказа, имевшие тесные контакты с сионистскими активистами из Москвы и Ленинграда. Яков Пинхасов из Нальчика, который репатриировался в начале 1973 г., состоял в дружеских отношениях с активистами алии Польским, Слепаком и другими. Другой горский еврей, который решил репатриироваться под влиянием активистов из Москвы и Ленинграда и стал одним из первых агитаторов за выезд, был часовой мастер из Дербента Ярохом Абрамов. Он репатриировался с семьей в 1972 г.

ОВИР, однако, с увеличением числа просьб о выезде стал чинить всевозможные препятствия.

Центром алии стал Дербент, который был и оставался главным местом сосредоточения горско-еврейской интеллигенции. В 1970-х гг. все, кто интересовался Израилем, собирались возле синагоги на улице Таги-заде в Дербенте: обменивались информацией, полученной из писем или по радиостанции «Коль Исраэль», делились проблемами, рассказывали, как удалось преодолеть то или иное искусственно создаваемое властями препятствие. Еврейская молодежь собиралась с той же целью у кинотеатра «Комсомолец» на улице Ленина.

Число желающих уехать росло, в связи с чем цены на дома падали до очень низкого уровня, их становилось невозможно продать. Власти делали все, чтобы запугать евреев. Так, перед самым отъездом был арестован и осужден в Дербенте Пинхас Пинхасов, которого обвинили в том, что он выполнял «левую» столярную работу. В газетах велась широковещательная кампания по осуждению сионизма и шельмованию желающих репатриироваться.

Но желание жить на Святой земле было сильнее препятствий и угроз. До 1979 г. алия горских евреев неуклонно росла. Динамика этого роста соответствовала общей тенденции почти непрерывного роста алии в 1970-х гг. и ее резкого искусственного замедления с начала 1980-х гг.

Горские евреи составили в целом около 7% процентов всех репатриировавшихся в 1970-е гг. из СССР, в то время как их численность в составе еврейского населения СССР не превышала 2%. Почти все, кто выехал в те годы с Кавказа, прибыли в Израиль, не было сколько-нибудь заметного «отсева» в другие страны.

В начале 1980-х гг. отношение властей к отъезду стало более жестким. Советские власти стали все чаще отказывать в выездной визе. К середине

1980-х гг. было 64 семьи отказников из горских евреев. Кроме того, на Кавказ также стала поступать информация о трудностях, с которыми репатрианты сталкиваются в Израиле.

Репатриация возобновилась с началом перестройки и особенно усилилась после распада СССР. Ситуация в еврейских общинах Кавказа на сегодняшний день определяется, с одной стороны, перестройкой, обеспечившей возможность свободного выезда за рубеж и право на свободное осуществление национально-культурных и религиозных прав, а с другой — распадом Советского Союза.

В еврейских общинах Кавказа, как и по всему СССР, активизировали свою деятельность старые и открылись новые синагоги, возникли еврейские школы, культурные общества, газеты. Возрождается интерес к истории и культуре этих общин. Общины стали получать помощь от зарубежных религиозных, культурных и благотворительных еврейских организаций. В то же время эти усилия имеют место на фоне все усиливающегося отъезда евреев на жительство в другие страны, в основном в Израиль, США и Россию.

Причин для эмиграции несколько. Во-первых, резко, даже по сравнению с Россией, ухудшился экономический уровень жизни на окраинах бывшего СССР. Население многих регионов погрузилось в откровенную нищету, растет безработица. Уровень жизни в Азербайджане намного ниже, чем в России. Дагестан по уровню жизни занимает одно из последних мест в Российской Федерации. Во-вторых, Кавказ попал в полосу политической нестабильности и межэтнических конфликтов. В Азербайджане евреи видели армянские погромы и изгнание армян из страны. Продолжающееся военное противостояние Армении и Азербайджана чревато для молодежи призывом в действующую азербайджанскую армию. К этому надо добавить военные действия в Чечне и разгул преступности в Дагестане и Кабардино-Балкарии.

Весьма существенно на возросшую эмиграцию влияют тесные семейные, родовые и соседские связи между членами общины. Как только некоторый процент (по моим оценкам — больше половины) членов общины эмигрируют, остальные неизбежно и достаточно быстро уезжают вслед.

Нельзя сказать, чтобы власти Азербайджана, Дагестана или Кабардино-Балкарии пытались проводить политику, направленную против еврейских общин, более того, во многих местах евреи пользуются защитой и поддержкой (насколько это возможно) властей. Тем не менее, этого явно недостаточно, чтобы остановить эмиграцию. В последние годы исчезло несколько значительных общин, прежде всего тех, жители которых оказались в экстремальных условиях. Но и остальные заметно уменьшились. Горско-еврейские общины убывают не так стремительно, как, скажем, грузинские или бухарские, но все же достаточно быстро.

Многое в темпах алии зависит от конкретной общины. Темпы репатриации горских евреев различны в различных общинах: они существенно выше

в Нальчике и Дербенте, чем, например, в Кубе. Характерно, что когда в начале 1990-х гг. власти предложили горским евреям Дербента открыть в школах национальные классы, то родители настояли, чтобы в качестве родного языка в них изучался не татский язык, а иврит. Одно это свидетельствует об ориентации на выезд в Израиль. Целый ряд семей, в том числе принадлежащих к местному истеблишменту, выехали из Дербента прежде всего потому, что их молодое поколение, квалифицированные и образованные люди, не могли найти работу по специальности.

По приблизительным оценкам, с начала 1990-х гг. в Израиль выехало свыше 50 тыс. горских евреев. Впрочем, на чем основаны такие оценки, не вполне ясно.

ГЛАВА 31

Горские евреи в Израиле

Перед первой мировой войной в Эрец Исраэль насчитывалось уже около 4000 горских евреев, 130 из них жили в Иерусалиме. Многие из них принимали активное участие в освоении страны, в защите вновь основанных поселений от арабских банд.

В 1906 г. в Израиль прибыл Йехезкель Нисанов, бывший до своей алии активным членом партии эсеров. Нисанова можно назвать одним из пионеров активной алии с Кавказа. Он родился в 1886 г. в Темир-Хан-Шуре, был одним из немногих горских евреев, учившихся в русской школе. Семья его жила в нужде. Отец занимался случайной поденной работой, мать убирала в домах у богатых ашкеназских семей. Юношей Йехезкель переехал в Баку, стал посещать кружки социалистов-революционеров. Позже сблизился с молодыми сионистами. Его глубоко потрясла татаро-армянская резня, происшедшая в 1905 г. в Баку. Он понял, что нечто подобное может произойти и с евреями, и решил репатриироваться в Израиль. С этой целью он переехал в Севастополь, здесь работал и копил каждую копейку, чтобы оплатить поездку. Одновременно посещал кружки самообороны. Он прибыл в Израиль зимой 1906 г. и стал одним из шести основателей группы «Бар-Гиора», а впоследствии — «а-Шомер». В 1910 г. репатриировались его мать и братья Цви и Иегуда, которые тоже вступили в «а-Шомер». 13 февраля 1911 г. на Йехезкеля напала группа арабов. Йехезкель оказал сопротивление и был убит. Братья хотели отомстить за смерть брата, как того требовал обычай кровной мести, но по настоянию руководства «а-Шомера» отказались от этого намерения.

В 1924 г. несколько горско-еврейских семей из Иерусалима заложили новый квартал. Вскоре к ним присоединилась группа новых переселенцев с Кавказа. Дело в том, что в 1923 г. с последней волной репатриации в Палестину прибыло около 300 семей горских евреев. Этот квартал, находившийся в центре старой части Тель-Авива, около старой автобусной станции, не сохранился.

В 1920-х гг. экономическое положение ишува было очень тяжелым. Прибывших горских евреев направили работать на табачные плантации за мизерную плату. Возникали конфликты между ними и землевладельцами, часть которых не хотела принимать их к себе на работу.

В 1920 г. в Палестине был организовано Объединение горских евреев, которое в 1922 г. обратилось к сионистскому руководству с просьбой выделить землю для строительства сельскохозяйственного поселения. Но, ввиду отсутствия необходимых средств, ответ, полученный от руководителя отдела поселений Этингера, содержал лишь обещание в будущем включить горских евреев в планы заселения.

В 1924 г. был создан «Гистадрут горских евреев в Эрец Исраэль». В его правление избрали Звулуна Якубова из Петах-Тиквы, Йонатана Эфраимова из Яффо и Цви Якубова из Ришон Ле-Циона. Они обратились к Еврейскому национальному фонду «Керен Каемет ле-Исраэль» с просьбой выделить землю. После многих бюрократических проволочек вопрос в принципе был решен, но тут в руководстве фонда возникли разногласия. Одни хотели выделить горским евреям землю в долине, другие настаивали на том, чтобы ее выделили в горном районе.

В январе 1925 г. Менахем Усышкин собрал у себя представителей обоих конфликтующих сторон для вынесения окончательного решения. Выступая на этом рабочем совещании, Усышкин утверждал, что горские евреи — хорошие земледельцы, и поэтому следует выделить им землю в долине. Этингер, со своей стороны, заявил, что главное занятие горских евреев — торговля, многие из них живут в стране около 20 лет, но не занимаются земледелием. Совещание так и не приняло какого-либо практического решения.

Наряду с «Гистадрутом горских евреев» было создано Объединение горских евреев в Эрец Исраэль. Оно в 1925 г. также обратилось к руководству сионистскими организациями с просьбой выделить землю для поселения и обработки. При этом горские евреи предлагали присоединить к их 32 семьям несколько семей европейских евреев, чтобы всем вместе помогать друг другу и заняться земледелием. Но и эта просьба не была удовлетворена, и горские евреи были вынуждены и впредь удовольствоваться случайными заработками в городах.

Несмотря на немногочисленность горских евреев в Израиле, целый ряд из них внесли значительный вклад в создание страны. Таковы, например, врач Арон Биньямини, бывший одним из лидеров горских евреев Эрец Исраэль, певица Яфа Яркони, генерал Екутиэль Адам (Адамов). Уроженец Израиля, потомок евреев из Дербента, генерал Адам принадлежал к числу крупнейших израильских военачальников и занимал пост заместителя начальника генерального штаба Армии обороны Израиля.

Новые репатрианты 1970-х—1990-х гг., несмотря на все сложности абсорбции, также постепенно находят свое место в Израиле. Для горских евреев, сохранивших традиции большой семьи и соседских взаимоотношений, характерно расселение компактными группами.

Попытки самоорганизации горских евреев в Израиле, предпринимавшиеся в 1970-х—1980-х гг., не привели к успеху. В 1990-х гг., наряду с общими для всех репатриантов из бывшего СССР проблемами, главной проблемой

для горских евреев стало сохранение их культурного наследия. Была даже предпринята попытка издания журнала на татско-еврейском языке.

В последние годы в Израиле растет интерес к культуре горских евреев. Например, Центр еврейского искусства при Иерусалимском университете предпринял две экспедиции на Кавказ по изучению традиционного искусства и архитектуры горских евреев (1994, 1997 гг.) В Музее Израиля готовится большая выставка, посвященная этнографии горских евреев.

Заключение

Изучение истории и этнографии горских евреев заставляет исследователя рассматривать всякое явление в двух контекстах, которые можно условно назвать «еврейским» и «кавказским». Только такая двойная эрудиция может быть достаточна для объяснения многих своеобразных явлений культуры горских евреев. Многие увлекательные проблемы, например, взаимоотношения и взаимовлияния горских евреев и других народов Кавказа или региональная специфика различных горско-еврейских общин еще ждут своего исследователя. Обычаи и обряды горских евреев представляют собой превосходную модель для изучения такого явления, как «народный иудаизм». На Восточном Кавказе работы хватит не одному поколению специалистов в различных областях иудаики.

Что касается составителя этой книги, то он уверен в том, что изучение исторического и культурного наследия горских евреев — не только увлекательное, но и чрезвычайно приятное занятие. Две экспедиционные поездки на Восточный Кавказ, в 1994 и 1997 гг., в которых ему довелось участвовать, оставили самые лучшие воспоминания о горских евреях, об их радушии и гостеприимстве. Составитель надеется на процветание и мирную жизнь своих кавказских единоверцев под любыми небесами, будь то Кавказ или Израиль, Россия или Азербайджан.

Валерий Дымшиц

ЛИТЕРАТУРА

1. **Альтшулер, 1990.** — М. Альтшулер. Евреи Восточного Кавказа (иврит). Иерусалим, 1990.

2. **Анисимов, 1888.** — И. Ш. Анисимов. Кавказские евреи-горцы// Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888, вып. III, с. 171—332.

3. **Арасханьянц, 1887.** — А. Н. Арасханьянц. Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда, Елисаветпольской губернии// Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887, т. VI.

4. **Афанасьев, 1893.** — О. Афанасьев. Селение Костек, Хасав-Юртского округа, Терской области// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893, вып. 16, с. 85—100.

5. **Бежанов, 1894.** — М. Бежанов. Евреи в с. Варташен (Елисаветпольская губерния, Нухинский уезд)// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894, вып. 17, с. 111—127.

6. **Волконский, 1882.** — Н. А. Волконский. Трехлетие в Дагестане// Кавказский сборник. Тифлис, 1882, т. 6, с. 493—495.

7. **Гербер, 1760.** — И.-Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году// Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб, 1760, ч. XII, с. 291—308.

8. **Козубский, 1906.** — Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

9. **Крихели, 1945.** — А. Крихели. Исторический обзор пребывания иногородных (русских и европейских) евреев на Кавказе, 1804—1855 гг.// Труды Гос. историко-этнографического музея евреев Грузии. Тбилиси, 1945, т. 3, с. 135—173.

10. **Курдов, 1912.** — К. М. Курдов. Горские евреи Шемахинского уезда Бакинской губернии// Русский антропологический журнал, 1912, № 2—3, с. 87—99.

11. **Б. Миллер, 1929.** — Б. Вс. Миллер. Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы), Баку, 1929.

12. **Вс. Миллер, 1892.** — Вс. Ф. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб, 1892.

13. **Миллер, Ковалевский, 1884.** — Вс. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды// Вестник Европы. СПб, 1884, т. II, кн. 4, с. 540—588.

14. **Немирович-Данченко, 1911.** — В. И. Немирович-Данченко. В море. М., 1911.

15. **Обозрение, 1836.** — Обозрение российских владений в Закавказье в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении. СПб, 1836, ч. II—IV.

16. **Сумбатзаде, 1961.** — А. С. Сумбатзаде. Кубинское восстание 1837 г. Баку, 1961.

17. **Черный, 1870.** — И. Я. Черный. Горские евреи// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870, вып. 3, отд. 1, с. 1—44.

18. **Черный, 1878.** — И. Я. Черный. Горские евреи Терской области.// Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878, вып. 1, с. 309—314.

19. **Черный, 1884.** — И. Я. Черный. Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю (иврит). СПб, 1884.

20. **Шапиро, 1983.** — Ф. Л. Шапиро. Горские евреи//Сборник статей и материалов. Иерусалим, 1983, с. 74—109.

Основные источники по истории и этнографии горских евреев

1. **М. Альтшулер.** Евреи Восточного Кавказа (иврит). Иерусалим, 1990.

2. **И. Ш. Анисимов.** Кавказские евреи-горцы// Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888, вып. III, с. 171—332.

3. **М. Бежанов.** Евреи в с. Варташен (Елисаветпольская губерния, Нухинский уезд)// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894, вып. 17, с. 111—127.

4. **И.-Г. Гербер.** Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году// Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб, 1760, ч. XII, с. 291—308.

5. **Ицхак Давид.** История евреев на Кавказе. Тель-Авив, 1989.

6. **Б. Б. Маноах.** Пленники Саламанасара (из истории евреев Восточного Кавказа). Иерусалим, 1984.

7. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887, т. VI.

8. **А. Н. Арасханьянц.** Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда, Елисаветпольской губернии.

9. **Н. А. Абелов.** Экономический быт государственных крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов, Елисаветпольской губернии.

10. **Б. Вс. Миллер.** Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы), Баку, 1929.

11. **Вс. Ф. Миллер.** Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб, 1892.

12. **И. Я. Черный.** Горские евреи// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870, вып. 3, отд. 1, с. 1—44.

13. **И. Я. Черный.** Горские евреи Терской области// Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878, вып. 1, с. 309—314.

14. **И. Я. Черный.** Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю (иврит). СПб, 1884.

15. **Ф. Л. Шапиро.** Горские евреи//Сборник статей и материалов. Иерусалим, 1983, с. 74—109.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя **4**

Предисловие. Кто такие — эти «горские евреи»? **5**

Введение **14**
Таты и горские евреи 15
Источники по истории горских евреев 18

Раздел I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Глава 1. **От возникновения общины до присоединения Кавказа к России** **29**
Происхождение общины горских евреев 29
История горских евреев до начала XVII в. 32
История горских евреев в XVII—XVIII вв. 35

Глава 2. **История горских евреев в XIX — начале XX вв.** **51**
Горские евреи в период присоединения Кавказа к России и восстания Шамиля 51
Правовое положение горских евреев в XIX — начале XX вв. 57

Глава 3. **Советский период истории горских евреев** **69**
Горские евреи во время революции и гражданской войны на Кавказе 69
Между двумя мировыми войнами. Политика советской власти в еврейском вопросе на Кавказе 75
Горские евреи на фронтах Великой отечественной войны и в тылу 85
Горские евреи — жертвы Холокоста 88
Горские евреи в послевоенный период 94

Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Глава 4. **Сельское хозяйство** **99**
Налогообложение 99
Земельный вопрос 102
Табак, марена, виноград 108

Глава 5. **Торговля** **112**

Глава 6. **Ремесло и промышленность** **117**

Глава 7. **Экономическая жизнь горских евреев в советский период** **121**
Экономическое положение горских евреев в 1920-х гг. 121
Землеустройство горских евреев 125
Переселение в Крым *125*
Землеустройство на Кавказе *126*
Еврейские колхозы в Дагестане 137
Горские евреи в советской промышленности 141

Раздел III. ДЕМОГРАФИЯ И РАССЕЛЕНИЕ

Глава 8. **Динамика численности горских евреев** **147**

Глава 9. **Расселение горских евреев** **151**

Глава 10. **Горско-еврейские общины Азербайджана** **155**
Евреи Кубы 155
Евреи Варташена 160
Горские евреи в Баку 163
Евреи Ширвана 164

Глава 11. **Еврейские общины Дагестана** **166**
Еврейские общины дагестанских аулов 166
Евреи Дербента 173
Евреи Буйнакска 180
Горские евреи в Махачкале 180

Глава 12. **Горские евреи на Северном Кавказе** **182**
Еврейская община Нальчика 182
Горские евреи в Грозном 184

Глава 13. **Межобщинные и межнациональные отношения 186**
Взаимоотношения горских и ашкеназских евреев 186
Взаимоотношения горских евреев с мусульманами. Антисемитизм на Кавказе 189

Раздел IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Глава 14. **Религиозная жизнь 203**
Раввинат и раввины 206
Синагоги 216
История горско-еврейских синагог 216
Архитектура горско-еврейских синагог 219
Ритуальная утварь 221
Религиозные праздники 222
Песах 224
Шавуот 227
Тиша бе-Ав 227
Рош а-Шана. 228
Йом Кипур 229
Суккот 230
Симхат Тора 231
Ханука 231
Пурим 232

Глава 15. **Верования, обычаи, обряды 233**
Представления о загробной жизни. Ад и Рай 233
Демонология 238
Неиудейские обряды и праздники 244
Народная медицина и знахарство 248

Глава 16. **Обряды жизненного цикла 256**
Рождение ребенка и обрезание 256
Обручение, сватовство, помолвка, свадьба 261
Иуда Черный. Из статьи «Горские евреи» (1870 г.) 262
М. Бежанов. Из статьи «Евреи в с. Варташен» (1894 г.) 273
Илья Анисимов. Из монографии «Кавказские евреи-горцы» (1888 г.) 279
Похороны и поминки 300
Похоронный обряд 300
Поминальный обряд 307
Кладбища 310

Раздел V. ОБЩИНА, РОД, СЕМЬЯ

Глава 17. **Общинные структуры** **315**
Общинное руководство 315
Благотворительность и взаимопомощь в горско-еврейской общине 317

Глава 18. **Род** **324**
Кровная месть 324
Побратимство и гостеприимство 326

Глава 19. **Семья** **329**
Создание семьи 329
Положение женщины 333
Многоженство у горских евреев 336
Большая семья и патрономия 339

Глава 20. **Быт** **342**
Поселение и жилище 342
Костюм 349
Кухня 353

Раздел VI. КУЛЬТУРА

Глава 21. **Язык и письменность** **361**
Языковая ситуация: древнееврейский, русский, кавказские языки у горских евреев 361
Татско-еврейский язык 364
История изучения татско-еврейского языка 365
Татско-еврейская письменность: проблема алфавита 366
Бытование татско-еврейского языка 370

Глава 22. **Литература** **372**
Литература на иврите 372
Народная литература: певцы, сказители и рассказчики 373
Литература на татско-еврейском языке 375

Глава 23. **Издательская деятельность** **387**
Газеты и журналы 387
Книги и брошюры 389

Глава 24. **Театральное искусство** **394**

Раздел VII. ОБРАЗОВАНИЕ

Глава 25. **Религиозное образование** **399**
Начальное религиозное образование 399
Высшее религиозное образование 405
Илья Анисимов о традиционной религиозной школе 406

Глава 26. **Еврейская светская школа на Восточном Кавказе** **411**
Еврейская школа до и во время революции 411
Советская еврейская школа 416
Учебники 424
Грамотность в среде горских евреев 426

Глава 27. **Горские евреи в русской школе** **429**

Глава 28. **Профессиональное и высшее образование** **432**
Профессиональное образование 432
Первые горские евреи-интеллигенты 433
Горско-еврейская интеллигенция 435

Раздел VIII. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ И СТРАНА ИЗРАИЛЬ

Глава 29. **Связи Страны Израиля и Кавказа в XIX в.** **439**
Посланцы Святой Земли на Кавказе 439
Паломники и религиозная алия 441

Глава 30. **Сионизм и алия** **443**
Сионистское движение среди горских евреев 443
Алия. 1970-е — 1990-е гг. 447

Глава 31. **Горские евреи в Израиле** **451**

Заключение **454**

Литература **455**
Основные источники по истории и этнографии горских евреев 456

THE MOUNTAIN JEWS
History. Ethnography. Culture

Compiler & editor V. Dymshits
Editorial manager Y. Begun
Foreword by M. Chlenov

There is no single opinion on the origin of the Mountain Jews community. Yet they, themselves, zealously keep the legend that they are the descendants of the Biblical "lost ten tribes of Israel". The language, some traits of social culture and religious rituals bring the Mountain Jews community close to Jewish communities of the Iran and Middle Asia which are branches of the ancient Babylonian exile, dating back to the destruction of the First Temple.

Traditionally many of the Mountain Jews communities take up their residence in towns and mountain villages situated in the Eastern Caucasus (North Azerbaijan and Dagestan).

Since the collapse of the USSR in consequence of mass emigration communities of Mountain Jews have arisen in the USA and Germany, in big Russian cities. The largest community of the Mountain Jews emerged lately in State of Israel, a historical Homeland of the Jews — the country, which holiness was highly honored by the Mountain Jews during centuries.

Prof. M. Chlenov, a renown academic ethnographer, writes about the Mountain Jews: "In last years they became a part of urban life in the cities, where before only a few of them could be seen — in Moscow and Petersburg, in Tel Aviv and Vienna... People often mix them up with some others. For Muscovites they are 'azers', a part of large mass Caucasian emigrants. For Germans and Austrians they are Turks, which are now ordinary to the middle-German landscape. In Israel the Mountain Jews are somewhere in the middle between 'russim' — many hundred thousands emigrants from former Soviet Union, and 'sfardim' — huge masses of emigrants from Arab countries. And one can very often hear questions: Who are they, these Mountain Jews?"

This book gives answers to such questions. It based on the translation from Hebrew of the monography "The Jews of Eastern Caucasus" by Prof. M. Altshuler, of Jerusalem University. The translation was adapted to be suitable for this publication and it was added by several other sources, including ones written by the editor V. Dymshits. The book consists of 8 sections and 31 chapters.

1. Socio-Political History of Mountain Jews
2. Economic Life
3. Demographic Processes and Settlement Pattern
4. Religious Life and Customs
5. Community, Genus, Family
6. Culture
7. Education
8. Mountain Jews and Land of Israel

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ
История, этнография, культура

Художник *А. Заболотный*
Корректор *Г. Ежова*
Компьютерная верстка *А. Зубков*
Отв. секретарь редакции *А. Юдина*

Подписано в печать 25.05.99. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.
Усл. печ. л. 29. Тираж 1 тыс. экз. Заказ № 154.

Издательство ДААТ/Знание
совместно с Московской типографией № 2
Госкомпечати РФ
ЛР № 010334 от 18.06.99.
129085, Москва, пр-т Мира, 105.

Горские евреи: История, этнография, культура. / Сост. и ред. В. Дымшиц; Под общ. ред. И. Бегуна.— М.: ДААТ/Знание, 1999.— 464 с.

ISBN 5-86993-003-0

В советское время горских евреев, которые жили в Дагестане, Северном Азербайджане и районах Северного Кавказа, пытались объявить татами. Но их верность традициям и обычаям предков позволили выдержать и это испытание в ряду других, выпавших на их долю. Ученые ведут происхождение горских евреев от древнейшей еврейской общины Персии (от которой происходят также среднеазиатские или бухарские евреи). В последние годы, как результат массовых миграционных процессов, общины горских евреев возникают в регионах, далеких от их традиционного проживания: в России, США, Германии и — самая крупная в настоящее время — община горских евреев в Израиле.

Данная книга — достаточно полное и вместе с тем популярное изложение истории, культуры и образа жизни этой своеобразной еврейской общины.

ББК 85.113(2)1

Общины горских евреев веками жили на Восточном Кавказе, в Северном Азербайджане и Дагестане. О том, как их общины появились там существуют разные мнения. Сами горские евреи ревностно хранят легенду о том, что они – потомки десяти "потерянных колен израилевых", о которых рассказано в Библии. В последнее время общины горских евреев появились в США, Германии, крупных российских городах. Крупнейшая община горских евреев существует сейчас в Израиле, куда представители кавказских общин совершали благочестивые паломничества на протяжении веков.

Известный ученый-этнограф М.А.Членов пишет о горских евреях: "В последние годы они стали частью городской жизни там, где раньше лишь единицы расплывались в многоголосом хоре уличного шума – В Москве, в Петербурге, в Тель-Авиве и Вене... Чаще всего их с кем-то путают. Для москвичей они "азеры", часть огромной массы выходцев с Кавказа. Для немцев или австрийцев – часть турок, которые давно стали привычным элементом среднегерманского ландшафта. В Израиле они занимают место где-то посередине между "русим", многосоттысячной массой выходцев из Советского Союза, и "сфарадим", не менее многосоттысячной массой выходцев из стран Востока. И нередко на всех этих пространствах можно услышать вопрос – кто такие эти "евреи-горцы"? Где народились, откуда пришли, почему ушли?" Об этом и многом другом из истории и жизни этой необычной общины еврейского народа рассказано в этой книге.

